К.Н. Рябинин

Развенчанный ТИБЕТ

РАЗВЕНЧАННЫЙ ТИБЕТ

1928

ПОДЛИННЫЕ ДНЕВНИКИ
ЭКСПЕДИЦИИ Н.К. РЕРИХА

К.Н. РЯБИНИН

РАЗВЕНЧАННЫЙ ТИБЕТ

1928

*«НЕТ РЕЛИГИИ ВЫШЕ ИСТИНЫ
И МУДРОСТЬ — СВЕТОЧ ЕЕ»*

«Амрита-Урал»
1996

Книга представляет собой издание подлинных дневниковых записей К.Н. Рябинина.

Эти документы никогда бы не увидели свет и несомненно погибли бы, окончательно уничтоженные термитами, не попадись они случайно в январе 1992 г. на глаза российским дипломатам А.М. Кадакину и Б.С. Старостину в имении Рерихов в долине Кулу (Индия).

Рукописи *Дневников*
отредактировал и подготовил к изданию
А.М. Кадакин

Памяти В.В. Лизина,
директора издательства «Амрита-Урал»,
посвящается.

ISBN 5-86667-025-9
ЛР № 040409
Printed in Russia by Amrita-Ural Publishers

© «Амрита-Урал», 1996
© Оформление, «Амрита-Урал», 1996
© Предисловие, Б.С. Старостин, 1996
© Послесловие, А.Г. Топчиев, 1996
© Подлинники дневников, А.М. Кадакин, Б.С. Старостин, 1996

ПОДЛИННЫЕ ДНЕВНИКИ
ЭКСПЕДИЦИИ Н.К. РЕРИХА

К.Н. РЯБИНИН

РАЗВЕНЧАННЫЙ ТИБЕТ

Северная и Внутренняя Монголия.
Центральная Гоби. Цайдам.
Чантанг и снеговые хребты Тибета.
С фотографическими снимками из материалов Миссии.

1928

«АМРИТА-УРАЛ»
1996

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ВАРИАНТ ПРЕДИСЛОВИ ДЛЯ НЬЮ-ЙОРКСКОГО ИЗДАНИЯ

Глубокое творческое и эволюционно-культурное значение путешествий нашего знаменитого соотечественника Николая Рериха вызывает в течение последних лет живейшее внимание всего просвещенного и читающего мира. В книгах «*Гималаи*», «*Радости Сиккима*», «*Пути Благословения*» и «*Алтай – Гималаи*» мы имеем записи самого Учителя. Теперь же мы получили возможность предложить читателям дневники К.Н. Рябинина – доктора Миссии Рериха – и книгу магистра Ю.Н. Рериха – сына Мастера, всесторонне освещающие последний путь Учителя в Тибет.

Доктор К.Н. Рябинин является известным врачом, занимавшим высокое врачебно-административное положение в народном здравоохранении России, автором многих научных трудов. По своему разнообразию и богатству содержания, глубине высказываемых в нем мыслей дневник этот отвечает интересам и исканиям самых широких слоев современного мыслящего и просвещенного общества.

Впервые в печати прозвучало обоснованное личными наблюдениями суждение о недопустимости дальнейшего существования Тибета в его современном состоянии глубокого невежества. Таким же существенным является вывод о полной несовместимости высокого понятия буддизма с господствующим в Тибете ламаизмом как тяжелым наследием темного шаманства. Поэтому название «*Развенчанный Тибет*» наиболее точно характеризует современное положение этой до сих пор «таинственной и пресловутой страны».

Кроме маршрута Монголия–Гималаи, в дневнике К.Н. Рябинина и в книге Ю.Н. Рериха[1] даются описания маршрутов Кашмир–Ладакх–Хотан–Кашгар–Карашар – Джунгария, содержится подробная характеристика современной Монголии, упоминается об отдельных моментах деятельности Унгерна[2] и Дже-ламы[3], отмечаются особенности цайдамского говора, а также говорится о необходимости переоценки значения Тибета и о существующих неточностях в современных картах. Таким образом, дневники восполняют многое, еще не освещенное в литературе о Центральной Азии.

ДРАМА В ГОРАХ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Любезный читатель!

Перед Вами совершенно необычная книга. Это подлинные дневники Трансгималайской экспедиции Н.К. Рериха, написанные его соратником, участником экспедиции, петербургским врачом К.Н. Рябининым. Личность этого человека столь же легендарна, как и трагична. Талантливый врач и психолог, Константин Николаевич Рябинин глубоко интересовался и новейшими, и традиционными (особенно на Востоке) исследованиями в области человеческого духа, сам плодотворно экспериментировал. Он был вхож в высший свет тогдашней российской столицы, лично знал князя Ф. Юсупова, знаменитого доктора Дорджи Бадмаева и, как говорят, даже лечил семью Его Императорского Величества. Факты из жизни Рябинина переплелись с легендами; перед нами больше догадок и белых пятен, чем достоверно выверенной информации.

Совершенно очевидно, что определяющим в судьбе К.Н. Рябинина оказалось его длительное знакомство с семьей Рерихов и участие в Трансгималайской экспедиции на самом драматическом ее этапе. Много страшного и загадочного увидели путешественники летом, осенью и зимой 1927 г., весной 1928 г. в далеких Гималаях и на Тибетском плато, пережили множество проишествий, долгие месяцы подвергались смертельной опасности, не раз были на волосок от смерти и стали свидетелями чуда – своего воскрешения из мертвых объятий высокогорного плато Чантанга, в возможность чего уже никто не верил.

О Рерихах, их жизни и деятельности, художественном и литературном наследии написано много, особенно в последние годы, однако их культурное, научное и духовное наследие продолжает жить своей динамичной жизнью, по-прежнему будоражит умы и порождает нескончаемые дискуссии. И это совершенно закономерно, по-

скольку подлинная, а не эрзац-культура не имеет временных границ и, следовательно, бессмертна так же, как бессмертно и само человечество в его разумной космической ипостаси, в великой антиэнтропийной функции.

Культурное наследие Рерихов еще долгое время будет объектом всестороннего изучения, и нет уверенности, что оно когда-либо будет сполна освоено и до конца понято. Дело тут в том, что это наследие уникально как по своему объему, так и по многообразию исследовательских и художественных интересов, универсальности жанров, глубине проникновения в микрокосм человека и в макрокосм, его окружающий.

Личность Рериха-старшего представляет собой столь же уникальное русское явление в мировой культуре, как и его наследие. Николай Константинович постоянно и с неизменным успехом занимался археологией, живописью, причем не только пейзажами, но и иконописью, мозаикой, прикладным искусством и сценическим оформительством, он был оригинальным мыслителем, моралистом, искусствоведом, религиоведом, историком и этнографом, бесстрашным путешественником, исследователем фольклора и народной медицины; обширна его просветительская, литературная и миротворческая деятельность.

Думается, настало время избавиться от крайностей, с которыми отечественная наука, политическая идеология или литературная критика некогда подходили в оценке творчества российских патриотов, которые по многим причинам и в разные периоды истории *были вынуждены* находиться за пределами Родины. Увы, крайности эти приобретали всевозможные формы. От заклеймения позором российских эмигрантов до стыдливого замалчивания правды о них, от охаивания до безудержного восхваления, а от него подчас, под флагом «сказать всю правду», – до нового очернительства, сдобренного парадоксальным и даже сюрреалистическим соусом осуждения якобы конспиративной работы на «руку Москвы».

Н.К. Рериха как личность, как творца не миновало ни одно из этих обвинений. Не миновали, к сожалению, они и его друга К.Н. Рябинина. Нет надобности повторять, что большие люди долж-

ны оцениваться по большому счету – только в этом может состоять вектор объективности и справедливости. Тем более, что для такого подхода бесценными являются воспоминания, дневники, письма как их самих, так и людей, хорошо их знавших. В этом непреходящий смысл нашей публикации дневников К.Н. Рябинина.

Несмотря на все многообразие научно-творческой деятельности Н.К. Рериха, которое сделало бы честь целым научно-исследовательским институтам конца XX века, его наследие отнюдь не фрагментарно, а органически «нанизано» на несколько главных осей и строится вокруг ряда фундаментальных проблем.

Нет сомнений в том, что многие из этих главных философских и востоковедческих исканий Н.К. Рериха составляли мощный пласт научных и личностных интересов К.Н. Рябинина, пусть даже опосредованных его профессиональным и жизненным опытом.

Прежде всего, как представляется, с юношеских лет Н.К. Рерих глубоко задумывается над истоками и общими культурными корнями народов и цивилизаций, над закономерностями и природой социогенеза и этногенеза в различных частях ойкумены, почти одновременного ренессанса народов. Почему даже на самых ранних стадиях становления цивилизации в ее разных ареалах и Старого, и Нового света рождались схожие формы материальной и духовной культуры? Как шел процесс взаимодействия и взаимообогащения культур и каковы перспективы этого процесса?

Далее мы имеем в виду тему «времени» «кальп», «махакальп», а точнее континуума, и, в-третьих, тему космоса, связи целого течения русского космизма с космологическими представлениями индийцев и их философии. Время древнее в его социокультурном понимании, по Н.К. Рериху, уже содержит в себе цивилизационный генотип, который, реализуя себя через «мгновения» настоящего, в полной мере раскрывается в будущем. А если верна эта логическая посылка, то, стало быть, «эмбрионы» будущего могут быть вполне реалистично и материалистично обнаружены в прошлом времени и творческим потенциалом человека могут быть обращены в грядущее, еще пока не видимое никакой современной позитивной наукой.

Можно не сомневаться в том, что Н.К. Рерих уже не как художник или философ, а как «позитивный» ученый имел возможность познакомиться с тогдашними достижениями новой физики А.Эйнштейна, его теорией относительности, неразрывности пространства и времени. Хорошо известно, что Н.К. Рерих приглашал А. Эйнштейна к сотрудничеству с Институтом «Урусвати».

Вряд ли Н.К. Рерих мог тогда знать о разработке русским ученым В.И. Вернадским и французским палеонтологом и католическим священником П. Тейяр де Шарденом концепции «ноосферы», раскрывающей суть психизации жизни на Земле и перехода жизни и человека к сверхжизни и сверхчеловечеству. Наш знаменитый соотечественник опубликовал первую работу на эту тему лишь в 1944 г., а Тейяр де Шарден работал над книгой *«Феномен человека»* вплоть до 1948г.[4] Тем не менее, мысли Н.К. Рериха о космическом предназначении человека, его скором прорыве к новым высотам духовности во многом созвучны идеям ноосферы. Энергетика жизни в ее высшем человеческом воплощении приобретает в концепции Н.К. Рериха исключительно важное измерение – став всепланетным явлением, человечество вступает в процесс «цефализации» или в «психозойскую эру», Земля как бы обволакивается мыслительной пленкой, существующей и растущей совершенно объективно.

Симптоматично, что математические символы новой теории пространства и времени в трудах В.И. Вернадского наполнились биологическим содержанием, космос стал таким же живым, как на полотнах самого Н.К. Рериха. Может быть, символично и то, что недавно изданная московским издательством «Современник» фундаментальная книга о жизни и деятельности В.И. Вернадского в значительной своей части иллюстрирована репродукциями с картин Н.К. Рериха[5].

Наиважнейшими и определяющими сторонами общих интересов Н.К. Рериха, Е.И. Рерих и К.Н. Рябинина несомненно была духовность Востока, неисчерпаемые знания о человеке и универсуме, накопленные в течение тысячелетий индийскими мудрецами, все те феномены духа и природы, которые не может объяснить позитивная оксидентальная наука.

Вот что пишет в своих дневниках проницательный доктор: «Впервые с Н.К. Рерихом мы встретились в 1898 г. Живя в России, в Петербурге, я время от времени делился с Н.К. и его супругой Е.И. некоторыми своими мыслями и экспериментальными достижениями в области духа. Исключительный интерес к этим опытам и нашему обмену мыслей, проявлявшийся с их стороны, и понимание ими моих духовных запросов создали и укрепили нашу духовную близость. Помню, в то время мы много беседовали о великих духовных достижениях в Индии, об Учителях Востока, глубина мыслей и учения которых свидетельствовали о величайших познаниях духа, собранных и хранящихся в тайниках отдельных Центров посвящения и главным образом в Гималайском Братстве, существующем, по преданию, с давних времен. Последний центр был для нас всегда источником непреложного знания и истины. Путь туда мы полагали тогда проложить через Индию»[6].

О неразрывной связи человека с космосом много и глубоко размышлял Н.К. Рерих. В его произведениях не раз можно встретить утверждения о существовании еще не раскрытых наукой сил природы и энергетических полей, которые пронизывают универсум, а прикоснувшиеся или познавшие сущность этих сил Махатмы являют собой как бы посредников между человечеством и космическим разумом. В этом же направлении шел и духовный поиск К.Н. Рябинина.

Революция 1917 г. и полученная в 1918 г. Финляндией независимость на долгое время разлучили Рерихов и Рябинина, который спокойно воспринял революционные изменения и продолжал жить и трудиться в Петрограде–Ленинграде. Время от времени до Рябинина доходили отрывочные сведения о творческих достижениях Н.К. Рериха и его путешествиях. Весьма противоречивые сведения он получил и о пребывании Н.К. Рериха в Москве летом 1926 г. К.Н. Рябинин пишет: «Спустя полгода неожиданно для меня пришла из Урги[7] (Монголия) телеграмма с приглашением присоединиться к Миссии Н.К., срочно направлявшейся через Монголию в Тибет – страну, запретную для европейцев. Несмотря на обремененность служебными и личными делами, я не устоял перед такой возможностью, в несколько дней собрался и выехал в Ургу через

всю Сибирь до Верхнеудинска, а затем на автомобиле через Троицко-Савск, Кяхту[8] и пограничный пункт Алтах-Булак в Монголию. По пути, еще в Москве, я присоединился к американцам, друзьям и сотрудникам Н.К. Рериха, спешившим из далекой Америки с прощальным приветом в Ургу...»

Можно без преувеличения сказать, что экспедиция в этот последний и самый драматический год держалась на плечах и воле двух людей, не считая руководителя, а именно: Юрия Рериха и Константина Рябинина. Последнему приходилось несладко – сказывались и возраст, и отсутствие опыта подобных путешествий, а также огромная ответственность за жизнь своих коллег в экстремальных условиях. Тем не менее, энтузиазм и самоотверженность, воля и терпение помогали К.Н. Рябинину, как и Рерихам, стоически переносить все тяготы тяжелых горных переходов, скудость рациона и нехватку медикаментов.

Рерихи придавали большое значение ведению дневниковых записей, особенно в ходе экспедиций, систематически выполняя эту работу сами и тактично привлекая к ней других членов экспедиции, включая технических сотрудников. Интересны в этой связи признания П.К. Портнягина*, который отвечал за транспортное обеспечение экспедиции в 1927–1928 гг. «Сегодня, – отмечал он, – Е.И. прочла мне и доктору из своей тетрадки слова Учителя, в которых нам дается совет вести дневник путевых записей нашей Миссии... Получив совет вести дневник нашего путешествия, который должен был быть впоследствии опубликован, я сначала недоумевал, какое значение может иметь дневник человека, занимающего в Миссии техническую должность и не обладающего никакими специальными знаниями. Но впоследствии я понял, что при некоторой наблюдательности я могу дать читателям интересный материал, обрисовав, насколько это возможно, личность такого замечательного человека нашего времени, каким является Н.К. Рерих»[9].

* Дневники П.К. Портнягина готовятся к изданию и увидят свет в Издательстве «Амрита-Урал» в 1996 г. – *Прим. ред.*

Действительно, члены Миссии, каждодневно общаясь с Н.К. Рерихом в течение долгих месяцев экспедиции, имели великолепную возможность глубже узнать и отразить взгляды мыслителя по очень широкому кругу проблем. В дневниках членов экспедиции, в том числе К.Н. Рябинина, отмечены многие малопонятные явления, с которыми столкнулись путешественники. Само приглашение Н.К. Рериха, направленное К.Н. Рябинину с просьбой присоединиться к экспедиции, спустя многие годы отсутствия каких-либо контактов между ними уже в чем-то граничит с мистикой. Как будто руководитель экспедиции заранее знал, в каких нечеловеческих условиях она окажется и как важно для спасения участников присутствие в ее составе такого опытного врача-востоковеда, как К.Н. Рябинин.

Экспедиция отправилась в путь из Урги в Тибет 13 апреля 1927 г., и ничто не предвещало будущей драмы в тот солнечный весенний день. Хотя с первых дней пути выяснилось, что арендованные автомобили никуда не годились, постоянно выходили из строя, а из пяти водителей дорогу при тогдашнем бездорожье более или менее знал только один, – первые недели путешествия были в целом благополучными. От автомобилей, правда, вскоре пришлось отказаться – местность становилась для этих средств передвижения все менее пригодной, и караван приобрел свой исконный вид: лошади, верблюды, мулы. Но не только менялся ландшафт, сама обстановка, если говорить современным языком, становилась все более криминогенной – все чаще можно было встретиться с вооруженными бандами Дже-ламы[10], а, стало быть, денно и нощно нужно было быть готовым отбить вооруженное нападение.

Время от времени в дневниках Н.К. Рябинина мы встречаем туманные намеки на *особое* предназначение Миссии: «Путешествие это незабываемое и единственное как по высоте и чистоте Миссии, возложенной на Н.К., так и по тем Указам и впечатлениям, о которых я здесь умолчу, но которые прокладывают наш путь, заставляя забыть о существовании газет и телеграфных агентств, столь необходимых на Западе»[11].

Но вот 5 августа все члены экспедиции-россияне до совпадения в деталях опишут явление, трудно объяснимое, которое некоторые

из них расценили бы как явный знак и символ одобрения со стороны Высших Сил, направлявших Миссию Н.К. Рериха.

«Около половины одиннадцатого утра, – сообщает К.Н. Рябинин, – мы заметили большого черного орла, пролетевшего с запада на восток, – такой величины птицы здесь редки; вслед за этим мы обратили внимание, что бурят Цультим смотрит на северо-восток. Приблизившись к нему, мы увидели на очень большой высоте ярко белевший объект, быстро и плавно двигавшийся в южном направлении хребта Гумбольдта. Успели принести три бинокля, и все присутствовавшие при этом семь человек внимательно наблюдали это явление.

Хотя объект уже удалялся, в бинокль мы успели хорошо разглядеть его округлую, продолговатую форму, а также отметили наличие освещения с одной стороны; по словам наблюдавшего также Н.В., объект, вначале постепенно удалявшийся, вдруг повернул под определенным углом и скрылся в южном направлении. Были высказаны предположения об аэростате, а среди бурят – о воздушном шаре, пущенном китайцами с «парами бензина». Мы улыбались последнему предположению, так как ближайший пункт, откуда мог быть пущен шар, – это Сучжоу, находящийся на расстоянии шести дней пути, причем все эти дни, как и вообще во все это время года, ветер был определенно западный.

Н.К. при этом вспомнил явление, наблюдавшееся в Санкт-Морице, свидетелем которого был также тогдашний его спутник Я. В тот раз на безоблачном небе над отелем «Suvretta Haus» наблюдалось необычайно быстрое образование резко очерченного облачка, которое быстро начало вращаться и потом вдруг исчезло»[12].

На следующий день нероссийская часть экспедиции, представленная монголами, бурятами и тибетцами, прокомментирует увиденное накануне странное небесное явление как «воздушный аппарат Братства, возвращающийся из-под Мукдена в Тибет для выполнения поручения к Таши-Ламе». Что это было на самом деле, был ли в этом явлении некий знак «одобрения или предостережения» экспедиции? Придет время и мы узнаем истину. Но вот странное совпадение. Ровно через неделю, 12 августа, члены экспедиции были вновь озадачены, причем больше, чем увиденным ранее.

«В 5 ч. дня произошло необычное событие: на прекрасной нездешней лошади быстро подъехал всадник в богатом, расшитом золотом, из китайского шелка малиновом халате, отороченном мехом, под ним такой же роскошный шелковый кремовый расшитый халат, на ногах всадника – новые китайские сапоги хорошей работы, а на голове – высокая ламская парадная шапка с красной кистью. Вся одежда на нем была театрально новая; ни багажа, никаких вещей при нем не было. Встреченный нами, он с любезными поклонами быстро шагнул в мою палатку, где был Н.К., и, озираясь, начал как-то растерянно и сбивчиво спрашивать, куда мы едем, не в Лхасу ли. ... Затем он спросил, кто переводчик, и сказал, что имеет для нас тайное сообщение. Н.К. сказал Кончоку, чтобы он пригласил приехавшего в другую палатку и наедине допросил его. Необычный гость начал беседу с обращения: "Мы ведь с вами одних воззрений". ... Его тайная весть заключалась в том, что он приехал будто бы уведомить нас об аресте прежде упоминавшегося монгольского посольства в Нагчу и о том, что тибетским правительством получены сведения о продвижении русских («оруссо») от Шибочена, почему в район Нейчжи и были выдвинуты сильные охранительные отряды, причем наш молодой таинственный доброжелатель предупреждал нас, чтобы мы при приближении к Нейчжи проявили осторожность и предварительно выслали разведку. Кончок признал в пришельце лицо, близкое монгольскому посольству, а его поклоны субургану тот же Кончок нашел искусственными. Нарядный пришелец вскочил на коня и растворился в той же таинственной дали, откуда и появился»[13].

Возможно, в этом эпизоде удивляет не столько нарядная одежда нежданного гостя, сколько его безошибочное знание, в какой палатке в данный момент находился Н.К. Рерих. Характерно и то, что встреча произошла одновременно с двумя людьми, от действий которых в наибольшей степени зависела жизнь Миссии – ее руководителем и доктором К.Н. Рябининым. Нельзя исключать, что некие, вполне земные, а не небесные силы старались предупредить путешественников о смертельной опасности, их поджидающей.

Как бы то ни было, в начале октября, когда до таинственной Лхасы оставалось 8–14 дней пути, а до поселения Нагчу – всего несколько дней, экспедиция была задержана тибетскими военными. Собственно, в первые дни общения с генералом Восточного Тибета и губернаторами Нагчу создавалось впечатление, что речь идет лишь о некоторых формальностях, а не о коварном и варварском пленении, рассчитанном, как потом оказалось, на физическое уничтожение всего каравана.

Согласитесь, оказаться арестованными в горах, не иметь возможности двинуться ни вперед, ни назад, осознавая при этом свое полное бессилие что-либо изменить, – ситуация малоприятная. Но положение экспедиции Рериха было куда более плачевным. Наступила страшная высокогорная зима с сильными метелями и пронизывающими ледяными вихрями, жестокими морозами, голодом и болезнями. Тибетский генерал попросил остановить караван на несколько дней, но затем он уехал, а плен экспедиции затянулся на долгие пять месяцев.

В своих дневниках Н.К. Рерих назвал эту вынужденную зимовку «стоянием» и отметил, что о нем можно было бы написать целую книгу, полную грустных и драматических эпизодов. «Что и где произошло, – повествовал Н.К. Рерих, – мы не могли понять, но письма, посылаемые нами Далай-Ламе и губернатору в Нагчу, возвращались обратно, часто в изорванном виде... Кончались лекарства, кончалась пища. На наших глазах погибал караван. Каждую ночь иззябшие голодные животные приходили к палаткам и точно стучались перед смертью. А наутро мы находили их павшими тут же, около палаток, и наши монголы оттаскивали их за лагерь, где стаи диких собак, кондоров и стервятников уже ждали добычу»[14].

Из ста двух животных погибло девяносто два. Пятеро сопровождавших человек остались на тибетских нагорьях, так как люди жили в летних палатках, не приспособленных к зимовке на Чантанге, который считается наиболее суровой частью Азии. Ссылаясь на дневник П.К. Портнягина, хотелось бы процитировать: «Жители за много лет не припомнят такого большого снега, что выпал в этом году. Последняя ночь перед Нагчу была очень холодной, наш термометр,

показывающий только до –25° С, зашкалило, что часто случалось и ранее, но, судя по тому, что коньяк, стоявший на столе в палатке доктора, за ночь замерз, можно сказать, что мороз доходил до –45° С»[15].

В караване было немало смелых и преданных Николаю Константиновичу людей, достаточное количество оружия. Вот что пишет в своем дневнике Ю.Н. Рерих: «Пришлось озаботиться приобретением некоторого оружия, а также обучением служебного состава элементам пехотного боя. На вооружении экспедиции имелись две русские драгунки, изделия тульских заводов... Крайне недобросовестно изготовленные... Восемь германских карабинов приобретены в Монголии. По большей части несколько расстрелянные. Единственное имевшееся в продаже оружие в Урге. Один хороший охотничий штуцер системы «маузер», образца 1910 г. Один хороший охотничий карабин – марлин. Две охотничьи двустволки. Одна русская пехотная винтовка... Один русский револьвер – наган. Один швейцарский наган. Один автоматический пистолет – маузер. Три карманных браунинга. Один револьвер оружейного завода в Бельгии. Предполагалось еще снабдить служебный состав экспедиции казачьими (степными) седлами. Но заказанные седла вовремя доставлены не были...»[16].

Экспедиция не боялась встреч с разбойничьими шайками, шныявшими по горным и степным дорогам тогдашней Азии, ведь в экспедиции были люди, хорошо владевшие оружием: сам Николай Константинович, Юрий Николаевич, полковник Кордашевский, Портнягин.

Тогда возникает вопрос, почему даже перед лицом гибели экспедиция не пыталась себя освободить, добраться до Нагчу и там с губернаторами окончательно прояснить обстановку. Ведь вся охрана состояла из пяти тибетских солдат, давно потерявших бдительность и, как сообщается, постоянно пьянствовавших. Сам Н.К. Рерих в своих дневниках не раз с сарказмом писал о воинских «доблестях» тибетцев. Объяснение этому можно дать одно: глава экспедиции был против любых нарушений местных законов и обычаев, даже если они не имели ничего общего с законностью, моралью и простым здравым смыслом. Да и верил ли Н.К. Рерих, что в Нагчу он сможет

о чем-то договориться с губернаторами, тем более, что несколько встреч с ними имели место в период «стояния»?

Итак, несмотря на все жертвы и страдания экспедиция пережила ту страшную зиму. Рерих в очередной раз победил мракобесие, чьи-то коварные происки, жестокие условия «стояния». В этом, конечно, сказался уже накопленный опыт гималайских путешествий, недюжинные здоровье, воля и оптимизм руководителя экспедиции, членов его семьи и ближайшего окружения.

В Лхасу, однако, экспедицию так и не пропустили. После долгих переговоров с военными и властями в Нагчу остатки каравана пополнились мулами, яками, лошадьми; подвезли также и продовольствие; и обходным путем он двинулся к Индии. К концу мая путешественники добрались до Дарджилинга – района, который и по сей день считается производителем лучших сортов индийского чая.

В тот памятный 1928 г. сам Н.К. Рерих вряд ли догадывался об истинных причинах пятимесячного ареста экспедиции – слишком абсурдными показались бы эти причины. Свет на это был пролит позже. Британская разведка и английские колониальные власти, а может быть, и не только они, с пристрастием следили за передвижениями русского художника. Интерес, видимо, подогревался его недавним визитом в Москву, встречами с наркомами «красного» правительства, нескрываемыми симпатиями по отношению к постреволюционной России. С другой стороны, существовали доверительные контакты Рериха с Махатмами – этими духовными водителями Востока, выдвигавшими идеи единения Советов со всем буддийским миром. А не выполняет ли этот бородатый художник какую-то секретную миссию Кремля, способную подорвать влияние британской короны в Азии? Может быть, именно этот вопрос не давал покоя полковнику Бэйли[17] – английскому резиденту в Сиккиме, проявлявшему к Рериху мнимое радушие.

Один из представителей британской администрации впоследствии вспоминал: «Зная очень мало о жизни и деятельности этого художника, писателя, исследователя, археолога и гуру[18], мы посетили Рерихов в их поместье в Наггаре в сентябре 1931 г., предварительно получив из Симлы инструкции попытаться определить, является ли

профессор русским шпионом. Я предполагал, что его путешествия по Центральной Азии послужили источником подозрений, что он играет запоздалый раунд в «большой игре»[19], особенно учитывая его поездку в Москву в ходе экспедиции 20-х годов. Как бы то ни было, я не имел ни малейшего представления, как проводят тест на принадлежность к шпионажу, и, когда мы посетили «Холл Эстейт», я просто завязал интересный разговор об индийской философии, которую Николай Рерих знал глубоко»[20].

Автор не сообщает, какое донесение он отправил после этой встречи властям в Симле, но тогдашнюю логику действий британской разведки, по-моему, передал довольно четко. Эта логика чуть не привела к гибели бесстрашных русских исследователей «сердца Азии», пусть даже и под американским флагом.

Но среди наших размышлений относительно драмы в горах остается одно не очень понятное обстоятельство, на которое у нас пока нет ответа. Как же могли люди, прошедшие через все испытания, расстаться так просто и прекратить все контакты? Расставание происходило в Северо-Восточной Индии в долине величественной реки Брахмапутры. Вот что пишет об этом доктор Рябинин: «Эта величайшая и могучая река – та грань, у которой все мы, европейцы, сопровождающие Н.К. и Е.И., должны с ними расстаться как с руководителями, ибо дальнейшего их пути не должны знать. Оба они полны энергии. Не вестник ли из Шамбалы будет сопровождать их? При расставании я горячо благодарил Н.К. и Е.И. за всю их заботу в пути, руководство, советы и доброе отношение. Не мог удержаться и спросил Н.К.: “Была ли проблема переоценки Тибета для вас неожиданной? Ведь по некоторым данным можно было думать, что вы шли в Тибет хотя и с благими намерениями, но с полным внутренним сознанием его тяжкой действительности”. Н.К. как-то задумчиво улыбнулся, смотря вдаль, и ответил: “Устремление – ладья Архатов”[21]. Встретимся ли мы с Н.К.? Где и когда? Вот вопрос, который я задаю себе и теперь, как и много лет тому назад при расставании. А может быть, увидимся вскоре...»[22]

Увы! Рябинин никогда уже не встретится с Рерихами. После возвращения в Советский Союз он будет через некоторое время аре-

стован по нелепому обвинению «за связь с иностранными разведками» и проведет в тюрьмах и ссылках долгие годы. Умер Константин Николаевич у себя на родине в Муроме на семьдесят седьмом году жизни.

По большей части в публикуемом дневнике К.Н. Рябинина описывается то, что происходило с экспедицией в Тибете. Здесь много уникальных сведений географического характера, о флоре и фауне этого высокогорного края, о верованиях и обычаях тибетцев и других народностей, о суевериях, о разительных социокультурных контрастах и о многом другом. Но что же такое Тибет и в чем его исторические особенности? К.Н. Рябинин не ставил перед собой задачу даже краткого изложения истории Тибета, который часто называют «Крышей Мира».

Название это за Тибетом закрепилось неспроста – расположен он в Гималаях, к северу от Непала и северо-восточных штатов Индии на высоте 4 тысячи метров и более над уровнем моря. Ныне он входит в состав Китая в качестве Тибетского автономного района, но на протяжении столетий был самостоятельным государством с сильной религиозной властью.

Давно кончились альпийские луга, водопады и отдельные самые стойкие гималайские сосны, далеко внизу парят орлы, кругом красноватые скалы, в расселинах между ними не тающие даже летом ледники, облака, часто виднеющиеся ниже узкой высокогорной дороги, гордо именуемой стратегическим шоссе. Суровый мир красок и пейзажей, неведомых долинам, хрустальный, уже теряющий кислород воздух, звенящий в ушах...

Тибет всегда интересовал и притягивал Рерихов и Рябинина. Этногенез этого горного народа, его недостаточно изученная история и культура пленили их своей первозданностью, им казалось, что здесь в нетронутом виде сохранились обычаи и верования, давно «размытые» в других местах. Нет, Н.К. Рерих далеко не идеализировал «Крышу Мира», хорошо знал ее разительные социокультурные противоречия и контрасты. «С одной стороны, – писал он, – мы видим глубокие знания и замечательное развитие психической энергии. С другой же стороны, полное невежество и бесконечный мрак.

С одной стороны, мы видим преданность религии, хотя бы и в условной форме, с другой же стороны, мы видим, как утаивались деньги, пожертвованные на монастыри, и произносилась ложная клятва «тремя жемчужинами» Учения.

С одной стороны, видим уважение к женщине и избавление ее от тяжелых работ, с другой стороны, нелепый для современности институт полиандрии. Странно подумать, что это многомужество как-то уживается с заветами буддизма, хотя бы в ламаистической форме»[23].

Легенды гласят, что история Тибета насчитывает несколько тысячелетий. В соответствии же с научной версией основу тибетского народа составили племена цянов, пришедшие на высокогорное плато где-то в VI–V вв. до н. э. Н.К. Рерих, правда, считал этногенез Тибета менее познанным и более сложным. Как бы то ни было, систематизированные исторические сведения о священной стране становятся доступными со времени прихода туда из Индии буддизма в VII в. Примерно тогда же в Тибете возникает письменность и благодаря ей в переписанном на тибетский язык варианте сохранились некоторые древние буддийские трактаты, оригиналы которых были или уничтожены, или навсегда утрачены в Индии. К этому же времени произошло объединение тибетских племен, расширение первоначальных границ их расселения, возникла тибетская империя.

XIV в. в духовной истории Тибета занимает особое место. Хотя уже в VIII в., т. е. спустя столетие после прихода на плато, буддизм был объявлен государственной религией, существовал он в виде нескольких сект, между которыми впоследствии усилилась вражда, особенно после их превращения в своеобразные теократические государственные образования. В конце XIV в. возникла новая буддийская секта гелуг-па, что означало «желтошапочники». Ей суждено было стать господствующей и на столетия определить духовные и светские судьбы тибетцев. Дело в том, что начиная с XVI в. глава этой секты носит титул Далай-Ламы. В следующем столетии он приобрел реальную, никем не оспариваемую власть, став духовным и светским правителем страны. Им был Далай-Лама V по имени Агвант-лобсанг-джамцо. Он считается основателем тибетской теократии, выдающимся государственным деятелем, ученым и архитектором своего

времени. При нем был построен знаменитый дворец Потала, венчающий столицу заоблачного государства.

Потала – это вершина традиционной тибетской архитектуры, вершина и в прямом, и в переносном смысле. Мощное сооружение, кажется, вырастает прямо из скал, служит их органичным продолжением. Залы и комнаты средней и верхней террас выкрашены коричнево-красной охрой. На террасах расположились священные пагоды, где покоятся останки Далай-Лам; их апартаменты сохраняются, как говорят, в первозданном виде.

Ранее было отмечено, что Далай-Лама приобрел никем не оспариваемую власть. Это так, но лишь с внутриполитической точки зрения. Власть эта неоднократно оспаривалась извне. Уже в XVII в., когда Китай целиком был завоеван маньчжурами, Тибет тоже включили в состав последней в ходе длительной китайской истории Цинской династии. Цинский двор назначал в Лхасу своих резидентов – амбаней. Однако тибетское правительство формально оставалось независимым. В конце XIX–начале XX вв. до Тибета добрались английские колонизаторы. В августе 1904 г. британские войска, практически не встретив сопротивления, вступили в Лхасу. По подписанному договору Великобритания получила серьезные привилегии на «Крыше мира», но воспользоваться ими не успела из-за вмешательства императора России. Вмешательство было хоть и дипломатическим, но достаточно твердым, поскольку завершилось оно подписанием в 1907 г. англо-русского соглашения, по которому обе стороны взяли обязательства не вмешиваться во внутренние дела Тибета и уважать его территориальную целостность. Не к этим ли событиям уходят корни той подозрительности, с которой британские власти относились к экспедиции Н.К. Рериха и особенно к его стремлению посетить Тибет?

В ходе Синьхайской революции в Китае (1911–1913 гг.) Цинская династия рухнула, и Далай-Лама XIII заявил о разрыве всех отношений с Китаем. Очевидно, судьба Тибета в последующие десятилетия, тем не менее, продолжает зависеть от событий в самом Китае. Действительно, спустя год после прихода к власти коммунистов в судьбе «Крыши мира» наступил очередной коренной поворот. Части

китайской армии вошли в Тибет, и вскоре власти Тибета подписали с представителями правительства КНР «Соглашение о мероприятиях по мирному освобождению Тибета», по которому Тибет административно включался в КНР как Тибетский автономный район. По сей день некоторые задают вопрос, от кого китайская армия освобождала Тибет. Вразумительных ответов нет. Правда, многое, происходившее в мире, да и в нашей стране в те годы, было непонятным, а то и абсурдным.

И, видимо, последние, известные детали новейшей истории Тибета. К концу 50-х гг. обстановка в Тибете стала обостряться. В марте 1959 г. началось восстание лам в Лхасе. Оно было подавлено частями китайской армии. Далай-Лама и тысячи его приверженцев эмигрировали в Индию, основали в Дхармшале (штат Химачал-Прадеш) свою мини-Лхасу, где, возможно, и сохраняются философско-религиозные традиции Тибета.

Ламаизм, как религия и философия Тибета, в русле северного буддизма махаяны весьма эклектичен. Вбирая в себя основополагающие идеи буддизма, ламаизм глубоко связан с магией и местными добуддийскими культами. Впрочем, в этом отношении он неоригинален, потому что такие же переплетения мы встречаем и там, где преобладает буддизм хинаяны – южного первозданного направления – в Шри-Ланке, Бирме, Таиланде. Философия ламаизма изложена в наиболее полном виде в двух канонических трактатах – Канджуре и Танджуре, – причем второй включает в основном комментарии к текстам первого. Большой вклад в изучение культуры Тибета в целом и ламаизма в особенности внес Юрий Николаевич Рерих.

В заключение необходимо хотя бы вкратце рассказать о том, как были найдены и возвращены к жизни почти из небытия дневники доктора К.Н. Рябинина.

Не будем скрывать, что каждый раз, когда мы, российские дипломаты, приезжали в поместье Рерихов в долину Кулу в том же штате Химачал-Прадеш, нас охватывали противоречивые чувства. С одной стороны, всегда было радостно снова встретить в далеких Гималаях уголок русской природы с вековыми липами и ромашками, увидеть скромный дом, в котором много лет жило и работало

дружное семейство Рерихов, услышать величественную тишину окружающих гор и пение горной реки Беас. С другой стороны, появлялось печальное чувство: поместье охвачено тленом, разрушается институт «Урусвати», все большее запустение видится в жилом доме, умирает огромный фруктовый сад. Много раз в Дели мы обстоятельно обсуждали судьбу поместья с сильными мира сего, как индийскими, так и нашими, наведовавшимися сюда из Москвы. Друг семьи Неру – Ганди, советник-посланник посольства А.М. Кадакин однажды напрямую говорил об этом с Радживом Ганди, который тогда был премьер-министром Индии. Они все внимательно выслушивали, огорчались, обещали дать указания и предпринять какие-то шаги. Но в отношении Кулу все оставалось без движения. Правда, решающую роль в возвращении наследия Рерихов в Россию – 4,5 тонн архивов и более 400 полотен Николая Константиновича – сыграл как раз Раджив Ганди.

Где-то в конце октября 1991 г. мы, по традиции, направили небольшую делегацию в Кулу для проведения там Рериховского семинара, установления контактов с новым главным администратором района, а также для подготовки усадьбы к зимнему сезону. Делегацию возглавил посол А.М. Дрюков.

И вот, наконец, мы добираемся до цели. Раньше нам не приходилось бывать в этих местах в конце октября – начале ноября, но почему-то было убеждение, что погода стоит хорошая, хотя ночью ртутный столбик может опускаться до нуля. Действительно, долина Кулу красива и в этот осенний месяц, сады подготовлены к зиме, многие деревья на склонах гор стоят в красно-золотом наряде. Туристский сезон уже закончен, поэтому без труда можно остановиться в любом отеле и наслаждаться торжественным спокойствием природы, ожидающей прихода зимы.

В поселке Наггар, который расположился в горах, высоко над долиной, мы внимательно осмотрели поместье Рерихов. Через некоторое время подъехал главный администратор района Кулу, и снова разговор пошел о том, как возродить поместье и институт «Урусвати», вдохнуть новую жизнь в этот мемориальный комплекс.

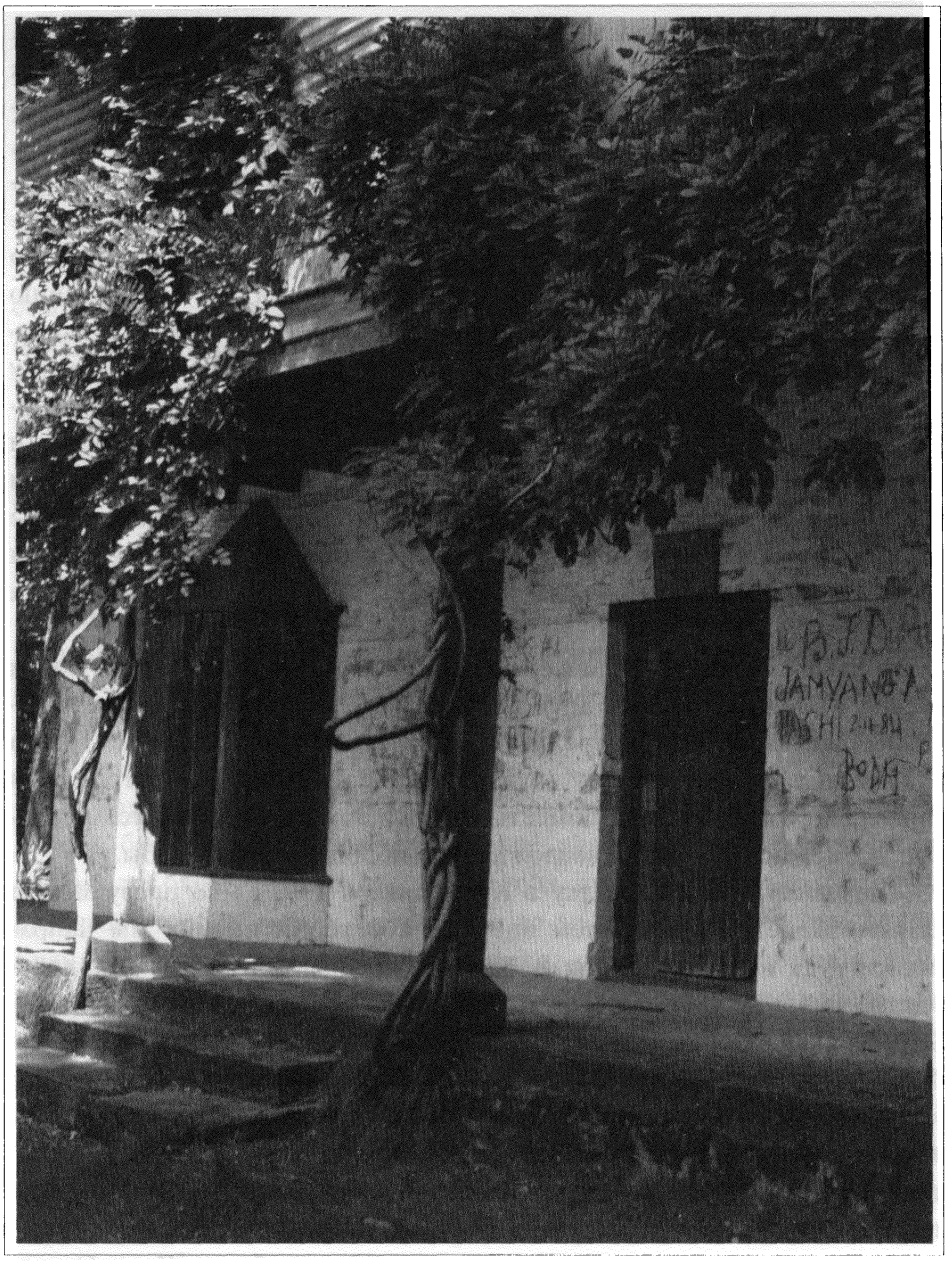
Солнце уже закатилось за горы, когда мы вернулись в гостиницу. На небе показался еще не яркий серебряный месяц, в этих широтах всегда лежащий на «спине». В горах зажглись редкие огоньки, напоминающие «летающие тарелки», зависшие в голубой вечерней дымке.

В обстановке величественного покоя Гималаев и думать, и говорить всегда хочется о чем-то большом и священном. Под впечатлениями дня тема Рерихов снова стала центральной. Как-то незаметно в ходе беседы возник план возможных действий по возрождению поместья, превращению его в подлинный мемориальный и культурный комплекс. Было решено обратиться к Святославу Николаевичу Рериху с идеей создания Международного мемориального треста Рерихов, который под его руководством возьмет на себя управление и возрождение поместья в Наггаре. Трест представлялся как открытая и широкая международная организация, но роль ее главной опоры все-таки должны были играть Россия и Индия, так как сами Рерихи всегда символизировали собой духовный мост между этими двумя странами.

Прошел месяц, и к нашей радости А.М. Кадакин, ныне посол России в Непале, давний друг Святослава Николаевича Рериха, привез из Бангалора его генеральную доверенность на создание Треста и документ о передаче ему (а в принципе России) под патронаж и управление гималайского поместья «Холл Эстейт». Открылись реальные возможности начать возрождение заброшенной усадьбы.

Следующую нашу поездку в Кулу (январь 1992 г.) по праву можно назвать экспедицией, причем впервые в истории имения мы направились туда не как туристы и благонамеренные друзья, а как доверенные лица единственного законного владельца «Холл Эстейт» – С.Н. Рериха[24]. В Гималаях наш «рафик» попадал в снежные заносы и каменные завалы, буксовал, приходилось его вызволять из сугробов, как говорится, голыми руками. Тем не менее, до места добрались, правда, с опозданием, отогрелись, переночевали, а на следующий день принялись за дело вместе с миссионеркой из Германии, нынешней управляющей имения сестрой Урсулой Айхштадт.

Самым юным участником поездок в Наггар была Женя Старостина, которой тогда было 10 лет. Именно она, вместе со взрослыми



Одно из разрушающихся зданий Института «Урусвати».

расчищая здание бывшего Института «Урусвати», раскопала под полуистлевшими журналами, где лежали высохшие мертвые змеи, в одном из ящиков покрытую плесенью стопку старых общих тетрадей, аккуратно перевязанную бечевкой.

В гостинице мы очистили тетради от шестидесятилетней пыли, обработали антисептиком, спасающим бумагу от грибковых болезней и от «бумагоядных» насекомых. Последующее изучение находки показало, что это – *полный текст подлинных дневников доктора К.Н. Рябинина* за драматический период его участия в экспедиции Н.К. Рериха. Пусть находка Жени носит скромный, так сказать, локальный характер, но вспоминается ситуация со Шлиманом, обнаружившим легендарную Трою. «Археолог напряженно смотрит в землю, его дочка поднимает глаза к своду: «Папа, смотри, а на потолке картинки...»[25] Воистину, молодые и любознательные способны увидеть больше нас.

Вот те мысли и дополнительные сведения, которыми мы хотели бы поделиться предваряя путевые дневники доктора К.Н. Рябинина. Теперь же приглашаем уважаемого читателя в уникальное по своей достоверности путешествие по Трансгималаям.

Выражаем глубокую признательность за любезно предоставленные нам уникальные иллюстративные материалы к данной книге директору Музея Н.К. Рериха в Нью-Йорке д-ру Даниэлю Энтину (США), известному рериховеду, Президенту Общества Рерихов Майклу Брину (Австралия) и г-ну Дж.П. Бирле (Индия). Приносим искреннюю благодарность сотрудникам Издательства духовно-этической литературы «Амрита-Урал» в лице его директора и главного редактора В.В. Лизина, без деятельного содействия и радения которых дневники К.Н. Рябинина вряд ли были бы подготовлены к публикации в столь сжатые сроки.

Б.С. Старостин
доктор философских наук,
профессор МГИМО МИД РФ.

Ю.П. Старостина,
кандидат исторических наук.

НАПУТСТВИЕ УЧИТЕЛЯ ВОСТОКА

Незабываемо знать, как идут путники во имя строения Мира, когда удобства городов простирают к ним объятия, а они предпочитают зной и стужу; когда мелкая собственность уносит лучшие умы, они смело решают отдать серебро труда.

Погружаясь в обычность очевидности, они сохраняют необычность действительности. Опасности лежат мостами достижений, и ночные светила являют путь. Одарено стремление и заложены магниты нахождений. Свидетельствую путь незабываемый.

ОТ АВТОРА

Отдавая этот Дневник для издания, прежде всего должен сказать, что все, в нем описанное, отвечает действительности; это человеческий документ наших мыслей и переживаний во время длительного и подчас полного тяжелых испытаний путешествия в страну снегов и высоких горных хребтов, в мало кому еще известный до сих пор Тибет. Некоторые места, которыми мы прошли, доступны только в определенное время года. Шли мы не всегда обычно принятыми и безопасными путями, спасаясь ночными переходами и от остатков шаек Дже-ламы, и от панагов и голоков. Только пройдя хребет Танла, ступили в область дикого, но мирного пастушеского племени хоров, оставив к востоку земледельческую область Тибета, населенную племенами К'ам[26].

Некоторые страницы дневника о *Гималайском Братстве*, или запретной области *Шамбалы*, о легендарном, но ***действительно существующем*** метеорите, называемом *Сокровище мира*, или *Чинтамани*, могут показаться просвещенному читателю, не вникавшему глубоко в литературу, касающуюся этого вопроса, или просто не имевшему ее под рукой, если не вымыслом, то просто суеверием. Но прошу принять во внимание, что автор дневника переступил уже пятидесятилетний возраст, вооружен естественно-научными и медицинскими познаниями, известен рационалистическими воззрениями и основывается не только на литературных данных по этому вопросу, но и на тех фактах, свидетелем которых он был.

В третьей Книге Учителя Востока говорится: *«Географ может успокоиться, Мы занимаем на Земле определенное место. Неудовлетворенный общинник может утвердиться в сознании практического существования Общины».*[27] И еще: *«Вы уже слышали от достоверных путешественников, как проводники отказываются вести в некоторых направлениях. Скорее они дадут убить себя, нежели поведут вперед.*

Так и есть. Проводники психологизированы Нами. Но если неосторожный путник все-таки пойдет вперед, перед ним загремит горный обвал. Если путник осилит это препятствие, то дождь щебня унесет его, ибо нежеланный в Общину не дойдет. Обрушьте горы на защиту Общины!»[28]

Во второй Книге того же Учителя Востока читаем нижеследующие строки: *«Почему же трудно принять, что группа, получившая знания путем упорного труда, может объединиться во имя Общего Блага? Опытное знание помогло найти удобное место, где токи позволяют легче сообщаться в разных направлениях.*

Вы, конечно, слышали рассказы путешественников о нахождении в пещерах неизвестных йогов. Если вы продолжите этот факт в направлении обширного действенного знания, вы легко дойдете до ощущения группы Учителей Знания.

Как же найти путь к Нашим Лабораториям? – Без зова никто не дойдет. Без Проводника никто не пройдет!»[29]

На страницах той же Книги встречаем указание на средства защиты «Братства»: *«Остается послать на Нас карательную экспедицию, но она не пройдет, ибо владеем некоторыми научными средствами.*

О газах, в эту книгу не вошло, но Я уже называл несколько мощных составов».[30]

Многое и многое считают баснословием или выдумкой только потому, что иногда не желают или не могут почему-либо серьезно познакомиться с вопросом. Но ведь такая простая вещь, как популярное изложение учения о воле недавно умершего Куэ, тоже кому-то, не знакомому с вопросами психологии, может показаться странной фантазией. Или вопрос о передаче мыслей на расстояние в русской и иностранной литературе, или вопросы о нервной системе растений в работах профессора Джагдиша Боса[31] из Калькутты? А вопросы о новейших ядовитых газах и свойствах различного вида энергии – разве не вызывают они недоумения? Вспомним, как приняты были в разное время Французской Академией изобретение и

демонстрация сконструированного Эдисоном[32] фонографа и вопрос о применении пара при устройстве железной дороги (Араго[33]).

Вспомните невзгоды Г. Галилея, Н. Коперника, И. Ньютона, близкого нам Д.И. Менделеева и многих-многих известных и безвестных, исчезнувших имен людей, принесших миру новые открытия и мужественно отстаивавших действительность в противовес затхлой рутине заплесневевшей и косной мысли.

Неужели человеческая просвещенная мысль не может вместить, что где-то в области Гималаев группа ученых могла устроить приют знания с книгохранилищами и разнообразными лабораториями и что эти ученые, пользуясь особенностями географического и физического местоположения и реальными накоплениями опыта веков, обладают в настоящее время величайшими знаниями?

А что необычно труден доступ туда, то это легко представить, если принять во внимание, что часто доступ в лаборатории отдельных ученых или научных обществ и учреждений, даже находящихся вблизи крупных центров, вовсе не так легок для незванных и любопытных взоров.

Знаем ли мы факты появления членов Гималайской Ученой Общины за ее пределами в европейских странах? Да, конечно, знаем, имея об этом достоверные свидетельства. Знаем ли мы Письма и Трактаты этих Ученых? Также знаем. И можно ли себе представить, что где-то вдали от сутолоки больших городов, среди полной обычности и безответственной рутины творятся большие начинания в интересах мирового блага и в легендарном масштабе? Да, это возможно себе представить, когда видишь бесконечные просторы и высоты гор, не охваченные еще рабски подчиненным мышлением. Сколько приходилось встречать и в книгах, и в жизни закостенелых, рутинных утверждений. Ведь еще недавно сказали бы, например, что гром гремит потому, что тучи сталкиваются, или что облака резко рассекаются молнией и потому происходит колебание слоев воздуха и звук грома, не отдавая себе отчета во всем происходящем в действительности обширном физико-химическом процессе. Многие в то же время не хотят дать себе отчет в том, сколько производится

лабораторных изысканий и опытов на благо и во имя эволюции человечества без опубликования полученных результатов.

Меркантильно настроенный в жизни человек наклеивает для самоуспокоения на все, для него неизвестное или необычное, ярлык фантастического или «сверхъестественного», оставляя часто в области естественного лишь свой желудок.

Названия местностей записывались в дневнике так, как они произносятся на месте, а не так, как это иногда отмечено на картах[34].

Конечно, вы понимаете, что за это время в нашей жизни происходило и многое такое – разумеется, не политического и не этнографического характера, – опубликование чего было бы пока несвоевременным и что может появиться в печати лишь впоследствии. Можно твердо и определенно утверждать, что все наши переживания за этот долгий период тяжелого пути были чужды какой-либо эмоциональности, наоборот, были проникнуты рационализмом, проистекавшим из знания и наблюдения действительности.

Именно во имя этой пережитой нами реальной действительности я и передаю вам настоящую рукопись.

Д-р К.Н.Рябинин
(Из письма в Америку)

ВСТУПЛЕНИЕ

Первая встреча с Н.К. Рерихом. Общие интересы по изучению вопросов человеческого духа. Яркие и часто противоположные отзывы о самоуглубленной деятельности Н.К. Характеристика творчества Н.К. в обширной иностранной литературе. Стиль Рериха. Музей Рериха в Нью-Йорке. Его провидческие произведения. Н.К. — мыслитель, путешественник и знаток Востока. Книги Н.К. Дальнейшие наши встречи с Н.К. в Петербурге. Неожиданный отъезд Н.К. в конце декабря 1916 г. Слухи о мировом значении деятельности Н.К. Неожиданное и необычное известие о его приезде в Москву. Известия о выставках произведений Н.К. на Западе. Международное общество друзей Музея Рериха. Основание Н.К. в Нью-Йорке Института Соединенных Искусств и Международного Художественного Центра «Corona Mundi». Лекции и отзывы местных деятелей о Н.К. Опять неожиданное известие от Н.К. из Урги. Приезд друзей-американцев. Спешные сборы. Отъезд в Ургу. Встреча. Н.К. — Учитель жизни.

Впервые с Н.К. Рерихом мы встретились в 1898 году. В то время Н.К., уже известный художник, ученый-археолог и администратор, жил в том же столичном городе мирового значения, где и я. Общность интересов по изучению трудных и малодоступных для понимания широкими массами областей человеческого духа сблизили нас. Уже и тогда самоуглубленная и самобытная деятельность Н.К. вызывала ряд противоречивых суждений в литературе. Помню, как А.Н. Бенуа[35] называл в «*Речи*» художественный успех Н.К. барсовыми прыжками. Леонид Андреев[36] сравнивал тогда творчество Н.К. с северным сиянием. М. Горький называл его величайшим интуитивистом нашего времени. С улыбкой вспоминаю, что покойный А.И. Куинджи[37], как мне передавали, выслушав каких-то недоброжелателей Н.К., усмехнувшись, сказал: «В вашем рвении вы и не заметили, как сделали его и вездесущим, и всемогущим». Отрывочно и случайно до меня доходили отдельные отзвуки из иностранной литературы. В «*La Vie des Peuples*» Леонид Андреев в своей статье о творчестве гениального художника замечает: «Невозможно не удивляться Рери-

ху. Нельзя пройти мимо его драгоценных полотен, не испытав глубокого волнения. Картины Рериха преисполнены странного очарования. Путь Рериха – путь славы. Гениальное воображение Рериха граничит с ясновидением. Лувр и Музей Сан-Франциско, Москва и Вечный Рим уже сделались верными хранилищами его творений. Европа в целом, столь предубежденная против Востока, уже выплатила великому русскому Мастеру свою дань восхищения. Самобытный гений этого художника не имеет себе подобного».

С. Уитмен, оценивая международное значение последних работ Рериха, говорит в «*The Foreword*» (1925 г.): «Мы, ищущие пути интернационального понимания и строительства общечеловеческого мира, должны рассматривать Рериха как великого апостола и провозвестника этого нового мира для всех народов».

Борис Григорьев в берлинской прессе писал: «Его имя на устах всего мира. Я горд, когда сознаю, что Рерих способен вознести человеческую сущность». Знаменитый испанский художник Зулоага[38], посетив в Нью-Йорке Музей Рериха, заявил в печати: «Рерих – великий художник, великий мыслитель, великий работник, и творчество его выражает великое и глубокое чувство».

В статье «*Пророк мировой красоты*» И. Народный сравнивает Н.К. Рериха с Леонардо да Винчи: «Леонардо да Винчи был одновременно и художником, и зодчим, и инженером. То же самое можно сказать о Рерихе – он не только великий художник, но и глубокий философ и выдающийся ученый».

Директор музеев в Сан-Диего и Санта-Фе, известный ученый и художественный деятель д-р Хюит в своей лекции, характеризуя Рериха, сравнил его с Сорделло Браунингом: «всеобъемлющий, вседающий».

Литература о творчестве Н.К. чрезвычайно обширна как в России, так и за границей. Пришлось слышать, что издательство Брентано в Нью-Йорке выпустило большую художественную монографию «Гималаи» с репродукциями ста картин Мастера, написанных в период с 1923 по 1926 гг.

17 ноября 1926 г. исполнилась третья годовщина Музея Н.К. Рериха в Нью-Йорке, почти совпавшая с тридцатипятилетней годовщиной его художественной деятельности. Великая Америка, признав гений художника, создала особый музей, посвященный его творчеству, в котором собрано свыше семисот произведений. Где-то говорилось, что многие свои картины Н.К. Рерих заказывает писать выдающимся художникам, и в то же время в многочисленных монографиях подчеркивался особый, неповторимый стиль Рериха: «облака Рериха», «горы Рериха», «камни Рериха».

Творчество Рериха возвышается независимо, как самодовлеющая твердыня. В характеристике творчества Рериха Рабиндранат Тагор отметил эту особенность: «Ваше искусство независимо, ибо оно велико». Не перечесть мне здесь всех творений Рериха, но я хочу лишь упомянуть о его провидческих произведениях перед Великой европейской войной. В 1912 г. появилась его картина «Грозный всадник», а в следующем – «Меч мужества» и «Дела человеческие», а в 1914 г. – знаменательная для Петрограда картина «Град обреченный».

Индия на холстах Н.К. Рериха нашла себе восторженную оценку художника Д. Бурлюка[39] на страницах издающегося в Нью-Йорке «*Русского голоса*» (Воскресное приложение, 23 ноября 1924 г.).

Н.К. Рерих замечателен не только как художник, но и как выдающийся мыслитель, объехавший почти весь мир, побывавший во многих странах и особо много путешествовавший по Востоку, знакомый с его верованиями, учением его философов и чаяниями обновления ветхого мира. В настоящее время в Америке печатаются его мысли «на коне и в шатре» в 1923–1926 гг. – «*Алтай – Гималаи*». Его книги «*Адамант*» (1924 г.) и «*Пути Благословения*» (1925 г.), в немногих экземплярах проникшие в Ленинград, знакомят нас с последними широкими устремлениями автора.

Живя в России, Петербурге, я время от времени делился с Н.К. и его супругой Е.И. некоторыми своими мыслями и экспериментальными достижениями в области духа. Исключительный интерес к

этим опытам и нашему обмену мыслей, проявлявшийся с их стороны, и понимание ими моих духовных запросов создали и укрепили нашу духовную близость. Помню, в то время мы много беседовали о великих духовных достижениях Индии, об Учителях Востока, глубина мыслей и учения которых свидетельствовали о величайших познаниях духа, собранных и хранящихся в тайниках отдельных Центров посвящения, главным образом, в Гималайском Братстве, существующем, по преданию, с давних времен. Последний центр был для нас всегда источником непреложного знания и истины. Пути туда мы полагали тогда проложить через Индию.

Петербург за время европейской войны успел превратиться в Петроград. Наступила Февральская революция 1917 г. Еще в декабре месяце 1916 года Н.К. неожиданно для меня и по неизвестным мне мотивам выехал в Финляндию, как я думал, просто для того, чтобы приискать дачу, но это уже оказалось началом того длительного путешествия, о котором я знаю теперь.

Я же спокойно остался в Петрограде, не боясь перемен, продолжая трудиться, ожидая коренных изменений и улучшений жизни. Прошли еще долгие годы, во время которых я не раскаивался, что остался в России, так как они по-прежнему текли в труде на общую пользу, но часто я вспоминал о Н.К. и наших беседах. Он же в это время успел объехать весь свет и стал известен как мировая величина. Я же все время оставался все в том же городе, но теперь уже городе великого мыслителя В.И. Ленина – Ленинграде.

И вот в июне 1926 г. пришло первое известие о том, что Н.К. возвратился, что он в Москве, но что вскоре, после выполнения какой-то миссии чрезвычайного значения, возложенной на него Востоком, опять уедет. Увидеться на этот раз нам так и не удалось.

Во время его краткого пребывания в Москве мне приходилось читать в газетах какие-то странные сообщения о штате индусских секретарей, его сопровождавших, о его личной дружбе с Далай-Ламой и о папском проклятии. Также смутно проникали к нам и сведения о выставках произведений Н.К. в различных государствах

Западной Европы и в Америке, а затем и об основании в Нью-Йорке почитателями гениального Учителя особого музея, об организации особого Международного общества друзей Музея Рериха и о предпринятом этим Обществом издании особого журнала, посвященного Музею Рериха. Наряду с этим сообщалось об основании Н.К. в Нью-Йорке Института соединенных искусств и Международного художественного центра «Corona Mundi». Отрывочно мелькнула передо мной в Ленинграде лекция Бабенчикова о Н.К. и статья художника Вольтера, в которой он как ученик великого Мастера говорит, что приезд Н.К. в Москву «сулит художникам массу новых впечатлений, новые, вполне реальные в своем осуществлении планы триумфального шествия искусства в обновленной стране, полной сил и возможностей к их восприятию».

Спустя полгода неожиданно для меня пришла из Урги (Монголия) телеграмма с приглашением присоединиться к Миссии Н.К., срочно направлявшейся через Монголию в Тибет – страну, запретную для европейцев. Несмотря на обремененность служебными и личными делами, я не устоял перед такой возможностью, в несколько дней собрался и выехал в Ургу через всю Сибирь до Верхнеудинска, а затем на автомобиле через Троице-Савск, Кяхту и пограничный пункт Алтан-Булак в Монголию. По пути, еще в Москве, я присоединился к американцам, друзьям и сотрудникам Н.К. Рериха, спешившим из далекой Америки с прощальным приветом в Ургу.

После десятилетнего перерыва со времени нашей последней памятной встречи я внимательно всматривался во все перемены, происшедшие за этот долгий срок в Н.К. и Е.И. Где побывали они? Кого за это время встретили? И что означают названия мест и имена людей разных стран, мелькающие в их речи?

Оказалось, что в Урге Н.К. находился с сентября 1926 г., занимаясь искусством, подготовляя в то же время к печати свои труды и собираясь в новый далекий путь по *Зову* и *Указу* Великих Учителей Востока, предначертавших мудрый план оздоровления нашей планеты путем нового мирового строительства. Прибавлю здесь, что мно-

гогранный жизненный опыт Н.К. и его знания создали ему славу Учителя жизни. Мне известно, что еще в России к нему стекались с разных концов самые разнообразные люди за советом и разрешением своих жизненных проблем. Многочисленные ученики и друзья всегда находили у него поддержку и мудрый совет. Мне припоминается из «*Путей Благословения*» статья Н.К. «*Похвала врагам*», указывающая на его терпимое и благодушное отношение даже к врагам, являющееся залогом истинного строительства.

Теперь перехожу к повседневному изложению нашего пути, тем более, что он намечен по дороге, очень редко посещаемой и до сих пор в литературе путешествий мало отмеченной.

Миссия Николая Рерих.

Развенчанный Тибет.

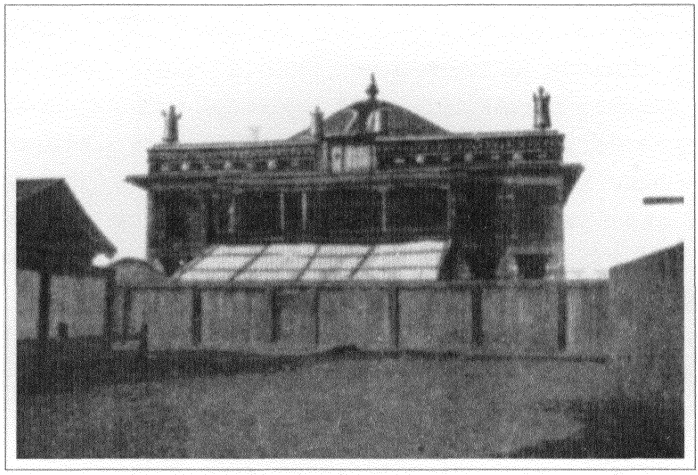
Дневник
Доктора Миссии К. Н. Рябинина.

1928 г.

Часть I

УРГА—ЮМ-БЕЙСЕ

Улан-Батор (Урга), столица Монголии.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.



Храм Майтрейи, Урга.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

Паломники перед храмом Майтрейи, Урга.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

9/IV ***Сборы. Видение ламы. Владыка Шамбалы.***

Закончено знамя Майтрейи! Цель Миссии, впервые в истории без маскировки и утаивания посвященная основам истинного буддизма, волнует своей значительностью. Спешно заканчиваем сборы Миссии, отправляющейся из Урги на юго-запад. Выезд намечен на 15 апреля, но надо спешить – тают в Гоби движущиеся пески; предупреждают об этом из Торгпредства СССР, у которого взяты в аренду автомобили. Решаем выехать 13 апреля, то есть ранее назначенного срока. Получена телеграмма из Нью-Йорка, сообщающая о появившейся в *«New York Times»* пространной телеграмме из Москвы о поручении Н.К. экспедиции в Тибет якобы Академией Наук. Немедленно телеграфируем и восстанавливаем истину – экспедиция имеет отношение только к американским учреждениям. Как выяснилось, *«Times»* не поместила последней достоверной версии. Поместили ли ее три или четыре другие нью-йоркские газеты? Слышно, что это уже вторая странная выходка со стороны *«Times»*. Откуда это?

Явился представитель монгольского правительства Ц.Ж., который, упоминая о наступающих великих временах, сообщил, что в августе месяце прошлого года, перед приездом Н.К. в Ургу, один монгольский лама имел видение: лица монгольского народа были обращены на Запад, как вдруг с Запада появился Всадник на гигантском коне, после чего все люди обратили свои взоры на юго-восток.

Тут же Ц.Ж. обратился с просьбой от имени монгольского правительства составить проект постройки храма-музея – хранилища картины «Владыка Шамбалы», изображенного в виде Великого Всадника, подаренной Н.К. монгольскому правительству. Там же будут находиться и другие особо почитаемые предметы. Обратим внимание на видение ламы и сущность названной картины. Он же передал просьбу ЦК Монгольской народной партии о разре-

шении перевода на монгольский язык книг *«Основы буддизма»* и *«Община»*. И многозначительно, и необычно!

13/IV ***День отъезда и волнений.***

Вчера тибетский доньер[1] принес паспорта, какие он обычно выдает паломникам, и особое письмо Далай-Ламе, которые и передал Н.К. в присутствии американцев, а также и свои символические благопожелания. Будем надеяться, что они глубоко искренни. Н.К. подарил ему шелковую монгольскую шубу и кусок старинной парчи.

Сегодня день отъезда и волнений, начавшихся с погрузки снаряжения на автомобили. В 10 ч. утра, когда уже выехала за ворота первая из пяти машин, вдруг оказалось, что Торгпредство, предоставившее автомобили, не позаботилось запастись номерами и пропусками для них. Новые хлопоты: поездки по учреждениям, грозящие затянуться на неопределенный срок, до нескольких суток. Но в самый критический момент получена многозначительная телеграмма, и в результате отношение служащих резко изменилось в сторону угодливости; проволочки рассеялись, как дым.

Для проводов выехали представители монгольского правительства и американских организаций, провожали за 20 верст, не доезжая ветеринарного пункта.

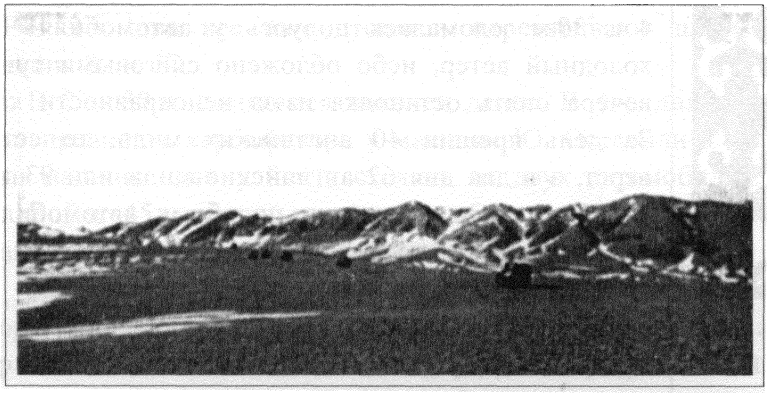
В 8 ч. вечера – первая остановка в живописной местности в долине реки Толы, после ветеринарной стоянки Сенген, на фоне близких гор. Ночь холодная. Прошли 22 английских мили.

14/IV ***Плохие машины.***

Встали около 6 ч. утра; день обещает быть жарким, солнечным. В 8 ч. 30 м. двинулись дальше. Пролетели «турпаны» – дикие утки. Н.К. вспоминает, что несколько лет назад одним высоким лицом Востока было сказано о Мис-

сии: *«Ковры Азии стелются для вас; пойдем так тихо, что птица турпан не услышит».*

Машины дали старые и неисправные. Еще вчера, через несколько миль хода, обнаружилась неисправность карбюратора нашей машины. Сегодня у другого автомобиля отскочила шпонка.



Машины экспедиции в долине реки Тола, Монголия.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

Еще со вчерашнего дня шофер У. что-то записывает в свою книжечку, по-видимому, – наши разговоры, и мы, шутя, охотно предоставляем ему материал для записи. Пусть проявляет свою наблюдательность и усердие. Сегодня у его автомобиля сломалось крыло. Утром, во время остановкии испытания винтовок, У. снова вынул книжечку и что-то записал. Он, по отзыву других шоферов, «старший» и послан как «доверенное лицо». Передали это с опаской, остерегаясь. Во время стрельбы, демонстративно записывая в книжечку свои соображения, У. бормочет: «Ну и стреляйте!»

Оказалось, что из пяти шоферов кое-как знает дорогу только один Ч. Сегодня друзья-американцы предполагали вылететь из Урги и быть около 11 ч. утра в Верхне-Удинске. Завтра в Тиен-Цзине ожидаем еще одного друга.

Шоферы оказались плохи, не лучше старых, изношенных и постоянно ломающихся машин. До 2 ч. 30 м. пополудни прошли всего лишь 18 миль по хорошей дороге, то есть со скоростью верблюда. На машине шофера Ю. из-за небрежной погрузки развязались вещи. Когда отъезжали, представитель учреждения, предоставившего нам машины, просил потом сообщить об условиях пройденного пути. В 4 ч. 30 м. сломалась полуось у автомобиля Ч. Поднялся холодный ветер, небо обложено снеговыми тучами. В 7 ч. вечера опять остановка из-за неисправности карбюратора. За день прошли 40 английских миль, то есть всего 60 верст, а в два дня 62 английские мили или 93 версты. При такой медлительности на подобных автомобилях, да еще за большую плату, ехать не стоит. Вечером, в девятом часу, сделали остановку.

15/IV ***Прекрасные дороги и поломки машин.***

Ночь была теплее вчерашней. Вышли в 8 ч. 30 м. утра. В пути выяснилось, что единственный якобы знающий дорогу шофер знал ее лишь до первого населенного пункта. Возникла необходимость взять проводника после первых полутораста миль.

Перед самым отправлением из Урги представитель транспортного учреждения еще раз заверил, что все в полном порядке, машины подготовлены. Но проехав всего одну милю, остановилась машина Ю., у которого, по словам У., в бензине оказалась вода. За такую бесхозяйственность следовало бы как следует взыскать, ибо эта версия о какой-то воде в бензиновых баках нас преследует уже второй день, усиленно повторяемая всеми шоферами.

Нам пришлось воспользоваться русскими машинами ввиду того, что Монголтранспорт совершенно откровенно и деловито поставил в известность о неимении у него годных для дальнего следования машин. Спрашивается, что

же заставило Торгпредство скрыть истину, предоставив непроверенные машины? Где же они, заветы Ленина?

В 9 ч. 30 м. опять остановка – лопнула шина у машины Ю.В.

10 ч. 30 м.; скорость 30 миль – дорога изумительно хороша.

11 ч. 50 м.; снова остановка – сломалась машина у З.

В 2 ч. дня все еще стоим – перетягивают шины у машин З. и Ю.

В 2 ч. 30 м. двигаемся наконец далее. В 4 ч. дня опять неисправность карбюратора у машины Ю. Оставили в пути три машины, двинулись к стоянке на двух автомобилях.

В 5 ч. 45 м. стали на стоянку вблизи тающего снега в лощине меж гор – ручья нет.

За день прошли всего 54 мили, то есть 81 версту. По дороге видели сидящих в степи на земле двух больших орлов. Миновали несколько «керексуров» – древних монгольских могил. В 7 ч. вечера прибыли на стоянку остальные три автомобиля – в дороге у одного лопнула шина и в бензиновых баках оказалось до четверти бака воды.

В дороге произошло курьезное происшествие – жук остановил автомобиль, забравшись в бензиновую трубочку. Качество дороги сегодня не уступало дорогам Италии, то есть было превосходно.

16/IV ***Монголы перегнали. Майтрейя. Керексуры и óбо.***

8 ч. утра, шоферы не спеша собираются в дорогу. Монгольский автомобиль, пришедший накануне вечером и сделавший в один день три наших перехода, уже минут двадцать как ушел вперед хорошо загруженный, что заметно и по упаковке багажа, и по оборудованию машины – бидоны для бензина вдвое большего размера, чем наши, надежно укреплены в один ряд в рамках на подножке, а не в ящик, в два этажа, как у нас. Вспоминается, что во

время хлопот о номерах и паспортах машин в последние минуты отъезда монгольское правительство пошло нам навстречу, быстро устранив все формальности и недоговоренности, которые долгое время существовали у него с представителями Торгпредства, чтобы только выказать уважение монгольского правительства к Н.К., помочь нам и дать возможность скорее отправиться в путь.

У соленого озера Хато-нор сделали снимок монастыря Туга-сама и посетили храм, посвященный Майдере (Майтрейе), изображенному со спущенными ногами, – символ близкого пришествия в мир и времени наступления мировой Общины, – и затеплили огонек перед символом грядущей эволюции. Шли оттуда полчаса до машин, к которым в это время подоспели отставшие. В 11 ч. 30 м. остановка – увяз в грязи У., поленившись объехать это место, взяв в сторону десять метров. Едем по солончаковой степи, горы меньше, вид холмистый, снега на холмах почти не видно. Озеро Хато-нор раза в три больше Тинакского – в будущем может служить для соленых и грязевых лечебных ванн. Сдвинулась машина У., остановилась машина М. из-за неисправности бензиновой трубки. У ручья встретили двух турпанов, которые улетели, когда шофер подошел совсем близко.

Вопреки предупреждениям встречных монголов, что впереди ручей и ехать дальше нельзя, шофер Ч., «знающий дорогу», заверил всех в обратном. В результате, когда ручей все же преградил нам путь, пришлось с большим трудом и риском преодолевать его. В 1 ч. 45 м. дня достигли большого монастыря в селении Мишигун с громадными запасами «аргала» – местного топлива из помета, сложенного в кучи. Мелодично щебечут клушицы – галки. По дороге встретили брошенный труп ребенка, увязанный в кожу; немного далее человеческий череп – монголы не хоронят мертвых, а выбрасывают. В семи верстах от Урги

имеется такая «Долина Смерти», где выброшенные трупы глодают волки и собаки.

По количеству керексуров, оленьих камней и дольменообразных[2] сооружений можно сделать вывод, что эти места были свидетелями многих переселений. Дорога изумительного качества. Лед на встречающихся озерках уже посинел, только местами слабые признаки снега. Какая досада: у машин Ч. и М. вышли из строя шестерни. В 5 ч. сделали остановку у соленого озера. Ч. заявил, что дальше не поедет, так как проголодался и хочет отдохнуть. Состоялся серьезный разговор с шоферами. К счастью, в этом месте оказался снег, и мы накипятили воды. Дальше, по-видимому, с ней будут затруднения. Выяснилось, что шоферы забыли взять в дорогу приготовленные нами бидоны для воды.

На вершине одного перевала оказалась кучка камней – óбо[3], куда все положили по камешку, а тибетец Кончок произнес при этом по обычаю молитву – пожелание доброго пути всем путешествующим. Прошли за день 70 миль.

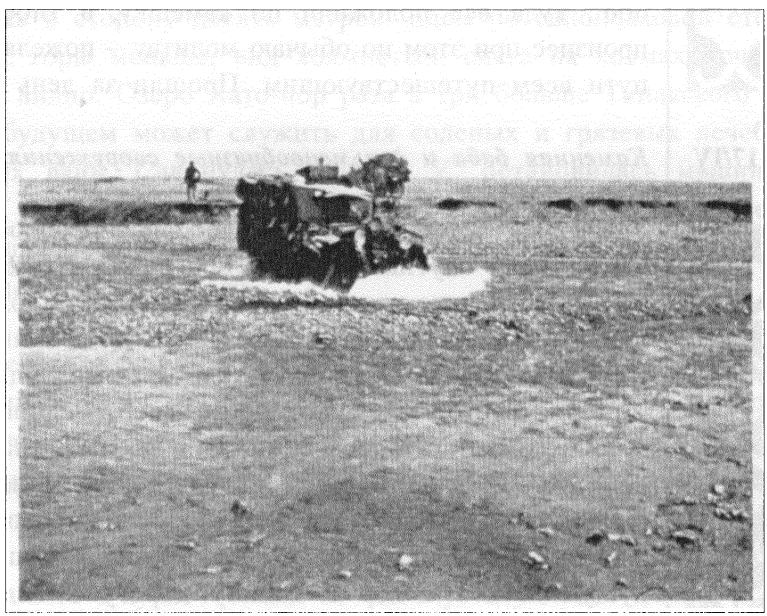
17/IV ***Каменная баба и дольменообразные сооружения.***

Резкий, порывистый ветер и холод; небо обложено тучами. Наши спутники-буряты под руководством сопровождающих нас лам поют песнь о Шамбале, сложенную Сухэ-Батором, героем недавнего прошлого Монголии. У Ч. случилась авария с машиной: расплавился подшипник; ремонт потребует не менее трех часов. Решили с частью машин двигаться дальше, оставив Ч. и З. на месте для ремонта. Пройдя 14 миль, увидели великолепный образчик каменной бабы с остатками разбросанных вокруг костей животных, по-видимому, следов жертвоприношений, и ведущую к ней с гор в долину дорогу в виде аллеи из высоких острых камней.

По местному преданию, это изваяние, грубо высеченное из камня, поставлено в честь разбойника, который после

смерти стал как бы божеством дороги и теперь в образе каменной бабы охраняет путников, приносящих ему дары, складываемые в отверстие в животе, и просящих о помощи или грозящих ему, если он не исполнит их просьбы; наш спутник – тибетец Кончок очень серьезно выговаривал «божеству дороги» за наши путевые невзгоды с машинами. Какое непонимание, граничащее с варварством, похищать для музеев подобные местные памятники глубокой древности, связанные с окружающей природой и верованиями! Продолжает дуть порывистый ветер, во время остановок сдвигающий автомобиль с места.

В 1 ч. 50 м. дня, проехав с утра 65 миль, прибыли к чрезвычайно извилистой речке Онгин-гол; трех отставших автомобилей еще нет, один из них застрял в дороге. Решили остановиться и подождать их. Дорога все время пре-



Машины экспедиции пересекают речку Онгин-гол, юго-западная Монголия.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

восходная. Местность совершенно пустынная, с грядами низких гор на горизонте. При переезде через реку наш автомобиль застрял. Помогали нам и другому автомобилю съехавшиеся монголы, во время отдыха курившие длинные трубки, напоминая всем своим диким видом северо-американских индейцев.

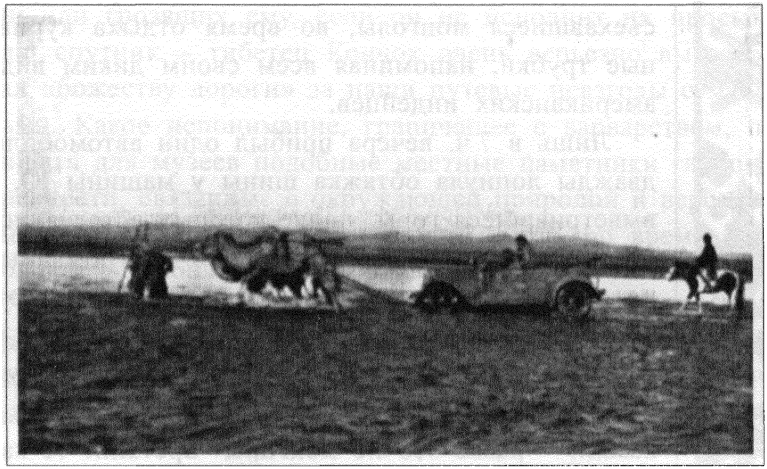
Лишь в 7 ч. вечера прибыл один автомобиль; в дороге дважды лопнула обтяжка шины у машины Ю. Проезжали выветрившиеся горы, подле которых встречались такие же по строению могилы, сложенные из громадных валунов; на ум приходит мысль, что положительно эти дольменообразные груды должны быть естественным порождением всюду разбросанных дольменов. Древним путникам они напоминали о традициях их далекой родины. А оленьи камни, – разве это не менгиры[4] Бретани? А каменная аллея у изваяния «бабы», – разве она не заставляет вспомнить подобные же сооружения Британских островов?

18/IV ***Степные орлы. Ленин и Карл Маркс в пустыне.***

Утро яркое, солнечное, холодный ветер; за ночь река покрылась льдом. Идет переправа и перегрузка прибывших поздно вечером автомобилей, остановившихся у переезда реки. Неисправный с самой Урги манометр нашего автомобиля совершенно вышел из строя, пропуская масло наружу, – новая задержка с пайкой. Наконец в 10 ч. утра автомобили переехали через речку к нашей стоянке. Надо вновь перегружать их; только двинемся – досадные задержки, тогда как надо спешить, пока в пустыне не растаяли движущиеся пески.

Прибывший в 11 ч. утра Ю. занялся машиной, не потрудившись на ночь слить воду, теперь замерзшую, – новая задержка на полчаса. Выехали в 12 ч. дня; У. уехал, не дожидаясь нас, вперед; Ч. направился в город Узинван

сдавать пустые бидоны. Вынуждены, догнав У., заехать в городок и взять нового проводника.



Переправа автомобиля через реку.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

В 2 ч. 30 м. дня выехали дальше в горы с проводником-ламой Тамчой (76 лет) из Узинвана. В 5 ч. 30 м. стали на перевале, ожидая машины З. и Ю., застрявшие по обыкновению в пути, – одна из них «шалит», у другой лопнула шина. Тут же выяснилось, что на все пять машин имеется лишь два исправных насоса. На остановку на перевале подъехали, как обычно, монголы – слетаются, как орлы степные. Неожиданность – один из них знал несколько слов по-русски: *Москва*, *Коминтерн*, *Интернационал*, *Ленин*, *Карл Маркс*, *браунинг* и *наган*.

Спустились в долину около 7 ч. вечера, куда вскоре прибыли и отставшие машины. На горизонте снеговые горы; ни воды, ни снега нет, холодно. Во время перетяжки шин Ю. должен был сменить четыре камеры, так как все оказались дырявыми, сплошь в заплатках; ходит версия, что незадолго до нашей отправки были получены из Ки-

тая старые автомобильные части. Что можно сказать о таком хозяйствовании? Результаты его мы ощущаем теперь на себе, в то время когда надо спешить.

19/IV ***Проводник-лама. Курган. Песнь о Шамбале.***

7-й день путешествия. Прошли вчера 36 миль, а всего 284 мили или 426 верст; до Юм-бейсе остается немного менее половины пути. Дорога все время прекрасная, но плохи машины и шоферы. Худший путь от Верхнеудинска до Урги, 600 верст, был пройден в три дня; прибыли на четвертый день утром. Только что выяснилось, что везем лишний автомобильный груз – 30 пудов масла, которое Торгпредство должно было отправить вместе с запасом бензина ранее.

Выехали в 9 ч. утра. Пройдя около 17 миль, пересекли две горных речки; дорога идет плоскогорьем, окруженным снеговыми горами. На 18-й миле остановка – лопнула шина у З. В 11 ч. 20 м. двинулись дальше. В 12 ч. 45 м. новая авария – раскрошился подшипник у динамо. Поставили новый подшипник и сняли цепь у динамо – «хороша машина», но только тогда, когда действует. Оказалось, что в машине У. в бидоне с бензином – половина воды.

В 2 ч. закончили ремонт и двинулись дальше. Через 20 минут новая авария – у машины У. лопнула полуось на очень хорошей дороге из-за небольшой выемки, по-видимому, по его неосторожности. Обнаружили неподалеку каменную насыпь в виде полусферы, выложенную поверху из крупных камней; вокруг нее – камни поменьше. Диаметр круга 32 аршина; за ним второй круг из камней, расположенных небольшими кругами, вроде древнерусских жальников. Вблизи кургана находится полуразрушенный, должно быть, Унгерном, лангар – постоялый двор. В 4 ч. 30 м. остановились у горного ключа, проехав немного далее, оставив на месте У. для замены полуоси. За сутки

проехали 31 милю, а всего 315 миль или 472,5 версты. Стоим на разветвлении путей на Улясутай и Юм-бейсе – желтые бугры арктического характера и чистый горный ручей наполовину под ледяным покровом. Наш проводник лама Тамча считает, что от Урги прошли 16 уртонов (почтовых перегонов) и осталось до Юм-бейсе 13 уртонов. Вечером у костра буряты и ламы опять поют песнь Сухэ-Батора о Шамбале.

«Песнь о Шамбале».
Courtesy: Michael Breen (Australia).

20/IV ***Признаки Гоби. Золотоносный кварц. Тибетский караван.***

8-й день путешествия. Выехали в 9 ч. утра; день солнечный. Едем с небольшими остановками в пути. До 12 ч. дня проехали 24 мили; лопнула обтяжка у машины Ю.; все стали. Почва местами песчаная, покрытая вереском, – сказывается близость пустыни Гоби. Слева виднеется снеговой горный хребет – Богдо-гол.

После некоторых плутаний подъехали к реке Хаз-гол; у самой воды найдены куски кварца со значительным количеством золотых блесток. В 2 ч. 15 м. пересекли реку и

двинулись далее. Кварцевый хребет при спуске к реке выступает наружу. Недалеко от реки Хаз-гол встретили караван верблюдов, направлявшихся в Ургу, причем узнали, что дунгане[5] вовсе не прекратили своих враждебных действий по отношению к цамдамцам, наоборот, опять что-то замышляют, и Фын не является примиряющим звеном.

Несколько дней назад в Ургу проехал князь Богдо-Цайдам. В 3 ч. 40 м. перед перевалом застряла машина Ч. из-за неисправности бензиновой трубки. Полное бездорожье; идем по верблюжьим тропам через перевалы. Жаркий день, на горизонте в тумане виднеются горы. Проехали 65 миль. До Юм-бейсе остается три-четыре почтовых перегона. В случае удачной дороги предполагаем доехать завтра к вечеру. В 8 ч. вечера стали на ночь, проехав озеро у снегового хребта. Дорога все время песчаная.

21/IV ***Наши ламы. Река Туин-гол.***

9-й день пути. Утро солнечное, теплое, слабый прохладный ветерок. Идут сборы палаток, вещей. Старший лама Данзан Малонов деятелен. Неповоротлив лама Кейдуб. Торгоут остается торгоутом[6]. Молодой желтый лама Бухаев собирает мелкие вещи, чтобы не забыть их на стоянке. Лама Ламаджан Церемнилов, стоя на вещах наверху автомобиля, утаптывает и укладывает их. Даже старый Тамча, проводник 76 лет, помогает носить вещи. Вообще, присутствие в Миссии развитых и деятельных лам сказывается положительно на всем, принося большую помощь.

Не успели тронуться как начались поломки: заглох автомобиль З. из-за воды в бензобаке; затем у машины Ю. лопнула камера. Оказалось, что запасные камеры пропускают воздух. Предложили старшему шоферу У. взять камеры у других водителей, но тот отказался. Заметно, что шоферы недружны меж собою и не оказывают друг другу должной помощи. Часто ссорятся, видимо, не признавая

авторитета У., человека нервного, почти истерического характера. Только после нашего указания и настояния взяли у З. готовую, накачанную камеру; пытаясь заклеить негодные камеры, простояли около часа.

В 11 ч. 25 м. двинулись дальше. Не доезжая до речки Туин-гол, произошла новая остановка – у Ч. вышла из строя бензиновая трубка. День жаркий. Тун-гол – быстрая, неглубокая речка с каменистым дном и берегами, усеянными мелкой щебенкой. Переправились через нее в 1 ч. дня. В 2 ч. дня миновали второй рукав реки. Выяснилось, что из пяти домкратов можно пользоваться только двумя. Четыре раза были остановки машин из-за перегрева. К 4 ч. дня прошли 28 миль. В 6 ч. вечера сделали 35 миль. Лопнула полуось у З. В 7 ч. 10 м. вечера остановились, проехав 40 миль. Всего за девять дней прошли 415 миль, то есть 622,5 версты.

22/IV ***Первая зелень. Куланы и дикие козы. Перевал.***

10-й день пути. Утро жаркое. Выехали в 9 ч. утра. На шестой миле у машины З. лопнул обод колеса. Едем на автомобилях верблюжьей тропой (кратчайшим путем). Слева виднеется снеговой хребет, далекий родственник Алтая; часть ближайших гор находится в стадии песчаного распада (выветривания) – сказывается близость пустыни. На восьмой миле пути встретили в долине полный колодец и наполнили все сосуды ледяной водой. В 12 ч. 30 м. двинулись далее; дорога трудная – через перевалы и пески; идем с частыми задержками. С гор веет прохладный ветерок. На 21-й миле встретили бегущих куланов и диких коз; полное безлюдье. К концу дня увидели трех верблюдов и проводника с двумя лошадьми. Появились первые зазеленевшие кустики. В этот день прошли особенно крутой и

опасный перевал; все части автомобиля сотрясались при спуске; люди шли пешком. Остановились в 6 ч. вечера, проехав 30 миль, а всего за это время – 445 миль. После расспросов выяснилось, что у шоферов нет специального разрешения на переезд через пограничный пункт в Юм-бейсе.

23/IV ***Потеря пути. Озеро Боро-нор. Дикие гуси.***

11-й день пути. Наши вчерашние расспросы паспортах оказались своевременными – сегодня утром узнали, что у старшего шофера У. потерялся чемоданчик, в котором находились, по вчерашней версии, остатки еды и ложка, а сегодня оказывается, что в нем же были и паспорта, но, конечно, надо думать, без того разрешения, о котором мы спрашивали и которое требуется монгольскими властями. Выехали в 8 ч. 45 м. утра, погода хорошая. Вскоре у автомобиля З. лопнула шина – задержались на час. Продолжаем ехать верблюжьей тропой по песчаным местам, часто увязая в песке.

1 ч. 25 м. – проехали 14 миль, пересекая множество «песчаных речек». Вдруг обнаружилось, что сбились с пути, – проводник потерял тропу, куда двигаться дальше – не знает. После блуждания вверх и вниз по откосам встретили монгола, и тогда только выяснилось, что идем по ложному пути. Потерян почти целый день. В блужданиях прошли 26 миль. Только после этого пошли по указанному монголом верному направлению на Юм-бейсе и вскоре выехали на хорошую дорогу. Вдали сверкало озеро Боро-нор (Дождевое). Повстречались три табуна куланов. С озера Боро-нор, в стороне от дороги, где остановились на ночь, спугнули целую стаю гусей. Озеро оказалось с хорошей пресной водой; этим отчасти и объясняется присутст-

вие в этой местности больших табунов куланов и диких коз. В этот день прошли 43 мили, а всего – 488 миль.

24/IV ***Дикие монголы. Приезд в Юм-бейсе.***

12-й день пути. Воскресенье, первый день Пасхи. В 8 ч. 45 м. утра выехали дальше. День солнечный, дует прохладный ветерок. Во время сборов в дорогу приехали из степи, как обычно, монголы, рассматривая все с любопытством, грязные и дикие, не знающие Будды (вероятно, шаманисты) и предпочитающие изображению Будды янчаны (деньги).

Едем верблюжьей тропой через пески и перевалы, временами через очень крутые подъемы и спуски. В автомобиле У. перетерлась изоляция электропровода, произошло короткое замыкание и вспышка, загорелся корпус. Благодаря присутствию духа у шофера У. пожар был вовремя устранен. На автомобиле находилось около двух тысяч патронов. Вчера по той же причине начался пожар у З. Около 6ч. вечера достигли, наконец, с большими трудностями Юм-бейсе. За день прошли 37 миль, а всего – 525 миль. Остановились, проехав монастырь Юм-бейсе, за одну милю до того места, где осенью прошлого 1926 года останавливалось монгольское посольство проездом в Тибет. Представителем местного отдела Торгпредства были немедленно присланы вода и дрова (дзак).

25/IV ***Конец автомобильного пути. Верблюды.***

С утра на стоянке образовался целый круг сидящих за чаем у костра лам из монастыря Юм-бейсе. Среди них находился лама, заведующий хозяйством монастыря, два раза ходивший с караваном в нужном нам направлении и сопровождавший до Шибочена монгольское посольство.

Рекомендован и прислан нам отделом Торгпредства. Из разговоров с ним выяснилось, что дальше двигаться на автомобилях нельзя. В подкрепление сказанного лама отметил, что монгольский главнокомандующий не мог доехать даже до границы. Мы были вынуждены отказаться от автомобилей и продолжать путь на верблюдах.

26/IV ***Буран. Подготовка каравана. Минеральные богатства. Снежные леопарды и рыси. Местные заболевания.***

Накануне с вечера поднялся сильный ветер, слегка стихший к 11 ч. вечера; после 1 ч. ночи ветер начал усиливаться и к 4ч. утра перешел в буран. Обеденная палатка, сделанная в виде большого зонтика, была сорвана; затем сорвалась палатка Ю.Н. и П.К. Моя палатка была спасена лишь благодаря вовремя подоспевшим бурятам. Далеко в пустыню унесло эмалированный таз, доски и другие вещи; летели мелкие камни. Ночь прошла без сна. Стоявший на часах бурят лама Бухаев, по-видимому, или спал, или был в общей палатке, так как во время бедствия не проявлял никаких признаков жизни, и его никто не видел, поэтому я, спасая палатку, был вынужден позвать на помощь первого попавшегося мне человека. Утром пришлось срочно обследовать местность и перебраться на новую стоянку на расстоянии одной мили у подножья гор, защищающих от северо-восточного ветра. День прошел в хозяйственных заботах по подготовке к отправке караваном бидонов для воды, взятых из-под бензина. Приезжал представитель отделения Торгпредства в Юм-бейсе И.И.Ш., который сообщил, что представитель СССР в Цайдаме, бурят, выехал оттуда ввиду каких-то неприятностей и недоразумений с цайдамским князем. Завтра отпускаем наши автомобили обратно в Ургу; повезут из Торгпредства ценную пушнину, между прочим, два редких экземпляра

шкур черных лисиц, купленных по 14 р. за каждую, и снежного леопарда (ирбис) – за 30 р., а также рысей; все звери убиты в окрестностях Юм-бейсе. Сообщают, что дальше в горах Монголии встречаются тигры.

Здесь, как и повсюду после Урги, топливо – аргал (помет) и дзак; между тем, судя по минеральным богатствам Монголии и характеру и разнообразию гор, здесь в изобилии должен быть каменный уголь или по крайней мере горючий сланец; вероятно, имеется и нефть – богатый материал для геологов.

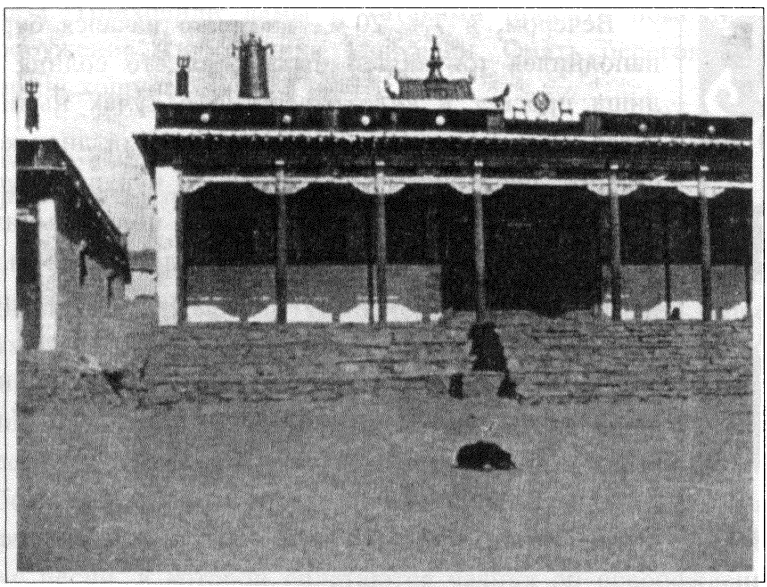
Здешний торгпред по необходимости стал «доктором», так как местные ламы лечат почти исключительно молитвами. Он говорит, что за неимением прочих лекарств всякое смазывание йодом и промывание борной водой имеет громадный успех. В этой местности, по словам торгпреда, весной бывают массовые заболевания суставов с временными, день или два, параличами; по-видимому, суставной ревматизм с явлениями неврита.

27/IV ***Монастырь Юм-бейсе. Фаллос и ведьмы. Стрельба в священных горах. Опять буран.***

В 3 ч. ночи часовой бурят Цультим явился в палатку Ю.Н. и заявил, что он стоит уже третий час без смены, тогда как лама Кейдуб стоял перед ним только один час и поэтому он больше стоять не хочет. Состоялся разговор. Выяснилось, что из четырех лам мы можем положиться только на ламу Малонова, в котором еще сохранились признаки ламства. «Поистине, драгоценное учение Будды должно быть очищено», – говорит Н.К.

Сегодня были в местном монастыре, где, видимо, понятие о грядущем Майтрейе еще очень слабо, так как многие из лам даже не знали, есть ли у них изображение «Майдере», и даже отрицали это. Изображение Майтрейи

со спущенными ногами, в виде «танки»[7] небольшого размера, мы все-таки нашли в месте, мало доступном лучам солнца. Монахи (ламы) этого монастыря производят весьма тягостное впечатление: они – народ темный, невежественный; вообще замечено, что там, где о Грядущем, о «Майдере», не слыхали или имеют малое понятие, нет жизни духа. Монастырь защищен горами. На горах ступы,



Монастырь в Юм_Бейсе.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

но превыше всего неожиданность – сооружение большого фаллоса из дерева, обложенное у основания камнями и склоненное в направлении ущелья, ведущего к населенным местностям, «откуда могут приходить женщины». По местным понятиям, среди них могут оказаться «ведьмы», против них и направлен этот фаллос, чтобы они имели его в виду и не беспокоили монахов (лам). Вчера к нашим палаткам приходили две безобразные женщины с обликом

«ведьм, кривлявшиеся и гримасничавшие, сидя у палаток; по-видимому, местные гадальщицы.

Сегодня отпустили наших шоферов, выдав им денежную премию за небольшой пройденный путь. Вечером приезжал хошун дарга (начальник хошуна) – молодой человек с тонкими чертами лица и с длинной косой. Из слов старшего ламы Малонова выяснилось, что бурят Цультим во время ночного дежурства переводит часы.

Вечером, в 7 ч. 20 м., внезапно начался буран; воздух наполнился тончайшей пылью; вместо солнца был виден лишь просвет в виде отверстия в тучах пыли, а потом, когда пыль немного улеглась, солнечный диск казался блестящим, серебристым. Вечером, до бурана, обучали бурят стрельбе из винтовок. Потом были получены из монастыря сведения, что местность у гор, где мы стоим, священна, и здесь нельзя ни стрелять, ни убивать животных. Ночью буран продолжался с большей силой, обрывая палатки. В таких случаях спать не приходится, лежишь и думаешь, что каждую минуту все оборвет и разнесет. К 7 ч. утра все стихло.

28/IV ***Буран сносит юрты. Гадание тибетца. Зверь «шарагол».***

Погода холодная. Вновь поднялся порывистый ветер. Небо обложено тучами; порхают снежинки. Во дворе Торгпредства, находящемся под защитой гор и стен, ночью бураном снесло юрту. Юрта торгпреда, собственно, уполномоченного торговой экспедиции, была прикреплена на ночь к тяжелому камню, который приподнимался под ударами ветра.

Холодная погода приятна для верблюдов – лучше идут, но тяжела для людей из-за порывистого ветра, несущего с собой бессонную ночь, простуду, иногда слабость и

головную боль. К вечеру буран усилился, и начал порхать снежок.

Тибетец Кончок гадал по трещинам на бараньей лопатке, которая предварительно была брошена в огонь костра. От одного из бурят, родом из местности около Кяхты, слышали рассказ-легенду о многоногом звере «шарагол», который для него страшнее ирбиса – снежного леопарда; трудно определить, что находится в основании этого рассказа. Приходили ламы с хатаками просить помощи на сооружение изображения Майтрейи. Опять переговоры с даргой хошуна.

29/IV ***Договор с караванщиком. Содержание песни о Шамбале. Предсказание хамбо о времени Шамбалы.***

С утра началось составление договора с ламой-караванщиком за караван до Шибочена, причем в счет общей суммы 820 мекдолларов ему было выплачено вперед 500 мекдолларов. Обещал, что завтра мы обязательно выступим, несмотря ни на какую погоду. Стоит солнечная, но все еще холодная, слегка ветреная погода. Сегодня буряты обещали сообщить перевод песни Сухэ-Батора о Шамбале. Вечером среди лиловых сумерек узнаем краткое содержание песни, в которой сплетаются чаяния об освобождении с древними чаяниями о построении нового мира:

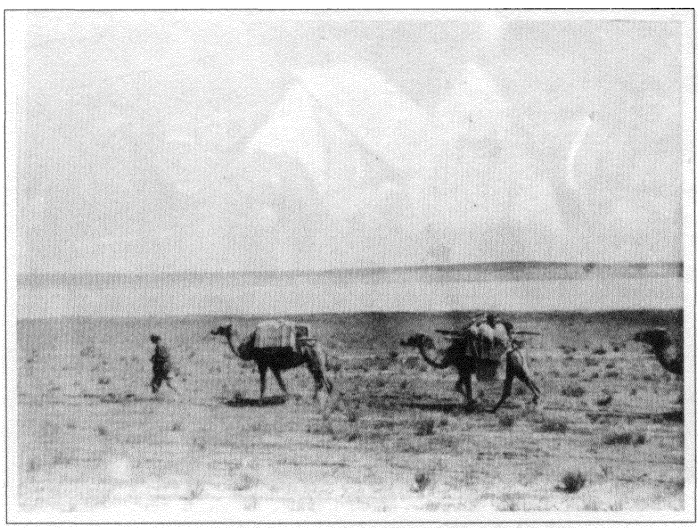
«Приходит время Шамбалы, и наступит великий бой.
Все воины, соберитесь к этому бою,
И под красным знаменем Шамбалы мы победим
гаминов (китайцев) и всех темных,
И не будет на земле больше всякой мерзости».

Тут же бурят Цультим сообщает, что хамбо их Гандена (монастырь в Монголии, в Урге) сказал ему о начале наступления времени Шамбалы в 1931 году. Монголия про-

вожает нас тем же знанием о времени Шамбалы, которое было явлено перед нами и на юге, и на западе, и на востоке Азии. Осматривали верховых верблюдов; опять собираемся в дорогу, укладывая наши книги путевых наставников и друзей: «*Гималайское Учение Общины*», «*Основы Буддизма*», книги С.Вивекананды[8], Рамакришны[9], тома путешествий по Тибету, – и неожиданно книги Анатоля Франса[10], как бы последний знак скептического и просвещенного Запада.

Часть II

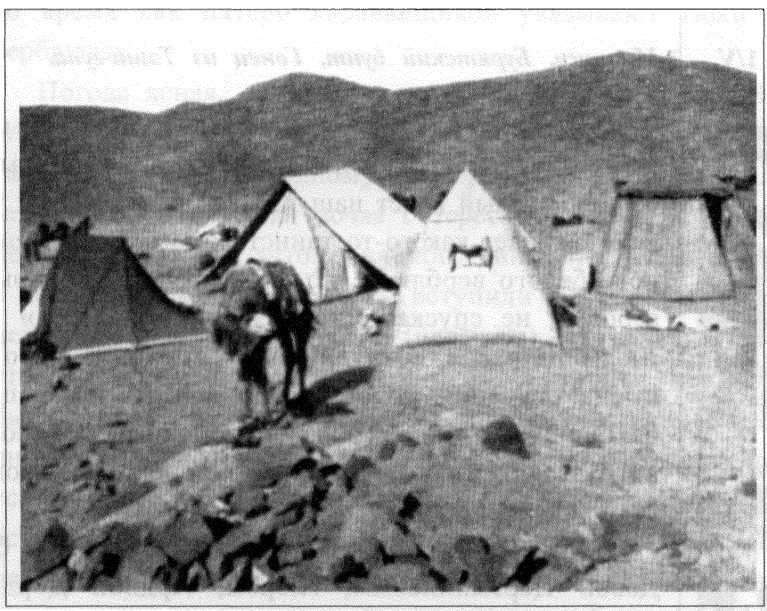
ЮМ-БЕЙСЕ—ШИБОЧЕН



Караван Н.К. Рериха в Гоби.

30/IV ***Выступление каравана. 41 верблюд. Остановка в Гоби.***

Земля запорошена снегом; небо обложено тучами, холодный ветер умеренной силы – белый «хатак» на дорогу. Прибыли верблюды – всего 41, по-монгольски «тэмэ». Вероятно, название по звуковому сходству с их ревом. Ночью заболел один из молодых бурят – опухоль яичка (Orchitis) на почве бывшего ранее (полгода назад) хронического уретрита гонорейного происхождения. Продолжать путь на верблюде он не мог и был отправлен обратно в Ургу на автомобиле.



Лагерь в монгольской Гоби.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

В 11 ч. 30 м. вышли из лагеря и остановились в Гоби на равнине, покрытой небольшими кочками, в 4 ч. 30 м. Две молодые верблюдицы жалобно ревут, так как оставили верблюжат дома. Один молодой верблюд, видимо, оз-

лобленный, плюется. По подсчетам караванщика, сегодня пройдено 20 верст. Верблюжья тряска вознаграждается прекрасными видами с далекими равнинами и окружающими их запорошенными снегом горами. Весь сегодняшний путь представлял собой отличную автомобильную дорогу с мелкой галькой и умеренным количеством песка. «Все-таки, – говорит Н.К., – нелепо было двигаться четыре часа там, где на машине можно было пройти примерно за час». Но сколько-нибудь достоверных сведений о дороге так и не смогли получить – каждому она представляется по-своему.

1/V ***Миражи. Бурятский бунт. Гонец из Таши-гуна.***

2-й день продвижения каравана. «С черных гор спустится белый верблюд», – сказал нерва монастыря из Юмбейсе, который ведет наш караван верблюдов и уже третий день ожидает какого-то таинственного, совершенно особенного белого верблюда, но, видимо, черные горы высоки – верблюд не спускается. Оказывается, «Мила» и «Рея» – Людмила и Рая, сотрудницы экспедиции, – это тибетские имена, звучащие родственно и знакомо для нашего тибетца Кончока. Утром верблюдов гоняли на водопой, поэтому погрузка началась лишь в десятом часу. Наблюдали миражи в виде озер.

В начале погрузки произошел конфликт с бурятами – Давой Церемниловым, Аюром, Ардной Дорджиевым и Цультимом. Ввиду безопасности проходимой местности и нежелательности оставлять на руках у них боевые патроны в мирной обстановке, тем более, что некоторые из них не внушают доверия, боевые патроны у них были отобраны. Тогда, видимо, по почину Церемнилова (возвратил ружье первый), все буряты отказались от ружей и возвратили их как непригодные для боевых патронов. Явное нарушение

дисциплины – нежелание повиноваться приказу. Вчера на предложение разделить работу заболевшего Данзана Церемнилова тот же Дава Церемнилов заявил, что работу заболевшего исполнять не будут. Резкая разница по сравнению с услужливым, работящим и веселым тибетцем Кончоком. Хотя далай-ламский доньер в Урге и дал о нем отрицательный отзыв, другого выбора не было. Монголы считают бурят полулюдьми, а караванщики-монголы смеялись над нашими бурятами, называя их «нойонами», то есть господами, за то, что они сидят и разговаривают, в то время как пятеро караванщиков увязывают тюки на верблюдах.

Погода ясная, солнечная, с прохладным ветерком. Вышли в 11 ч. утра. Два часа шли по нагорью, покрытому галькой, вполне пригодному для прохождения автомобиля; затем шла суглинистая почва с терескеном (дзак), уже менее доступная для автомобильного движения, разве только в очень сухое время. Когда вступили на горные тропы источенного временем дабана (перевала), то, конечно, всем стало ясно, что никакая машина тут пройти не могла бы. На том и закончились все наши воспоминания о машинах. Шли до 7 ч. вечера, поправляя часто разбивавшиеся сложные комбинации вьюков на верблюдах. По дороге встретили табун куланов, которые, не обращая внимания на верблюдов, доверчиво расположились вблизи каравана. По пути получены ценные сведения от тибетского гонца, едущего в Таши-гун (монгольский монастырь). Все наши прежние сведения подтверждаются. Остановились на ночлег в красивой местности между горами. Перед сном опять чай, пахнущий аргалом, и чудное зрелище Венеры и Ориона. Итак, эти дальние миры действенно и живо входят в нашу жизнь.

Беспокоимся за нашего сотрудника, с которым должны встретиться в Шибочене. Неужели он уже ждет нас в полной неизвестности?

2/V ***Белый верблюд. Буряты требуют прибавки жалованья. Первые цветы.***

3-й день пути нашего каравана. Вчера белый верблюд все-таки ожидал нас у черных гор, но оказался молодым, двух лет, и очень сердитого и непокорного нрава, ввиду чего его забраковали и не купили. Вышли около 11 ч. утра и вскоре попали в ущелье с песчаным дном, с двух сторон окруженное скалами. В первый раз сегодня встретили цветы багульника – пышные кусты, густо покрытые розовыми цветами. Четверо бурят справлялись о прибавке жалованья. Было передано через Ардну Дорджиева, что расценки в нашей Миссии твердые. Несмотря на яркое солнце, погода прохладная – все время дует свежий ветер. Вечером, в 7 ч. 20 м., пройдя через ущелье, остановились в горах у колодца. Местность после выхода из ущелья, по которому шли около 1 ч. 30 м., была песчаная, обильно покрытая кустами и дзаком.

3/V ***Цого-усу. Ущелье и перевалы. Буран с дождем.***

4-й день пути каравана. Один из бурят – Цультим – выпросил себе ружье, принеся повинную. Путь наш лежит на Анси; прошли пятую часть. Местность, где мы остановились, носит название Цого-усу. С утра дует северный ветер. Горизонт в тумане – где-то буран. За нами надвигаются грозные тучи. Вышли в 11 ч. утра. Тибетец Кончок вспомнил, что на Цого-усу останавливался Далай-Лама, когда ехал в Ургу во время наступления англичан на Лхасу. С 11 ч. утра до 3 ч. дня шли среди железных гор, где сама природа, не дождавшись человека, выставила на-

показ из своих недр железную руду. Проходили сказочно красивыми ущельями, подымаясь и спускаясь на перевалах. К вечеру ветер усилился, и после 7 ч., когда остановились на ночлег в долине, разразился буран с дождем.

4/V

Священная надпись и фаллос. Фантастические обо. Безлюдье.

5-й день пути каравана. Вышли в 10 ч. утра. Погода теплая, небо облачное. Вскоре увидели на песке, покрытом мелкой черной щебенкой, написанную громадными тибетскими буквами священную формулу: «Ohm mani padme hum»[11]; немного дальше был изображен на песке, по-видимому, тем же «благочестивым» человеком громадный фаллос с подобающей тантрической надписью по-тибетски. Дорога шла большей частью пустыней; кругом песок, с мелкой щебенкой, дзаком, изредка цветущим багульником; иногда пустыню пересекали невысокие холмы и выветренные обнаженные горы. Три дня уже не встречаем ни людей, ни караванов. Вчера снова видели табун куланов. По песку изредка бегают небольшие серые ящерицы и черные жужелицы. Птиц нет.

На вершинах гор встречаются – как добрые знаки и приметы пути – обо, причудливо сложенные из уродливых толстых корней и стволов дзака. Так, на одной вершине – в виде черепа какого-то допотопного животного, на другой – в виде громадного скелета неведомого зверя. Только когда подъезжаешь ближе, видишь свою ошибку. На верблюжьей тропе встречаются побелевшие на солнце кости и небольшие обо из камней. Вчера в горном ущелье, в совершенно сказочной обстановке, увидели студеный ключ, выбивающийся из-подо льда у самого подножья громадной черной скалы, и это среди знойного раскаленного воздуха ущелья. Завтра, в 3 ч. дня, караванщики обещают краси-

вую стоянку у реки с деревьями и травой. Остановились в 7 ч. вечера в долине; откуда-то веет ветерком с чарующим ароматом незнакомых цветов. Ардна Дорджиев попросил вчера вечером ружье; ему его дали, но без боевых патронов.

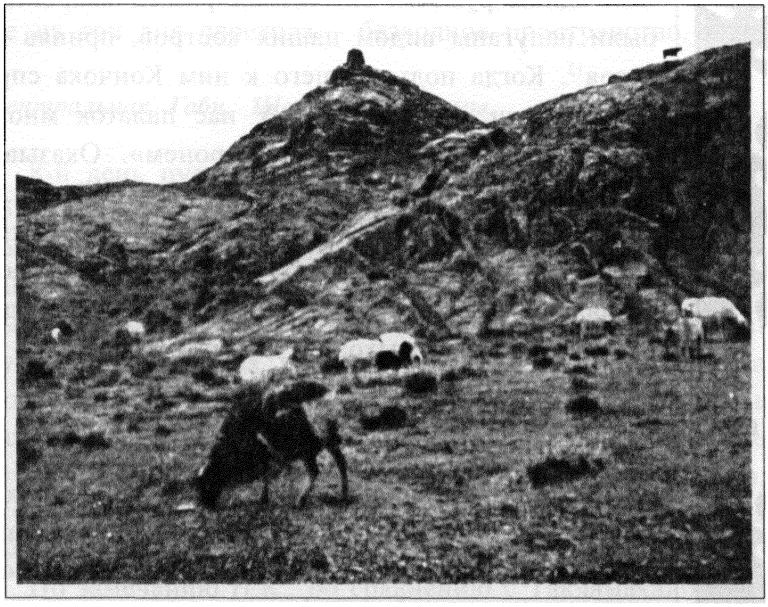
5/V *Первые деревья. Развалины. Выстрел. Тревога.*

6-й день пути нашего каравана. Вышли в 9 ч. 15 м. Второй день идем кратчайшим путем по безводной пустыне. Обещают нечто вроде земли обетованной или оазиса. В 16 ч. 30 м. добрались до чистого ручья у подножья гор среди зарослей высокой травы, еще желтой, и зеленеющих мощных деревьев и высоких кустов. По дороге встречали цветущий белыми и розовыми цветами дикий лук.

Не надо забывать, что подобные ручейки в известное время года, разливаясь, превращаются в бурные, стремительные реки, несущие ил, вырванные с корнем деревья и прочее. Еще до этого ручейка вся громадная равнина, по которой мы ехали, была покрыта илом; там и сям валялись громадные стволы деревьев. Палатки раскинули над ручьем под большими деревьями (урочище Шара-хул-усу) у подножья гор. Виды лагеря живо напоминают описание природы в романах Майн Рида[12]. Остановка в красивой местности под деревьями не обошлась без препирательств и крайней степени неудовольствия со стороны караванщиков, которые непременно хотели остановиться на обычном загрязненном аргалом и топком месте у ручья; грозили даже бросить нас и увезти назад верблюдов, но, разумеется, вышло по-нашему.

Ходили с Н.К. осматривать остатки китайских строений на соседней возвышенности; говорят, что здесь, на этом караванном пути, китайцы раньше сеяли опиумный мак.

Возможно, что в еще более отдаленное время здесь находилось сторожевое, а может быть, и разбойничье укрепление.



Древнекитайская сторожевая башня, южное Гоби.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

Вдруг в одиннадцатом часу вечера со стороны ущелья раздался ружейный выстрел. Огни в палатках и на кухне немедленно были погашены, все приняли боевую готовность, вооружась винтовками и револьверами. Была выставлена цепь стрелков и послан разведчиком тибетец Кончок, говорящий и по-монгольски. Потом послышался лай собак и звон идущих верблюдов, что дало нам повод думать, что идет торговый караван, а по количеству сторожевых собак – что он из Тибета. Прислушивались: наконец наш лазутчик Кончок, видимо, достиг неизвестных и вступил с ними в переговоры. Вместо условленных двух выстрелов в случае тревоги послышалось веселое пение

Кончока, что означало полное спокойствие. Возвратившись, разведчик сообщил, что видел торговый китайский караван из 65 верблюдов, двенадцати человек, вооруженных одним ружьем. По словам разведчика, люди каравана были напуганы видом наших костров, приняв нас за хунхузов[13]. Когда подъехавшего к ним Кончока спросили, что мы за люди, он ответил: «У нас палаток много, а у вас только одна, но мы вас не тронем». Оказывается, этот выстрел был своеобразной тактикой китайских караванщиков, примененной с целью запугать и показать, что едут вооруженные люди. Тем не менее, на ночь часовые были оставлены с заряженными винтовками. Ввиду дневной жары решено было выходить вечером и идти до 12 ч. ночи.

6/V ***Нападения на караваны. Травы. Безводье.***

7-й день пути нашего каравана. Утро прохладное. Из китайского «враждебного» каравана пришел татарин, уроженец Семиреченской области, говорящий по-русски, и предложил зеленый чай Липтона, сгущенное молоко и шоколадные конфеты. От него мы узнали, что месяц тому назад в этом месте среди бела дня был ограблен монголами караван, убит один человек, лошадь и верблюд, при этом взяли только верблюдов, оставив товары, принадлежащие торговой фирме Бреннер. Караван был безоружный. Предполагаем, что это могли быть халхасцы юмбейсейского хошуна или же остатки шаек пресловутого Дже-ламы. Во всяком случае, добрых 11 дней нам предстоит продвигаться, приняв все меры предосторожности.

Далее выступили в 2 ч. 30 м. пополудни. Погода продолжает быть прохладной благодаря ветру. Едем ущельем гор средней высоты, преимущественно гранитных, сильно выветрившихся и изъеденных атмосферными осадками, причудливой формы. При выходе со стоянки измеряли на

глаз высоту травы. Оказалось, что она полностью скрывает верблюда с седоком.

Выйдя из ущелья, вступили на песчаные развалины Центральной Гоби. Шли до 12 ч. 30 м. ночи до воды. Дальше на три дня перехода – безводное пространство.

7/V ***Центральная Гоби. Шайки Дже-ламы.***

8-й день пути каравана. День облачный. Вышли в 2 ч. 45 м. пополудни, предварительно наполнив 40 бидонов водой ввиду предстоящего безводного пространства. В караване идет 50 верблюдов и 21 человек. Шли частью степными пространствами, частью ущельями пересекающих пустыню небольших хребтов и холмов Гобийского Алтая. Воздух теплый, с небольшим ветерком, чувствуется аромат пахучих растений. Путь идет на Анси-чжоу и Шибочен, который надеемся пройти в 14 дней. На стоянку стали около 1 ч. ночи при слабом свете затуманенного серпа луны на горизонте.

По замечанию Н.К., по сравнению с Такламаканом Центральная Гоби представляется гораздо насыщеннее красками и живописнее. Продолжаются упоминания о шайках Дже-ламы, а потому продвигаться ночью еще и безопаснее. Сегодняшний день не только безлюден, но и зверей не видно; только следы на песке антилоп и куланов указывают, что изредка здесь пробегают животные.

8/V ***Эротика пустыни. Ночной переход.***

9-й день пути каравана. Вышли днем в 2 ч. 30 м. День прохладный. Пустыня черного цвета от мелкой щебенки и гальки, которой густо усыпан песок. В трех местах на земле встретили громадные изображения обнаженных мужских и женских фигур в эротических позах; тут же в одном случае был изображен и верблюд. На полпути встре-

тился небольшой водоем соленой воды. Небо покрыто кучевыми облаками; временами идет непродолжительный дождь. Шли при луне и остановились во втором часу ночи, чтобы в 5 ч. снова подняться и двинуться дальше к воде, так как в это время года, когда у верблюдов идет линька, их нельзя оставлять без воды дольше двух дней – быстро теряют силы. Большая часть спутников, тепло укрывшись, спала в течение двух часов на открытом воздухе при холодном ветре.

9/V ***Белая пустыня. Колодцы. Прошлое лам. Молчите в пустыне.***

10-й день пути каравана. Встали в 5 ч. утра и выступили в 7 ч. Это день белой пустыни, так как вся местность покрыта щебенкой белого цвета из выветрившихся горных пород. Местность холмистая; вдали виднеются более высокие горы, куда мы должны дойти сегодня, чтобы напоить верблюдов и сделать запасы воды у колодца. Достигли гор только в начале четвертого часа пополудни. День чрезвычайно жаркий и солнечный, утомительный. Остановились, измученные жарой и восьмичасовым переходом, у водоема среди гор – обычного в пустыне глубокого, обложенного внутри камнями колодца, ничем не закрытого; в глубине виден толстый слой льда. Снаружи ничем не огражден – может попасть и человек, и животное, ветер несет в него песок пустыни. Вода мутновата, но холодная и приятного вкуса. По дороге к Юм-бейсе мы увидели колодец, куда, по-видимому, несколько часов тому назад провалилась корова, упав головой вниз. Тут же около колодца желоб для верблюдов, причем остатки грязной воды стекают обратно. Когда же, наконец, в подобных безводных местностях драгоценные источники питьевой воды будут содержаться надлежащим образом?

Вечером куковала горная кукушка. Постепенно выясняется прошлое наших спутников. Вот монгольский лама Ламаджан. Узнаем, что прежде он был разбойником, потом контрабандистом, солдатом, теперь раскаялся и идет для завершения ламского образования в Лхасу. Другой – Дава Церемнилов, бывший контрабандист, партизан Сухэ-Батора, потом красноармеец, поющий про Шамбалу. Оба были очень рекомендованы некоторыми видными лицами. Вероятно, до конца путешествия узнаем подробности и о других наших спутниках.

Вот беда – пустыня услышала о нас. К вечеру поднялся вихрь; оказывается, мы же сами в этом и виноваты – громко произнесли название места остановки и тем самым оповестили по мнению монголов-караванщиков, злые силы пустыни. Они могут обнаружить местопребывание путников и наслать любое несчастье. Никто не должен знать о местах стоянки – в этом заключается какой-то тайный смысл. Вечером толковали об отправке П.К. в Сучжоу на поиски ожидаемого нами сотрудника. П.К. поедет в монгольском кафтане.

10/V ***Верблюжья тропа. Таинственный Дже-лама.***

11-й день пути. Ввиду возникших с вечера слухов о близости мест, где действовали остатки шаек Дже-ламы, утро началось с военных приготовлений. Всем было роздано оружие, установлен порядок охраны каравана и план действий на случай нападения. Даже старший лама Малонов сунул для устрашения в пустой чехол палку. При выступлении в 3 ч. 45 м. пополудни караван уже имел военный вид с соответствующими группировками всадников, вооруженных карабинами. В этот день был сделан большой перевал через крутой и высокий дабан – это кратчайшая дорога, открытая одним из лам-караванщиков, 30

раз ходившим с караванами. Другая, западная обходная дорога длинна и безводна – монгольское посольство в прошлом году претерпело на ней много лишений.

После перевала через дабан еще засветло (причем, наших верблюдов вели наши спутники и караванщики) мы увидели на песке изображение большого субургана из белых (кварц или алебастр) камешков. Нам сказали, что это работа пленников Дже-ламы. Вечером при свете луны шли красивым узким ущельем – между камнями мог пройти только один верблюд.

О Дже-ламе рассказывают, что он окончил юридический факультет Петербургского университета, затем изучал метафизику в Лхасе, в чем достиг значительных успехов и влияния, но по причине какой-то кровавой ссоры должен был покинуть Тибет. Прибыв затем в Монголию, Дже-лама отличился в войнах с китайцами и даже, заняв Кобдо, вырезал там китайское население. За военные успехи Богдо-геген пожаловал ему звание Таши-гуна и подарил хошун Кобдинского округа. После ссоры с местным казачьим полковником Дже-лама был арестован (для нас это непонятно) и увезен в тюрьму в Иркутск, а затем в Астрахань, где его освободила революция 1917 года. После этого он опять возвратился в Монголию и «эволюционировал» в могущественного разбойника, может быть, мстителя. Дже-лама закладывает целый разбойничий город, грабит десятки караванов, частью убивая людей, частью оставляя пленниками для своих строительных целей. Затем он был предательски убит монголами, и его голову на копье возили по городам страны. Кстати, об этой голове ходят целые легенды. И вот остатки его банд, опустившиеся и окончательно озверевшие, продолжают разбойничьи нападения. По дороге много конских следов – разбойники на конях. На ночь приняты всевозможные меры предосторожности.

Кроме бурят, сторожевую службу несут и сотрудники каравана. До сих пор от зноя нас спасает прохладный ветер. Как-то будет дальше? Остановились в 12 ч. ночи.

11/V

Телем — формула добра.
Приближение к бывшей ставке Дже-ламы.

12-й день пути каравана. День жаркий, с прохладным ветерком. Старший лама Малонов, набрав вчера по дороге кварцевых камней, сегодня на одном из холмов выложил из белых камней пять букв алфавитом ланза (алфавит буддийских писаний Непала), означающих формулу добра, – «телем». Он же вчера и к субургану добавил несколько белых камней, выложив из них какое-то слово, внеся таким образом свою анонимную лепту.

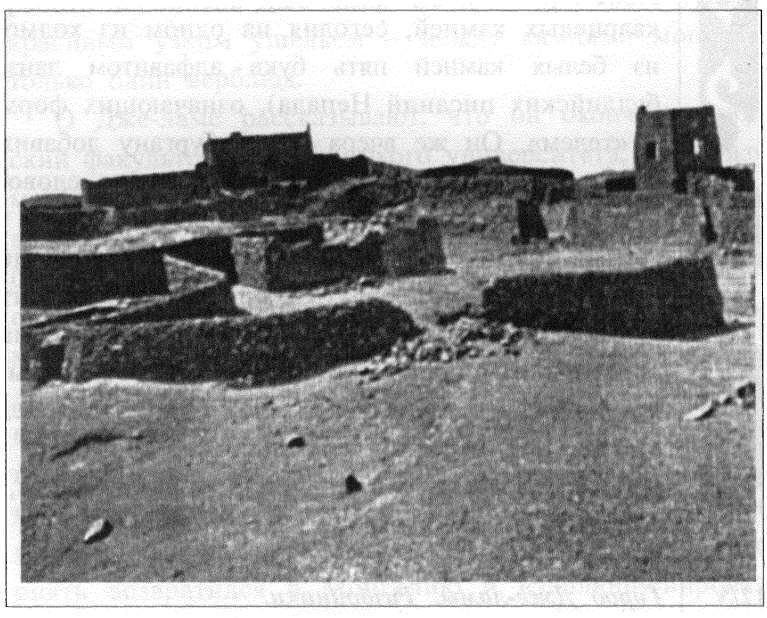
Говорят, что сегодня мы будем стоять на месте ставки пресловутого Дже-ламы. На синеющем горизонте указывают вершину, подле которой был город Дже-ламы. Уходя со стоянки, обнаружили пять старых стреляных патронов магазинки – единственный след пребывания человека. Несмотря на уверения караванщиков, что будет небольшой переход, воды достигли лишь к 11 ч. вечера, тогда как отправились в путь в 3 ч. 5 м. пополудни.

12/V

Город Дже-ламы. Разбойники.
Переодевание в азиатское платье.

13-й день пути каравана. С рассветом невдалеке от нашей стоянки обрисовался город Дже-ламы. Прекрасно выбранное место для укрепленных сооружений в пустыне. Вид феодального замка тибетского типа, на холме, с дозорной башней на центральном здании, боковой башней, широким двором, конюшнями и помещениями для солдат и слуг. Все обнесено каменными стенами с бойницами. Перед холмами две могилы из камней, скрепленных гли-

ной. Широкий размах и недюжинный замысел постройки. Вспоминается книга Ф. Оссендовского[14] *«И звери, и люди, и боги»*, где Дже-ламу он называет «мстителем», рассказывает о встрече с ним и удивительном случае проявления Дже-ламой глубокого познания практического применения гипнотизма. Нет, это не простой разбойник проезжих дорог, судя уже по его высшему европейскому юридическому образованию.



Дворец Дже-ламы.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

Утром небольшое беспокойство причинили замеченные вдали две палатки – майханэ. После выяснения оказалось, что версты за четыре от нас остановился караван купцов. Тибетец Кончок советует во избежание излишнего любопытства китайцев пройти китайскую территорию в ночное время – тибетцы знают китайцев. Начали готовиться к поездке в Сучжоу за ожидаемым сотрудником – П.К. пое-

дет в монгольском одеянии. Погода жаркая. Нерва «насвистывает» ветер. При осмотре источников питьевой воды оказалось, что вода ключевая, даже обделан грунтом ряд бассейнов ниже истоков, в долине; то же сделано для животных. На значительном расстоянии от стен укрепленного замка была устроена свалка. Все это лишний раз указывает на необычную личность Дже-ламы – «ламы-мстителя», у которого, очевидно, были какие-то своеобразные представления о культуре и благоустройстве; в абсолютно мертвой пустыне он строит не просто укрепленный замок, а город, сохранивший следы окружавших его когда-то юрт.

Вышли в 3 ч. 5 м. пополудни и вскоре увидели два больших каравана всего в сто пятьдесят верблюдов. Наш разведчик-тибетец сообщил, что видел в этом караване торгоутов, пригнавших баранов для продажи, и что среди этих людей он узнал одного разбойника, с которым ему привелось встретиться в прошлом году. Он же сообщил, что, по сведениям, полученным от караванщиков-китайцев, в этой местности имеется сейчас пять майханэ (палаток) торгоутов-разбойников. Принимаем меры предосторожности.

На днях мы ступим на территорию, где могут быть военные китайские разъезды. Чтобы не пугать своим видом, решено одеть азиатское платье. Едем сегодня местностью, имеющей вид болота с кочками. К вечеру шли мимо гор по руслу большой песчаной реки. В 10 ч. 45 м. вечера остановка среди холмов. Имеется вода.

13/V ***Разведчик. Дорога Гуй-Хан-Чен—Хами. Неточность карт.***

14-й день наш караван в пути. Должно быть, пустыня услышала наши опасения относительно разбойников: утром прискакал на коне с кремневым ружьем на рогатке торгоут в китайской одежде с синей повязкой на голове,

молодой и сильный, однако похожий на бандита, с предложением купить коня, но, видимо, для разведки, и сделал неблагоприятный для себя вывод, увидя наше вооружение. Все их разведки начинаются с разговоров о коне.

Вышли, как обычно, в 3 ч. 20 м. пополудни; долгое время шли вдоль русла песчаной реки между гор, часто встречая воду; видели двух турпанов, четырех мелких уток и четырех диких баранов на горе. Множество мелких следов ведет к воде. Пересекли трехколейную дорогу из Гуй-Хан-Чена на Хами, нигде не отмеченную на картах. Кстати, необходимо сказать, что многие сведения, нанесенные на карты, неверны, вероятно, потому, что монголы не любят произносить названий местностей во избежание случающихся, по их убеждению, несчастий с путниками при упоминании названия, так как «пустыня слышит» и таким образом узнает о местопребывании каравана. Сегодня встретили еще один караван. Верблюды пугливы – боятся черного цвета. При виде обугленного пня останавливаются и не идут. Вчера вечером испугались нашего спутника П.К., спускавшегося с гор, может быть, приняв его за недоброго человека или зверя.

14/V ***Тайна караванщиков. Боязливость бурят.***

15-й день пути. День ветреный, небо покрыто тучами. Монголы-караванщики, как обычно, скрывают не только название местности, где будет следующая остановка, но даже и срок, когда придем. То говорят, что переход короткий и придем в 9 ч. вечера, то, что переход будет десятичасовой и придем в 2 ч. ночи. Выходим в 4 ч. 4 м. пополудни. Встречаются следы лошадей и колейной дороги. В одном месте ясно видны следы убегавшего от лошади ба-

рана, в стороне следы монгольских сапог, а далее за кочкой – потник от седла.

Вот что, видимо, произошло: всадник, преследуя раненого барана, потерял к вечеру потник седла, искал его потом и не нашел.

Нерва уехал вперед для встречи с живущим неподалеку торгоутом, говоря, что едет за покупкой барана. Действительно, не доезжая до стоянки, мы встретили три юрты и стада. Очень странны эти выезды караванщика вперед для встречи с торгоутами, о которых вообще существует здесь убеждение, что они грабят караваны, – не дипломатический ли это шаг осведомления о своем караване, подсчет сил и винтовок и в зависимости от этого свободный пропуск через территорию?

Верблюды начали заметно уставать – вчера один сбросил поклажу. Вечером становятся боязливы – пугаются наших бурят, идущих пешком впереди. Стали у колодца в красивой долине среди гор. На одной – башня (цзонг[15]). Наши буряты, думая уже теперь об обратном пути, боятся идти пройденной дорогой через Внутреннюю Монголию, так как слышали, что китайцы опрашивают караваны и «убивают бурят и русских». Некоторые заявляют, что пойдут обратно «через Англию».

15/V ***Китайская башня. Торгоуты-кочевники. Слухи о военных действиях Фына.***

16-й день пути нашего каравана. С утра пришли три торгоута, пригнавшие к колодцу стадо баранов и коз. Всю ночь и до 8 ч. утра кричала выпь. Утром куковала кукушка. Взбирались на гранитную скалу, на которой построена башня. Это оказалось сооружение из самана (глина с дзаком), обложенное снаружи камнями.

Пришедшие торгоуты рассказывали, что дней шесть назад прошел караван по китайской дороге на Анси с деньгами генерала Фына. В трех днях пути от Анси собраны большие силы. Может быть, дунганская конница? Можно думать, что это начало той самой Синьцзянской операции, о которой говорили больше года тому назад. Вышли в 3 ч. 30 м. пополудни; шли все время руслом песчаной реки. В одном месте слева от дороги увидели на скале сооружение из глины (китайская кумирня), а рядом колодец. Небо облачное, день теплый. Ехали вечером, как обычно, при луне. Переход был коротким. Остановились в 10 ч. вечера. Теплая лунная ночь, долина, красиво окаймленная горами, – теперь начнется китайская земля. Завтра пойдем дальше на Анси-чжоу с величайшей осторожностью и в азиатской одежде; может быть, придется в некоторых местах идти ночью и не раскладывать палаток, поскольку в Китае идут военные действия.

16/V ***Опасение встречи с китайскими тыловыми частями. Подход к Анси-чжоу.***

17-й день пути нашего каравана. Сегодня обещают долгий переход, чтобы завтра еще засветло перейти реку Анси. Советуют быть осторожными и продвигаться как можно быстрей и незаметней, так как поблизости расположены тыловые части китайских войск.

Выходим в 1 ч. дня. Местность все время ровная, какая-то серая, пыльная и скучная, гор нет, лишь на горизонте небольшие холмы. Вдали показался расположившийся на отдых караван, однако, приблизившись, увидели, что это просто груда дзака. Местность между Китайской стеной и Китайским Туркестаном безлюдная. Идем без карты, убедившись в ее неточности. По карте здесь горы Золотоносные (Босян-Цза). На самом же деле – равнина без всяких

признаков гор на горизонте. Остановились в 11 ч. вечера, сделав десятичасовой переход. Все время с ночи – холодный ветер.

17/V

Бесцельные блуждания под стенами Анси. Река отведена китайцами. Остановка на болоте ночью.

18-й день пути каравана. Дует порывистый холодный ветер, так что приходится надевать шубы и теплые шапки – для середины мая довольно необычно. Выходим раньше, в 12 ч. 45 м. утра, так как необходимо, по словам караванщика, еще засветло перейти вброд реку Анси; влево к востоку, в стороне, продолжают виднеться горы Босян-Цза (Золотоносные). Вдали в тумане – горы, у которых расположен город-крепость Анси-чжоу (провинция Ганьсу); мимо него мы должны пройти, имея на руках, на всякий случай, разные рекомендательные письма к китайским властям. Влево тянутся китайские поселки по дороге в Сучжоу.

Через два-три часа пути увидели зайца, а потом стадо антилоп – признаки жизни и близости воды; слева вдали показались китайские строения, может быть, булунгир (деревня). Сворачиваем западнее, где на горизонте виднеется город. Караванщики упорно не сообщают нам ни маршрута, ни времени предполагаемой ими остановки, идя то на восток, то снова поворачивая на запад, делая по ровной местности совершенно непонятные нам зигзаги.

Дело объясняется или какой-то хитростью – выиграть время и пройти мимо города ночью, – или просто какими-то суевериями: обмануть враждебных им темных духов, или же незнанием пути. В одном месте, когда уже стемнело, нерва, несмотря на наши предосторожности – сняты даже глухари-бубенцы с двух верблюдов, – вдруг начинает впереди о чем-то сигнализировать зажженным дзаком. Го-

ворят что-то о рытвине, которой не оказалось. В 1 ч. 30 м. ночи вдруг остановились в каком-то болоте. Сообщают, что тут была река, но китайцы отвели ее арыком на поля. Разгружаем верблюдов и без сна проводим ночь до 3 ч. утра, не раскладывая палаток. Резкий холодный ветер. Все в шубах.

18/V ***Проводники теряют путь. Китайский лес. Фазаны. Вынужденная остановка у реки в лесу. Ночь на стоянке в виду снегового хребта Нань-Шань.***

19-й день пути. В 3 ч. 30 м. в полутьме выступаем. К нашему изумлению, идем прямо на город, почти натыкаемся на какие-то башенки, по-видимому, постовые, к счастью, без солдат. Видны телеграфные столбы. Поворачиваем назад, начинаем быстро продвигаться влево, вдоль глубокого арыка, через который не перебраться. Часа три идем по песку вдоль арыка. Наконец недалеко от китайской деревни около засеянных зеленеющих полей переходим вброд арык. По бокам арыка зеленеют деревья. Солнце уже встало, и мы дефилируем перед выходящими в поле китайцами-поселянами. Пересекаем большую дорогу с телеграфными столбами и движемся к лесу через развалины старого города. Лес зеленый, низкорослый, однако деревья значительно выше верблюда со всадником. Среди леса вьется мутная быстрая речка. Вид этот какой-то непривычный, новый, картинный. Кричат с резким кудахтаньем, пугающим верблюдов, вспархивающие фазаны. В испуге прыгает небольшой зверек на длинных задних ногах величиной с крысу, по-видимому, тушканчик. День жаркий. Караванщики заявляют, что дальше дорогу забыли и потому необходима остановка у реки в лесу, а сами они должны ехать в китайскую деревню навести справки о дальнейшем пути до Шибочена (округ Кукунор).

Палаток не расставляли, так как время стоянки с 9 ч. утра и до 3 ч. дня. Жара – Е.И. чувствует себя очень плохо. Вода в речке желтая от мельчайшей пыли; течение быстрое. Верблюды объедают листья деревьев с ветками. Вышли в 3 ч. 30 м.; идем вдоль гор к ущелью. Узкое ущелье привело к возвышенности, с которой открылся вид на снеговой хребет Нань-Шань. Остановились в 8 ч. вечера в долине, где накануне расположилось семь юрт монголов со стадами. Вода почти болотная, вытекающая тонкой струйкой из почвы. При прохождении мимо юрт заметили печальную картину глубокой скорби лошади, потерявшей своего жеребенка, павшего, вероятно, накануне после трудного пути. Лошадь стояла над ним, наклонив голову, с видом глубокой печали, смотря на него и, может быть, охраняя труп, так как одна черная монгольская собака уже лежала вдалеке, наблюдая, другая же бродила около юрт. До Шибочена остается один длинный переход. Имеет смысл пройти его в два дня, чтобы прийти утром.

19/V ***Цены на лошадей. Гадюка под седлом. Рассказы лам о ядовитых газах в горах Тибета. Охранная зона Гималайского Братства.***

20-й день пути. Погода жаркая, с небольшим ветерком. Утро начинается с того, что монголы, поймав лошадей, привели их для продажи. Запрашивают несообразную цену в сто янчан, тогда как в Урге хорошую лошадь покупали за пятьдесят янчан. Приходят группы монголов, некоторые – из Халки. Сообщают, что здесь, в Китае, жизнь дешевле. Привели больных фурункулезом и трахомой. Один из наших бурят, Дава Церемнилов, заявил о своем желании возвратиться из Шибочена с обратным караваном в Ургу, что совпадает и с нашим желанием, так как

мы сами хотели отправить его из Шибочена ввиду его ненадежности, что уже было отмечено в дневнике. Около 3 ч. дня бурят Аюр Дорджиев увидел около бурятской палатки под седлом одного из верблюдов, груженных водой, змею, которую и убил ташуром (палка погонщиков верблюдов), нанеся ей несколько ударов. Это оказалась серая гадюка длиной около 0,75 аршина. Погода жаркая. Вышли вечером, в 5 ч. 20 м., все-таки купив мерина за 43 мексиканских доллара. Сначала двигались по извилистой равнинной дороге, затем вошли в ущелье, где стремительно и с шумом несется мутная река Шибочен-гол. Шли ущельем до 1 ч. 30 м. ночи.

На предыдущей стоянке, где была убита гадюка, рассказывали, что дальше много змей – вероятно, в болотах Цайдама – и что из почвы выделяется «угар». То же самое несколько дней назад рассказывал бурятам лама Малонов, не бывавший, однако, в Тибете, что в Тибетских горах люди угорают. Местность, где существуют ядовитые газы, будто бы тянется на 21 день пути. Действительно, в Тибете существует запретная зона Гималайского Братства, где, с одной стороны, имеются гейзеры, выделяющие ядовитые испарения, с другой, существует и специальная газовая и другая охрана от особо нежелательных или случайных посещений запретных мест.

20/V ***Испуг верблюдов. Развалины укреплений. Китайская усадьба. Красивые формы гор.***

21-й день пути каравана. Прибыли на место стоянки в ущелье у Шибочен-гола в 1 ч. 30 м. ночи. Встали рано, чтобы в этот же день прийти в урочище Шибочен, так как караванщики уверяют, что осталось не более шести часов пути. Вышли в 10 ч. утра; шли через ущелье. Верблюды

утомлены и потому, вероятно, стали очень боязливы. Неожиданно из кустов около реки показался небольшой черный осел. Этого было достаточно, чтобы верблюды бросились бежать, разбили часть груза, сбросили одного проводника ламу-монгола, у которого после этого случился сердечный припадок с рвотой, – страдает пороком сердца с отеком ног. Дальше тоже от какой-то ничтожной причины были сброшены другие два проводника-ламы. Нерва по-прежнему, видимо, хорошо не знает дороги, так как ведет каким-то другим, якобы более коротким путем по плоскогорью, уверяя, что до восхода луны будем на месте, а до этого говорил у одной китайской усадьбы, расположенной в ущелье, над которой на скате горы в часовенке было какое-то священное изображение, что мы уже прибыли на место.

В этой местности имеются развалины китайской крепости, а ранее в горах замечено сложенное из камней укрепление, оставленное со времен Дунганского восстания[16]. Небо покрыто тучами. Начался дождь при сильном ветре. К вечеру дождь перестал, появилось солнце. Спустились снова в ущелье к реке, переходя ее потом не менее двенадцати раз. В 8 ч. 30 м. вечера остановились.

Горы, образующие ущелье реки Шибочен-гол, очень красивы, из древнего выветривающегося песчаника, причудливо фигурны – то развалины замка или башни, то гигантская улыбающаяся голова в чалме, то сфинкс, то выступают какие-то страшные лики. Когда, наконец, дойдем до Шибочена, – неизвестно. Вспоминается наш проводник, старый, 76-летний Тамча, который сопровождал нас от Узинвана до монастыря в Юм-бейсе. Он тоже, как оказалось после, не помнил дороги, говоря, что осталось пять уртонов, а мы все шли и шли; много прошли уртонов и, наконец, чуть не ощупью нашли Юм-бейсе без него. Он же, как потом мы узнали, вел нас в старый Юм-бейсе,

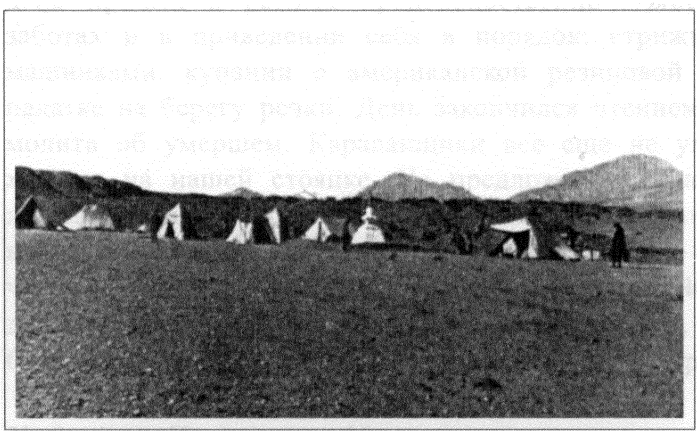
разрушенный пятьдесят лет назад, теперь уже не существующий, но все еще живой в его памяти, где он был еще в юности, более 50 лет назад. Сегодня вечером приехал вновь нанятый спутник – монгол Цирингг, – вместо отправляемого обратно Давы Церемнилова. Завтра выходим в 10 ч. утра в урочище Шибочен, где должны расстаться с нервой.

21/V ***Урочище Шибочен. Цепь Нань-Шаня. Расставание с караванщиками.***

22-й день пути каравана. Вышли в 10 ч. утра в урочище Шибочен; на стоянку прибыли в 1 ч. дня. Расположились в долине среди невысоких гор, на которых имеются старинные развалины крепости на небольшой возвышенности над горной речкой. Перед нами вблизи – снеговой хребет Нань-Шань. По реке в низменной болотистой долине пасутся стада. В ложбинке, примыкающей к нашей стоянке, обнаружили логово хищного зверя с остатками костей. Наконец, отпустили нерву-караванщика и бурята Даву Церемнилова. Один из караванщиков, лама 52 лет, заболел плевритом и оставлен у здешних монголов. Новый караванщик, старшина Мачен, знакомый Кончока, которого мы собирались разыскивать, неожиданно и случайно сам явился к нам на стоянку. Кончок послан в Анси за продовольственными покупками и за сушеными и свежими фруктами.

Часть III

ШИБОЧЕН—ШАРАГОЛЬЧЖИ



Лагерь экспедиции в Шарагольчжи.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

22/V

Условия найма нового транспорта. Угрозы нервы.

Кончок был в ставке Мачена и привез ценные сведения о состоянии транспорта и по другим важным вопросам; нам придется пробыть в этой местности около трех недель – животные пускаются на молодую траву. Бурят Цультим сообщил сведения, полученные от приходившего за подаянием монгола, что по дороге к горам лежат три трупа – двух монголов и бурята, шедших из Цайдама и умерших в дороге по неизвестной причине. Насколько верны сведения, узнаем, вероятно, потом. Говорили о чуме и «угаре». Принесли известие, что лама-караванщик умер – не выдержало сердце, был истощен переходом. Знойный день прошел в разных продовольственно-хозяйственных заботах и в приведении себя в порядок: стрижке волос машинками, купании в американской резиновой ванне в палатке на берегу речки. День закончился чтением ламами молитв об умершем. Караванщики все еще не ушли, находятся на нашей стоянке. На предложение убрать верблюдов дальше от палаток нерва отвечал отрицательно и начал грозить донести о нас китайскому амбаню в Ансичжоу, предполагая, конечно, что у нас нет китайских видов. Показали ему три письма к более высоким, чем амбань, лицам, чтобы он успокоился и перестал угрожать.

23/V

Уход нервы. Переговоры с Маченом.
Новости из Цайдама. Американский флаг.
Недавно открытое изображение Майтрейи.

В 6 ч. утра ушли, наконец, караванщики. В монастырь Юм-бейсе, над которым водружен такой странный для «благочестивого» монастыря символ, как фаллос больших размеров, из дерева, с основанием, сложенным из камней, предохраняющий якобы от пролетающих ведьм, мы пришли с письмом от тибетского доньера (посланника), с нами был цирик (солдат, представитель власти из Урги), и

тем не менее заведующий хозяйством монастыря (нерва), он же караванщик, всю дорогу совершенно не считал нужным войти с нами в какие-либо соглашения касательно мест остановки, времени отправления и продолжительности перехода. Все время приходилось посылать к нему переводчика и по несколько раз переспрашивать, так как давались разные и часто противоречивые ответы. Все объяснялось тем, что никто этого не должен знать во избежание каких-либо неприятностей со стороны враждебных, темных сил. Перед Анси-чжоу выяснилось, что нерва явно не знал точного пути и поэтому бросался из стороны в сторону и остановился поздно ночью у реки, хотя мы категорически противились этому ввиду близости города, средоточия там военных сил Фенга и потому возможных задержек в пути и осложнений со стороны местных властей. Возможны были расспросы, задержки, необходимость контактов с высшими властями, к которым были письма, реквизиция верблюдов у караванщиков и отправка наших людей в ряды китайских войск. Принимая во внимание чрезвычайную медлительность китайских властей, можно было ожидать всяких задержек в пути, а между тем наступала жара, по которой так трудно продвигаться вперед, да и верблюды скоро перестанут ходить из-за смены шерсти.

Снова приехал Мачен, с которым ведем переговоры о верблюдах, мулах и лошадях для каравана, а также о закупке в Анси разных продовольственных и хозяйственных товаров. Он проникся великим уважением, увидев американский флаг. От него же мы узнали последнюю новость, что въезд русским и бурятам в Цайдам воспрещен; даже русский представитель должен был уехать. Кончок рассказывает, что на китайском хуторе в ущелье, которое мы проезжали несколько дней тому назад, на значительной высоте находится небольшая пристройка к скале (мы сами ее заметили), где на камне имеется изображение, обнаруженное 20 лет тому назад. Тот же Майтрейя, охраняющий

пути в будущее и указующий направление движения человечества. Жалели, что неповоротливость большого каравана не позволила нам взойти на эту высоту. Далай-Лама, проезжая Ургу, останавливался здесь для молитвы. После прошлогодних хотанских событий рисовать здесь Н.К. не рискует – ведь никто тут не делает различий между рисунком и картой; и простой, безобидный этюд может ввергнуть в многомесячные дипломатические переговоры. Между тем белоснежные вершины Нань-Шаня, красивые скалы с развалинами крепости и лиловые дали – все это располагало к работе. Утверждают, что монгольские лошади вообще до Лхасы дойти не смогут; доходят только сининские. Мы думали, что они рослые, но по приведенным сегодня экземплярам можем судить, что они приземисты. Закупаем провиант на два месяца – 800 фунтов муки стоят 104 мекдоллара. Можно будет достать еще крупу, свечи, мыло, изюм, урюк, за которыми служащий Мачена – китаец – поедет в Анси и местные китайские деревни. Здешний старшина, к которому сегодня ездил Ю.Н., рассказывая о запрете Цайдамом въезда русским, сообщил, что «русский закон» им не подходит, так как там «не уважают ни родителей, ни учителей и не имеют постоянных жен». Когда подъезжали к стоянке монголов, то Ю.Н. предупредили, что у куста находится гнездо дикой утки, чтобы он не раздавил его. Сегодня осматривали развалины старинной крепости на одной из гор; в пути беседовали об Общине Майтрейи.

24/V ***Переход на новую стоянку у снегового хребта Нань-Шань.***

В 6 ч. утра Мачен неожиданно прислал арбу для перевозки вещей на новую стоянку в долине реки у хребта Нань-Шань – Алтын-Таг-Куньлунь, где, по словам Н.К., так много неизведанного. В 11 ч. за вещами подошло шесть верблюдов и лошади. Если успеют до 6 ч. вечера перевезти все вещи, переедем и мы. Приходили местные

монголы и алашане продавать лошадь. Положительно, в этих людях больше определенного стиля и колорита, нежели в халхасских монголах. Бурят Цультим стоял рядом с монголами, и казалось, что рядом с фреской Гаццоли стоит картина второстепенного передвижника. «Что-то средневековое и фреско-итальянское есть в тапочках и кафтанах здешних монголов», – замечает Н.К. Несмотря на слабый северный ветер, сегодня самый жаркий день.

25/V ***Новая стоянка. Хищные звери в горах. Отказ принимать императорские китайские деньги. Осторожность в приеме республиканских денег.***

Встали в 5 ч. утра и к 9 ч. уже перевезли вещи на арбе и верблюдах, а сами перебрались верхом на новое место к горам Нань-Шань. Расположились на берегу реки на чистом месте, покрытом травой. Река широкая, вода прозрачная, чистая, течение несильное. Пыли нет, по сравнению с прежним местом, где все ею заносило. День облачный, прохладный, особенно приятный после вчерашней жары, очень тягостной в путешествии, когда негде укрыться, – палатки нагреваются, особенно при безветрии. Пришел старшина Мачен, который говорит, что ранее месяца в путь до Нагчу едва ли придется двинуться. Принесли шкуру рыси, просят 30 янчан – цена огромная; говорят, что в горах здесь водится много рысей, а также снежных леопардов (ирбисов). Сегодня пришлось расплачиваться за доставленных для перевозки верблюдов, лошадей и арбу, а также за лошадей и людей, отправлявшихся в Анси и Сучжоу за покупками. Оказывается, здесь, в Китае, не принимают китайских императорских денег (таэлей) с драконами, а также туркестанских долларов; требуют с портретом Юан Шикая[17]. В Тибете принимают императорские деньги, а с портретом ценят больше те, где шесть букв (с семью буквами менее ценятся). В Монголии за курс

серебра принята стоимость мексиканского доллара (песо) – мекдоллар, который там, между прочим, встречается. Вообще же в Монголии рассчитываются бумажными деньгами – тугриками, серебряными монгольскими деньгами и всеми видами китайского серебра (таэли, китайские и туркестанские доллары и серебро с портретом Юан Шикая с шестью и семью буквами), при этом не делается никаких различий. Русские деньги не принимают (только от Урги к Верхнеудинску). Царский серебряный рубль – по 63 копейки.

26/V ***Отъезд П.К. в Сучжоу. Приезд тэджей. Нарсанги. Минеральные источники. Обилие птиц.***

В 6 ч. утра уехал П.К. в Сучжоу в сопровождении одного бурята и монголов. Вчера вечером приезжали здешние монгольские дворяне (тэджи) по вопросу о снабжении нас перевозочными средствами. Вопрос окончательно не выяснен – идут переговоры. Видимо, пользуются нашим положением – берут за все дорого, рассчитываются на тибетские нарсанги по курсу 10 янчан (китайские деньги) за 7 нарсангов. Сегодня купили у Мачена серого мерина за 80 нарсангов, заплатив 114 янчан. Сам Мачен нарсангов, по-видимому, на руках не имеет, но, зная, что мы идем в Тибет, принимает эту валюту уже здесь как более ему выгодную. Думается, что, если б он не знал, что мы идем под американским флагом как американская Миссия, он не задумался бы, чтобы ограбить нас. Сегодня от некоторых дворян получено сведение, что наш бывший караванщик-нерва агитировал против нас, говоря о якобы возникающих с нами затруднениях и о том, что мы останавливаемся в пути, где хотим. Этого-то как раз и не было. Наоборот, мы совершенно не знали, где и когда он нас остановит на стоянку. Здешние караванщики, привыкшие переправлять тюки шерсти, цибики чая и дзак, поступают с путниками так же, как с грузом.

Утром осматривали минеральные источники, обнаруженные ламой Малоновым. В одном из них железистая вода, сильно минерализованная, немного кисловатого вкуса; в другом – с запахом сероводорода. В болотах вокруг реки видели фазанов, гусей и турпанов – монголы не стреляют птиц. Охота идет только на пушного зверя. В Монголии и Тибете не едят, между прочим, рыбы.

27/V ***Предательство нервы. Американский король. Опасность заразы. Китайская пята над монголами.***

Утром приехал один из наших будущих караванщиков – монгол Кончок, родственник Мачена. Рассказывал, что встретил в ущелье нерву с караваном, который отзывался о нас очень неодобрительно, говоря, что «эти русские не соблюдают обычаев каравана, останавливаются, где захотят, и что с ними едут буряты», тоже не любимые монголами, «которые все спят на верблюдах, а если их разбудить, то начинают стрелять». К счастью, этот монгол Кончок хорошо знаком с нашим тибетцем Кончоком и легко мог восстановить истину. Здешние монголы говорят об Н.К., что «приехал американский король».

Вчера мы рассуждали по поводу бывших в Японии землетрясений, предсказанных японским ученым, а также о его предсказании судьбы Петрограда, которому якобы угрожает наводнение вследствие поднятия дна Ладожского озера. Известно, что возможность вулканических процессов около Ленинграда учеными отрицается. Между тем, на Валаамских островах, в Ладожском озере, монахам давно известно об усилившемся с 1917 года подземном гуле, особом потеплении почвы и появлении подземного огня, о чем они собирались сообщить в Академию Наук.

День облачный и прохладный. Вчера лама Малонов устроил около наших палаток под навесом молельню, выставив белое счастливое знамя с многократным изображе-

нием коня, несущего на спине «Сокровище мира» – Чинтамани.

Произошло то, чего мы и опасались, удаляясь от становищ. Сегодня менее чем в версте от нас обнаружен заболевший ящуром монгол. Не исключены и другие заразные заболевания среди местных монголов, живущих в самых антисанитарных условиях. И здесь Китай не проявил за все свое более чем долгое существование государственной власти заботы о народном здоровье. Поистине приходится удивляться возмутительному отношению китайской государственной власти к управляемым ею народностям. Впрочем, посмотрим, как Китай поведет себя сейчас. Этому приходится удивляться тем более, что приходящие монголы проявляют большую живость и любознательность при осмотре наших вещей, но, к сожалению, между нами стоит препятствие – незнание языка.

28/V ***Предположения о дальнейшем распределении пути. Угроза длительной стоянки. Население просит вызвать дождь.***

Наконец, после долгих и мучительных разговоров выясняется, что нам остается пути не менее 63-х дней без остановок. По сведениям Ю.Н., переходы будто бы небольшие, от 10 до 15 английских миль. По словам Кончока, путь распределяется так: от Шибочена до Шарагола – 3 дня, от Шарагола до Тэйджинера – 20 дней, учитывая переход через Улан-диван и все неприятности цайдамских болот, во время дождей вообще непроходимых. От Тэйджинера до Нэйчжи – 3 дня. Нэйчжи представляет собой хорошую стоянку с травой. Но, по словам монголов, сейчас Нейчжи – опасная и безлюдная местность, так как была опустошена в одну из недавних родовых войн. От Нэйчжи до Дечу – 14 дней пустынного перехода по нагорью Чантанга. В Дечу должны быть тибетские передовые

посты, хотя уже население Шибочена признает верховную власть Далай-Ламы. От Дечу до Нагчу – 16 дней пути по области Внутреннего Тибета; эти места уже более населенные. Нагчу – узловой пункт восточной и западной дорог; имеется таможня; два губернатора – духовный и гражданский. В Нагчу во всяком случае потребуется некоторое время для сношения с Лхасой, ибо от Нагчу до Лхасы никто не пропускается без сношения с центральным правительством. «Во что для нас превратятся эти два месяца пути, предсказать сегодня совершенно невозможно», – говорит Н.К. Наши друзья-монголы толкуют о новой траве, о будущих дождях, о летней кормежке верблюдов и, переминаясь, говорят что-то об отправлении в начале августа. Завтра Кончок едет в Чан-Мар для закупки верховых лошадей и мулов. Вероятно, последуют какие-нибудь новые сведения. Выяснилось сегодня, что нам потребуется взять с собой до 60 пудов муки, но у нас пока всего лишь 25. Итак, для перевозки одной только муки потребуется около 10 верблюдов. При этом шансы на покупку муки очень малы, так как местное население само достает ее с большими трудностями. Ночью был сильный ветер. Второй день небо обложено тучами. Днем погода прохладная – приходится одевать теплые кожаные куртки. Ночи по-прежнему холодные. Население усиленно ждет дождя, необходимого для роста травы. Можно вообразить, во что превратятся все солончаковые и глинистые оползни.

Горы Нань-Шань уже третий день скрыты в тумане. Эта вынужденная задержка утомляет не менее некоторых переходов. Чинимся, подшиваемся и высматриваем дальних вестников. Сегодня сообщили, что больной ящуром, которому нами была оказана помощь, выздоровел. Приехавший старшина Мачен просил нас от имени всей округи вызвать дождь, предваряя просьбу словами, что мы «люди всезнающие, сведущие» и обещая за это по пяти нарсангов вознаграждения с юрты.

29/V

Дары Мачена и его искания.
Американская палатка – буддийская молельня.
Китайские козни. Рассказы о Тибете.

День теплый. С утра приехал старшина Мачен с приношениями – ему помогло вчерашнее лечение.

В одной из американских палаток устроена буддийская молельня: повешены танки, в центре – с изображением Шамбалы, поставлены изваяния Будды и другие священные предметы – трубы, раковина и сосуды с водой.

Мачен оказался не только старшиной, но и предводителем конной милиции, и заявил нам, что монголы не потерпят здесь появления китайских солдат. У него опять болит голова и требуются медикаменты, которые вчера ему помогли. Он выбрил себе голову и просит смазать йодом, как вчера была смазана шея. Между прочим выяснилось, что верблюд до Нагчу стоит 42 нарсанга или 60 янчан. Вносили сегодня Мачену задаток за каких-то еще не виденных нами верблюдов, которых будто бы набралось теперь 35. Готовы дать и больше, лишь бы продвинуться дальше, поскольку, хотя небо и облачное, наступают жаркие дни. Оказывается, у соседей-китайцев, кроме муки, нашлась и крупа, и даже какие-то овощи, что раньше ими категорически отрицалось. Мачен имеет очень деловой вид и несколько раз в день ездит к нам и обратно. Смеемся, что такой прием выпадает ему, вероятно, впервые, тем более, что за семь дней стоянки в руки местного населения перешло от нас уже 1954 янчана.

Смотря на здешний лес и удобренную стадами, перегноем и минеральными солями рыхлую почву с обильными ключами, можно предположить, с какой минимальной затратой труда могли бы здесь выращиваться злаки и овощи. Все-таки за многие века своего владычества китайцы не пожелали приложить свои силы к этим обширным про-

странствам. Что касается Тибета, то китайцы пытались «привязать его к себе» утонченными казнями – один из предводителей Тибета был мучим в сравнительно недавнее время самыми утонченными пытками в течение трех месяцев – и вымогательствами; в то же время нам неизвестна ни одна культурная мера, с помощью которой они пытались бы поднять уровень Тибета. Тем лучше, ибо теперь Тибет может развиваться как вполне самобытное государство.

Следует отметить, что все доходящие до нас слухи, о последних реформах Тибета, если только они верны, создают чрезвычайно благоприятное впечатление о росте народного сознания. В Лхасе проведено электричество и не чужими, а руками своих, тибетских инженеров. Арсенал Лхасы самостоятельно производит оружие, не уступающее многим европейским образцам. И наряду с этим техническим развитием Тибет знает о приближающейся всемирной эволюции. Все это очень примечательно. Поражает в судьбе государственной жизни Тибета то, что он, как бы чувствуя свою внутреннюю возможность, не только не заискивал перед другими государствами и не преклонялся перед их мощью, но даже, наоборот, затворялся от иностранцев и в то же время никогда не чуждался новейших достижений – в настоящее время в магазинах Лхасы можно найти последние произведения западных стран. Может быть, это единственная страна при восьмимиллионном населении, бюджет которой сводится без дефицита и которая не озабочена смертельными финансовыми недугами других государств. Живущая в ней потенциальная мощь готова, по-видимому, вскоре развернуться в явление мирового значения. Радость устремления тибетцев к новейшим техническим достижениям не удивляет, так как еще Будда заповедал о наступлении нового века Майтрейи, когда «по небу полетят железные птицы и землю обовьют железные

змеи». Буддист-тибетец радуется, видя аэроплан, и с той же радостью садится в поезд. И не следует ли задуматься над тем, что книга является почетным предметом в доме тибетца? Путешественники часто говорят об отрицательных чертах характера тибетцев – у кого их нет? Таковы поступающие из тибетских источников сведения и получаемые нами впечатления.

Нань-Шань все-таки закрыт; кругом бело-серые солончаки со слабой зеленью; нас окружает стадо козликов и баранов – сидим, размышляем. Примечательная черта монголов – за все время мы ни разу не видели, чтобы они били животных. Потому здесь животные и не боятся, что человек их ударит палкой или камнем. После Цайдама вообще всякая охота на животных может вызвать крупное осложнение; впрочем, еще в Монголии мы были предупреждены ламами, что охота не рекомендуется, да мы и без того не обнаруживали этого намерения.

30/V ***Военные реквизиции. Затруднения с продовольствием.***

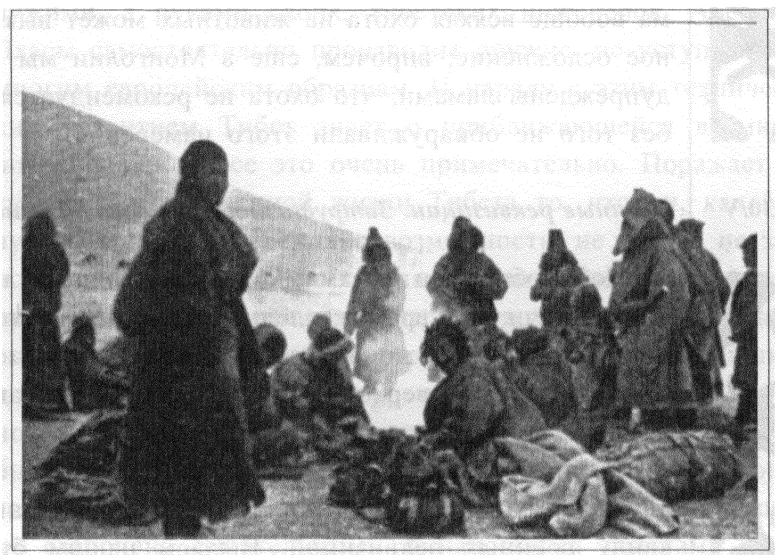
Небо обложено тучами, день прохладный, небольшой ветер. Ночи все время холодные. Кое-где цветет мать-и-мачеха, появились моли и небольшие сумеречные бабочки. Кончок уехал за верховыми лошадьми и кое-какими припасами.

С продовольствием здесь трудно. С трудом и понемногу достаем муку, которую получают контрабандным путем ввиду военных реквизиций. Выдаем нашим бурятам по фунту муки в день на человека, кроме баранины. Баран здесь стоит семь янчан. Здоровье у всех хорошее. Один из наших будущих караванщиков, Кончок 2-й, монгол, был захвачен, по его словам, шайкой Дже-ламы, но бежал, захватив винтовку. Это его версия; мы же допускаем возможность, что он и сам участвовал в операциях Дже-ламы

или его шаек. Сегодня доставили из ставки Мачена все наши жестяные бидоны для воды, которые были перевезены к нему с нашей прежней стоянки; девяти бидонов не досчитались. Мачен ли взял или его работники-китайцы, – выясним по возвращении из Чан-Мара тибетца Кончока.

31/V ***Голоки и их особенности.***

С утра дождь, погода холодная, небо обложено тучами. В этом году голоки[18] идут на поклонение в Лхасу. По словам Мачена, это обетоятельство весьма кстати, ибо по пути к благословению они не безобразничают и не грабят; совсем обратное может происходить на будущий год, по



Тибетские номады.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

возвращении из Лхасы. На ближайших невысоких горах выпал снег. Хребет Нань-Шань за тучами не виден вот уже несколько дней.

1/VI

Попытки пьянства в лагере. Вымогательство Мачена. Сэр Аурел-Стейн в Шибочене в 1908 году.

День прохладный. С утра приехал Мачен с китайцами, привезшими корм для лошадей – молотый ячмень по 3 янчана за 50 фунтов и свежий лук. Они же сообщили нам, что наш Кончок заказал 10 джин китайской водки (ханжи) для угощения каравана. Против этого спаивания наших людей, во время пути в особенности, мы категорически восстали. Не было еще дня, чтобы Мачен не приезжал по два-три раза в день и чтобы каждый день не просил какой-либо задаток от 100 до 110 янчан за верблюдов, перебрав, таким образом, 450 янчан. Вчера выпросил 100 янчан, сказав, что это последние. Сегодня попросил 30 янчан в долг, в счет платы за караван. Все сделки по покупке муки и прочего продовольствия происходят через него. Сегодня он пробовал навязать нам покупку мула у китайцев, которые приезжали от него вчера с тем же мулом двух лет, нами забракованным, за которого китайцы просили 200 янчан. Приносил вчера починить старинный револьвер «Смит и Вессон» военного образца, в который был забит пустой патрон с обратной стороны барабана. В эти дни во время стоянки происходит чистка винтовок и уделка седел, приведение всех вещей в порядок, вплоть до скучной разборки около 30 пудов китайского серебра, которое приходится возить с собой для расплаты.

По английской карте сэра Аурела Стейна[19] мы убедились, что в 1908 году он проезжал через Шибочен на Сучжоу. По его исчислению, от Анси до Шибочена 65 миль. Сегодня приобрели еще одну лошадь у китайцев за 42 нарсанга (60 янчан); запрашивали 90 нарсангов (130 янчан).

2/VI

Служба лам Майтрейе и Шамбале.

Ночь была очень холодной, как в апреле. Утро солнечное, теплое, с прохладным ветерком. Мачен уже приехал;

взял две бараньи шкурки от проданных им по 6 янчан баранов. Прибыли двое китайцев, которые сообщили, что видели Кончока в Чан-Маре и он передал, что скоро вернется. Вечером опять приезжали китайцы – приводили на продажу двух лошадей, но покупка не состоялась из-за норовистости животных, не пригодных для каравана.

Около 8 часов вечера четверо наших лам читали в молельной, при звуках колокольчика, литавр, раковины и ручного барабана, молитвы Майтрейе и в честь Шамбалы. Все это происходило в легком шатре среди природы – вокруг летали птицы, с пастбища привели лошадей.

3/VI ***Военные слухи из Сучжоу. Новые хитрости Мачена. Опасность со стороны разбойников на Нейчжи.***

С вечера двое бурят ходили в ставку Мачена, и утром мы узнали от них, что в Сучжоу прибыло шесть грузовых автомобилей, будто бы из Урги, и что в провинции Ганьсу собираются войска. Сегодня приехал Мачен и предупредил нас, что китайцы будут предлагать нам лошадей, но чтоб мы не давали им много денег, так как лошади дешевы – торг начинается с 12-15 янчан, и чтоб на нарсанги не рассчитывались. Все эти слухи очень усложняют наше положение, потому что о верблюдах новых сведений не поступает и мы поставлены в еще большую зависимость от обстоятельств и Мачена. Сейчас общее внимание лагеря направлено на то, чтобы как-нибудь решить вопрос дальнейшего продвижения. В палатке бурят сидит Мачен. Кажется, делится какими-то неблагоприятными сведениями о Нейчжи, куда мы стремимся перебраться из топей Цайдама.

Вечером воздух ясен – видимо, наступит жаркий день – все горные хребты открылись, и высоко стоит молодой месяц, который мог бы освещать через два-три дня наши вечерние переходы. Мачен сообщил бурятам, что в Нейчжи на перевалах могут оказаться голоки, враждующие

с дунганами (китайцы-магометане) и местными монголами; придется, по его словам, посылать вперед человек 30 с ружьями и чуть не приступом брать перевалы. Цультим, бывший солдат Семенова, большой, видимо, трус, спрашивал у Мачена, «не голок ли Кончок-тибетец и не цыгане ли голоки».

4/VI ***Покупка лошадей и мулов. В Тибете ценятся иноходцы.***

С утра явился Мачен с китайцами – привезли муку; всего берем 60 пудов. К вечеру возвратился Кончок из Чан-Мара, где очень удачно купил необходимых нам лошадей и мулов. Весь вечер испытывали лошадей при помощи монголов, принимавших в этом живейшее участие. Лошади оказались значительно лучше местных, другой породы, уже обученные и привыкшие есть корм; главное, все они оказались иноходцами разного качества, лучшие – ценой до 100 янчан. Цены назначались с 30 янчан, то есть той цены, о которой здесь раньше не хотели слышать и уезжали. Находчивый ум Кончока сказался и тут, так как в Тибете ценятся именно иноходцы, которых можно будет потом выгодно продать. Приведенные мулы также оказались вполне удовлетворительными.

5/VI ***Вести из Чан-Мара. В ямене считают нас важнее Фенга. Опять о голоках. Монголы восхищаются видами Нью-Йорка. Китайцы привезли в лагерь ханжу (водку) под видом масла.***

В Чан-Маре в ямене, по словам приехавшего Кончока, о нас уже знают как об американцах. Идет мобилизация солдат от 18 до 25-летнего возраста, забирают и лошадей; налоги увеличены. После 18/VI ожидается введение нового налога, что вынудит население опять продавать лошадей. По слухам, мы – приехавшие американцы – важнее самого генерала Фенга. Чтобы двинуться далее, предполага-

ем закупить еще мулов в Чан-Маре. Теперь же решено заняться покупкой верблюдов. Благодаря прохожему торговцу-сарту мы только вчера вечером смогли узнать цену верблюдов – 70 янчан, что местный старшина Мачен тщательно от нас скрывал. Идут длинные, мучительные переговоры о возможности двинуться далее. Утром отбираются лошади, причем у серого иноходца, которого Кончок предусмотрительно не купил у китайца, оказался привязной хвост. Сегодня должны прийти верблюды из Чан-Мара с мукой, крупой, цампой и яйцами, которых в Чан-Маре в изобилии; курица стоит половину янчана. Идет какой-то смутный ропот о тяжести налогов Фенга. Характерно, что ни налоги, ни мобилизация не распространяются на владельцев здешних монгольских земель, признающих главенство Далай-Ламы. Кончок не скрывает возможности столкновения с голоками, в особенности при долговременном стоянии в Нейчжи. Оценивают нашу боевую дееспособность, считая всех бурят за ноль.

Между прочим, в Чан-Маре, где уже были осведомлены о проезде П.К., стало известно, что бурят Аюр ссорился с монголами; ставим это на вид бурятам, потому что такой образ действий, если и сходил им безнаказанно с монголами, может окончиться плачевно с тибетцами.

8/VI к нам собираются прийти монгольские ламы для сослужения с нашими по поводу выступления отсюда. Когда же оно осуществится? День жаркий, умеряемый прохладным ветерком. Хорошо видны окружающие нас горы. Ночи холодные. Китайцы ухитрились-таки привезти ханжу и напоить Кончока. Оказалось, что спирт они привезли под видом масла. День закончился расчетами за поставленные продукты, и монголы в сотый раз смотрели виды Нью-Йорка и нашли, что все «сен-бена», то есть очень хорошо. Американцы в Нью-Йорке и не подозревают, как ими восхищаются в глубине Азии.

6/VI ***Опять пьянство. Стоянка разлагает лагерь. Мачен отсрочивает выступление.***

С вечера, после 10 ч., Кончок послал Циринга в ставку китайцев якобы за трубкой, которую они увезли. Была привезена тайком водка; после 11 ч. вечера Кончок уехал в ставку Мачена, где и был найден в 9 ч. утра Ю.Н., к которому он вышел с покрасневшими заспанными глазами и сообщил, что будет ожидать верблюдов, приставших в пути часа за два хода отсюда. Кончоку было сделано внушение и с его согласия вылита водка. Тибетский доньер в Урге предупреждал нас, что Кончок любит выпить.

Вынужденная стоянка начинает разлагать наших людей – появляются китайцы с водкой, целый день толпятся приезжие монголы и китайцы, сидят у бурят и Кончока в их майханэ (палатках), болтая и распивая чай. Буряты обленились; один даже ночью плохо спит – сердцебиение, чего раньше, в пути, не было. Опасаемся, что приезжающие с окрестных мест люди завезут болезни. К счастью, после долгих настояний и переговоров вчера узнали, что 9/VI предполагается доставить верблюдов, а 11/VI – выступить в Шарагольчжи, находящийся в трех днях перехода.

По-прежнему искренне хотим видеть здоровых культурных китайцев, но вместо них к нам приходят какие-то торгаши-уроды, к которым слово «эволюция» никак неприложимо. Среди дня приехал Мачен и заявил, что раньше двух месяцев нельзя выступать, так как слабы верблюды и в Шарагольчжи нет травы. Решаем попытаться закупить мулов в Чан-Маре. Вечером снова приехали китайцы и привезли ханжу. Кончока не было дома, и потому они отправились за речку и расположились на берегу на возвышенности, как вороны, напоминая картину Н.К. «Зловещие». Оказывается, Кончок опять напился; посылали за

ним бурята. Вскоре он приехал на купленной им у китайцев забракованной нами лошади с привязным хвостом. От этой покупки мы отказались, но лошадь остается пока до завтра, до выяснения обстоятельств – почему китайцы принудили его взять бракованную лошадь? Видимо, у них какие-то свои счеты с Кончоком по закупке лошадей в Чан-Маре. Возможно, они пригрозили ему, что расскажут нам о его корыстном мошенничестве. В руках Кончока оказались какие-то деньги, но, поскольку он был пьян, его оставили в покое. Вчера и сегодня стояли жаркие дни, несколько умеряемые ветерком. Вечер теплый; новолуние, небо звездное, красивые очертания окружающих гор.

7/VI ***Безрезультатные разговоры с Маченом. Слухи о военных действиях. Решение составить свой караван и продвижение на Шарагольчжи.***

День жаркий, почти безветреный. Утром Кончок рассматривал свою покупку без видимого удовольствия, но все-таки решил оставить лошадь, раз она куплена. Были длительные разговоры с караванщиками, не приведшие почти ни к каким результатам. Одно ясно для нас: у них в связи с военными действиями и нейтральностью зоны, заселенной монголами, появились какие-то новые соображения о собственной выгоде, в силу которых им нежелательно теперь уезжать отсюда. Мачен хочет вместо себя послать своего доверенного; его компаньон и родственник монгол Кончок ссылается на то, что ему необходимо явиться к нойону, в зависимости от которого он находится, а этот нойон живет в семи днях пути отсюда. Остаемся при прежнем решении – необходимо иметь своих мулов и лошадей. Завтра монгол Кончок, принятый в Миссию на должность комиссионера, направляется в Чан-Мар.

Вечером приехал Мачен и сообщил нам, что им получено письмо о продвижении китайских войск. Местность Шибочен будет занята под лагеря, а потому он должен уходить в Шарагольчжи. Это нас как нельзя более устраивает – договариваемся, что 18/VI выступаем в Шарагольчжи на 55 грузовых верблюдах. Получены сведения, что в Сучжоу такая засуха, что выгорела вся трава и животные питаются древесной корой.

Сегодня распутывали хвост лошади, приобретенной Кончоком у китайцев. Внутри узла оказалось свинцовое, весом в три фунта, грузило с отверстием, с помощью которого и привязывался хвост. Видели, как монголы, казалось бы природные наездники, заарканивают лошадей. Пять человек подошли к смирно стоявшей лошади, чтобы надеть узду, она же поворачивалась и уклонялась, и только после того, как надели ей кормушку с зерном, решились надеть на шею бечевку в виде аркана, за которую и стали тянуть, чтобы взнуздать; возились около 10 минут – очень трусливы, не говоря уже о «ловкости». После испытания бесхвостая лошадь оставлена в караване за 75 мекдолларов.

8/VI ***Посылаем наших людей в Чан-Мар для закупки животных. Действия Мачена носят явно вероломный характер.***

Жаркий день, речка течет тише, мелеет от засухи; над снеговыми горами собираются тучи. Случайно узнали, что наш новый комиссионер не поехал в Чан-Мар – запретил Мачен. Пришло известие, что у комиссионера Кончока больна жена. В его юрту тотчас же был направлен врач Миссии, который выяснил, что у его жены хроническое маточное заболевание, не требующее неотлучного присутствия мужа, тем более, что юрта находится от нас на расстоянии не более версты и жена в юрте не одна, а с другой молодой женщиной. Менее чем через полчаса при-

шло другое известие, что якобы болен его сын, которого только что видел врач и другие смеющимся и совершенно здоровым, не внушавшим никаких опасений. Известие привез наш служащий, который должен был ехать с Кончоком. Потом выяснилось, что его не пустил Мачен, строящий на наших янчанах свои собственные дела, нам невыгодные. Решено срочно послать в Чан-Мар нашего тибетского Кончока, уже дискредитировавшего себя пьянством, но купившего хороших лошадей, хотя, вероятно, и не без выгоды для себя. Посылаем с ним ламу Ламаджана, бывшего разбойника, но теперь, видимо, искренне раскаявшегося и полезного нам человека, который направляется в Тибет, чтобы посетить там монастыри и провести в них десять лет жизни.

Н.К. все еще не приехал из Сучжоу. В юрте недалеко от нас идет молебен, весь день гремит барабан и слышен звук раковины. Мы изощряемся во всяких предположениях о том, как вновь организовать наше скорейшее отбытие. Кроме животных, нужно найти хорошего проводника, ибо относительно пути в Цайдам уже возникли разногласия. Намеченную дорогу на Тэйджинер некоторые считают слишком тяжелой и предлагают путь на Маркем; а нашего комиссионера Кончока, конечно, нельзя более считать за служащего, ибо он уклонился от первого же поручения.

Нашим посланцам дан приказ покупать любых животных: верблюдов, мулов или коней, – каждый лишний десяток которых уменьшит нашу зависимость от Мачена, появление коего стало для нас малоприятным. Конечно, наилучшим решением было бы найти 60 мулов, это сделало бы нас подвижными и обеспечило средствами передвижения в дальнейшем. К вечеру туман у гор сгустился, и поднялся ветер – возможен буран. Обещанные сегодня верблюды для предварительного их отбора и осмотра пока не пришли.

9/VI ***Неточности географических карт. Путь в «Беловодье». Сказание претворяется в реальность. Медицинская помощь.***

Необычно холодный день с восточным ветром. Небо обложено тучами. С утра опять приезжал Мачен с Кончоком, на одном седле; настойчиво предлагал приобрести у китайца двух негодных лошадей. Об «опасных» вчерашних болезнях не слышно более ни слова. Опять толковали о различиях географических названий и расстояний на картах; так, например, ширина Цайдама у Тэйджинера, очень незначительная по русской сорокаверстке, представляется значительно большей по английской съемке Аурела Стейна. Упоминаемое местными жителями название Маркем на картах вовсе не упоминается. Вспоминаем алтайские староверские описания пути в «Беловодье»: между Иртышом и Аргунью, по области многочисленных болотистых озер, затем неизвестное пока название «Богогорши», а после упоминается «через Кокуши»; не есть ли это хребет Кукушили, протянувшийся с запада на восток; ну, а потом уже самый «Ергор». По признаку озер, болотам и Кокушам это напоминает калмыцко-торгоутскую дорогу, идущую через Карашар. Как и всегда, казалось бы фантастическое укладывается в самое реальное. Характерно, что первое упоминание о «Беловодье» относится к сороковым-пятидесятым годам XIX столетия, когда уже подготавливались некоторые манифестации мирового значения и некто, полузадыхаясь в арбе с соломой, уже пробирался к источнику знания.

По-прежнему в ближайших юртах слышится барабан – вчерашнее служение продолжается. Читали выдержки из письма С.Н.[20], присланного еще в Кашмир. Ни верблюдов, ни заказанной дней шесть назад цампы не видим. С продовольствием здесь скудно – с трудом достали муки, не особенно, конечно, хорошего качества, немного риса и изюма; чай – только плиточный; сахар – грязного цвета, китайский и то в ограниченном количестве. Масла и соли

нет; привезли растительное масло зеленого цвета, которое буряты есть отказались. Очень дешевы и в изобилии яйца – с доставкой сюда по два янчана (рубля) сотня; овощей мало – немного картофеля, редьки, моркови, чеснока и зеленого лука.

После полудня поднялся сильный буран, срывающий палатки. С утра в палатку забежал небольшой козлик, испугавшись холода, да так и остался, не уходит. Не проходит и дня без оказания медицинской помощи, за которой приезжают из соседних юрт. Пока болезни сводятся к желудочным и простудным. При этом бросается в глаза, что даже самые незначительные дозы лекарств уже производят самый решительный эффект. Так, например, сегодня у одного больного температура 39° С, после приема четырех с половиной гран ацетфенетидина она быстро спала до 36,4°. Вечером опять прискакал Мачен с монголом Кончоком за медицинской помощью для простуженного ребенка своих знакомых, при этом, насколько мы могли выяснить, они упрекали нас в изменении сроков отправления, хотя срок 13 июня для выхода в Шарагольчжи был назначен ими, а не нами. Ими же этот срок и был отменен, к нашему огорчению. Все эти этнографические особенности мы принимаем к сведению – вероятно, Мачен долго пробыл в качестве старшины на выучке у китайского ямена. Поздно вечером ветер несколько утих, и началось наше вечернее развлечение – кормление коней.

10/VI ***Женатые ламы красной секты.***
Сивый бык, он же царь Ландарма,
от него — Агван Дорджиев. Купля и продажа людей.
Недород в Китайском Туркестане. Пещерные храмы.

День туманный, со слабым ветром. С утра был слышен еще звук барабана. После пришли двое служивших молодых лам с женами и детьми – здесь красная секта, допу-

скающая брак лам. Впрочем, без семейного уклада, при кочевом характере, с юртой и стадами, жизнь ламы здесь трудно было бы себе представить. Пришедшие пересмотрели наши палатки и их содержимое, а наиболее привлекательная из женщин получила от Е.И. зеркальце. Цультим упоминал, что Мачен почему-то интересовался, взял ли П.К. паспорт в Сучжоу.

Ю.Н. по-прежнему занимается санскритом и уже почувствовал, что прорехи в памяти, образовавшиеся от вторжения монгольских наречий, устранены. Практическое знание санскрита и пали скоро опять может потребоваться, ибо имеются указания о существовании древнейших буддийских образцов, написанных на этих языках. Существование в Тибете этих источников отрицалось в европейской литературе, но мы знаем уже два буддийских монастыря, где имеются эти манускрипты. Прохладные дни опять дают возможность Е.И. отдохнуть, тогда как жара возбуждающе действует на ее вазомоторные центры. При ее психических достижениях нарушение правильного кровообращения опасно, хотя и неизбежно.

Бурят Ардна рассказывал какую-то запутанную легенду, в которой можно было узнать исторические предания о перевоплощении сивого быка в нечестивого царя Ландарму, а затем в ныне здравствующего Цанита хамбо Агвана Дорджиева. Искаженный пересказ Ардны свелся к тому, что у «Бурхана» даже выросли рога. Так теория эволюции превратилась в странную теологию.

Вчера вечером прискакал монгол Кончок с предложением осмотреть пригнанных двадцать верблюдов, которые даже в сумерках показались малорослыми и малосильными.

В самой простой, обычной форме нам сообщили такое, чему обычно не верят, думая, что это происходит где-то у дикарей на островах. Бурят Цультим, посланный посмот-

реть верблюдов, пасущихся недалеко от нас, рассказал, не выразив при этом своего удивления, что их пасет китайский мальчик, очень красивый, купленный за 30 нарсангов богатым монголом, живущим невдалеке от нас. Н.К. был свидетелем того же самого, широко распространенного явления в китайском Туркестане, но только там мальчика можно было купить за 3,5 сара, а взрослую девушку – за 30 сар. Кто знает, если бы мы осведомились о купле-продаже людей у Мачена, он принял бы нас за серьезных и вполне современных людей, и, может быть, тогда мы избежали бы упреков в незнании чужих обычаев.

Расспрашивали монголов о погоде – говорят, что обычно в это время бывает очень жарко и высокая трава.

В этом году – войны и голод; в китайском Туркестане, в трех днях пути отсюда на запад, питаются древесной корой и продают людей. Продовольственных запасов мало – реквизируют для военных надобностей, а у кого они имеются, те их прячут. В позапрошлом году 100 джин муки стоило 3 лака, в прошлом – 8 лак, а теперь – 20. Сделки совершать опасаются, так как появляются солдаты и реквизируют последние запасы. Заказанных нами 400 джин цампы и 600 джин муки все нет; вероятно, и не дождемся, хотя деньги даны Мачену вперед.

Говорят о буддийских пещерах в окрестных горах; ведь всего в пяти днях пути отсюда уже находятся знаменитые Дуньхуанские пещерные храмы[21], изображения которых можно найти в издании П. Пеллио[22]. Говорят также, что в других пещерах, до которых лишь один день пути, имеются изображения Майтрейи: одно – во весь его гигантский рост, а другое – в лежащем виде. Надо думать, что это изображение паранирваны Будды. По-видимому, эти изображения и были уже описаны сэром Аурелом Стейном.

11/VI ***Предполагаемая переброска стоянки к хребту Гумбольдта через Шарагол. Покупка в Чан-Маре лошадей и мулов. Местный слух об объявлении Америкой войны Китаю. Новое китайское сообщение о коалиции держав, объявивших войну.***

День жаркий, с небольшим ветерком. Нань-Шань в тумане. У ламы Кейдуба, по-видимому, трехдневная болотная лихорадка. Сегодня утром температура 38,2° С. Третьего дня в то же время – 39° С. Болел в прошлом году болотной лихорадкой (малярия), также три дня. Ввиду наступающей жары предполагаем после перехода реки Шарагоголо становиться в горах у ключа, где-нибудь на северных склонах хребта Гумбольдта, чтобы переждать жару, которая может быть утомительна и даже опасна для некоторых из нас при переходе Цайдама и ближайших к нему местностей, и в то же время ввиду необходимости дать верблюдам время окрепнуть.

Возвратился лама Ламаджан с монголами из Чан-Мара – привезли продовольствие. П.К. с Кончоком и Аюром остались в Чан-Маре для закупки мулов и лошадей. Получено известие из китайских источников, что «Америка объявила Китаю войну». Приходили больные монголы с приношениями. Вечером приехал посланец Мачена и привез голубой хатак и отрез шелка с просьбой оказать помощь его больной жене. Поздно вечером показались какие-то всадники, приближавшиеся быстрым аллюром. Оказалось, что это неожиданно возвратился П.К. с бурятом-переводчиком Аюром, оставив тибетца Кончока одного для закупки лошадей. Ввиду ненадежности Кончока, замеченного в неоднократном пьянстве и лжи, к нему завтра утром посылаются Ламаджан и Ардна.

П.К. сообщил, что две недели назад коалиция держав – Америка, Англия, Франция, Италия и Япония – объявила войну Китаю. Важные новости.

12/VI ***Эрли-Хан – «Властитель Ада». Сожжение злой сущности. Мачен привозит вести, полученные в тамагане из Лхасы.***

Рано утром уехали Ардна и Ламаджан в помощь Кончоку, трезвости и честности которого мы не доверяем. День опять жаркий, солнечный, умеряемый прохладным ветерком. Нань-Шань в легкой дымке; однако ясно видны его очертания и снеговые вершины. Сегодня прилетели к нам цапли. Как обычно, над стоянкой кружат ястребы, пролетают турпаны; гусей не видно. Турпаны не боятся ястребов и смело нападают на них. Из других пернатых в этих местах водятся дикие голуби, мелодично воркующие галки-клушицы с красивым оперением, стрижи, трясогузки, фазаны, дикие утки и кулики.

Теперь, когда Китай, сотрясаемый гражданскими войнами, испытывает тяжкие бедствия, невольно вспоминается своеобразная религиозность китайцев, которая в это время должна выражаться особенно ярко. Мы видели в Угре день празднования Эрли-Хана («Властитель Ада»), который проходит весьма оживленно; вообще, сами китайцы охотнее чтут злых сущностей, говоря, что добрых духов нечего умилостивлять и бояться, так как вреда они не причинят. Сегодня вечером на наших глазах сожгли «злую сущность» на бугре за рекою – появились четыре фигуры, что-то поставили, и затем это «что-то» запылало ярким пламенем. Бурят Аюр нам пояснил, что здесь ламы изготавливают чучело, одевая его в шубу больного или «одержимого», и сжигают, предполагая, что «нечисть» не успеет выбраться из шубы. К вечеру получены другие важные сведения – Мачен передавал бурятам, что в тамагане (таможня) получено от нойона письмо, извещающее, что Далай-Лама повелел не пропускать бурят, монголов и красных русских по пути в Лхасу.

13/VI ***Взыскание за кражу лошади. Китайский обычай. Стечение больных. Белый дом. Необходимость в экономии медикаментов.***

С утра жаркий день. Нань-Шань в тумане. Вчера мы слышали о случае, характерном для Китая. Несколько китайцев увели лошадь из становища монголов-кочевников около Анси, пригнали ее сюда и напились. Мачен отобрал лошадь и возложил на китайцев административное взыскание: работать некоторое время в его ставке – пасти скот и исполнять другие его поручения. Китайская администрация вообще привыкла, видимо, работать более на собственные нужды, чем на государственные. Опять приезжали больные из дальних юрт, монголы и китайцы, с самыми разнообразными заболеваниями: венерическими, нервными (паралич лицевого нерва), глазными, сердечными и ревматизмом.

Вечером вчетвером ездили верхом версты за три осматривать так называемый здесь «белый дом», расположенный на возвышенности, вблизи цепи гор. Это старая дунганская крепость, по-видимому, времен дунганских восстаний 60-х годов прошлого столетия, окруженная хорошо сохранившимся рвом; сохранилась и часть стен с бойницами. К ней, по-видимому, в недавнее время был пристроен китайский дом, обнесенный стенами; имеются зеленые насаждения и засеянные участки земли. Это владение Мачена, его хутор, где живут китайцы-работники; сам же он со стадами кочует в юртах. Многочисленность больных – главным образом хроников, – приходящих за медицинской помощью, наводит нас на мысль о необходимости бережливого расходования медикаментов, особенно ввиду медленного продвижения в этих местностях и предстоящего дальнего пути – от урочища Шибочен до Лхасы осталась половина всего пути, то есть еще около тысячи

пятисот верст. К тому же необходимая в дальнейшем стоянка на Шараголе тоже принесет немало пациентов. Ведь на Шараголе нам придется простоять по разным соображениям не менее чем до начала августа.

14/VI ***Необычная погода. Незабываемое путешествие. Опять происки Мачена. Стойкость и спокойствие Н.К. и Е.И. Буквы К. и Ш. – Колесо времени и Шамбала.***

Солнечный день с прохладным ветром – стихии помогают нам в пути. На удивление монголов, теперь в июне в Средней Азии стоит необычно прохладная погода, небывалая здесь. Чаще всего солнце прячется за густыми облаками, но до сих пор нет дождя, что тоже необычно для этого времени года; свежий ветерок в солнечные дни все время умеряет зной. Монголы приписывают нам большие знания в области болезней и природы – обращались даже за вызовом дождя. Мы прошли уже половину всего длинного необычного пути по бесплодным местностям пустыни Гоби, но путь был гладок и нетягостен; несмотря на все трудности, у нас не было задержек даже там, где другие бы пройти не смогли. Не страдали ни от зноя, ни от жажды, находя редкие колодцы полными воды. Искренне восхищались красотами и разнообразием природы Гоби, дикой красотой пересекавших пустыню гор, когда проходили по их ущельям и пересекали дабаны (перевалы). Никто из нас во время пути не заболел.

Путешествие это незабываемое и единственное как по высоте и чистоте духа Миссии, возложенной на Н.К., так и по тем Указам и впечатлениям, о которых я здесь умолчу, но которые прокладывают нам путь, заставляя забыть о существовании газет и телеграфных агентств, столь необходимых на Западе.

Опять приезжал Мачен с китайцами, предлагал мулов и лошадей, но – безуспешно: либо цены чрезмерно высоки, либо лошади непригодны. Удивляет корыстолюбие Мачена – он думает только об извлечении из нас максимума пользы в виде янчан и медикаментов. Дня не проходит, чтобы под разными видами и предлогами он не пытался получить и то и другое, не делая для нас ровно ничего; недодает нам даже продовольственных продуктов, покупаемых через его китайцев втридорога, причем деньги требует непременно вперед. Яйца, стоящие на месте один янчан за сотню, нам предлагают теперь по пять янчан.

Н.К. и Е.И. стойко переносят путешествие, не теряя присущего им спокойствия духа и ясности мысли, утверждаемых на знании необычности действительности, даже при погружении в обычность очевидности, когда они во имя идей строительства нового мира, пренебрегая всеми доступными им удобствами городов, обращающих к ним свои объятия, отдают свое время и труд, перенося все неудобства долгого и трудного пути в походной палатке и в солнечный день, и в ночную стужу.

Вчера проезжал на осле китайский монах-буддист из Утай-шаня, выехавший из монастыря за сбором подаяний. Из разговоров с ним выяснилось, что он человек малосведущий: даже не знал, что именно в их монастыре находится редкая рукопись, написанная одним из настоятелей этого монастыря, – «Красный путь в Шамбалу». Сегодня утром он опять проезжал мимо и теперь возвращается обратно со складным алтарем на спине и с прибылью – ведет двух козлов, а в карманах, вероятно, есть и янчаны.

Ввиду предполагаемого выступления 18/VI из урочища Шибочен в Шарагольчжи, за реку Шарагол к хребту Гумбольдта, каждый день проходят испытания верховых лошадей. Н.К. и я – на английских кавалерийских седлах;

Е.И. пробовала сегодня объезжать лошадь в мексиканском седле. Такое же седло, очень красивое и удобное, с высокой лукой, мы везем в числе прочих подарков Далай-Ламе. Ю.Н., И.К. и другие спутники пользуются казацкими седлами. Сегодня на речку у нашей стоянки прилетела чомга, черного оперения птица утиной породы. Появилась на маргаритках бабочка «пивной бражник», летают веснянки (Ephemera), большие синие мясные мухи и синие шершни. На месте снятой сегодня палатки, где была буддийская молельня с изображениями Будды, Дуккар и Шамбалы, старший лама Малонов изобразил по нашей просьбе в квадрате из белых камней две тибетские буквы – К. и Ш. Первая – начальная буква слова «Калачакра» (Колесо времени[23]) – Учения, пришедшего из Шамбалы, вторая – начальная буква слова «Шамбала».

15/VI ***Чан-Мар. Цены на мулов. Пьянство монголов и побоище. Новые попытки собрать караван.***

Поздно вечером возвратились посланные в Чан-Мар бурят Ардна и лама Ламаджан – удалось купить мула и двух лошадей. Кончок остался пока в Чан-Маре. Это небольшая китайская деревня, вся в садах, куда ежедневно съезжаются окрестные жители для торга, привозя животных, продукты и различные предметы собственного изготовления. По словам возвратившихся, Кончок и там пьянствовал и предлагал им выпить. Цены на мулов сильно подскочили – просят от 100 до 150 янчан. Собаки монгола Кончока и Мачена почти с первых дней перешли к нам и теперь ревностно охраняют нас по ночам. Третьего дня ночью у Мачена волк загрыз овцу, а когда Мачен приехал к нам, то его собаки лаяли и бросались на него, не пуская в лагерь. Монгольские собаки рослы, сильны, обычно чер-

ного цвета с желтыми подпалинами над глазами, угрюмы на вид, однако ласковое обращение делает их преданными и надежными сторожами, очень чуткими, хорошо охраняющими стада и юрты кочевников.

Вчера монголы из соседних юрт собрались у юрты монгола Кончока, где после попойки произошло побоище; были тут и местные ламы, одного из которых Мачен побил снятым с ноги сапогом. Вот каковы местные нравы, питаемые тягостным бездельем, большим количеством свободного времени и полным отсутствием каких-либо культурных занятий или развлечений. Уважение к ламам, видимо, тоже здесь невелико, ибо «пастыри духовные» в этой местности почти ничем не отличаются от пасомых ими монголов и стад своих.

В Чан-Маре наш тибетец Кончок отобрал у Ардны и Ламаджана данные им для закупки продовольствия сорок янчан и еще тайком взял у Ламаджана принадлежащие ему шесть янчан. Завтра для закупки мулов в Чан-Мар и ближайшие деревни едет П.К. с Аюром и местным ламой, побитым вчера Маченом. Вечером, готовясь к походу, опять объезжали лошадей, каждый свою. Опять шли долгие переговоры с Маченом, который намекал на какие-то условия и действия Кончока, о которых мы не знаем; снова просил денег за доставку в Шарагольчжи, несмотря на то, что взятый им задаток вдвое превышает стоимость до урочища Шарагольчжи.

16/VI ***Сборы в путь. Опять Мачен. Спиритизм. Н.К. против предрассудков.***

С утра жаркий день без ветра. В легкой дымке перед глазами снеговая вершина Нань-Шаня. П.К., бурят-переводчик Аюр и молодой лама уехали в Чан-Мар. С 12 ч.

дня подул прохладный ветер, сразу стало легче дышать. Весь день укладывали вещи перед близким выступлением. Приезжали, как обычно, и монголы, и китайцы, предлагали веревки из верблюжьей шерсти, путы для стреноживания лошадей, сыромятные ремни и баранов. Мачен привозил молодого китайца с больным сердцем, о котором он, думается, небескорыстно говорил, что этот китаец ему как брат. Этот самый китаец ведет торговые дела, бывает и в Анси, и в Сучжоу, разумеется, видит амбаня. До Мачена старшиной был китаец; Мачен – монгол, хотя и с китайской фамилией (ма-чен – повар), поставлен старшиной по указанию амбаня и потому заискивает перед китайцами, которые могут дать о нем неблагоприятный отзыв амбаню. Мачен тучен, лет 48, бреет усы и бороду, обрюзглое лицо сводит судорога, видимо, выпивает, вид заспанный, одевается пестро, как все здешние монголы; одежды их чрезвычайно грязны и засалены, нижнего белья не носят, редко умываются или даже совсем не моются.

Беседовали о спиритизме русских ученых Бутлерова, Вагнера и Аксакова; сожалели, что такая обширная область психологических знаний, реально подлежащих научной разработке, сводилась к уровню доброжелательного любопытства. Н.К. высказывался против спиритизма как несущего с собой опасности и против всяких предрассудков как справа, так и слева, которые одинаково мешают изучению законов основных энергий.

Затем Н.К. говорил о неизученной области магнитных токов и о воздействии энергии этой области на высшие слои материи. Такие беседы являются продолжением тех бесед, которые у нас неоднократно возникали во время долгого пути в автомобилях и на верблюдах через пустынные пространства Монголии и Центральной Гоби.

17/VI ***Приезд Кончока. Черный вестник – птица чомга. Верблюды опять не готовы. Приезд Мачена с дворянами.***

Утром приехал Кончок из Чан-Мара с запасами горошка (корма для лошадей), цампы и седлами и кошмами для верховых лошадей. Куплено все по дорогой цене. Во время его отчета присутствовал Мачен и китайцы. Как обычно, прилетела чомга, ныряла, ловила добычу в воде, а потом на берегу стала сушить на ветру и солнце свои черные крылья, расправляя и взмахивая ими. В это время чомга резкостью очертаний своих черных крыльев, шеей и клювом очень напоминает доисторического птеродактиля, конечно, в сильно уменьшенном виде; что-то мрачное чувствуется в медленных взмахах ее черных крыльев, как бы предупреждающее о чем-то или угрожающее кому-то. Мачен и китайцы суеверно смотрели на птицу и советовали нам застрелить ее как недобрый знак. Мы же ответили им, что прилет и доверчивость этой птицы считаем, наоборот, добрым пожеланием с ее стороны, а потому, конечно, убивать ее не будем, да и не стреляем животных и птиц вообще.

Верблюды не пришли и сегодня. Мачен сообщил, что верблюдов только 35 вместо необходимых 55. Вчера же он говорил, что из Шарагольчжи идет еще 20 верблюдов. Чтобы ускорить их приход, мы предлагали даже послать человека на лошади, но нас уверяли, что в горах много медведей, которые нападают на пеших и всадников.

После потери нескольких часов и странных уверений Мачена, что он не знает, что мы за люди – русские или американцы, – он наконец подтвердил, что завтра повезет нас в урочище Шарагольчжи. И это случилось лишь после того, как мы сообщили ему, что обратимся за помощью в решении вопроса о средствах передвижения к китайским властям в Сучжоу, к которым у нас были письма, а по

приезде в Тибет сообщим Далай-Ламе о действиях Мачена, препятствовавших нашему продвижению. Вечером он приехал со своими людьми и дворянами; все начали перевешивать – сначала мешки с мукой, цампой (молотый ячмень, по-монгольски) и лошадиным кормом, чтобы сообразить, какое количество джин придется погрузить на верблюдов из расчета 200 джин на каждого (около 7 пудов), – но потом это занятие им быстро надоело, и они занялись разговорами, усевшись в кружок на корточках. Пригнали пока 27 верблюдов. Вечером приятная теплая погода.

18/VI ***День отъезда. Горные перевалы. Заградительные зоны Гималайского Братства. Новое сознание близкого будущего. Неожиданная остановка. «А что если с Ним сам Владыка Шамбалы?»***

День жаркий; ночь была теплая.

Е.И. получено сообщение от Учителя, что наступают большие мировые события. В обычном своем состоянии восприятия она видела широкое лицо незнакомого человека с короткими волосами и пристально устремленным взглядом, о котором было сказано, что это Б., думающий о нас и следящий за нами с интересом, а также имеющий ближайшие возможности президентства, если он не отступит в натиске дерзновения.

С 10 ч. утра дует свежий ветерок. Мачен явился с дворянами, своими людьми и китайцами около 9 ч. утра. Перед погрузкой груз взвешивают и раскладывают партиями по местам. Деятельно и оживленно собираемся в путь. Стояли в Шибочене с 21 мая в палатках у реки. До 10 ч. утра река впервые была мутной – где-нибудь вблизи подмыло глинистый берег, который обвалился. Выступаем вечером не ранее 5 ч. пополудни, чтобы меньше быть под

лучами солнца, что чрезвычайно опасно для Е.И., занимающейся психическими опытами. Перевал около 13.000 футов[24] или немного более будет через сутки пути. Опытные тибетцы мало едят в пути, а за сутки до прохождения через перевал или в день прохождения воздерживаются от пищи во избежание головокружения, тошноты, приливов крови к голове, кровотечений и даже смерти. Разумное правило, так как в противном случае начинается головная боль, лицо багровеет, и из носа или гортани идет кровь.

Тибетских гор боятся, в особенности из-за психологизирования племен и народов, живущих вблизи запретных мест Гималайского Братства (Шамбалы) в Тибете, а также и потому, что в этой очень обширной зоне имеются гейзеры с ядовитыми испарениями; вместе с тем доступ в эту область вообще прегражден мерами, основанными на величайших научных знаниях, – без проводника или без разрешения Братства никто еще не проникал туда и не может проникнуть, несмотря на самые чрезвычайные меры.

Основание Братства относится к древнейшим временам, и с тех пор его центр находится в Тибете. Так как к неминуемым эволюционным срокам сведения о Братстве должны проникать в слои, сознание которых уже может вместить задачи новых построений, в опубликованной книге «Община» можно найти целый ряд конкретных указаний на характерные черты мировой деятельности Братства с его глубоко научными задачами, как известно, обладающего единственными в мире по значению лабораториями и библиотекой. Таким образом, «оккультно-мистические» науки несут в себе совершенно конкретные и точные знания. Большинству читателей приходилось слышать о людях, побывавших в Индии и приобретших там у факиров, йогов, секты красных шапок, бон-по[25] или дуг-па некоторые знания и тайны производства феноменов. Однако эти знания очень примитивны, поверхностны и ограничены,

они ни в коем случае и ни в какой мере не могут сравниваться с величайшими знаниями, накопленными Братством в совершенно особых условиях. Лишь по мере очищения сознания, мыслей и стремлений человечества знания эти могут проникать в обычную жизнь без того, что они не будут использованы с эгоистическими или разрушительными целями. Думается, что это ясно каждому просвещенному человеку. Братство всегда посылало в мир непосредственно или через своих сотрудников идеи величайших открытий, но оно знает о необходимой осторожности, так как эти открытия всегда старались использовать не на благо, а во вред человечеству. Многие идеи было бы преждевременно давать – при несовершенном сознании они не могут быть восприняты человечеством. Теперь, в роковые моменты судьбы народов, Братство снова идет им на помощь.

После долгих препирательств между собой караванщики пригнали наконец необходимое, по их мнению, число верблюдов и двинулись в путь около 6 ч. вечера. Вместо всего нашего лагеря на берегу речки Шибочен остались две многозначительные тибетские буквы «К» и «Ш» – здесь было изображение Шамбалы. И, как всегда в жизни, самое большое переплетается с самым малым. Мы приготовились идти, может быть, до полуночи, но через 17 минут пришли к стойбищу с тремя юртами и одним майханэ и здесь остановились – неожиданно для нас – в домике у грязного ручья. Видимо, караванщикам показалось, что груз велик, и они требуют добавки еще 8 верблюдов по 5 янчан до Шарагольчжи. Пришлось им уступить, чтобы завтра двинуться дальше. Сколько сборов, укладки, погрузки, чтобы через 17 минут снова разгружаться, ставить палатки на неудобном месте и опять вести денежные переговоры, удовлетворяя алчность монгольских дворян, перед отправкой к тому же выпивших втихомолку. Решили приложить

все усилия, чтобы отделаться в Шарагольчжи от этой шайки пьяных вымогателей. Мачен явно главенствует и как старшина, и как человек, задавая тон всему происходящему. Он и монгол Кончок, его родственник, взяли верблюдов у нескольких дворян, имевших их по два, и вот вся эта дворянская «кооперация» следует с нами. При выдаче упомянутых выше 40 янчан за 8 добавочных верблюдов мы потребовали с Мачена общую расписку на ранее взятые им в счет каравана 580 янчан; дать таковую он отказался, ссылаясь на то, что не нашел тамги (печати), которая у него должна всегда быть при себе, как у хошунного дарги (старшины хошуна). Оказывается, он решил остаться здесь на ночевку. Перед нами раскинулась оригинальная картина: толпятся стада, стоят юрты с флажками, грудами лежат верблюды, кони с цветными седлами. Между скарбом снуют дети и женщины. Вспоминаем последнюю страницу уже упомянутой книги Ф. Оссендовского – видение монгольского хутухты. Он видел какое-то кочевье со стадами, среди чего высились бирюзовые палатки лидеров, а где-то очень далеко происходила какая-то битва. Ф. Оссендовский кончает книгу фразой: «А что если с Ними сам Владыка Шамбалы?»

19/VI ***Обычай монголов. Пустынная местность.***

Солнечный прохладный день. Решили выступить к вечеру, чтобы не страдать от солнца, а караван из 63 верблюдов, несущих наши вещи, пустить вперед в 3 ч. дня. Монголы при каждом с ними недоразумении любят ссылаться на «люксо» (тибетское слово, означающее «обычай»). Как видно, будущему законодателю придется всерьез считаться с принятым обычаем, сначала, конечно, проверив и выяснив, действительно ли это принятый в стране обычай, а не пустая отговорка с целью обмануть и оправдать себя. Монголы уже опять выпили; должно быть, везут изрядный

запас ханжи на стоянку. Вышли в 5 ч. 30 м. вечера; дорога пустынная, каменистая, с рытвинами. Лошади шли хорошо. Прибыли в 11 ч. вечера, остановившись у гор, таких же безжизненных, мертвенных, как вся окружающая местность с суглинистой и каменистой почвой с редкими пучками сухой травы; при малейшем ветре поднимаются тучи пыли. Вечер холодный, с ветром.

20/VI ***Медицинская помощь. Безопасность пустыни. Тропа Далай-Ламы. Ледяные мосты. Нездоровье Е.И. Кара-югур. Остановка перед перевалом Хашкари.***

Утром – вид пустынной, выжженной солнцем и обветренной местности, в воздухе мелкая пыль, солнечные лучи особого желтоватого цвета, ветер; у некоторых из нас катаральная ангина или мигрень. Вчера на стоянке поймали большую ночную бабочку бражника, напоминающую серой окраской соснового бражника средней полосы Европы; прилетали серые долгоносики. Здесь же, кроме ящериц, не видно никаких живых существ, даже ястребы не летают.

Приезжали издалека монголы на верблюдах за медицинским советом – сифилис, помощи же здесь нет никакой, красные ламы лечат лишь заклинаниями. Вчера, когда в 5-м часу вечера навьючивали верблюдов, двое из присутствовавших при погрузке вещей монголов отделились от каравана и направились левее, то есть как раз по направлению к ущелью, ведущему в ставку цайдамского князя. Не поехали ли предупредить о нас, ибо, вероятно, Мачен все-таки не собирается возвращать взятые у нас в качестве предварительной оплаты деньги. Несмотря на пустынность местности, чувствуем себя в безопасности – города с их полицией гораздо опаснее диких мест, где даже ночью вы едете совершенно спокойно. Место нашей стоянки носит местное название – «Тропа Далай-Ламы», так как на берегу русла реки останавливался Далай-Лама, и

сейчас здесь можно видеть сложенный из крупных камней куб. Вышли в 4 ч. 20 м. пополудни; шли всего два часа, так что вполне понятно, что от Шибочена до Хашкари-дабана (перевала), в сущности, один средний переход. В горы вошли ущельем; характер местности резко изменился, появились арктические признаки, и через час мы уже шли около ледников и довольно прочных ледяных мостов. Суровый характер местности подчеркивало и черное стадо яков на горах, и прекрасный, чисто музейный череп каменного барана с огромными крутыми рогами, поставленный около дороги. У верблюдов заметили признаки усталости; некоторые из них остались лежать на дороге. Встретили ехавшего на лошади и ведшего на поводу верблюда кара-югура с завязанным наполовину лицом; это старый дорожный обычай кара-югуров, не потомков ли древних уйгуров, населявших когда-то Азию?

По пути видели мелкие фиолетовые цветы мышиного горошка, желтые цветы кошачьей лапки и мелкие же низкорослые синие ирисы. В горах и у дороги много тарбаганьих нор, иногда очень крупных. Дорога уходит вверх. Остановились в дикой гористой местности с глубокими обрывами. Простоим, вероятно, более суток, так как у Е.И. катаральная ангина с температурой 37,5° С, а переход через Хашкари труден – монголы боятся его более других, подъем очень крут; обычно животные плохо переносят его и более слабые умирают. Люди также подвергаются различным испытаниям, поэтому нездоровье в этих случаях – серьезная вещь. Улан-дабан более высок (около 17.000 футов), но считается менее опасным.

21/VI ***Ущелье у Хашкари. Здоровье Е.И. «Са-ду» и «ля-ду». Чудодейственный чеснок.***

Ночью шел снег. Утро холодное, небо обложено тяжелыми тучами. В горах кричит горная курочка. Около

10 ч. утра опять пошел снег в виде крупы. В 10 ч. утра караван верблюдов продолжил свой путь через перевал. Здоровье Е.И. лучше, температура утром 37,1° С; вчера же перед сном в 9 ч. утра поднялась до 38,3° С. Горло болит меньше, остается головная боль и слабость. Монголы торопились отсюда уехать, может быть, даже не столько из-за отсутствия травы, сколько из-за нездоровой, по их мнению, местности – из земли выходит «почвенный яд» – «са-ду», в отличие от «ля-ду» – «перевального яда». По-видимому, этот почвенный яд здесь не что иное, как невероятный сквозняк в ущелье; все время дует такой холодный и сильный ветер, что неприятно выходить из палатки.

Вчера мы наблюдали, как верблюды спокойно бродят по совершенно отвесным горам, взбираясь на их вершины; щиплют траву и пасутся, как на лугу, в таких местах, куда едва ли пойдет даже горная лошадь. Даже монголы испугались и начали кричать; наконец, один из них вскарабкался и свел вниз высоко забравшегося верблюда, который шел назад, скользя в опасных местах передними ногами, а не переступая. Помимо официальной медицинской помощи в лагере существует и своя медицина, которая обнаруживается совершенно неожиданно – Людмила ела чеснок. Оказывается, буряты берегут его для «угарного места», и лама Малонов утверждает, что если держать чеснок между зубами, то в угарном месте чеснок почернеет. Для этой же цели буряты-ламы, кроме того, берегут сгущенное молоко Нестле, но способ его употребления – наружный или внутренний – пока нами не замечен. Можно думать, что наши советы о полезности недоедания в разреженной атмосфере перевалов далеко не отвечают их представлениям. Вероятно, они считали бы лучшим средством против «угара» сначала зажарить жирного барашка, а потом, может быть, и выпить местной ханжи.

Своеобразное понятие о «лихости». Старик-монгол, несмотря на пронзительный ледяной ветер и идущий снег,

носил кафтан на левом плече, оставляя правое плечо, спину и бок совершенно голыми. На наше замечание, что ему должно быть холодно, он ответил, что в молодости был лихой человек; вероятно, ходил, сбрасывая шубу до пояса, вроде того, как ходят в битву голоки и наездники К'ама, составляющие оплот тибетской кавалерии.

Вечером Е.И. почувствовала себя здоровой – горло не болело, головная боль также прошла. Дул сильный холодный ветер.

22/VI ***Перевал Хашкари. Хребет Гумбольдта. Антилопы, куланы и дикие быки. Опять нездоровье Е.И.***

Ночь была холодная, вода замерзла. Встали к 5 часам утра; дует порывистый леденящий ветер. Вышли в 6 ч. 10 м. утра. Перевал прошли вполне благополучно; накануне при переходе каравана с грузом пристала лошадь, улегшись на землю, и один верблюд. Перевалив дабан, увидели снеговой хребет Гумбольдта. Спуск отлогий. Местность пустынная, солончаковая, почти без всякой растительности.

Вдали видели стада антилоп и куланов; в горах, по словам монголов, встречаются дикие быки. Перейдя быстро текущую реку с темными холодными водами (по берегам встречается лед), остановились в 10 ч. 45 м. утра вблизи снегового хребта в местности с тощей сухой травой и суглинистой почвой, по которой бегают многочисленные ящерицы. Воздух чист, небо темно-синее, с гор дует холодный ветер, день солнечный. Е.И. опять нездорова – насморк, кашель и ангина, вечером температура 38,2° С.

23/VI ***Самоотравление бурят. Охота на куланов. Хребет До-Ю-Гу. Самовольные названия.***

Ночь была холодная; вода в палатке и по берегам реки замерзла. Утром у Е.И. температура 37,2° С, головная боль;

насморк и боль в горле почти исчезли. Небо туманное, погода прохладная. Буряты опять накурились зеленого китайского табака с коноплей – сильная головная боль и сердцебиение; в груди, как они говорят, «узко». Особенно страдает Цультим, но не удерживается и накуривается доодурения, а потом ходит, всем жалуется, что ему «узко», и просит лекарств. Сегодня он получил только холодный компресс на голову и очередное разъяснение о том, насколько ядовит гашиш. Жаропонижающие и сердечные средства приходится беречь на более серьезные случаи заболеваний, когда без них обойтись будет невозможно, ведь еще предстоит три месяца пути в горах и в осеннее время, когда возможны простудные заболевания.

Монголы уехали на охоту в горы – у них нет мясной пищи; думают подстрелить антилопу. Остаемся пока, ввиду нездоровья Е.И., на этой стоянке со всем караваном до завтра. Верблюды поедают чахлые, сухие кустики дзака; скоро – согласно климатическим условиям – дзака в горах не будет, и они перейдут на траву. Лошадям плохо – мало травы по берегу реки; дважды в день даем сухой горошек, от которого во рту у некоторых лошадей бывают «натеки».

В 5 ч. 30 м. возвратились охотники, убившие двух куланов; ездили втроем; обоих куланов убил монгол Кончок с близкого расстояния. Чисто гуннская сцена – у всех троих у седел окровавленное мясо, внутренности и две свежесодранные шкуры.

Снеговой хребет Гумбольдта сохранил здесь китайское название – До-Ю-Гу; иного названия монголы не знают. Странный обычай у путешественников – приезжать в чужую страну и, не считаясь с местными названиями, наносить на карту новые названия, не упоминая местных. Тем более, что в данном случае, например, Александр фон Гумбольдт не только не был здесь, но даже и не имел

к этому хребту никакого отношения. Существуют «хребет Александра III» (оцените странность названия), «Шапка Мономаха» (интересно, как бы перевели это монголы?), «хребет Императорского Русского Географического Общества», «Озеро экспедиции» (какой именно?). Но ведь все эти «хребты», горы и озера уже много веков имеют свои названия, и перевод этих названий характеризует их иностранцу. Например, «Нань-Шань» означает «Южные горы», «Тянь-Шань» – «Небесные горы», что уже говорит об их высоте. Не лучше ли и не справедливее ли было бы писать на картах перевод местного названия и в скобках само название, существующее несколько веков, если не более?

Самочувствие Е.И. хорошее.

24/VI ***Живописный путь. Река Шарагол. Болотистая стоянка.***

Ночь нехолодная; безветренная погода. Встали в 5 ч. утра; вышли в 6 ч. 10 м. Небо облачное, временами легкий ветерок. У Е.И. большая слабость после болезни. Дорога живописная, среди невысоких гор; впереди, недалеко отсюда, снега горной цепи До-Ю-Гу (хребет Гумбольдта). Хребет этот, хотя и имеет вблизи несколько мрачноватый вид, очень красив: голубоватые вершины покрыты белоснежными пластами снега, середина горы красноватого, а иногда и ярко-красного цвета, чередующегося с зеленоватыми оттенками. В 2 ч. 30 м. добрались до реки Шарагол (Желтая река), пройдя ряд небольших перевалов и ущелье. Место для стоянки, как мы и предполагали, оказалось неудобным. Завтра предполагаем найти стоянку в горах, у ключа; животные же могут быть оставлены здесь на пастбище. Река мутная, желтого цвета, вода теплая; местность болотистая; трава редкая – в этом году (1927 г.) и в прошлом неурожай трав. Здесь у Шарагола кончился любимый верблюдами дзак, служащий также и людям как хорошее топ-

ливо. Верблюды щиплют траву. По рассказам монголов, в горах Гумбольдта водятся снежные леопарды, рыси, волки и медведи, яки, горные бараны, козы, аргали и куланы (по-тибетски « кианг» – дикий осел); встречаются крупной породы орлы.

25/VI ***Ю.Н. нашел новую стоянку. Местные цены. Охранная зона Шамбалы. Объяснение Далай-Ламы.***

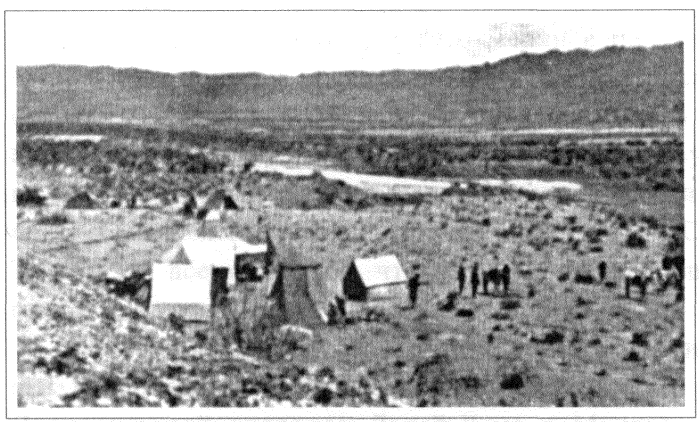
Ночь была относительно теплая. День солнечный, но прохладный. Ю.Н. уехал на поиски стоянки в горах у ключа. Приезжали монголы – привезли 5 фунтов масла, по янчану за фунт, и баранов по 5 янчан. Конечно, это более чем двойные цены для нас, но здесь это дорого. Янчан равен приблизительно русскому рублю.

В 2 ч. дня возвратился Ю.Н. и сообщил, что в горах по направлению к Тибету найдено место для стоянки у горного ключа. Решили выступить завтра в 7 ч. утра; переход предполагается около 3-х часов. Здоровье Е.И. улучшается.

Узнали, что во время бегства Далай-Ламы в 1904 году на север в Монголию при следовании по северному нагорью Чантанга люди и животные испытали странное для них «трясение» , продолжавшееся несколько часов. Далай-Лама объяснил, что это явление происходит оттого, что это место (нагорье Чантанг) входит в заповедную область Шамбалы. Вечером небо покрылось тучами; ожидаем, что завтра будет туманная прохладная погода.

Часть IV

СТОЯНКА В ШАРАГОЛЬЧЖИ



Лагерь экспедиции в долине Буре-ин-гол. Цайдам.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

26/VI ***Переход ближе к горам До-Ю-Гу. Многочисленные рукава Шарагола. Остановка у горного ключа.***

Встали в 5 ч. утра; в 6 ч. 30 м. выехали на новое место стоянки в горах. Караван с вещами на 62 верблюдах вышел позже. Пришлось переезжать через все многочисленные извивы Шарагола. Одна из лошадей под тибетцем Кончоком чуть не утонула, завязнув в иле; четыре человека едва вытянули ее. При одной из переправ с обрывистым берегом моя лошадь, обычно везде послушно идущая, на этот раз не пошла, трижды сворачивая в сторону. Ее принуждены были тянуть другой лошадью за повод. Только при спуске обнаружили, что подпруги ослабли, и я качнулся в седле, но усидел. Это мерин серой масти, лет 6-7, из Кукунорской области, то есть горная лошадь, массивная, с густой черной гривой, иноходец, очень послушный и выносливый, зовется «Серый»; Мачен же, у которого мы его купили за 114 янчан, называл его за массивность и, вероятно, несколько большой живот «Свиньей». Теперь же все признают, что это наилучшая лошадь для горных переходов и что она вынесет переход по Тибету.

На место пришли в 10 ч. утра и стали на возвышенности у горного ручья, недалеко от дороги через горы на Лхасу, которой проезжал Далай-Лама в Монголию поблизости от заповедных мест, расположенных главным образом к северо-западу от Лхасы, район которых простирается к северо-востоку к нагорью Чантанга. Караваны иногда проходят очень близко от этих мест, не подозревая того, а между тем вступление в зону заповедных мест Гималайского Братства (район Шамбалы) может угрожать не только «трясением» в продолжение нескольких часов, как это было с караваном Далай-Ламы в 1904 году, проходившим по Чантангу, очевидно, не очень далеко и попавшим

лишь в сферу электрических волн, а возможно, какой-либо другой, не известной нам пока энергии. Остановились около 10 ч. утра на найденном Ю.Н. месте у горного ключа, недалеко от двух монгольских юрт.

27/VI ***Слухи о монгольском посольстве. Повышение цен монголами. Наши книги. Неудачная охота бурят на кианга. Здоровье Е.И. и Н.К. Обычное вечернее занятие — кормление лошадей.***

Утром пришло известие, что монгольское посольство, выехавшее из Урги в начале октября 1926 года, не дошло еще до Лхасы. Вот уже месяц, как оно находится в Нагчу, в 8 днях пути от Лхасы, и не может получить разрешения на въезд. Когда мы уезжали из Урги, нам рассказывали о гостеприимстве монголов – кочевников, жителей юрт и отдельных поселений (аилов). Хотя мы сами гостей не приглашали, все же, когда к нам толпами приходили монголы, мы приветливо встречали их, все показывали, лечили и давали лекарства. С их же стороны видели лишь открыто выказываемую корысть, обман и желание получить от нас как можно больше янчан путем сговоров между собой ничего не продавать нам ниже установленной старшиной цены, все более и более повышавшейся, – что, разумеется, ставило нас в весьма затруднительное положение.

В Чан-Маре, например, у китайцев баран со шкурой стоит 4 янчана; здесь же с нас просят 9 янчан без шкуры; обычная стоимость барана, в зависимости от величины, 1–2 лана, то есть от 1 р. 30 к. до 2 р. 60 к. Сегодня едва упросили продать нам молока – взяли за один литр один янчан, то есть в пять раз дороже, чем даже в городе. Здешние монголы – плохие буддисты, корыстнее китайцев-торгашей; о Шамбале даже ламы ничего не знают, слышали только название.

У Е.И. все еще не проходит кашель; и сегодня, в добавление к лекарствам, нам нужно было дать ей молока, в котором Е.И. чувствует особую потребность. Весь день сегодня дует сильный ветер; сидим по своим палаткам за чтением и работой; мы везем с собой много научных книг последних изданий на немецком, русском и английском языках.

Вчера буряты Цультим и Ардна ходили на охоту за куланами, но возвратились без добычи. Кстати, сколько я ни присматривался к куланам, живым или убитым, – они действительно напоминают больше всего осла, да и само китайское название «кианг» означает «дикий осел».

Несмотря на недомогание в эти дни, Е.И. по-прежнему много читает и пишет. Н.К. положительно изумляет своим здоровьем – ни разу не болел, в то время когда другие чувствовали разные недомогания вследствие простуды от холодного ветра в ущельях перед Хашкари. Температура у Н.К. была в это время 36,4° С – это для него норма.

Вечер закончился кормлением лошадей, пригнанных с пастбища и на короткое время привязанных за повода к растянутой меж кольев по земле веревке; после этого они вновь были пущены на пастбище. Это необходимо для того, чтобы лошади, не одичали в табуне на свободе и не забывали о ласке своих хозяев и вкусном корме, который у них имеется. Ласковое обращение и корм привязывают животных к человеку, а в пути это в особенности необходимо.

28/VI ***Западное и восточное гостеприимство. Предположенный необычный маршрут. Наше питание. Буран и холод. Высота стоянки 9.300 футов.***

Наши буряты подтверждают, что халхасские монголы, то есть население от Юм-бейсе до Урги, очень гостеприимны и простодушны, здешние же цайдамские – недовер-

чивы и замкнуты. По этому поводу Н.К. замечает, что «это негостеприимство монголов очень относительно, так как, если б мы выпустили на пастбище любого русского или европейского поселка шестнадцать коней или если б мы пошли запасаться топливом в чужие угодья, то гостеприимные европейцы по меньшей мере немедленно потащили бы нас в суд или причинили бы еще большие неприятности. А ведь у монголов и пастбища, и топливо так ограничены».

Теперь мы идем необычным караванным путем, который пролегает восточнее, через населенные китайские местности, где легко собирать караван. Наш путь лежит через пустынные, уединенные места с редко встречающимися отдельными юртами в долинах рек. Избрать этот путь, по которому не ходили ни караваны, ни путешественники, нас вынудили происходящие в Китае военные действия.

Там, где находимся мы сейчас, – самое спокойное место на земле. О происходящих в мире событиях мы знаем. Удивляясь несговорчивому и корыстному нраву здешних монголов, в значительной мере, впрочем, запуганных и деморализованных их старшиной Маченом, о котором втихомолку они отзываются как о хищнике, их обирающем, мы пытаемся наметить наиболее удобный будущий караванный путь. Вчера Ю.Н. спрашивал монголов о твердых ценах, установленных ими в этой местности. Оказывается, большой, жирный баран стоит от 7 до 10 янчан, обычный – 6 янчан, 3–4 янчана – коза и 80 янчан – хороший верблюд.

Сейчас, в 12 ч. 45 м. дня, свирепствует сильный буран, неся тучи песка и срывая палатки; пришлось запереться наглухо на все петли, пережидая бурю. Песчаные смерчи – крутящиеся столбы песка – здесь обычное явление при сильном ветре. Сегодня утром вблизи нашего лагеря паслись два кулана – они очень любопытны, всегда ста-

раются перебежать дорогу, и это любопытство их часто губит. Впрочем, люди здесь бывают нечасто, и животные всегда наблюдают это редко видимое ими существо и способы его передвижения. Я вспоминаю, с каким любопытством и бесстрашием наблюдала за нами горная курочка на перевале через Хашкари. Мы были на гребне горы, а она вблизи слева на небольшой горке топталась на одном месте, квохтала и рассматривала нас как невиданное зрелище.

Сегодня рано утром на восходе солнца были слышны нежные переливы раковины. Это молился престарелый лама в соседней юрте и потом дул в морскую раковину, извлекая тонкие и нежные звуки из священного инструмента, известного еще в глубокой древности. Сегодня за обедом мы съели последний картофель (больше у нас овощей нет); наш обед состоит из одного блюда – жареного картофеля или сваренной, а затем поджаренной в жире или масле вермишели. Иногда бывает нарезанная мелкими кусочками поджаренная баранина. Хлеба у нас нет – утром едим поднятые на соде маленькие жареные лепешечки; имеется немного белых сухарей. Буряты теперь едят приготовленные из муки лепешки и пьют чай, вчера дали им немного риса и масла; у нас тоже бывает иногда на обед вареный рис. Сахар грязный, китайский, приходится варить сироп, снимая всплывающую грязную пену, и в виде сиропа уже класть его в чай. Баранов продают неохотно, больших теперь нет, а за маленького и получат немного, а потому – невыгодно.

Вчера ходили вместе с Н.К. осматривать источники питьевой воды, отыскивая лучший. Около истоков нашего ключа почва оказалась чрезвычайно загрязненной аргалом, всевозможными отбросами, до падали включительно, – выше и около его истока находятся места стойбищ. Теперь же почва до того загрязнена, что три юрты перенесены далеко вправо от нас. Четыре других осмотренных источ-

ника питьевой воды оказались не лучше, если не хуже. Хорошо, что еще не загрязнен сам источник, хотя во время дождей это неизбежно, поскольку вся вода с окружающих источник плоскогорьев и долин стекает сюда. Воду теперь пьем исключительно кипяченую.

Вот в каких условиях живет, работает и мыслит наш великий современник Н.К. Рерих, неизменно спокойный и мудрый, чьими советами мы постоянно пользуемся во всех затруднительных случаях нашего пути. Он же нас всегда мудро наставляет и успокаивает; например, по поводу наших волнений с Маченом говорит: «Почему вас так волнует Мачен? Разве, приходя в больших городах в магазины, где с вас запрашивают иногда чудовищные цены, вы волнуетесь, возмущаетесь, называете мошенниками владельцев магазинов? Нет, вы просто уходите, если цена вам кажется неприемлемой, а после опять спокойно приходите за другими вещами в тот же магазин». И далее: «Почему нас не возмущает факт, когда Монголбанк берет за перевод в Америку восьми тысяч мекдолларов пятьсот мекдолларов? Что значат все грабительства Мачена по сравнению с этим "цивилизованным обычаем"? Поверьте, все это возмущает нас только потому, что мы привыкли к формам грабежа цивилизованного».

Мне вспоминается описание в газетах дворца-музея имени Н.К. Рериха в Нью-Йорке, старого, роскошной архитектуры и комфортабельного даже для Нью-Йорка, стоящего на берегу широкого и величаво катящего свои воды Гудзона, с прекрасным видом из окон водных пространств, по которым проходят громадные океанские пароходы. В этом музее, при жизни посвященном гению великого художника и мыслителя, в настоящее время собрано более семисот его художественных произведений. В Америке имя Н.К. произносится с величайшим уважением и восторгом; ежедневно в этот музей стекаются люди всех сословий,

чтобы почерпнуть там новые духовные силы и испытать восхищение перед красотой его творений. Я видел фото-

Здание бывшего музея Рериха в Нью-Йорке.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

снимки этого дворца-музея; внутреннее убранство его помещений поражает изяществом и красотой отделки, даже вестибюль и приемный зал, не говоря уже о личном кабинете Н.К.

Такова внешняя сторона жизни Н.К., но дух его превыше роскошной обстановки мирового города великой Америки, которая готова отдать ему все, чтобы он только был там. Он же ищет новых накоплений знаний в трудных путешествиях, часто по таким пустынным или малонаселенным странам, как Внутренняя Монголия с Центральной Гоби или Тибет.

7 часов вечера. Буран еще продолжает рвать палатки. Днем был небольшой дождь. С вечера до утра по-прежнему выставляем часовых. Распределяет дежурства Ю.Н. Прошлую ночь произошло курьезное недоразумение; разбуженный ночью при смене часовых Ю.Н. спросонок отдал распоряжение снимать палатки: сначала начальника Миссии Н.К., а потом – мою; распоряжение это, конечно, не было выполнено дежурившим ламой Ламаджаном, спросившим утром Ю.Н. при встрече: «А сегодня здоров?» Накануне Ю.Н. действительно был болен – простудился на холодном ветру. Вечером, несмотря на конец июля, так похолодало, что пришлось одеть шубы. Сегодня проверили высоту нашей стоянки по высотомеру – оказалось 9.300 футов высоты.

29/VI ***Холодная ночь. Опять буран. Статья профессора Анезаки. Розовые лучи Ориона. «Чинтамани — Сокровище мира» — дар Ориона. Существующий метеорит. Легенда о Камне.***

Буран кончился вчера только в 8 ч. 50 м. вечера. Ночь была холодная; пришлось спать в егоровском белье, свитере, в легком, без меха спальном мешке, укрывшись ме-

ховым и шерстяным одеялами и шубой; на голове – шерстяной шлем и легкая шапка. Только тогда в летней брезентовой палатке нам было более или менее тепло. День наступил солнечный, но прохладный; небо голубое, безоблачное.

Утром ходили с Н.К. к подножью Гумбольдтовой цепи; взяли образец красного точильного минерала, из которого в Китае изготавливают хорошие точильные камни. После двух часов дня опять поднялся сильный ветер, хотя небо было нежно-голубое, почти безоблачное.

Буря проносится сейчас и над миром. Она означает наступление Новой Эры для человечества, разрушение форм старого мира и созидание новых удивительных форм мировой общины. Профессор Анезаки в *«Vie Des Peuples»* в октябре 1923 года пишет в своей статье, что японская катастрофа соединена с началом новой эры человечества. В сентябре того же года в Бюллетене Астрономического общества в Париже сообщалось о розовых лучах, появившихся в созвездии Ориона. А в 1924 году в Нью-Йорке в декабрьском номере иллюстрированного журнала *«The Foreword»* под известной картиной Н.К. «Чинтамани – Сокровище мира» напечатана легенда об этом сокровище, легендарном горном Камне, аэролите, даре Ориона. Упомянутая картина изображает, как известно, на фоне причудливых и величавых скал белого коня, осторожно спускающегося по узкой и извилистой горной тропе и несущего на своей спине чудесный ларец с Камнем, Сокровищем Мира, над которым сверкает пламя в нимбе лучей. Удивительная картина и еще более изумительный дар видения сокровенных вещей!

Мне известно, где хранится этот аэролит, нигде более не существующий на нашей планете, а также осколок этого Камня, о котором говорится в «легенде», но об этом я должен умолчать.

Дальше я приведу лишь отрывки существующих разновременных легенд об этом Камне, особенно ценные ввиду того компетентного источника, откуда были они сообщены, прежде чем попали на страницы *«The Foreword»*. Между прочим, в книге Ф. Оссендовского *«И звери, и люди, и боги»* (1922 г.) часто упоминается легенда о черном Камне, известная из монгольских источников. В английско-тибетском словаре Jacschke (Лондон, 1881 г.) имеется слово «Norburinpoce» – «чудесный камень, владение которым сообщает неистощимые возможности; он имеет форму овального плода». Многие, вероятно, ранее читали и слышали что-то ослужении жрецов Атлантиды и впоследствии друидов у черного Камня. В литературе многих народов была выдвинута древняя легенда о чудесном Камне, обладание которым дает мощь и возможности, предназначенные человечеству по праву его сущности.

«Иду пустыней. Несу чашу, щитом покрытую. Сокровище в ней – дар Ориона».

«Правитель Курновуу, в золото одетый, получил от Тацлавуу темный Камень, заключавший кристалл жизни; и поверх золота Правитель носил Камень». Это времена Атлантиды.

«Уроил Зена, дух воздуха, принес Камень царю Соломону. Воскликнул дух на чуткое ухо: "Повелением Господа Сил вручаю Тебе Сокровище Мира". "Да будет так", – сказал царь и отнес Камень в храм. Но напала мысль взять часть Сокровища для себя. Позвал царь Ефрема-златоковача из колена Иудина. И приказал ему отбить часть Камня, взять чистого серебра и сковать кольцо и начертать на Камне чашу, пламенем просиявшую. Царь думал никогда не расстаться с Сокровищем, но дух сказал: «Немудро нарушил

ты божеское А-Естество. Трудно будет сынам человеческим владеть Камнем. И только те, кто с тобою, могут направить Камень к добру. Созвездием путь Камня укажу».

«И в храме Иудеи не остался "Пламя Носящий". И спас едва Посседван – ушел из развалин Китая».

«Когда император Китая владел Сокровищем Солнца, он построил Ему храм из бирюзы цвета неба. Когда маленькие принцы с девочкой-невестой слишком долго заглядывали в дверь, император сказал: «Лис ведет вас, чуете Радость Мира».

«Пусть сто ступеней Китая приветствуют Пламяносящего, но Посседван уносит Камень, и пески передали огонь Воителю – наезднику Тимуру. Подошел Великий к Янтарной стене и покрыл поле знаменами. "Пусть лежит Камень в храме, пока вернусь". Но жизнь чудо принесла внуку. Путь Камня лег на Запад».

«На Ланке (Цейлон), на острове, лежит Камень, захороненный за измену Раваны. Уйдет Камень за море. За ним еще тянется счастье, как хвост кометы, но не надолго».

«Как к жару и к холоду нужно привыкнуть, так нужно привыкнуть и к получению Камня. Каждый Носящий Камень должен пожить с ним спокойно. Дурман лучей его невидим, но жар тайный сильнее радия. Невидимо изливается вещество, но явно Камень покоится на ткани родины своей».

«Пусть гора Гордости недолго Камень укрыла. Пусть новый завоеватель хранит Сокровище. Пусть величается Город Камня, но путь Сокровища предначертан. Пора Камню вернуться домой».

«От тебя, город мира, беру я победу Камня. Моей земле возвращаю огонь, ибо время пришло».

«Недолго оставался Камень около горы Гордости – много послов с Востока. Верблюды уносят Камень в Тибет. Через пустыни несут они его и вместе с ним новую мощь. И его последний полет на Запад осветил неслыханное царство неудачного объединения западных народов. В каждом луче Востока уже ищут Камень. Время придет, сроки будут исполнены, когда Камень сам придет с Запада».

«Тибет и Новая Страна выйдут навстречу Семи Звезд под знаком Трех Звезд, которые послали Камень миру. Уготовлено Сокровище, и враг не возьмет щит, покрытый золотом. Ждите Камень!»

«Когда над Чашею пламя кольцом совьется, тогда близко Мое время».

Время исполнилось, пламя свернулось в кольцо над Чашею, и верблюды несут Камень. Близко время наступления Новой Эры, сложенной под знаком Трех Звезд Ориона навстречу Семи Звездам.

30/VI ***Защита палаток от бурана. Гномон.***
Акдордж над палаткой Шамбалы. Н.К. о знании.

Жаркий день без ветра. С утра перенесли наши палатки на более удобное место в целях защиты от ветра. Около палаток утрамбовали землю гравием, чтобы ветер не наносил в палатки песка; устроили гномон для проверки часов. На американской палатке легкого типа, с танками и изображением Шамбалы установили большой бронзовый акдордж (акакочир) – священный знак Шамбалы, состав-

ленный из буддийских дорджей (акачир), в виде типичного византийского креста. Жаркий день у предгорий цепи Гумбольдта клонится к вечеру.

Сидим в моей палатке с Н.К. и беседуем об основах знания. Н.К. замечает, что «прежде всего необходимо истинное просвещение народа, но это просвещение придет лишь при полной свободе знания, когда всякие предрассудки как справа, так и слева распадутся, как песчинки тьмы. Малейшее запрещение, малейшее пресловутое «нельзя» опять будет творить слабовольных, мягкотелых рабов. Радость жизни придет лишь в свободном беспредельном знании».

1/VII ***Еще одно предание о Камне. Храм Шамбалы.***
Статья А. Дэви-Неел.
Владыка Шамбалы и совпадение сроков.

Вчера ветер поднялся на два часа позднее – ровно в 4 ч. дня. Ночь была нехолодная; день жаркий, безветренный. Опять на несколько минут возвращаюсь к преданиям о черном Камне.

Одно из них утверждает, что минерал этот заключает в себе энергию, которая позволит человечеству сообщаться с дальними мирами; Камень будет как бы мощной радиостанцией для сообщения с другими планетами, более совершенными. Пламяносящее «Сокровище Мира» всегда считалось символом *истинного* Знания и Света, и пламя его могло быть направляемо только по Пути Добра.

«Последователь ночи пытался вернуть владение Камнем, но Сокровище всегда было знаком Света. Недолго владели Камнем лукавые правители, не ведая, что лишь путь к правде направляет огонь Камня».

«В темную ночь, в темной одежде посланец бесшумно подходит, чтобы увидеть, как они ждут. За углом ручной зверь носом поводит, лапу тянет, послан врагом. Кто скребется за стеною, какие мухи налетели? Откуда вихрь поднялся? Но иду твердо, держу Камень, молитву повторяя: «Не оставь меня, Владыка, я собрал все мои силы, не оставь, ибо иду к Тебе».

Еще указывается, что, когда произойдет двойное затмение и погружение в волны святынь, это будет означать новое явление Камня. Так заповедал Восток.

«Уехал посол к хану Тамерлану. Неладно лежит Камень в Отакуе. Стража Трех знамен должна быть послана. Идут на верблюдах, столб песка скрыл солнце, стихии укрыли путников. Без конца идут они. И каюки к дому повернули коней. Ночью кто Камень охранит? Пустыня сокрыла чужих. И с ними Камень ушел на юг. Подумай, хан, как достичь Камня в праведных путях? Грусть пошла, хворость, даже конь оступается. К достойным всадникам явился дух явленный: "Не ищите Камня, лишь время явит путь". Каждый улус по-своему поет о Камне».

Сегодня Е.И., Н.К. и лама Малонов сооружали храм Шамбалы; над престолом повесили танку с изображением Шамбалы. По этому поводу вспоминаю, что в 1925 году во французском журнале *«Vie Des Peuples»* появилась небольшая статья Александры Дэви-Неел[26] (David-Neel), прожившей последние тринадцать лет в Тибете, в которой она рассказывает о существующем и очень распространенном в Тибете поверье, что ***на Севере, в будущей Северной Шамбале***, появится герой, который обновит мир. Говорят, что страна эта населена русскими, а также указывают на близость ее к Северному Океану; можно достоверно предполо-

жить, что это Сибирь, вернее, часть ее. Думается, что это Алтай с его величавой горой Белухой – русское *Беловодье*.

Певцы Тибета – барды – воспевают чудесного героя, владыку Линка, который в новом своем воплощении должен появиться в Северной Шамбале. Он объединит вокруг себя всех своих бывших министров, генералов и всех соратников своего прошлого существования. Он воплотится, чтобы выполнить свою миссию уничтожения демонических тиранов на земле. Согласно сказанию барда и распространенному мнению тибетцев, ***соратники Владыки Северной Шамбалы уже воплотились в большинстве своем на русской земле***.

По историческим данным, император владения Линка был могущественным владыкой, завоевавшим большую часть Китая и распространившим свое владычество до Си-ан-фу (Sian-fu), в Шанси (Shensi). Он жил приблизительно в VII или VIII веке нашей эры. Ему поклоняются как богу войны. Этого героя, по преданию, должна родить женщина, не принадлежащая ни к одной из человеческих рас, как выражаются «nagi», то есть женщина из расы змей-полубогов, называемых нагами (nagas). По преданию, перед явлением в мир Владыки Шамбалы Великий Лама из Таши-Люмпо (Таши-Лама[27]) выедет из Тибета.

Надо прибавить, что бард, с которым беседовала А.Дэви-Неел, был ясновидящий, утверждавший и, видимо, доказавший А. Дэви-Неел, что он и теперь фактически находится в контакте с Владыкой Шамбалы, олицетворенным в преданиях в Гэсэр-хане[28], о котором существует чрезвычайно обширная в буддийском мире литература. О себе Дэви-Неел замечает, что она отличается весьма рационалистическим мировоззрением. Как и предсказал бард, в 1923 году, то есть через два года, Таши-Лама выехал из Тибета в Китай, чего еще никогда не случалось, и до сих пор не возвращался.

Близится время! Согласно этим ожиданиям Новой Эры, Владыка Шамбалы, Майтрейя, установит на земле господство справедливости. Армия его неуязвимых воинов, напитанная Его мыслью и одушевленная Его волей и Его энергией, приблизится к Лхасе, очистит Святой город и установит в нем трон Владыки Правды и Справедливости. После этого Его владычество распространится по всей Азии и будет восстановлен Китай. Далее Дэви-Неел замечает, несмотря на свой рационализм, что эти ожидания и верования Востока могут вылиться в такую форму и вызвать такие события, которые не может предугадать самый тонкий политик. А что если она окажется права?

2/VII ***Сооружение субургана. Возвращение П.К. Цены на мулов. Угар, кошмар и медведи.***

Жаркий день. У палатки с танками начато устройство субургана из камней. В 11 ч. утра возвратился П.К. с монголами, закупив риса, чаго, сахара и семнадцать мулов по средней цене 85 янчан – с трудом и понемногу мы собираем наш собственный транспорт. Через несколько дней ему снова придется ехать, вероятно, опять в направлении Сучжоу на поиски мулов; цена их уже доходит до 150 янчан.

Вечер теплый, с небольшим ветерком. При переезде через Хашкари монголы, боясь «угара», завязали рты; ночью, как рассказывал П.К., у одного из них перед Хашкари в ущелье было кошмарное видение. П.К. шел через перевал пешком и не испытал каких-либо недомоганий. Мы также ничего особенного не заметили, и никто из нас никоим образом не страдал от высоты. Здесь мы живем на высоте 9.300 футов; во время прогулки в горы поднимаемся еще выше; у некоторых из нас миокардит и в значительной степени, однако, чувствуем себя на высотах

превосходно. Не доезжая до Хашкари, один из спутников П.К. – Аюр – видел в ущелье четырех медведей, из которых один с белой грудью долго следил за проезжавшими.

Не только наши ламы, но и соседи-монголы начали носить камни на складываемый субурган. В него будут положены, по обычаю, изображение Бурхана, пророчества Великих Лам, несколько серебряных монет и зерно.

3/VII ***День Майтрейи. Впервые переведенные пророчества. Служение лам Майтрейе.***

Жаркий день. Сегодня день Майтрейи, праздник, который особенно ярко чествуется во всех буддийских землях. Вспоминаю заключительные строки недавно изданной в Урге книги на русском языке *«Основы буддизма»*, которую, в виде исключения, монгольское правительство постановило перевести на монгольский язык: «По всему буддийскому краю на придорожных скалах указывают будущий путь изображения Майтрейи. От древнейших времен и доныне это изображение созидается буддистами, знающими приближение нового века. Почтенные ламы в сопровождении учеников, художников и ваятелей в наши дни путешествуют по буддийским землям, созидая новые изображения символа чаяний светлого будущего». Считаю необходимым привести перевод пророчеств Великих Лам, вызывающих трепетное биение сердца у местных народов. Бесконечно ценно то, что даже полудикий монгол-номад в этой форме мыслит о строении будущего.

Пророчества даю в переводе Ю.Н., нашего ученого-лингвиста и востоковеда. Вчера заинтересованные прочитанными им пророчествами монголы и амдосцы просили дать списать их:

«Слава Тибета и Монголии близится. Сокровище с Запада возвращается. По горам зажигаются огни радости. Посмотрите на дорогу – идут носящие Камень. На ковчеге знаки Майтрейи и священного царства. Срок указан, когда расстелить ковер ожидания. Знаками семи звезд откроются врата. Огнем явлю Моих посланных. Соберите предсказания счастья вашего».

Похожий на это пророчество вариант имеется в Монголии, в монастыре около реки Иро.

«У Меня много сокровищ, но могу дать их Моему народу лишь в назначенный срок, когда воинство Северной Шамбалы принесет копье спасения, тогда открою горные тайники – и разделите с воинством Мои сокровища поровну и живите в справедливости. Тому Моему Указу скоро поспеть над всеми пустынями».

«Когда золото Мое было развеяно ветрами, положил срок, когда люди Северной Шамбалы придут собирать Мое имущество. Тогда заготовит Мой народ мешки для богатства и каждому Дам справедливую долю».

«Можно найти песок золотой. Можно найти драгоценные камни, но истинное богатство придет лишь с людьми Северной Шамбалы, когда придет время послать их. Так заповедаю».

«Так исполняются предсказания предков и писания мудрых. Найдите ум встретить назначенное, когда в пятом году[29] появятся вестники воинов Северной Шамбалы. Найдите ум встретить их и принять новую славу Тибета и Монголии. Дам мой знак молнии».

День закончился молением наших пяти лам перед изображением Майтрейи, длившимся в течение двух часов. Присутствовали приезжие монголы с их женами; усердно и по много раз обходили палатку со священными изображениями.

4/VII ***Кара за кражу в Монголии. Охота на куланов. Расположение стана. Смута среди бурят.***

За весьма редкими исключениями монголы отличаются честностью, воровство случается редко. Здесь за кражу лошади укравший ее должен возвратить потерпевшему похищенную лошадь и еще восемьдесят лошадей, а юрта его и остальное имущество поступают в распоряжение князя. При таких порядках любителей чужой собственности находится мало.

С утра Ю.Н. и П.К. с Аюром и Кончоком уехали на охоту. Сейчас наблюдали в бинокль за нашими охотниками. Как раз против лагеря, ближе к горам, паслись куланы. Выстрелы только спугнули их, и табун бросился бежать, затем опять куланы стали мирно пастись.

Наш лагерь расположен под защитой холмов, ближе к цепи Гумбольдта; перед глазами зеленая долина Шарагола, а дальше небольшие красноватые горы. Теперь у нас двенадцать палаток. Слева к ручью, на зеленом холмике, стоит обеденная палатка в виде большого светло-коричневого зонтика, обтянутого по бокам такого же цвета материалом. Невдалеке на том же холмике – темно-синяя и зеленая палатки – кухонные, типа монгольских майханэ. В синей живет тибетец Кончок, который вместе с молодым ламой Бухаевым помогает Людмиле в хозяйственных делах. Правее, ближе к каменистой площадке, устланной гравием, находится американская палатка легкого типа, в которой живет Людмила со своей тринадцатилетней сестрой Раей. Еще немного правее находится палатка Ю.Н. – английского типа, купленная в Париже. Вблизи ее расположена китайская палатка с седлами и другими принадлежностями для верховой езды. Английская палатка Н.К. и Е.И. помещается в центре лагеря; перед ней устроена небольшая куртина, обложенная дерном с мелкими розо-

выми цветочками луговой примулы. По правую сторону установлена американская палатка со священными буддийскими изображениями. Далее – моя, русского типа, брезентовая, изготовленная в Ленинграде мастером Журавлевым, работающим на Геологический Комитет; потом палатка П.К., легкого американского типа, и затем майханэ бурят Аюра, Цультима, Ардны и ламы Ламаджана. На холмике позади палаток, находящихся в центре, стоит палатка-майханэ лам Молонова, Бухаева и Кейдуба. Перед палаткой Н.К. и Е.И. сооружены солнечные часы.

В 10 ч. 15 м. утра возвратились четверо охотников – без всякой добычи. Кончок не удержался и рано выстрелил – куланы побежали, и пришлось стрелять на расстоянии восьмисот метров. Доходят сведения о каких-то странных слухах, распускаемых нашими бурятами. Вероятно, придется в Нагчу распроститься с ними, оставив только лам.

5/VII ***Дальняя гроза. Пристрелка винтовок. Сильный буран.***

С утра прохладно и ветрено. Около 11 ч. утра поднялся сначала сильный ветер, а затем пошел дождь, к сожалению, весьма редкий и непродолжительный. Слышится глухой отдаленный гром. Сегодня утром Ю.Н., П.К. и бурят Аюр занимались пристрелкой винтовок. Испытания показали, что немецкие карабины, купленные в Урге, сильно расстреляны; русские драгунки выпуска 1925 года оказались удовлетворительными при условии устранения большой «игры» в стволе, появившейся из-за высыхания деревянных частей – цевья и наствольной накладки; хорошим оказался штуцер маузера образца 1910 года. Некоторые патроны для немецких карабинов из-за слишком глубокой посадки пистона давали осечку; патроны германского производства.

После 1 ч. дня разразился буран, рвущий палатку, в которой я заперся на все петли, и все засыпающий в ней тонким слоем песка, проникающего внутрь сквозь брезент. Решительно невозможно избавиться от пыли. Каждый день стол, постель, брезентовый пол – все покрывается слоем мельчайшего песка. Можно представить себе, какие песчаные бураны бывают в китайском Туркестане, если здешние бураны считаются средней силы. Буран и дождь возобновлялись несколько раз среди дня и прекратились только к 6 часам вечера.

6/VII ***Опять буран. Потеря качества продукции — падение цивилизации. Мысли Н.К. Новые предположения о местах закупки животных.***

Сегодня с утра прохладно. Очищаемся от пыли. В 1 ч. дня опять поднялся буран с песком. Идет небольшой дождь, небо обложено тучами. Послезавтра, 8 июля, предполагается выезд П.К. на юг в Макэ (Махой-закха) за покупкой 35 верблюдов для каравана.

Вчера по поводу осмотра одной из палаток Н.К. сказал, что «падение качества продукции есть падение всякой цивилизации, попросту одичание». Он справедливо считает, что о цивилизации можно судить по качеству ее продукции. Фетишизм современного общества также обращает на себя его внимание: «В нашем обществе не только в низах, но, казалось бы, даже в развитых слоях, глубоко внедрен еще самый грубый фетишизм – то готовы воскуривать божеству фимиам, то, в виде наказания, рассечь его. И только устремление духа может просветить сознание. Если б все научились принимать вещи просто, реально, так, как они существуют в действительности!»

Когда-то некоторые считали Н.К. заоблачным идеалистом-мечтателем. С тех пор мы видим целый ряд разнооб-

разных культурно-просветительских учреждений, возникших как по его личной инициативе, так и вокруг его имени. Все это лишний раз доказывает, что это был не заоблачный идеализм, а подлинный реализм, основанный на действительности.

После долгих обсуждений вопроса о пополнении транспорта пришли к заключению, что верблюжий караван менее хлопотен, чем мулы. Обсуждали четыре возможных пункта для закупки вьючных животных. Во-первых, можно купить китайских верблюдов в Дунхуане, расположенном в четырех днях пути отсюда, но такое приближение к хотанскому даотаю было бы и опасно, и во всяком случае неприятно. Во-вторых, покупка каравана у цайдамского князя в Курлык-бейсе (пять дней пути) отпадает, так как князь есть князь, и его самодурство могло бы только осложнить дело. В-третьих, возникло предложение пробраться в Донкар, где на большой тибетской дороге бывает много караванов, но этот пункт дальше других, не менее двенадцати дней в один конец; таким образом, самой практичной остается поездка в Макэ (шесть дней пути), тем более, что П.К. не боится жары.

Говорили о хатха-йоге и преимуществе высших йог, тем более, что хатха-йога самая поздняя из них, возникшая, может быть, не ранее XII века.

7/VII ***Знание Ю.Н. монгольского и тибетского языков спасает положение. Переводы нашего официального переводчика Аюра. Санскритские корни. Пехлеви-Вендидад. Весенние цветы. Золото в горах Гумбольдта.***

Сегодня Ю.Н. и П.К. разбирали винтовки-драгунки выпуска 1925 года. Между цевьем и стволом оказались какие-то подкладки из жести и даже подкладочки из бумаги, но «заклинаний» на них не обнаружено; видимо, они были

вложены, чтобы уменьшить «игру» ствола при выстреле. Интересно было сопоставить эти винтовки с винтовкой Вестингауза американского производства.

Сегодня буряты сообщили, что у одного китайца, живущего в западном направлении, имеется пятьдесят «жирных» верблюдов, пасущихся в монгольском аиле. На деле же оказалось, что на местном монгольском языке бурятам было сказано, что в Курлык-бейсе, у князя, имеется много верблюдов и что, если сговориться с ним о цене, то он, может быть, их продаст.

Если б Ю.Н. не знал тибетского и монгольского языков и с нами не было бы Кончока, то можно себе представить, в какие дебри заводил бы нас перевод нашего переводчика Аюра, служившего в этой должности два месяца в ветеринарном управлении в Урге и представившего оттуда удостоверение, что он состоял переводчиком. Торгоутскую песню «Как чиста вода в золотом источнике» тот же Аюр перевел: «Какая хорошая вода в Алтын-Булаке». Алтын-Булак – не что иное, как пограничное местечко около Кяхты.

Говорили о санскритских корнях, ясно выраженных в русском языке, и о происхождении пехлевийского языка в связи с названием священной книги Вендидад.

Приходил лама, желающий поступить на службу, но предложенную ему обычную плату счел недостаточной. Через час он согласился, но Н.К. принципиально не принимает всех, чем-либо недовольных или разочаровавшихся. Кажется, именно в Америке применяется принцип добровольного обоюдного согласия.

После небольшого дождя, прошедшего третьего дня и сегодня, лужайки стали зеленее. Кроме розовых примул (первоцвет), цветут мать-и-мачеха, кошачья лапка и мышиный горошек, все это – мелкими цветами. Положительно, на этой высоте начинается, несмотря на июль, как бы весна. Несколько дней назад прилетали дикие голуби. В Гумбольдтовых горах имеется, по-видимому, много золо-

та, судя по остаткам прежних старательских раскопок китайского происхождения – и теперь там что-то делают три китайца – и по находимым нами в большом количестве кускам кварца (в одной из долин у гор) с прожилками золота, ярко блестящего на солнце. О монгольском, и в особенности о тибетском золоте, говорят, что оно очень чистое, высокого качества и, видимо, его здесь много, не говоря уже о Тибете, где имеются обширные неразработанные месторождения золота, указанные на английской карте.

8/VII ***Приезд нервы Кумбума. Рассказы о сининском амбане. Дружба его с У Пейфу. Интерес к Америке.***

С утра за пожертвованиями приехал нерва кумбумского монастыря в сопровождении местных дворян (тэджей), еще молодой человек, тактичный в речах, со сметливым взглядом. Этот монастырь, один из самых крупных и почитаемых, находится недалеко от города Синин Кукунорской области. По слухам, сининский амбань не в ладах с Фенгом, держит сторону Чжян Цзолина и У Пейфу. У него гостит сейчас сын последнего. Нерва и тэджи долго и со вниманием разглядывали священные танки, альбомы с видами Нью-Йорка, большой американский флаг, устройство наших палаток и строящийся субурган. Пожертвовано на монастырь сто янчан. На право сбора пожертвований нерва представил бумагу за подписью и печатью местного князя. В 8 ч. вечера начался сильный дождь.

9/VII ***Дождь и снег. Отъезд П. К. для закупки верблюдов. Ложные сборщики пожертвований на храм. Буряты опять собираются оставить нас.***

Всю ночь был сильный дождь, прекратившийся лишь к 8 ч. утра. С 10 ч. утра дождь возобновился. В горах ночью выпал снег. День холодный. Вчера вечером в девятом часу

возвратились совершенно пьяными Циринг и Кончок. Пили в соседней юрте со стариком-ламой. Обратно домой их сопровождал рабочий Мачена, уже переехавшего в Шарагольчжи. По слухам, Кончоком заказано китайцам 80 джин ханжи. Странно, что с появлением Мачена начинаются пьянство и безобразия. Положительно, этот китайский старшина – злой гений здешнего монгольского населения. Все как-то само собой связывается с Маченом, все нити ведут к нему. Рассказывают, что ханжу вчера привез рабочий Мачена, который и ночевал у Кончока. В 9 ч. утра уехал П.К. с Кончоком, Аюром и монголом-ламой за верблюдами в Макэ.

Прослышав о вчерашнем нашем пожертвовании на кумбумский монастырь, сегодня приехала новая группа людей с просьбой о пожертвовании на построение какого-то храма, местоположение которого к тому же было объяснено очень смутно; у приехавших сборщиков на этот раз не было писем и документов ни от монастыря, ни от князя, ни от каких-либо других властей, и потому они уехали от нас с миром, но без подаяния. Уезжая, пытались продать нам двух мулов. Слухи о приезде кумбумского нервы возбудили различные толки среди наших бурят, и двое из них – лама Ламаджан и «расстрига-лама» Цультим – уже обсуждали вопрос об уходе в Кумбум. Узнавая различные версии об «угаре» и о прочих трудностях пути через тибетские горы, в голову приходит мысль, что значительную часть этих рассказов нужно отнести за счет робости бурятских паломников. С этой же точки зрения нужно рассматривать и пресловутые повествования об ужасах «самой страшной пустыни» Гоби, которую мы пересекли уединенной верблюжьей тропой. Или же остается предположить, что условия нам особо благоприятствовали.

Сегодня приводили на продажу двух сарлыков (помесь яка с коровой) по 25 янчан, но они имели больной вид,

и потому мы предпочли пока остаться по-прежнему при муке и при баранах. К тому же говорят, что мясо их тверже козлиного (яман). Гумбольдтова цепь гор (До-Ю-Гу) от основания до вершины покрыта снегом; снег появился даже на вершинах более низких гор. Из этого надо заключить, что, начиная приблизительно с 10.500 футов высоты, атмосферные осадки выпадают в виде снега. Вечером опять шел дождь.

10/VII ***Закупка провианта. Н.К. - горячий апологет Америки.***

Утром небо покрыто тучами, но дождя нет, слабый рассеянный свет солнца, небольшой прохладный ветер. В общем, погода скорее приятная, прохладная. Утром занимались проверкой хозяйственного инвентаря, главным образом наличия веревок для погрузки. Цультим послан к китайцам, едущим на днях в Анси, с заказом привезти нам риса, сахара и сгущенного молока. В здешних окрестностях имеется прекрасная поваренная соль, которой мы пользуемся.

Сегодня по обыкновению много беседовали на самые разнообразные темы, лишний раз убеждаясь в верности замечания Н.К., что «скуки нет, но есть скучные люди – каждый несет за плечами свою котомку». Между прочим, говорили и об Америке и ее научных и художественных учреждениях. Перед своим отъездом на Восток Н.К. поделился в американской печати своими впечатлениями об Америке и американском искусстве. Он говорил, что «каждый находит то, что он ищет в мире, и измеряет мир по своей мерке. Если смотреть на Америку с пошло-материалистической Уолл-стрит, то и вся Америка покажется низко материалистической. Но если вам удается погрузиться в жизнь той Америки, которая далека от биржи или уличной наживы, вы будете изумляться ценным открытиям.

Нигде вы не найдете столько социальных учреждений и храмов за пределами официальных религий. Это любопытное свидетельство свободных исканий. Если вы посетите собрания всяких направлений, вы всегда найдете их многолюдными. Это явное доказательство общественного интереса. Люди идут к поискам новой жизни. Наполнены концертные залы в многотысячных аудиториях, на выставках и в музеях множество зрителей. Не для выгод идут туда люди. Это знак искания красоты. И не нужно забывать, что время уделяется среди высшей напряженности и головокружительной работы. Это знаки умения обращаться со временем.

Людей привлекают учения С. Вивекананды, Р. Тагора, Е.П. Блаватской[30] и других авторов международного значения. Это не корысть».

«Америка дала миру великих изобретателей, которые в своем размахе дошли до поэзии. Эдисон – изобретатель и в то же время поэт-исследователь. Карнеги – поэт великих масштабов. Повсюду в Америке можно встретить надпись: "Keep smiling!" – "Улыбайся!" Это не насилие, но добрый совет проявления жизненной энергии».

«Жизненность известной части Америки дает возможность иметь лимитированные поезда, движущиеся строго по расписанию. Та же жизненность дает возможность пройти через заводы Форда без пылинки на сапоге. Та же жизненность дает толпам сознание общественности и тем устраняет многочисленность полиции. Обратите внимание на взаимную добровольную помощь при всяких общественных несчастьях. «Моя хата с краю» – эта пословица была бы непопулярной в Америке. Но путей в Америке много, и надо суметь найти их. Незнание языка, неповоротливость, предубежденность, предрассудок и суеверие могут свести на нет самые лучшие возможности».

Во время пребывания в Америке в 1920 году сильное впечатление оставили у Н.К., по его словам, такие художники, как Кент, Беллоус, Райдер, Сарнеент, Дэвис, Стерн, Уфер, Чанлер, Слоан, Маншин, Лашез, Спайкер, Мельчерс, Прендергаст, Фризике, Кроль, Стернер, а среди молодых – Фаджи, Девей, Джонсон, Хокнер и Шива.

11/VII ***Отзыв монголов о Ленине.***
Дар Кумбума — Авалокитешвара.
Новая молитва Таши-Ламы Шамбале.
Братский порыв монголов.

Ночью шел небольшой дождь. Утро солнечное, но небо местами покрыто тучами, в особенности у гор.

Вчера неожиданно до наших ушей дошла местная сенсация, что «Ленин – это одно, а товарищи – другое». Так мало прошло времени со дня смерти великого мыслителя, и уже начинается это печальное разграничение его от последователей! Ю.Н. и Н.К. говорили вчера об учении Мани – манихействе[31], столь распространенном на Востоке. Мани был распят, и в Европе христианский мир объявил его учение ересью. А между тем, чтобы судить об этом учении не односторонне, чтобы синтезировать его, надобно быть хорошим лингвистом и прочесть литературу по крайней мере на одиннадцати восточных языках – персидском, арабском, сирийском, авестийском, пехлевийском, уйгурском, латинском, греческом, санскритском, китайском и согдийском.

Опять приезжал нерва Кумбума и привез в дар танку с изображением Авалокитешвары[32] – этого коллектива, охватывающего все расы и проникающего во все строительства человеческой жизни. Характерно, что нерва, принадлежащий к шамбалинскому дауану Кумбума, привез не что иное, как это изображение Авалокитешвары. Лама Мало-

нов списал для него вышеупомянутые пророчества, а также новое обращение к Шамбале, обнародованное Таши-Ламой во время пребывания в Пекине в прошлом году. Принимая эти пророчества и обращение, нерва сказал: «Да, только обращение к Шамбале может сейчас помочь миру». Привожу это обращение Таши-Ламы в переводе Ю.Н.:

«Неослабно творите благодарность в молитве, посвященной собранию трех неразделенных прибежищ, великому Колесу времени, полному лучшего совершенства, а также источнику совершенства, Великому Учителю; особенно же поклоняйтесь источнику области великого совершенного деяния, а также могущественному имени Ригдена, полного чудодейственных проявлений, наносящего ужас нечестивым, и лику славного совершенствами Манчжушри».

Тут же пришли и две пожилых монголки, приветливые и говорливые, и мы еще раз пожалели, что незнание нами их наречия не позволило нам подольше поговорить с ними, чтобы узнать от них какие-нибудь местные сказания. Одна из них усиленно старалась дать понять нам, что «все мы одни и те же люди, что все вместе – и вы буддисты, и мы буддисты». К вечеру собрались тучи, и пошел небольшой дождь.

12/VII ***Дождь. Гиганты острова Пасхи. Разноречивость научных суждений. Гигантские статуи Бамиана.***

Всю ночь и утром до 1 ч. дня шел дождь. Некоторые палатки слегка залило, несмотря на сделанные вокруг них канавки. Сегодня беседовали о тех гигантских базальтовых монолитных статуях, 27 футов в вышину и 8 футов в плечах, которые были впервые открыты Куком на острове Пасхи, теперь, увы, не существующем, опустившемся недавно на дно океана, так и не дождавшись основательных

исследований. Две из этих статуй находятся в Британском Музее в Лондоне, причем одно из высших должностных лиц музея заявило, что древность этих статуй, по его мнению, не так уж велика, причем оснований этому мнению приведено не было. Обратимся к другим источникам.

В *«Тайной Доктрине»* (т. II) Е.П. Блаватской, составленной на основании сведений, почерпнутых от Учителей Востока и из Пуран, об острове Пасхи говорится, что он представляет собой остаток материка Лемурия, где жила 3-я черная раса гигантского роста, предшествовавшая 4-й красной расе Атлантиды. Любопытно отметить, что сейчас существование наших гигантских предков не только подвергается сомнению, но и отрицается. Между тем из источника, не подлежащего сомнению, известно, что *«в Гималаях и сейчас имеется пещера со скелетами этих великанов»*. Надо надеяться, что в сравнительно скором будущем люди поймут, почему на Гималаи, в особенности Трансгималаи Тибета как на древнейший уголок земли, следует обратить особое внимание и искать там то, о чем они пока только мечтают. Как на пример разноречивости научных суждений можно указать на мнение, существующее о гигантских статуях в Бамиане[33], недалеко от Кабула, на границе Афганистана. На основании наличия буддийских пещер, расположенных вблизи этих древнейших гигантских статуй, достигающих 173 футов вышины, некоторые археологи считают статуи буддийского происхождения, тогда как другие исследователи, в том числе бывшие там ранее миссионеры-иезуиты, указывают на их значительно более древний возраст, тем более что алебастровые мантии статуй явно позднейшего происхождения. Вчера вечером долго говорили о созидательных, эволюционных мировых перспективах.

Как и вчера, сегодня вечером опять льет дождь, небо беспросветно серо. Некоторые палатки начинают подмокать.

13/VII ***Остров Пасхи – сохранившаяся часть Лемурии. Свидетельство Кука о виденных им циклопических постройках на острове Пасхи.***

Ночью был сильный ветер, земля немного просохла; небо все еще облачно, верхушки гор покрыты облаками. Думается, что погибший на нашей памяти остров Пасхи, сохранившаяся часть Лемурии, по свидетельству Учителей Востока, был также свидетелем существования на нем последних жителей Атлантиды, может быть, после гибели острова Посейдониса, который считался древними греками последней частью материка Атлантиды. Дело в том, что капитан Кук обратил внимание, что на острове Пасхи, кроме гигантских черных статуй, имеются еще и циклопические кладки, о которых он говорил, что они напоминают ему развалины древнейших построек в Перу, где, как известно, существовали ранее остатки красной расы.

Днем сильный ветер, временами дождь – следствие муссона. К вечеру небо прояснилось.

14/VII ***Разлив Шарагола. Монгольское обо. Язык Азии. Моление Шамбале. Магические зеркала древности. Вызывание дождя.***

Ночью небольшой дождь, холодно. С утра тепло и солнце. Извивы Шарагола сильно разлились; дно глинистое, вязкое, верблюды пройти не могут, так как переходят только там, где вода не достигает брюха, иначе ложатся в воду и погибают; их стихия – пустыня, а глубокая вода им неведома и страшна. Хорошо, что мы не остановились у реки, а вовремя перешли ее и стали на плоскогорье.

Буряты уехали в долину, где кочевники сооружают сегодня большое обо. Мы также предполагаем отказаться от сооружения субургана и поставить обо, так как сделанные нами кирпичи, за невозможностью здесь обжечь их, раз-

мокли. С утра приехали монголы и монголки, предлагают купить верблюжьи веревки, которые мы и покупаем по два янчана за вязку (около 9 сажен длиной), лошадей, молоко и масло. Часть веревок производится из бараньей шерсти. Эти шерстяные веревки очень прочны и при переходах не

Монгол из Цайдама.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

натирают кожу животных; лучшие, более мягкие – из верблюжьей шерсти.

Беседовали о необходимости создания единого, общего языка для Азии, упрощенного и общепонятного для всех азиатских народностей, который изучали бы еще в начальной школе, наравне с национальным языком. Одним из кандидатов на такой язык является хиндустани (урду).

Сегодня вечером происходило моление Шамбале. Присутствовали приезжие монголы и монголки. Лама Малонов во время чтения молитв совершал возлияния на зеркало вместо обычно употребляемой для этой цели металлической пластинки. Не есть ли это символ древнейших магических зеркал? Приехавшие с праздника буряты передавали мнение монголов, что дождь вызван нашей учебной стрельбой. Причиной такого толкования послужило, по-видимому, шутливое объяснение Кончока, что мы стреляли с целью вызвать дождь – монголы простодушны, но все же они, вероятно, знают от бывших хутухт о могуществе волевых проявлений, – эти знания широко распространены по всей Индии.

15/VII ***Сооружение субургана на месте остановки Высокого Учителя. Вместо однообразия — прилив различных сведений.***

Погода установилась солнечная и теплая. С вечера в тучах на горизонте уже при полной луне сверкали зарницы. Вероятно, в связи с теплой погодой или прошедшим ливнем в горах на равнине появились новые потоки воды. С утра решили продолжать постройку субургана вместо обо, поскольку субурган является для местного населения более значительным памятником, тем более, что на этом месте сорок лет тому назад останавливалось проездом одно высокое духовное лицо, особенно нам близкое. При кажущейся уединенности и тишине нашего местопре-

бывания каждый день обогащает нас неожиданными и очень ценными сведениями. Даже политические новости не минуют нас, а ведь невнимательный человек мог бы назвать наше уединение однообразием. Общими усилиями удалось возвести субурган почти до половины.

16/VII ***Субурган. Кольцо «Майтрейя Сангха». Буран с дождем. Воспоминания о Вивекананде.***

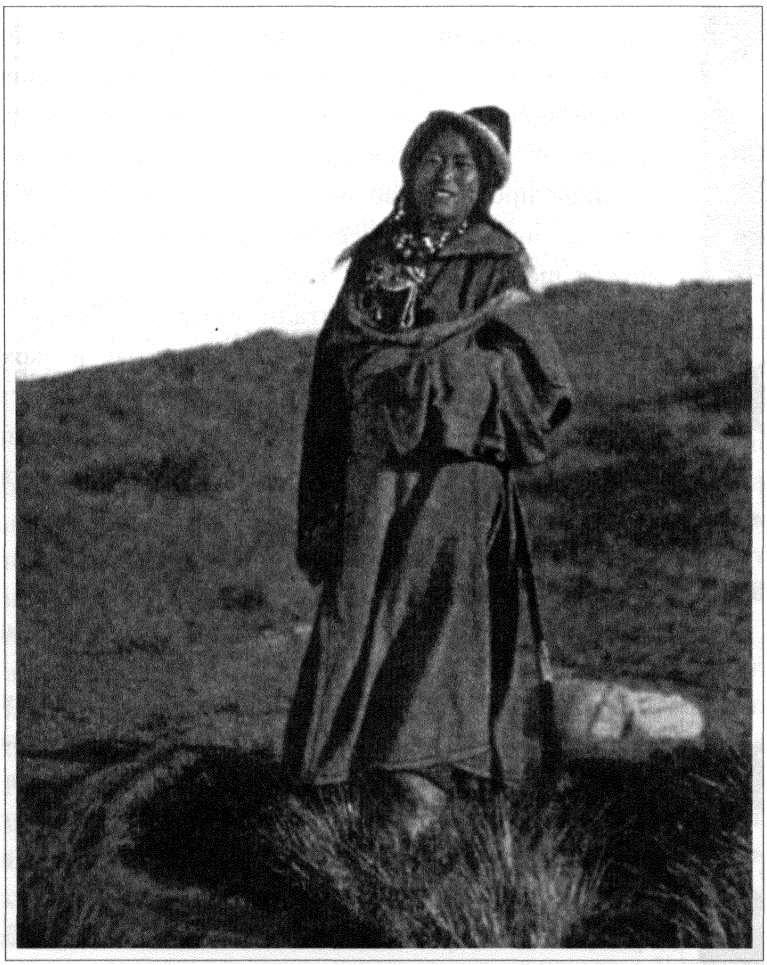
Ночь холодная. Утром холодный ветер, небо облачное. Продолжали каменную кладку субургана. Внутрь кладем в металлической коробке изображение Будды Всепобеждающего, пророчество о времени Шамбалы на тибетском языке, серебряное кольцо с надписью по-санскритски об общине Майтрейи – «Майтрейя Сангха» – и шелковый голубой хатак.

В 1 ч. 15 м. дня поднялся буран; ветер рвет парусиновую палатку. Вскоре начался дождь. Муссон все еще действует. Читали *«Inspired Talks»* Вивекананды. Вечером сильный холодный ветер, дождя нет, горы в снегу.

17/VII ***Неутомимая работа Е.И. Княжеская подать. Китайские цены.***

Ночь тихая и не особенно холодная. Все спали хорошо и выглядят бодро. Е.И. целыми днями работает – пишет карандашом, чернилами и на ремингтоне, подготавливая новые книги к печати. Никаких сведений о сотруднике, который должен был к нам присоединиться, не имеем. Здешние монголы не так уж плохи, как показались в Шибочене, благодаря старшине Мачену, – не воры, не разбойники, в пьяном виде тихи. Но и наши буряты отметили их особую черту по сравнению с халхасскими северными монголами – корыстолюбие. Менее янчана они ни за что и ни с кого не спрашивают, мелких серебряных и медных

денег не признают, всячески стараются извлечь побольше выгоды. Закупая собственных животных для каравана, стоим перед вопросом о погонщиках мулов и верблюдов.



Монголка из Цайдама.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA

Хотя буряты и отмечают корыстолюбие здешних цайдамских монголов, мы сомневаемся, как бы сами буряты

поступили в подобном случае. Теперь монголы приводят каждый день продавать животных, по-видимому, для уплаты полугодовой подати князю, который принимает взносы только серебряными янчанами. Между прочим, надо отметить, что китайцы дают за 15 джин верблюжьей шерсти 12 джин муки. В Урге фунт муки стоит 10 копеек, а фунт верблюжьей шерсти – 70 копеек, причем мука была привозная, а верблюжья шерсть местная. Еще в Шибочене китайцы просили нас не набивать им цену на верблюжью шерсть, платить за нее монголам меньше, так как верблюжья шерсть является здесь наиболее ценным продуктом.

Опять около часа читали «Inspired Talks». Приезжали китайцы с рисом, китайским сахарным песком, изюмом, сгущенным молоком и прочими продуктами. Риса купили 40 джин за 13 янчан, сахарного песка и изюма – по половине янчана за джин, 60 джин (около 80 фунтов) за 30 янчан.

18/VII ***Расчет лам месячного продовольствия без мяса. Баранина — единственный доступный продукт питания.***

Утро туманное и прохладное, но без дождя. День ясный. Приходил монгол-амдосец, изъявивший желание поступить погонщиком в караван. Лама Малонов подал записку с месячным расчетом количества продуктов на троих, желающих иметь особый стол без мяса. По его расчету, в месяц на троих необходимо, кроме чая и 90 фунтов муки, 30 джин риса, 15 джин масла и 10 джин сахара. Нам кажется эта норма преувеличенной; к тому же эти продукты здесь необычайно трудно доставать и они дороги. Приходится питаться бараниной, как бы она ни надоела и как бы мы ни были против мясной пищи, ибо это наиболее доступный здесь продукт во всех отношениях.

19/VII ***Золотоносный кварц.***
Животные с золотыми рогами и копытами.
Охота на кулана.
Письма о грядущей эволюции мира и великих судьбах Азии.

Теплый солнечный день. Буряты возят на мулах топливо, необходимое в большом количестве для обжига кирпича, потребного для сооружения верхушки субургана. Они же принесли куски кварца с золотыми наносными прожилками и сообщили сведения, полученные от местных монголов, что после сильных дождей монгольские кони и прочий скот приносят на копытах вместе с глиной следы золота. Вот и источник происхождения легенд о сказочных животных с золотыми копытами. Китайцы усердно копают золото недалеко в горах, и мы продолжаем во время прогулок находить кварц со следами золота.

Сегодня наблюдали с Н.К. охоту на кулана, близко подошедшего к нашему лагерю. Двое бурят и Ю.Н. отправились с винтовками подстрелить его. Животное доверчиво и с заметным любопытством наблюдало наш лагерь и троих подкрадывавшихся к нему людей, то прямо смотря на них, то поворачиваясь боком. Первый выстрел испугал кулана, так как пуля взметнула почву вблизи него, почти у ног. Отбежав немного в сторону, он снова остановился. Остальные три выстрела, очевидно перелеты, мало испугали его. Только удовлетворив свое любопытство, кулан скрылся. Кулан более всего похож на большого осла – большие уши; шея, грудь и брюхо белые; голова, грива и спина светло-рыжие; на спине черная полоска. Интересно было бы испытать, в каком скрещении эта порода была бы полезна в качестве домашнего животного. Читали замечательные письма Ауробиндо Гхоша[34], Ришара и Ромена Роллана[35] о грядущей эволюции мира и ближайших великих судьбах Азии. Мысленно послали привет этим трем далеким, но близким по духу друзьям.

20/VII ***Прогулка к Улан-дабану. Плата погонщикам. Цены на животных и продукты.***

С утра в 9 ч. 30 м. выехали в числе семи человек на прогулку верхом в горы по дороге к Улан-дабану. День солнечный, но не жаркий. Каменистая дорога ведет к перевалу, в ущелье, представляющее собой зеленую долину благодаря обилию снеговых вод; почва в ущелье топкая, масса мошек. На днях купили две лошади и одного му-

У подножия перевла Улан-дабан.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

ла – составляем наш собственный транспорт. У нас имеется тридцать девять животных – верховые лошади и мулы. Намечено еще прикупить 8 верблюдов у местных монголов и 35 верблюдов в Макэ, за которыми поехал П.К. с Кончоком и Аюром. Сегодня приходили четверо лам предложить свои услуги до Лхасы в качестве погрузчиков. Им было предложено по 20 янчан в месяц на всем готовом. Не согласились – требовали 30 янчан и уехали. Остальные ламы, взятые в Урге, получают по 30 янчан.

Указываю цены на животных и некоторые продукты, так как обычно путешественники очень мало отмечают в своих записках эту сторону экспедиций, а между тем здесь это имеет большое значение, хотя бы уже потому, что надо знать, сколько пудов серебра везти с собой. Ведь ни

золота, ни бумажек здесь нет, а тысяча янчан весит один пуд двадцать восемь фунтов. Купленные вчера и третьего дня две лошади обошлись нам: одна – в 56 янчан, а другая – в 50; сегодняшний серый мул был приобретен за 75 янчан вместо 140 запрошенных. Во время прогулки верхом видели неподалеку трех куланов, к которым очень близко подошел безоружный китаец. Крайнее любопытство этих животных губит их. Сегодня удалось запастись маслом – куплено 53 джина за 35 янчан.

21/VII ***Тарбаганьи и сусликовые города.***
Тарбаганы — носители чумы.
Противочумные меры ургинских хутухт.
Приключение правителя Урги. Золото и китайцы.

Небо облачное. Теплый юго-восточный ветер. Приезжал молодой лама с кочевья. Куплено у него три тибетских седла для яков по два янчана за штуку и шерстяная девятисаженная веревка за полтора янчана. Шерстяные веревки бывают здесь трех сортов: более прочные из верблюжьей и ячьей шерсти, из бараньей и козьей менее прочны. Днем около обеденной палатки появился козел с признаками какого-то тяжелого заболевания, по-видимому, болело горло и начался паралич задних конечностей. Приняли меры к тому, чтобы он удалился. Около этой же палатки много сусликовых, а может быть, тарбаганьих нор.

Вспоминаем, что осенью 1926 года на северо-востоке Монголии была тарбаганья чума. Н.К. сообщает, что опрошенные им в Урге заинтересованные в сбыте тарбаганьих шкурок лица на вопрос о степени заразности этих шкурок заявили, что, по заключению приглашенного ими венского эксперта, чумные бациллы погибают от сравнительно кратковременного воздействия солнечных лучей. Оставляем это заключение, выгодное для предпринимателей, всецело на

совести приглашенного ими эксперта. Шкурки эти вывозились, между прочим, широко, миллионами штук, на заграничные рынки. Возникавшие затем эпидемии «испанки», напоминавшие по тяжести заболевания и странному совпадению некоторых симптомов легочную чуму, невольно порождают вопрос, не связаны ли эти эпидемии с ввозом недостаточно обезвреженных шкурок?

Н.К. замечает, что монгольские хутухты принимали очень активные меры против чумных очагов, объявляя всю чумную местность запретной для проникновения. Один из жителей Урги рассказывал Н.К., что в молодости по какой-то надобности он невольно должен был пересечь для сокращения пути подобный запретный район, не зная об эпидемии. Все его спутники-монголы категорически отказались следовать за ним, предпочитая длинный обходной путь. Пересекая этот район, он встретил полуживого тарбагана на дороге и уже собрался забрать легкую добычу, но отпрянувшая лошадь помешала ему выполнить это опасное намерение. Миновав район, он зашел во встретившуюся по пути юрту, где застал нескольких жителей и одного ламу, с изумлением смотревших на пришельца, прибывшего из такого заклятого места. Когда же он рассказал, что встретил по пути тарбагана и хотел поднять его, все с ужасом вскочили, спрашивая, дотронулся ли он до этого тарбагана. Несмотря на его уверения, что он тарбагана не тронул, присутствующие разбежались. Это был вполне естественный ужас населения перед неизбывной грозной опасностью чумы. Если мы бьем справедливую тревогу по поводу сибирской язвы, сапа и прочих эпизоотий, то как же не обратить особого внимания на все, что связано с тарбаганьими шкурками?

Теперь от чумы к золоту. Возвратился бурят Цультим, посланный к китайцам за известью для побелки субургана, и привез присланный китайцами в подарок или для пока-

за крохотный самородок местного золота с тремя небольшими черноватыми с блеском камушками, очевидно, эта порода, сопровождающая добываемое ими золото. Эти черные с металлическим блеском камушки дают на песчанике красно-бурую полосу, в особенности если еще смочить их водой. Двое из китайцев выразили желание сопровождать нас. Обещали на днях привезти известь и поговорить, не возьмем ли их как погонщиков и погрузчиков.

22/VII ***Приезд молодого монгола. Рисовая каша — роскошь. Золотые зубы.***

С утра затоплена печь для обжига кирпичей, которые пойдут на постройку верхней части субургана. Вчера ламы весь день активно подготавливали отдельные его части из дерева и жести. Днем поднялся буран. Гор не видно за тучами пыли в долине. Вечером приехал молодой, на вид лет шестнадцати, монгол продавать шерстяные подпруги. Увидев в кухонной палатке рисовую молочную кашу, мальчик спросил: «Неужели всегда так кушают?» У нас как раз не было сегодня жаркого из баранины и потому варился рис, но это, оказывается, здесь большая роскошь, несмотря на близость южного Китая, где рис растет в изобилии. Китайцы продают монголам пуд риса за шесть баранов, считая по одному лану за барана, то есть около рубля сорока копеек. Тот же мальчик, увидев у меня на зубах золотые коронки, спрашивал, не родился ли я с золотыми зубами. Этот молодой монгол – сын старика 68 лет, желтого ламы, и потому, вероятно, так хорошо скандирует по-тибетски молитвы, знает монгольские и тибетские буквы, ко всему проявляет живой интерес. Н.К. замечает, как легко было бы сделать из него настоящего человека. Ведь ничего не видя, ничего не получая от китайцев, он все же не отупел; в этом живом мальчике чувствуется присутствие чуткой души. И глаза его блестят желанием знания!

23/VII ***Условность памяти. Рая ничего не знает о Христе. Воспоминания Н.К. Статья Яремича.***

Говорили о ценности исторических утверждений и свойствах человеческой памяти. Оказывается, факты и сами личности быстро исчезают из памяти людей, а все суждения субъективны и относительны, в зависимости от качества сознания и остроты наблюдения и восприятия. Проверьте это на простых и ближайших фактах. Спросите себя, а потом других, как звали их прадеда, и увидите, что редкий человек ответит на этот вопрос. Скажите, в котором часу, утром или вечером вы появились на свет? Опять-таки редкий ответит на такой, казалось бы, близкий ему и интересный вопрос. Иногда даже мать затруднится ответить на этот вопрос своим взрослым сыну или дочери.

Н.К. вспоминает следующий факт. В старом Петербурге в 90-х годах прошлого столетия во время каких-то земляных работ в Демидовом переулке было обнаружено обширное кладбище. Обычно кладбища были при церквах; состояние костяков не указывало на их древность. Петербург основан в 1703 году, развивался медленно, а между тем никто уже не помнит и не слышал не только о кладбище, но даже и о церкви, стоявшей почти в центре города, очевидно, тогда деревянной. В качестве доказательства того, как быстро уходят понятия из обихода людей, казалось бы, так прочно вошедшие в жизнь, приведу такой пример: путешествующая с нами сестра Людмилы, Рая, которой около 14 лет, родившаяся и выросшая в Троице-Савске, совершенно ничего не знает и не слышала о Христе. И это потому, что в то время, когда ей было около 4-х лет, произошла революция, церковь была отделена от государства, и религия стала для многих менее значительным фактором жизни или же совершенно ушла из нее.

Другой факт. Н.К. рассказывает, что незадолго перед европейской войной на Островках под Петербургом было вскрыто неизвестное кладбище, причем обнаружено погребение высокородного вельможи екатерининского времени, судя по вышитым на камзоле звездам. Но вся эта видимая знатность не защитила его от абсолютного забвения – так никто и не смог установить, кому принадлежала эта могила.

В продолжении беседы Н.К. рассуждал о том, что получилась бы весьма поучительная книга, если бы в нее вошли признания исследователей и изобретателей, раскрывающие тайну, при каких условиях протекал решающий момент их счастливых открытий и кем или чем был дан толчок их открытию. Наибольшая искренность этих признаний не только бы ничего не умалила, но дала бы несомненное расширение путей мышления. При этом вспоминается статья художника Яремича, в которой он ссылается на слова Н.К. о том, как непроизвольные, как бы случайные явления дают иногда наибольшие результаты, причем истинное творчество является не рассудочным, вызванным мучительно-напряженным заданием, но выливается как радость сознания.

24/VII ***Доброхотное пожертвование убогого норбуринпоче. Окончание сооружения субургана. Первый субурган, сооруженный американской Миссией. Дунгане — фанатичные разрушители буддийских святынь.***

С утра холодный ветер, небо обложено тучами. Ламы начали кирпичную кладку субургана. Приехал старик-лама 63 лет, живущий в окрестности, видимо, принимающий большое участие в постройке, так как заботливо доставляет нашим ламам различные вещи для этого – сегодня привез в мешочке зерна пшеницы, а также норбуринпоче, то есть драгоценные камешки. Конечно, это только симво-

лическое название; на самом деле в тряпочке оказались завернутыми красная, может быть, коралловая, бусинка, голубая стеклянная и несколько каких-то белых осколков стекла или раковины. Но дорого доброе желание и участие старого ламы. Монголы говорят, что врагами субурганов являются козы, залезающие на них, верблюды, которые охотно чешут себе о них голову, шею и спину, а также китайцы, ищущие в них сокровенные вещи. Дело в том, что по обычаю в так называемую чашу субургана, легко доступную для разрушения, кладут серебряные деньги и разные вещицы.

Монгольские домашние козлики, очень пушистые, веселые и любопытные, уже лазили на наш субурган. Когда же мы уедем, начнется, вероятно, паломничество к нему и людей и животных – здесь все ново, все интересно. Разрушителями буддийских памятников и святынь являются главным образом дунгане, мусульмане-китайцы, делающие это из ярого фанатизма, уже истребившие многие прекрасные памятники лучшего буддийского творчества. Монголы характеризуют их как дурных людей. Сегодня закончили складывание субургана. На вершине его подле чаши возвышаются двенадцать колес учения Будды, луна, солнце и пламя. Остается только побелить все сооружение известью; сегодня оно было даже трижды окурено.

25/VII ***Поездка к китайцам-золотоискателям в горах Гумбольдта. Китайские норы. Теория Эйнштейна. Тунеядцы. Механизация обряда.***

Утром после чая отправились верхом в сопровождении бурят в горы к китайцам-золотоискателям посмотреть промывку золотоносного слоя песка и взять образцы некоторых минералов в самих горах. Поднявшись на плоскогорье к югу от нашего лагеря до 9.960 футов высоты, спустились в глубокое ущелье, где с шумом бежит с гор

мутная молочно-белого цвета речка; берега ее оказались изрытыми многочисленными и глубокими ямами. Видимо, раньше здесь усердно работали золотоискатели. Теперь китайцы работают значительно выше по реке, ближе к вершинам цепи Гумбольдта (До-Ю-Гу); дорога к ним идет все время вверх по руслу реки в ущелье. Общий вид всей местности чрезвычайно красив и первобытен: глубокое ущелье с совершенно обрывистыми скатами, шумящая белая река, нагроможденные вокруг камни и зеленые заросли низкорослых душистых кустов, а впереди – горные породы всех цветов, красная и голубоватая глина, граниты, гнейсы и фиолетовые вершины, до половины покрытые облаками.

Китайцы-золотоискаели живут в пещерах, скорее норах, вырытых в красной глине; промывают серый суглинистый песок. Добытое золото около себя не держат, где-то прячут далеко в ямах и укромных местах. Обещали привезти нам в лагерь золото и красные камни, используемые для заточки ножей.

Сегодня беседовали о теории относительности А.Эйнштейна. Беседу многократно прерывали приходившие за пожертвованием незнакомые ламы, очень сильные на вид, но решительно отказывавшиеся от всякой предлагаемой нами работы, предпочитая любым занятиям тунеядство, никаким учением не заповеданное. Н.К. заметил, что во всех обрядах ламаизма в основе лежит несомненно и глубокое знание, и глубокая философия, но одеревенение мысли и механизация выполнения обрядов часто доводят лам до нелепости тунеядства. «Где же тот труд, так настоятельно заповеданный Благословенным?» – восклицает Н.К. Во время беседы о теории относительности мы с улыбкой вспоминали полемику А. Эйнштейна с Филиппом Ленардом[36], когда А. Эйнштейн предлагал ему не применять при рассуждении о вопросах физических явлений аргументов от так называемого «здравого смысла».

26/VII ***Проезжие монголы. Плохие травы. Жара в Цайдаме. Грозное небо.***

День пасмурный. Приезжали два монгола: один – из Шибочена, другой – из Цайдама; оба населенных пункта находятся в десяти днях пути отсюда. Приехали, как всегда, с приношением: привезли в медном чайнике около литра молока; получили за это янчан. В Шибочене стоят жаркие дни, дождя мало, трава невысокая – вот причина, почему монголы выезжают оттуда в эти месяцы на Шарагол, хотя и здесь трава немногим лучше. Трудно здесь заниматься скотоводством – мало пастбищ, но зато в урожайные годы бывает высокая трава. Два последних года – неурожай трав, засуха. Цайдамский монгол приехал только вчера и сообщил, что в Цайдаме сейчас сильная жара. Вечером собрались плотные тучи со всех сторон, и при закате солнца и горы и облака получили такую разноцветную окраску, какую я видел, пожалуй, в первый раз. Даже Н.К. восхищался переливами голубого, синего, темно-фиолетового, желтого, золотистого и других тонов – природа дает иногда удивительные и незабываемые картины, в зависимости от наслоения облаков и освещения.

27/VII ***Охрана субургана. Бурятский отзыв о нас. Жезл Моисея. Ло — бог электричества. Опять невиданная окраска неба.***

Ночь была тихая, безветренная. Утром небольшой дождь. К 10 ч. утра выглянуло солнце. Муссон все еще действует – вершины гор в тучах. Сегодня вокруг субургана копают ров; снаружи он будет окружен небольшим валом – все это должно обеспечить субургану бóльшую неприкосновенность со стороны людей и животных.

На днях говорили об особой чувствительности хвостовой части некоторых змей. Известно, что при надавлива-

нии хотя бы ногой на хвост медяницы (не надо смешивать со змееподобной ящерицей того же названия) наступают каталептические явления – змея вытягивается и становится ломкой. Конечно, опыты лучше всего производить с неядовитыми древесными змеями или с ужами. Для этого их берут за хвостовую часть тела и сильно встряхивают, как хлыстом. При этом воздействии от сотрясения, боли или страха наступают явления каталепсии – одеревенения тела, из которого можно вывести змею трением ее хвоста между ладонями. Не этим ли опытом удивил Моисей египетского властителя и ученых жрецов, предварительно показавших так называемых в химии «фараоновых змей» из роданистой или тиосернистой ртути? Наш век ведь в чудеса не верит, так как «чудо» было бы нарушением извечных законов природы, а все явления совершаются лишь в рамках существующих мировых законов, как бы чудесны и непонятны они ни казались нам на первый взгляд.

Сегодня бурят Ардна на вопрос, что говорят о нас монголы, сообщил, что монголы не знают, какие мы люди, а потому он сказал им, что мы – «американы», едем из Урги к себе домой через Тибет, где будем просить благословения у Великого Бакши; об Н.К. сказал, что это самый большой начальник «американ», что Е.И. пишет о бурханах, а Ю.Н. учился в Тибете, знает много языков и что я – «эмчи», то есть врач, а по местным понятиям и колдун. Последним, вероятно, объясняются вопросы монголов, родился ли я с золотыми зубами, и мнение, что я могу делать золото. Монголам и бурятам я отдавал находимые мною куски кварца с вкраплениями золота, а они решили, что я его произвожу каким-то образом с помощью ног, задевая каблуками за минералы, хотя прекрасно знают, что на каблуках у меня резина, привинченная железными винтами. При мне они даже сами пробовали тереть о свои

каблуки разные минералы. Бурят Ардна сказал сегодня по поводу грома, что его производит «Ло» и что он имеет рога, глаза, нос и уши; тибетцы знают уже чуть больше и под «Ло» разумеют электричество. В 4 ч. дня снова пошел дождь; горы покрыты пеленой тумана. Вечером, на закате, опять наблюдали редкое зрелище разноцветной окраски облаков и гор; красота и переливы тонов неожиданны и непередаваемы.

28/VII ***Приезд П.К. Закупка верблюдов. Чимпа. Страхи бурят. Ограбление Дунхуанских пещер. Приезд Н.В. Потоп.***

В 6 ч. утра возвратился П.К. из Макэ. Приехал один, без верблюдов. Куплено 33 верблюда в среднем по цене 78 янчан и одна лошадь за 70 янчан. Рассказывает, что по пути в Макэ на перевале Улан-дабан был снег и стужа, на обратном пути только грязь; после Улан-дабана был еще один меньший перевал. Путь в один конец занял 36 часов, то есть шесть малых переходов. В Макэ сильная жара, умеряемая только облаками, на короткое время закрывающими солнце. К нашему удовольствию, он встретил там тибетца Чимпу, знакомого по Урге, где он был при тибетском доньере и отправился в ноябре прошлого года с караваном, везшим в Тибет оружие. В пути тяжело заболел и вот уже шесть месяцев живет, все еще болея, в Макэ.

Там же П.К. рассказывали, что в прошлом году приезжали из Америки в Дунхуан японцы, которые очень сочувствовали плохому житью-бытью местных жителей, но это сочувствие дорого обошлось местному населению, так как после их неожиданного отъезда было обнаружено исчезновение трех бурханов из знаменитых Дунхуанских пещер «Тысячи Будд». Снаряженная погоня не имела успеха. Дунхуан занят, как слышал П.К., синьцзянскими войсками,

хотя прежде он входил в состав провинции Ганьсу. Известие о хищении, произведенном из пещер «Тысячи Будд», совпадает со сведениями, полученными Н.К. в Урумчи. Из Макэ до Тэйджинера, где уже кончается Цайдам и начинаются тибетские горы, всего три дня пути.

Приезд П.К. поднял упавший было дух наших бурят, которые только еще вчера были в особо пессимистическом настроении, наслушавшись рассказов монголов. Говорили, что купить верблюдов в Макэ не удастся и придется обратиться к местным монголам; что в окрестностях много волков и на днях волки загрызли еще пять овец; что, ожидая здесь, мы теряем время, так как близятся осенние холода, во время которых действие пресловутого «сура» (угара) увеличивается. Насколько твердо держится среди местного населения мнение о каком-то «угаре» в горах, видно из того, что сопровождавший П.К. бурят Аюр, только перейдя Улан-дабан, признался П.К., что ночью он видел сон, будто умер при переходе через перевал, и потому не думал, что останется в живых. Между тем П.К. перешел пешком Улан-дабан так же спокойно и безболезненно, как и Хашкари. Любопытно отметить, что в упомянутом урумчинском известии о похищении бурханов виновниками случившегося назывались американцы. Сопоставляя эти сведения, остается предположить, что виновниками происшедшего хищения являются, может быть, японцы, живущие в Америке. Не замешан ли кто-либо из антикваров – так же, как это бывало неоднократно и в Италии, и в других странах? Но так или иначе расхищение единственного сохранившегося центральноазиатского сокровища подлежит суровому осуждению, о чем уже Н.К. и ранее со свойственной ему прямотой и откровенностью высказывался в дневнике *«Алтай-Гималаи»*.

Около 12 ч. дня пришли остальные спутники П.К. с верблюдами. Один верблюд, наиболее истощенный, остался лежать на перевале. Бурят Аюр, охранявший его некоторое время, возвратился к 2 ч. дня. Возникла мысль послать в горы двух человек, которые подкормили бы мукой верблюда и переночевали там.

В 4 ч. дня начался сильный дождь; в это время новая неожиданность – подъехал с двумя монголами давно ожидаемый нами спутник Н.В.[37] К 5 ч. дня ливень усилился, вода в ручье сразу поднялась, и вдруг неожиданно хлынул в долину стремительный горный поток. Обеденная и кухонные палатки были снесены; поплыли тазы, чайники, бидоны, тяжелые ящики и прочие вещи. Поток был настолько стремителен, что Людмила и Рая едва не утонули и уже призывали на помощь, а Рая громко плакала, пока, наконец, по моему настоянию, они не бросились в направлении палатки Ю.Н., перейдя поток по колено в воде. В это время вода уже залила палатку Ю.Н. Все находившиеся в ней вещи и винтовки пострадали от воды, песка и глины. Многие вещи и продукты пропали, а заодно и наш обед; между прочим, была безвозвратно унесена и большая часть кухонной посуды. За некоторыми вещами скакали вдогонку верхом. Остальная часть вечера прошла в поисках в долине унесенных потоком вещей и в откапывании их из песка и глины. Снесенные палатки были переставлены на новые места, а уцелевшие еще раз окопаны канавками. Пришлось немедленно заняться чисткой ружей от песка и глины и переборкой пострадавших пищевых продуктов – сахара и чая. В 8 ч. вечера кое-как сварили кофе и поели сухарей. Ю.Н. еще до 2 ч. ночи занимался чисткой оружия.

29/VII ***Водное бедствие.***
Просьба монгольского посольства о новом Богдо-гегене.
Подробности приезда Н.В. Телеграмма из Америки.
19 августа — счастливое число для выступления.

Утро сырое и туманное. Небо обложено тяжелыми тучами. Ночь все спали плохо, встали рано. Наши соседи-монголы тоже пострадали от ливня. Вчера приходили звать на помощь. Три соседние с нами юрты были затоплены; ходили помогать им двое наших людей. По Шараголу все юрты снесены. Все наши кони и верблюды, бывшие на пастбище, спаслись. Приехавшие сегодня со стороны Улан-дабана монголы сообщили, что видели ослабевшего, но еще живого верблюда. Мы опасались волков. Поехали за ним двое монголов. Кочевавшие в долине монголы собираются куда-то переезжать, так как Шарагол сильно разлился и место стоянки стало опасным. Около 9 ч. утра приехал Г.[38], спутник вчера прибывшего Н.В., который привез часть вещей Н.В.; он добрался до нас с трудом из-за разлива реки и топкости почвы. Рассказывают, что прошедшие в горах ливни иногда только через сутки выливаются потоками в долины. Сегодня продолжаются поиски унесенных потопом вещей. Наиболее ценная для нас находка – сковорода с ручкой.

Среди многих полученных нами вчера и с севера, и с юга известий любопытен рассказ приехавшего из Махой-закха тибетца Кончока о монгольском посольстве. Сообщают, что цайдамский князь отказался пропустить далее «красное» посольство в Тибет; тогда посольство будто бы заявило, что оно вовсе не посольство, а простые монголы, едущие испросить у Далай-Ламы нового Богдо-гегена для Монголии. Вот какие рассказы ходят по цайдамским равнинам. Вспоминаем, как вчера, когда начался дождь, из-за туманной завесы вдруг показались двое всадников, один из

них высокий и вооружен винтовкой. Приглядываясь, мы решали, не посланец ли это Фына или другого китайского генерала; в этих всадниках было для нас что-то совершен-

Дара-еке, супруга последнего Богдо-гегена.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

но неожиданное. Только когда они подъехали совсем близко, мы узнали в этом посланце давно ожидаемого спутника Н.В., пробивавшегося из Тиен-Цзина с 15 мая этого года.

Продолжаем починку палаток и разборку вещей. Н.В. привез из Сучжоу телеграмму из Америки с приветствиями в адрес Миссии. Завтра утром снаряжаем Г. в Сучжоу за хозяйственными покупками и с ответной телеграммой в Америку. Кончок считает, по приметам, что лучшим числом для нашего выступления будет 19 августа. Г., вероятно, возвратится к этому времени.

30/VII ***Медведь съел верблюда. Отъезд Г. в Сучжоу за покупками.***

Ночью возвратились люди, посланные за верблюдом к Улан-дабану. Верблюда нашли с сильно распухшей шеей и проеденным животом, оттуда вытащены внутренности, вокруг крупные следы. По-видимому, это был медведь. Утро пасмурное, сырое – с вечера и часть ночи шел дождь. Г. уехал в Сучжоу за покупками. Днем погода прояснилась, выглянуло солнце. Вечером небо было почти безоблачно. Из оставшихся 32-х верблюдов вчера не досчитались пяти – два погонщика так и не нашли их.

31/VII ***Поиски верблюдов. Грааль — Lapis exilis.***
Высокое лицо Востока о Шамбале.

С утра солнечный день, погода обещает быть жаркой. Предприняты поиски пропавших верблюдов. Двое бурят отправились к китайцам за известью для побелки субургана. Недавно приехавший Н.В. все еще не привык к высоте стоянки – чувствует некоторую одышку и плохо спит. Случайно мне попалась книга *«Символ чаши»* А.Н. Норцо́ва, изданная в 1906 году в Тамбове. Здесь также имеется указание на существование упоминаемого выше осколка аэро-

лита. Известный певец Грааля Вольфрам фон Эшенбах[39] называет его «Lapis exilis»[40] – *блуждающий камень*. Средневековье правильно дало ему это имя, приводимое Эшенбахом, поскольку оно метко характеризует, согласно преданиям, судьбу этого Камня.

В 3 ч. дня привели наконец пропавших пять верблюдов.

Удивительно, с каким благоговейным упованием произносится здесь, на Востоке, слово *Шамбала*. В этом понятии, столь близком сердцу каждого буддиста, сосредоточились все чаяния многострадальных народов Востока, жизнь которых сейчас тяжела, и они терпеливо и радостно ждут наступления времени Шамбалы. По всем признакам время это для них приблизилось. Посмотрим, что говорит о Шамбале Высокий Общинник Востока.

«Придется встретиться с людьми, – говорит Он, – *которые будут смеяться при каждом непонятном для них слове. Их аппарат восприятия покрыт мозолями невежества. Например, если им сказать – **Шамбала**, они примут это реальное понятие за фетиш суеверия. Не так поступили Маркс и Ленин. Уже говорилось, что наши представители посетили Маркса в Лондоне и Ленина в Швейцарии. Явно было произнесено слово Шамбала. Разновременно, но одинаково оба вождя спросили: "Какие признаки времени Шамбалы?" Отвечено было: "Век истины и мировой Общины". Оба вождя одинаково сказали: "Пусть скорее наступит Шамбала". Если невежда дерзнет называть себя марксистом или ленинцем, сурово скажите ему – явное предательство основ Общины»*.

Шамбала – понятие реальное; сейчас это та запретная и хорошо огражденная от проникновения посторонних область в Тибете, где находится Гималайское Братство. Таким образом, в настоящее время эти два понятия тесно связаны между собой. Под временем же наступления

Шамбалы следует разуметь начало реального созидания очагов мировой Общины. При мировой переоценке ценностей как бы ни пришлось некоторым идеалистам поменяться ролями с так называемыми реалистами.

1/VIII ***Избиение Кобена. Анатоль Франс о желтой опасности. Рая определяет наши ауры. Н.К. о распущенности мысли. Легенда о Миссии растет.***

Вчера вечером неожиданно произошла небольшая драма. Мы сделались свидетелями драки между ламой Ламаджаном и погонщиком Кобеном. При разборе дела против Кобена свидетельствовал лама Малонов, сам только за два дня до этого ударивший в лицо своего племянника ламу Бухаева. Драка, оказывается, произошла из-за продуктов. При варке супа выяснилось, что Кобен отнес свою порцию риса матери и братьям – он местный монгол, и рис у них большая роскошь, редкость и лакомство. За это остальные не хотели дать ему супа из баранины, и тут начались дальнейшие пререкания, кончившиеся дракой. На молодого монгола, желтолицего, напали буряты, казалось бы, уже приобщившиеся к белой, европейской «культуре».

По этому поводу вспоминаются замечательные слова Анатоля Франса о «желтой опасности», якобы угрожающей Европе, причем он доказал, что во всяком случае она не может сравниться с белой опасностью, которая грозит Азии: «Желтые не командировали буддийских миссионеров в Париж, Лондон или Петербург. Равным образом, не высаживался во Франции желтый экспедиционный корпус и не требовал себе полосы земли, в пределах которой желтые не были бы обязаны никаким повиновением государству или законам, но ввели бы суд мандаринов. Адмирал Того[41] не бомбардировал с судов Брестскую гавань, чтобы

вызвать торговлю Японии с Францией. Он не поджигал Версаля во имя высшей цивилизации. Он не увозил в Токио картин из Лувра и фарфора из Елисейского дворца. Всеми признается, что желтые недостаточно продвинулись в своем развитии, чтобы верно подражать в этом белым. Считается даже сомнительным, чтобы когда-нибудь они могли подняться до такой высоты моральной культуры. Как могли быть у них наши добродетели! Ведь они не христиане!»

Сегодня перед обедом сестра Людмилы, Рая, сделала нам сюрприз – от Е.И. она слышала, что каждый человек имеет ту или иную окраску своей световой ауры, поэтому она каждому из нас положила около прибора салфетку в алюминиевом кольце, перевязанном шелковинкой того или другого цвета: Н.К. – синей, Е.И. – фиолетовой, Н.В. – зеленой, мне – желтой, Ю.Н. – розовой, П.К. – желтой.

Говорили о рассеянности. По этому поводу Н.К. замечает, что рассеянности нет, бывает только небрежность или распущенность мысли. Человек ведь никогда по рассеянности не пойдет под поезд или в клетку тигра, не наступит пуме на хвост. Пресловутая рассеянность остается обычно в кругу явлений, когда человек очень малым или ничем не рискует.

Легенда о нашей Миссии растет – дошли слухи, что «едут сорок европейцев и их сопровождает вооруженный отряд из шестидесяти монгольских цириков». На самом же деле нас всего девять человек европейцев и одиннадцать человек бурят и монголов. Так рождаются легенды. Через полгода или год число людей удесятерится – событий здесь мало, потому все долго-долго вспоминается, обрастая небылицами.

2/VIII ***Украшение субургана. Вести из Синина.***

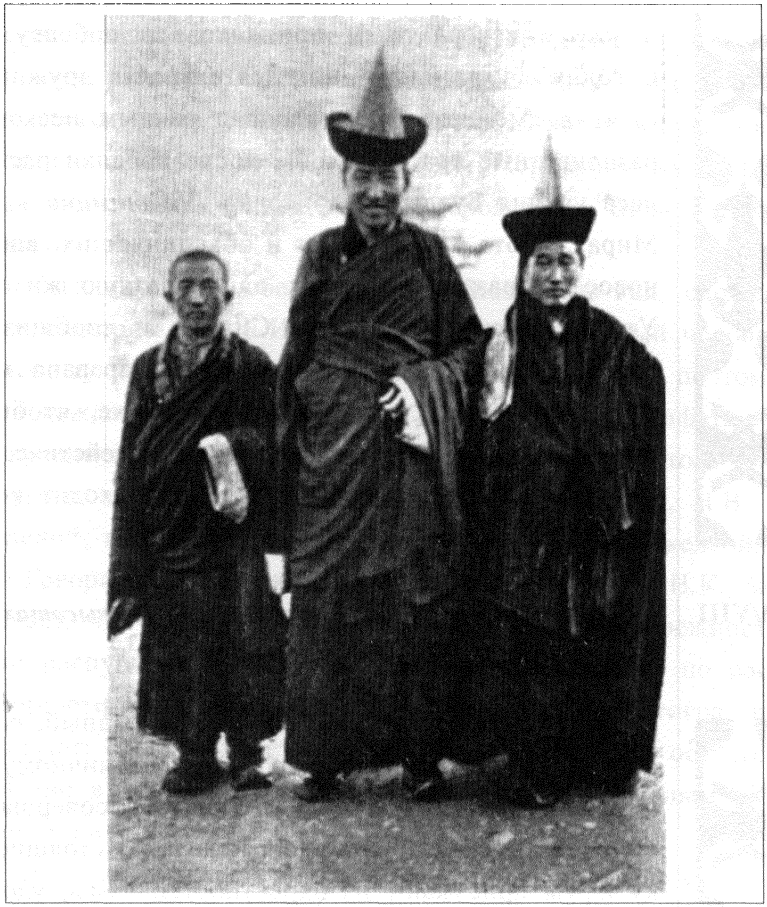
День солнечный. Вчера привезли двести джин извести, и уже с вечера ламы принялись за побелку субургана. Сегодня с утра идет у них деятельная и дружная работа – гасят в яме известь, мешают с речным песком. Достали разноцветные краски, чтобы после побелки раскрасить колеса учения Будды и нарисовать *Чинтамани* – Сокровище Мира. Работа эта занимает и объединяет их, вносит что-то новое и праздничное в их однообразную жизнь стоянки. Утром приехал китаец из Синина и сообщил, что наш благожелатель-нерва далай-ламского каравана прошел тибетскую границу и отдал распоряжение, чтобы в случае проезда нам оказывалось всяческое содействие. Кто знает, может быть, он в настоящее время подходит к Нагчу или даже к Лхасе.

3/VIII ***Монгольский праздник. Условия жизни на высотах. Учение Веданты об акаше и пране.***

Яркий, солнечный день, дует прохладный, освежающий ветерок. Мимо нас проезжают по-праздничному разодетые монголы, направляющиеся на моление, совершаемое здесь ежегодно в августе в течение недели. В стоящие неподалеку юрты приезжают из окрестностей ламы, удовлетворяющие религиозные потребности местных монголов. В это время не ловят и не убивают баранов. Кроме того, еженедельно устанавливается один день, когда это также воспрещается. Получили известие, что к нам едет из кумбумского монастыря геген, большой лама-перевоплощенец.

Раньше упоминалось, что мы стоим лагерем уже более месяца на высоте 9.300 футов.

Поэтому мне хотелось бы отметить здесь влияние высоты на потребность питания и сон. Дело в том, что на



Типы монгольских лам.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

высотах вредно оставлять количество пищи, потребное и уместное для обычной жизни. Горы знаменательны как начало, выводящее из низших земных условий. На высотах можно ощущать отсутствие обычных земных потреб-

ностей и было бы непоправимой ошибкой пытаться искусственно приравнивать горные условия к земным. На высоте уже 7.000 футов человек может сократить количество пищи, и эта потребность в пище уменьшается постепенно – к 16.000 футов она дает уже ощутимую разницу. После 9.000 футов не рекомендуется употребление вина, кофе, перца и других пряностей. После 17.000 футов даже крепкий чай нежелателен. С уменьшением потребности в еде уменьшается и потребность во сне. На высоте 9.000 футов достаточно шести часов сна, а на 20.000 футов не более четырех. Таким образом, понятно, что на больших высотах можно почти не спать, и вопрос количества пищи приобретает иное исчисление. Ясно, что изменение барометрического давления, дыхания и кровообращения должно создавать и новые условия жизнедеятельности организма. Философия Востока идет в своих заключениях далее, указывая, что после 11.000 футов высоты существуют особые условия для жизни *астрального тела*, приобретающего особые качества благодаря полезной пране высот.

О том, что такое *прана*, говорит учение мыслителей-ведантистов. Прана – это всеобъемлющая сила; все, что во вселенной обнаруживается как сила: притяжение, отталкивание и все другие проявления силы, – все это *прана* или виды этой первичной энергии. По своему унитарному значению в природе прана может сравниться только с акашей. Философия Веданты[42] утверждает, что вся вселенная состоит из первичной материи – *акаши*[43]. Все, нас окружающее, все, что мы воспринимаем зрением, обонянием, осязанием или вкусом, – все это только дифференцированное проявление акаши, тонкой и всепроникающей первичной материи. Все, что мы описываем как твердое, жидкое или газообразное состояние, все формы, образы, тела –

земля, солнце, луна, звезды, – все состоит из акаши. Таким образом, согласно Веданте, все проявления силы состоят из праны, материя же во всех ее формах – сгущенная акаша.

Сегодня прибыл из Синина тибетец, который сообщил, что доверенный Далай-Ламы везет в Лхасу из Пекина семена цветочных растений, что в Тибете все благополучно и ожидается хороший урожай.

4/VIII ***Подготовка каравана. Жара в Цайдаме. «Парсифаль» и «Полет Валькирий». Чудесный метеорит. Лекции Свами Вивекананды.***

Продолжает стоять хорошая погода. День солнечный, но не жаркий. Ламы закончили побелку субургана, после чего начнется его раскраска. У всех в караване хорошее состояние здоровья, за исключением легких заболеваний – глазных, зубных, фурункулеза и мелких ранений и ссадин. Н.К., как всегда, бодр и здоров; всегда спокойное и ровное, бодрящее всех настроение, между тем известно, что на высотах у непривычных людей может проявляться повышенная нервозность и даже раздражительность. Сегодня появились небольшие голубые бабочки-очковицы, а со вчерашнего дня комары в большом количестве. Под наблюдением Ю.Н. началась подковка лошадей; сегодня подкованы две лошади на передние ноги, преимущественно страдающие в путешествии по горам. По сведениям, полученным от монгола из Макэ (Махой-закха), в Цайдаме жара держится уже два месяца (перед тем были дожди) и продлится еще 30–40 дней.

Вчера и сегодня на маленьком американском граммофоне мы слушали музыку Р. Вагнера – «Полет Валькирий» и «Парсифаль». Знаменательно, что в третьей книге

«Беседы Высокого Общинника Востока», появившейся в Нью-Йорке в 1927 году на русском языке, на последней 283-й странице имеется указание на метеорит, заключающий металл морий, дающий ключ к изучению основной, первичной энергии – праны, а также ко многому, вытекающему из изучения свойств этой силы. Ведь это все тот же Камень Ориона, Lapis exilis, норбуринпоче, Чинтамани – Сокровище Мира, о котором существует столько преданий. Средневековье искало «философский камень»; многие считали это величайшей фантазией. Не искали ли, между прочим, лучшие из мыслителей этот реально существующий на земле осколок метеорита, известный в средние века под именем *блуждающего камня*, эманация которого представляет тончайшую энергию, дающую с помощью мысли, направляемой волей, величайшие достижения и возможности пользования уплотненной праной, как могущественной творческой в акаше первичной энергией. Упоминая здесь о мысли, управляющей акашей и праной, я сошлюсь на свидетельство об этом Свами Вивекананды:

«Пока вся вселенная сведена к двум составным элементам – к материи и энергии, или к тому, что древние философы в Индии называли *акаша* и *прана*. Но мы не нашли еще то Одно, что дает знание всего остального. Следующий шаг должен был заключаться в отыскании начала их обеих. И дальнейшее исследование привело к заключению, что эти два элемента произведены еще более высшей сущностью, которую назвали мыслью, космическим *Махатом*. Мысль – это всюду распространенное проявление существования, более тонкое, чем акаша и прана, но которыми она кажется разделенной. Вначале существовала мировая мысль, затем она проявилась, изменилась и развернулась в две – прану и акашу, сочетаниями которых и произведена вся вселенная».[44]

5/VIII ***Драка бурят. Необыкновенное явление. Еще о чудесном метеорите. Свойства первичной энергии.***

Погода стоит хорошая. С утра продолжали подковывать лошадей. Вчерашний вечер окончился неожиданной дракой между Ардной и ламой Бухаевым. Вдвоем они брали из мешка муку, и Ардна в шутку рукой, запачканной в муке, дотронулся до лица Бухаева. Бухаев сильно ударил Ардну в грудь, а тот его – по лицу, да еще пнул ногой; едва удалось их развести.

Вчера около 9 ч. вечера возле нашего склада с лошадиным кормом (горошком) и мукой скакали тушканчики величиной с большую мышь, с хвостом раза в три длиннее, чем тело, с кисточкой на конце. Мы освещали их электрическими фонарями, это на мгновение останавливало их бег и позволяло нам лучше рассмотреть их.

Сегодня подковывать лошадей помогали два кузнеца-китайца. Надеемся за день перековать бóльшую часть лошадей, в первую очередь верховых.

Около половины одиннадцатого утра мы заметили большого черного орла, пролетевшего с запада на восток, – такой величины птицы здесь редки; вслед за этим мы обратили внимание, что бурят Цультим смотрит на северо-восток. Приблизившись к нему, мы заметили на очень большой высоте ярко белевший объект, быстро и плавно двигавшийся в южном направлении хребта Гумбольдта. Успели принести три бинокля, и все присутствовавшие при этом семь человек внимательно наблюдали это явление.

Хотя объект уже удалялся, в бинокль мы успели хорошо разглядеть его округлую, продолговатую форму, а также отметили наличие освещения с одной стороны; по словам наблюдавшего также Н.В., объект, вначале постепенно удалявшийся, вдруг повернул под определенным углом и скрылся в южном направлении. Были высказаны предположе-

ния об аэростате, а среди бурят – о воздушном шаре, пущенном китайцами с «парами бензина». Мы улыбались последнему предположению, так как ближайший пункт, откуда мог быть пущен шар, – это Сучжоу, находящийся в расстоянии шести дней пути, причем все эти дни, как и вообще во все это время года, ветер был определенно западный.

Н.К. при этом вспомнил явление, наблюдавшееся в Санкт-Морице, свидетелем которого был также и Я. – тогдашний его спутник. В тот раз на безоблачном небе над отелем «Suvretta Haus» наблюдалось необычайно быстрое образование резко очерченного облачка, которое быстро начало вращаться и потом вдруг исчезло.

«В Камне заключена частица великого дыхания жизни» – говорит одно из дошедших до нас преданий о вышеупомянутом метеорите, который считается несуществующим, легендарным, но на самом деле реальность существования его не подлежит ни малейшему сомнению, так как местонахождение его, вид его и свойства известны не только мне одному. Однако здесь же должен пояснить, что, по тому же преданию, использование этого метеорита, дающего возможность применения уплотненной, конденсированной первичной энергии, возможно лишь в плане мироздания или мирового строительства, но никак не в личных эгоистических целях, добрых или злых – это безразлично, ибо первичной энергией, в отличие от других производных ее видов, нельзя пользоваться вне условий мировых кармических законов.

Поясню это примером. Представьте, что вы, обладая знанием свойств первичной энергии как могущественной мировой силы, увидели бы вдруг гибель целого города в пламени, ужас и смятение его жителей и захотели бы прекратить этот пожар. Большинство людей будет доказывать, что это ваш священный долг перед человечеством,

что иначе и нельзя поступить. Но не забудьте, что вы не вправе нарушать законы кармы и что пользование свойствами первичной энергии недопустимо в подобных частных случаях, не имеющих значения в мировом плане Владык. Сделайте в вышеприведенном случае все зависящее от вашего опыта и мудрости, призовите все другие силы природы с помощью технических усовершенствований, но не трогайте особой тайны природы – первичной энергии без исчерпывающего знания свойств ее и получения на то разрешения Высокого Начала. О последствиях пользования этой энергией в ненадлежащих случаях я не буду говорить здесь – они могут быть очень многообразны и тяжки.

Мысль, что кто-то в настоящее время уже знает о первичной энергии и свойствах ее, о каком-то металле мории, добытом из невидимого легендарного метеорита, находящегося в данное время лишь в двух отдаленных местах, о том, что металл этот обладает свойством конденсации первичной энергии и потому дает наилучший способ изучения свойств ее и пользования ею, не покажется ли людям, далеким от мысли об этом, фантастической, слабоумной, невежественной или даже чудовищной и необычной? Но пусть прежде хорошо подумают и вспомнят, что лучшие умы Европы в своих открытиях уже далеко продвинулись по пути делимости атомов, теории ионов и установления единства материи и единства силы.

Вечером буран.

6/VIII ***Необыкновенный летательный аппарат. Уход троих бурят.***

После бывшего вчера с вечера бурана – серенький прохладный день. Опять с утра началась ловля арканами одичавших на пастбище лошадей для подковки.

С утра всем участникам Миссии стало известно, что замеченный нами вчера утром блестящий объект, двигавшийся на значительной высоте, был воздушным аппаратом Братства, возвращавшимся из-под Мукдена в Тибет после выполнения поручения к Таши-Ламе, которому, между прочим, было указано, что в Монголии должен быть особый геген.

В 1 ч. дня разразился буран, рвал палатки, все запорошил тонкой пылью, скрипевшей на зубах. Едва успели пообедать, закрылись наглухо в палатках; долины почти не видно – вся застлана завесой кружащегося в воздухе песка. Буран продолжался до 8 ч. вечера; внутри палатки все покрыто тонким слоем песка. Трое бурят – Аюр, Цультим и Ардна – заявили, что дальше идти не желают, так как не ручаются за свой драчливый характер и могут подраться с цайдамскими монголами или с тибетцами.

7/VIII ***Приезд китайского чиновника. Рассказы Мачена. Служение у субургана. Мысль — двигатель.***

День солнечный, с легким прохладным ветерком, в природе полное спокойствие после бурана. Буряты складывают свои вещи – собираются в обратный путь; все наши благожелательные советы дойти до Тибета и возвратиться оттуда спокойно с большим караваном были тщетны.

Ночью перед рассветом с западной стороны палатки Н.К. в течение продолжительного времени слышал как бы электрические разряды, раздававшиеся в воздухе то поодиночке, то по 2–3 подряд. Вчера вечером дошли слухи о приезде к старшине Мачену китайского должностного лица с шестнадцатью солдатами для сбора податей от сининского амбаня. Монголы негодуют на китайские поборы. Может быть, приезд китайской власти побудил Мачена при-

ехать сегодня утром к нам для урегулирования вопроса о его долге. Он также рассказал нам, что после возвращения из Цайдама представителя Торгпредства СССР им было зарыто под палаткой три бутылки с неизвестным содержимым. Предположение о вине является совершенно неправдоподобным. Монголы подсматривали за ним и после его отъезда вырыли эти бутылки и думали, что в них может быть яд. Все это поселило между монголами крайне нежелательные толки, тем более, что среди них ходят какие-то темные слухи об отравлении Богдо-гегена.

Сегодня ламы закончили роспись субургана и после 1 ч. дня производили около него служение в течение более двух часов. В конце служения на субурган был возложен акдорджи, соединенный красной нитью с рукой старшего ламы, который тем самым как бы сообщил субургану внутреннее значение служения. При ясном небе и благовонном ветре, смешанном с курениями, день заканчивался в мирном настроении стана. Еще два торгоута, за поручительством старшины Мачена, на днях придут к нам, кроме уже приглашенных югура, амдосца и торгоута. Таким образом, вопрос о людях для собственного каравана решен.

Н.К. замечает: «Что должно прийти, то и приходит; что должно уйти, то и уходит!»

Выше упоминалось о мысли как высшей Сущности, как всюду распространенном проявлении существования, более тонком, чем первичная сила – *прана* и первичная материя – *акаша*. Неся в себе одновременно черты материи и силы, мысль является единственным и могучим деятелем, управляющим первичной силой и первичной материей. Вот почему мне и хотелось бы обратить величайшее внимание на мысль. Недаром Учитель Будда указывал, что «из трех видов действий наиболее губительно не слово, не телесный поступок, но мысль» (*Маджхима Никая*, т. I, стр. 373).

Надо стремиться поэтому к очищению своих мыслей, поставив их под неусыпный и строгий контроль, так как с момента возникновения решения о зле человек уже виновен, выявлено ли зло или нет. Скажу больше – европейская наука двигается вперед по пути обнаружения мысли, а Учителя Востока уже давно читают мысль, поэтому давно пора людям начать привыкать дисциплинировать свои мысли и очищать их, стремиться к этому как совершенно конкретному практическому достижению.

8/VIII ***Приезд главного ламы Цайдама. Лама освящает субурган. Монголы оказывают Миссии княжеский прием. Американский флаг.***

Солнечный день. В 9 ч. утра ушли трое бурят, наняв лошадей для поклажи до Шибочена. В 11 ч. приехали на семи лошадях пять слуг главного ламы – настоятеля Цайдама, едущего в Махай, и установили вблизи нашего лагеря, на возвышенности у ручья, его красиво расшитую

Главный лама цайдамских монголов.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

тибетскую палатку. По словам слуг, лама останется некоторое время с нами и освятит субурган.

Около 12 ч. дня появился главный лама в сопровождении двенадцати человек, в том числе старшины Мачена, чиновника-монгола, начальника милиции, ламы и послушника. Главный лама Цайдама соответствует по своему значению епископу. Ехал он на сером коне в сбруе с двумя красными кистями. Подъезжая, снял дорожную соломенную китайскую шляпу и надел другую из лакированного дерева, позолоченную. Мачен был в шляпе китайского чиновника с красным коралловым шариком и пучком черных перьев, вставленных в горизонтальную нефритовую трубочку; чиновник тоже в соответствующем головном уборе. Согласно обычаю, всем прибывшим почетным гостям был предложен чай и угощение: изюм, сушеные фрукты, кандис и лепешки. Старик-лама преподнес в сосуде масло. После обмена обычными любезностями, то есть вопросами и ответами о путешествии, были заданы вопросы о направлении и цели нашего пути. Последовал ответ, что мы американцы и едем посольством[45] от западных буддистов и что близко наступление времени Шамбалы. Всем нам были поднесены хатаки, мы ответили тем же со вложением денег. Главному ламе был передан упоминавшийся раньше список пророчеств о времени Шамбалы. Освящение субургана происходило около получаса. После чего вновь было предложено угощение, состоялся разговор, из которого выяснилось, что гости эти прибыли к нам со всей торжественностью и в своем должностном параде, – так, как они ездят только к цайдамскому князю, – ввиду того, что им известно наше высокое положение. После нового обмена любезностями главный лама отбыл верхом к своей палатке в почетном сопровождении прибывших с ним спутников и вскоре уехал далее. Все произошло в

весьма торжественной обстановке и при великолепной погоде; у палатки Н.К. развевался большой американский флаг.

9/VIII ***Любезное письмо цайдамского князя. Приезд китайских чиновников. Книга «Советы Гималаев». Мысль — первый фактор жизни. Нелепые угрозы бурята.***

Туманный серенький день. Шел небольшой дождь. Погода прохладная. В 11 ч. утра два гонца привезли любезное письмо от князя цайдамского Курлык-бейсе, где он сообщает, что слышал о нашем приезде, извиняется, что не мог встретить нас, и предлагает нам воспользоваться его верблюдами, транспортом и содействием. Обращает на себя внимание, что в тех местах, где другим препятствовали и где, по словам путешественников, встречали выстрелами, нам предлагают полное содействие и оказывают радушный прием.

В 12 ч. дня приезжали китайские чиновники: сборщики податей с китайскими солдатами, два дунганина и секретарь-китаец. Дело ограничилось любезными разговорами и небольшими формальностями с осмотром вещей, после чего чиновники отбыли. Через некоторое время возвратился младший из них с переводчиком-китайцем и потребовал уплаты сбора за купленных нами в Мако́й-закха верблюдов, сопровождая это неясными угрозами написать в Синин амбаню, ответа которого пришлось бы ждать. Мы изъявили согласие уплатить 75 янчан, и он уехал, чтобы получить расписку за подписью старшего.

В 2 ч. дня поднялся сильный буран, скоро окончившийся. Князю сегодня же отправлено письмо и хатак с благодарностью за любезно выраженное желание оказать нам помощь и с извинением, что не можем навестить его, так как на днях уезжаем, но оставляем в его владениях сооруженный нами в честь Шамбалы субурган.

Мы говорили о мысли как о всюду распространенном проявлении существования. Общеизвестно утверждение: «Я думаю – следовательно, существую». Позволю себе привести здесь некоторые выдержки из книги *«Советы Гималаев»*:

«Обычна ошибка человекообразных приписывать себе исключительное право на мысль. На самых примитивных примерах можно показать, насколько мысль человечества разделена возрастом, положением и народностью. Именно среди людей можно иногда поражаться слабыми зачатками мысли; зато безымянные пространственные мысли поднимают дух. Нужно привыкнуть к тому, что все сущее проникнуто мыслью. Чувствование растений недавно ограничивалось инстинктом, но исследования инстинкта относят его в область мысли, отсюда наблюдения и вниз и вверх.

Задумайтесь над явлением мысли, осознайте распространение ее и радуйтесь лаборатории мысли, которая от клетки минерала до беспредельности соединяет начала. Магнитная волна, искра электричества и мысль – эти три встречают путника, стремящегося в Беспредельность. Надо обследовать мысль как живой фактор сущего, надо исследовать природу ее. Например, могут ли известного характера и направления мысли влиять на жизнь растения, как реагируют на разные мысли животные? Наконец, как чувствует себя среди мыслей сам господин человек, как мысль влияет в химических соединениях? Не надо ли испытать мысль на лакмусовую бумагу, не может ли мысль соревноваться с сильным ядом или музыкой? Так можно будет перекинуть мост психотехники к динамике и даже к астрохимии».

Как мало знаем мы о свойствах и силе правильной и напряженной мысли, а между тем в этом знании кроются величайшие возможности!

Вечером приходил уволившийся бурят Цультим, настаивал на выдаче ему недоданных якобы в Урге пяти янчан. По справке в денежной книге оказалось, что с 1 марта, времени его найма, он получил все полностью, что подтверждалось его подписью; жаловался, что ему приходилось делать тяжелую и грязную работу, что бурят прогнали, и кончил какими-то угрозами тюрьмы. Все без исключения были возмущены такими проявлениями наглой глупости.

10/VIII ***Китайская волокита. Монголы против китайцев. Буряты-дезертиры делают ложные доносы китайцам. Н.К. предвидит, что дело кончится каким-то вымогательством китайцев.***

Обычная и типичная для китайцев волокита уже проявляется. Как и предсказывал вчера Н.К., так хорошо знающий Восток, в том числе особенные свойства Китая, бывшие вчера китайцы, называвшие себя должностными лицами сининского амбаня, не оставили нас в покое. Утром от них прибыли два местных монгола, заявивших нам от имени этих чиновников, что мы такие великие люди, в отношении которых они не решаются принять какие-либо самостоятельные меры, и потому просят не трогаться с места, пока они не получат предписаний от сининского амбаня. Пути до Синина отсюда двадцать дней в один конец. Конечно, мы не имеем никакого касания до этого амбаня, тем более, что у нас имеются соответствующие письма к его начальнику генерал-губернатору провинции Ганьсу и потому ждать его милостивого распоряжения из Синина было бы просто нелепо.

Затем пришли сведения, что эти китайцы будут сноситься с Сининым через Анси, но и эта комбинация должна продлиться долее назначенного нами ранее срока отъ-

езда – 19 августа, и в сущности только возвращение Г., посланного в Сучжоу, нас еще удерживает на месте.

Характерно, что местные монголы искренне возмущаются действиями китайцев и намекают, что китайцы на этой монгольской земле сделать ничего не могут. Значит, официальный союзник Фенга, сининский амбань, очень своеобразно заботится о привлечении симпатий местного населения. Удивительно, что даже монгольские черные псы с желтыми подпалинами испытывают к китайцам чувство непримиримой ненависти и яростно нападают на них, долго преследуя. Сообщим, что ушедшие от нас трое бурят пробовали жаловаться местным монгольским властям, что им задолжали и что выгнали их, угрожая винтовками, но те, зная в чем дело, только посоветовали им скорее убираться восвояси. О наглой лжи этих бурят сообщено сегодня в Улан-Батор-Хото (Ургу) монгольскому правительству для взыскания с них денег, которые они остались должны, и для привлечения их к ответственности. Хорошо зная волокиту и алчность китайцев, Н.К. замечает, что их претензии и волокита всегда вытекают из желания сорвать побольше янчан.

11/VIII ***Лжецы-буряты в китайском стане.***

Горы подернуты дымкой, рассеянный свет солнца, день прохладный. Утром приехали две монголки справиться, где находятся ушедшие от нас буряты, так как они оставили свои вещи у них и куда-то исчезли – лжецы где-то ползают и пытаются причинить вред. Письмо монгольского князя с предложением своего содействия нам, о котором упоминалось выше, произвело, по-видимому, самое отрезвляющее впечатление на старшину Мачена. Теперь он всячески старается выказать свое внимание. Приехали его люди предупредить нас, что ушедшие от нас буряты

донесли приехавшим китайским властям, бывшим на днях у нас, о наличии у Миссии оружия и патронов. Конечно, это сообщено, вероятно, в гиперболической форме, и потому китайские власти вновь собираются к нам. Ввиду того, что ушедшие буряты не уезжают далее, а стараются настроить против Миссии и китайцев, и местное монгольское население, решено арестовать их и сдать местной монгольской власти для препровождения с письмом от нас военным властям Монголии в Улан-Батор (Ургу). Все эти буряты являются военнообязанными и были освобождены от службы ввиду их отправки с Миссией; теперь же они являются злостными дезертирами и подлежат доставке военным властям. Невольно приходит на память, что один из этих бурят уже сидел в тюрьме по подозрению в убийстве. Наше решение отправить через местных властей ушедших бурят к командующему войсками в Сучжоу для дальнейшей передачи их как военнообязанных монгольским народным властям уже создало здесь легенду, что мы заковали их в кандалы и отправили с шестью стражниками. Тибетец Кончок возмущается происходящим и говорит монголам и китайцам о мировом задании Н.К. Только что приехал второй вестник от Мачена и сообщил, что буряты находятся у приехавших китайских властей. Можно представить себе все болото их лжи – не сам ли «отец лжи» принимает участие в их совещаниях?

12/VIII ***Китайские чиновники.***
Бурятский донос и китайская угодливость.
Таинственный незнакомец.
Предупреждение о военном отряде в Нейчжи.

Переменная погода с небольшим дождем, изменившаяся уже вчера к вечеру – температура воздуха вчера в 5 ч. дня сразу упала с +22° С до +16° С. Сегодня около 1 ч. дня

на горизонте показались шествовавшие пешком наши буряты, а затем две группы: всадников-монголов с Маченом во главе и китайцев-чиновников. Приглашенные по прибытии в палатку китайцы в произнесенной ими длинной и по-китайски витиеватой речи сразу же предъявили нам как бы обвинение, что мы не заехали в Анси, миновав его, якобы препятствовали осмотру наших вещей, не показывали паспорта и имеем 30 винтовок, а сказали, что 12; они также сообщили, что прежде всего хотят посмотреть наши бумаги. Им предъявлены были очень убедительные китайские и монгольские документы, а также письма к высоким должностным лицам Китая. Это их удовлетворило, и они заявили, что осматривать вещи не хотят, а желали бы взять пошлину за 32 верблюда по оценке их в 2.000 янчан, считая 6%, то есть 120 янчан. На это мы выразили согласие при условии, что они дадут нам официальную расписку в получении денег. В получении 120 янчан была выдана квитанция из их финансовой книги. После этого китайские чиновники сразу заметно повеселели, сделавшись шумно и радостно разговорчивыми. Прав был Н.К., утверждавший вчера, что китайцы придумывают, как бы получить с нас янчаны. Затем они осведомились, не было ли у нас воров или дурных людей, предлагая служить нам, и прибавили, что «земля эта хорошая, спокойная, но ушедшие от вас негодяи-буряты плохие. Жаловались, что им не заплатили жалованья, а потому их надо скорее выслать с этой земли». Предлагали их даже высечь и возвратить нам – настолько окрылили китайцев янчаны.

В конце концов решено послать бурят в Сучжоу к командующему войсками для дальнейшего препровождения в Монголию с двумя людьми стражи с тем, чтобы стража была оплачена и были даны деньги на доставку бурят на лошадях. Все это было удовлетворено. В 3 ч. дня позвали бурят, которым было объявлено китайскими властями в

присутствии местных монгольских властей, что они отправляются в Сучжоу под стражей. Положительно, Н.К. – специалист по восточным делам, ибо все, случившееся сегодня, произошло именно так, как он об этом ранее говорил. Китайцы так разохотились, что через два часа приехал один из них уже в партикулярном кафтане продавать нам лошадь.

В 5 ч. дня произошло необычное событие: на прекрасной нездешней лошади быстро подъехал всадник в богатом, расшитом золотом, из китайского шелка малиновом халате, отороченном мехом, под ним такой же роскошный шелковый кремовый расшитый халат, на ногах всадника – новые китайские сапоги хорошей работы, а на голове – высокая желтая ламская парадная шапка с красной кистью. Вся одежда на нем была театрально новая; ни багажа, ни вещей при нем не было. Встреченный нами, он с любезными поклонами быстро шагнул в мою палатку, где был Н.К., и, озираясь, начал как-то растерянно и сбивчиво спрашивать, куда мы едем, не в Лхасу ли. Сам же ответил на наш вопрос, что он едет из Тэйджинера и еще не знает, поедет ли в Лхасу или в Ургу. Затем он спросил, кто переводчик, и сказал, что имеет для нас тайное сообщение. Н.К. сказал Кончоку, чтобы он пригласил приехавшего в другую палатку и наедине допросил его. Необычный гость начал беседу с обращения: «Мы ведь с вами одних воззрений», а затем, не поддержанный Кончоком, сразу сбился и заговорил, что мы религиозные люди и он религиозный человек. Его тайная весть заключалась в том, что он приехал будто бы уведомить нас об аресте прежде упоминавшегося монгольского посольства в Нагчу и о том, что тибетским правительством получены сведения о продвижении русских («оруссо») от Шибочена, почему врайон Нейчжи и были выдвинуты сильные охранительные отряды, причем наш молодой таинственный доброже-

латель предупреждал нас, чтобы мы при приближении к Нейчжи проявили осторожность и предварительно выслали разведку. Кончок признал в пришельце лицо, близкое монгольскому посольству, а его поклоны субургану тот же Кончок нашел искусственными. Нарядный пришелец вскочил на коня и растворился в той же таинственной дали, откуда и появился.

Если вы думаете, что мы даже на стоянках проводим свое время однообразно, то вы глубоко ошибаетесь! Приехавший незнакомец проявил наблюдательность – быстро озираясь, он не упустил из внимания кольцо на руке Ю.Н. и сравнил начертания кольца с тамгой на одном из выданных нами изображений Бурхана, а имя свое так и не сказал. Взвешиваем события! Одно опечалило нас, что у Е.И. сильные боли в солнечном сплетении. Приехавший к нам юный конспиратор ничего не мог сделать более обращающего на себя внимания, как одеть в такой дождливый день и в этой местности театрально кричащий новый наряд. Наши ламы отнеслись к нему настолько недоверчиво, что один из них – Л. – заметил: «Бывает, что и воры в шелк одеваются». Не забудем, что сам-то Л. был до ламства разбойником.

13/VIII ***«Или вор, или нищий, или сборщик на храм». Послы от цайдамского князя.***

Вчера в большой палатке ламы и монголы обсуждали появление на нашей стоянке нарядного всадника. Характерно, что на Востоке люди наблюдательнее, чем на Западе, не по платью судят о человеке – несмотря на роскошные и богатые одежды прибывшего, о нем высказывались: «Это или вор, или разбойник, или нищий, или проходимец, или сборщик на монастырь». Истины они, конечно, не знали.

В 4 ч. дня приехали люди от цайдамского князя во главе с Маченом, привезли в дар кусок местного белого сукна с красными и синими крестиками. В ответ на это посланные получили хатак с приложением 50 янчан на построение храма. От Мачена за его долг получено два верблюда с седлами по цене: один – 90 янчан, другой – 76 янчан. Буряты еще не отправлены; Мачен привез возвращенные ими 15 янчан, данных китайским чиновникам для оплаты этапных лошадей для них до Сучжоу. Теперь мы пытаемся добиться того, чтобы Мачен назвал определенную дату, когда он их отправит в Сучжоу со своими людьми. Монголы отказываются конвоировать наших бурят, считая их дурными людьми и для них опасными.

Погода переменная – с утра, после небольшого теплого дождя ночью, была серенькая прохладная погода, днем стало жарко на солнце. К вечеру поднялся холодный ветер, пришлось уйти в палатку.

14/VIII ***Письма в Америку. Приготовления к выступлению.***

С утра туманный и прохладный день, небо в тучах. Посланы двое людей в Анси с письмами на почту. Часть писем должна пойти через Америку ввиду неоднородности правительств Китая и происходящих там сейчас гражданских войн. Начинаем собираться в дальнейший путь и приводить все в порядок для выступления. С вечера похолодало благодаря поднявшемуся холодному ветру.

15/VIII ***Дальнейший маршрут.***
Решено принять в караван далай-ламского нерву.

Ночью шел небольшой дождь. В горах выпал снег. Вчера вечером было получено Ю.Н. от Ардны Дорджиева покаянное письмо, где он сообщал, что Аюр Дорджиев

сманил его и Цультима, говоря, что их убьют по дороге из Тибета, когда они будут возвращаться с заработанными деньгами, и потому дальше они не должны идти. Не бродят ли среди бурят и монголов какие-то отрицательные сведения о Тибете? С утра укладывали и увязывали вещи, рапределяя их по мулам и верблюдам. Рассматривали русскую и английскую карты, намечая предстоящий маршрут. Решено идти через Улан-дабан на урочище Ичи, восточнее Махой-закха, где дня два предстоит дожидаться приезда служащего Далай-Ламы, оставшегося с частью вещей в Махае по болезни. Температура воздуха утром +8° С. Днем холодный ветер. Вечером температура +10° С.

16/VIII ***Начало холодов. Царь Му-ни. Заветы Будды. Свет Азии.***

Ночью замерзла вода. В 6 ч. утра в палатке было 0° С. По слухам, Мачен не отправил бурят по назначению. Цультим устроился работником у Мачена, Ардна – у одного из кочующих здесь монголов, а Аюр ушел с китайцами в Сучжоу. Перед расставанием двое бурят поссорились с Аюром, который якобы грозил убить их дорогой, если они пойдут с ним. Двое бурят, оставшихся работниками у местных монголов, ожидают возвращения монгольского посольства. Но, по-видимому, само монгольское посольство не знает, когда и какой дорогой оно возвратится в Ургу.

День яркий, солнечный, с холодным ветерком. П.К. уехал к перевалу для обследования места нашей ближайшей остановки у перевала на предмет, имеется ли там теперь корм и вода. В 3 ч. дня возвратился П.К. и сообщил, что первая остановка должна быть сделана через 2 часа хода, так как дальше трава и вода будут за перевалом, через 8 часов перехода.

В устремлении по пути коммунизма правительство СССР уничтожило крупную собственность, и весь мир прокричал об этом, как о чем-то невиданном и неслыханном, никогда небывалом. Но уже говорилось, что память у людей короткая – редкий знает имя своего прадеда. Точно так же и человечество прочно забыло, что в начале VIII столетия при царе Му-ни Цемпо в Тибете уже уничтожали крупную собственность, и трижды производился ее раздел между неимущими; царь этот был, между прочим, отравлен своей матерью. Идея коммунизма не нова, ибо еще Гаутама Будда проповедовал учение об Общине, всецело поглощающей и превосходящей все современные чаяния. Теперь настало время, когда «свет придет с Востока», когда идеи Учителя Будды, общинника, слившись с идеями Учителей Востока, общинников знания, получат практическое свое осуществление в грядущей мировой Общине Знания. Настало время увядания Европы и расцвета и возвышения Азии.

Народы Европы, прислушайтесь к Востоку, раскройте сознание, свет идет с Востока! Свершается неизбежное – возникают общины знания.

17/VIII ***Письмо бурят. Спешные сборы.***

Ночью мороз, в палатке –3° С, вода замерзла. Утром на солнце +9° С. Пришло с монголом письмо от Ардны Дорджиева – он и Цультим Будаев просятся снова на службу; в этой просьбе им отказано ввиду легкомыслия их, трусости и неверности – ходили с доносом к китайцам. В 2 ч. дня температура воздуха на солнце +20° С; в 4 ч. дня – +21° С.

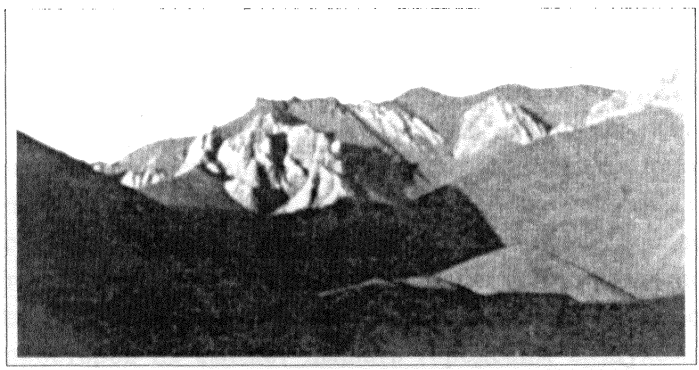
Весь день прошел в упаковке вещей, сборах и приготовлениях к выступлению каравана.

18/VIII ***Прощание монголов и монголок. Возвращение Г. из Сучжоу.***

Прохладный серенький день, небо обложено тучами. Ждем возвращения Г. из Сучжоу. Вчера вечером приезжал Ардна проситься на службу, но получил отказ. Утром вновь пришел Ардна и потом Аюр, но снова ушли без результата: им еще раз был поставлен на вид их лживый донос китайским властям. Днем приходили монголы и монголки – приносили в подарок молоко и масло; взамен получили янчаны и подарки. В 5 ч. дня возвратился Г., привез необходимые вещи для Н.В. и ряд ценных для нас пищевых продуктов – китайский сахар в кубиках, соль, перец, имбирь, мясные консервы, сыр, сливочное масло в жестянках, свежие огурцы, яблоки и маленькие китайские арбузы, желтые и розовые внутри.

Часть V

УЛАН-ДАБАН—ЦАЙДАМ—НЕЙЧЖИ



Перевал Улан-дабан.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

19/VIII ***Выступление к Улан-дабану. Вести о Фенге. Чаша Ориона. Н.К. о просторах.***

Ночь нехолодная. Встали до рассвета около 4 ч. утра, некоторые – в 2 ч. ночи. Погрузка верблюдов и мулов прошла успешно. В 6 ч. 25 м. утра караван выступил в составе 25 человек, 36 верблюдов и 46 мулов и лошадей, сзади верхом один из лам гнал 21 барана. В 9 ч. 5 м. утра сделали остановку перед перевалом – вокруг красивая зеленая долина с ручьем и сочной травой, на которую тотчас же с жадностью набросились наши верховые лошади. По дороге встретили небольшую серну (зерен), за которой погнались наши монгольские собаки Тумбал и Амбал, но, конечно, быстро отстали. В долине нашли мелкие пурпурового цвета орхидеи и эдельвейсы. Возвратившийся вчера из Сучжоу Г. сообщил, что Фенг отступил в Сиан-Фу, а в Ганьсу начали снова приезжать купцы, чем будто бы характеризуется укрепление антифенговского движения.

В 4 ч. утра перед выступлением наблюдали на звездном небе ярко светившее в виде чаши созвездие Ориона. Следует отметить, что на Востоке это созвездие характеризуется очертаниями чаши, а не принятым на Западе начертанием. По поводу раскинувшихся утренних горных просторов Н.К. замечает, что ни один человек после этих просторов не сможет дышать городским воздухом.

20/VIII ***Переход через Улан-дабан. Самородок золота. Стоянка на Ихэ-халтын-голе. Снеговая горная цепь Риттера.***

Встали рано, в 2 ч. ночи. В 6 ч. выступили на Улан-дабан. На протяжении четырех часов дорога шла ущельем в гору. Позади тянулись мулы с поклажей, за ними – верблюды. По дороге видели зеренов (маленьких серн) и высоко на вершине горы аргала. Улан-дабан (Красный пере-

вал) получил свое название от красного песчаника, из которого он состоит, употребляемого во Внутренней Монголии и в Китае в качестве точильного камня; высота дабана около 16.000 футов. Ближе к вершине находятся развалины китайских каменных построек золотоискателей. Подъем нетрудный.

На стоянку в Шарагольчжи приезжал незадолго до отъезда китаец продавать самородок золота весом около 20 грамм, найденный им на Улан-дабане, но просил за него дорого, очевидно, как за редкость, 50 янчан. Спуск с дабана отлогий; опять встречали пасущихся зеренов и куланов (Asinus Ryang). Появились крупные дневные бабочки, которых из-за быстроты полета при ветре и во время езды не удалось рассмотреть, но одна напоминала желтянку, другая – траурницу, видна была белая полоса по краю, а третья – адмирала, но это не были бабочки средней полосы Европы. Подошли к Ихэ-Халтын-голу (река Большой Халтын) только в 2 ч. 45 м.

Перед нами слева виднеется снеговая цепь Риттера[46] с необычно обширными снеговыми полями и ледниками. Сильный холодный ветер. Около 6 ч. вечера пришли мулы, а в 7 ч. 45 м. – верблюды. Халтын-гол, широко разлившийся после дождей, теперь имеет вид ручья.

21/VIII ***Ламы боятся «сура». Газы в Монголии. Тибетские маски. Враждебность Мачена. Неожиданные находки.***

День прохладный, с ветром, небо покрыто тучами. Ввиду позднего прихода мулов и верблюдов решено дать им отдых, тем более, что завтра придется пройти до ближайшей воды и травы через другой перевал не менее девяти часов. Вчера около 9 ч. вечера приехал монгол, сообщивший, что по заказу вез нам три мешка лошадиного корма (горошка), но оставил его перед Улан-дабаном. Сегодня

посылаем за кормом одного человека. Несмотря на все разъяснения ламам, что при переходах через дабаны нам не угрожают никакие «угары», все-таки замечается боязнь. Так, вчера при восхождении лама Бухаев опасливо спрашивал о «суре»; некуривший лама Кейдуб попросил у Г. папиросу, говоря, что курение помогает против «сура». Между тем дышалось, наоборот, очень легко, чистый воздух горных высот был приятен, сама почва песчаных камней не внушала никакого опасения, что откуда-то исходят какие бы то ни было вредные газы. Любопытно, какой именно процент случаев «угорания» на высотах следовало бы отнести за счет самовнушения?

В Халке – Северной Монголии – имеется гора, где, подобно пресловутой Фингаловой пещере[47], выделяются ядовитые газы. Не отсюда ли у бурят и монголов боязнь высот до такой степени, что некоторые монгольские племена ездят в пути с повязкой на лице? В Тибете также ездят по северным нагорьям в особых шелковых масках, но это делается тибетцами не столько, вероятно, из боязни «угара», сколько с целью предохранить кожу лица от горных ветров и, может быть, от химических (ультрафиолетовых) лучей на горных высотах при относительно разреженной атмосфере.

Перед отъездом из Шарагольчжи старшина Мачен так нам и не показался. Он по-прежнему по отношению к нам настроен почему-то враждебно. Взял в работники уволившегося бурята Цультима, наговорившего на нас китайским властям; запрещал местным монголам идти с нами; повышал на все цены, оказывая везде противодействие. Всех животных нам пришлось закупить вне сферы его влияния – в китайских поселениях и в Цайдаме. Перед нашим отъездом он взял в долг у тибетца Кончока, его знакомого по прежним поездкам, тридцать янчан и не заплатил ему. Кончок предполагает написать об этом кня-

зю в Курлык-бейсе. Мы же со своей стороны также думаем сообщить о Мачене из Лхасы и князю, и тибетским властям, так как местное население тяготится им. Сегодня на месте нашей новой стоянки нашли штык от берданки, а третьего дня на стоянке перед Улан-дабаном – патрон от берданки и обрывок коммунистической газеты на русском языке.

Вечером, как обычно, ловили лошадей, чтобы привязать их на ночь. Особенно отличалась белая лошадь ламы Л., которую восемь человек верховых ловили около полутора часов.

Вечером дул холодный ветер. Разошлись по палаткам в 7 ч. вечера.

22/VIII ***Перевал Чахарин. Перевалы нетрудны. Бага-Халтын-гол. Базальтовая пещера. Дунгане повредили изображение Майтрейи в Лабране. Монголы боятся медведей и барсов. Крыша Мира. Наносы.***

Встали в 2 ч. ночи при свете звезд; луна на ущербе. Около 4 ч. утра начали седлать сонных лошадей. «Серый» по обыкновению дремал, опустив голову, расставив ноги и все время покачиваясь. Приходится его будить; заседланный и уже с прицепленными к седлу сумками и термосом, он заснул и упал во сне на бок. Надо заметить, что лошади наиболее крепко спят под утро. Когда Н.К. садился на своего рыжего карашара, тот сперва вздыбился, а затем свалился. К счастью, Н.К. не успел поставить вторую ногу в стремя. Выехали в 5 ч. утра, когда на востоке едва забрезжила полоска света и начала тускнеть чаша Ориона. До 9 ч. утра шли все восходящей дорогой до нетрудного для перехода перевала Чахарин. Благополучно миновав его, через час перешли другой перевал, уже значительно меньший. В сравнении с Каракорумом и Сассером все

пройденные нами до сих пор перевалы малозаметны – в Ладакхе они, вероятно, были бы даже безымянны. Однако монголы почему-то боятся своих перевалов – возможно, в зимнее время они и опасны благодаря льду, морозу, леденящему ветру и глубоким снежным заносам. В первом часу пополудни прибыли в зеленую долину, пересеченную быстрой и чистой горной речкой Бага-Халтын-гол и уютно замкнутую со всех сторон гранитными горами.

Среди травы много розовых примул и пурпурных орхидей. По дороге опять встречали куланов и зеренов, а также отбившихся от каравана верблюдов, бродящих в этой пустынной местности по относительно невысоким отрогам гор между горными цепями Гумбольдта и Риттера. По дороге к стоянке видели древние обветрившиеся скалы, образующие гигантские чудовищного вида фигуры. Против лагеря на вершине гор, напоминающей развалины укрепленного города или большой крепости, имеется базальтовая пещера длиной сажени четыре и высотой до шести сажен. Чтобы обследовать ее, пришлось взобраться по крутизнам на муле в сопровождении верховых – монгола и П.К. По дороге встречали аргал и многочисленные следы волков. К самой пещере по крутизне ведет узенькая аргалья тропинка. Вверху пещеры ютятся дикие голуби. На стенах никаких изображений не найдено. Пещера, по-видимому, чрезвычайно древнего и искусственного происхождения, конусообразного вида, сужающаяся кверху, и там, ближе ко входу, как бы остатки огромного лика.

Или это только игра природы, как и во всем виде вершины горы, которая показалась нам издали развалинами крепости, причем отрицательно этот вопрос был решен мною только на месте. Путь, который мы проходим, является совершенно необычным для европейцев, поэтому любопытно было узнать, не развалины ли это укрепленного

города и не буддийского ли происхождения пещера. Это и побудило меня предпринять исследование данного места.

Н.К. замечает, что ранее полученные им сведения в Синьцзяне о повреждении в 1925 году дунганами Лабрана и других буддийских монастырей в Сининской и Кукунорской областях подтверждаются Г., который жил последние годы в Китае и видел многих промышленников, приезжавших непосредственно из Синина.

Этими действиями дунгане проводят решительную грань между собой и буддистами-монголами. Кукунорская область, а также такие буддийские святыни, как Лабран и Кумбум, являются буддийским достижением. Характерно, что дунганами было повреждено именно изображение Майтрейи, точно ветхий мир опасается символа грядущего.

Во время путешествия замечаем для себя, что местные монголы все время опасаются медведей и барсов, боясь ездить поодиночке. Все эти дни путь наш проходит на высоте свыше десяти тысяч футов, можно думать, что между 11.000–12.000 футов, за исключением перевалов. Ночью попрежнему заморозки; днем после 12 ч. обычно поднимается прохладный ветер, смягчающий палящие лучи солнца.

Из-за верблюдов и нехватки воды придется эти три дня опять идти малыми переходами. Впереди предстоит хребет и перевал, не имеющий европейского названия, который можно характеризовать как ответвление снегового хребта Риттера. Таким образом, начиная с Северной Монголии или Халки, мы встретили сначала отроги Алтая, затем после Анси-чжоу хребет Нань-Шань, цепи Гумбольдта и Риттера, относящиеся уже к горной системе Куньлуня, Каракорума и Памира – системе, не без основания названной Крышей Мира, так как относить это название только к Памиру было бы несправедливо по относительной высоте, а впрочем, почему покривилась Крыша Мира, если ее истинный купол остается все-таки в Гималаях?

Необычно высокое плоскогорье, по которому мы проходим, целиком состоит из наносных слоев. Мысленно углубляя рельефы окрестных гор, можно представить себе глубину ранее существовавших долин и гигантскую высоту тогдашних вершин. Поэтому любые исследования могли бы дать интересные результаты лишь после прохождения через все эти наносные слои и достижения основного грунта долины. Наносы же эти образуются чрезвычайно быстро благодаря горным ливням. Мы сами могли наблюдать, как резко была деформирована долина в Шарагольчжи в месте расположения нашего лагеря, после сильного ливня, когда огромные потоки воды с песком и крупными валунами стремительно и со страшной силой мчались с гор, прокладывая новые глубокие русла и занося долину песком и грудой камней. При обсуждении таких быстрых и мощных процессов в природе Н.К. вспомнил об *«Общей геологии»* (в двух томах), обработанной и дополненной Д.И. Мушкетовым: «Что особенно меня тронуло в этой книге – это презрительное умолчание о таком модном теперь металле, как золото; вероятно, автором руководили какие-то высокие соображения». Действительно, в двух объемистых томах вопросу о месторождении золота отведено всего несколько строк.

23/VIII ***Перевал Халтын-дабан.***

Сегодня малый переход, а потому встали в 5 ч. утра. Вышли в 7 ч. 45 м. и двинулись вправо от высоких снеговых гор цепи Риттера к перевалу Халтын-дабан. Проходили мимо высоких обветренных скал причудливых очертаний. В 11 ч. 30 м. остановились у небольшой горной речки в ущелье. Травы мало, и она низкорослая. В 1 ч. 30 м. пришли мулы с продовольствием, а часом позже – верблюды, доставившие наши палатки. Погода прохладная,

солнечная. Ночью был мороз. Во время пути верблюды уронили ящик с патронами и клетку с двумя курами и петухом, привезенными нам ранее из Сучжоу. В тот раз птицы быстро оправились после своего путешествия, и через два дня одна курочка снесла яйцо, а потом стали нестись обе. Сегодня же прибыли с посиневшими гребешками и не снеслись; а вчера снесли яйца в клетке прямо во время пути. Очень любят заходить в палатки, садятся на постель в нашем присутствии. Вот и сейчас белая курица вошла в палатку, взлетела на постель, где я сижу и пишу, и позади меня начала разгребать себе гнездо, вероятно, для того, чтобы снести яйцо – нисколько нас не боятся. В конце концов белая курица снесла яйцо в палатке Г. во время его отсутствия.

24/VIII ***Наступление морозов. Спуск с Халтын-дабана. Путь в Шамбалу. Цайдамские монголы.***

Ночью был мороз – во всех палатках замерзла вода в кувшинах. Встали в 4 ч. утра перед планировавшимся пятичасовым переходом. Вышли в 5 ч. 50 м. На перевале Халтын-дабан высотой около 14.000 футов встретили монголов, едущих из Цайдама. Спуск крутой. «Серый» и лошадь Н.В. отказались спускаться, пришлось взять за повод. «Серого» вел лама Малонов. Шли каменистой долиной меж высоких осыпающихся, обветренных и зубчатых скалистых гор, очень величественных. Впереди по сторонам ущелья открывался очень красивый вид заостренных скал. Невольно вспоминалось описание величественного пути в Шамбалу.

В 10 ч. 50 м. утра прибыли в небольшую карстовую долину, окруженную горами, с низкорослой травой на болотистой почве, с выпотом «гуджира» (соли). В начале первого часа пополудни пришли мулы, а в два часа дня – верблюды, с палатками и вещами. Вслед за верблюдами

показались трое всадников, оказавшихся цайдамскими монголами – старик, мужчина средних лет и мальчик лет двенадцати. Старик был в зеленом кафтане и фиолетовой высокой конической формы китайской шляпе с загнутыми круглыми полями, при нем было кремневое, с «рогаткой» ружье. Мужчина – в красном кафтане и в красной конической формы китайской шляпе; за красный пояс-кушак был заткнут тибетский меч в красивых плоских ножнах, украшенных красными кораллами. На мальчике было обычное монгольское одеяние и белая коническая китайская шляпа. Остановились они напротив нас через ручей; мужчина средних лет и мальчик повязали головы красными шарфами в виде чалмы и явились к нам без оружия. Н.К. дал им изображение Будды Всепобеждающего (с мечом в руке). Тогда они сняли с головы повязки, приложили благоговейно к голове изображение, а потом мужчина спрятал его в складках чалмы на лбу. Их здоровый вид, приветливость и степенные манеры произвели на нас прекрасное впечатление. Чем далее мы идем от Халки к Цайдаму, то есть через Северную, Внутреннюю Монголию и Кукунорскую область, тем деловитее и степеннее становится вид монголов.

По дороге к стоянке видели разновидность местных сверчков, черного с белой каймой на нижних крыльях, и кузнечика серого цвета, мимикрировавшего под почву. Розовыми цветами цветет дикий лук, встречающийся здесь в большом количестве. Ветер теплый.

25/VIII ***Урочище Иче. Неточность карт.***

Встали в 4 ч. утра. Часть лошадей ночью и под утро сорвалась с коновязи и ушла в горы. Пришлось послать конных в разных направлениях. Около 5 ч. утра лошадей доставили, и в 6 ч. мы тронулись.

Дорога шла сначала каменистым ущельем по руслу высохшей реки, теперь превратившейся в маленький ру-

чей, а затем песчаным плоскогорьем, покрытым кустарником и цветущим луком. Более трех часов лошади шли по рыхлому песку. Зной был очень силен, и потому, когда мы добрались до болотистого ручья и зеленой долины урочища Иче, Е.И. чувствовала большую слабость, едва прошедшую только к вечеру.

Мулы и верблюды пришли позднее нас, как и обычно. Из расспросов местных монголов выяснилось, что во время ближайшего избранного нами пока южного прямого направления через Цайдам по Нейчжи-голу на Нейчжи нам предстоят два верблюжьих перехода без воды по пустыне. На картах же вся центральная часть Цайдама заштрихована зеленым, что означает болота, между тем здесь встречается типичная безводная гобь, то есть пустыня. На картах высота урочища Иче обозначена в 11.040 футов, на самом же деле это совершенно неверно, так как даже долина, где мы стоим, имеет по высотомеру 9.600 футов, а горы – не менее 13.000 футов.

26/VIII ***Ожидание Чимпы. Формула вызывания Манчжушри. Сандаловое дерево Кумбумы. Подозрительный узбек.***

Ночь была теплая. Утро нежаркое, небо облачное; встали в 8 ч. утра. Ожидаем приезда тибетца Чимпы, старшего приказчика Далай-Ламы, который находится в Махае и должен присоединиться к нам в Иче с четырьмя людьми и грузом винтовок. Местность для стоянки приятная, пыли нет, так как лагерь расположен на луговине, окруженной водой; азиатский «химозной» высот умеряется влажностью воздуха и облачным небом.

Сегодня утром тибетец Кончок гадал при помощи небольшого костяного кубика, по сторонам которого начертаны буквы-формулы «вызывания бодисаттвы Манчжушри» – «арапацана»; желающий узнать свою судьбу бросал костяшку, и по букве, обозначенной на верхней стороне

кубика, отыскивалось значение этой буквы в особой книге гадания, имеющейся на этот случай. Всем выпал успех в пути. Тот же Кончок, как сообщалось ранее, гадает еще и по костям животных. В Кумбумском монастыре в Кукунорской области растет сандаловое дерево, на листьях которого появляются якобы чудесным образом буквы вышеозначенной формулы «вызывания Манчжушри».

В 6 ч. вечера пошел дождь, но быстро прекратился. Погода к вечеру прохладная. Приходили местные монголы с глазными и кожными заболеваниями. Около 7 ч. вновь пошел дождь; в это время прискакал с южной стороны какой-то человек довольно наглого вида, назвавшийся торговцем-узбеком, говорящий по-китайски, который повертелся около наших палаток, сообщил, что он приехал «просто так», и минут через пять опять ускакал. Нам всем фигура эта очень не понравилась. Подъезжая, он дважды воскликнул: «Аман, рушиенс!»[48]

27/VIII ***Е.И. читает Учения Востока. Золотоискатели.***

Ночью шел дождь. Утром солнечная, но прохладная погода, несмотря на то, что на солнце +24° С, а в тени +17° С. С утра лечим мулов и лошадей, стерших или набивших себе спины. В пути это неизбежное зло с вьючными животными вызвано отчасти неровностью почвы – восхождения и спуски с перевалов, – а отчасти желанием вьючных животных пощипать траву в пути.

Днем Е.И. долго читала нам свои записи бесед и наставлений Учителя Востока.

В 7 ч. вечера возвратился из Анси-чжоу Кобен, отвозивший на почту заказные письма. По дороге на Улан-дабане он встретил троих ушедших от нас бурят, которые, в ожидании возвращения монгольского посольства из Тибета, чтобы отправиться с ним обратно, пока занимались на дабане золотоискательством.

28/VIII ***Новое толкование границ территории Цайдама монголами. Китайские потаи. Характеристика Е.И., Н.К. и Ю.Н.***

Утро влажное, прохладное, небо облачное. Дошли слухи, что ожидаемый нами Чимпа выехал на рассвете из Махой-закха. Задержался он, очевидно, исполняя наши поручения по закупке кошм и продовольствия. Кошма здесь качеством гораздо ниже яркендской и хотанской, без узоров, которые придают туркестанским кошмам такой декоративный вид, – здесь они бывают только белого и розового цвета. Приехавший вчера вечером с Кончоком молодой монгол имел очень типичный для здешних монголов наряд, причем пальцы его были украшены широкими серебряными перстнями с крупными круглыми кораллами, на шее навешаны разноцветные четки в виде ожерелий, на левом ухе огромная тяжелая серебряная серьга, украшенная крупной бирюзой и кораллами; к черной ленте пришита туго заплетенная коса.

Местные монголы вопреки географической карте уверяют, что «Цайдам» (собственно, ца-дам – соленая грязь) – это местность от Иче, где мы стоим, до начала пустынной местности (гобь); дальше же, где на картах отмечено болото и идет Нейчжи-гол, это область Нейчжи. Таким образом, так широко обозначенная на картах область Цайдама ограничивается, по словам местных жителей, областью большого и малого цайдамских озер – Ихэ-Цайдамин-нор и Бага-Цайдамин-нор.

Ходили с Н.К. по направлению к горам, где течет Ичегол, быстрая речка, многоводная, с чистой, прозрачной водой и многими разветвлениями. На одной из небольших гор видели старый китайский, императорских времен, потай или дзонг, то есть придорожную башню. С противоположной стороны долины стоит другой потай. Обычно на китайской территории они стояли по большим дорогам через каждые десять ли[49]. Во время прогулки и после, у меня в палатке, много беседовали о тех удивительных яв-

лениях, свидетелем которых был Н.К., а также о будущем мировом строительстве. Вечер прохладный и тихий. Чимпа еще не приехал из Махая.

Е.И., как обычно, много занимающаяся днем в своей палатке рукописями, к вечеру, когда жара спадает и солнце на закате, гуляет около палатки или недалеко от лагеря с Н.К. или другими спутниками, обсуждая наиболее важные вопросы пути или проблемы мирового значения.

Н.К. любит быть в движении, даже во время остановок и в лагере совершает с кем-нибудь из нас дальние прогулки без видимого утомления; здоровье его продолжает быть хорошим, жару и холод переносит одинаково спокойно, принимая во всем живейшее участие, вплоть до расстановки палаток и распределения вещей.

Вдали показались пятеро всадников; предполагают, что ёдет Чимпа, но, кажется, и на этот раз это не он. Ю.Н. во многом подобен Н.К. – везде поспевает и усиленно занимается любимыми им военными трактатами и филологией. Любовь к военным наукам, в частности к стратегии, у него с детства, когда он целыми коробками покупал оловянных солдатиков и выигрывал сражения, состязаясь в игре со своим дядей, военным, загоняя его с остатками оловянной армии, потерпевшей поражение, между шкафом и комодом.

29/VIII ***Битва монголов с голоками. Приезд Чимпы. Боевые приемы голоков. Их опасность для нас у Нейчжи. Флаг Далай-Ламы.***

С утра уже более жаркая погода. Получены конфиденциальные сведения о том, что в районе Нейчжи монголы подверглись нападению со стороны голоков, причем убито 6 монголов и 5 голоков, число раненых неизвестно. Значит 29 винтовок, которые везет Чимпа, для нас являются приятным дополнением. С утра уже приехал тэйджи из Ма-

хая; вернулись наши запоздавшие гонцы, а утром, в половине одиннадцатого, с запада показался караван Чимпы. В 10 ч. 50 м. приехал тибетец с желтым истощенным лицом, весьма утомленный после непродолжительного пути. Говорят, что его давно уже мучит кашель. Когда отдохнет, исследуем его, не страдает ли он туберкулезом. Оказалось, что Чимпа заболел еще в Юм-бейсе, получив, по-видимому, воспаление правого легкого. Произошло это в декабре прошлого 1926 года во время жестоких зимних монгольских морозов и ветров. Его сопровождали четырнадцать лам-бурят, рекомендованных Агваном Дорджиевым. Несмотря на то, что они отправились в Лхасу с целью духовного усовершенствования, эта благая цель не помешала им угрожать больному Чимпе оставить его в пустыне и для пополнения средств каравана распродать груз Далай-Ламы. Таковы бывают свойства некоторых людей. После обследования у Чимпы обнаружено: застойные явления в правом легком, расстройство сердечной деятельности, отечность ног, катаральное состояние желудка, кишок и сильное истощение. По словам больного, он принимал какие-то монгольские лекарства, от которых ему стало хуже и которые вместе с полагающимися при этом служебными обрядами и гаданиями лам стоили ему четыреста янчан.

Тот же Чимпа, принимавший участие в нескольких войнах тибетцев с Китаем, о чем свидетельствуют сабельные рубцы на коже его головы и рубец в правом подреберье, рассказывал нам о военной или, вернее, разбойничьей тактике голоков. Во время конной атаки они начинают стрелять издалека и, если неприятель тотчас же отвечает им, это они считают признаком его малодушия и слабости. Поэтому следует их подпустить ближе и встречать залпом – уцелевшие разбегаются. По его предположению, встретить голоков можно уже начиная с Нейчжи. Кроме того, Чимпа рассказывал, что в Махае ходили слухи, что в Шарагольчжи прибыли «оруссо». Когда же туда

приехали китайские чиновники, то в Махае предполагали, что тунг-се (чиновник) «победит «оруссо», но «оруссо» решили воевать и остановились против китайцев». Местные монгольские власти, опасаясь за тунг-се, выступили якобы в качестве посредников и устроили перемирие. Так тунг-се и не мог победить «оруссо». Но сам Чимпа знает, что мы «америхан» и западные буддисты, и разъяснил монголам, что монголы находятся под китайцами, а Китай задолжал Америке, а потому «американы» не боятся китайцев. Так уже плетется местная легенда.

Завтра решили выступать не позднее 6 ч. утра, встав в 3 ч. ночи. Чимпу повезем на верблюде. Сейчас шьют желтый далай-ламский флаг, а наш каллиграф, старший лама Малонов, напишет на нем соответствующие слова по-тибетски – это будет у нас уже третье знамя. На знамени начертано: «Непоколебимый Держатель Молнии Далай-Лама. Слава Тринадцатому!»

Получено изображение Учителя.

Н.К. против узкой специализации в жизни – он говорит: «Делайтесь незаменимыми», то есть, другими словами, будьте всегда готовы ко всякой работе, не говорите, что не знаете ее или не можете, или не умеете.

Ю.Н., беседовавший с приехавшим сегодня Чимпой, сообщил нам, что Чимпа знает черного всадника-узбека, приезжавшего к нам на днях на короткий срок, без определенной, казалось бы, цели, «просто так». Чимпа знает, что он служил англичанам и имеет контакты с Тиен-Цзином. Характерно, что слуга этого узбека, китаец, хотел перейти к нам на службу, но узбек самым решительным образом этому воспротивился, в то же время предлагая ему уйти, но только не к нам. Чимпа сообщил также, что англичан в Лхасу не пускают, но что они очень хотели бы приехать. Вечером навестил Чимпу в его майханэ, и он сказал всем, что «теперь может умереть спокойно, так как груз Далай-Ламы находится в верных руках».

30/VIII ***Ихэ-Цайдамин-нор. Американский флаг. Область Шамбалы.***

Встали в 3 ч., ночь была влажная и холодная. Вышли из урочища Иче через реку Иче-гол в юго-восточном направлении к соленому озеру Ихэ-Цайдамин-нор (Большое Цайдамское озеро) в 6 ч. утра. Дорога сперва шла мимо реки по широкому каменистому руслу, затем перешли реку и вступили в гобь (пустыня), тянущуюся верст на пятнадцать до обширной зеленой долины, где находится большое соленое озеро.

Местоположение долины и озера чрезвычайно красивое – местами большие пучки высокой зеленой травы, в общем же трава невысокая. Почва болотистая, теперь сухая, местами неровная. Со всех сторон горы; в одном месте, к северо-востоку, снежная вершина. Озеро, расположенное ближе к югу, тянется в восточном направлении. На далеком противоположном берегу большие белые полосы соли. Вода сильно соленая, но приятная, без горечи. Высота местности 9.500 футов – на картах высота долин Цайдама вообще не обозначена.

Сегодня в первый раз выступили под американским небольшим шелковым флагом, укрепленным на пике, которую вез лама Л. на белой лошади. Впереди верблюжьего каравана был укреплен на древке упомянутый выше желтый флаг Далай-Ламы, Тринадцатого Властителя Тибета.

Приближаясь к *Священной Стране*, где многие искали *Беловодье*, блаженную страну, нечто вроде русского «Невидимого Града Китежа» в Керженецких лесах, будет весьма кстати вспомнить об упоминаемом в сказаниях о хождении в *Беловодье* названии «Богогории». Не богогорье ли это, то есть Бурхан-Будда (Бог Будда), гора, примыкающая к хребтам Го-шили, Толай и Гурбу-нейчжи? А дальше уже идут упоминавшиеся в этой связи «Кокуши» (хребет Кукушили) и «Ергор» – нагорье Чантанга. Ведь это все местности, ближайшие к северо-западной части Тибета, обозна-

ченные на картах под именем Бог-юл и простирающиеся до хребта Пржевальского.

Вся эта часть Трансгималаев, изобилующая гейзерами и вулканами, достигает порой более 20.000 футов и представляет «запретную область», где в неведомых европейцам и не досягаемых без разрешения местах находится местопребывание мирового правительства Гималайского Братства – область Шамбалы. Пора сказать об этом яснее, ибо сроки приближаются. Это та часть Тибета, известная понаслышке путешественникам, куда и со стороны Лобнора проводники не ведут, даже под угрозами смерти. Вспоминается, как многие люди, совершенно по существу своему непричастные к высокому понятию Братства или Шамбалы, неоднократно толковали о своем намерении проникнуть туда. Неужели они могли думать, что всеоружие знаний Братства недостаточно охраняет все входы от непрошенных? Припомним здесь еще по поводу сказаний о пути в *Беловодье*, что, согласно им, дорога от Иртыша и Аргуни лежит через озера, под которыми может быть понимаема или область Лобнора, или, еще вернее, цайдамские озера.

Вечером ходили с Н.К. к соленому озеру; видели богатейшие залежи лечебной грязи. В будущем это место может быть прекрасным азиатским курортом. Вчера сделали метки верблюдам с помощью извести – одним слева на шее знаки «свастики», другим – на левом бедре круги. Погода сухая и теплая, днем жарко, к вечеру прохладный ветерок.

31/VIII ***Цайдамин-байшин. Слухи о Таши-Ламе. Ядовитые змеи. «Доктор метафизики». Монголы говорят о картине Н.К. «Ригден-Джапо».***

Вышли в 5 ч. 30 м. утра. Ночь была нехолодная. Шли почти все время вдоль озера к востоку. Утро прохладное.

В долине пасутся многочисленные стада князя, в том числе стада коров, что среди южных монголов редкость ввиду плохих пастбищ, прокармливающих лишь менее прихотливых животных – верблюдов, баранов и коз. В Цайдаме уже есть возможность держать табуны лошадей и стада коров.

В 8 ч. утра сделали остановку, так как приходится считаться с условиями наличия воды и травы. Расположились около так называемого «цайдамин-байшин», то есть цайдамского молитвенного дома, представляющего ряд одноэтажных глиняных построек. Среди них часть жилых помещений, торговых складов и небольшой, обнесенный оградой буддийский храм красной секты. Наш гость, тибетец Чимпа, временно чувствует себя значительно лучше. Сегодня узнали, что Таши-Лама будто бы намерен вернуться в Лхасу, его вещи якобы уже прибыли в Кумбум.

Монголы предупреждают, что здесь много ядовитых змей. По дороге сюда монголы застрелили из кремневого ружья гадюку длиной около полутора аршин; змея серого цвета, на спине черный рисунок, брюхо белое. Приезжал тибетский лама, молодой мужчина, «доктор метафизики», из монастыря Морулинг, отличающегося «ученостью». В монастыре теперь около 300 лам.

В 2 ч. дня начался буран, продолжавшийся до 5 ч. дня; в палатку нанесло песка и мелких камешков; небо покрыто тучами, шел небольшой дождь; в горах выпал снег – покрыты все вершины. Приехавший лама среди других известий рассказал нам, что в прошлом году из Тибета выслано Далай-Ламой двадцать три тибетских офицера. Можно подумать, не за англофильство ли?

Докупаем верблюдов, лошадей и кошмы для седел. Вечером посетили больного Ч. в его палатке, нашли спящим и не стали тревожить расспросами. Днем он сообщил Ю.Н., что еще в Махай-закха слышал о написанной Н.К. картине «Ригден-Джапо»[50] – «Великий Всадник», или

«Владыка Шамбалы», поднесенной им в Урге монгольскому правительству.

Получены сведения, что приехавшим в прошлом году в Тибет трем английским офицерам так и не удалось увидеть Далай-Ламу.

1/IX ***Безымянный перевал. Тарантулы.***

Ночь холодная. Встали в 3 ч. при свете звезд. Слабая белая полоса на востоке показалась в 5 ч. утра, когда седлали лошадей. Выходим в 5 ч. 30 м. до восхода солнца, пользуясь утренним холодком. Дорога шла к югу по болотистой долине, в это время года сухой, среди огромных отдельных пучков высокой травы, достигающей головы всадника. Далее дорога повернула к горам, под ногами песчаная почва. В горах шли широким песчаным ущельем среди древних базальтовых скал. Перед самым подъемом ущелье сузилось, и мы взобрались на перевал мимо причудливых и острых базальтовых скалистых камней. Наверху – два больших óбо, то есть кучи камней с черепами и рогами животных. По дороге к горам, в долине, видели несколько стад серн (зеренов). Здесь они непугливы, и, если б не наши собаки, мы могли бы близко подъехать к ним. После перевала дорога шла около часа по отлогому красивому ущелью в зеленую долину урочища Табун-плисун, недалеко от Малого Цайдамского соленого озера – Бага-Цайдамин-нор. Остановились у болотистой речки, теперь почти высохшей; почва солончаково-болотистая, со скудной невысокой травой, теперь сухая. Во время установки палаток нашли большого рыжеватого тарантула, почти вдвое больше черных тарантулов, водящихся на юге России.

Ч. выпил вчера вечером кумыса и чувствовал сегодня утром вздутие желудка. В общем, самочувствие его пока

удовлетворительное, чего, конечно, нельзя сказать об общем его состоянии, которое вообще безнадежно.

Е.И. и Н.К. прекрасно перенесли путь. Ю.Н., как всегда, везде поспевает и раньше всех встает, оказывая нам своим знанием тибетского и монгольского языков неоценимые услуги – без него было бы трудно и в пути, и на стоянках. Для Н.К. и Е.И. он незаменимый сотрудник. На стоянку прибыли в 10 ч. 30 м. утра; верблюды пришли на три часа позднее. Вчера остановились на высоте 9.700 футов, сегодня – 9.800 футов; перевал свыше 10.000 футов. Днем на солнце было жарко; в 5 ч. 15 м., отдохнув, измерили температуру воздуха – оказалось, что, когда жара спала и подул прохладный ветер, температура снизилась и термометр показал +25° С.

2/IX ***Неудачный день. Пропажа части табуна. Стоянка Далай-Ламы. Состав каравана. Дворяне Тэйджинера.***

Сегодня неудачный день. Ночь была теплая. Встали в 3 ч. утра. К 5 ч. утра оказалось, что не могут найти большинства мулов и лошадей – проспал торгоут-погонщик, и животные ушли обратной дорогой в горы. Очень странный случай, так как не в обычае животных, идущих с людьми издалека, уходить от пастбища в бесплодные базальтовые горы, где к тому же водятся хищные звери всех родов, до леопарда включительно. Вчера вечером около палаток прохаживался какой-то неизвестный монгол. Здесь кража животных возможна. В 6 ч. 30 м. выехали верхом на других мулах и лошадях; к сожалению, пропали одни из лучших. Два цайдамских монгола и тибетец Кончок говорили, что сегодня пути верст двадцать по направлению к горам, а затем предстоит длинный безводный переход.

Стоянка ожидается у гор с обильной и хорошей водой. Остановились ровно через полтора часа, в 8 ч. утра, прой-

дя шагом верст шесть по сухой в это время года местности и через небольшую чистую речку. Подошли к болотистой луговине и стали на возвышенности. Проводники-монголы уверяют, что здесь стоял Далай-Лама и что эта вода в болоте здесь самая лучшая (усу сен бена) и чистая, которую нам придется набрать на безводный путь, и что дальше нет никакого лучшего источника питьевой воды.

Спрашивается, зачем же мы вставали сегодня так рано, зачем шли, чтобы уже через полтора часа, пройдя лишь около шести верст, остановиться у болота? Лучше было бы набрать воды на предыдущей стоянке и пройти большое безводное пространство. Н.К. и раньше все время был против кратких переходов, только выматывающих людей и животных погрузкой, разгрузкой, установкой и свертыванием палаток и вещей; такие переходы только растягивают путь, утомляют всех и вносят дезорганизацию в караван. Ведь для путешественников, привыкших даже к ежедневной девятичасовой тряске на верблюдах, которым шести-семичасовой переход на лошадях неутомителен, два-три часа пути шагом кажутся уже пикником или прогулкой, особенно мне в таком удобном седле, как мексиканское, и на «Сером», идущем спокойным шагом или небыстрой иноходью.

Вчера вечером Чимпа, несмотря на наше внушение по поводу выпитого кумыса, съел пельмени, приготовленные для него его соплеменником Кончоком. Сегодня нам сообщили, что у него опять болит живот. Зашли с Н.К. к нему в майханэ и застали его вкушающим, как ни в чем не бывало, старый тибетский сыр, крупинками, отдающий прогорклым маслом; тут же в чашке стояла сухая цампа. Между тем он должен пользоваться лишь диетическим столом – ему отпускаются суп, сухарики и рисовая каша.

При установке палаток обнаружили на земле большого черного тарантула. В 2 ч. дня привели восемь беглецов-мулов и четырех лошадей, ушедших на бывшую стоянку

«Цайдамин-байшин». Каждый день в караване случаются мелкие травмы, преимущественно это порезы пальцев рук при неосторожном пользовании ножами или другими острыми предметами, а также иногда ушибы. Особо тяжелых случаев ранений пока не было.

Караванщиком теперь тибетец Кончок. За всем транспортом и хозяйством, кроме Кончока, наблюдают П.К. и Г. За охрану каравана отвечают, чередуясь между собой, Ю.Н. и Н.В., распределяя и наблюдая за ночными дежурствами наших людей. В караване числится теперь девять человек европейцев – Н.К., Е.И., Ю.Н., К.Н., Н.В., П.К., Л., Р. и Г., два тибетца – Кончок и Чимпа, пять торгоутов, три монгола-халхассца, трое лам-бурят, трое монголов-цайдамцев и два местных монгола-проводника, а всего 27 человек.

Вчера мы узнали, что прошлым летом в Тэйджинере были какие-то иностранцы, снимавшие карты; население называет их «русскими». Из Тэйджинера они отправились в Синин, оттуда намеревались, по слухам, пойти в Тибет. Мы предполагаем, что это был германский путешественник Фильхнер[51], которого Н.К. встретил в прошлом 1926 году в Урумчи. Между прочим, в Тэйджинере существует дворянский совет из 30 дворян (тэйджи), который и управляет округом, очевидно, заменяя князя, и подчиняется сининскому амбаню Кукунорской области.

Сегодня занимались подсчетом всех животных в караване; оказалось наших – 23 лошади, 24 мула и 41 верблюд; кроме того, два нанятых верблюда до Нагчу, две лошади проводников и три собственные лошади наших людей, а всего в караване 95 животных. Из расспросов наших проводников и Кончока выяснилось, что следующий безводный переход предполагается для верблюдов в три дня, а для верховых лошадей в полтора дня или же в течение 14 часов.

Монголы предупреждают о наклонности мулов уходить на старые пастбища или к прежним хозяевам, поэтому их надо на ночь или привязывать к коновязи, или зорко стеречь. Ездившие за беглецами монголы сообщили, что видели много волчьих следов. Они предполагают, что ночью волки отрезали большую группу животных, ушедших от пастбища, и погнали их в горы. У одного мула оказались ободранными, по-видимому, о камни брюхо и ноги. В долине сейчас только одна юрта, и встречаются свежие костяки животных, вероятно, съеденных зверями.

Остальные лошади табуна разбежались ночью в две другие противоположные стороны. Волки охотятся на животных стаей; так же охотятся и рыси. Н.В. и Г. видели подобную охоту рысей на диких коз, когда несколько рысей с разных сторон гнали их. Возможно, наши лошади испугались куланов, которых мы видели днем, когда они бродили табунами около нашего лагеря. Лошади их боятся, и потому монголы при приближении куланов к табуну стараются испугать их выстрелами. В 2 ч. дня на солнце, при прохладном ветерке, было +23° С – здесь считается это прохладным днем. Находимся все в той же долине меж гор, что и вчера; перешли только ближе к противоположному склону.

3/IX ***Тарантулы, змеи, барсы.***
Двое лам с шестью лошадьми присоединяются к нам.

Утро солнечное, прохладное благодаря холодному ветру. Около моей палатки лама Бухаев нашел бурого тарантула. Считаю, что боязнь тарантулов преувеличена – тарантул вял и медлителен, не любит далеко уходить от своей песочной норки, сидит неподвижно на одном месте, когда его трогают. Чтобы он укусил, надо его придавить рукой или обнаженной ногой. Людей он не боится, так как, очевидно, о вреде им не помышляет.

Большая часть видов змей никогда не нападает на человека, всегда старается уступить ему путь и только, когда он наступит на нее, защищается, кусая. Много раз около спящих людей находили змей, даже на их груди, однако змеи не кусали их до тех пор, пока человек не предпринимал каких-либо агрессивных действий. Змея агрессивна только на охоте. Я видел, как черная гадюка (Vipera nigra) охотилась за небольшой лягушкой – это было на Черноморском побережье; а человек ей мало интересен.

Точно так же и боязнь диких зверей преувеличена – зачем, например, волку подвергать себя опасности нападения на человека, когда он питается мясом барана, коровы и лошади и на них охотится? О многом человек часто судит только по себе. Я не говорю, что человек должен быть неосторожен с ядовитыми насекомыми, гадами и с дикими зверями, но не следует их чрезмерно бояться, как это обычно принято. На Урале, около Екатеринбурга, встречаются барсы, и местное население не стреляет их, уверяя, что барс друг человека и любит его. Местные жители на Урале рассказывали Н.К., что часто барс сторожил сон заснувшего в дикой местности человека и уходил после его пробуждения. Поэтому, когда приехавшие как-то на Урал англичане задумали устроить на барсов охоту, местное население было чрезвычайно возмущено намерением охотников.

Где-то давно был описан случай, когда в Америке судили какую-то женщину судом Линча и привязали на ночь к дереву в лесу. На утро нашли около нее ягуара, который всю ночь, по ее словам, охранял ее от диких зверей. Женщина была освобождена.

Много говорили сегодня о взаимоотношении Учителя и ученика, а также о близлежащих к Братству местах, о которых сказано, что они начнутся за несколько переходов до Голубой реки (Дэчу, Янцзы-кианг).

Ввиду предстоящего длительного безводного перехода сегодня стоим на месте – необходимо дать отдых мулам и лошадям, в особенности убегавшим вчера и гнавшимся за ними. Верблюды с грузом ушли в 6 ч. утра. Остались палатки, постели и самые необходимые вещи, которые погрузим на мулов. Вчера прибыли двое лам с шестью лошадьми – присоединяются к нашему большому каравану в Тибет, будут нам помогать в пути стеречь животных. Таким образом, с сегодняшнего дня в караване числится 29 человек и 101 вьючное и верховое животное; кроме того, имеется 16 баранов и две собаки. Выходим завтра в 5 ч. 30 м. утра.

4/IX ***Бага-Цайдамин-нор. Пустыня. Безводье. Опасная тропа среди цайдамских болот.***

Вышли в назначенный вчера час. Шли сначала песчаной местностью до побережья Малого Цайдамского озера (Бага-Цайдамин-нор), небольшого, но чрезвычайно красивого, расположенного в окружении гор и скал с песчаной почвой вокруг и растущими в одном месте у берега высокими кустами терескена. Для лечебных целей это соленое озеро не менее ценно, чем Большое Цайдамское, так как находится в сухой песчаной местности и имеет большой запас лечебной грязи. От озера направились далее в песчано-каменистое ущелье гор Хоргольчжин-ул, по местному монгольскому наименованию. Монголы говорят, что в этих горах имеется железо. После перехода гор открылась необозримая песчаная равнина, почти без всякой растительности, покрытая мелкой галькой. Н.К. говорит, что пустыня эта напоминает Такламакан в Туркестане, но только там вместо гальковой гоби песчаные барханы.

В 12 ч. 50 м. дня остановились у речки с быстро текущей пресной водой. Монголы уверяли, что вода здесь соленая. По берегам речки растут высокие кусты терескена;

на песчаной почве, с редкими кустами терескена, разбросаны крупные камни. Предполагаем после 5 ч. дня двинуться дальше, догонять наших верблюдов и искать пастбища для лошадей. Высота местности 8.700 футов. Погода солнечная, но дует освежающий ветер. По случайности не захватили с собой воды в бидонах, круглой, зонтиком, обеденной палатки и продовольствия. Все это, погруженное на мулов, осталось на месте, а проводник, который должен был вести их за нами, привел мулов, нагруженных другими вещами. Предполагали, что переход будет около четырнадцати часов, а теперь проводник говорит, что если будем идти даже всю ночь, то придем на стоянку в середине дня.

Вчера вечером в палатке Людмилы и Раи оказались три тарантула – два взрослых и один молодой – все они были убиты Ю.Н. Около своей палатки Н.В. также убил вечером большого тарантула. Вновь прибывшие двое монголов-лам нашли у себя в палатке двух тарантулов и выбросили их. Места эти безлюдны; кроме куланов и ястребов, мы не встретили в этот переход иных живых существ. Вчера вечером на стоянке видели у болота удода и куличков. Сегодня где-то в горах кричала выпь. Встретили двух ехавших нам навстречу монголов, сообщивших, что в месте предполагавшейся нами далее стоянки теперь воды нет; будет она дальше, для чего придется идти всю ночь и полдня.

У речки напоили лошадей, подкормили их горошком (борцик), сами отдохнули и подкрепились corned-beef'ом[52] и чаем, а в 5 ч. 10 м. вечера продолжили свой путь. Дорога долго шла (часа три) по более безжизненной пустыне, чем Гоби, – почва усеяна мелкой галькой без всякой растительности; попадаются трупы верблюдов. Далее после большого песчаного бархана пошел песок, потом при свете луны шли по солончаковой почве, пока не достигли около 11 ч. вечера узкой верблюжьей тропы среди солончакового болота, теперь покрытого полусухой корой. Почва по обе-

им сторонам тропы неровная, вокруг груды высохшей соленой грязи, между которыми вздымается растрескавшаяся от жары соляно-грязевая корка, под ней чистая соль, а ниже – жидкая соленая грязь, куда, вглубь болота, может провалиться человек и животное. Кроме того, болото изобилует ямами, покрытыми засохшей корой соли; ниже – жидкая грязь. Монголы предупреждали, что идти следует только по тропе во избежание гибели животных и людей. Здесь нет никакой растительности и видимой жизни – все мертвенно на большом пространстве. Около 1 ч. ночи, уже только при свете звезд, выбрались, наконец, из болота на более высокую местность, волнистую от растрескавшейся соляно-грязевой коры, хрустящей и обваливающейся под ногами.

5/IX ***Ночевка на солончаке.***
Первые европейцы, пересекшие Цайдам.
Конец собственно Цайдама. Виднеются тибетские горы.

Ночь холодная; кое-как постелили на холодной соляной корке пальто или одеяло и забылись сном от 1 ч. 30 м. ночи до 5 ч. утра. Быстро встали, выпили по кружке чая из термосов и в 5 ч. 30 м. двинулись далее. Почва все время грязесолончаковая, волнистая от треснувшей и покоробившейся корки, совершенно голая, безжизненная, насколько хватает глаз. Верблюды прошли ранее нас, а грузовые мулы, шедшие сзади, прошли, не останавливаясь, когда мы в 1 ч. 30 м. ночи расположились на короткий отдых. Немного отъехав, встретили проводника-монгола и грузового мула с окровавленными передними ногами у копыт. Дорогой у мула съехал груз, мул испугался и помчался вскачь в сторону, ободрав о неровную почву ноги, – можно идти только по верблюжьей тропе, так как корка проваливается.

Около 10 ч. утра на горизонте обозначились какие-то кусты, и мы подумали, что это высокий терескен и там же имеется вода. В 11 ч. 30 м. остановились у первых кустов, оказавшихся туей, воды нет. Высота стоянки 8.700 футов. День безветренный, солнце палит, нет сил ехать дальше и опасен этот «химозной» солончаковой пустыни, которая во много раз хуже Гоби. Мы первые из европейцев отважились пересечь цайдамские грязи и солончаки, тогда как обычно идут обходным путем или с востока, или с запада, где недалеко друг от друга расположены источники питьевой воды, так как это близко от гор. Здесь же путь ненадежен, воды и травы может не оказаться, а после муссонов, в июне и в июле, вероятно, в особенности непроходим в силу полного заболачивания почвы, страшной жары, палящего солнца и целых полчищ комаров, мошек и слепней, о чем говорят монголы.

На этой безводной остановке понемногу напоили лошадей водой из бензиновых бидонов, дали немного борцика и покормили зеленью здешней туи. Часть из нас вместе с грузовыми мулами, во главе с Н.В. и П.К., отправилась далее, до первой воды и травы, так как монголы уверяли, что это место совсем близко. Мы же – Н.К., Е.И., Ю.Н., я, Людмила и лама Ламаджан – остались на месте под прикрытием палатки и кустиков туи пережидать палящий зной.

В 6 ч. 10 м. вечера двинулись далее в сопровождении приехавшего за час до этого с новой стоянки торгоута Очира. Там нас уже ожидали наши люди, верблюды, мулы, вода и пастбище. Проводники-монголы, очевидно, плохо знали путь, только по редким доходившим слухам, так как ни разу не сообщили нам каких-либо точных данных о предстоящем пути, иначе бы мы его распределили гораздо лучше и безопаснее для животных и людей. Погубить животных в пустыне очень легко, и еще в прошлом году один монастырский нерва, шедший с караваном из Тибета через Тэйджинер на Махай-закха, потерял всех

животных. Минут через пять хода за кустами оказалась обильная трава, о которой мы не подозревали, лошади же и мулы наши были все время привязаны к кустам и голодали. Животные с жадностью набросились на траву; рвали и набирали полные рты травы, оказавшейся мелким камышом или какой-то болотной травой, частью цветущей метелками. Видимо, здесь была летом вода (так и монголы говорили), но теперь высохла.

Далее шли сперва по луговинам болотной травы, потом по тонкому, влажному солончаку и наконец опять по сухой грязесолончаковой тонкой и мелкой корке без всякой растительности. Змей на всем этом пути мы не видели; возможно, на этом солончаке, почти без всякой жизни, они и не водятся. В 8 ч. 30 м. вечера подъехали к стоянке, еще издали ориентируясь, благодаря заботливости Н.В. и П.К., на три фонаря, расставленных на возвышенности стоянки в виде равностороннего треугольника. В 10 ч. вечера разошлись по палаткам на отдых. Трудный для путешествий Цайдам после соленых озер сменился зеленеющей равниной; ясно виднеются тибетские горы. Озеро Дабасун-нор мы миновали с левой стороны, то есть прошли близко от него с восточной стороны, видя его сверкание на горизонте.

6/IX ***Вести с тибетских гор. «Шаля». Нападение голоков на монголов. Военные приготовления. Медицинские соображения.***

Встали в 9 ч. утра. День солнечный, но с ветерком. Почва болотисто-солончаковая, покрытая редкой травой, издали сплошь зеленая. Возможно, что трава ближе к горам становится гуще. Имеется речка. Значит все условия для стоянки налицо. Сегодня отдыхаем.

Тибетские горы принесли нам весть, подтвердившую и дополнившую наши сведения о монгольском посольстве.

Последнее дошло сначала до Нагчу, где было задержано до получения разрешения из Лхасы двинуться далее. В это время оно усиленно распространяло сведения, что едет просить Далай-Ламу о назначении для Монголии гегена. Через месяц пришло разрешение приехать в Лхасу, где посольство якобы тотчас же обрело другое лицо и было арестовано.

Только что пройденная нами после цайдамских соленых озер с окружающей их болотистой почвой («цадам» – соленая грязь) местность, совершенно безводная и без всякой растительности, покрытая хрустящей под ногами серой соляно-грязевой коркой в это время года, называется монголами «шаля». Таким образом, в том месте, где на картах написано «Цайдам» и все заштриховано зеленым цветом как сплошное болото, следовало бы обозначить свойства почвы точнее и правильнее. Ошибка в обозначении характера местности одной сплошной зеленой штриховкой объясняется, по-видимому, тем, что европейцы не были в центре «Цайдама», и на карту занесено все понаслышке от монголов, большинство которых тоже знает местность лишь по рассказам немногих монголов, здесь проезжавших, так как все это пространство безлюдное и мертвое – на несколько дней пути нет ни растительности, ни живого существа, ни юрты; повторяю: эта местность гораздо пустыннее Гоби или Шамо. Под именем «гобь» здесь разумеется вообще пустынная местность, покрытая галькой. «Шамо» – это пустыня с большими песками.

Где-то далеко отсюда у тибетских гор оказалась монгольская юрта. Приехавшие монголы рассказали, что месяц назад они встретились в горах по направлению к Нейчжи с голоками – в стычке убито шесть монголов и четверо голоков, один голок ушел. Голоки – тибетское разбойничье племя, и сами себя называют «псами». Некоторые обитатели Тибета называют их «дикими псами».

День проходит в военных разговорах и снаряжении на случай стычки – чистке винтовок, карабинов и револьверов, раздаче патронов, в том числе с разрывными пулями, распределении ролей и установке порядка в караване на случай стрельбы и нападения. Все идем вместе – верховые, мулы и верблюды. Выступаем завтра на рассвете в горы, идем через ущелье, где могут ожидать голоки, прекрасно обо всем осведомленные через своих разведчиков.

Все отдохнули. Чимпа также чувствует себя хорошо. Прежде ощущавшегося мною в его палатке сладковато-кислого запаха выкуренного китайского табака с опием я не заметил. Пульс спокойный, ровный; отеки на ногах исчезли, вид бодрый; просил его не курить и есть только то, что я ему разрешил.

Е.И. и Н.К. бодры и здоровы – быстро превозмогают утомление; дорогу переносят хорошо; для Е.И. вреден только зной и палящее солнце Средней Азии с его обилием химических ультрафиолетовых лучей – «химозной», как мы его называем. С медицинской стороны все готово даже к принятию сражения, дополнять чем-либо имеющееся в повседневном распоряжении в пути не приходится. На седле в двух сумках имеются все необходимые медикаменты в тинктурах, таблетках и мазях, перевязочный материал и пластыри, а также в отдельном ящике большой голландский набор медикаментов в таблетках, очень целесообразно составленный, который привез Н.В. из Китая. Кроме того, имеются два яхтана: один – с набором инструментов для хирургических операций, перевязочным материалом, ампулами различных средств для подкожных впрыскиваний, дезинфекционными средствами, мазями и прочим; другой – с внутренними средствами: сердечными, желудочными, жаропонижающими, слабительными, кровоостанавливающими, снотворными, возбуждающими и так далее. Все это взято в большом разнообразии и разложено специально по отделениям с надписями, обозначающими

ту или иную группу внутренних средств. В двух больших специальных чемоданах везем запасы медикаментов, специальных инструментов и перевязочных материалов русского, германского и американского производства. Отдельная аптека с набором средств исключительно американской фармакопеи помещена в особом специальном ящике.

Мы идем большим караваном вот уже с 13 апреля, то есть почти пять месяцев; пройдем, как думаем, еще около месяца, считая остановку в Нагчу, или немного более, но надеюсь, что медикаментов хватит, благодаря целесообразному и бережному их расходованию, в чем мне помогают и Н.К., и Е.И., иначе приходившие монголы быстро бы истощили все наши запасы. Я ставил им диагноз, давал разъяснение причины и сущности болезни, оказывал медикаментозную помощь и давал совет на дальнейшее время. Много болезней у монголов от непривычки умываться или соблюдать чистоту – ни лица, ни головы, ни тела не моют; в их языке нет понятия «полотенце». Глаза протирают грязными пальцами – отсюда постоянный, хронический конъюнктивит – воспаление слизистой оболочки. Большинство нюхает табак с примесью золы – отсюда заболевания дыхательных путей.

7/IX ***Буран-гол. Форели. Осенний перелет птиц. Голоки. Опять о неточностях карт. Ядовитость рыб Тибета. Горная вода и зоб.***

Вышли в 6 ч. 15 м. утра. Ночь была теплая; встали в обычное теперь время, то есть в 3 ч. ночи. Лишь в 5 ч. 30 м. начинается рассвет. Шли почти все время долиной среди зеленеющих лугов, мимо реки Буран-гол и юрт, расположенных на расстоянии около 5 часов пути от тибетских гор, откуда бежали монголы от голоков, оставив поля и пастбища у самых гор. Около двух часов путь лежал по песчаной возвышенности, заросшей большими кустами,

напоминающими тую. В 10 ч. 30 м. пришли на луговину упомянутой выше реки в урочище Бура. Вода в реке чистая, прозрачная, в омутах плавают крупные форели. По дороге видели на реке много уток. Третьего дня пролетели через Цайдам на юг гуси, сегодня летели утки. Лягушек ни в Монголии, ни здесь я не видел. Гуси и утки, останавливаясь здесь, питаются, вероятно, травой и мальками рыбы, которых много плавает в реке.

Самочувствие Чимпы хорошее, появился сильный аппетит, силы прибывают. Высота местности 8.950 футов – опять приближаемся к горам, до которых осталось часа три пути, то есть около пятнадцати верст, ясно видимых впереди нас. Один из лам, как мне сообщили другие ламы, вчера объелся бараниной и потому сегодня утром по дороге его стошнило. На высотах нельзя переедать во избежание рвоты, приливов крови к голове и одышки. Все мы, европейцы, совершенно не испытываем никаких последствий высоты, между тем как монголы, не соблюдающие правил питания, часто жалуются и в горах, и на плоскогорьях на «угар» и головную боль.

Температура воздуха сегодня в 2 ч. дня +26° С на солнце. У здешних монголов пасутся многочисленные стада коз, баранов, коров и лошадей. Идем здесь абсолютно свободно многочисленным караваном людей и животных, пасем последних, где хотим, – земля здесь общая, принадлежит всем, кто хочет ей пользоваться. Точных государственных границ между Монголией, Китаем и Тибетом в сущности нет. Животные наши все пока здоровы, за исключением одного верблюда, намявшего ноги. Н.К. замечает, что такой караванный поход возможен только в восточных странах. Вздумай мы проделать это где-нибудь в Европе, то было бы много хлопот, судов и штрафов за потраву казенных и частных лугов.

Согласно местным обычаям, Н.К., как начальник экспедиции, в случае военных действий при нападении го-

локов делается главным военачальником, Ю.Н. и Н.В. – его военными помощниками. Начиная с этой ночи и до встречи военных тибетских разъездов после Нейчжи, мы должны быть бдительны и очень осторожны. Монголы говорят, что племя голоков многочисленно и насчитывает около 70.000 юрт или около 700.000 человек.

Завтра предполагаем пройти три часа и сделать остановку у самых гор. Трое наших пернатых путешественников здоровы; обе курицы иногда несутся прямо в пути, в клетке, устроенной из ящика; они переезжают на верблюде поверх поклажи, а приехав на место, их сейчас же выпускают на свободу. Тумбал и Амбал их не трогают. Сейчас два торгоута и Кончок гонялись по речке за довольно крупным чирком, почему-то не способным летать, и наконец изловили. Его оперение голубовато-серое, узкая голова и вытянутый клюв. Пустили его обратно в воду. Г. ушел вверх по реке искать омут, чтобы поймать форелей.

У нас особое ощущение приближения к «сказочной стороне», «таинственному Тибету», о котором англичане говорили, что сорвали с него в 1904 году покров таинственности. Врач английской военной экспедиции 1904 года, доктор Уодделл[53], сообщал в своей книге о том, что какой-то высокий лама лично ему говорил, что «тибетский народ бедный, в монастырях, кроме служебных книг, ничего нет, и искать в Тибете нечего». Предоставляю лицам, знающим Тибет и многое, с его именем связанное, судить, насколько это заявление отвечает действительности. Вспомним, кстати, показания старых иезуитских миссионеров, так противоречиво рисующих внутреннюю жизнь Тибета и его значение. По поводу искренних или своекорыстных исканий Н.К. замечает: «Откройте бережно дверь каждому, искренне стучащемуся, но не тащите насильно за волосы в рай». По образно-восточным выражениям Н.К. чувствуется, что какие-то его предшествовавшие жизни (воплощения) дол-

жны были проходить на Востоке, в частности, может быть, в Тибете.

Текущая перед нашими палатками речка Буран-гол, полная рыбы, не значится на карте, хотя и простирается на десятки верст и не пересыхает в своих зеленых берегах; она – приток обозначенной на русской карте пунктиром реки Нейчжи-гол у Дабасун-нора. Пунктир, надо думать, означает то, что Нейчжи-гол не исследована. Вообще при составлении карт неизвестных местностей следует быть добросовестнее. Невольно бросается в глаза параллель между сплошь заштрихованным и покрытым зеленой краской Цайдамом и местностью от Махой-закха к Тэйджинеру, сплошь покрытой коричневатой краской, тоже, видимо, неисследованной, так как там должны быть колодцы и урочища.

Вечер теплый; все тихо и освещено лунным светом: и речка в зеленых берегах, и мирно пасущиеся на лугу в долине животные. Г. вернулся около 8 ч. вечера, не поймав форелей, сорвавшихся с крючка. Приближаясь к Тибету, следует знать, что там не едят рыбы; думается, что не столько из-за религиозных побуждений, так как это страна голодная, сколько из-за опасения отравиться – рыбы Тибета ядовиты. Обилие заболеваний зобом в некоторых местностях Тибета указывает на необходимость соблюдения осторожности при употреблении сырой воды.

8/IX ***Монголы-земледельцы. Продвижение к Нейчжи. Ара-Толай.***

Ночь прохладная, ветреная. Утром небо обложено тяжелыми тучами, холодный ветер; в окрестностях дождь. Речка наполнилась водой, сбегающей с гор. Предполагаем начать грузить верблюдов в 2 ч. 30 м. дня, чтобы выступить не позже 5 ч. дня в сторону гор. В 10 ч. 10 м. утра проглянуло солнце; горы скрыты в тумане и облаках. Вчера упоминалось о полях у подножия гор, которые оставили монголы, бежав от голоков; это первые кочевники-монголы,

занимающиеся и скотоводством, и земледелием, которых мы встретили только у предгорий тибетских хребтов.

Около 2 ч. дня начали погрузку мулов и верблюдов, выступивших в 2 ч. 40 м. пополудни. В 4 ч. 10 м. дня вышли и мы, то идя по долине, где течет Буран-гол, то поднимаясь на возвышенность с песчаной, иногда солончаковой почвой, покрытой колючими кустами, которые едят верблюды. Сейчас эти кусты сплошь усыпаны спелыми черными ягодами с косточкой, приятного освежающего солоновато-сладкого вкуса, несколько напоминающего арбуз. Из этих ягод монголы приготавливают вино. Слюна окрашивается соком ягод в светло-фиолетовый цвет. Тут же растут другие низкие кустики, напоминающие можжевельник с более крупными черными ягодами вроде черники, но более плоскими, с мелкими зернышками, сладковатые, но поначалу менее приятные. Соком этих ягод, темно-фиолетовым, как чернильный карандаш, монголы красят различные предметы и, может быть, материю. При нас монгол захватывал полными горстями эти ягоды и красил их соком свое седло в фиолетовый цвет. Остановились в 6 ч. 50 м. вечера в долине у ключа Ара-Толай. Высота местности по-нашему высотомеру оказалась 8.500 футов.

9/IX ***Панаги. Нападение их на монголов. Съедобные ягоды и лакричный корень. Нейчжи-гол. Испуганные караванщики. Отдых на песке.***

Встали в 8 ч. утра. День обещает быть жарким, поэтому предполагаем выйти к вечеру, пустив караван вперед. Выясняется, что нападение на здешних монголов осуществили семь человек-тибетцев племени панага-сум, которых встретило около пятидесяти цайдамских монголов, одержавших над панагами[54] верх.

Чимпа чувствует себя пока лучше благодаря уходу, понемногу оживает в дороге и, приближаясь к родной стране,

сбрасывает с себя те тяжелые воспоминания, которые связаны у него с путешествиями в Халку, где два его каравана были ограблены один раз шайкой Дже-ламы, другой раз, по его словам, какими-то войсками.

Сегодня с утра выясняли точное количество дней, необходимое нам для перехода до Нагчу, причем насчитали все-таки 28 дней, то есть почти на неделю более ранее предполагавшегося срока. В связи с этим встал вопрос о недостатке некоторых продуктов и, главным образом, муки и чая. Говорят, что останки убитых панага-сум где-то до сих пор валяются при дороге. Н.К. отмечает странность, что сородичи убитых до сих пор не приехали, по обычаю, за их телами. Не скрыто ли в этом приготовление к чему-то дальнейшему?

Вчера вечером, когда разбивали лагерь, Ю.Н. и Н.В. подробно осматривали местность для наиболее удачной расстановки караулов. За ночь никаких тревожных признаков не было. Сопоставляя сведения о вышеупомянутой стычке со сведениями, ранее до нас доходившими, следует предположить, что в этой местности происходил ряд стычек, что особенно становится понятным и возможным, так как за последние три года регулярные тибетские войска были сосредоточены вместо района Нейчжи в районе Синина.

Недалеко от нашей стоянки, в урочище Ара-Толай, растет лакричный или солодковый корень. Монгол Циринг набрал целую охапку кустов лакрицы и теперь очищает светло-желтые, внутри мягкие, свежие корешки неприятно-сладковатого вкуса. Сегодня все мы ели вышеупомянутые ягоды, и трое из нас в большом количестве – никаких расстройств или последствий от них не заметили, что подтверждает съедобность тех и других.

Выступили в 5 ч. 50 м. вечера, отправив мулов и верблюдов на два часа ранее. Шли сначала по каменистому сухому широкому руслу, заросшему кустарником, напоминающим тую. Далее дорога пошла по песчаной, совершен-

но оголенной возвышенности, местами покрытой галькой, и вскоре мы услышали шум быстро текущей горной речки Нейчжи-гол и увидели вдали огонь костров нашего каравана. Подъехав ближе, при свете почти полной луны мы увидели караван разгруженным, а караванщиков готовящимися пить чай. Оказалось, они боялись идти ночью в тибетские горы ущельем. Приказав, к их неудовольствию, вскоре выступить за нами, мы отправились далее в горы и ровно в 12 ч. ночи вступили между величественных острых скал в ущелье, вернее, широкую долину меж массивных гор на территории Тибета. Пройдя еще немногим более часа, остановились слева у гор на песчаной почве и расположились в шубах на песке на краткий отдых.

10/IX ***Величественные тибетские горы. Крутые и опасные спуски. Шакин-гол. Тибетские антилопы и козы. Стоянка у Нейчжи-гола. Урочище Цаган-Толай.***

Ночь была не слишком холодной, но положение наше на неровной почве было не слишком удобное. Встали около 6 ч. утра и, не дождавшись каравана, остановившегося, как мы узнали, в пути, двинулись в 6 ч. 50 м. далее. Горы Тибета величественны своей массивностью, высотой, видом часто встречающихся снежных вершин и крутизной.По пути нам несколько раз приходилось спускаться в ущелье, где течет пенистый зеленоватый Шакин-гол, приток Нейчжи-гола, и подниматься вновь по крутизне. Каменистое русло реки Шакин-гола поросло высоким кустарником, откуда и название реки. Широкие ущелья между гор перерезаны пропастями, образуемыми размывом рек, с совершенно отвесными стенами; приходится спускаться и подниматься проложенными в некоторых местах крутыми извилистыми тропами. По дороге видели тибетских антилоп и диких коз, которых спугивали два наших монгольских пса.

В 12 ч. дня после обрывистого и опасного спуска, когда мы должны были сойти с лошадей, вновь достигли ущелья Шакин-гола, где отдохнули до 1 ч. 20 м. пополудни. Далее шли, спускаясь и поднимаясь через широкую песчаную и каменистую долину между гор, пока не спустились к шумящему по каменистому руслу Нейчжи-голу, заросшему кустарником и с небольшим запасом травы по берегам, в урочище Цаган-Толай. Ни юрт, ни людей за вчерашний и сегодняшний день не встретили. Высотомер наш более бесполезен, так как показывает только до 10.000 футов; здесь же даже русла рек находятся выше 10.000 футов. Решили завтра встать к 4 ч. утра и выступить не позже 6 ч. утра, хотя последний эшелон наших верблюдов пришел только около 8 ч. вечера, а два первых около 7 ч. вечера и в 7 ч.

11/IX ***Переправа через Нейчжи-гол. Ангар-Дакчин. Горные карнизы. Урочище Буту-Толай. Соображения о голоках.***

Встали в 4 ч. утра при свете полной луны и шуме горной реки, день и ночь катящей свои зеленовато-пенистые воды и камни, в котором ясно слышится густой основной тон звуков природы «фа», подмеченный еще в глубокой древности китайцами, и вновь недавно открытый европейскими учеными в звуках природы. Утомившиеся за предыдущий день, наши люди вставали медленно, удалось погрузить мулов и верблюдов только к 6 ч 45 м., когда мы и выступили, переправившись вброд на другой берег шумного и быстрого Нейчжи-гола в наиболее широкой, но мелкой его части – почти по брюхо лошадям. Собаки наши, хотя и привычные к переходам быстрых горных рек, сначала боялись, а потом благополучно переплыли реку. На другой стороне, чуть впереди брода, оказался кру-

той и извилистый подъем. Утро холодное, с ветром; особенно мерзнут ноги в стременах.

Шли песчаной каменистой возвышенностью по направлению высокой снеговой вершины Ангар-Дакчин (хребта Марко-Поло), ясно видимой отсюда дня за четыре пути. В двух местах пришлось проходить по краю пропасти, где шумит Нейчжи-гол. Сначала прошли сами, а потом монголы провели на поводу лошадей. Трое торгоутов, отличных наездников, проехали из молодечества по узкому карнизу рысью. Дорога все время шла вдоль реки, поросшей по берегам густыми зарослями кустарника. В 10 ч. 45 м. утра достигли урочище Буту-Толай в зеленой долине, где течет Нейчжи-гол, проложивший в ней каменное русло, окруженное густыми зарослями, местами с топкой почвой, рядом с протекающими ручьями.

Совсем близко, на другой стороне реки, паслись кианги (куланы), одного из которых тотчас же застрелили монголы, желавшие полакомиться вдоволь свежим ослиным мясом вдобавок к повседневной баранине, чаю и цампе. Съеденное мною ранее по незнанию куланье мясо через час явило свои последствия: сильную рвоту, – а затем, в течение нескольких дней расстройство кишечника. Другие ели, по-видимому, без всяких последствий и даже находили его вкуснее баранины. Известно, что ослиное молоко действует как слабительное, а на некоторых лиц даже как проносное средство. Возможно, что и мясо этих быстро бегающих животных ослиной породы, часто содержащее продукты утомления, может в некоторых случаях действовать послабляюще.

В 1 ч. 15 м. дня прибыли наши верблюды. По обыкновению груз развязывался и падал – грузят наспех в течение часа и не особенно заботливо и умело связывают и распределяют груз соразмерно его тяжести. Сегодня прошли, по-видимому, те самые карнизы над пропастью, ко-

торые под именем Куру-тоно описывал в столь мрачных тонах бурятский паломник Цыбиков[55]. По этому поводу Н.К. заметил: «Если эти карнизы вызывают такие серьезные опасения, то что же стали бы делать паломники по пути в Ладакх и через Каракорум?»

Относительно опасности со стороны голоков мнения в нашем лагере разделились – одни по-прежнему допускают эту опасность, другие же полагают, что она иссякла с переходом через Шакин-гол, вдоль которого голоки двигаются с востока на Тэйджинер. Вспоминая, что бродячие шайки голоков встречаются повсеместно и даже известны случаи ограбления базаров в самой Лхасе, полагать, что опасность встретить голоков уже миновала, было бы преждевременно. Кстати, Г. во время предыдущего ночного перехода видел останки трех убитых в стычке голоков.

К вечеру произвели осмотр наших животных на предмет нарывов и ссадин – лечат торгоуты с большой охотой и советуясь с нами. Наиболее всего пострадали мулы от плохих седел и два верблюда от неумелой погрузки.

Видели удодов и горных куропаток. По руслу реки в зарослях кустов обнаружили нечто вроде длинной беседки, проделанной куланами на случай ночлега и в особенности непогоды. На этой стоянке видели двух верблюдов и свежесложенный, но не зажженный костер.

12/IX ***Продвижение по Нейчжи-голу. Охота на куланов и яков.***

Встали в 3 ч. Ночь лунная, безветренная. Выехали в 6 ч. утра, верблюды же вышли вскоре после нас. Шли в направлении перевала Нейчжи вдоль по реке, много раз переходя вброд ее и ее разветвления, то поднимаясь на возвышенности, то вновь спускаясь к руслу реки. Один раз почти в начале пути пришлось идти по песчаному карнизу, подмытому водой. На одном из крутых песчаных спу-

сков ноги лошадей скользили по песку, и мне пришлось слезть с лошади и вести ее за собой на поводу. Торгоуты наши, видимо, страстные охотники, не упустили случая поохотиться за встретившимися куланами, но безрезультатно. Сегодня в первый раз увидели с близкого расстояния двух диких яков, пасшихся на горе. Была устроена охота, в которой участвовали два торгоута, Ю.Н. и П.К.; произвели три выстрела из винтовок, видимо, ранили одного из животных, но оба ушли. В 1 ч. дня прибыли в зеленую долину, где течет, извиваясь, Нейчжи-гол; здесь достаточно травы и кустов для наших животных. Верблюды пришли в 3 ч. 30 м. Почва в долине реки солончаково-болотистая – встали на маленьком полуостровке, ближе к горам, отделенном от луговины одним из рукавов Нейчжи-гола. Вся долина носит следы того, что здесь паслись куланы и яки, – много помета, а в кустах громадные рога яка с частью черепа.

13/IX ***Хребет Марко-Поло или Ангар-Дакчин. Приближение к Гурбун-Нейчжи. Неожиданная атака. Мирные переговоры. Первый снег. Обычаи панагов и монголов. Предосторожности и окопы.***

Встали в обычное время. Ночь нехолодная, небо обложено тучами. В 6 ч. 10 м. утра вышли, следуя вдоль русла реки сначала по солончаково-болотистой почве, затем – каменисто-песчаной и наконец – по песку. Дорогой нашли голову яка с рогами и шерстью; встречали много куланов. Миновали снеговой хребет Марко-Поло, или Ангар-Дакчин, с резко выступающей здесь снеговой вершиной. Впереди виднеется хребет Гурбун-Нейчжи, через который, как более удобный для перехода, мы предполагаем перейти завтра. Последний хребет представляет ответвление общего боль-

шого хребта Марко-Поло, который также придется перейти, но в более удобном месте, чем у Ангар-Дакчина.

Вдоль реки Нейчжи-гола оказались монгольские аилы; в ближайших из них имеется семь-восемь юрт и преимущественно большие стада овец. Е.И. еще издалека слышала лай собак, пока, наконец, мы не увидели в долине юрты и стада. Проехав их и спустившись с возвышенности в песчаную долину, мы увидели впереди плотную группу всадников, появившихся из-за противоположной возвышенности. Впрочем, предоставляю об этом моменте подробнее рассказать начальнику охраны нашей Миссии Н.В. как человеку военному: «Вдруг из-за холма впереди показывается плотная группа всадников, которая скрывается за следующим холмом. Проводник останавливается и кричит Ю.Н. по-монгольски: “Голоки, разбойники!” Показывая знаками, чтобы все следовали за ним, проводник мчится к реке и исчезает за холмом. Несомненно, в этих появившихся и исчезнувших за возвышенностью вооруженных всадниках есть что-то странное. Складывается вполне определенное впечатление, что они пытаются обойти и отрезать нашу конную группу от тыла. Впрочем, расстояние велико, вооружены мы отлично, и времени на разрешение боевой задачи достаточно».

Теперь, когда я совершенно спокойно могу взвесить все происшедшее, должен сказать, что благополучному исходу дела мы обязаны исключительно распоряжению посла. В первую минуту некоторой растерянности перед неизвестностью послышался его спокойный голос, приказывавший занять части людей указываемую им возвышенность. Ни один офицер генерального штаба не смог бы лучше разрешить эту задачу. Ни один боевой офицер не смог бы хладнокровнее распорядиться перед очевидной возможностью боя. Решение сразу обеспечило нам связь с тылом, прикрыло левый фланг и создало прикрытый отход к ре-

ке. Нападавших же это ставило под огонь и создавало опасность быть самим отрезанными от путей отхода. Это распоряжение посла, настолько ясное и противнику, и нам, предупредило кровопролитное столкновение, в котором, конечно, мы бы взяли верх, но которое могло повлечь за собой осложнения дипломатического характера по прибытии Миссии в Тибет. Все прошло на удачном маневре, первым моментом которого следует считать появление конной группы противника, наш поворот назад и занятие стрелковой позиции.

Второй момент – это окружение нашими всадниками остановившегося за холмом неприятеля и спешившегося в знак отказа от агрессивных действий. Когда я подъехал к противнику, картина приняла мирный характер. Оказалось, что это были или монголы, или панаги, вооруженные рогатыми ружьями (с козлами-рогатками), принявшие нас будто бы за разбойников. Они сказали это, взвесив, очевидно, преимущество нашего вооружения и сил. Тогда подъехали остальные и вступили в разговор. Воины имели довольно дикий вид, полуобнаженные, с косами и отчасти выбритыми головами; все, даже очень молодые, курили длинные монгольские трубки. Кроме ружей, была длинная пика, знак объявляемой ими войны, символизирующая здесь военный поход. Из их слов можно было понять, что они знали заблаговременно о нашем продвижении и будто бы, подумав, что мы разбойники, оповестили своих союзников о вооруженном походе. Сегодня должны собраться около шестидесяти их союзников. Отъехав от нас, эти люди подождали наш верблюжий караван и только тогда окончательно взвесили наши силы и, видимо, убедились, что мы действительно идем посольством к Далай-Ламе, как мы им и сказали. Обещали продать нам баранов и шерстяные веревки – привезут на нашу стоянку. Пику продать отказались, так как это их знак военно-

го похода против неприятеля, и сказали при этом, что копье – их друг.

В 10 ч. утра шел снег крупинками, несмотря на теплый день благодаря яркому солнцу. В дальнейшем из разговоров с этими монголами, а может быть, и панагами выяснилось, что еще на предпоследней нашей стоянке, то есть 11 сентября, от них была послана разведка. И действительно, мы нашли там двух верблюдов и свежесложенный костер и подумали, что где-то близко находится юрта, но во время дальнейшего пути никакой юрты не обнаружили. Что касается верблюдов, то они часто уходят пастись за десятки верст. Намерения монголов или панагов были серьезные – весь скот они угнали в горы. Сообщали, что на них якобы напали панаги и убили троих.

В 10 ч. 30 м. остановились в долине Нейчжи-гола, недалеко от перевала Нейчжи-Дабан. После выяснения мирных целей нашего каравана местные жители послали за скотом в горы. Так живут здесь полудикие монголы или панаги-скотоводы, вооруженные кремневыми ружьями-рогатками, бьющими всего на сорок шагов; сами ничем по виду и, вероятно, намерениям не отличаются от разбойников, которых сами же и боятся. Немудрено, что караван из 27 человек, часть которых вооружена винтовками, причинил им беспокойство или вызвал другие намерения. О военных тибетских разъездах говорят, что их можно встретить только у Дечу, то есть Голубой реки (Янцзы-кианг), и далее.

В этих горах, среди величавых красот природы, едешь и не испытываешь чувства страха, есть чувство более высокое – красоты и удивления ей, а о себе не думаешь – будь что будет. Так и здешние яки: ходят спокойно по склонам гор, едят кустарники и траву, наслаждаются чистым горным воздухом и солнцем, а о смерти не думают и не бегут от скачущих на них с винтовками людей. Ку-

ланы также – подпускают близко, в них стреляют, а они блаженно пасутся, щиплют траву. От едущих не убегают, а поворачиваются к ним и бегут навстречу, чтобы пересечь им дорогу и взглянуть на них, и за свое любопытство расплачиваются жизнью, как мотыльки, летящие на огонь.

Льет дождь – не было его с тех пор, как в Шарагольчжи прекратились муссоны. В 1 ч. 50 м. дня повалил хлопьями первый для нас снег, погода теплая – мы без пальто. Это привет от «страны снегов» – Тибета, осени и большой высоты, на которой мы находимся. За пять месяцев пребывания на чистом горном воздухе мы спали только в палатках – здоровье мое значительно улучшилось, много способствовала этому и длительная верховая езда. Поехал я в экспедицию с опасениями, выдержу ли долгий путь: было значительное увеличение сердца (миокардит в сильной степени), хронический бронхит, хронический катар желудка с частой изжогой после еды, спайки кишок после перенесенного в августе-сентябре 1924 года злейшего аппендицита с нагноением отростка и вскрытием гнойника в кишке и, наконец, мигрень при переменах погоды. Теперь, во время путешествия, никаких беспокойств на сей счет не испытываю.

В 2 ч. 30 м. приехало девять человек из встреченных нами сегодня пятнадцати вооруженных людей. Вид дикий, лохматые и оборванные, некоторые с длинными тибетскими мечами за поясом; те, которые я рассматривал – отточены плохо. Интересовались нашими револьверами – знают названия их систем. Общий вид тибетских монголов отличен от халхасских и цайдамских – доверия не внушают, люди «трын-трава». Наши торгоуты говорят, что это «плохие люди». Кончок от кого-то слышал, что здешние монголы заключили с панагами «кровный» союз против их неприятелей. Баранов эти монголы нам не пригнали, а зовут к себе в аил. Это нам и нашим людям не нравится

опять-таки по той же причине – не внушают доверия. Ночью на перевале и после него нужна бдительность – нападение и ограбление или воровство багажа считается возможным.

Один из этих монголов говорит по-панагски. В сущности здесь трудно уже различить, где кончаются монголы и начинаются панаги и голоки. Говорят, что встреченные нами люди опасались в нас не столько разбойников, сколько предполагали, не монгольские ли мы цирики (военные). Нет ли у них каких-либо причин опасаться монгольских властей и не они ли совершили ранее упомянутое нападение на цайдамских монголов? По вновь поступившим сведениям, эти монголы действительно те самые, которые дружат с панагами и заключили с ними наступательный и оборонительный союз, и панаги их мобилизуют для своих разбойничьих набегов. Кончок знает одного из них и уверяет, что теперь они не тронут нас, увидев далай-ламское знамя; иначе возможно было бы ожидать их нападения на перевале и за перевалом, так как в своих аилах они не нападают.

Е.И. считает, что увиденные Г. у дороги останки принадлежат трем цайдамским монголам, которых убили здешние монголы в сговоре с панагами. Спрашивается, за какими воинами они еще посылали сегодня – было это монгольское подкрепление или панагское? При встрече монголов с нашим верблюжьим караваном они тщательно осмотрели все вооружение сопровождавших его людей. Робкий монгол Цiринг даже заплакал от испуга. Вечер теплый, снег быстро растаял, и песчаная почва почти суха. Идут приготовления на случай ночной тревоги – выбор оборонительных позиций, мест установки дозора и раздача патронов.

Очень характерно для разбойничьих диких племен – эти монголы или панаги считают себя честными людьми

в своих аилах, пасут стада и, пожалуй, гостеприимны. Дома у себя не ограбят, но вдали от аила и в особенности в союзе с панагами они становятся разбойниками, а так, дома, это все «честные и порядочные люди», почему и не следует доверять им и надо принимать меры предосторожности. Небо еще в тучах, и горы до половины закрыты облаками. Наш путь необычен, но мы легко и спокойно перенесли его. После 7 ч. вечера начали устраивать на песчаном возвышении над нашим лагерем ложементы для стрелков (в трех местах по четверо).

14/IX ***Перевал Нейчжи. Тревога. Удачная охота на яка. Сильная метель. Недомогания в лагере. «Са-ду». Смерть ламы.***

Ночь прошла спокойно. Вечером, в 9 ч., когда на горизонте показались всадники, подняли тревогу, но она оказалась ложной: это были наши люди, гнавшие к лагерю найденных ими в горах верблюдов; троих верблюдов так и не досчитались. Встали в 3 ч. ночи и тотчас же послали двух лам на поиски пропавших верблюдов, мало рассчитывая найти их, так как предполагали, что монголы могли отогнать их в горы. К 6 ч. 30 м. были уже готовы к выступлению, когда показались наши ламы, а впереди них три верблюда из лучших, которыми мы располагаем. В 7 ч. утра двинулись все вместе, засыпав предварительно наши окопы. Шли, сначала поднимаясь по сухому каменистому руслу, а затем по зеленеющей долине между гор, перешедшей потом в узкий и каменистый горный проход, где паслись коровы монголов. По пути верблюды отставали от нас, приходилось ждать их; мулы прошли вперед вслед за разведкой. Вскоре после выхода со стоянки нас обогнал верхом на лошади вооруженный монгол, сбивчиво

сообщивший нам о цели своей поездки, что возбудило опасения о какой-либо ловушке во время перехода через перевал Нейчжи или после него. Медленно двигались вдоль небольшого ручья, текущего в горном проходе, поднимаясь все выше и выше. Перевал этот свыше 16.000 футов, но идет не круто, а постепенно поднимаясь; сильно мешает неровность почвы с грудами камней. Верблюды, не привыкшие к большим высотам, видимо, сильно уставали, часто ложились; плохо увязанные грузы рассыпа́лись – все это отнимало много времени и заставляло нас подолгу задерживаться на одном месте.

Наконец, вблизи самой вершины перевала мы остановились еще раз, ожидая верблюдов, с трудом передвигавшихся вперед. Наш разведчик Г. въехал на самую вершину перевала к обо, и вдруг мы увидели, что он взмахнул дважды винтовкой над головой, что было условным знаком тревоги. Пошел снег, разведчик скрылся за вершиной. Тогда Ю.Н. и Н.В. поспешили к нему узнать, в чем дело. Вскоре возвратился один Ю.Н. и сообщил, что разведчик Г. слышал два выстрела и крики в тот момент, когда поднялся на перевал. С помощью бинокля разведчикам удалось установить, что далеко среди долины в направлении хребта Марко-Поло стоят наши люди с мулами и убитым яком. Между прочим, поднимаясь на перевал, мы видели много черепов яков с рогами и предположили, что эти яки были застрелены монголами, причем мясо увозилось, голова же оставлялась на месте, или же это жертвы караванов.

Ввиду очевидности ложной тревоги мы поднялись на вершину перевала к обо, украшенному рогами яка, и тут перед нами открылся величественный и незабываемый вид снегового хребта Марко-Поло. Глубоко внизу лежала песчаная долина, утопавшая как бы в дымке, вдали вид-

нелся наш мулий караван, а правее его – многочисленные черные силуэты бродивших яков.

Когда мы спустились с перевала в долину и подъехали к каравану, торгоуты уже грузили мясо яка на мула, оставив на месте голову, легкие и часть туши, – мясо, кожу и пушистый черный хвост взяли с собой. Справа неподалеку стояли три яка, которых наши торгоуты не тронули. Я хотел было подъехать к ним, чтобы лучше рассмотреть, но мне сказали, что одному приближаться к диким якам опасно и что потом весь караван пройдет вблизи их.

В это время хлопьями повалил снег, и мы спешно двинулись к горам в поисках воды и травы для стоянки. В 2 ч. дня остановились у небольшого ручья возле гор Нейчжи на поляне со скудной травой, очевидно, съеденной яками, которые группами бродят здесь по склонам гор. Усилившийся снег вскоре все одел в белые одеяния. В 4 ч. дня пришли верблюды; сидим, закрывшись в палатках, так как иначе холодно, сыро и наметает много снега, да и записать надо успеть до сна сегодняшний переход; ложимся спать в 7-8 часов вечера, чтобы ночью в 3 ч. встать и начать сборы, подавая пример грузчикам каравана, любящим по утрам посидеть и попить плиточного чая с цампой.

Температура воздуха на высотах в течение дня сильно меняется. Утром вышли в шубах, потом на солнце стало жарко, затем пошел снег и окончательно похолодало. Животные наши, по-видимому, так и останутся сегодня без пищи, занесенной снегом; лошадям и мулам можно еще дать немного горошка (борцик), а верблюдам плохо теперь. Кстати, по поводу густого черного цвета шкуры трехлетнего яка, которого убили сегодня стрелки-торгоуты, вспомнилось, что племя пана делает себе черные палатки из шерсти яков, откуда и получили они прозвище панагов, или

черного народа. Точно так же, как некоторые горные племена на Кавказе носили в древности название меланхленов, или черных плащей, за их черные кавказские бурки из черной бараньей шерсти.

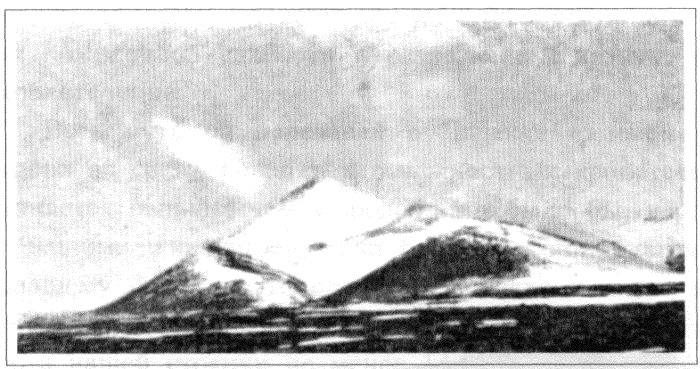
Некоторые из наших людей чувствуют сегодня слабость, головную боль и сердцебиение – последствие физической работы на высотах, а может быть, и от переедания. На высотах лучше не слезать с лошади и не идти пешком. П.К., оставшийся с последним эшелоном верблюдов, сообщил, что уже после нашего перехода через перевал появилось четверо вооруженных вчерашних монголов, которые довольно демонстративно спешились с ружьями в руках; тогда П.К. тоже спешился, взял винтовку наперевес и прошел перед ними; погонщикам эти монголы рассказали какую-то басню, что едут разыскивать пропавшую лошадь. Будем опять осмотрительны, особенно вспоминая вчерашнюю монгольскую ложь, что на перевале нет воды, тогда как всюду на подъеме имеется прекрасная трава и достаточное количество воды. Видимо, они старались задержать нас вблизи своего аила на один день из каких-то своих соображений.

Кончок очень изменился за последние дни и уличен во лжи. Он угрожал нам, говоря, что люди каравана собираются уходить от нас, между тем как они сегодня с нами были очень предупредительны и, видимо, всем довольны. Ю.Н. сообщает, что вчера он ненадолго отлучился из лагеря. В это время к нему прибежала наша собака Тумбал и начала как-то особенно лаять около него, а затем тащить его за платье к лагерю. Вернувшись в лагерь, он увидел неприятного вида девятерых монголов (вчера мною описанных). Сегодня, когда мы спускались с перевала, где-то в горах гремел сильный гром как раз за несколько минут до начала метели.

Сейчас 6 ч. 30 м. вечера, а метель все еще продолжается с прежней силой. Около 8 ч. вечера, когда мы уже закончили наш поздний и скромный обед, состоящий из небольшого кусочка мяса яка и кружки слабого чая, пришел Кончок и сообщил, что у одного из двух лам, которым мы разрешили присоединиться к нашему каравану, «са-ду», то есть «угар от высот», и было кровотечение; перед этим лама плотно поел. В его палатке на земле было обнаружено большое кровяное пятно со сгустками крови, но кровопотеря была невелика, и больше кровотечения уже не было. Лама жаловался на сильное сердцебиение (действительно, пульс был сильно учащен), одышку и головную боль. Несмотря на принятые меры (больной был немедленно уложен в постель и получил лекарство для урегулирования сердечной деятельности), около 10 ч. вечера он скончался. Наши люди говорят, что лама этот был болен, когда еще жил в Цайдаме, и жаловался на сердце, сегодня же поел много свежего мяса яка.

Часть VI

СНЕГОВЫЕ ХРЕБТЫ ТИБЕТА. ЧАНТАНГ



Наг-чу-ка, тибетское нагорье.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

Пасущиеся яки на тибетском нагорье.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

Каменное строение на тибетском нагорье.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

15/IX ***Особенности высот. Похороны ламы. Суеверия. Перевал Ангар-дакчин. Горная болезнь.***

Ночь холодная, вода в кувшине замерзла. Ночью приходил медведь, но был отогнан собаками; на снегу вблизи палаток большие следы. Ночью, по словам Г., монголы во сне стонали. Встали в 6 ч. утра. У монголов Циринга и Дорджи носовое кровотечение, получили гидрастис – кровеостанавливающее. У некоторых чувство быстрой утомляемости при ходьбе и одышка. У Чимпы головная боль. Вчера монголы съели много мяса яка. В Ладакхе люди хорошо знают, что на высотах нельзя много есть, в особенности мяса, как повышающего кровяное давление, что может вызвать при всех других способствующих условиях – сердечной слабости и разреженном воздухе высот – кровотечение.

Весь путь на перевалах в Ладакхе отмечен следами крови на снегу. Говорят, что у животных кровотечение начинается раньше, чем у людей; это было бы, вероятно, и с нашими животными, если бы вчера они, благодаря выпавшему снегу, не голодали. В Ладакхе и люди, и животные не едят перед переходом по большим высотам. Высота нашей стоянки не менее 14.000 футов. Однако наши люди мало верят тому, что им говорят, в особенности в отношении ограничения еды на высотах; едой и чаем положительно злоупотребляют; упорно стоят на своем суеверии об «угаре» на перевалах, несмотря на все разъяснения, что это не угар, который бывает в юртах, а горная болезнь от разреженного воздуха на высотах, физической работы и переедания, хотя и проявляется во многом так же, как и отравление угаром, то есть в виде головной боли, сердцебиения и рвоты. Вчерашний снег, гром и, вероятно, смерть ламы и недомогания на стоянке – уже все было приписано тому, что мы убили яка и что монголы готовили на-

падение на нас, а потому силы природы вмешались в дело против поднятого монголами копья. И это толкование наиболее грамотного из них старшего ламы Малонова.

В 9 ч. 30 м. утра тело умершего было погружено на лошадь и вывезено его товарищем-ламой в сопровождении другого монгола, который вел лошадь на поводу, к пригорку, где оно и было оставлено на съедение хищным зверям и птицам. Погрузка вещей шла медленно и неохотно, так как большинство монголов, видимо, в той или иной степени чувствовали недомогание после вчерашней трапезы и выкуренных трубок китайского табака, и это на высоте 14.000 футов!

Наконец, в 12 ч. 25 м. тронулись через песчаную долину к горному проходу через хребет Марко-Поло. И горы, и долина – все в снегу. Утром видели двух больших медведей, доедавших в долине остатки яка. Шли, все время поднимаясь по горному проходу вдоль речки, много раз переходя ее, пока не достигли перевала Ангар-дакчин, названного так по имени близлежащей самой высокой снеговой вершины хребта Марко-Поло или хребта Ангар-дакчин. Высота перевала 15.300 футов. В долину спустились футов на 400, где и остановились у скудной травы и ручья в 5 ч. 30 м. пополудни. Погода прохладная.

Монголов больше не видели, но наши люди говорят, что они, по всей вероятности, собирались напасть на нас, и только вид желтого далай-ламского флага, прикрепленного к грузу, удержал их. Караван страдает от горной болезни, главным образом монголы чувствуют одышку, сердцебиение и головную боль – розданы медикаменты. Чимпа чувствует себя сегодня вечером особенно плохо – сильная одышка и сердечная слабость; возникли даже опасения за его жизнь, как он перенесет высоты.

16/IX ***Отроги хребта Марко-Поло. Хребет Куку-шили. Болезнь Чимпы. Пульс на высотах. Воспоминания Н.К. о Ладакхе и Каракоруме.***

Встали в 6 ч. утра; медленно собирались и грузились, чтобы не утомиться. Вышли в 7 ч. 35 м., поднимаясь по горному проходу отрогов хребта Марко-Поло; несколько раз переходили ручей. Видели бродящего по склону горы большого яка и куланов. Около 10 ч. утра поднялись на песчаное плоскогорье, поросшее кустиками желтоватой осенней травы. Животные с жадностью набрасывались на корм, которого становится все меньше и меньше. Часто останавливались, ожидая отставших мулов и верблюдов. Подвигаемся теперь по высотам медленно, чтобы не разбивать караван, опасаясь возможности внезапного нападения. Опасность от диких разбойничьих племен не исключается до появления первых разъездов тибетских охранных постов, которые могут быть, по слухам, только около Дечу (Голубая река). С нагорья видна холмистая долина и хребет Куку-шили, знаменитые «Кокуши», о которых говорится в русских старообрядческих исканиях пути в *Беловодье* – «рай на земле».

В 12 ч. 45 м. остановились в зеленеющей долине со снеговой водой в песчаных впадинах почвы и местами небольшим запасом снега. Чимпа чувствовал себя сегодня утром очень слабым, но после строфанта смог совершить переход на верблюде. В 3 ч. дня пульс был 120, получил внутрь спермин и строфант. Вчера вечером он так плохо чувствовал себя, что просил сделать опись его вещей и оставить его на месте, видимо, на произвол судьбы. Однако мы успокоили его, обещали всемерно поддерживать его и доставить, если он не пожелает или не сможет следовать с нами далее, на первый же встречный военный пост.

Погода среди дня теплая и солнечная, все приободрились, кроме заболевшего с утра торгоута Очира – простудился, видимо, ночью в палатке, жар и головная боль; получил аспирин и уложен в постель. Около 4 ч. дня считали пульс у нескольких лиц, причем оказалось, что у Н.К. на этой высоте, не менее 14.000 футов, пульс – 80, у Е.И. вскоре после приема спермина и строфанта – 96, у меня – 96, у Ю.Н. после подъема в 2 ч. дня тяжестей – 105, у П.К. после подъема тяжестей – 99, у Н.В. – 90, у Людмилы – 90, у ламы Малонова после расставления палаток и подъема тяжестей – 120, у ламы Бухаева после такой же работы – 129. У Бухаева одышка, другие чувствуют себя удовлетворительно. Нормальный пульс Н.К. – 62, Е.И. – 72, у меня – 62. Спустя час пульс Ю.Н. был 88.

Пока я пишу, где-то вблизи вдруг раздались два громких выстрела. Оказалось, что лама Бухаев начал поливать бензином мокрый аргал в костре из бидона. Конечно, бензин вспыхнул и разорвал бидон, к счастью, отлетевший в сторону от Бухаева. Тут же присутствовал П.К., который не научил его лучшему обращению с бензином вблизи огня.

Н.К., сделавший во время своих многочисленных путешествий много переходов через высочайшие в мире перевалы, замечает, что после 16.000 футов высоты по тропе следования каравана обычно замечаются многочисленные следы крови; больше всего кровотечениями страдают лошади, а за ними и люди. В огромном большинстве случаев можно немедленно установить причину происшедшего – конечно, лошадей перед переходом перевала усиленно кормили, якобы для поддержания сил; сами путники плотно поели или для храбрости и «поддержания сил» выпили спиртного или крепкого кофе и, может быть, выкурили «для возбуждения сил» достаточное количество крепкого табака, или его нюхали, или жевали какие-либо пряности. Возможно, что все это или даже частично они проделали, может быть, даже и не в тот день, а все-та-

ки достаточно заблаговременно отравили свой организм. «Трогательно, как горные жители-ладакхцы, – говорит Н.К., – заботились во время нашего перехода Каракорумского хребта, предупреждая, что временами, по их справедливому наблюдению, требовался почти полный голод, чтобы избежать опасности горной болезни. Они же с трогательной заботливостью во время перехода через ледник бросались к нам, чтобы вовремя растереть и согреть наши ноги и руки. Какая разница между ладакхцами и монголами!»

Сегодня Чимпа чувствует себя плохо и, думая, что он умирает, сказал Ю.Н. об этом и прибавил, что Н.К. будет «большим начальником в Тибете». Сегодня же была произведена на случай смерти Чимпы и по его настоятельной просьбе опись имущества, которое он везет для Далай-Ламы, а также его личных вещей для передачи последних его престарелой матери, живущей в Лхасе. С такими тяжелыми и суровыми настроениями протекают последние дни нашего путешествия по Тибету. Тихий, прохладный вечер; долго любовались оставшимся позади нас хребтом Марко-Поло с его снегами и снежными вершинами, изменявшими окраску при закате солнца от светло-голубого до темно-синего цвета. В 9 ч. вечера начался дождь.

17/IX ***Гроза. Переправа через Чу-мар. Рогатый Ло. Непогода — наш союзник.***

Ночью сначала шел дождь и слышались глухие и могучие раскаты грома с гор Куку-шили, потом пошел снег. Из-за снега и утомления грузчиков встали позднее – в 5 ч. утра. Чимпа опять чувствует себя лучше – получает строфант и спермин. Головная боль и переутомление у четверых монголов – получили сердечное средство, пирамидон и мигренин, а также освобождение от работы. Погрузка идет медленно и вяло, по крайней мере два часа

пьют чай и едят, но мы не торопим, зная всю тяжесть физического труда на высотах.

Наконец в 8 ч. 30 м. утра все готово, и мы выходим – сначала верховые, затем эшелон верблюдов, потом мулы и затем опять верблюды. Далеко впереди едет разведчик Г. Направляемся сначала параллельно хребту Куку-шили, который весь сейчас, как и хребет Марко-Поло, покрыт снегом. Идем по нагорью Чантанга между упомянутыми хребтами, ближе к первому – «по Ергору», как говорится в старообрядческих хождениях в *Беловодье*, иначе – Шамбалу, по понятиям буддистов. Нагорье это здесь песчаное, покрытое редкими кустиками низкорослой травы, усыпанное местами мелкой галькой или камнями. Перешли довольно чистую речку, текущую в ложбине в песках.

Местность безлюдная; животных, за исключением куланов, сегодня не встретили, по песку бегают небольшие ящерицы. Пройдя три часа, повернули к хребту Куку-шили и через час достигли песчаной долины, покрытой мелкой галькой, где многочисленными и широкими рукавами текла река кирпично-красного цвета от присутствия в почве и воде красной глины. Ширина всех перейденных один за другим рукавов реки около версты, но во время муссонов вся долина заливается водой и, думается, временами непроходима. В это время года река обмелела, но и в некоторых местах течение настолько было быстрое, что мою сильную лошадь снесло водой. Лама Ламаджан провалился на лошади по пояс в яму и едва выбрался. Эта широчайшая река Чу-мар, или по-монгольски Улан-усу (Красная река), на картах обозначена слабым пунктиром.

В 3 ч. 15 м. нашли стоянку у озерца в ложбинке с небольшим количеством травы на песчаной возвышенности вокруг ложбины. Вода в озерце снеговая. Видимо, несколько дней назад здесь был снег, остатки которого еще местами видны на песке. Около 4 ч. дня пришли верблюды.

Чимпа, ехавший на верблюде, очень утомлен, пульс слабого наполнения, неровный, едва прощупывается. Трое монголов поправились, один еще чувствует сильную слабость и головную боль.

Около 5 ч. дня послышались глухие раскаты грома, и вскоре пошел небольшой дождь, а затем снег крупинками. Поднялся сильный ветер, раскачивающий и рвущий палатки. Монголы суеверны и гром приписывают специальному божеству или, вернее, «идаму»[56], то есть одному из властителей сил природы Ло, говоря, что он с рогами.

Во время молнии, грома и непогоды мы гарантированы от нападения, так как дикие племена суеверны и боятся навлечь на себя гнев и без того уже, очевидно, достаточно раздраженного «идама». Возможно, что завтра еще простоим здесь, чтобы дать людям отдых, а Чимпе, на всякий случай, – время составить завещание. Предстоит двухдневный переход Куку-шили, и придется, вероятно, остановиться в горах в снегу. Высота местности, утомительность переходов и неблагоприятные для подорванного здоровья Чимпы перемены погоды заставляют сильно опасаться за его жизнь при полном истощении сил организма и большой сердечной слабости. Е.И. чувствует себя сегодня хорошо.

18/IX ***Разведка. Завещание Чимпы.***
Н.К. – «Владыка Востока». Отзыв Дебей.

Ночью шел дождь. С утра холодно и сыро, небо обложено тучами. Чимпа при хорошем пульсе, по причине холодной и сырой погоды, чувствует одышку – сказывается ранее перенесенное воспаление легких. Сегодня, несмотря на неблагоприятные условия для стоянки – высота места, плохая погода, мало травы и затхлая вода, – остаемся на месте до завтра для отдыха и составления Чимпой завещания. Утром посылаем на всякий случай развед-

ку к горам Куку-шили – нет ли следов разбойников. Вспоминается испуганный вид и таинственность нарядного молодого всадника, предупредившего нас в Шарагольчжи, что около Нейчжи нас ожидают какие-то пятьдесят всадников, которых мы должны остерегаться. Монголы, выехавшие к нам в числе пятнадцати человек с копьем войны, тоже говорили, что их всего шестьдесят человек.

К 1 ч. дня проглянуло солнце, и затем день прояснился. В 2 ч. 40 м. Н.К., я, Ю.Н. и Кончок присутствовали при подписании Чимпой завещания и сами подписались в качестве свидетелей его волеизъявления. К вечеру опять собрались грозовые тучи над Куку-шили, и вновь загремел наш союзник Ло.

Сегодня утром гуляли с Н.К. возле снегового озера, причем окружавшая нас природа, исключая горы, напоминала вид любой северной губернии, так что временами трудно было представить, что мы находимся на высоком Чантанге среди знаменитых горных хребтов Тибета.

Н.К. говорил о разнице психологии современного Запада и Востока и о ближайших задачах эволюции. При этом мне вспомнилась статья Н.К., появившаяся в 1921 году в Нью-Йорке на страницах газеты *«Sun»*, о IV Интернационале, отличительным признаком которого указывались знание и красота. Жена одного из главнейших деятелей III Интернационала говорила об Н.К.: «Положительно он знает нечто такое, чего мы не знаем», а сам деятель К., тут же присутствовавший, добавил: «Верно, он так и останется Владыкой Востока». Другой деятель высказался об Н.К. таким образом: «Психология великих художников и поэтов не вмещается ни в какие предусмотренные рамки».

Интересное мнение, наряду с представлениями об Н.К. политических деятелей, было высказано Дебей, практикующей женщиной-врачом, живущей в Чикаго, но в то же время пользующейся огромной известностью в Америке

как составительница гороскопов. Она утверждала, что Н.К. обладает «качеством невидимости», и пояснила, что при совершении дел чрезвычайного значения Н.К. может казаться окружающим совершенно обычным человеком, и, наоборот, в моменты повседневности люди подозревают его в каких-то особых замыслах.

К вечеру мы опять готовимся к отражению возможного нападения. Над лагерем все время пролетают, чуя осень, стаи серых гусей, стремящихся с севера в Индию на зимнее кочевье.

19/IV ***Ковры Азии – Чантанг. Хребет Думбуре. Снежный вихрь. Дикие яки.***

Встали в 3 ч. 30 м. утра. Погода сухая, но дует холодный ветер. Погрузка происходит, как обычно в последнее время, неторопливо. В 7 ч. утра выступили. Чимпа чувствует себя плохо, несмотря на все заботы и принимаемые меры. Несколько раз возникало предположение, что он курит китайский табак, содержащий гашиш и опий. В его палатке и от него самого резко пахло кисловатым запахом выкуренного опия, но он упорно отрицал это, говоря, что даже трубку свою подарил кому-то.

Шли сначала по песчаной почве нагорья Чантанга, изредка покрытой низкорослой желтоватой в это время года травой; потом пошли пятна мелкого мха различных цветов, как будто Азия разостлала зеленые, красные и зеленовато-желтые ковры на нашем пути, испещренные узорами. Затем около двух часов шли по земле, сплошь изрытой норками сусликов. Лошадь моя неожиданно провалилась по колено в одну из норок и едва выбралась, мои же ноги в стременах на мгновение очутились рядом с землей. Около 12 ч. дня подъехали к реке, текущей в горном проходе через Куку-шили, и начали подниматься вдоль нее по постоянно возвышающемуся проходу. Окру-

жающие проход скалы невысоких гор, имеющих вид холмов, покрыты мелкой травой, и вся долина речки вместе с холмами приятно ласкает глаз своей зеленью. Встречается много куланов и яков, на почве аргал тех и других; у речки виднеются две головы яков с большими рогами; тут же валяются растащенные хищными зверями части костяков. Г. видел сегодня большого волка и погнался за ним, но безуспешно. Перейдя возвышенную часть горного прохода, спустились в зеленеющую долину с небольшой речкой, разноцветными коврами мхов и редкой травой, где вскоре и остановились в 2 ч. 20 м. пополудни.

Через полчаса подошли верблюды и с ними Чимпа. П.К. сообщил, что дорогой Чимпа выкурил две трубки. Г., сопровождавший до этого времени верблюжий караван, подтвердил, что дорогой Чимпа курил сначала папиросы, а потом табак из трубки. Таким образом, мое убеждение, что он курит, подтвердилось. Этим и объясняются странности пульса, несмотря на получаемые им сердечные средства и спермин. Сегодня Н.К. зашел к Чимпе вместе со мной и просил его признаться, ради его же пользы, курит он или перестал. Чимпа категорически дважды заверил, что не курит. Больше мы не настаивали на истине и только предупредили, что он повредит себе курением табака при слабости легких и сердца.

Мхи указывают, что мы стоим на очень значительной высоте – не менее 15.000 футов. Временами без привычки дышится тяжело даже без физической работы. Возможно, что, кроме разреженности воздуха в этой местности, относительно приближенной к «запретной зоне», о которой упоминалось ранее, здесь оказывают воздействие и газы, едва доносимые ветром, применяемые для охраны этой зоны, близкой к нагорью Чантанга.

Сегодня неожиданно заболел лама Бухаев: воспаление левого семенного канатика и яичка травматического происхождения, вследствие верховой езды. Перед нами снего-

вой хребет Думбуре, который предполагаем перейти в три перехода. В 5 ч. дня поднялся снежный буран, окончившийся около 6 ч. вечера. Продолжает дуть холодный ветер. В 7 ч. вечера к нашей стоянке в долину по склону горы спустились двадцать пять яков. Наши собаки бросились к ним с лаем, и они мирно отошли подальше.

20/IX ***Волки в горах. Заболевания в караване. Однообразие ландшафта. Гадание на бараньей лопатке.***

Ночь холодная; с вечера и до 1 ч. ночи дул порывистый холодный ветер. Всю ночь до утра в горах бродили и грызлись волки. Встали в 3 ч. ночи. Вышли в 7 ч. 35 м. утра по направлению к хребту Думбуре с многочисленными и высокими снежными вершинами, напоминающими пирамиды.

Дорога все время шла по песчаной холмистой местности, пересеченной двумя речками, со скудной травой. В 12 ч. 20 м. дня остановились у небольшой, почти высохшей реки. Лама Бухаев чувствует себя сегодня лучше после холодных компрессов, покоя, жаропонижающего и слабительного. Чимпа, видимо, ни ночью, ни рано утром не курил, так как пульс вполне удовлетворительный.

Н.К., глубоко всем интересующийся, сегодня спрашивал меня о зависимости доз медикаментов от высоты местности и климата. Зависимость эта для большинства внутренних средств несомненно существует; на эту разницу дозировки в низинах и на высотах, в жарком, умеренном и холодном климатах следовало бы обратить внимание в соответствующих дисциплинах. Разница между Турфаном (ниже на 960 футов уровня моря) и перевалом Каракорум (высота 18.900 футов) должна, несомненно, сказаться. В караване прибавляется количество больных животных с набитыми или стертыми спинами – сегодня шло двенадцать негруженных мулов и лошадей. 16 сентября прикупили у

ламы, присоединившегося к нам, четырех лошадей: одну – за сорок пять янчан, остальных – по тридцать пять. Пройденный нами сегодня путь довольно однообразен, и у Н.К. невольно напрашивается сравнение его с красотами пути по Каракоруму. К вечеру монголы гадали на бараньей лопатке, получив самые благоприятные результаты. Н.К. опасается, что теперь они окончательно снизят темп своей работы, уверенные в успехе пути.

21/IX ***Подход к Думбуре. Полное безлюдье Чантанга. Топь. Переход реки Улан-мурен. Гейзер с белой скалой. Особенности Чантанга.***

Ночь холодная; песчаная почва покрыта инеем, речка затянута тонким слоем льда, который лижут собаки, вместо воды. Встали, как всегда, в 3 ч. ночи. Люди встают неохотно, долго пьют чай и только к 6 ч. утра начинают грузить животных. В 6 ч. 50 м. взошло солнце, небо ясное и обещает солнечный теплый день. В 7 ч. продолжили свой путь по нагорью Чантанг, ближе к Думбуре, по песчаной почве, покрытой редкой травой. Чантанг во многих местах – прекрасное пастбище с обилием небольших речек или дождевых и снеговых озер; однако животных здесь не видно, и только ближе к хребтам гор встречаются одинокие куланы и яки; последние, обычно группами, иногда очень большими.

Сегодня за весь переход видели на огромном пастбище только двух мелких птичек – трясогузок, а ближе к горам Думбуре – двух куланов. В горах мало травы и то только в горных проходах, где течет речка, и все-таки животные встречаются здесь только в горах или на пастбищах у самых гор. Местность безлюдная – годами здесь никто не проезжает, так как идем мы без дороги, необычным путем. Медведи, рыси и леопарды водятся в горах, а от волков легче спастись животным на равнине. Тем не менее, при

обилии животных в горах пастбища нагорья Чантанга пусты. Монголы боятся этих гор и Чантанга, думая, что в них «угар» – «сур», называемый тибетцами «са-ду», о чем не раз уже упоминалось выше. Пожалуй, они отчасти и правы, так как эти места непосредственно примыкают к охраняемой Братством, Махатмами или Шамбалой «запретной зоне», и потому газы, применяемые для охраны, вполне могут достигать этих мест, вызывая одышку, головную боль и иногда кровотечение со смертельным исходом. Здесь, как мы убедились, сказывается не только действие высот, так как в горах и на высотах более безопасно и лучше чувствуется, чем внизу, на нагорье Чантанга.

Наш проход здесь необычен; сообщено, что мы охраняемы от вредных газов и диких племен. Обычный путь в Тибет лежит западнее через Тэйджинер на Дечу и восточнее – от Синина к Бурхон-Буда. Сегодня на нашем пути встречались куланьи тропы, по которым они только пробегают нагорье, не останавливаясь на пастьбу, а потому аргал, единственное здесь топливо, редок и в малом количестве. Наши люди сожгли уже все запасные мульи седла, готовя себе пищу. Песчаный слой здесь местами настолько тонок, что при первых шагах лошади проваливаются по брюхо, и это в конце сентября, когда действуют лишь остатки муссонов. Что же бывает в мае, июне и июле – тут должны быть непроходимые песчаные болота, и реки сильно разливаются, что видно по обнаженному теперь их руслу, песчаному, покрытому мелкой галькой или глинистому. Это делает их совершенно непроходимыми из-за ширины разлива, быстроты течения и вязкости дна.

Идем мы, как упоминалось выше, без дороги; местность холмистая, неровная, пересеченная многочисленными оврагами. Животные наши сильно утомлены. Небо безоблачное, ярко-голубое, и на нем выступают белоснежные высоты Думбуре. Перешли большую реку Ханчок-улан-мурен, теперь обмелевшую, но с несколькими рукавами.

Еще издали, до перехода реки, вдруг заметили с одного из высоких холмов что-то белое, ближе к горам. Было высказано несколько предположений: белая палатка, белый камень или снег. Белая палатка могла принадлежать только солдатам тибетского охранного поста; белых камней здесь и в окрестностях нет; снега тоже нигде не видно, кроме высот. Подъехав ближе, увидели четырехгранную белоснежную высокую скалу со скатом, обращенным к речке, покрытой белым налетом. Противоположный обрывистый, почти отвесный скат обращен к небольшому озеру; другие отвесные скалы – к холмам. Скала эта, расположенная в низине, оказалась около трех сажен высотой, состоящей, по-видимому, из слабительной соли – сернокислого натрия, так как вкус соли лишь слабо горький, не напоминает сернокислый магний, но возможно, что небольшая примесь солей магния имеется. Вода в озере соленая. На верху скалы – кратерообразное углубление, наполненное до одной трети прозрачным рассолом, откуда выделяются крупные пузырьки газа. Ниже по течению соленой речки видна запрокинутая рогатая голова яка, провалившегося в соленую топь. Просили П.К. сделать два снимка этой местности.

В 12 ч. 10 м. дня остановились, перейдя небольшую речку, ближе к горам, на песчаном склоне, покрытом травой. В 3 ч. дня небо затянуло тучами; в 4 ч. 30 м. вдруг поднялся сильный ветер со снежной крупой, продолжавшийся до 5 ч. дня, потом он стих, и вновь выглянуло солнце.

Н.К. замечает, что одышка от разреженного воздуха со всеми другими явлениями горной болезни начинается лишь с 17.000 футов высоты. Ни высота Фалюта в Гималаях, около 14.000 футов, ни высота Соджи в Кашмире, тоже около 14.000 футов, ни другие вершины Каракорумского и начала Куньлуньского хребтов не вызывают тех ощущений, которые мы здесь наблюдали на Чантанге даже на несколько меньшей высоте.

22/IX ***Знаки охранной зоны. Бел-горюч камень. Думбуре – зов раковины. Думбуре-гол. Медведь. Усталость животных.***

Ночь холодная, все покрыто инеем – и животные, и земля. Луна едва светит – на ущербе. Погрузку начали только после 6 ч. утра. Долго смотрели на белоснежную скалу, памятник гейзеру, который теперь почти не действует. Невольно вспоминалось все слышанное о знаках в районах «запретной зоны». Не есть ли это какой-то знак в одном из ближайших районов? Н.К. вспоминает «бел-горюч камень» старых былин. Действительно, под лучами только что взошедшего солнца эта белая скала была далеко видна и представляла вид совершенно необычный – белого большого камня среди зелени плоскогорья, невольно привлекающего удивленный взор.

По промерзшей с утра почве двинулись по направлению к белоснежным вершинам Думбуре. Название этих гор означает «зов раковины», употребляемой при буддийских служениях. Шли неровной, иногда болотистой местностью, спускаясь и поднимаясь по холмам и невысоким горам. Около 12 ч. дня были уже в середине гор Думбуре у реки Думбуре-гол и направились к одной из высот по указанию Кончока, но оказалось, что избранный нами перевал в южном направлении изобилует мелкими ручьями со скользкой почвой и потому труден для перехода верблюдов. Повернули к западу по Думбуре-голу к другому перевалу, который надеемся пройти завтра и через три перехода быть у Дечу (Голубая река). Идя вдоль реки, встречали головы яков, по-видимому, съеденных медведями. Одного из медведей, большого, темно-бурого цвета, мы видели спокойно смотревшим на нас со склона горы. Охота на животных, начиная от Нейчжи, повсюду в Тибете запрещена, а потому неудивительно, что дикие животные

здесь почти не боятся человека и не так враждебны по отношению к нему, как в других местах.

В 2 ч. дня остановились у Думбуре-гола на стоянку. За караваном шли шестнадцать приставших мулов и лошадей. Вчера оставили в пути одну приставшую пеструю лошадь, загнанную торгоутами-погонщиками. Сегодня пристали белый мул из Сучжоу и верблюд; оба оставлены на пути в горах Думбуре.

23/IX ***Заболевания. Проход гор Думбуре. Цаган-обо. Верблюды предпочтительнее мулов. Священная Шамбала.***

Ночь холодная; вода в палатке замерзла; рвота у Г. и ламы Малонова. К утру выздоровели. Тонкий серп луны показался в 4 ч. 30 м. утра. Темно и холодно, люди встают медленно. Вчера Чимпа сильно устал в пути от качки на верблюде; все тело и спина болели, стонал целый вечер. В еде, несмотря на назначенную диету, очень неразборчив и неосторожен в количестве съеденного. Ест с такой жадностью, что, когда приходит за лекарствами, его долго нельзя оторвать от чашки. Из нее же пьют и чай. Ввиду наступивших холодов и утомления от горного пути каждый день опасаемся, что не удастся довезти Чимпу до ближайшего населенного места. Хотелось бы доставить его до Нагчу, где предполагаем передать его тибетским властям.

Вышли в 7 ч. 15 м. утра; шли ущельем, где течет река, и стали подниматься вверх по Думбуре-голу до перевала, где стоят два обо: один – ниже, другой – выше. С перевала открылись дальнейшие перспективы гор Думбуре в виде грандиозных зубчатых отвесных скал справа и слева, образующих как бы выход из гор, гигантские ворота.

Второй день идем в горах Думбуре. Эта территория – начало политического управления Тибета, географически же территория страны значительно больше. Прелестное поэтическое название гор – «Зов раковины» – Думбуре!

И вот сегодня, когда я ехал совершенно один далеко впереди, среди гор после спуска с перевала, мне почудились громкие, раздавшиеся в горах мелодичные звуки огромной священной раковины. Когда я остановил лошадь и прислушался, звуки эти прекратились. Странное совпадение с названием гор, – в это время я совершенно не думал о нем. Много исходили мы за эти два дня в горах Думбуре – снеговые хребты замыкают их. Внутри много зеленых холмов, долин и речек с голубыми бирюзовыми камнями; это, по-видимому, песчаник, пропитанный солями меди. Сначала мы приняли этот минерал за бирюзу, так он красив и напоминает ее своими переливами от светло-голубого до темно-синего цветов.

В 1 ч. 15 м. дня наконец достигли выхода из гор – этих гигантских ворот, образуемых грандиозными отвесными зубчатыми скалами – Цаган-обо – «белый священный знак». Так называют монголы это место, хотя скалы и имеют сероватый цвет, но, конечно, в сравнении с окружающей их зеленью холмов и долины они белые. Опять встает воспоминание о Священном Гималайском Братстве – Священной Шамбале и ее Владыке, Грядущем Майтрейе, Владыке нашей Планеты, руководящем ее судьбами, о чем большинство людей не знает или не подозревает, не желает знать и, выражаясь фигурально, «затыкает себе уши», чтобы только не слышать и не беспокоить себя чем-то, что кажется им, по неведению, фантазией, увлечением, мистикой, бредом или просто смешным вздором, основанным на легковерии или невежестве. Но вскоре и этим людям придется воочию убедиться в реальности упомянутых понятий, ибо неожиданно для них эти понятия войдут в мир и вскоре сделаются для широких масс столь же очевидными, как теперь для некоторых правительств европейских и азиатских стран, которым пришлось убедиться в том, о чем люди «ветхого мира» не хотели бы знать.

Остановились в 1 ч. 30 м. пополудни немного дальше Цаган-обо у травы и горной речки. Это место с пограничным природным знаком Цаган-обо еще ближе, чем вчера, к одному из районов «запретной зоны» Шамбалы, лежащей к северо-западу. Еще несколько дней – и мы будем у цели. Намеренно указываю это для людей с широким сознанием, так как, повторяю, ***понятие Шамбалы вполне реально, и место это имеет свое географическое положение на карте Тибета в области высоких гор***, на высоте после 11.000 футов.

Вчера вечером к Н.К. пришел старший лама Малонов и, указывая на утомленных животных, просил остаться на стоянке дней пять-шесть. Предложение было отклонено, так как эти места необходимо пройти как можно скорее из-за высоты не менее 15.000 футов, не пригодной для стоянки, вредной для людей и животных. Знаем, что прошлой ночью у Малонова случилась рвота. Что касается усталости и даже падежа животных на высотах, то это обычное явление во время дальних экспедиций. У Чимпы, например, при переходе от Юм-бейсе до Махой-закха погибло двадцать верблюдов из сорока, а до Лхасы дошло лишь восемь. У нервы кумбумского монастыря, шедшего из Тибета обратно в монастырь через Тэйджинер, погиб весь караван. У нас же вчера пал лишь один верблюд, провалившийся несколько дней назад с грузом в болото и надорвавшийся. Несколько дней назад провалился конь Ю.Н. со всадником, – едва выбрались. Сегодня провалился мул Людмилы, и она упала, перевернувшись через голову. К сведению путешественников по этим местам: необходимо отметить, что верблюжий караван здесь все-таки практичнее иного. Мулы наши быстро выбились из сил, они все время или бегут, или быстро идут мелкими шажками.

В связи с этим Н.К. вспоминает любопытную и красочно написанную киргизскую сказочку писателя Г. Гребенщи-

кова[57] из Нью-Йорка о состязании коня и верблюда на дальность пройденного расстояния – конь быстро поскакал, а верблюд все шел да шел, пока конь окончательно не выбился из сил и не смог идти дальше.

За сегодняшний переход, вопреки предсказанию ламы, не пристало и не пало ни одно из животных. До Дечу нам осталось три дня пути; от Дечу до Нагчу – 9–10 дней.

В Нагчу предполагаем дать двухнедельный отдых людям и животным; а потом до Лхасы думаем пройти в 6–7 дней. В крайнем случае животных можно было бы пополнить в урочищах около реки Дечу или даже совсем обновить в Нагчу, хотя наш продовольственный груз за последние 34 дня и уменьшился на 60 пудов. Мы спешим пройти эти места и высоты, а потому рисковать здоровьем и даже жизнью кого-либо из людей, оставаясь на месте для отдыха животных, неразумно; к тому же здесь по ночам наступают холода, морозно и днем; течением реки может прибить тонкий лед, режущий ноги животным. Надо идти вперед, остановки в пути только расслабляют, способствуя заболеваниям от высоты, переедания и холода.

Около Цаган-обо два наших торгоута, вопреки запрещению охоты, опять устремились на скалы за дикими козами, которых, к счастью, не догнали. Зато на высоте поймали двух горных курочек, очень смирных и доверчивых к людям. Подержали их у себя до шести вечера и выпустили в горы. Н.К. видел белого сокола балагана и при этом вспомнил о мистере Л. Хорше[58], которого он всегда называет соколом.

Наша идиллия с благонравным петушком и двумя курочками, едущими в Лхасу на верблюде в довольно тесной клетке, сделанной из ящика, кончилась сегодня очень печально. Добравшись до стоянки и открыв клетку, мы увидели петуха с окровавленным клювом, а одна из кур оказалась с проклеванной им до кости головой. Голова кури-

цы изуродована – вся залита кровью и отекла, глаза почти затекли, и зияет большая рана, в глубине которой видна белая кость черепа. К вечеру курица оправилась, стала ходить и клевать; вероятно, выживет. Петуха сначала хотели бросить здесь в горах, а затем решили посадить в «изолятор» за «покушение на убийство», сделав для него отдельную клетку. Проводник-лама взялся за это дело, несмотря на позднее для нас время – 7 ч. вечера, когда все готовятся уже ко сну ввиду дневного утомления и раннего подъема в 3 ч. ночи.

24/IX ***Озера Олун-нор. Еще гейзер. Первый тибетский пост. Новости из Нагчу. Четверо иностранцев. Новые губернаторы.***

Ночь холодная; вода в кувшине замерзла до дна; земля промерзла и покрыта инеем. Встали в 4 ч. 30 м. В 7 ч. 30 м. вышли в юго-западном направлении. Дорога шла по песчаному плоскогорью; по обеим сторонам от нее – относительно невысокие песчаные горы. Здесь уже сходятся все три пути в Тибет – из Синина и через Тэйджинер, обходные, которыми обычно все ходят, и центральный путь через цайдамские топи и Чантанг. Последний прямой путь необычен – им как кратчайшим до нас ходили Далай-Лама и Таши-Лама в Монголию. По дороге, как обычно, много костяков павших животных. Озера Олун-нор (многие озера) оставили слева, перейдя реку, не отмеченную на карте. В районе озер виднеется такой же белый памятник гейзеру, какой мы видели на днях на Чантанге близ хребта Думбуре.

Остановились в 1 ч. дня у последних трех озер из группы Олун-нор на песчаной возвышенности, покрытой небольшими кустиками травы. День теплый; предполагаем, что дальше будет теплее. Вблизи нас находится первый

встреченный нами на территории Тибета охранный милицейский пост из местных жителей, несущих эту государственную повинность. В три часа дня к нашим тибетцам Кончоку и Чимпе пришли трое из этих обывателей-милиционеров. Вид у них всклокоченный и дикий – без шапок и без оружия, в черных одеждах, волосы торчат в разные стороны какими-то клочками. Принадлежат они к дикому племени хор, родственному голокам, и называются хор-па, то есть «народ хор»; обитают в районе хор-де и занимаются скотоводством. Это первые ласточки, первая разведка. Потом, вероятно, явится кто-либо старший из охраны, за которым понесся всадник еще в то время, когда мы только подъезжали к посту. Чимпа чувствует усталость; и, несмотря на сердечные средства и спермин, сегодня после пройденного им пути на верблюде появились опять, как в первый день прибытия его к нам из Махоя, отеки. Очевидно, трудно будет его довезти до Нагчу, если он непременно этого захочет.

Прибывшие к нам милиционеры сообщили немаловажные новости из Нагчу. Уже месяц, как где-то около Нагчу содержатся под арестом четверо каких-то иностранцев. Н.К. предполагает несколько лиц, но на ком именно остановиться, мы пока не знаем. Другая новость: высшая администрация Нагчу недавно сменена и замещена более высокими и значительными лицами. Гражданскому генерал-губернатору даже якобы присвоен титул министра, а духовным генерал-губернатором состоит бывший представитель Далай-Ламы в Китае, отличающийся крайней суровостью характера. Долгожданный тибетский пост заметили сначала зоркие азиатские глаза ламы Кедуба, а затем уже подтвердили и наши бинокли. Мнения разделились – одни предполагали, что это сторожевой пост, ламы же думали, что это какие-то местные промышленники. Не осталось забытым и предположение о разбойниках. Во время

этих соображений тибетец Кончок уже скакал далеко впереди и вскоре уже вел с этими людьми переговоры. Мы в это время продолжали медленно продвигаться вперед, ожидая подхода верблюдов, как символа миролюбия каравана. Вскоре возвратившийся обратно Кончок сообщил, что это и есть охранный пост.

Итак, двадцать четвертое сентября был для нас значительным днем. Сейчас ожидаем сотника пограничного отряда, который пошлет сведения о нас в Нагчу, куда нарочный отсюда доедет в три дня, а до Лхасы, как полагают, в шесть дней. Приехал около 7 ч. вечера десятский и тотчас же без излишней назойливости выполнил необходимые формальности, то есть получил список людей и сведения о количестве животных для донесения в Нагчу.

Н.К., указывая на разницу между китайскими солдатами и тибетской охранной милицией, высказывается в пользу последней. Китайские солдаты очень бесцеремонны, болтливы и назойливы – они заходили бы в палатки, все осматривали, просили бы табака и тому подобное.

25/IX ***Подарок от тибетского разъезда. Антилопы и серны. Хребет Тан-ла. Река Марчу. Потеря оружия – величайшее бесчестье.***

Встали около 5 ч. утра. Перед отъездом, когда рассвело, спешно явились шестеро хор-па; некоторые были с мечами за поясом, а некоторые, вежливо кланяясь из особой почтительности, по древнему тибетскому обычаю (люксо) высовывая язык, поднесли хатаг и большую глиняную чашку тибетского сыра (сушеный творог) и небольшую чашку масла. Мы поблагодарили их за внимание и подарили им барана и серебряный мексиканский доллар. Двинулись дальше в 7 ч. 45 м. утра по направлению к невысоким горам, перешли их и увидели песчаную равнину с небольшими озерами, а вдали невысокую цепь гор, за ко-

торой возвышаются белоснежные массивы вершин хребта Тан-ла. Стало теплее, и ночь была нехолодная.

Появились животные – вчера видели зеренов, яков и куланов. Сегодня наши собаки помешали охоте волка, гнавшегося за антилопой. Видели целое стадо антилоп и отдельные группы серн (зеренов). Наши люди находят по дороге прекрасные длинные рога антилоп. Шли по песчаной равнине, пересеченной мелкими речками, с небольшими озерами по сторонам. На полдороге нас нагнали двое милиционеров хор-па с рогатыми кремневыми ружьями; один из них, видимо, лама, вертел в руках молитвенную мельницу. Оба поехали впереди нас вместе с тибетцем Кончоком, обследуя путь и местами тонкую почву.

Около 1 ч. пополудни достигли широкой песчано-каменистой долины реки Марчу. Последняя не обозначена на карте, а между тем даже в это время года переправа через многочисленные и иногда широкие рукава ее небезопасна ввиду топкости дна. Во время же муссонов возможность переправы весьма сомнительна. Вот почему караваны в Тибете выбирают время для путешествия чаще осенью, когда мелеют многочисленные и широкие тибетские реки.

Вчера мы упоминали о суровости второго генерал-губернатора в Нагчу, которую он проявлял, будучи в Китае. Это и неудивительно и не без оснований – вчера еще Г. рассказывал, что в его бытность в Китае в недавнее время из Дуньхуана европейцами, вероятно, с ведома «некоторых» китайцев, были вывезены буддийские древности на пятнадцати арбах, а в трехстах верстах от Лабрана был ограблен китайцами монастырь и древности его проданы европейцам. Надо думать, что они попадут в музеи, но не ответственны ли и европейцы вместе с китайцами за соучастие в ограблении? Позволителен ли такой разбойный способ коллекционирования древностей антикварами и музеями, о чем мы упоминали и раньше? Зачем европейцам вызывать еще большее раздражение в буддийских странах?

Не должны ли соответствующие правительства европейских и других культурных народов возвратить буддийские древности на место из своих музеев? Ведь место происхождения их известно, а буддисты не продают и не жертвуют в европейские музеи своих святынь, да и насильственность их приобретения всегда возможно и легко было бы установить. Буддийский мир оценил бы это, а сами древности выиграли бы от того, если б остались в первоначальном их местонахождении, рядом с другими древними предметами, пещерами и храмами.

Сегодня во время пути П.К. вдруг повернул обратно и, никому ничего не объяснив, скрылся вдали. Возвратился только около 6 ч. вечера и сообщил, что во время скачки в пути он потерял винтовку, не слышал, как она упала на песок. Поиски успехом не увенчались. До этого времени он постоянно ходил без часов, так как терял их. Рассеянность его производит тяжелое впечатление на Н.К. и Е.И., которые приняли в нем близкое участие и взяли его в путешествие, хотя до прихода его к ним совершенно не знали П.К. По словам Н.К., потеря оружия считается в Тибете величайшим бесчестьем.

26/IX ***Подход к Дечу. Обилие животных. Параллель христианства с буддизмом.***

Встали в 4 ч. 30 м. Грузчики, предвидя более длительный переход до Дечу, встали и собрались раньше обычного, а потому мы смогли выступить в 7 ч. утра. Три часа шли песчаной равниной с редкой травой, и опять, так же, как вчера, эта безлюдная местность каждую минуту оживлялась видом каких-либо животных – попадались зайцы, серны, антилопы, куланы, волки и лисы. Если б не наши собаки, то большинство этих животных подходило бы к нам чрезвычайно близко. Видимо, действительно, их здесь не преследуют.

По этому поводу Н.К. замечает, что «христианский мир, вопреки заветам Христа, вооружился, чем мог, от камня до чудовищной «Берты», для вящего истребления всего живущего. Может ли в Европе зверек или птичка безнаказанно приблизиться к «венцу творения» – человеку? Далекие, дикие, с точки зрения многих европейцев, буддисты действенно проводят в жизнь заветы многих христианских подвижников».

Утро было прохладное до 11 ч., потом потеплело и стало даже жарко. Некоторые из нас обратили внимание на особый приятный аромат воздуха, напоминавший запах лучших индийских курений. Сегодня перешли два незначительных перевала, но так и не дошли до Дечу, остановились в 2 ч. дня у ручейка с солоноватой водой. Первый эшелон верблюдов пришел через час, второй – в 4 ч., а третьего до сего времени – вот уже 5 ч. пополудни – все еще нет. Чимпа едет тихо, всегда последний, со своим проводником, который верхом на лошади ведет за собой верблюда. Самочувствие Чимпы лучше благодаря поддержке его спермином и сердечными средствами.

Около 4 ч. сгустились тучи, а в 5 ч. дня пошел крупный град, вскоре прекратившийся. Высота вчерашней стоянки была 14.600 футов, сегодня – 14.200 футов, однако одышки мы не чувствуем. В 5 ч. 20 м. приехал Чимпа, очень ослабевший; жалуется на головокружение после качки на верблюде.

27/IX ***Голубая река. Начало падежа животных. Н.К. против чрезмерных разговоров о еде.***

Ночь нехолодная, небо облачное. Вышли в 7 ч. утра. Утро приятно прохладное. Через 1 ч. 20 м. подошли к Голубой реке (Дечу, или Дречу по-тибетски; Янцзы-кианг – китайское название). Осенью она течет по своему руслу несколькими большими рукавами. Вода чистая и прозрач-

ная – временами кажется голубой от цвета неба и голубоватых небольших валунов песчаника на дне. Легко перешли реку вброд. Далее по направлению к снеговым вершинам хребта Тан-ла тянулась неровная, холмистая песчаная местность со скудной травой. Остановились в 12 ч. 40 м. пополудни у одной из небольших речек, которые встречаются в этой местности. Трава скудная. Сегодня пристал и оставлен второй мул, а версты за полторы остался на тропе приставший черный иноходец. Третьего же дня пристала и брошена на стоянке лошадь, принадлежащая трем братьям-торгоутам, прекрасно ездящим, но губящим быстрой скачкой лошадей. В путешествии приходится щадить лошадей и идти шагом, изредка рысью. В караване все здоровы, кроме Чимпы. Некоторые чувствуют небольшую одышку от высоты, ветра и утреннего холода. При этом в общем-то идем бодро и теперь быстро приближаемся к Нагчу. Характерная особенность Н.К. – сегодня заговорили о разнообразии вегетарианского меню, причем Н.К. искренне возмутился и сказал, что нам предстоят столь серьезные дела, что углубляться в вопросы кухни было бы для нас настоящим несчастьем.

Несмотря на то, что недавно в нашу дорогу влился еще и четвертый путь из Ладакха через Тибет, все же тропа осталась такой же безлюдной и узкой, верблюжьей, а главное без всяких свежих следов. Сегодня ветреный день. После 11 ч. поднялся холодный ветер, а потом пошел град. После 5 ч. дня – дождь с холодным ветром, стихшим лишь около 7 ч. вечера.

28/IX ***Снеговые массивы Тан-ла. Холодный ветер. Скудная растительность. Высота 15.030 футов.***

Вышли в 7 ч. утра. Вода в речке покрыта тонким слоем льда, на почве иней. Шли в направлении уже близких массивных вершин Тан-ла, поднимаясь и спускаясь с не-

больших гор. Почва вся изрыта сусликами, за которыми охотятся наши собаки. Трава редкая, клочковатая, почва покрыта в основном мхом и лишайником. Животные голодны. По дороге близко от нас встретили большого медведя, начавшего уходить лишь от собак. Встречались сегодня серны и зайцы. В 10 ч. 45 м. утра остановились у ручья, где растет трава, – вблизи снегового хребта. С раннего утра дует сильный холодный ветер со снеговых вершин, солнце из-за туч долго не показывалось. В 4 ч. дня ветер еще не прекратился. Сегодня прошли слева через дорогу, ведущую в Синин. После 6 ч. вечера ветер прекратился, пошел снег. Стоим на высоте 15.030 футов.

29/IX ***Вьюга. Палящий снег. Потеря пути. Бывшая стоянка тибетского посла. Страхи ламы Малонова. Е.И. о восточной медицине.***

Утром все бело от пелены снега; погода теплая. Вышли в 7 ч. 50 м. утра; тропа занесена снегом. Идем ощупью через болота и холмы, все углубляясь в горы Тан-ла. С 7 ч. утра идет снег, небо покрыто тяжелыми тучами. Около 9 ч. утра выглянуло солнце и к 11 ч. дня обжигало, несмотря на лежащий кругом снег. Видели много куланов, антилоп и зайцев. Собаки наши по-прежнему гоняются за животными, но безуспешно – попадают им в зубы только суслики, которые представляют обильную и лакомую пищу здесь даже для волков и медведей, выкапывающих зверьков из норок.

Идем к перевалу через главный хребет в горах Тан-ла, хотя и более низкому, чем окружающие его снеговые вершины, однако высота его по карте считается 16.380 футов. После подъемов и спусков в снегу с горки на горку и странствий через речки и болота прибыли на стоянку в 12 ч. 35 м. пополудни под палящими лучами солнца, обжигающего кожу при снеге, от которого солнечные лучи

особенно ярко отражаются. Очень опасались сегодня за животных, так как все было занесено снегом. Остановились на месте бывшей стоянки тибетского военного посла, где нашли небольшую полуциркульную изгородь из камней и большой запас аргала яка. Последнее нас очень обрадовало, так как у нас был лишь небольшой запас аргала в мешке, а бродить в горах Тан-ла нам предстоит еще по меньшей мере два дня. Оказалось, что наши люди сожгли даже мульи палки, которые одевают животным под хвост. Пристали сегодня еще две лошади; оставлены в пути: белая – ламы Ламаджана и рыжая, купленная в Сучжоу, а всего покинуто шесть животных. Исхудали и ненадежны три-четыре верблюда, но пока идут. Чимпа очень ослаб, стонет, и отеки не проходят, а каждый день приходится переносить и переходы на верблюде, и перемену погоды – жаркое солнце днем и холод ночью. Мы давно уже идем по совершенно безлюдной местности; оставить Чимпу негде, а сердце его очень изношено, даже поддерживать его при переходах надо очень осторожно.

После 2 ч. пополудни поднялся ветер, и сразу похолодало. Снова заходил к Н.К. лама Малонов с категорическим вопросом: сколько дней мы будем стоять на этом месте, иначе все верблюды и все животные должны немедленно пасть. Такое заявление для нас уже не ново, и опять ему было указано, что стоять на таких высотах, под угрозой наступления холодов и глубоких снежных заносов, было бы явной опасностью и что потеря шести животных из ста перед концом пути является неслыханно малым процентом, к тому же он сам вообще никуда далеко не ходил и страх его исходит просто из незнания условий путешествий.

Н.К. жалеет, что окружающая местность так однообразна и уступает в живописности многому тому, что ему приходилось видеть. Вчера вечером перед наступлением метели были слышны сильные раскаты грома.

Долго беседовали с Е.И. о восточной медицине, о свойствах так называемых «жизнедателей Востока», а также формах и способах их применения, причем Е.И. с присущей ей дальновидностью и ясностью мысли указала, между прочим, на возможность применения кедровой смолы во внутренней медицине.

30/IX ***Зима. Ожоги солнцем. Заболевания глаз. Дорога потеряна. Хор-па-проводник.***

Утром холодный ветер и снег; все одели шубы. Вышли в 7 ч. 20 м. в горы к перевалу. Вчера у большинства из нас кожа лица была обожжена палящими лучами солнца. У некоторых заболели глаза от раздражения ярким блеском снега. Не миновали ожога лица Е.И. и Н.К. Сегодня с утра идет снег; и горы, и почва засыпаны снегом. В тумане очертания гор едва видны, и потому наши проводники сбились с дороги. Долго блуждали из стороны в сторону, пока не решили остановиться у реки в горах, где под снегом виднелось немного болотной щетинистой травы. В пути видели стада яков: одно – у реки, другое – на склоне снеговой горы; в бинокль рассмотрели пасшихся баранов и решили, что здесь у гор вдоль реки должен быть где-нибудь аил. Остановились в 12 ч. дня и послали верховых на поиски аила, откуда мы смогли бы взять проводника через перевал. Нашли аил из пяти палаток и вскоре привезли одного сказочного вида человечка из хор-па, с мечом за поясом, обнаженным правым плечом (мы все в шубах), в ожерелье из бирюзы и кораллов, волосы отчасти торчат, отчасти заплетены по бокам в две косы, в грубых в жестяной оправе темных очках от снега. Он сообщил, что следит за стадами, но проводит до дороги, от которой мы, оказывается, отошли в сторону. Только что прогнали мимо нас со снегового пастбища громадные стада яков и

баранов. На перевале или около него, оказывается, стоит охранный пост; далее решили взять проводниками солдат. Чимпа опять замечен в курении китайского табака; по словам Кончока, в Урге Чимпа курил опий.

11/X ***В горах Тан-ла. Слухи о тибетском генерале. Болезнь глаз Н.К.***

Ночь морозная; вода в кувшине замерзла и превратилась в кусок льда, снег хрустит под ногами. Вышли в 7 ч. 30 м. утра. Выяснилось, что военный пост из тридцати солдат мы миновали накануне, не заметив его во время вьюги, когда пошли направо от дороги и поста, который стоял впереди на пригорке. Встреченный нами хор вчера переменил стоянку, и потому мы нашли его сегодня на пути к перевалу в сопровождении Кончока. Он указал нам путь к перевалу вверх по реке, на которой мы стояли, и удалился к своим стадам. Собственник этих стад – богатый человек и живет в Нагчу; это же его приказчик. Встретили еще двух тибетцев хор-па, и они также указали нам путь. Наши ламы не особенно довольны, что мы спешим. Они непрочь отдыхать и идти медленно, якобы заботясь о животных; на самом же деле при наступающих снежных метелях и холодах и при скудной траве стоянки в горах Тан-ла гибельны для животных. Сегодня оставили на пути еще двух приставших верблюдов и одного мула. Шли по неровной местности по снегу при палящем солнце, обжигающем лицо отраженным от снега светом. Восточная мудрость о снеге на высотах говорит: «Где снег, там и тепло». Во время пути в табун мулов забежал медведь, перепугавший их.

Характерная черта Востока, который ничего не забывает, – П.К. теперь называют «Тот, кто потерял оружие».

Характер местности очень однообразен, тем более, что значительная часть пути пролегала по снегу и только при выходе на дорогу местами появлялись обнаженные от снега земля и трава. Ширина дороги удивила нас, напомнив большую трактовую дорогу, по которой проложены многочисленные тропы. Не видя свежих следов в этой почти безлюдной местности, Н.К. замечает: «Точно тут прошли какие-то невидимые караваны». Завтра надеемся пройти перевал Тан-ла и выйти из этих гор. По слухам, за перевалом, ближе к Нагчу, находится военный отряд человек в 200–300 под командованием генерала. Опять вспоминаем при этом известии предостережение таинственного незнакомца. Остановились в 1 ч. 30 м. пополудни около реки на сыроватой глинистой почве, покрытой галькой. Трава щетинистая, желтая, скудная и жесткая на болотистой почве, покрытой кочками. Сегодня большинство людей каравана было в предохраняющих от света очках; боль в глазах и отеки век и лица почти прошли. Н.К. замечает, на основании опыта, что при раздражении глаз отраженным от снега светом лучше всего помогают теплые примочки. Заболевшим правым глазом Н.К. все время видел окружающие предметы с ярко-голубым силуэтом, причем первый план ничем не отличался по силе окраски от дальних планов.

2/X ***Два перевала. Двойное зрение Н.К. Страшный горный проход. Двенадцать божеств высот.***

Встали в 4 ч. утра, дует холодный ветер, сильный туман, все покрыто инеем. Ночью пал верблюд, принадлежавший двум братьям, погонщикам-монголам – Таши и Кончоку. Они очень берегли своего верблюда, нагружая его самым легким грузом – банками из-под воды, пустыми ящиками или легкими мешками. Лама Бухаев так и объ-

яснил гибель верблюда недобросовестностью его хозяев. Несколько дней перед этим верблюд сильно кашлял, видимо, после вливания ему в рот для подкрепления сил жидкой цампы; существует предположение, что часть цампы попала в дыхательное горло, так как удушливый кашель начался после вливания. Шли сегодня большой горной дорогой без снега. Около 11 ч. утра, пройдя ущелье, перешли первый перевал, а затем после 12 ч. дня другой перевал, отмеченный тремя большими конусами камней – обо. В пути оставили лошадь, купленную в Цайдаме.

Н.К. видит предметы уже без световых контуров, но зато сегодня появилось двойное зрение – все отдаленные предметы двоятся, одно изображение предмета ниже, другое выше; болей при этом в глазу никаких нет, остается только расстройство зрения. Тибетец Кончок уверяет, что все предметы он видит больным глазом учетверенными, но это заявление я оставляю на его совести. В 2 ч. дня остановились вблизи высоких снеговых вершин, меж которыми имеется горный проход. До Нагчу остается пять дней перехода. Горного прохода тибетцы боятся, уверяя, что на вершинах живут двенадцать божеств, которые могут наслать и вьюгу, и холод, и даже погубить караван; в других же пройденных нами горах не так опасно, так как там находится только по одному божеству.

Н.К. отмечает, что названия проходимых нами в Тибете местностей на карте обозначены по-монгольски, между тем как они имеют свои тибетские названия, под которыми и известны здесь. Ю.Н. при составлении карт пройденного нами пути обещал учесть это замечание Н.К. и указать настоящие местные названия. Стоим на высоте около 16.000 футов. День солнечный, но дует холодный ветер. Е.И. холод полезен, чувствует себя прекрасно.

3/X ***Перевал Тан-ла. Снеговые хребты. Высочайшая «тундра».***

Сегодня предстоит долгий переход. Вышли в 6 ч. 50 м. утра. День обещает быть благоприятным для перехода – не особенно холодно, ветра нет, и небо покрыто небольшими облаками. Направляемся прямо к высоким снежным вершинам, где имеется наиболее удобное для прохода место – перевал Тан-ла высотой 16.380 футов. Вдоль русла горной реки почва местами болотистая или каменистая. Около 1 ч. пополудни достигли прохода и в 1 ч. 30 м. перешли перевал, на котором сооружен большой обо, украшенный катагами. Наши ламы зажгли курения и прочли молитвы. С вершины перевала открылось восходящее нагорье и далее снова его замыкали снеговые хребты. Около полутора часов шли по нагорью на высоте около 17.000 футов, а затем справа меж снеговых гор открылся спуск в долину реки.

По пути встретили тибетца, гнавшего верхом двух домашних яков. Из разговоров выяснилось, что недалеко в долине имеется трава; он же обещал нам подобрать в пути приставших животных и доставить их в Нагчу. Остановились в 3 ч. 50 м. в долине. За сегодня пристали один верблюд, мул и вороной иноходец. Мы прошли за эти девять часов не менее 36 верст. Оставшиеся четыре дня перехода потребовали бы от 35 до 45 верст ежедневного пути, то есть в любом случае это для верблюдов чрезмерный марш, значит, нам и в одиннадцать дней вряд ли удалось бы пройти то расстояние, которое Цыбиков в своем маршруте от Дечу до Нагчу определяет в девять дней, приводя невероятно короткие расстояния в верстах. Нет ли в его записях ошибки, которая сокрушила наши надежды более скорого прибытия в Нагчу? Итак, четырехдневный переход грозит обратиться чуть ли не в недельный. Скоро узнаем.

Сегодня часть пути шли топью; Н.К. называет эти топи высочайшей тундрой, так как на более высоком уровне, чем 16.000 футов, вряд ли они существуют. Со второй половины дня зрение Н.К. восстановилось. Кончок тоже, видимо, поправляется, так как заявляет, что вместо четверного зрения у него сегодня двойное. У Н.В. сильная одышка. К вечеру зрение тибетца Кончока восстановилось. Чимпа приехал только в 8 ч. вечера. В 8 ч. 30 м. последним пришел пешком едущий с нами лама Х. – пристала в дороге лошадь.

4/X ***Усиление охраны северной границы Тибета. Верхние горячие источники. Живописные средние гейзеры. Продукты кончаются. Моление голоков в Лхасе.***

Ночь была умеренно холодная; вода в палатках покрылась корочкой льда. Встали в 5 ч. утра, утомленные за предшествовавший переход. Люди вставали медленно и неохотно. В 7 ч. 30 м. все же удалось вновь двинуться в путь. Дорога сначала вела вниз, а затем – вверх, к небольшому перевалу, где стоят два обо.

По пути к перевалу встретили шестерых хоров верхом с кремневыми ружьями-рогатками. Все они были без головных уборов, с растрепанными волосами. Оказывается, это был военный отряд, направляющийся в горы Куку-шили для организации там пограничного поста в целях охраны северной границы от предполагаемого появления русских. Один из этих солдат был с пикой. Нас они ни о чем не спрашивали и не задерживали, видя в нас мирный караван, а может быть, зная о посланном нами письме в Нагчу. После перевала спустились к реке, вблизи которой на возвышенности и по склонам гор мирно паслось около сотни домашних яков. Ростом они меньше диких, и рога

не так закручены, как у последних: у диких яков рога изогнуты штыкообразно к концу.

В этом месте вода в реке имеет температуру около +25° С, так как в нее вливаются несколько находящихся здесь так называемых верхних горячих ключей – гейзеров. Далее дорога шла по руслу реки, и вода в ней была уже холодная. При переходе через теплую реку увидели троих верховых хоров с рогатыми ружьями; хоры не отвечали на наши вопросы. Лишь подъехали к Г., ехавшему в конце каравана, и спросили его, не русские ли мы. Он ответил им по-русски, что американцы. Спрошенный ими затем один из наших лам ничего не ответил, продолжая вполголоса молитвы. Это оказались местные жители. До 1 ч. пополудни ехали вдоль реки по возвышенности, выбираясь из гор, и наконец в 1 ч. дня остановились у средних горячих источников на луговине, недалеко от реки.

На возвышенности по другую сторону реки видели три каравана яков, направлявшихся с чаем в Нагчу. В 3 ч. дня пошли осматривать гейзеры. Они многочисленны по руслу реки. Один из них вблизи чрезвычайно живописных древних скал на берегу образует на дне реки глубокий бассейн голубовато-зеленоватой теплой воды с крупными пузырьками газов; в бассейне плавают большие рыбы. Немного далее в камнях у самой реки как бы котел кипящей воды. Вода очень горячая, руку можно опустить только на секунду. Бурное кипение происходит от обилия выделяющейся углекислоты с незначительной, едва уловимой примесью сероводорода. Вкус воды минеральный, приятный; вода вполне пригодна в охлажденном виде в качестве столовой минеральной воды. Далее вниз по течению по правому берегу идут брызжущие вверх струей воды гейзеры; от всех идет пар, несмотря на сравнительно теплый солнечный день. Сегодня пристал и брошен рыжий мул.

Н.К. задает мне много научных вопросов, на которые пока еще невозможно ответить за неимением подробных исследований. Его, например, интересует вопрос о содержании в снеге разных высот и географических местностей метеорных осадков, степень минерализации снега и полный химический состав его в разнообразных условиях в зависимости от самой местности, высоты ее и других условий в природе и в жизни населенных мест.

Аилы хоров группируются вдоль караванной дороги не без основания. В этом году голоки отправились на моление в Лхасу, где ведут себя во время моления очень чинно, но зато при возвращении обратно они вознаграждают воздержание от своих разбойничьих инстинктов многочисленными грабежами. Возвращаются они обычно в девятом тибетском месяце, и мы очень рады, что нам удастся пройти в восьмом тибетском месяце, то есть на месяц ранее. Положиться на наших людей при серьезной стычке было бы неосновательной иллюзией. Вспоминается, как в один из самых опасных моментов после перевала Нейчжи наш проводник Дзанге-лама явился к Ю.Н. с хатагом в качестве представителя других монголов с заявлением о желании немедленно нас покинуть и вернуться обратно. Ю.Н. нашелся и очень твердо приказал ему немедленно спрятать катаг и непринятием последнего разбил это настроение. За последние дни нас огорчают четверо наших бурятских лам, которые чем ближе к цели путешествия, тем более становятся неприятными. Продукты наши подходят к концу – сахара нет, чай кончается, сидим больше на corned-beef'е, овсяной каше и цампе. Той же цампой пытаемся подкармливать наших верховых лошадей, которые при недостатке хорошей травы ослабели.

5/X

Болезнь Чимпы. Винтовки тибетского изготовления. Хоры опасаются голоков.

Ночь теплая. Чимпа сильно стонал в 11 ч. 20 м. вечера. Мало того, что курит китайский табак из трубки, но, не довольствуясь теплом шуб, покрывал и большой резиновой грелки, приказывает у себя в палатке (майханэ) раскладывать из аргала костер, или ему приносят в большом жестяном тазу горящий аргал и закрывают полы майханэ на ночь. Как только не угорел еще насмерть? Потворствуют ему его слуга-лама и тибетец Кончок. Злоупотребляет втихомолку и пищей. Решили завтра оставить его в первом населенном месте – урочище Шингди – на попечение властей и сородичей.

Вышли в 7 ч. 45 м. Прошли мимо средних гейзеров вниз по реке. Дорога была очень хорошая, день солнечный, благодаря ветру – нежаркий. Остановились у реки в 1 ч. 15 м., пройдя через небольшую возвышенность, где установлен обо с высеченными на камнях по-тибетски благочестивыми воззваниями. По дороге нашел небольшие, но очень красиво изогнутые рога Antilopae dolorosae. Почва на месте стоянки сухая, песчаная, покрытая мелкой травой. Н.К. сообщил сегодня, что вчера вечером к Ю.Н. пришел погонщик Цiринг и изъявил желание остаться в Лхасе, причем, говоря о житье-бытье в лагере, заметил: «У нас только двое больных – Чимпа и высокий желтый, который лежит». Такая репутация Н.В. в лагере очень огорчила Н.К.

Около средних горячих ключей нашли куст лесной земляники, конечно, уже без ягод. Кончок говорит, что в окрестностях Лхасы много земляники. Он же добавляет, что во многих дворах частных домов Лхасы имеются гейзеры. На стоянку пришли два хора с новыми тибетскими винтовками на рогатках. Ложа и цевье сделаны, видимо, из

липы или клена, очень легкие. Получили известие от местных жителей, что четверо иностранцев, задержанных в Шингди, пропущены далее в Нагчу. Вечером пришли местные жители-хоры – мужчины и женщины; всему удивлялись. Радовались, как дети, при виде двух коробок спичек («нар» – солнце), свистка и разных безделушек вроде зеркальца, металлической коробочки и склянки из-под капель. Скляночка заставила даже одного из них пуститься в пляс от переполнившего его чувства. Все были без шапок, по обыкновению часть волос у мужчин заплетена в две косы, свешивающиеся по обеим сторонам головы, остальные волосы растрепаны. У женщин волосы заплетены во множество (более 20) мелких косичек, которые прикреплены с боков и сзади к широкой ленте, расшитой бирюзой и кораллами. Женщинам дали изюма и китайских фиников. Восторгу их не было границ. В подарок со своей стороны они принесли молоко, тарак (род кефира) и масло и попросили еще изюма, который охотно им дали. Они же сообщили нам, что очень боятся голоков, которые, по их сведениям, находятся в горах Тан-ла, совсем недавно и благополучно нами пройденных.

6/X ***Опять милицейский пост в урочище Шингди.***
Главнокомандующий Востока.
Первое наше сомнение о задержке хора.
Падеж животных продолжается.

Вышли в 6 ч. 50 м. утра; погода благоприятная для перехода. День нехолодный, безветренный с утра, небо облачное. Шли вдоль реки по неровной почве на урочище Шингди. По дороге встречались антилопы, за которыми гонялись наши собаки, и черные стада домашних яков из редких и немноголюдных здешних аилов. После пройденного невысокого перевала заметили справа у гор топтав-

шихся на одном месте шестерых хоров. Оказалось, что это были местные жители, милиционеры охранного поста; немного выше находилась их палатка. Только двое из хоров были в высоких белых войлочных шляпах, с мечами и один, вооруженный рогом антилопы; остальные – с непокрытой головой, безоружные, одетые в черные промасленные тулупы. Лошадей у них не было. Из разговора выяснилось, что они знают о письме, посланном в Нагчу, но со своей стороны они должны послать о нас извещение генералу, который стоит лагерем в сутках езды отсюда. Обещали прибыть к нам на стоянку в Шингди и взять сведения о количестве людей и животных.

Хоры – пастушеское дикое племя, детски наивное и добродушное. В 12 ч. 20 м. пополудни прибыли на пастбище у речки в начале урочища Шингди, где и остановились в ожидании хоров. Генерал этот, оказывается, большое лицо в Тибете – «Главнокомандующий Востока», то есть главный начальник пяти уездов округа Хор и округа К'ам. Как мы догадываемся, столь необычное появление на этой дороге такого высокого лица следует отнести опять за счет пресловутого монгольского посольства – бдительность Тибета обращена на Север. Конечно, нам очень приятно встретиться с таким высоким военным лицом Тибета, но единственное соображение лишает нас радости: чтобы какие-нибудь новые «люксо» (обычаи) не задержали наше продвижение.

Сегодня пристал еще один верблюд и маленький мул. Поражает отсутствие костяков животных на этой большой караванной дороге, которой мы теперь идем. На Каракоруме весь путь усыпан костями. Надо думать, что здесь приставшие животные чаще всего поступают в распоряжение местных жителей, которые, конечно, зорким ястребиным оком следят с вершины за следованием караванов, подражая в этом вьющимся над караванами ястребам и мощ-

ным воронам. Отвратительно видеть, как большие вороны садятся на спины даже здоровых животных и начинают клевать их. Вновь замечаем, что с приближением к цели путешествия отношение к нам бурят-лам становится все хуже, между тем как они должны бы были именно теперь быть особенно заинтересованы в нашем расположении, так как к бурятским ламам в настоящее время в Тибете относятся очень подозрительно.

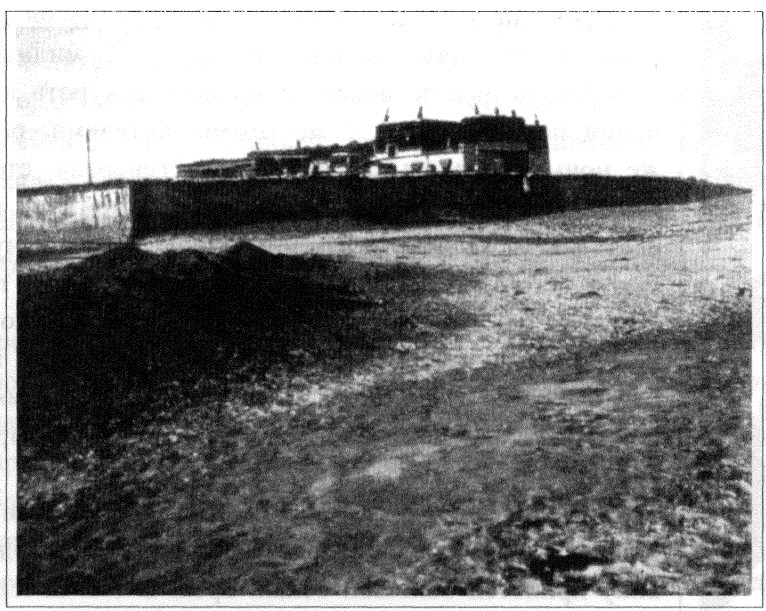
По этому поводу Н.К. замечает: «Двери в рай широко открыты, но нельзя же тащить людей туда за волосы, так как каждый ответственен за свои проявления мысли и слова. Счастье сознавать, что каждое человеческое слово, как скрижаль закона, а не щебетание птицы». В 3 ч. 10 м. пополудни показались на горизонте двое верховых хоров, которые, однако, проехали дальше лагеря. В 5 ч. дня пришли маленькие и взрослые хоры, все без шапок, некоторые с мечами. Один из них, очевидно, хотел блеснуть своей наружностью, так как выкрасил щеки красной краской и надел широкую лисью шапку, из-под которой по щекам свешивались черные локоны.

Жители области К'ам, голубоглазые рослые блондины, менее кокетливы – они носят косу, которой перед битвой обматывают шею для защиты от удара мечом. Здесь нет ни двух косичек по вискам, ни локонов, ни военно-практического применения своей косы. Эти хоры обещали нам завтра привести лошадей в обмен на больных и уставших животных. Таким образом, придется завтра потерять день на стоянку. Пристало и брошено в общем семнадцать животных. Многие из оставшихся больны и сильно изнурены. Все хоры, которых до сих пор видели, очень напоминают какой-то сказочный народ – или берендеев, или нибелунгов. Е.И. называет их «человечками» за маленький рост, худенькие согбенные фигурки и маленькие ноги в сказочных сапожках из тибетской шерстяной материи, рас-

шитой крестиками. Е.И. наградила приходивших вчера и сегодня хоров изображениями Будды Всепобеждающего с мечом, и они были очень довольны. Чимпа еще жив и как будто чувствует себя временно лучше, а потому хочет ехать до Нагчу – оставаться в Шингди не желает.

7/X ***Наезд хоров. Представители от генерала и Нагчу-цзонга. «Буддийский король». Перелет журавлей.***

С вечера шел снег. Ночь теплая. Утро солнечное, прохладное. Собралось много местных жителей, хоров, для обмена животных. Приехали и власти – военные и гражданские. Хоры приходили к нам в палатки, курили свои длинные трубки и с любопытством рассматривали нас и наши вещи. Был и вчерашний молодой хор с черными локонами, в меховой шапке и с накрашенными щеками.



Нагчу-дзонг.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

Оказалось, что для окраски щек хоры употребляют кровь, смешанную с маслом или жиром. Представитель военной власти был проведен в палатку к Чимпе, куда пришли Ю.Н., говорящий по-тибетски, и тибетец Кончок. Этому представителю были сообщены все сведения о нас и передано письмо Далай-Ламе от тибетского доньера в Урге. Отношение к нам как представителям западных буддистов было очень доброжелательное. Около 12 ч. дня прибыл из Нагчу-цзонга (крепость) представитель от генерал-губернатора, которому также были сообщены наши имена и предоставлены сведения об общественном положении на Западе, а также показаны вещи, причем, рассматривая танки и священные предметы, он сказал, что это лучший паспорт. Вскрыты были, по выбору доньера, лишь три сундука. Вместе с доньером приехали в качестве охраны двое верховых: один – с винтовкой, другой – с маузером.

Пробыли власти почти до четырех часов пополудни, оставив нам пять человек из местной милиции, чтобы освободить наших людей от ночных дежурств и для поручений при контактах с местными жителями, обещая этой же ночью передать срочный ответ генерала, стоящего лагерем, как оказывается, в восьми часах пути от нас. Чимпа едет завтра со своим грузом и слугой в Нагчу. Туда же уехал сегодня и Кончок; мы же будем ждать пропуска в Нагчу от генерала. В докладе гражданского чиновника Н.К. назван «королем буддистов». Мы вспоминаем, как в Шибочене Н.К. называли «американским королем», в Хотане – «русским царем» и в Дарджилинге – «французским королем».

Каждый день над нами длинными лентами высоко в небе пролетают огромные стаи журавлей. Сегодня на стоянку прилетел большой белый орел. В 7 ч. вечера прибыла наша почетная стража во главе со старшиной и расположилась на другом берегу реки в белой палатке.

8/X ***Вопрос доньера о границах Шамбалы. Получено разрешение продолжать двигаться далее.***

Стоим на месте; разрешение генерала продолжать путь еще не получено. В 10 ч. утра возвратился торгоут Очир, ездивший с Кончоком до первого уртона, и сообщил, что в 3 ч. ночи Кончок и приехавшие власти выехали далее на уртонных лошадях. Немедленно по получении разрешения выезжаем в Нагчу, где предполагаем нанять до сорока пяти яков для груза, оставив лишь своих верховых лошадей и лучших верблюдов. Вместо 7–8 дней предполагаем идти от Нагчу до Лхасы около двух недель, чтобы посетить несколько крупных монастырей по дороге – Ретин, Сера и другие.

Вчера при посещении доньером палатки П.К. было обращено внимание на разложенную на столе географическую карту, причем доньер пожелал увидеть на карте, где находится Лхаса и область Шамбалы. П.К. указал Лхасу, а о Шамбале сказал, что эта область проходит близко от хребта Думбуре. Доньер остался очень доволен, что П.К. знал местоположение Лхасы и указал запретную область Шамбалы. Последняя – величайшая тайна Тибета, поэтому с легкостью говорить на эту тему не приходится.

Чимпа все еще остается с нами, так как не в состоянии ехать один без провожатого; наши люди не могут пока без разрешения ехать далее, а желающих сопровождать его из местных людей не находится. Сегодня опять прилетали два орла величиной с индюков, ходят плавно и близко подпускают, шагов на восемь; голова и брюхо у них белое, а на голове – хохол. Опять пришли хоры, среди них малолетние, до 10 лет, и тоже с мечами; одежды прокопчены дымом аргала, волосы всклокочены, все без шапок, на ногах суконные сапоги, преимущественно

белого с красным цветов. Лама Малонов с помощью других соорудил сегодня небольшое обо с плоским камнем, поставленным наверху, и побелил его известью. На камне будет написана по-тибетски молитва Шамбале.

У всех приезжавших вчера представителей властей в левом ухе была большая серьга-подвеска с крупной бирюзой, у высших – золотая, у младших – серебряная, вызолоченная; работа очень хорошая. В правом ухе была небольшая бирюза. У приходивших хоров на груди были серебряные, тонкой филигранной работы, ладанки. Один из хоров предлагал купить намытое им где-то увесистыми крупинками золото за двадцать нарсангов. В 5 ч. 30 м. прискакал гонец с разрешением ехать в Нагчу. Выступаем завтра рано утром.

9/X ***Тяжелый путь. Застава хоров.***
Тяжелый припадок у Ю.Н. Опасное нагорье.

Утро холодное. Вышли в 6 ч. 45 м. утра. Предстоит перейти перевал. Почва до перевала болотистая, покрытая кочками и ямами. Подъем на перевал крут, к тому же усеян крупными камнями. Обычно бывает так, что после перевала спускаешься в долину; здесь же вновь оказалось высокое нагорье, то есть новый подъем с массой громадных камней. Перед перевалом увидели приставшего яка, а перед нагорьем – отдыхающий караван яков. Несмотря на значительную высоту, большая часть нагорья оказалась покрытой пастбищами с удовлетворительной по местным условиям щетинистой болотной травой, а также болотами, озерами и речками. В самом начале пути по нагорью навстречу нам прискакали шестеро безоружных хоров и, возбужденно крича, преградили нам путь; это оказался пост местной полиции. Сопровождавшие нас верхом двое чи-

новников вовремя подъехали к нам и успокоили хоров заявлением, что у нас имеется пропуск.

По мере продвижения вперед встречали многочисленные стада домашних яков, которые кротко пропускали нас, видимо, привыкнув к виду проезжающих мимо всадников. Своим поведением яки выражали скорее любопытство, но никак не враждебные чувства; встретили также очень большое стадо баранов с длинными плоскими рогами, изогнутыми в сторону, и несколько козлят; лошадей видели здесь только под всадниками.

Около 3 ч. дня во время спуска в долину, верстах в двух от стоянки генерала, Ю.Н. почувствовал себя дурно и был снят с лошади. Горизонтальное положение не помогло, так как онемение членов и лица, чувство, что по телу бегают мурашки, и сильная одышка продолжались – это горная болезнь. Состояние сердца внушало опасения. После двадцати капель дигиталиса Ю.Н. сразу почувствовал себя лучше, однако чувство онемения верхних конечностей продолжалось и прошло только после растирания кистей рук, особенно онемевших. Через полчаса все симптомы болезни миновали, и Ю.Н. с моей помощью смог сначала немного пройти, а затем и доехать верхом до лагеря.

Остановились в долине в полутора верстах от лагеря генерала. Почти то же, только в менее опасной степени, произошло с ламой Малоновым, вскоре оправившимся после вдыхания Vaporol'a, которым приведен был в чувство и Ю.Н. Все устали, всем не до гостей, но пришли жители аилов и досаждают нам своим любопытством. Щеки у женщин сильно накрашены кровью: у кого – свежей, а у кого – уже почерневшей и впитавшей грязь. Мужчины украшены ожерельями из крупной бирюзы и кораллов, у женщин бирюзой и кораллами расшиты ленты, прикрепленные к мелко заплетенным косичкам. Принесли молока,

но продают очень дорого – маленький глиняный молочничек менее чем за янчан не отдают. К нашему несчастью оказалось, что мы остановились близко от аилов. За последний переход пристали и брошены три верблюда; многие настолько слабы, что пришли и тотчас легли, не едят. Сегодняшнее нагорье оказалось – для нас совершенно неожиданно – на большой высоте, причем дул сильный холодный ветер, дважды покачнувший лошадь Н.К.

Седьмой час вечера, а Чимпа все не едет. Не случилось ли чего с ним? Курит дорогой и трубку, и папиросы, а это на высотах без особой привычки – смерть. Китайский табак, содержащий коноплю, чрезвычайно возбуждает сердце – пульс у курильщиков бывает, как я на днях считал у хоров, не менее 120. Примером тому был в Шибочене и Шарагольчжи бурят Цультим, который, накурившись, ходил осунувшийся, с перекошенным, изменившимся лицом, – сказывались сильное сердцебиение и головная боль, при этом он всем жаловался, что ему «узко», и требовал исцеления. Наконец, причина была обнаружена, и тогда «узость» прекратилась, а до тех пор сильные сердечные средства не оказывали на перевозбужденное несколькими трубками китайского табака сердце никакого заметного регулирующего действия. То же и с Чимпой; по дороге (он едет позади последнего эшелона верблюдов) все видят, что он курит, он же продолжает упорно отрицать это. Н.К., Ю.Н. и я неоднократно разъясняли ему вред курения на высотах, но, видимо, исполнит обещанное, если только приедет сегодня живым после этого нагорья. Тибетские горы славятся и «са-ду», и «ля-ду», и всякими неожиданностями. Надо сказать правду, они мало изучены европейцами. Хуже всего то, что на высотах смерть может наступить очень быстро, иногда даже всадники внезапно падают с лошади. Поплатились жизнью и несколько вра-

чей, находясь на высотах во время экспедиций в Тибет и на Гималаи. Среди людей имеется, очевидно, определенный процент тех, кто не выносит и погибает от воздействия высот.

10/X ***Поездка к «командующему Востоком» Тибета. Новый припадок Ю.Н. Ставка. Торжественный прием. Посещение лагеря генералом.***

Ночь холодная; в моей брезентовой палатке днем жарко, а ночью замерзает вода. С раннего утра пришли местные хоры; женщины, даже старые, накрашены кровью; мужчины и женщины достаточно развязны и назойливы. Н.К., Ю.Н. и Н.В. поехали в 9 ч. утра с американским флагом на пике в ставку генерала с визитом; я выезжаю позднее в сопровождении ламы Кедуба. Ю.Н., по-видимому, совершенно поправился, но на всякий случай получил перед отъездом строфант. Вчера, кроме Ю.Н. и Малонова, была больна и Е.И. – ощущалось онемение рук и по телу «бегали мурашки»; Г. чувствовал одышку, а монгол Кончок, брат Таши, – сильную головную боль. Чимпа, хотя и был слаб и в пути сделал остановку, все же к 8 ч. 30 м. вечера благополучно доехал до стоянки. Вместо приставших животных предполагаем взять пока до Нагчу яков. Выехал вслед, спустя полчаса, но вскоре, к удивлению своему, увидел ожидавших меня на полпути Н.К. и Н.В. Оказывается, Ю.Н. вновь почувствовал слабость и дальше ехать верхом не мог, ввиду чего и был оставлен на мое попечение, а Н.К. и Н.В. продолжили путь далее в ставку генерала.

Вскоре к нам приехала – в сильном беспокойстве за Ю.Н. – и Е.И., в сопровождении П.К., а затем из ставки – один из приближенных генерала, которого Ю.Н. раньше

встречал в Дарджилинге в Сиккиме. Через полчаса Ю.Н. настолько оправился, что смог продолжать путь на моем Сером, в мексиканском, более удобном, чем казачье, седле. Я же и два торгоута сопровождали его, за нами следовали Е.И. и П.К.

Ставка представляла собой ряд черных ячьей шерсти палаток с дымящимися аргальными кострами и массами золы за палатками; среди этих палаток, выставленных в один ряд, виднелось сооружение из пластов земли, внутри которого находилась китайская палатка самого генерала. Мы застали Н.К. и Н.В. уже сидящими в палатке генерала справа на возвышении на шкуре леопарда. Около часа им пришлось, спешившись, ожидать приема у генерала, так как он и его свита, видимо, достойно готовились к приему высоких гостей. Приезд наш в ставку был ранний и, видимо, несколько неожиданный для генерала, который уже собирался уехать в К'ам – были уже погружены яки. Пришлось, по-видимому, все вновь установить и украсить для приема гостей, а также одеть всем самые торжественные официальные одежды, в которых мы их увидели, и сделать распоряжения относительно угощения. В палатке было устроено четыре сиденья. Прямо против входа на возвышении сидел генерал на тигровой шкуре, поджав под себя ноги, покрытые покрывалом. На голове его была надета круглая меховая черная китайская шапка с верхом из красивой узорчатой золотой парчи; на ней спереди величиной в два или три вершка золотой акдордж, украшенный пятью крупными рубинами и четырьмя мелкими по бокам, а также крупной бирюзой. Позади акдорджа, в центре шапки, помещалось золотое украшение, усыпанное бирюзой, жемчугом, мелкими рубинами и хризолитами. Одет он был в желтый шелковый халат, из-под которого виднелся также шелковый, но голубого цвета халат на тонком

мериносе. Перед генералом было возвышение из китайских сундучков, на котором находились письменные принадлежности, серебряные карманные часы и серебряная плевательница, которой генерал временами пользовался, поднося ее ко рту. Это был молодой двадцатичетырехлетний мужчина, бывший далай-ламский гвардеец, теперь «командующий Востоком», по рангу выше генерал-губернатора Нагчу. По правую руку генерала на возвышении, покрытом розовато-сиреневым шелковым покрывалом, расписанным или вытканным красивыми крупными цветами и плодами, находилось около дюжины священных изображений в серебряных окладах, в виде древнерусских поставцов, перед которыми горела серебряная лампада. Справа от него на леопардовой шкуре разместились Е.И., Н.К. и Ю.Н. Слева на такой же шкуре – трое высших чиновников в ставке главнокомандующего. Двое из них моложе генерала, третий около пятидесяти или немного более лет. Все в таких же шелковых китайских одеяниях и шапках с украшениями посредине, усыпанными бирюзой и жемчугом. Лишь у старшего по возрасту чиновника был еще спереди на шапке круглой формы золотой знак с крупной бирюзой посредине. Н.В., я и П.К. сидели против генерала на возвышении, покрытом ковром.

Любезно улыбаясь и обнажая белые зубы при поднятии верхней губы, украшенной тонкими черными усами, генерал тотчас же вступил с Ю.Н. в беседу, расспрашивая о подробностях нашего путешествия и задавая вопросы об интересующих его предметах, иногда очень глубокого значения. Тут начался ритуал бесконечного угощения тибетским чаем без сахара, с маслом, солью и содой. Чай предлагался поочередно каждому в китайских фарфоровых чашках, на особых серебряных, очень тонкой и красивой работы подставках; чашки подавались прикрытыми специ-

альными серебряными крышками. Надо было немного отпить и возвратить; через некоторое время опять предлагался новый чай и так более десяти раз в течение трех- или четырехчасовой беседы. Тут же предлагался дастархан, то есть угощение на двух тарелках. На одной был китайский сахар, финики, монпасье и какие-то посыпанные сахарной пудрой сухие фрукты, которые сначала по виду я принял за винные ягоды (смоква), но оказалось, что это неизвестные мне китайские фрукты с пятью плоскими косточками. Далее подавался в китайских чашечках рис с сахарным песком. Угощение закончилось, когда принесли в медной чаше угольев, на которые генерал посыпал из мешочка курения и помахал на себя дым ладонью, вдыхая аромат курения. Поочередно все присутствующие окурили себя. Генералу были поднесены в парчовом золотом мешочке большие карманные золотые часы французской работы, усыпанные жемчугом, с эмалью, расписанной цветами, на задней крышке. Воздерживаясь от любопытства, генерал положил подарок, не рассматривая его, перед священными изображениями.

Разговоры с генералом приняли настолько интимно-дружественный характер и были настолько разнообразны, что даже коснулись и глубоких духовных интересов Востока с упоминанием о Шамбале и о Письме Махатм, находившемся при Н.К., которое было тут же со знаками глубокого почтения осмотрено присутствовавшими. В ходе дальнейшего разговора попутно выяснилось, что среди задержанных и высылаемых из Тибета через Ладакх находится и вышеупоминавшийся Фильхнер.

Отношение к нам генерала стало настолько доброжелательным, что он заявил о своем желании проводить нас в лагерь и лично облегчить нам неизбежную процедуру таможенного досмотра вещей, ибо, как он выразился, было

бы неуместно маленькому чину касаться вещей большого человека. Было отдано распоряжение немедленно готовиться к походу и в то же время послано с гонцом тут же изготовленное секретарем письмо к генерал-губернатору в Нагчу. Кроме того, генерал обещал, удостоверившись в нашем высоком положении и глубоких знаниях буддизма, лично написать Далай-Ламе.

И вот произошла поучительная перемена всей обстановки: утром, находясь в ожидании генерала, Н.К. и Н.В. были окружены черной стеной столпившихся вокруг них хоров, а теперь при нашем выезде – стрельба из небольших пушек, музыка и парадная обстановка торжественного шествия в сопровождении главнокомандующего и многочисленных чинов разного ранга в парадных одеждах, а впереди – большое тибетское знамя, на котором изображено солнце и идущие от него красные лучи на голубом фоне, внизу же на белом фоне какое-то изображение в красных тонах. Итак, впереди везли знамя, за ним ехали солдаты в английской летней форме, в летних шляпах на головах, с кокардой справа, среди них музыканты с кавалерийскими трубами и шотландскими рожками, затем многочисленная свита чиновников, потом чины штаба и личные секретари, далее мы и главнокомандующий и, наконец, сзади многочисленная толпа хоров разных должностей – все это скакало нестройной пестрой толпой под звуки военной тибетской музыки. Перед лагерем солдаты и музыканты выстроились во фронт и пропустили всех с музыкой, отдавая воинскую честь. Надо отметить, что музыкантов у генерала было больше, чем солдат.

В лагере уже все было приготовлено к приему главнокомандующего и его высших чинов. К центральной палатке Н.К. вела дорожка из белых кошм и под навесом был приготовлен чай по-тибетски с печеньями, пирожка-

ми, пышками, ломтиками плиточного шоколада, сгущенным сладким молоком и прочими здесь редкостями. Гостям были показаны виды Нью-Йорка и разные вещи и фотографии. Задавали много вопросов и очень утомили Ю.Н., чувствовавшего большую слабость. После угощения генерал лично приступил к осмотру некоторых больших сундуков, причем секретари его исполняли канцелярские формальности. Этим он будто бы хотел оказать нам честь, повторяя, что недостойно, если бы вещи высоких людей осматривали маленькие чиновники. Во время этого осмотра Ю.Н. чувствовал большую слабость и по моему совету лег в своей палатке, куда вскоре пришел и главнокомандующий любезно осведомиться о здоровье и проститься до завтра, когда мы переедем ближе к его ставке и он закончит формальности. Он же сообщил, что теперь въезд в Нагчу совершенно воспрещен всем иностранцам, но что нас, высоких гостей Тибета, это запрещение не касается, и вновь подтвердил, что ради нас он пока остается и еще раз лично напишет о нас Далай-Ламе. На этом мы расстались, обменявшись по-европейски рукопожатиями. Снова нахлынули любопытствующие хоры, которые до этого держались в стороне, мы же поспешили разойтись по своим палаткам, устав за день от всех визитов. Вспоминаю, что генерал называл нам, кроме Фильхнера, и другие фамилии – Матиссена и Плеймира. Один из них будто бы американец.

Часть VII

ЗАДЕРЖАНИЕ В ЧОРТЕН-КАРНО. ЧУ-НАРГЕН

Лагерь экспедиции во время задержания на Чу-на-кхе.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

11/X ***Переезд к ставке. Первое осложнение. Генерал вызывает губернаторов. Чимпа — предатель.***

Встали в 8 ч. утра и после легкого завтрака начали, не торопясь, собираться к выступлению – ближе к ставке. Прибыли к 2 ч. дня и остановились немного далее ставки вверх по небольшой речке. Нас тотчас же окружили многочисленные хоры всех возрастов, вскоре пришедшие к моей палатке и любезно начавшие высовывать мне языки, что считается выражением высшей преданности и почтения. П.К. повез в ставку письмо с извещением о нашем прибытии на новое место стоянки и просьбой о дальнейшем досмотре вещей для скорейшего пропуска далее. Вскоре пришел ответ от главнокомандующего с просьбой приехать к нему для переговоров. Приходивший к Ю.Н. секретарь генерала уже сообщил нам, что рано утром было получено какое-то письмо из Нагчу. Собрались Н.К., Ю.Н. и я. Приняты были в ставке очень любезно, в домашней обстановке. Генерал был в темно-зеленом шелковом китайском халате; на его непокрытой голове красовался шиньон из двух кос, заплетенных по бокам головы. В шиньон вплетена красная шелковая лента; в середине золотой значок, украшенный бирюзой.

Вскоре пришли трое его секретарей тоже в домашних темно-фиолетовых халатах и поверх них кофтах-безрукавках: один – в светло-голубой, другой – в темно-зеленой и третий – в безрукавке темно-желтого цвета. Предложен был чай и дастархан. После обмена любезностями генерал сообщил, что им получено письмо из Нагчу, из которого ясно, что гражданский и духовный губернаторы не решаются принять на себя ответственность в том, чтобы пропустить нас вперед ввиду существующего категорического указа Далай-Ламы о запрещении въезда иностранцам, а потому просят главнокомандующего как старшего по рангу

дать это разрешение от себя. Главнокомандующий решился на совершенно необычный шаг – немедленно вызвать обоих губернаторов в ставку, и при нас было продиктовано секретарям письмо в Нагчу, в котором сообщалось, что «Великий Посол Западных Буддистов Рета-Ригден (тибетское имя Н.К.) изъявил согласие обождать еще сутки, а потому обоим губернаторам предлагается немедленно прибыть в ставку Главнокомандующего Востоком Тибета». Письмо было отослано при нас с гонцом на лучшей лошади. Назавтра генерал обещал быть у нас к 12 ч. дня, причем предварительно сверил свое время с моими часами.

Чимпа остановился вчера особым лагерем, не доезжая версты до нашей стоянки. Он думает, видимо, что далее нас не пропустят, и потому решил порвать с нами связь. Пробовал даже задержать данных ему нами для проезда и провоза груза четырех верблюдов. При нем остался лама, его сопровождавший. Чимпе мы оставили палатку, верблюда, на котором он ехал, и дадим денег для найма четырех яков до Нагчу. Генерал, узнав о самовольных действиях Чимпы, был, видимо, рассержен, тем более, что Чимпа в этом случае ссылался на распоряжение главнокомандующего, и заявил, что никаких приказаний он Чимпе не давал, считая его в нашем караване, и осматривать вещи к нему отдельно не поедет. По слухам же, Чимпа рассчитывает, что ему будет дано разрешение на отъезд и он сегодня уедет. При ставке имеется тибетский лама-врач, и таким образом мы можем наконец предоставить Чимпу на его попечение и местных властей, оставляя поступок Чимпы на его совести. Тибетец Кончок возвратился из Нагчу, сделав там некоторые необходимые для нас продовольственные закупки. О Чимпе он говорит, что тот «задумал что-то, ни с чем не сообразное». Надо прибавить, что Чимпа не был в Тибете более двенадцати лет, никаких документов от доньера из Урги не имеет, ни писать, ни

читать не учился. Главнокомандующий сказал нам, что Чимпа, с которым он говорил, по-видимому, вследствие болезни разучился говорить по-тибетски. Вопрос об оружии, которое везет Чимпа, для нас очень темен; будто бы часть принадлежит правительству, однако если оно не выкупит оружия, то Ч. или кто-то другой продаст его по назначенной им вольной цене частным торговцам. Одним словом, теперь поручаем Ч. высшим тибетским военным властям, пусть сами разбираются с ним; нам же достаточно было хлопот и забот о нем как о больном человеке, оставшемся беспомощным в пути в Махое. Ю.Н. чувствует себя лучше. Вечером было небольшое повышение температуры – 37° С с десятыми.

12/X ***Нездоровье Ю.Н. Приезд генерала. Известие о предполагаемом прибытии губернаторов Нагчу.***

Ю.Н. с утра все еще чувствует некоторую слабость. Получает спермин и адонис. К горной болезни добавилось еще утомление и легкая простуда. С утра Н.В. и Г. осматривают наших животных. Придется здесь нанять еще яков до Лхасы – останавливаться надолго в Нагчу нежелательно, так как там, по сообщению Кончока, совсем нет теперь травы. Да и здесь трава уже сухая, желтая, по утрам покрытая инеем.

Оберегать нас от назойливости хоров к нам приставлены два человека из местной полиции. Вчера при нашем выходе из палатки главнокомандующего трое из его высших чинов выстроились справа в ряд и были, видимо, очень тронуты вниманием, когда мы с Ю.Н. подошли к ним и попрощались рукопожатием. Генерал знает по-английски одно лишь приветствие «доброе утро» и потому говорит нам его при свидании и прощании, после полудня и вечером. В общем, человек недурной, с приветливым лицом.

Тибетские номады.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

В начале первого часа пополудни приехал главнокомандующий со свитой в более простом наряде – в желтом и нижнем голубом на мериносе кафтанах, в должностной китайской белой шляпе с красной кистью; свита же при вчерашнем домашнем одеянии имела на голове фетровые шляпы, а один – панаму. За полчаса до приезда хоры, в количестве двадцати одного человека, принесли подарки – кули муки, цампы, масло, чай, сушеные фрукты, рис и мясо яка, свежее и сушеное. Генерал поднес белые шелковые хатаги. Гостей угощали чаем, печеньем, домашними пышками, грецкими орехами.

С любопытством рассматривали все альбомы художественных произведений Н.К. и книгу Ю.Н. о тибетской живописи, а также фотографические снимки путешествий по Западной Европе. Все прибывшие с подарками продефи-

лировали перед главной палаткой с кулями на плечах. По распоряжению Н.К. им было выдано по янчану. Вскоре после отъезда гостей явился секретарь и сообщил, что губернаторы явятся в ставку или сегодня вечером, или завтра утром. Из-за нас поднялась, может быть, почти небывалая административная суматоха. Местный старшина хоров, приставленный к нам для охраны и поручений, преподнес со своей стороны мешок ячменя от местного населения.

13/X ***Тщетные ожидания губернаторов. Плутни Чимпы. Гонец из Гиангцзе. Смерть Чимпы.***

Ночь холодная; вода в палатке замерзла. Ждем сегодня приезда администраторов из Нагчу. С утра послали подарки секретарям в ставку: старшему – красивую уздечку, среднему – американский нож в оправе и третьему – большой электрический фонарь с двумя элементами. Меньшим чиновникам до этого давали в хатаге от трех до десяти янчан. Дело в том, что жалованье чиновникам в Тибете идет более натурой, чем деньгами, а потому и по-восточному еще обычаю они любят всякие подношения. Думали, что совсем уже позабыли о Мачене, но пришлось вспомнить снова. Выяснилось, что нас он жестоко обманывал, ведя расчеты в Монголии на тибетские нарсанги по курсу: девять янчан – семь нарсангов. Оказывается, что действительный курс: десять янчан – пятнадцать нарсангов.

Ю.Н. на высоте все еще не может поправиться – по вечерам слегка повышается температура, имеется небольшой кашель и одышка, выражает желание скорее спуститься с высот. Жаропонижающих на высотах избегаем. Только раз Ю.Н. принял пирамидон при головной боли. Высота и утомление в пути все-таки дают себя знать: сегодня пульс Е.И. – 102, самочувствие хорошее; у Н.К. пульс

обычный – 62; у меня, как обычно на высотах, 90; у Ю.Н. вскоре после приема спермина и адониса, которые он теперь получает, пульс 78.

Губернаторы из Нагчу пока не приехали; возможно, что и совсем не приедут, так как там теперь ярмарка и духовные заседания, процессии и торжества. Обещали сегодня к Ю.Н. зайти секретари, может быть, что-либо и выяснится. По слухам, сегодня утром от губернаторов пришло новое письмо; вероятно, сообщают, что в силу каких-либо неотложных дел приехать не могут и опять просят главнокомандующего разрешить своей властью наш проезд далее.

Ссылаясь на генерала, Чимпа от его имени потребовал, чтобы ночью военный груз из 28 винтовок охранял тибетец Кончок. Что-то тут не так. Если груз военный, то он и должен охраняться с помощью часовых, а еще лучше было бы для Чимпы сдать его здесь и получить расписку в принятии и со спокойной совестью ехать далее, если не хочет или не может подождать нас. Обособление его от нашего каравана очень странно, и единственное объяснение – это, вероятно, его боязнь, что Ю.Н. может высказать при сдаче оружия свои предположения и выводы по поводу этих оставшихся на руках Чимпы 28 ружей из ста, купленных им в Урге на деньги, полученные от заклада части имущества тибетского посольства. Остальные ружья были, по-видимому, своевременно доставлены в Тибет его спутниками. Все поведение Чимпы – безусловно, себе во вред – остается для нас пока загадочным и необъяснимым.

Вечером мимо лагеря проезжал с бубенцами гонец из Нагчу и, к нашему удивлению, не только остановился, но и явился с разговором; выразил удивление, зачем мы стоим здесь, а не едем прямо в Нагчу. Затем он сообщил, что ряд знакомых Н.К. лиц – полковник Бэйли, резидент Сиккима, и генерал Ладенля – находятся в Гиангцзе (по

времени года необычно), что Бэйли выезжал спешно в Индию и так же спешно вернулся, что в Лхасе знали о нашем прибытии, когда мы подходили еще к Чу-мару (Улан-усу).

Вслед за этим гонцом явился секретарь генерала и сообщил, что один губернатор болен, а другой занят спешными таможенными делами, и потому завтра в 10 ч. утра будет продолжаться досмотр наших вещей местной администрацией. Гонец из Гиангцзе сообщил между прочим, что Фильхнер будто бы находится в Нагчу.

В 7 ч. вечера было получено известие, что Чимпа умер.

14/X ***Дикие собаки. Длительный осмотр вещей. Падеж животных продолжается.***

Ночь очень холодная – вся вода в палатках, в кружках и кувшинах промерзла до дна. Выли привязанные собаки. Утром обнаружилось, что старшина и два хора плохо дежурили – дикие собаки утащили алюминиевый кувшин с топленым маслом; позднее он был разыскан хорами около холмов с изгрызенной верхней частью и следами когтей на замерзшем ночью масле.

У Е.И. ночью сильно болела правая рука. При осмотре вещей Чимпы Кончок нашел письмо доньера из Урги, которое, как оказалось, принадлежало нашим бурятским ламам. Видимо, они, действуя за нашей спиной, в чем-то рассчитывали на помощь Чимпы. Узнав о смерти Чимпы, пришел случайно оказавшийся в ставке представитель одной торговой фирмы, который представил доказательства, что груз, названный далай-ламским, Чимпа вез для этой фирмы. Принадлежащие фирме другие вещи, кроме оружия, представитель получил и выдал в этом расписку. В 10 ч. утра приехали из ставки три секретаря вместе с другими должностными лицами, которые и произвели даль-

нейший осмотр наших вещей. Досмотр производился в течение пяти часов, но, конечно, с их стороны никаких замечаний не было. Все оказалось в порядке. Завтра Ю.Н., здоровье которого становится лучше, поедет к генералу узнать о времени нашего отбытия в Нагчу с его разрешения.

Сегодня пали еще две лошади, а всего, таким образом, двадцать два наших животных и два наемных, наших погонщиков. Собаки, вороны и грифы терзают трупы павших лошадей. Трава очень плоха – болотистая, щетинистая, желтая, промерзающая каждую ночь. Верховых лошадей слегка подкармливаем раз в день ячменем.

15/X ***Тягость морозных ночей. Грифы Тибета. Останки Чимпы. Н.К. и Ю.Н. у генерала. Ясность назревшего замедления пути. Генерал о понятии Учителя.***

Ночь холодная. У Е.И. болело сердце. Из палаток слышны были стоны; мерзнут в легких американских летних палатках, а я и Г. – в брезентовой и кашмирской. От холода у меня ночью бессонница и спазмы дыхания. В палатке Н.К. и Е.И. пол весь отсырел, мокрый – стоим на болоте у реки. Наши верные сторожа-собаки всю ночь грызутся с прибегающими псами. Сегодня Тумбала не видно, куда-то пропал; возможно, что загрызли собаки или волки. Ю.Н. в 10 ч. утра поехал говорить с генералом, а через 20 минут прискакал сопровождавший его торгоут Очир с приглашением Н.К. приехать в ставку. Ламы оправдывались в том, что слушали Чимпу, считая его нервой Далай-Ламы, а между тем он оказался лишь слугой какого-то незначительного тибетского чиновника. Приходил лама красной секты, находившийся при Чимпе, проситься на службу в караван, но ему было отказано, так как с ним ввиду его неповиновения расчеты все уже окончены. Служ-

ба его Чимпе и помощь в караване, а также его лошадь оплачены.

Сегодня хоронили умершего – разрéзали на части, как это принято в Тибете, и разбросали собакам и хищным птицам на съедение. Налетело много больших орлов и грифов разных пород – едят труп Чимпы и терзают павшую лошадь. Громадные грифы с голыми головами и шеями грузно подскакивают, наклонив шеи и опустив головы к земле. Держатся в стороне, когда приближаются собаки, с воронами живут дружно; меж собой дерутся. Орлы серо-коричневого цвета прилетают, вероятно, из любопытства, трупов не касаются, а сидят, огромные, вместе с белоголовыми и белогрудыми такими же большими снежными орлами; людей не боятся, так как здесь животных и птиц, кроме домашних, не убивают. Грифов я наблюдал в четырех шагах от трупа лошади; прилетело шестнадцать штук: одни – серо-коричневые меньшего размера, другие – огромные серо-пепельного цвета, более, по-видимому, робкие, так как большая часть их сидела в стороне, и лишь один не боялся и клевал при мне вместе с серо-коричневыми. Чимпу, оказывается, разрубил, по установленному обряду, лечивший его в последние дни лама-медик.

После 12 ч. дня поднялся сильный и холодный ветер – опять ночью будет холоднее обычного.

В 2 ч. дня возвратился Н.К. без Ю.Н., который остался в ставке для дальнейших переговоров о письмах, найденных у наших бурят. Н.К. сообщил, что генерал по-прежнему старается добиться согласия губернаторов Нагчу на наш въезд туда. По рангу своему главнокомандующий мог бы, по его словам, приказать губернаторам, но тогда нам чинили бы в Нагчу разные неприятности. Еще раз им было написано письмо в категорических выражениях, с содержанием которого было предложено ознакомиться Ю.Н. В качестве значительных доводов указывалось, что если

бы по случаю холодной и сырой погоды пострадало здоровье участников Миссии, то это причинило бы непоправимый вред. Генерал, со своей стороны, предлагал или прислать нам несколько черных яковых палаток, или переехать за милю в какой-то монастырь. Но первое нежелательно ввиду возможности заразы и насекомых, а второе могло бы значительно удлинить наши переговоры. В заключение генерал сказал, что просит Н.К. не огорчаться длительностью переговоров, ибо большие дела не могут обойтись без больших затруднений. На это Н.К. ему ответил, что это именно так, ибо Владыка Будда был Большим Львом, мы же в наших действиях должны быть, хотя и малыми, но все же львами.

Итак, уже и теперь легенда о нашей Миссии в Тибете растет. Ю.Н. спросил генерала о местонахождении Фильхнера со спутниками, на что генерал ответил, что этих маленьких людей ни он сам, ни присутствующие тут офицеры даже в глаза не видели. Услыхав от нас о чековом обращении в Америке, генерал просил Н.К. показать ему в следующий раз американские чеки. Заболел невралгией Н.В. и сегодня лежит в постели. Некоторые из нас чувствуют одышку – стоим на высоте около 15.000 футов, у реки на болотистой почве; дует холодный ветер, ночью – мороз. Если так будет продолжаться и дальше, то появятся заболевания и возникнет опасность гибели людей и животных, что осложнит наше продвижение. И так уже у нас выбыла почти четверть животных. Хотя температура Ю.Н. и пришла в норму, он чувствует слабость и проявляет легкую возбудимость, а шестичасовые дискуссии с тибетским начальством и по-тибетски, и по-монгольски, конечно, немало утомляют его. Благодаря заботам Н.К. и Е.И. сегодня к вечеру утеплили снаружи мою палатку имевшимися в наличии кошмами. Погода сегодня днем еще холоднее и, вероятно, будет очень холодная ночь. Мимо нас гонят стада оседланных яков, готовясь, видимо, к отъез-

ду генерала. Любопытно отметить, что генерал, порицая «красные порядки», подчеркивает отрицание понятия Учителя. Без этого понятия по Востоку не пройти.

16/X ***Добрый слуга. Генерал боится за свою голову. Относительность суждений о Тибете. Лхаса – «Гота». Опять гонцы из Нагчу.***

Ночь холодная. Утро в первый раз морозное, с холодным ветром. Н.В. более не жалуется на невралгические боли в плече и лопатке, но зато появились боли в солнечном сплетении и нервозность. Пульс – 64, температура нормальная. Лежит в постели второй день. Ю.Н. вез письмо одного тибетца-слуги в Лхасу, которое и передал теперь генералу. Оказалось, что это лицо посылает своим родным три рупии, очень хвалит Н.К., Е.И. и Ю.Н. и советует своим родным снискать расположение Н.К. и поступить к нему на службу. По сообщению Кончока, вчера и сегодня заготовлена вновь для отправки в Нагчу большая пачка писем. Генерал не уедет до получения ответа. Удивительно, что все это благожелательное к нам отношение со стороны генерала происходит после того, как задержали Фильхнера и его спутников, а также после пресловутого монгольского посольства, из-за которого двое нагчуских губернаторов лишились своих должностей и чуть было не потеряли своих голов по постановлению девашунга[59], то есть верховного совета министров. Главнокомандующий во время бесед с нами постоянно указывает на свою шею, проводя по ней правой ладонью, причем наклоняет слегка голову направо в знак могущего быть ему наказания. Вчера по какому-то поводу для устрашения местного населения были вызваны в ставку старшины хоров, которым было сказано, что их не лишают голов только потому, что Великий Посол Западных Буддистов согласился еще здесь остаться в ожидании письма Далай-Ламы.

Любопытна относительность суждений. Профессор Н.В. Кюнер в своем *«Описании Тибета»* (Владивосток, 1908 г., стр. 8) говорит о хорах: «Смелый и физически крепкий, почти атлетический народ»; между тем как Н.К. добродушно называет их нибелунгами, а Е.И., симпатизирующая им, говорит о них – по их росту и наружному виду – как о «человечках» и «мурзилках». Может быть, в данном случае составитель *«Описания Тибета»* отождествляет хор-па с каким-либо другим соседним племенем, например, жителями области К'ам. Такая же относительность сведений встречается и в описании обилия злаков и овощей в Тибете. До сих пор мы не могли даже из Нагчу получить ни сушеных фруктов, ни овощей. Единственное, что нам удалось приобрести, – это ячмень, цампу (ячменная мука) и порам – ячменный сахар.

Опять говорили о древнем названии Лхасы – «Гота» – и сопоставляли это с ярко выраженными древнеевропейскими типами окружающих нас хоров. Откуда же пришли готы? Не имеет ли название их какой-либо связи со страной «Готл» и названием города «Готы»? Для чего понадобилось древнему миссионеру выдумывать фантастические названия? Итак, сидим и ждем, не раздадутся ли бубенчики гонцов, а неведомая нам литература о нас где-то растет и растет.

Н.К. вновь высказывает сожаление, что кочковатая «тундра» высот и пологие холмы не дают художественного материала. Сегодня утром ушла часть каравана из ставки. Очень опасаемся, что с дальнейшим уходом лагеря к нам нахлынут новые стаи голодных собак, которые и теперь осаждают нас ночью и даже днем, забираясь в обеденную и кухонную палатки. Остался один изгрызенный верный Амбал, так как Тумбал ушел в дикую стаю. Действительно, только побывавший здесь, на месте, может оценить опасность диких собак, грифов и воронов. В 8 ч. вечера проскакали мимо нас двое гонцов с бубенцами из Нагчу.

Форель в реке Чу-нарген. Генерал нас покидает. Тягостные переговоры. Начало бедственного положения.

Ночь холодная, но в утепленной снаружи кошмами палатке несравнимо лучше – внутри сухо и нет инея. Утро солнечное, и можно обойтись без тяжелой шубы. Вчера вечером наблюдали в речке форелей, перебирающихся с восходом солнца в небольшой бассейн вниз по реке и остающихся там до вечера; вечером же при заходе солнца все идут против течения вверх, пробираясь по мелкому и отлогому каменистому дну, и здесь становятся добычей подстерегающих их воронов. Цвет форели золотисто-серый с черными пятнами на боках; величина – от мальков до пол-аршина; вечером легко ловится руками. Возможно, что в чистой горной речке с ключами на дне эта форель и не ядовита, но вообще же в Тибете рыбу есть избегают из-за частых случаев отравления ею.

Около 11 ч. утра Кончок сообщил нам добытые им из ставки сведения, что генерал уезжает завтра, оставляя вместо себя майора, и что в Лхасу им непосредственно посланы новые письма. Решили поехать в ставку и окончательно выяснить вопрос о дальнейшем продвижении. Послан был Кончок узнать, когда генерал может нас принять или не предполагает ли быть у нас сегодня. Вскоре получили ответ, что в ставку привели убийцу какого-то торговца и генерал занят разбором дела, а потому просит нас завтра к 9 ч. утра. Таким ранним часом и явным предпочтением простого судопроизводства по уголовному делу Миссии величайшей для Тибета важности мы не могли удовлетвориться. Снова был послан Кончок сообщить, что нами приняты решения величайшего значения и потому мы настаиваем на свидании сегодня же после судебного разбирательства и вновь просим назначить час.

Тогда из ставки пришел старший офицер и сообщил, что генерал просит нас завтра к 10 ч. утра, а теперь предварительно желает услышать, что мы ему сообщим. Мною было категорически заявлено, что оставлять далее Миссию на болоте при наступивших холодах и появившихся среди ее членов заболеваниях недопустимо и что в случае причинения дальнейшего ущерба здоровью Великого Посла или других членов будет сообщено о том американскому правительству и во все американские газеты о действиях тибетских властей. Посол же заявил, что непринятие Далай-Ламой Миссии и неполучение Америкой срочного ответа вызовет раскол между западными и восточными буддистами и повлечет за собой вместо дружеской могущественной помощи Америки тяжкие последствия для Тибета.

На том и простились до завтра, ожидая, что генерал осознает ошибку дальнейшего задержания Миссии величайшего государственного значения для Тибета среди болота, трупов людей и павших животных, терзаемых грифами и воронами. Ю.Н. к вечеру временами лихорадит. Состояние сердца Е.И. временами ухудшается, приходится продолжать приемы укрепляющих и сердечных средств. Н.В. также чувствует слабость и большую часть дня проводит в постели. Несмотря на стоянку в течение нескольких суток, животные наши не поправляются из-за промерзлой травы и ночного холода. Если такое положение продлится, то можно ожидать их гибели. Неопределенность продолжительности стоянки сказывается и на дисциплине людей. Сегодня наши монголы сообщили, что «Тумбал и Кончок женились». Действительно, оба исчезли из лагеря. Сейчас Ю.Н. читал нам составленное им по-тибетски резюме наших заявлений тибетскому правительству по поводу нашего задержания. Быть великой битве!

18/X ***Нездоровье Е.И. и Ю.Н. Поездка в ставку. Наши указания на преступную недействительность паспортов, выдаваемых тибетскими доньерами. Отъезд генерала. Первое письмо нагчуским губернаторам.***

Ночью сильный мороз. В 7 ч. утра в утепленной кошмами палатке было –8° С. Местность, где мы стоим на Чантанге, называется Чортен-Карно. Вчера вечером приходили ламы и жаловались на одышку и сердцебиение. На ночь они для тепла раскладывали в майханэ костер из аргала и плотно запирались. Разъяснено, что можно угореть и даже смертельно отравиться ядовитыми газами аргального дыма (окись углерода и синильная кислота). Сегодня ночью они не спали от холода, утром было сердцебиение. У Е.И. ночью была головная боль, жар и сильное сердцебиение; Ю.Н. продолжает болеть – к вечеру слегка повышается температура после дневного утомления от разговоров с тибетцами. У Н.В. одышка и невралгия лица. От холода я не спал ночью – наутро слабость сердца. Ночью пал белый мул. Упорно терпели в пути зной, терпим теперь и холод.

В 10 ч. утра прибыли в ставку. Палатку генерала уже собирались сворачивать. Еще раз изложили ему тяжелые условия стоянки на Чантанге при наступлении холодов и энергично настаивали на пропуске в Нагчу, на что получили любезные уверения, что это невозможно до получения разрешения из Лхасы. Уверяли в этом и генерал, и его офицеры; в качестве подкрепления явились старшины хоров, почтительно согнувшись до пояса и, по-тибетски захлебываясь от почтения и высовывая языки, просили нас не уезжать, ибо в противном случае им грозит смертная казнь, и обещали поставлять нам и молоко, и ячмень. Генералу были зачитаны тезисы, отразившие все наше неудовольствие и необходимость, в интересах Тибета, наше-

го продвижения в Лхасу. Он просил нас самих написать письмо в Нагчу в подкрепление его донесения в Лхасу, обещая прислать за ним гонца к 1 ч. дня.

Отбыли из ставки около 11 ч. утра и вскоре услышали три пушечных выстрела и звуки рожков и музыки. Это уезжал генерал домой, в К'ам, оставив при нас своим заместителем майора. Как и предвидел вчера Н.К., нам пришлось сегодня начать великую битву; в результате – предложение нам самим послать письмо, так как генерал не осмеливается излагать то, о чем мы должны лично говорить с Далай-Ламой.

Горе Тибету, если теперь, в минуту крайней слабости, он отвергнет те важные решения, которые ему предлагаются, – ему обещают величие и мировое отныне значение. Ведь почти независимое до сих пор существование маленькой страны объясняется единственным фактом существования на ее территории области Шамбалы – отсюда вся таинственность и недоступность Тибета. Правда, для своей защиты область Шамбалы не нуждается в окружении территорией какого-либо государства; однако защищенность от излишнего любопытства выгодна всем: и самим любопытствующим, и Мировому Правительству Шамбалы.

Ю.Н. во время состоявшегося серьезного разговора с генералом заметил в присутствии чинов его штаба, Н.К. и моем, что и в Урге, и в Пекине сидят уполномоченные тибетские доньеры, которые выдают паспорта на въезд в Тибет. Однако паспорта эти, как мы видим на нашем примере, не имеют силы, между тем как во всех странах визы консулов имеют определенное значение. Спрашивается, как же относиться к этим представителям, функции которых оказываются фиктивными?

Этот вопрос привел генерала в смущение, так же, как и указание, что представитель Тибета трижды сидел в Урге в тюрьме. На основании паспортов доньера мы должны

были приехать в Нагчу, а между тем задержаны в самом нездоровом месте Тибета – на высотах нагорья Чантанга, где при наступивших холодах болеем и теряем последние силы, истощенные шестимесячным путем. А ведь ответственность за подобного рода незаконные действия предусмотрена всеми законами. Не придется ли Тибету ответить за наносимый тяжкий вред нашему здоровью перед могущественной Америкой? Где же принято парламентера или посольство задерживать в наиболее тяжелых условиях в пути? Ю.Н. написал веское, с одобрения Н.К., письмо в Нагчу губернаторам, которое будет, вероятно, первым письмом, написанным европейцами по-тибетски администрации Далай-Ламы. Хоры удивлялись, как это чужестранец может так красиво и быстро писать по-тибетски.

Н.К. очень беспокоится за здоровье Е.И., которая в последнее время часто волнуется. Однако не личное раздражение лежит в основе этого волнения: оно вызвано чувством сострадания к часто непоправимым ошибкам других людей. Теперь уже третий час пополудни, однако обещанный к 1 ч. дня гонец не является. Так кто-то заботится о делах Далай-Ламы.

Во время сегодняшнего приема генерал между прочим заметил о красной Монголии, что он «не знает, хорошие или дурные люди красные монголы».

Привожу здесь дословно перевод с тибетского письма обоим губернаторам Нагчу:

«Посол Собора Западных Буддистов прибыл 10-го числа сего месяца в Чортен-Карно. С тех пор вот уже восемь дней, как Посольство бесцельно стоит здесь. Паспорт Посольства, выданный далай-ламским представителем в Урге, уже послан в Нагчу. Несмотря на это, Посольство принуждено оставаться здесь. Если Посольству не будет позволено на днях двинуться в Нагчу, то всей идее Посольства, а также Учению Благословенного будет нанесен непоп-

равимый вред. Посол – человек Великой Страны, и если Посольство будет принуждено долго оставаться на холодном нагорье, то Правительство Соединенных Штатов Америки, а также все члены Буддийского Собора будут чувствовать себя весьма оскорбленными.

Каждый день кто-либо из состава Посольства заболевает. Вчера заболела супруга Посла и полковник, начальник охраны Посольства. Близ Чортен-Карно, в пути, с секретарем Посольства случился припадок горной болезни. Если один из девяти членов Посольства скончается или заболеет, то это будет причиной многочисленных осложнений, ответственность за которые полностью падет на пограничные власти. Доктор Посольства свидетельствует, что здоровью членов Посольства может быть нанесен непоправимый вред, тем более, что некоторые лекарства кончаются. Если Посол не будет иметь возможности вести переговоры, Учению Будды будет нанесен большой вред.

24-го числа будущего месяца в Америке соберется Буддийский Собор. Если к этому числу не будет получено письма от Посла из Лхасы, весь Собор почувствует себя оскорбленным. Потому губернаторы Нагчу должны оказать полное содействие Посольству, в противном же случае будет причинен непоправимый вред. Скорейше прошу прислать соответствующий ответ».

19/X ***Недомогания в лагере.***
Жестокое и бесчеловечное задержание на высотах.
Волнующие слухи.

Ламы опять жаловались, что они здесь задыхаются. Правда, они целый день лежат в своей палатке, курят или нюхают китайский табак, много пьют по-монгольски крепкого чая и много едят. Этого делать на высотах, конечно, не следует. Другие не высказывают этих жалоб, но все в

той или иной степени испытывают одышку и бессонницу. Н.В. жалуется, что ночью у него временами прерывается дыхание. Н.К. и Е.И. почти совершенно не спали ночью. У Ю.Н. видимая одышка. Это долговременное пребывание на высоте, прямо сказать, насильственное, резко отразилось на нашем здоровье. У всех слабость сердечной деятельности и учащение пульса; даже у Н.К. пульс участился с 62 до 92 ударов, чего до сих пор у него не бывало. Е.И. принимает адонис, Ю.Н. – дигиталис. Избегаем по возможности сердечных лекарств, но иногда ввиду сильной слабости сердца приходится здесь прибегать к средствам, регулирующим сердечную деятельность. За вред, нанесенный нашему здоровью задержкой на Чантанге, ответственность пусть падет на тибетские власти.

Вчера гонец явился за нашим письмом только в 5 ч. вечера вместо обещанного 1ч. дня. Не спешат тибетцы выпустить нас с Чантанга, зная его губительность. Вчера вечером наблюдали с Н.К. медлительных, грузных хищных грифов на павшем муле с выклеванными глазами, окровавленными орбитами и оскалом зубов. Противное зрелище, но характерное для сурового Тибета. Собаки, грифы и вороны – санитары страны. В 10 ч. утра производили счет ударов пульса, причем оказалось, что у Е.И. пульс – 125, Н.К. – 92. Ю.Н. – 96, у меня – 104, Н.В. – 104, П.К. – 120, Раи – 108, Людмилы – 105, ламы Ламаджана – 98, Голубина – 96, ламы Малонова – 126, у остальных не менее 90. Вскоре после приема 8 капель строфанта пульс Е.И. упал до 92. Особенно тяжело отзывается высота на тех из нас, кто и без того страдает миокардитом. Правда, мы благополучно перенесли и бо́льшие высоты, но это у многих ослабило сердечную деятельность, а потому тем преступнее задержание нас здесь в середине октября. Никакие отговорки и ссылки на кого-либо со стороны тибетского правительства непростительны: наносить

прямой вред здоровью членов Посольства – это преступление. Нельзя держать людей среди болота во время наступления холодов в летних палатках – даже тюремный режим человечнее, тем более, что первые письма о нас были высланы доньером из Урги, одно – в ноябре прошлого года, другое – в марте текущего 1927 года.

Н.К. говорит, что «сверх всех физических условий наша тягота – это насильственное безделье. Невозможно писать ни картин, ни этюдов, ибо это будет сочтено здесь за противоправительственное снятие карт или планов; Юрий не может заниматься своими научными работами; Е.И. теряет последние силы; доктор тоже не может заниматься намеченными им полезными исследованиями, и все превращается в какое-то бессмысленное времяпрепровождение, что мне глубоко противно».

Сейчас получены новые сведения – Фильхнер был допущен в Нагчу на духовные танцы; затем ввиду того, что его запасы кончились, правительство выдает ему новые палатки, обмундирование, пищевые продукты и казенные подводы. Монгольский посол якобы умер в Лхасе, а состоявший при нем советник Чинчаев находится в Лхасе под арестом. Вместе с голоками приехал в Лхасу и был задержан, как говорят, какой-то русский.

Оставленный генералом майор в ответ на наше приглашение прийти отказался, сказав, что будет завтра. Дежуривший у нас старшина заявил сегодня, что завтра уезжает, а потому требует от нас подарка. Записываю все эти многозначительные бытовые наслоения, так как дневник – это человеческий документ, освещающий лишь то, что видим и слышим. По полученным нами сведениям, главнокомандующий трижды приглашал губернаторов Нагчу приехать сюда, но те отвечали ему, что заняты, и предлагали самому разрешить нам проезд до Лхасы, если уж он разрешил нам проехать по подведомственным ему землям.

Генерал, по слухам, был страшно оскорблен ответом и, вероятно, не забудет этого губернаторам Нагчу, когда мы получим наконец от Далай-Ламы разрешение на въезд в Лхасу. По нашим сведениям, Далай-Лама рад нашему приезду, но встречает сильное препятствие со стороны некоторых членов правительства.

Несколько дней тому назад, о чем мы уже упоминали, вечером в ставку приезжал гонец, и странно, что прежде всего он заехал к нам, сообщив кое-какие сведения. Гонец удивился, что мы стоим здесь, ожидая разрешения, и не едем в Нагчу. Не был ли это неофициальный намек на существующее положение?

Генерал ни словом не обмолвился об этом таинственном гонце, который утром уехал обратно. Второй губернатор Нагчу, судя по отзывам, суров. Интересно, истинна эта суровость или же это личина чванства и невежества? О Фильхнере получены новые сведения, что ему разрешено сделать фотографические снимки духовных торжеств в Нагчу с крыши дома.

20/X ***Бедственное положение и болезни в лагере. Уклончивый ответ губернаторов. Видимое столкновение властей.***

Ночь очень холодная, бессонная; с вечера всячески оттягиваем время отхода ко сну. Ночь теперь для нас – самое тяжелое время. Тьма и холод.

Сегодня самочувствие Е.И. и Ю.Н. лучше. Утром пульс Е.И. – 88, Н.К. – 96, Ю.Н. – 92, у меня – 90. Лошадей и мулов подкармливаем ячменем, который отпускают по 11 нарсангов за мешок в 50 фунтов, но в ограниченном количестве. Сегодня будем говорить об этом с майором, если только придет. Терпеливо и лояльно ждем разрешения ехать дальше, хотя могли бы двинуться и без этого разре-

шения. Н.В., видимо, сильно страдает от холода, так как все время предпочитает сидеть в своей палатке. С утра уже надеваем шубы – холодный ветер, и солнце слабо греет. До Нагчу отсюда насчитывают 45 верст; от Нагчу гонец едет до Лхасы 5 дней. Ждем ответа или из Нагчу, или из Лхасы на ранее отправленное властями письмо доньера и на их донесения.

Губернатор Нагчу спрашивал Кончока во время его недавней поездки в Нагчу-цзонг, не встретили ли мы у реки Чу-мар (Улан-усу) оставленных Фильхнером трех мальчиков по имени Мышка, Суслик и какой-то третий хвостатый грызун. Таким образом, среди трагических нот звучат и глубоко комические. Не глумился ли Фильхнер над губернатором или это были прозвища? Один из спутников Фильхнера – Плеймир, которого считают американцем, долго жил в Синине, а у Г. почему-то его имя ассоциируется со скупщиком старинных вещей, антикваром.

Около 12 ч. дня пришел майор и сообщил, что дважды в ставке был получен уклончивый ответ губернаторов. Теперь он надеется, что на наше письмо придет определенный ответ. На последнее письмо генерала ответа не последовало вовсе, ввиду чего он, вопреки существующему административному порядку, обратился непосредственно к Далай-Ламе, исходя в то же время из высоких соображений религиозных интересов страны. Личное мнение майора о происходящей задержке таково, что губернаторы хотят сначала покончить с делом Фильхнера, который явился к ним совершенно неожиданно и при довольно странных обстоятельствах. Ввиду критических обстоятельств – состояния нашего здоровья и транспорта, – он обещал вновь послать срочное донесение с просьбой о разрешении пропуска. Продолжает дуть холодный ветер, и пребывание наше здесь становится еще менее приятным, но дух наш

бодр и воля идти вперед, несмотря на все препятствия, непреклонна.

По поводу осмотра наших вещей, произведенного генералом, губернаторы ответили ему, что осмотр этот для них необязателен. Видимо, генерал похвастал, и, хотя он и выше рангом, губернаторы эти ему не подчинены. Около 4 ч. пополудни прибыл гонец из Нагчу и при нас передал дежурному старшине хоров, что везет ответ на наше письмо. Возвратившийся вскоре из ставки старшина сообщил нам, что письма нам нет, а просят передать на словах, чтобы ожидали здесь, пока не получат ответ из Лхасы. Не удовлетворившись этим ответом, Ю.Н. послал майору записку с извещением, что здоровье супруги Посла сегодня ухудшилось, и с просьбой уведомить об ответе из Нагчу. Майор уведомил, что положение до ответа из Лхасы остается прежним и что необходимо ожидать здесь. Е.И. чувствовала себя днем очень плохо – онемение в конечностях и долго не проходившее ощущение «мурашек» по коже.

21/X ***Декларация Н.К., переданная майору для посылки в Нагчу. Отзыв о нас генерала.***

Около 12 ч. ночи самочувствие Е.И. было очень тяжелое. Опять появилась сильная сердечная слабость, ощущение «мурашек» и онемение конечностей.

Н.К. передал сегодня майору нижеследующую, еще неслыханную для Тибета, декларацию для немедленной пересылки в Нагчу:

«Я, Рета-Ригден, являюсь Главой Всемирного Союза Западных Буддистов, основание которому положено в Америке. Ради высокой задачи воссоединения западных и восточных буддистов под высокой рукой Далай-Ламы я, моя супруга, сын и другие члены Посольства согласились предпринять трудное и опасное путешествие из Америки через океан, пустыни и горы, через зной, стужу и все лишения в

Тибет, пройдя более шестнадцати тысяч английских миль. Обдуманно пустились мы в такой опасный путь: мы запаслись тибетским паспортом, письмом к властям Нагчу и письмом к Его Святейшеству Далай-Ламе; оба эти документа были выданы в Урге доверенным доньером лхасского правительства. Во всех странах мира документ, выданный консулом-доньером, обеспечивает свободный въезд в страну. На деле же оказалось, что, несмотря на оповещение о священных целях нашего Посольства, мы насильственно задержаны в самых бесплодных местностях всем известного суровостью и вредностью климата Чантанга. Мы задыхаемся, сердечная деятельность ослаблена, и каждый день и ночь грозит неминуемая катастрофа. Вопрос идет не о простом заболевании, но о жизни или смерти. Доктор, уполномоченный американскими организациями заботиться о здоровье членов Посольства, вынужден был вынести свое заключение об угрожающей нам каждый час опасности.

Вы понимаете, что гибель первого Посольства Западных Буддистов навсегда разделила бы буддийский мир на две несоединимые части, и вы, как буддисты, должны понять все проистекающие отсюда непоправимые последствия. Кроме того, 24 ноября по европейскому счислению в Америке состоится буддийский Собор. Если бы к этому сроку за моей подписью не пришло наше удовлетворительное сообщение о возложенных на нас поручениях и о личном принятии Его Святейшеством порученных нам для вручения Ему Грамоты и Ордена Будды Всепобеждающего, то Буддийский Собор вынужден будет принять решение об избрании самостоятельного Далай-Ламы буддистов Запада. Все участники нашего Посольства являются горячими сторонниками объединения под рукой Далай-Ламы Тибета. И мы понимаем, что раздвоение буддийской мощи было бы для Тибета губительным фактом, принимая во внимание великие возможности сильного государства Америки и высокую образованность и мощь лиц, вновь примкнувших к буддизму. А

потому всякие нежелательные последствия обособления были бы для нас как истинных буддистов чрезвычайно прискорбны.

За время нашего служения идее буддизма мы имели радость участвовать в построении крупного буддийского храма и нескольких чортенов, а в настоящее время по нашему указанию в Америке сооружается первый там буддийский храм, посвященный Шамбале. Сохраняют о нас память как о жертвователях многие буддийские монастыри – Кумбум, Таши-Люмпо; монастыри в Сиккиме – Гум, Пемайандзе, Санга-Челинг, Далинг, Ташидинг и многие другие. В Ладакхе – Маульбек, Хеми, Спитуг, а также некоторые храмы в Урге, где для пожертвованного мной изображения Владыки Шамбалы будет сооружаться особый храм. Вы как буддисты должны знать сроки исполнения древних пророчеств и особое значение настоящего времени. Римпоче из Чумби, благословляя в Талай-Потанге около Дарджилинга написанные по нашему заказу изображения Шамбалы и Будды Всепобеждающего, предуказал успех пути нашего служения Учению. Теперь вместо радостного оповещения об исполнении заветов Благословенного Будды о всемирном распространении Его Учения Истины мы сидим и ожидаем смерти среди вихрей и стужи Чантанга. На прошлое письмо ученого секретаря Посольства, написанное по моему поручению, вы даже не нашли достойным для себя ответить нам письмом. Надеюсь, что теперь, зная мое высокое положение и чрезвычайные обстоятельства дела, вы как последователи Учения Благословенного Будды немедленно избавите Посольство от гибели и тем поможете благополучному разрешению столь важного для Тибета и всего буддийского мира вопроса. Мне 53 года, супруге моей 48 лет, моим ближайшим сотрудникам 51 год и 50 лет.

В эти годы и после семимесячного тяжкого пути зимние дни в Чантанге непереносимы. За время пути мы уже потеряли из каравана трех спутников и двадцать пять

грузовых и верховых животных. Караван теряет все силы, и вы как буддисты должны принять немедленные меры. Ввиду крайней опасности создавшегося положения я вынужден был высказать вам даже то, что предназначалось исключительно и непосредственно лишь для Его Святейшества.

Тем самым я возлагаю на вас величайшую ответственность и как на истинных буддистов, и как на высокие местные власти. Наше продвижение в Нагчу не представляет ни военной, ни гражданской опасности для Тибета, тем более, что пребывание в Нагчу даже небуддистов, как мы знаем, сочтено вами приемлемым. Настоящую декларацию я отправляю с экстренным гонцом и ввиду крайней опасности для жизни Посольства и неотложности решения всего дела жду с обратным срочным гонцом ваше письменное решение. Вы должны понять мои добрые намерения».

От майора узнали сегодня, что генерал писал о наших знаниях законов и обычаев страны и как об исключительных людях, не стреляющих в животных и не занимающихся снятием планов и составлением карт.

22/X ***Нужны бодрость и движение.***
Бурятские и тибетские лекарства. Недомогание Е.И.
Тяжелое положение. Отказ в продовольствии.

Утром холод, в горах выпал снег. Солнце закрыто облаками. Е.И. провела ночь удовлетворительно, и сегодня самочувствие лучше. Старший лама Малонов, 35 лет, имеющий некрасивый облик сырой и рыхлой женщины, лениво сидящий или лежащий в палатке, нюхает табак, много ест и пьет в большом количестве бурятский чай. Сидит в открытой палатке и часто с расстегнутым воротом. Советов быть бодрее, больше двигаться, не нюхать китайского табака, одеваться теплее и ограничить себя на высоте в

пище и питье крепкого чая не слушает. От одышки, которую все ощущают в большей или меньшей степени, сегодня варит бурятскую «задачку», то есть набор бурятских лекарств. О составе этого набора не знает или не сообщает. В качестве лекарств буряты, а равно и тибетцы, употребляют мочу и кал от наиболее почитаемых духовных лиц и хубилганов, то есть «перевоплощенцев» при монастырях. Несмотря на общие, казалось бы, тяжелые обстоятельства нашего вынужденного сидения здесь, вчера и сегодня Н.К. испытывает необыкновенно радостное состояние духа и, видимо, полон каких-то соображений и решений. Кончок полагает, не послан ли о нас из Лхасы запрос в Индию или в Гиангцзе. Соображение для тибетца довольно необычное.

Н.К. говорил сегодня о двух понятиях в санскритской литературе – «Vidya» и «Avidya». Последнее понятие переводится иногда по-русски «омрачение» вместо «невежество», чем, конечно, извращается основной смысл Учения, ведь именно невежество считалось Буддой тягчайшим преступлением.

После 12 ч. дня пошел снег при холодном ветре. Температура воздуха +1,5° С, в палатке Н.К. – +3° С. Положение становится трагическим. У Е.И. сегодня появились боли в области сердца; все жалуются на холод и бессонницу, не говоря уже об одышке. Многие не имеют достаточно теплой одежды, чтобы согреться днем или ночью. Корм для животных почти иссяк, а достать здесь больше нельзя.

Сегодня приходили с предложением переселиться в здешний монастырь, где могут быть отведены две комнаты. Но, во-первых, надо знать здешние монастыри и материал, из какого строятся мазанки, а во-вторых, надо подумать и обо всем караване – не могут все поместиться в двух глинобитных маленьких комнатках, сырых, затхлых,

без печей, с грязью и насекомыми. Этот монастырь в нескольких верстах отсюда в обратном направлении. Поселиться в монастыре – значит дать тибетцам уверенность, что мы хорошо устроены, можем прожить зиму и спешить им с ответом нечего. Каждый день прилетают к нам большие орлы; особенно красивы белоголовые и белогрудые с мохнатыми лапами. Ю.Н. называет их снежными грифами, но на грифов они не похожи и не садятся на падаль.

От Кончока поступило сведение, будто наше письмо было вчера же в 4 ч. дня отправлено майором в Нагчу. Сведение для нас абсолютно неправдоподобное, так как майор ушел от нас лишь в начале четвертого часа пополудни с черновиком письма. Сегодня нам сказано, что больше ни ячменя, ни цампы мы не можем получить. Это явно нарушает приказ, данный генералом перед отъездом. Спрашивается, от кого исходит все это человеконенавистничество и жестокость? Чьи длинные руки тут действуют? В 3 ч. дня земля запорошена снегом, дует холодный ветер, температура –3° С; в моей палатке 0° С. Даже Кончок теперь соглашается, что это место вредное для стоянки.

В 3 ч. 20 м. слышны были раскаты грома. Несмотря на то, что мы стоим уже в 12 днях пути от Нагчу, где сходятся все дороги со стороны Монголии и Китая, мы не видели здесь за это время ни одного каравана. В 8 ч. 30 м. вечера в моей палатке –5° С. Везде лежит снег, и сильно похолодало. Ночью ожидаем сильного мороза. Положение тяжелое – все животные, даже верблюды, пришли в лагерь, как бы прося защиты и помощи от холода и голода. На завтра нет ни цампы, ни ячменя. Майор сегодня послал от себя дары в монастырь с просьбой молиться, чтобы в течение пяти дней не было снега. Это своеобразная, но очень любезная заботливость о нас.

23/X ***Даже хоры разъезжаются. Заявление Н.К. майору. Оригинальное условие передачи подарков. Драка в лагере. Невыносимо видеть мучения голодных животных.***

Ночь холодная. С утра небо покрыто тяжелыми тучами. Через два дня после отъезда генерала снялись милиционеры из Нагчу, стоявшие впереди нашего лагеря по дороге в Нагчу. Сегодня утром снялась палатка, в которой жили охранявшие нас представители местных хоров. Очевидно, и для местных жителей это время года и местность признаются неподходящими для долговременного пребывания. Н.К. сделал сегодня приставленному к нам майору сообщение в нижеследующей форме:

«В нашей стране – великой Америке – даже самые тяжкие преступники получают условия жизни гораздо лучшие, нежели здесь у вас – доброжелательное буддийское Посольство. Даже самым отъявленным преступникам дается комната с удобствами и достаточно пищи. Мы же здесь должны насильственно замерзать в пустыне, лишенные пищевых припасов. Думаю, что нам клеветнически приписываются какие-то преступные действия, и требую, чтобы нам эти обвинения были предъявлены, ибо не допускаю мысли, чтоб мирные и уважаемые люди были третируемы так бесчеловечно. Пожилые люди, женщины и ребенок обречены в лучшем случае на непоправимую потерю своего здоровья или жизни. Прошу ответить, за какие преступления применяется к нам такое бесчеловечное отношение? Еще Благословенный сказал: «Да живет все живущее!» Происходящее тем несправедливее, что в своем караване мы везли груз, принадлежащий Его Святейшеству».

Пришедший майор сообщил, что он совершенно с нами согласен и думает, что виной всему прошедший перед нами Фильхнер со спутниками. Губернаторы пропустили его почти до Нагчу, за что и получили от девашунга суровый выговор ввиду существующего категорического за-

прета приближения к Нагчу. Для закупки корма для животных он разрешил послать завтра в Нагчу Кончока в сопровождении солдата, причем посоветовал послать губернаторам подарки и в случае, если нам не разрешат следовать далее, потребовать их обратно. Таковы здесь обычаи, что подарки даются чиновникам только за исполнение просьбы.

Посылаем обоим губернаторам новое письмо:

«Из наших двух предыдущих писем, вами полученных, вы уже знаете, в каком тяжелом положении находимся и мы сами, и весь наш караван. Со времени отсылки писем наше положение еще более ухудшилось и сделалось смертельно опасным. Глубокий снег лишил животных травы, а холод еще более отягчил наше расстроенное здоровье. Из писем вы знаете высокие священные цели нашего прихода для воссоединения Буддизма. А потому вы не можете дать нам погибнуть среди снегов нагорья Чантанга. Особые обстоятельства нашего положения позволяют вам разрешить нам немедленно продвинуться в Нагчу, откуда мы должны снестись и с Лхасой, и с Америкой. Вы поймите, что наше продвижение совершенно необходимо, иначе проистечет непоправимый вред».

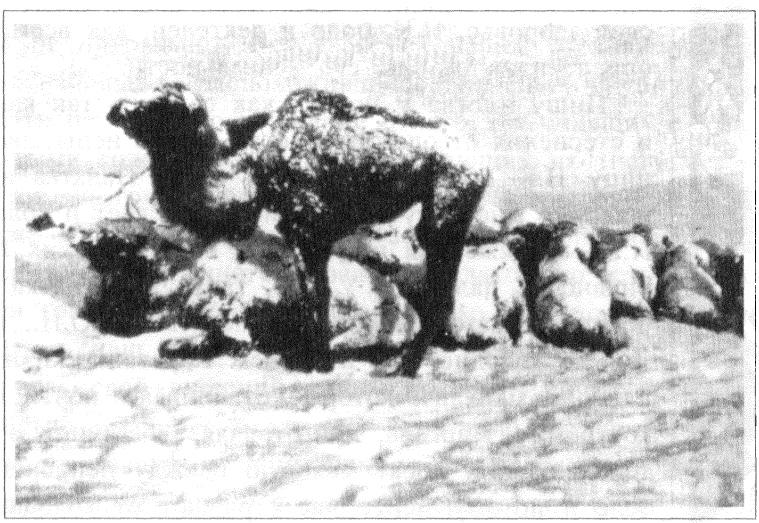
Здоровье Е.И. сегодня лучше – принимает кактус и бобровую струю. Ввиду переутомления и слабости сердечной деятельности Ю.Н. принимает спермин и дигиталис.

Вечером сделались свидетелями драки, происшедшей между пьяными Кончоком и Цирингом. Пришлось просить письмом майора прислать солдат, чтобы забрать безобразников для вытрезвления. Конечно, завтра Кончок не поедет в Нагчу, поскольку он пьяница и много раз обманывал наше доверие. Доньер в Урге характеризовал его с дурной стороны, но никого более достойного найти не смог.

Сегодня в целях пропитания был убит як. Какой жестокой смертью он погиб, я не знаю. Но помню, что в Юм-бейсе приведенный из монастыря кроткий ручной ба-

рашек страшно кричал, когда его жестоко мучили буряты Ардна и Цультим, вскрыв по монгольскому обычаю брюшную полость, искали сердце, чтобы вырвать его. У монголов существует древний, до сих пор сохранившийся обычай вскрывать грудную полость попавшихся на войне пленников и, вырвав сердце, съедать его. Монголы рассказывали, что китайцы при этом только скрежетали зубами, а русские кричали и просили их отпустить. Я не могу, к сожалению, по некоторым обстоятельствам привести здесь один поразительный пример, о котором мне сообщили в Урге, ибо это лицо занимает теперь высокий пост, и, кроме того, европейцу, не знающему монголов, многое из рассказа могло бы показаться совершенно невероятным. Об этих фактах сообщили мне лица высокого общественного положения, достоверность рассказа которых не подлежит сомнению.

Не помогли, видимо, молитвы лам – дважды сегодня был снег; среди дня приходили голодные мулы и лошади просить пищи, но у нас вышел весь ячмень – занесенные

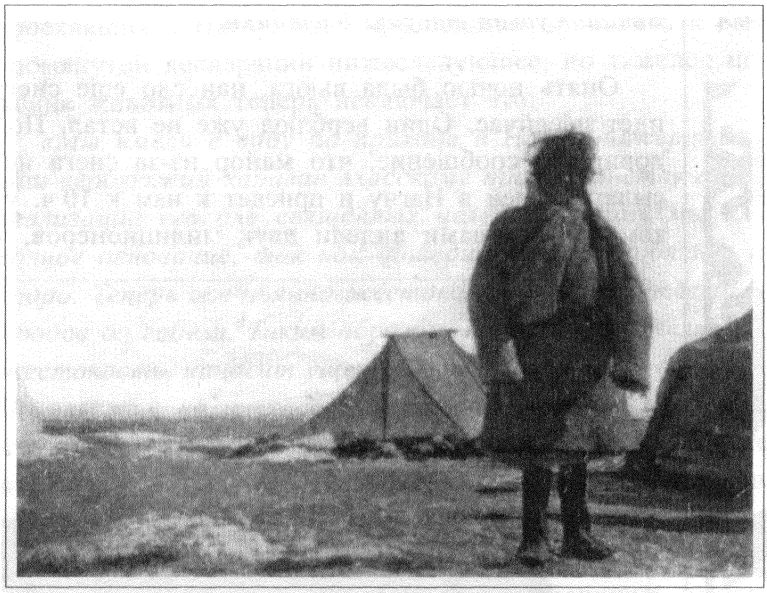


Гибнущий караван.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

снегом, они ушли обратно. Вечером опять приходили мулы и худые, дрожащие от сырости и холода, покрытые снегом верблюды с печальным кротким взором, которые и улеглись на землю среди лагеря, счистив немного снег ногами с промерзшей земли. Жалко смотреть на несчастных животных и видеть их последние обманутые надежды – мы не можем дать им никакого корма; даже седла взяли с их спин, чтобы защититься самим в палатках от холода. Снаряжаем в Нагчу за кормом двух солдат и торгоута Очира. Они привезут нам немного ячменя – десять небольших мешков, которых хватит на несколько дней.

От семимесячного путешествия, а теперь сырости и постоянного холода на высоте и ветров у меня начинает слабеть сердце – от небольшой физической работы чувствуется невыносимая боль и сердцебиение. Плохо то, что и без того сердце было сильно увеличено. Мужественно и терпеливо, однако, переносим все лишения и питаем твердую надежду, что, несмотря на все препятствия, доберемся до Лхасы, где до известной степени сможем восстановить свое здоровье. Н.К. бодр и деятелен, как всегда, и трудно определить пределы его деятельности.

Пишу иногда и ночью, как сегодня, так как от холода и стеснения от одежды многие из нас испытывают бессонницу. Н.К. и Е.И. спят очень мало. Палатка их, перенесшая уже много путешествий, пропускает и холод, и ветер. П.К., а также Рая и Людмила спят в легких летних американских палатках. У Н.В. такая же палатка утеплена с боков кошмами. Наилучшая палатка у Ю.Н., но и в ней так же холодно, как и у всех. Караванщики и ламы спят в своих майханэ, которые отапливают почти целый день кострами из аргала, приготовляя себе пищу и чай. Некоторые из них носят меховую одежду непосредственно на теле и потому менее нас страдают от холода. Обе наши собаки сбежали к диким псам; сторожат ночью вновь прибывшие сегодня для охраны хоры во главе с десятником.



Тибетский охранник в лагере экспедиции на Чу-на-кхе.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

Хоры очень выносливы и привычны к холоду – головы не покрывают. Невдалеке от нашей стоянки уже два дня наблюдаем расположившуюся на снегу группу хоров, почти неподвижно в течение целого дня сидящих с непокрытыми головами и потом засыпающих на снегу без палаток. Разговаривать с ними трудно, у них свое наречие; даже Ю.Н. некоторых хоров совсем не понимает. Например, вместо обычного выражения «лясо», то есть «ладно», они говорят «лялес» и даже «ко, ко, ко» по-петушиному. Кстати, наш петух и две курицы еще живут, но утратили весь свой внешний вид – потеряли почти все перья. Тщетно пытаемся отдать их кому-либо, но не берут, так как не знают их применения и способа содержания – здесь птиц не едят и потому не держат; яиц также не едят.

Вечером говорили опять с Е.И. на серьезные медицинские темы.

24/X ***Вьюга. Судьба табуна. Вестники.***

Опять ночью была вьюга, нанесло еще снега, который идет и сейчас. Один верблюд уже не встал. Получили чудовищное сообщение, что майор из-за снега не хочет посылать людей в Нагчу и приедет к нам к 10 ч. утра, между тем как мы сами видели двух милиционеров, только что

Лагерь экспедиции на Чу-на-кхе.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

проехавших в Нагчу. Н.К. предполагал прибавить к вышеупомянутой декларации нижеследующее, но тяжелое положение животных теперь исключает это:

«Мы имели в виду по приходе в Нагчу пожертвовать наш верблюжий караван лхасскому правительству с целью реализации его для священных целей. К этому мы имели полное основание, так как дошедшие сюда верблюды шли бодро. Теперь же чья-то жестокость грозит довести верблюдов до гибели. Таким образом, тот, кто проявляет эту жестокость, наносит ущерб не только священным задачам Посольства, но и лхасскому правительству». Не забудем, что здесь мы стоим уже пятнадцатый день, теряя время и силы. Не потеряв этих двух недель, мы имели бы возможность написать письмо из Лхасы в Америку, которое пришло бы туда до 24 ноября. А теперь?!

Решили оштрафовать пьяниц за вчерашнюю драку по пяти янчан, лишив их ожидаемого подарка. По отношению к пьяницам Н.К. готов на самые решительные меры. Надо заметить, что Н.К. никогда не курил и не пил, а всю свою общеизвестную энергию почерпнул исключительно из внутренних свойств своей физической и духовной сущности.

Около 10 ч. утра приехал майор под зонтиком от снега и сообщил, что может послать в Нагчу только своего солдата и одного из местных жителей. Врученное ему письмо губернаторам пожелал предварительно вскрыть, чтобы узнать содержание, и предложил несколько этимологических поправок, но Ю.Н. считает, что его транскрипция тибетских слов была научно правильна.

С этого дня можно считать здоровье Ю.Н. восстановившимся. Е.И. также чувствует себя удовлетворительно. По справкам майора оказалось, что менее чем в один перегон отсюда имеется более высокая трава, ввиду чего сегодня уже отсылаем наших животных с двумя торгоутами, вооруженными винтовками, и пятью местными хорами. В

ближайшем монастыре живет почитаемый местным населением лама, который в настоящее время, озабоченный нашим положением, медитирует, то есть входит в контакт с высшими силами, чтобы помочь нам. Ему послали сегодня хатаг с приношением. По мнению майора, разрешение в Нагчу на наш проезд уже получено, но губернаторы хотят уладить сначала дело Фильхнера, затрудняясь, как поступить с ним. Между прочим, майор советовал раздать нашим людям оружие, так как около Нагчу случаются грабежи – недавно посланный, например, слуга генерала так и пропал без вести. Просматривая письмо, майор очень настаивал, чтобы там не было упоминания его имени, в противном случае губернаторы постесняются принять или, как здесь выражаются, «съесть» подарок. Ввиду этих соображений посланный нами местный житель по имени Таши-Копчок и другой его спутник должны изложить губернаторам наше тяжелое положение и просить разрешения проехать в Нагчу, передав подарки – бинокль и серебряный сервиз. В случае, если разрешения дано не будет, то майор строжайше приказал им привезти подарки обратно. Посылаемый с местными жителями солдат вовсе не должен показываться на глаза губернаторам, так как письмо и подарки идут от нас помимо местной власти, и тогда, по компетентному мнению майора, губернаторы «съедят» подарки и дадут разрешение. Таков поучительный и «тонкий» план старого майора, знающего свойства и обычаи тибетской администрации.

Майор был в очень веселом настроении, благодарил за данное ему вчера лекарство фенацетин от мигрени и шоферские очки, а сегодня выпросил у Ю.Н. бутылку от одеколона Пивера; последнее обстоятельство и привело его в радушное настроение. Во время разговора майор плюет в палатке Ю.Н. на пол и сморкается в небольшую сложенную вдвое специальную суконку из тибетского красного с

зеленым сукна с крупными крестиками. При отправлении животных на пастбище остался на месте один верблюд, видимо, больной или обессилевший.

25/X ***Дикие псы. Мороз. Литература о Шамбале.***

Ночь была особенно холодная, к утру выпал снег. Лаяли и выли голодные дикие псы. В первый раз они решились совершить нападение на жилую палатку, проникнув к Г. за хранившимся маслом и, несмотря на его противодействие, успели масло похитить. Одолевают также и вороны – куски мыла, мясо и все, плохо лежащее, делается их добычей, которую они хватают с величайшей наглостью. Н.К. положительно недоумевает, каким заветом Будды разрешено убивать домашних животных – яков и баранов – и запрещено убивать даже хищников.

Любопытную новость принес вчера монгол Кончок – грозный майор, который только что обещал наказать пьяницу и безобразника тибетца Кончока, подружился с ним и играет в своей палатке в какую-то тибетскую игру вроде шашек. Да здравствует армия и дисциплина!

Вчера Ю.Н. из разговора с хорами выяснил, что большинство местного населения хор-па принадлежит к древнейшей шаманской религии *бон-по*, существовавшей задолго до появления учения Будды. Н.К. говорит, что многие странности ламаизма произошли от народного сочетания темного бон-по с истинным буддизмом. Ю.Н. замечает, что бон-по – религия «левой руки». «Потому особенно не забудем драгоценного сообщения, – просит записать Н.К., – полученного вчера со всеми его глубочайшими следствиями». Итак, утром мы опять под белой пеленой снега, весь горизонт потонул в морозном тумане – высокие вестники радости Тибета помещены губернаторами в холодильник. Не играют ли в это время губернаторы

в шашки и не похожи ли их игральные фигуры на человеческие головы? Жестокость, ничем не оправдываемая жестокость! Принесли известие, что оставшийся вчера верблюд издох.

В настоящее время Ю.Н. читает труд Таши-Ламы III-го, который в немецком переводе с тибетским подстрочником профессора А.Грюнведеля[60] называется *«Путь в Шамбалу»* (*«Der Weg nach Schambala»*, изд. Баварской Академии в Мюнхене, 1918 г.). По поводу этого труда Н.К. говорит, что «подобные книги надо читать по особой системе, иначе потеряете руководящую нить и очутитесь среди нагромождений как бы случайных географических подробностей, так как в этом труде Таши-Лама свидетельствовал, но вовсе не желал передавать то, что подлежало сокрытию. Подобного же характера труд настоятеля монастыря Утай-Шань (Китай), где приведено несколько очень реальных путевых подробностей – сама книга называется *«Красный путь в Шамбалу»*. Впрочем, литература о Шамбале очень велика и всегда очень тактична в своем изложении, как и подобает в таком случае». Само понятие о Шамбале не чуждо слуху и разумению, как известно, многих правительств и даже внушает им искреннее беспокойство.

26/X ***Бессонные ночи. Молитвенные мельницы.***

Н.К. говорит, что «опять прекрасно не спали всю ночь». Н.В. продолжает жаловаться на недомогание при нормальной температуре и, несмотря на высоты, просит жаропонижающих. Холода боится и все время сидит в душной палатке, где при солнце температура бывает иногда от +14° С до +22° С. Павшего вчера верблюда терзают дикие собаки и вороны. Грифов с наступлением холодов уже нет. Но зато сегодня прилетел новый гость – голубь. По лагерю толкутся воробьи, значительно красивее евро-

пейских. По совету Н.К. вчера поставил с вечера в палатку бидон с кипятком; тепло держалось до 4 ч. утра, и не было спазм дыхания. Идея прекрасная для зимнего пребывания в палатке во время пути. Погода два последних дня ясная – молились ли ламы в ближайшем монастыре или это результат изобретательности наших лам, поставивших за палатками под ветром молитвенную мельницу с надписью на крыльях: «Ohm mani padme hum» по-тибетски. Вчера наши ламы приветствовали хорошую погоду молитвами и курениями.

27/X ***Скудость продуктов. Н.К. дополняет декларацию. Встречи с Махатмами. Ответ из Нагчу. Губернаторы приняли подарки, но пропустить отказались.***

Ночь была холодная – в палатках –10° С. По-прежнему едим черствую лепешку и жесткое мясо яка. Скоро кончатся свечи, и мы погрузимся в двенадцатичасовую тьму.

Н.К. продолжает вносить дополнения к декларации:

«Благословенный заповедал знание, бесстрашие и сострадание. Правители Нагчу, где же ваша преданность знанию, если вы пропускаете, как мы знаем, невежественных бурят и опасаетесь знающих людей из Америки? Где же ваша оценка бесстрашия, если вы препятствуете людям, бесстрашно к вам подходящим? И, наконец, где же сострадание, когда вы жестокосердно предлагаете замерзать на пустынных высотах?»

Мы думали, что грифы с обнаженными головами и шеями испугались мороза и уже совсем улетели. Однако сегодня около наших палаток сидит огромный гриф, только что клевавший вместе с воронами выброшенную голову яка. Гонцов нет, торгоуты от табуна не приезжали. В 11 ч. дня прибыл торгоут с сообщением, что животные все живы и трава на новом пастбище лучше. Днем наблюдали

разницу температуры воздуха в тени и на солнце: –10° С и +17° С.

Н.К. и Е.И. очень редко говорят о своих встречах с Махатмами. Не будучи уполномочен затрагивать эту тему, я не сомневаюсь, однако, что могу записать здесь одну подробность. Н.К. подчеркивает элемент постоянной неожиданности в личных свиданиях с Учителем. При всей настороженности, при самых реальнейших обстоятельствах невозможно привыкнуть к этим необычно-обычным появлениям. Происходит ли это среди многолюдного европейского города или в предгорьях Гималаев, то же потрясение неожиданности всегда сопровождает их появление.

К половине дня похолодало, и поднялся ветер с метелью. В 4 ч. дня прибыл гонец из Нагчу с письмом от губернаторов и сообщением, что подарки приняты. Сейчас Ю.Н. наскоро прочел нам содержание письма, из которого видно, что вскоре ожидается ответ из Лхасы и губернаторы «рады будут видеть Великого Министра Буддийского Собора в стенах Нагчу-цзонга». Послали срочно за майором, но оказалось, что он «молится», а потому может прибыть или вечером, или завтра утром. По странному совпадению, в лагере до сих пор отсутствует Кончок. Ожидаем сегодня вечером прибытия корма для табуна и надеемся послезавтра выступить в Нагчу.

Около 5 ч. дня явился майор с громким, пьяным смехом; долго разбирал письмо и наконец в ответ на наши вопросы сообщил, что ответа от Далай-Ламы не получено и потому пропустить нас дальше он не может. Опять предложил поселиться в монастыре, хорошо зная, что там имеются лишь две-три комнаты, где всему каравану не уместиться. Выслушав его, Н.К. сказал, что его еще никто в жизни так не оскорблял, как оскорбляют здесь, в Тибете. Словом, губернаторы и нам ответили уклончиво – ни запрета, ни разрешения.

28/X ***На 25 человек фунт масла в день. Письма Далай-Ламе и губернаторам Нагчу.***

Вчера вечером прибыли посланные за продовольствием и кормом для животных. Привезли уксуса, немного сушеных фруктов, свечей и ячменя. Овощей совсем не оказалось. Были во время ярмарки, но все запасы уже кончились. Таким образом, не пропуская нас в Нагчу, губернаторы лишили нас единственной возможности своевременно закупить необходимое продовольствие. Здесь нам приносят фунта[61] по 1,5 масла и немного больше бутылки молока. Муки осталось всего на 5 дней, корма для животных имеется на 4 дня. Холод все сильнее и сильнее. Начинаются простуды, кашель и стоны по ночам. Мы вынуждены вновь и вновь писать губернаторам и в Лхасу.

Н.К. дает текст нового краткого письма губернаторам:

«Сегодня 21-й день, как вы нас здесь насильственно задержали. В письмах мы искренне сообщили вам священные задачи нашего Буддийского Посольства, надеясь на вашу помощь, но вместо помощи вы обрекаете нас на замерзание в Чантанге. Здоровье наше уже подорвано; пищи мы достать не можем. После означенного срока голод и холод заставят нас двинуться в Нагчу, где вы в письме вашем обещаете нам почетный прием».

Сегодня утром в правом сапоге Н.К. оказалось несколько пригоршней ячменя. Какие животные успели наносить за ночь это количество зерен и с какой целью? Около 12 ч. дня прибыл майор, которому и сообщено вышепомянутое письмо в Нагчу. Сегодня заготовляем письмо в Лхасу Далай-Ламе в английском переводе. Содержание его следующее:

«Ваше Святейшество!

По избранию Буддийского Собора в Америке, я как Глава Западных Буддистов принял на себя поручение отправиться во главе первого Посольства Западных Буддистов, чтобы

лично передать Вам Грамоту, Орден Будды Всепобеждающего и радостное сообщение о предуказанном пророчествами развитии Учения Благословенного на Западе. Путь от Америки до Тибета занимает около восьми месяцев, охватывая более шестнадцати тысяч английских миль. Пройдя все необычайные трудности этого пути, мы радостно приблизились к внутренней границе Тибета, но здесь вместо радости нас ожидало величайшее разочарование. Точно преступники, несмотря на мое высокое общественное положение, мы были насильственно задержаны властями Нагчуцзонга. Среди холода наступившей зимы на Чантанге, опасно заболевая, доканчивая наши продовольственные припасы, мы здесь остаемся уже 21 день без всякой надежды на продвижение. Чистосердечно мы сообщали властям Нагчуцзонга и приставленному к нам майору задачи и истинное положение нашего Посольства. Прилагаю при сем копии писем к властям, из коих Вы изволите усмотреть все подробности дела, насколько серьезные последствия проистекают из нашего несправедливо-насильственного и оскорбительного задержания – кто-то наносит вред первому Буддийскому Посольству. Мы уверены, что не от Вас исходили распоряжения об этом оскорбительном задержании мирного Буддийского Посольства, которому угрожает полная гибель, и также мы уверены, что Вы как носитель Учения Благословенного не можете оставить дела, не выслушав моих личных представлений.

Прошу Вас отдать распоряжение о пропуске нас для личных Вам представлений».

Около 6 ч. вечера при неожиданном стечении благоприятных обстоятельств удалось послать гонца в Нагчу с двумя письмами: одно – к губернаторам, другое, английское, – Далай-Ламе. Удивлялся сегодня великому терпению, спокойствию и выносливости Н.К. во всех наших трудных обстоятельствах. Е.И. тоже спокойна и бодра ду-

хом. Когда видишь такое спокойствие, начинает казаться, что, может быть, все это так и должно было произойти.

29/X

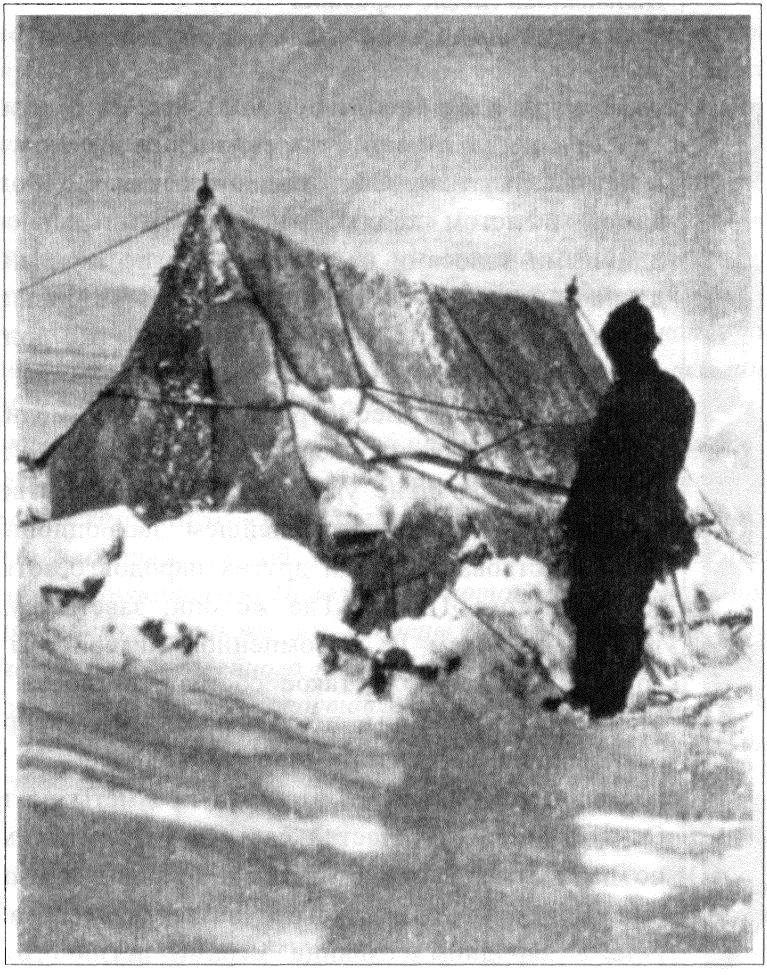
Кому нужен современный Тибет?
Н.К. о предметах роскоши. Знаки Махатм.
Очередной запрос майору и губернаторам.
Дальнейшая гибель каравана.
Страдания трех женщин на суровом Чантанге.

С утра идет снег, заносящий нас на Чантанге; дикие тибетцы не понимают, что европейцы не могут зимовать в летних палатках. Сами они привыкли к холоду и зною; зимой и летом ходят с непокрытыми всклокоченными длинными волосами на голове. Многие европейцы, проведя ночь на морозе в брезентовой палатке, поплатились бы воспалением легких или плевритом, мы же должны неопределенное время спокойно ожидать в таком положении решения властей, несмотря на то, что имели законный пропуск в Нагчу от доньера. Разве справедливо это и разве это не ловушка и не урок для всех путешественников по Тибету? Нужно ли в дальнейшем эволюционном движении существование среди других народов безответственного замкнутого Тибета? Где же они, заветы Будды, о которых мы знаем из несомненной литературы по этому вопросу? Не есть ли такое состояние Тибета – гримаса отжившей китайщины, в настоящее время неприемлемой?

Говорили сегодня о мировом вопросе – о предметах роскоши. Н.К. замечает, что «эти предметы не только особы для различных частей света и отдельных местностей, но даже совершенно отличны в индивидуальном понимании. Ввиду этого и само это название следовало бы стереть в народном сознании мерами истинного просвещения. Преследование роскоши только тянет к ней ничтожные умы».

Сегодня 22-й день нашей стоянки у Чортен-Карно, и по-прежнему мы не видели ни одного каравана на этом скрещении всех торговых путей. Или торговля ушла на Индию, или ...?

За ночь грызуны опять наносили в левый уже сапог Н.К. целую кучу ячменя, несмотря на то, что меховой



Лагерь экспедиции, занесенныый снегом на Чу-на-кхе.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

сапог был скручен и лежал на стуле. Лама считает это особо добрым знаком.

Из редких рассказов Н.К. о частичных проявлениях Махатм вспоминаю еще сообщение о том, как однажды он в составе семьи сидел в своей рабочей комнате в Лондоне и вдруг заметил, что его младший сын пристально всматривается во что-то за его спиной; на это обратили внимание и остальные. Было около 3 ч. дня. Н.К. обернулся и увидел уже удаляющуюся загорелую индусского типа руку, которая первоначально появилась за его головой. Это был один из знаков напоминания спешности действий. Такие же знаки посредством звука струны или колокольчика в воздухе, который слышали несколько присутствовавших при этом лиц, или же посредством пишущей руки на ночном столике Е.И., бывали часто и в Англии, и в Америке, и в Индии.

В 11 ч. утра Г. уехал на пастбище. Получены сведения, что пал еще один мул, а верблюды очень ослабели. Вчера произошел курьезный эпизод с «воскресшим» верблюдом. Ранее было отмечено, что в пути перед Тан-ла у двух погонщиков-монголов – Таши-ламы и Кончока – пал принадлежавший им верблюд, нанятый нами под груз, которого они особенно берегли и не обременяли работой. О погибшем у них верблюде знал весь караван. У верблюда этого на шее был амулет. Вскоре было замечено, что эти два брата-погонщика стали пригонять на ночь с пастбища двух верблюдов и привязывать их, как собственных, у палатки. Еще ранее Людмила и Рая обратили внимание, что с погибшего верблюда была снята ладанка-амулет и перевешена на шею одному из наших верблюдов. Вчера лама Таши заявил, что он предполагает возвратиться обратно в Шарагольчжи со своими двумя верблюдами. На указание, что у него остался ведь только один, он клялся, что это

неправда, и привел в свидетели лам-монголов в том, что пал вовсе не его, а наш верблюд. Указание Ю.Н. на то, что о гибели его верблюда знал весь караван и что мною это было своевременно отмечено в общем дневнике, его смутило, и он прекратил разговор. А сегодня он с той же легкостью подтвердил гибель своего верблюда и то, что у него остался всего один, и те же ламы-лжесвидетели подтвердили его сегодняшние слова. Мы, давно зная об этой проделке, и без того хотели отдать ему верблюда, но этот эпизод послужил для нас еще одним доказательством низкого уровня человеческого сознания.

Н.К. готовит очередной запрос майору и губернаторам:

«Мы осведомлены о тяжком положении каравана на пастбище. Начался падеж животных, состояние верблюдов угрожает их гибелью. Скажите, кто берет на себя финансовую ответственность за сохранность животных, за здоровье людей и за прочие убытки? Паспорт, данный нам доньером из Урги, обеспечивал нам, по всемирному положению, вход в страну. Мы шли не самовольно, а потому находимся под защитой международного закона во всех проистекающих по вашей вине тяжелых последствиях».

В 3 ч. дня возвратился Г. и сообщил о бедственном положении каравана; кроме павших вчера верблюда и белого мула, пять верблюдов, пять лошадей и три мула совершенно непригодны для дальнейшего пути и могут вскоре пасть. Все остальные животные сильно исхудали, и из 41 верблюда остаются лишь 16, пока пригодных для пути. Мы не могли своевременно продать животных в Нагчу и тем спасти их от гибели, а себя избавить от убытка. Таким образом, из бывших 95 собственных животных пало 26 и осталось 51, годное для пути; ослабевших и негодных вовсе – 18 голов.

Мы мерзнем, кашляем; у некоторых из нас ноги, как ледяные, и болят целый день. Легко представить себе жизнь на морозе и ночь, и день. К тому же мы не знаем, как долго продлится эта пытка – иначе и назвать нельзя – замораживанием нас на Чантанге. Я уверен, что в Америке и в других культурных странах будет взрыв негодования против тех преступных лиц, которые в Тибете препятствуют нашему продвижению, будет ли это сам Далай-Лама или же другие тибетцы. Кто же это охраняет Тибет от всех иностранцев, сами тибетцы или, может быть, кто-то другой?

Н.К., гениальный и единственный в своем роде Учитель, чье имя на устах людей всего мира, величайший из современников, тот, кем гордятся культурные страны и чья жизнь подлежит особой охране, страдает от холода и недостатка продуктов питания в суровой стране снегов на Чантанге, удержанный чьей-то преступной рукой! С ним вместе его самоотверженная супруга Е.И. и находящиеся при ней служащая Людмила и тринадцатилетняя девочка Рая, сестра Людмилы. Разве женские клубы Америки не испытают чувств негодования, боли и сострадания в своем сердце к этим трем женщинам, мужественно и безропотно переносящим все страдания на суровом Чантанге? Разве взрыв негодования общественного мнения, женских клубов и печати Америки и всех культурных стран не последует на это и не обнаружит преступников, несправедливо осудивших величайшего человека и трех женщин на жестокую гибель?! Будем надеяться, что высшая справедливость спасет их, но преступники должны быть обнаружены и понести справедливое возмездие за причиненное ими зло и все материальные убытки, сопряженные с гибелью транспорта и потерей здоровья людей!

30/X ***Восторженный отзыв об Н.К. и Е.И. Кунг-Кушо Доринга и настоятеля Чумби. Н.К. о Японии.***

День морозный. Ночью мыши натаскали зерна в сапоги и шапку Ю.Н. Вероятно, ввиду холодов они, видя каждую ночь вещи на одном и том же месте, думают поселиться в этих теплых вместилищах, натаскав туда предварительно продовольственных запасов.

Ждем сегодня гонца из Нагчу, отвозившего наше последнее послание губернаторам и письмо Далай-Ламе. Вспоминается, что генерал говорил Ю.Н. о своей встрече с братом прежнего Далай-Ламы герцогом (Кунг-Кушо) Дорингом и настоятелем монастыря в Чумби Томо-гэшэ-ринпоче, которые с восторгом отзывались об Н.К. и Е.И., встреченных ими в Дарджилинге и Сиккиме. Кстати, имя генерала – Кап-шо-па; он Хорчичаб, то есть верховный комиссар области Хор и князь древнего тибетского рода (ми-ванг).

Сегодня посылали за майором; получен ответ, что собирает для нас масло и кошмы и вскоре появится. По слухам, в Лхасе имеются среди монахов и японцы. Н.К., с симпатией отзывающийся о Японии, упоминает, как один японец написал по просьбе одной леди в ее альбом: «Вспоминайте нас при закате солнца, мы же будем вспоминать Вас при восходе» – правильно географически и многозначительно.

31/X ***Сепаратные намерения лам.***
Лама-тантрик занят остановкой снега.
Палочная расправа. Простудные заболевания в лагере.

Вчера явился лама Бухаев и потребовал выдачи платы до 1 ноября. Это весьма необычно среди пустынного Чантанга, где деньги ламам совершенно не нужны. Живущие с ним в одной палатке ламы Малонов и Ламаджан были опрошены нами, не желают ли они также получить свое

жалованье, а Малонов, кроме того, и деньги в двух пакетах, отданные в Шарагольчжи на хранение. Оба изъявили желание. Трудно сказать, не доверяют они нам или же у них имеются какие-то тайные соображения об уходе в здешний монастырь или в Нагчу, куда они думают, может быть, пробраться самостоятельно. Сегодня утром они получили свои деньги. Вчера же были выданы верблюды на обратный путь Цирингу, ламе-проводнику и Таши-ламе. Майора до сих пор не видно: вероятно, уклоняется, избегая малейшей ответственности. На замечание Н.К., что западные буддисты не пьют и не курят, он ответил, что восточные и пьют, и курят.

Сегодня, на 24-й день стоянки, прошел караван яков из К'ама, в котором был какой-то, по-видимому, высокий лама. Недалеко от лагеря обнаружили круг из камней с вырезанными на них молитвами. Это оказались заклинания бон-по и называется это «дорога к здоровью». В лагере тягостное ожидание, а холодный западный ветер никаких улучшений погоды не приносит. Около 2 ч. дня пришел майор и сообщил, что, по слухам, обратный гонец из Нагчу прибудет сегодня вечером или завтра утром и он тотчас же сам придет известить нас об ответе. Сообщил также, что генерал и губернаторы к нам очень хорошо относятся и разрешили бы наш проезд в Нагчу, но после прибытия Фильхнера был получен категорический запрет кого-либо пропускать даже в Нагчу без особого разрешения из Лхасы.

Производили расчет за кошмы, масло и двух яков. Цены оказались низкими: яки – по 13 янчан (китайских серебряных долларов), масло – за 49 фунтов 13 янчан, кошмы – по янчану. Китайское серебро очень ценят и при расчете им берут дешевле.

О результатах медитации большого ламы, живущего в пещере отшельником, майор сообщил, что он предрекает нам скорое отбытие в Лхасу и полный успех; точно так

же и другой лама-тантрик, живущий тоже в пещере, предрекает нам все хорошее. Последний занят теперь «урегулированием погоды», но «мешают этому вихри». По нашей просьбе майор обещал нам доставить ламу-медитатора; занятие же другого ламы теперь невозможно прервать.

По слухам, Фильхнер все еще стоит на нашем пути по дороге в Нагчу в Цомра. Вчера майор устроил в своем лагере суд и затем палочную расправу над каким-то хором. Сегодня мы узнали, что наказание палками производилось за то, что этот хор обманул майора в денежных расчетах, назвав чрезмерно высокую цену за купленную им для нас в Нагчу цампу. Начались простудные заболевания в караване. Второй день кашляют (бронхит) лама Ламаджан и Бухаев.

1/XI ***Напряженное ожидание. Караваны. Опять дикие псы.***

День морозный, солнечный. Кашлял ночью лама Малонов. Ожидания все напряженнее – уже не только мы ждем вестника, но и майор, и старшина, приставленные к нам, и все хоры. Ведь только мы и задерживаемся здесь со стадами яков.

В часы наибольшего ожидания Н.К. начинает говорить о совершенно посторонних предметах, как бы ослабляя натянутую нить нервов лагеря. Так, например, сегодня он неожиданно вспоминает о том, как много существует в обращении картин с его поддельной подписью и как трудно будет потом кому-то разобраться в этом. По отношению к нашему моменту он говорит: «Хотел бы я спросить здешнее правительство о следующем: до сих пор проходили в Лхасу или враги Тибета, или «переодетые» и подчас оставались там значительное время. Мы впервые идем в Лхасу без переодеваний, без обмана и вражды и потому именно мы находимся в таком неопределенном положении, которое непонятно даже самим тибетцам».

Утром прошли два каравана яков из К'ама в Нагчу и один верблюжий – из Нагчу в Цайдам. А когда же в восьмом месяце возвращаются голоки из Лхасы? Н.К. говорит: «Любопытно бы посмотреть, как выглядит правительство, которое, получив целый ряд рекомендательных писем и находясь в четырех днях пути от Нагчу, двадцать четыре дня не может уведомить свои собственные власти о линии поведения с нами?» Местные жители начинают думать, не пала ли лошадь у последнего гонца.

Между прочим, новое обстоятельство – девять диких собак пробовали невдалеке от лагеря с рычанием напасть на Н.К. Незадолго перед этим стая собак обглодала павшего верблюда. Позади этой группы собак Н.К. насчитал еще семь штук. За кого они примутся, очистив окончательно костяки павших животных? Наш Тумбал давно уже исчез. Сегодня три ворона утащили голубую эмалированную кружку. Для какого, спрашивается, употребления понадобилась воронам эта кружка? После 1 ч. дня поднялся холодный ветер; разошлись для занятий по своим палаткам. В 4 ч. дня опять прошел караван яков по направлению к К'аму. Пришло новое сведение, что Фильхнер сидит перед Нагчу уже два месяца и восемнадцать дней. Майор очень беспокоится, куда пропал гонец, и предполагает в случае неприбытия его вечером завтра послать второго.

2/XI ***Отсутствие гонца. Н.К. о медикаментах. Разноречивые смутные слухи. Первая телеграмма в Америку.***

А гонец так и пропал! Находимся все в том же положении, ожидая гибели животных и увеличения простудных заболеваний. Некоторые медикаменты, особенно необходимые для Е.И., – адонис, кактус и бобровая струя – на исходе. Вчера за весь день прошло пять караванов. Сегодня утром – один. Н.К. беседовал со мной о наших медикаментах и для памяти решили записать, что «главная

опасность для нас – со стороны здоровья, а главным незаменимым обстоятельством являются медикаменты, которых ничем другим мы заменить не сможем. Если Тибет считает для себя полезным разрыв с западными буддистами – это его дело, но ни в какую доктрину восточного буддизма не входит мучить европейских женщин, пришедших лишь ради Учения».

А между тем слухи ползут – от проходившего вчера монгольского каравана один из наших бурят осведомился, что будто бы из Лхасы имеется категорическое распоряжение вообще никого не пропускать через северную границу. Можно себе представить, какую смуту эти сведения вносят среди людей каравана. От наших лам поступают разнообразные слухи. Фильхнер собирается здесь зимовать – закупил зимние палатки. Монгольское посольство высылается в Ургу уртонами. Чипчаева называют русским. Про нас по дороге из Лхасы в Нагчу рассказывают, что пришло много русских и монголов.

Вызвали майора и в его присутствии отправляем в Нью-Йорк следующую телеграмму:

«Помним 24 ноября, когда ваш Американский союз буддистов изберет М. главой западных буддистов. Истинно, силой задержаны уже месяц в опасно студеных нагорьях в двух днях к северу от Нагчу. Присутствие двух женщин и маленькой девочки в экспедиции делает это насильственное задержание чрезвычайно критическим. Телеграфируйте от вас и через Вашингтон Его Святейшеству Далай-Ламе в Лхасу via Calcutta[62]*, удостоверяя, что мы американская буддийская экспедиция с мирными целями для изучения буддизма. Дальнейшее замедление причинит непоправимый вред. Дело может быть оглашено».*

Эта телеграмма, отправленная с нагорий Чантанга в Америку, является первой и единственной в своем роде. Теперь тибетцы не хотят пропустить американскую экспе-

дицию, между тем как ранее в тяжелых обстоятельствах они не задумывались апеллировать также и к американскому правительству. Ждали майора до вечера, потом послали записку. Он сообщил, что явится завтра утром с гонцом, а сегодня «молится», так как совершил много в своей жизни убийств.

3/XI ***Холод. Продукты на исходе.***
Н.К. о соотношении годной и негодной поверхности планеты.
Письмо из Нагчу. Губернаторы вернули подарки.
Слухи об отъезде Фильхнера.

Утром холодный ветер, еще более ухудшающий наше положение, – приходится сидеть в палатке. К учащенному сердцебиению и одышке прибавляется иногда и тяжесть в голове, носящая простудный характер. Вода в палатках все время замерзает, превращаясь в сплошной кусок льда. Сахар на исходе, со вчерашнего дня ограничили порцию выдачи его; пьем затхлый плиточный чай. На обед готовим лапшу, рисовую кашу или ячье мясо. Овощей совсем нет; ячьего молока (ома) приносят мало и редко. Всеми мерами стараемся поддержать равновесие организма, чтобы серьезно не заболеть. Когда нет ветра и бывает солнце, гуляем, чтобы согреться. На ночь в своей палатке ставлю бидон горячей воды, так как от вдыхания во время сна морозного воздуха происходил спазм дыхательных путей и учащалось сердцебиение, что при тяжелом миокардите было мучением.

Утром Н.К. спрашивал: «Выяснено ли точное соотношение удобной и неудобной поверхности земли?» Ему, много путешествовавшему, становится ясным, что любая неудобная поверхность настолько должна превышать удобные площади земли, что человечество содрогнулось бы от результатов этого сопоставления, причем многие ныне неудобные поверхности, такие как китайский Туркестан,

часть Индии, часть Персии, Египет и тому подобное, еще недавно были в гораздо лучшем положении. Поля лавы в Аризоне – это застывшее, как бы окаменевшее, волнующееся море. Вспомним также бесчисленное количество бесплодных островов в океане, все бесконечные льды и промерзшие тундры, все пустыни – гоби и такламаканы, все эти полуразложившиеся остовы горных хребтов, топи, болота и голодные степи, а если мы еще прибавим все водные поверхности, то хозяевам земных домов придется серьезно призадуматься. Это соображение Н.К. действительно наводит на целый ряд мыслей.

О гонце по-прежнему не слышно – прямо «пропавшая грамота»; наши монголы что-то задумывают об уходе. Решение тибетского правительства оставлять нас 27-й день без ответа стало окончательно непонятным. Ждем майора, чтобы сегодня же отдать ему для отправки нашу телеграмму в Америку, но когда дойдет она? Мы хотели приобрести у мимо проходящих караванов какие-нибудь продукты, но оказалось, что перевозимый груз от таможни до таможни продавать запрещается.

После 11 ч. утра приходил майор, сообщивший, что медитирующий лама предполагает получение нами благоприятного ответа из Лхасы на письмо генерала через 4 дня, считая со вчерашнего числа. Тантрику предложено майором продолжать заботиться о хорошей погоде, чтобы не выпал еще снег и не лишил корма наших животных. Сообщил опять, что задержка происходит из-за Фильхнера и его спутников, который послал семь писем Далай-Ламе, но ни на одно не получил ответа; что губернаторы не любят майора за то, что он надоедает им письмами и что они, вероятно, «съели» его гонца. За пересылку писем Далай-Ламе от Фильхнера губернаторы, по словам майора, получили строгое внушение от девашунга. Будут ли они настолько разумны, что перешлют, несмотря на все обстоя-

тельства, наше письмо Далай-Ламе и телеграмму в Нью-Йорк?

Около 1 ч. дня из Нагчу проехал в ставку майора тибетский чиновник, который прислал сказать, что скоро зайдет к нам. По этому поводу в пример Тибету мне вспоминается предупредительность по отношению к Н.К. западных правительств. Когда Н.К. собирался посетить французские колонии в Африке, то, узнав об этом, министр колоний отыскал младшего сына Н.К. – С.Н. и просил его указать, какое именно содействие и какие документы могли бы быть полезны Н.К. при посещении им колоний.

Около 3 ч. дня пришли уездный начальник области хор-па, его помощник и начальник уртонов. Первый вручил письмо губернаторов Нагчу, в котором в любезных выражениях сообщалось Великому Послу, что губернаторы и весь народ округа Нагчу посылают в дар один мешок риса и корм для животных – 3 мешка молотого гороха, а также возвращают подарки, которые могут принять только лично из рук Великого Посла. Прибывшие из Нагчу сообщили также, что ответ от Далай-Ламы на письмо генерала прошел три дня тому назад через Нагчу и что Фильхнер отправлен уже через Тенгри-нор в Ладакх на уртонах, не будучи допущен ни в Лхасу, ни во Внутренний Тибет вообще. Ждем дня через три-четыре уведомления от генерала. Благоприятный ответ из Лхасы, кажется, известен губернаторам и поэтому они о чем-то, видимо, беспокоятся.

Н.К. и Е.И., являясь носителями высокой идеи Общего Блага, поражают и трогают меня своим искренним состраданием к людям. У меня много примеров этого проявления их заботливости о других. И сам я во многих случаях испытал на себе эту заботу. Проявляют они это чувство очень скромно, и часто получившие ту или другую их помощь и не подозревают, что она исходит от них. Слава людям, проникнутым идеями братства людей и народов!

Это залог и основа истинного благополучия людей на земле и мирового строительства.

4/XI

Плохое состояние табуна. О Парацельсе. Керуб. Нас уверяют, что мы поедем через три дня.

Утром приехал из табуна торгоут Очир и сообщил, что состояние животных неудовлетворительное. Монгол Таши ходил к майору с просьбой разрешить ему отогнать своих двух верблюдов назад на пастбище в Шингди, но получил отказ ввиду того, что через три дня мы все продолжим свой путь. Спрашивается, в каком именно направлении майор предполагает, что мы двинемся?

Сегодня во время нашего скромного обеда (китайская лапша и монгольский чай) Н.К. вспомнил об обстоятельствах гибели Парацельса, убитого на улице из-за угла, и чей-то вопрос по этому поводу: каким образом человек таких больших познаний, как Парацельс[63], не мог предотвратить своей гибели. «Наивный вопрос, – сказал Н.К., – показывающий, насколько люди не понимают сущности вещей». Затем говорили о неточностях перевода священных книг с древнееврейского текста, причем мне вспомнилось, что слово «керуб», означающее горячий вихрь пустыни, поднимающий столбы крутящегося песка, переведен был понятием херувим (ангел) с огненным мечом, ставший на стражу у Эдема.

Около 2 ч. дня к Ю.Н. приходил тибетец Кончок, сообщивший добытые им от гонцов сведения, что письмо к генералу пошло за личной печатью Далай-Ламы и потому не могло быть вскрыто губернаторами. Генералу разрешается, по тем же слухам, пропустить нас в Лхасу, и будто бы это разрешение Далай-Ламы должен привезти нам или сам генерал, или один из его полковников-секретарей, и мы будем, таким образом, первыми из европейцев, кому

удастся совершенно открыто и с почетом вступить в Лхасу без угроз оружием и без «притворства».

5/XI

Глубокий снег. Тантрик майора не помог.
Бывшие болезни Н.К. Запоздалые журавли.
Незнакомец-монгол. Новые вести.

С вечера пошел снег, и к утру все было покрыто белой пеленой. Небо обложено тяжелыми тучами – не помогли распоряжения майора о погоде и все ухищрения местного тантрика. Вывод – не всегда и тантра действенна против ветров и атмосферных осадков.

Состояние окружающих нас людей напряженное. Н.К. опять вспоминает о дальних предметах. Так, он говорит, что в состоянии здоровья у него наиболее критический момент был с 30 до 35-летнего возраста, когда д-р О. нашел у него туберкулез легких, а профессор С. и д-р Р. нашли камни в печени. Но за последние десять лет подвижной жизни, простой пищи и развития духовного сознания не только исчезли все признаки найденных болезней, но даже грипп и ангина, часто повторявшиеся с детства, больше не возобновлялись. «Словом, – прибавляет Н.К., – болеть стало совершенно некогда». «Опять ex Oriente, – Н.К. улыбается, – все мы ждали ответа от Далай-Ламы с запада, а теперь обратились опять к востоку, откуда должен приехать вестник от генерала с ожидаемым ответом».

Сейчас, в 12 ч. 30 м. дня, пролетела над нами с громкими криками стая журавлей с севера на юг Тибета или в Индию – где-то они запоздали. К двум видам птичек воробьиной породы вчера присоединились две птички большего размера величиной с перепелку с зеленоватой головкой серо-коричневого цвета. Сегодня обсуждали, сколько дополнительно требуется яков к уже имеющемуся числу пригодных для дальнейшего продвижения живот-

ных. Предполагаем добавить еще двадцать яков при условии нагрузки до ста двадцати джин, по сведениям, полученным от местных хоров.

Опять неожиданный вестник – монгол, бежавший, по слухам, из Нагчу. Ряд странных сведений – английские войска с двумя пушками в Лхасе; в Нагчу задержано пять возвращающихся монгольских караванов. Он же советовал нашим монголам не ехать в Нагчу, а теперь же возвратиться обратно во избежание задержания. Сообщал какие-то сказки о продвижении многих русских. Это уже третий непонятный для нас вестник. Такие непрошенные вестники только вносят лишнюю смуту в умы наших бурят и монголов. Между прочим, сегодняшний вестник сообщил, что по дороге между Нагчу и Лхасой стоит много тибетских войск.

6/XI ***Опять снег. Паника среди монголов. Заболевания. Усиление мороза.***

Ночью опять шел снег. Утром ветреная погода с вьюгой, небо обложено тучами. Цайдамский монгол, прибывший вчера из Нагчу, ночевал с монголами в лагере. По-видимому, ищет себе попутчиков, пугая монголов слухами и уговаривая возвратиться. Сегодня наши монголы распространяли нелепый слух, что мешок аргала здесь будет стоить три нарсанга. Приезжий монгол все-таки имел некоторый успех – братья Шаши и Кончок доверили ему своих двух верблюдов для доставки в Цайдам. Какова будет судьба этих верблюдов, мы уже не узнаем.

К характеристике нравов тибетских воронов: сегодня мы были свидетелями, как ворон напал на одну из птичек воробьиной породы и унес ее. Птичку удалось отбить, но она была уже мертва, с переломанной левой ногой и отъеденным правым крылом. Как видно, вороны любят не только трупы, но нападают и на живых и уносят все, что

попадется, не исключая и недавней кружки с молоком, которая все-таки выскользнула из клюва, когда погнались за хищником.

К вечеру у нас опять усилились заболевания: у Н.К. возобновилась невралгия лицевого нерва – лежит с теплой повязкой в постели; у Ю.Н. – инфлюэнца при температуре 38,1° С.

В 6ч. 30м. вечера было –13° С при холодном ветре. К ночи, конечно, мороз усилится. Итак, по милости восточных «буддистов» мы замерзаем.

7/XI

Мороз –20° С.
Даже Н.К. называет положение катастрофическим.
Предсказание медитатора. Губернаторы и три курицы.
«Где же граница ничтожества?»

Ночью мороз усилился. У Е.И. было сильное сердцебиение и полная бессонница, сопровождавшаяся головной болью. Утром –20° С. Видимость и ощущение глубокой зимы. Н.К. сегодня как-то особенно сосредоточен. Пришел ко мне утром в палатку и заявил: «Сегодня ровно месяц, как мы задержаны. Не поднимая паники в лагере, назовем меж собой наше положение истинным словом – катастрофическое. Правительство, находясь в пяти днях пути от нас, на 31-й день не дает никакого ответа, обрекая нас на гибель. Найдется ли еще такая страна, где бы мирное Посольство насильственно задерживали на высоте около 15.000 футов среди глубокой зимы, лишая примитивных средств к существованию? Мы не просим милостыни, мы хотели бы купить продовольствие, но и за деньги нам его не дают. Молока на 25 человек нам сейчас дают две бутылки; муки и цампы вообще не дали, а теперь даже отказывают и в топливе – аргале – для приготовления пищи, говоря, что мы излишествуем. Вместо просимых

нами кошм дали всего несколько каких-то старых тонких полуобрывков по одному янчану за штуку. Где же заветы Будды? Откуда это бесчеловечие? Или Тибет – настолько нищенская страна, что целая Миссия, снабженная визами доньера, должна погибать? Конечно, можно зимовать и в полярных странах, но тогда люди к тому и готовятся, и, кроме того, там возможна определенная свобода действий. Здесь же продвижение назад или вперед воспрещено.

Наши бедные лошади и мулы получают по одной маленькой кружке ячменя в день. Большего мы ни за какие деньги добиться не можем. Если же теперь появится гололедица, то все наши животные немедленно падут. Сегодня мы должны требовать от майора послать двух гонцов и к генералу, и в Нагчу с категорическим вопросом: что же нам делать, ибо так продолжаться далее не может. Разве в чем-нибудь я преувеличиваю наше положение?»

Я же, слушая Н.К., думал, что он не только не преувеличивает, но даже говорит слишком спокойно. Ведь если завтра усилится мороз при ледяном ветре, то половина из нас будет с отмороженными ногами и руками, а другая половина получит воспаление легких; мы ведь не рассчитывали на морозы, и у нас только легкие летние палатки. Наш женский персонал начинает особенно сильно страдать. Действительно, положение катастрофическое. Сегодня будем требовать от майора муки, цампы, ячменя, кошм, молока и масла; мяса также не имеем. А что если сегодня ответ от генерала не придет; ведь генерал мог выехать по службе или же вместо категорического разрешения получил какую-либо замысловатую китайщину в виде витиеватых вопросов?

Вчера проезжал из Лхасы лама и зашел в палатку наших лам, но тотчас же был удален дежурным десятником-хором под тем предлогом, что пришедший попросит

накормить его. Цель изоляции, конечно, ясна – не допустить просачивания сведений из Лхасы.

Утром пришел от майора солдат с просьбой обменять медные тибетские «шо» на китайские серебряные доллары, по пятнадцати «шо» за доллар. По сведениям же, полученным от прибывшего на днях цайдамского монгола, в Лхасе доллар стоит восемнадцать «шо». Видимо, сейчас происходит падение бумажного нарсанга и медных денег. Периодически занимаемся счетом пульса: сегодня у Е.И. пульс – 96, Н.К. – 96, Ю.Н. – 76, П.К. – 78, Г. – 80, Н.В. – 100, Раи – 120. У меня и Людмилы пульс очень слабого наполнения и не прощупывался с утра. Потом после ходьбы пульс удалось найти и сосчитать 100 ударов. Е.И. продолжает принимать канадскую бобровую струю и кактус.

В 1 ч. дня прибыл майор с хорами, доставившими один мешок гороха, девять мешков ячменя и мешок цампы на общую сумму 80 янчан или 120 нарсангов, считая по 10 шо в нарсанге и 15 шо за янчан. Он же сообщил нам, что писал губернаторам о нашем достойном образе жизни и о том, что мы не ловим рыбы, не стреляем животных, как это делал Фильхнер. На это ему губернаторы ответили, что мы, тем не менее, съели трех кур; майор же им вновь возразил, послав специального гонца, что куры не съедены, а подарены ему и находятся на его дворе. «Где же граница мелочности и ничтожества?» – говорит по этому поводу Н.К.

Майор передал сегодня ответ ламы-медитатора, что «ответ Далай-Ламы будет, как большой палец или как средний, но никак не маленький». В присутствии майора возвратившийся из табуна Очир сообщил, что пал лучший мул и одна лошадь; другой мул на издыхании. О верблюдах можно ожидать самых плохих известий. Решили завтра послать еще одну телеграмму в Америку. Кто знает,

которая из двух телеграмм дойдет. В 3 ч. дня было уже – 13° С. Н.В. впервые заговорил сегодня о смерти и опять слег, предполагая отморожение левой стопы, чего на самом деле не было. У меня был сильный жар, насморк, головная боль и кашель, словом, инфлюэнтные явления. У Ю.Н. с вечера повышенная температура с продолжающимся бронхитом.

8/XI ***Мороз крепчает. Кощунство лам.***
Вторая телеграмма в Америку. Второе письмо Далай-Ламе.
Избиение солдатом хора. Раздражение народа.

Ночь исключительно холодная. Мороз свыше –20° С; внутри палатки все покрыто инеем. Пишем вторую телеграмму в Америку и второе письмо Далай-Ламе. Н.К. говорит: «Ох, плохо живется гостям милостивого Далай-Ламы XIII. Около него, наверное, находится кто-то, преследующий всякие знания, ибо полуграмотных бурят все-таки пропускают, а нам, вероятно, инкриминируется знание Учения Будды. Но всему приходит срок».

В лагере заметно такое раздражение, что ламы позволяют себе уже кощунство, понося наиболее священные свои понятия.

Закончили перевод телеграммы в Америку:

«Более месяца насильственно задержаны на высоте 15.000 футов при сильнейших морозах в летних палатках, занесенные снегом, при недостатке продовольствия. Тибетское правительство не отвечает на письма, игнорируя свои же тибетские паспорта. Половина каравана животных уже погибла, остальные погибнут в ближайшие дни. Заболевания членов Миссии и служебного персонала усиливаются в угрожающей степени. Положение катастрофическое. Категорически телеграфируйте Lhasa via India[64] *о пропуске*

Миссии для исполнения поручений по буддийскому Учению. Телеграфируйте содержание телеграмм Перси для французского правительства и прессы, Боттомчей для Англии, Кармело для Италии, Уоррену для Японии, Зулоаге для Испании и Веллингтону Ку для Китая».

Сегодня Ю.Н. беседовал с нашими ламами, требующими мяса, но отказывающимися убивать животных и заметивших, что Будда разрешил якобы куланье мясо. Ю.Н. ответил им, что не разрешено мясо ни рыб, ни птиц, ни других животных, но тибетцы отыскали для себя лазейку, придумав очистительную молитву. Тогда ламы рассмеялись и ничего не смогли возразить. Хотят есть мясо и лицемерно соблюсти закон.

Сегодня послана третья телеграмма вышеизложенного содержания сенатору Бору в Америку.

Второе письмо Далай-Ламе:

«Ваше Святейшество! Как Буддист и как Глава Чрезвычайной Миссии от Западных Буддистов считаю своим долгом поставить Вас в известность о продолжающейся гибели Миссии и всего нашего каравана. Как Вы знаете из моего первого письма, нас уже 32 дня задерживают на высоте 15.000 футов при сильнейшем морозе, в холодных палатках, при недостатке продовольствия. Болезни в лагере усиливаются, и слышны голоса отчаяния, говорящие о смерти. Половина животных каравана уже погибла, и остальной половине грозит гибель в самые ближайшие дни от бескормицы и мороза. Я как лицо, пользующееся мировой известностью и преданное Учению Благословенного, должен по совести сказать, что умерщвление всей Миссии, шедшей со священными задачами, решительно противоречит заветам Будды. Верю, что Вы как хранитель основ Учения не знаете о происходящем. Также верю, что Вы не можете

желать гибели мирных послов, охраняемых флагом могущественной Америки. Вы знаете, что мы, жители Америки, живем в прекрасных удобных помещениях и что даже самые страшные преступники не содержатся в таких условиях, в каких находимся мы в морозном Чантанге. Нам стало известно, что еще недавно была пропущена через Нагчу целая партия малокультурных бурят с Севера. Неужели же наша образованность, и общая, и на предмет Учения Будды, должна не только не помогать, но еще и ухудшать наше положение? Еще ни одна экспедиция не была остановлена так безжалостно и жестоко – ведь в составе нашей Миссии имеются и женщины, а теперь уже середина ноября. Опять верю, что все эти жестокие распоряжения исходят не от Вас и еще раз прошу Вас лично вникнуть в создавшееся положение и отнестись неотложно и достойно как к мировому моему положению, так и к вопросу жизни и смерти остальных членов Миссии. Через несколько дней многое уже запоздает. Сказанное мною так же верно, как и то, что под камнем Гума лежит великое пророчество Шамбалы».

Н.К. говорит, что сегодня день больших решений. Удивительно, как даже при самых плохих обстоятельствах он умеет жить будущим и вовсе не мечтой, но действительностью, полной реальности. Во время нашего обеда в 5 ч. дня снаружи палатки послышались тяжелые удары и какие-то выкрики. Оказалось, что явившийся от майора солдат избивал большим камнем дежурного десятника и его помощника, и уже лежащего одного из них на земле ударил с размаха ногой. Избитый лежал лицом к земле, кашлял и отхаркивал кровь. Тут же он был перенесен в палатку, где ему была оказана медицинская помощь, причем несший его хор сказал: «Вот как девашунг обращается со своим народом!»

Причины этой жестокой расправы для нас остались непонятны, но сама она нас всех возмутила и завтра мы поговорим как следует с майором и факта этого не забудем. Из других разговоров и жестов, замеченных мною ранее, я вынес впечатление, что здешний народ боится и ненавидит своих правителей. Во время избиения хоров кто-то в лагере воскликнул: «Проклятый Тибет!» Да, видимо, и теократически-деспотический Тибет уже прогнил и требует обновления.

Недаром Таши-Лама уехал из Тибета, чего еще никогда не бывало! Тяжелая страна, и скверно живется здесь людям! Рассматривал мозг убитого яка – раза в два с половиной меньше коровьего, с кулак взрослого человека. Глупые, видимо, животные, но выносливые и здесь незаменимые. «Старайтесь быть незаменимыми», – говорит Н.К.

9/XI ***Усиление за нами надзора. Приговор Тибету. Пророчество об очищении Лхасы, приведенное в статье А. Дэви-Неел. Далай-Лама XIII и последний. Безобразия в ставке майора.***

Вчера с вечера наш комнатный спиртовый термометр показал –19° С, но будь у него шкала выше, эта цифра было бы значительно больше. Ночью – очень сильный мороз, во всех палатках не только все замерзло, но и покрылось густым инеем. Сегодня утром после долгих поисков лошади (вчера являлся, чтобы идти пешком) гонец повез, наконец, письмо и телеграмму. Только что выяснилось, что в действительности мы не только задержаны, но именно *арестованы* с воспрещением всякого сообщения с внешним миром. Пока еще не знаем, посылают ли наши письма и телеграммы по назначению. Арест наш выяснился следующим образом: вдали тянулась ниточка монгольского каравана из 35 верблюдов; мы послали узнать

троих наших монголов, не идет ли это князь из Курлык-бейсе, но наши посланные были немедленно задержаны приставленными десятниками. Итак, больше сообщаться с проезжими нам уже нельзя.

Но сегодня день больших решений, и эта тибетская жестокость вызывает у нас улыбку сожаления вместо естественного в таких случаях возмущения. Н.К. подчеркивает: «Всему свои сроки, и все, не входящее более в эволюцию человечества, возвращается к уродливым звериным гримасам. Что значат для всего происходящего заветы Будды? Нам показывают то, в чем мы должны были убедиться своими глазами и ушами. Одно дело – остатки истинного Учения, забытые в пыли или еще не съеденные мышами, другое дело – вопиющие «государственность и этнографичность», годные для некоторых паноптикумов. Теперь можно понять отношение к тибетцам со стороны монголов и некоторых других соседей – а вдруг найдется простодушный любитель истины, который воскликнет: “А ведь король-то голый!”»

В тоне Н.К. слышится уже не осуждение, а приговор. Интересно бы знать, к какому времени относится старое пророчество, указанное в ранее упомянутой статье Дэви-Неел, что воины Майтрейи приблизятся к Лхасе, очистят Святой город и установят в нем трон Владыки Правды и Справедливости? Значит в Лхасе нет пока правды и справедливости, но есть нечистоты. И откуда предания тибетского народа говорят, что существующий ныне Далай-Лама XIII-й – последний?

Н.К. спрашивал Ю.Н., как велико население Тибета, не принимая во внимание таких получеловеческих диких племен, как хоры, мишими, голоки, панаги и другие. Ю.Н. считает, что всего около 300–400 тысяч человек, по преимуществу в трех центральных округах. К ним же будет,

конечно, относиться известный уже читателю наш майор, губернаторы (с тремя курами) и даже потерявший человеческий образ Кончок.

Ю.Н. направил письменный запрос майору о причине задержки наших монголов, не допущенных до разговора с проходящим караваном. От прямого ответа майор уклонился, сообщив, что это шли в Нагчу очень дурные люди, а он обязан нас охранять от всех людей, могущих причинить нам вред. Тем самым майор признал факт нашего ареста, тем более, что наши монголы признали верблюдов своего князя. У вчерашнего хора, побитого солдатом, вспухла спина. В обращении с нами приставленные хоры услужливы и по-своему очень вежливы. Встречаясь со мной, всегда почтительно склоняются до пояса, расставляют широко и приветственно руки и высовывают язык, но тем не менее, очевидно, доносят обо всем, что у нас происходит и чего не делается.

Сегодня собаки держатся на приличном расстоянии от лагеря – хоры искусно действуют длинной пращей, бросая камни. Осталось лишь два мешка корма для лошадей. Посланный к майору Г. вскоре возвратился и сообщил, что все в ставке пьяны и играют в кости, поэтому сообщить сегодня ничего не могут; удалось только узнать, что местные хоры больше не дадут корма, а в Нагчу его мало. Завтра к 11 ч. утра вновь посылаем Г. к майору. Положение все более и более ухудшается – и бескормица, и морозы. Однако бодры, духом не падаем и завтра же вновь и вновь начнем борьбу, теперь уже за право существования.

Все местное население, вынужденное поставлять нам продукты, начинает выражать свое возмущение от одного слова «девашунг», обрушивая свое негодование, к счастью, не на нашу голову, а на свое правительство.

10/XI ***Письмо британскому резиденту. Планы Н.К. Последняя банка молока.***

Опять холод и снег. Известий от генерала, по последним нашим расчетам, можем ждать не ранее вечера завтрашнего дня. Решили сегодня послать письмо резиденту Сиккима полковнику Бэйли с извещением о тяжелом положении Миссии, создавшемся благодаря непонятным для нас действиям тибетского правительства, а также и по вопросу перехода из Тибета в Сикким. Насколько можно понять, Н.К. не собирается долго задерживаться на территории Тибета, а только какое-то время, необходимое ему для работы. Эта ясность будущих планов позволяет переживать даже самые сложные обстоятельства с невозмутимым спокойствием духа.

Майор в первый раз сегодня отказался прийти. Неужели виновато в том сегодняшнее похмелье или это уклончивость? Приехавший с пастбища Очир сообщил, что все хоры разбежались, и потому он привез последнюю банку ячьего молока. Пал мул Е.И. Таким образом, гибель каравана продолжается. Посылаем в Нагчу гонца с письмом, адресованным Бэйли. Сегодня с низкими поклонами пришел ко мне выздоровевший побитый солдатом несчастный хор и просил меня принять его благодарность – три медных монетки. Конечно, он ласково был отпущен с миром и его монетками. С вечера мороз был ниже –25° С.

11/XI ***Мороз ниже –30° С. Преступное молчание тибетского правительства. Глава Западных Буддистов. Знаки пришествия Майтрейи.***

С вечера в палатке Н.К. было –19° С; сегодня утром –10° С. Стоит глубокая морозная зима; по ночам мороз ниже –30° С. Уже 37-й день как мы здесь арестованы.

Нельзя назвать ни одного прецедента, чтобы какая-нибудь экспедиция была задержана в течение более пяти недель зимой с подобной бессмысленностью в самом неподходящем и гиблом месте без какого бы то ни было объяснения. Нельзя забывать, что первое о нас письмо доньера с правительственным караваном прошло уже в мае; второе письмо и сведения через тибетского представителя в Синине прошло в июле. Кроме того, через губернаторов в Нагчу прошел наш тибетский паспорт и письмо ургинского доньера к Далай-Ламе.

Наконец, от генерала Далай-Лама уже получил три личных письма и от Н.К. – два письма. И вот на письма и донесения центральных властей, не считая многочисленных писем остальным властям, ни одного слова ответа; это – варварство без всякого прецедента. За все это время мимо нас ходили и в ту, и в другую сторону караваны. Неужели невежество было единственной причиной их пропуска? Конечно, до 24 ноября мы уже не в состоянии дать ответ в Америку – значит, тибетское правительство принимает на себя все последствия будущих проблем буддизма. Н.К. говорит, что, кроме всего прочего, и великого и малого, он уже девятый месяц лишен возможности работать. Действительно, если нам инкриминируют съедение трех наших кур, то что бы случилось, попробуй Н.К. написать хоть один этюд – в какую бы военно-картографическую историю это было бы раздуто!

Около 2 ч. дня пришел майор с письмами от тантрика и медитирующего ламы. Первый пишет, что с такого-то числа старается задержать снег, за что и получил три нарсанга, то есть около трех рублей, через майора. Другой – что вскоре будет ответ о нашем продвижении, так как мы не принесем вреда, и что он молится о задержании снега. По словам майора, здесь бывают очень большие заносы.

Из Нагчу майором были получены сведения, что письмо генералу якобы отправлено, но не о наших, а о других делах, тем не менее нас вскоре известят; он же и губернаторы стараются немедленно переправлять наши письма Далай-Ламе и телеграммы в Америку, снимая тем самым с себя ответственность за всякую задержку ответа, когда может быть пропущен назначенный нами срок 24 ноября и на Западе будет избран Глава Западных Буддистов. Расстались при обещании со стороны майора прислать шерстяные палатки для покрытия наших, кошмы и три мешка зерна. Гонец с письмом к Бэйли и деньгами для закупки продуктов в Нагчу отправился только сегодня около 3 ч. дня. Сидим, предпринимаем все возможное и ждем ответа, занимаясь каждодневными вопросами.

Хочется здесь вспомнить и сказать несколько слов о чаяниях наступления новой эры Майтрейи. Понятие Майтрейи было впервые выдвинуто самим Буддой как о грядущем своем Преемнике идей эволюции мира в соединении со временем Шамбалы, с которым связано наступление на нашей планете новой великой эры обновления. В Хинаяне, то есть в «Малой Колеснице» Учения, почитаются Будда и Майтрейя. В Монголии – Майдери (испорченное санскритское – Майтрейя) и в Тибете – Джалва Чампа (Владыка Милосердия). Тексты Майтрейи Самити, то есть о явлении Майтрейи в мир, весьма многочисленны и существуют на санскритском, тибетском, китайском и монгольском языках. Как признак приближения времени Майтрейи считаются войны и потрясения; перед самим же явлением в мир Майтрейи – благой период – Община. Цвет одеяния людей Шамбалы – красно-пурпуровый; воины Шамбалы в пурпуре, в высоких меховых шапках и с пурпуровыми знаменами. Перед появлением Майтрейи придут в Тибет люди Шамбалы. Приход Майтрейи знаме-

нует восстановление Истинного Учения Будды. Характерно, что тибетцы и монголы ждут третьего похода монголов на Тибет, ввиду чего мумия Учителя Цзон-ка-па в Гандене повернута лицом на Север. Десять лет тому назад Таши-Лама объявил благость пришествия Майтрейи, а в 1923 году выехал из монастыря Таши-Люмпо. Когда Таши-Лама снова вернется в Лхасу, там соберутся все представители буддийского мира, если бутанцы, сиккимцы и непальцы не будут этому препятствовать. Так говорят о времени Майтрейи священные буддийские тексты и предания.

Сегодня, как и ежедневно, много беседовали с Н.К. и Е.И., которые высказывали замечательные и новые мысли – точно кто-то по ночам посещает их, – такой у них прилив новых идей!

12/XI ***В Тибете письма Далай-Ламе не доставляются. Два гонца. Китайские драконы не принимаются. Падеж животных. Лечение лам. Тибетская легенда о нас. Судьба монгольского посольства.***

Снежный день начался с утра возмутительным происшествием. Принесли обратно первое посланное нами письмо Далай-Ламе с приложением копий писем губернаторам Нагчу, посланных нами две недели тому назад. Говорят, что они были найдены по дороге к Нагчу: якобы их обронил заболевший в пути гонец. В чем здесь дело и как возможен такой случай с письмом Далай-Ламе в Тибете?! Мы отрезаны здесь губернаторами, очевидно, по распоряжению девашунга, от всего мира, и у нас нет уверенности, что письма и телеграммы дойдут до Лхасы – первого пункта, где имеются почта и телеграф.

Вновь посылаем гонца, который, к нашему изумлению, возвратился неожиданно быстро. Вчерашние наши гонцы

с письмом к Бэйли, оказывается, так еще и не уехали. Во всяком случае такое пренебрежительное отношение местных властей к письмам Далай-Ламе наводит на самые странные размышления! Опять прошел вдалеке какой-то верблюжий и конный караван из Нагчу. Держим наготове все копии нашей переписки – кто знает, может быть, придется вскоре ее и повторить.

Новая неприятность – не принимают императорское китайское серебро с драконами, и опять виноват Кончок, уверявший нас, что именно это серебро в Лхасе особенно ценится, почему мы и расплачивались до сих пор исключительно янчанами с изображением Юан Шикая, семибуквенными и шестибуквенными.

Привезли известие, что сегодня на пастбище пало еще три верблюда и не встает одна лошадь. Таким образом, только за время нашей стоянки перед Нагчу пало двенадцать животных. Небо в снеговых облаках, дует холодный ветер. Говорили с Н.В., что физически лучше просидеть в одиночной тюремной камере три месяца, чем здесь на морозе один месяц. В настоящее время от каравана из 95 наших собственных животных, не считая павших наемных трех лошадей и одного верблюда, осталось всего 58 животных, из коих многие уже настолько ослабели, что для дальнейшего пути не годятся. Какую, спрашивается, цель преследует своим бессмысленным молчанием тибетское правительство, нанося нам непоправимый вред и губя ни в чем не повинных животных?

Начинается какое-то волнение среди каравана – торгоуты вдруг потребовали полной выдачи жалованья. Говорят, что и среди монголов тоже какое-то брожение. Решено, что завтра всех животных переводим с пастбища сюда, ближе к стоянке, поскольку есть опасения, что торгоуты, решившие, по-видимому, бежать, присоединившись к про-

ходящему мимо каравану, прихватят с собой и часть наших животных; надеемся, что эта мера предотвратит побег; к тому же, пастбище занесло снегом – травы нет. Получено еще одно прискорбное известие, что в Нагчу выпал снег по колено. Это означает, что верблюдам есть там уже совершенно нечего. Лама Малонов лечит других лам бурятскими лекарствами – в лучшем случае без последствий. Сам же, простудившись и заработав бронхит, охотно и с успехом истреблял Доверовы порошки. Печальные последствия его лечения заметили сегодня на ламе Ринзине – появились отеки лица. Все это проделывается секретно, и потому со знахарством и суеверием бороться трудно – будут принимать научно-медицинские средства и в то же время лечиться у лам различными, подчас отвратительными средствами – экскрементами «священных» особ и мочой. Лучше бы уж лечили только молитвами и заклинаниями, хотя это само собой входит в метод лечения, – было бы меньше вреда. В конце концов это ламское лечение даже не знахарство или народная медицина, а просто невежество и шарлатанство! В 5 ч. дня поднялся снежный буран, и мы разошлись по своим палаткам.

Народная молва Тибета творит о нас особую легенду. От проходившего каравана наши монголы узнали, что между Лхасой и Нагчу те слышали, что пришел «большой главнокомандующий» со многими солдатами. После Нагчу этот слух несколько видоизменился, и главнокомандующий превратился в великого нойона (князя). Н.К. смеется, говоря, что скоро мы, пожалуй, удесятеримся в представлениях народной молвы. У Н.К. катаральная ангина. Опять мимо нас проходят целые вереницы караванов в направлении Цайдама. Те же монголы принесли слух, что монгольское посольство еще находится в Лхасе под караулом солдат и на улицу выпускается лишь в сопровождении

стражи, при этом вступать в разговор со встречными – запрещено.

13/XI

Устремление Н.К. вперед. Погибшие картины Н.К. Письма к Далай-Ламе, Хорчичабу и резиденту Сиккима. Опять майорская волокита и хоры. Майор принят сурово. Гибель каравана продолжается.

В ожидании майора сегодня беседовали с Н.К. на различные темы. Н.К. говорит: «Странно сознавать, что позади нас не может быть никакой опоры; были разные должности и президентства, но они остались неощутимо позади. Было написано три тысячи картин, но они мне как-то невидимы; были основаны разные учреждения, но они уже живут своей жизнью; были написаны книги – кто-то неведомый их читает; были исполнены ответственные поручения и тоже отошли в туман; были пройдены многие десятки тысяч миль, и они занесены какой-то вьюгой. И только одни задачи будущего растут и полны возможностей преуспеяния. Как сказано, якорь преуспеяния закидывается лишь вперед».

Затем я спросил Н.К. о судьбе многих его картин. Он улыбнулся и сказал: «Я мог бы насчитать вам до сотни, о гибели которых я слышал. Погибла «Ункрада», «Пандократор», «Сошествие во Ад», «Гибель Богатырей», «Поход», «Змей проснулся», «Чаша», «Сестра Беатриса» и многие другие. Кроме того, многие картины совершенно испорчены, в том числе «Роспись моленной», «Славяне».

«Вспоминаю, – говорит далее Н.К., – рассказ одного военного, как он, проходя со своей частью во время европейской войны по Польше, видел в одном из замков шесть моих картин, среди них, кажется, «Весну Священную». Но впоследствии при отступлении войск эта же

часть, проходя мимо, нашла замок дотла сожженным. А в конце концов всегда случается что-либо житейски-комическое – мне принесли однажды картину Рущица с моей фальшивой подписью, а затем картину Вробиевского, но там работа фальсификаторов была хуже и подпись моя была через «По». Кто же жертвы этих фальсификаций?»

Сегодня заготовляли с Н.К. письма к Далай-Ламе, генералу и резиденту Сиккима. Содержание их приведу далее. В 3 ч. дня пришел майор со старшинами хоров, доставившими зерно и масло. В первый раз майор был принят очень сурово – ему было категорически заявлено, что нам надоела вся эта медлительность, сроки прошли и Миссия наша в Тибете окончилась, – мы должны идти через Гиангцзе в Индию для отдыха в тепле и восстановления нашего здоровья. Что мы не привыкли жить в палатках на 30-градусном морозе, все опасно больны, а две трети каравана животных погибли от морозов и бескормицы и что тибетское правительство миллионами своих нарсангов не оплатит тех убытков, которые потребует с него великая страна Америка за все наши потери и убытки, которые мы здесь потерпели. Майор заявил, что все это он понимает, делает для нас все возможное и уведомит генерала особым письмом при отсылке наших писем генералу и тибетскому правительству. Подозревая ненадежность канала сообщения через губернаторов, посылаем гонца с письмами к генералу.

Сегодня пригнали животных с пастбища. Пало еще два верблюда и слегли, не дойдя до стоянки, лошадь и мул. Остальные животные худы и слабы. Наказали майору доставлять нам ежедневно по два мешка корма для лошадей и мулов и особенно предполагаем кормить усиленно – два раза в день – верховых животных, думая этим сохранить их в силе.

14/XI ***Тяжелая болезнь Е.И. Письма Н.К. Далай-Ламе, генералу и британскому резиденту. Телеграмма в Америку. «Западный Далай-Лама». Возмутительное поведение лам.***

У Е.И. второй день болит голова. Сегодня провела ночь очень плохо – головная боль усилилась и затекли руки и ноги – результат переживаемых резких волнений. Н.К. чувствует себя сегодня несколько лучше.

Пал еще один мул, в безнадежном состоянии лошадь. За ночь снега прибавилось; верблюды умирают на глазах медленной голодной смертью – лошадиного корма есть не могут, да и мало у нас его.

Н.К. говорит, что эта ночь была наиболее тяжкой для Е.И. из всех, что он вообще запомнил за 27 лет; всю ночь Е.И. промучилась, не смыкая глаз.

В 12 ч. дня явился гонец, с которым и отослали сегодня третье уже письмо Далай-Ламе, телеграмму в Америку, письмо генералу и письмо и телеграмму Бэйли.

Письмо Далай-Ламе:

«Ваше Святейшество!

Благородные намерения нашей Миссии были выражены мной в двух письмах – от 28 октября и 8 ноября с.г., которые, по моим сведениям, были Вам доставлены несвоевременно. Я могу утверждать о несвоевременности доставки этих писем, ибо письмо от 28 октября было доставлено нам обратно, как бы потерянное на дороге, и, по нашим сведениям, было вновь послано в Нагчу 12-го сего ноября.

За это время и без того гибельное положение Миссии ухудшилось во всех отношениях. Все мы опасно больны; население, несмотря на нашу плату за продукты, не в состоянии их поставлять, и более двух третей каравана животных уже погибло. Эта жестокость противоречит Учению Благословенного Будды. Если бы я мог предполагать подо-

бный оскорбительный прием, я никогда не согласился бы принять уже известное Вам поручение от Западных Буддистов. Теперь правительство Тибета жестоко оскорбило в лице нашей Миссии великую страну Америку и благородные намерения Западных Буддистов. Весть об этом громом пронесется по всему миру, ибо воистину не было еще Посольства с такими священными целями и готового принести богатство и знания Запада Учению Будды. Теперь, после 40 дней ареста, ибо Миссии запрещено даже разговаривать с проходящими караванами, наше единственное желание – немедленно продвинуться через территорию Тибета в направлении Гиангцзе – Индия, о чем мы уже сообщили лично известному нам британскому резиденту Сиккима Бэйли. Такое ли отношение встречали тибетцы за пределами своей страны? Во всяком случае тибетское правительство не может бояться девяти западных буддистов, в число которых входят две женщины и один ребенок. Правительство понимает, какую серьезную ответственность оно приняло на себя своими бесчеловечными и оскорбительными действиями, к тому же игнорируя паспорта и письма, выданные Вашим представителем в Урге. В двадцати четырех странах я встретил прием, достойный моего общественного положения. Единственная, двадцать пятая, страна – Тибет – выказала полное бесчеловечие и неуважение к заветам Благословенного Будды».

Телеграмма в Америку:

«Номер третий. Надеюсь, Вы уже получили наши две телеграммы. Истинно, сорок дней задержаны на морозных нагорьях 15.000 футов высоты. Недостаток пищи, топлива и фуража. Две трети животных каравана погибли. Почти все члены Миссии больны. Немедленно телеграфируйте Его Святейшеству Далай-Ламе – Лхаса via India, удостоверяя, что мы – американская экспедиция с мирными целями изу-

чения буддизма. Положение критическое. Сообщите дело Новому Синдикату. Переведите десять тысяч рупий в имперский банк Дарджилинга. Надеюсь, Зина и Клод посетят Дарджилинг летом, прежде чем взять итальянскую линию?»

В письме генералу сообщено, что срок 24 ноября для нас уже истек, и теперь наше намерение – пройти Тибет в направлении Гиангце–Индия. О пропуске нас в Индию Бэйли уведомлен. Пропустив срок 24 ноября, восточные буддисты своими действиями добились того, что на Западе будет отдельный Глава Буддизма. Последствия всецело ложатся на их ответственность.

Получено известие от майора, добытое им из Нагчу, что из Лхасы выехал гонец с решением по нашему делу. Мы выслушали это равнодушно. Вьюга продолжается. Пала еще одна лошадь. Ввиду тяжести и неопределенности нашего положения спросили Н.К., часто ли ему приходилось испытывать в путешествиях затруднения. Н.К. ответил: «Даже и пересчитать трудно. Помню, как на моих глазах исчезла шведская виза, что ставило мою выставку, иначе говоря, меня самого, в критическое положение. В Лондон после больших хлопот я смог въехать в качестве циркового декоратора, но не в качестве художника, причем двое из моих друзей должны были дать подписку, что я во время моего пребывания не нарушу условий рабочего договора. С Америкой, Францией, Италией и Индией вообще не было никаких затруднений. Австрия, несмотря на мое почетное членство в Сецессионе[65], вообще отказалась пропустить меня. Впрочем, я и не особенно нуждался в этом въезде. Затем следовал ряд удержаний и запрещений – кашмирские полицейские власти провокационно препятствовали продвижению на Ладакх; затем – задержание в Хотане с угрозой выслать через непроходимый в то время года снежный перевал Сан-жу; затем трудности при выезде из Монголии. Таким образом, каждый шаг требо-

вал напряженной борьбы, но зато во время «эпидемий виз и колючей проволоки» мы прошли самые трудные в этом отношении места. Здешняя фантастика меня забавляет своей сложностью, где невежество и скелет маньчжуризма умертвили самые драгоценные понятия. Хотел бы я знать, сколько дней в морозном Чантанге просидел бы Благословенный Будда, а может быть, и вообще был бы отринут за «вредную» деятельность?»

Во время вьюги среди дня голодные верблюды опять пришли в лагерь, чтобы лечь на своей стоянке, где меньше снега. Исхудалые и голодные, погибающие медленной смертью, на наших глазах они превращаются в скелеты, являя немой укор восточным «буддистам» за их жестокосердие.

День неожиданно кончился возмутительной выходкой ламы Бухаева, а также и двух других лам – Малонова и Ламаджана. Лама Бухаев, молодой человек лет 24-х, присвоил эмалированную чашку. На требование Ю.Н. возвратить ее владельцу Бухаев без всяких оснований ответил отказом и стал говорить Ю.Н. дерзости. Присутствовавший при этом П.К. тут же удалил его из палатки Ю.Н., не подвергая ни нападению, ни ударам. Так могут быть возмутительны ламы. Бухаев немедленно получил расчет и был отправлен по записке, написанной Ю.Н. по-тибетски, с дежурным десятником-хором к майору как представителю местной военной власти. Вслед за сим явились двое лам: один – его дядя Малонов, другой – Ламаджан, живший с Бухаевым в одной палатке; они потребовали и для себя полный расчет, поддержав тем самым преступного Бухаева; расчет им был выдан. Не имея более никакого отношения к нашему каравану, и эти двое лам были направлены к майору. Таким образом, мы понемногу осво-

бождаемся от ленивого или непригодного нам в составе Миссии элемента.

К середине дня состояние здоровья Е.И. стало немного лучше – головная боль, причинявшая особенно сильные мучения, несколько уменьшилась.

15/XI ***Снежные заносы. Состязание Аттиши и Миларепы. Наказание ламы. Заявление Н.К. майору об ответственности тибетского правительства.***

На 41-й день «сидения» нас ожидал сюрприз – ночью выпал глубокий снег, местами по колено, окончательно занесший лагерь гостей Далай-Ламы. Можно себе представить, что творится с животными – верблюды лежат в снегу, прижавшись один к другому, даже не пытаясь уже встать. Корма остался один мешок, и было высказано предложение, не поддерживать ли нам только одних лошадей, давая им по 1 фунту зерна в день, обрекая тем самым других животных на голодную смерть? Опять посылаем за майором. Н.К. говорит: «Если девашунг задерживает на месте караван, он должен знать, что это место пригодно для пребывания, и тем самым он берет на себя ответственность за предоставление необходимых жизненных условий. Или же девашунг так же соответствует разумному правительству, как шаманский ламаизм отвечает буддизму? Как необходимо отмыть Великий Лик Учителя Будды!»

Всегда вспоминается, как Учитель Аттиша[66] из Индии и Учитель Миларепа[67] из Тибета состязались в своих духовных силах, причем при полном равенстве перевес совершенства все-таки остался за Аттишей, ибо он жил и в то время шел из той страны, где трудился сам Великий Учитель Будда. Травинка прогнулась под Миларепой, тогда как под Аттишей она осталась незыблемой! Таким симво-

лом древние буддисты подчеркивали значение места зарождения Учения Будды.

В лагере утверждают, что невежественный лама Малонов состоял одним из лам в ленинградском дацане в Старой Деревне против Елагина Острова. Как же допустимо подобное отрицательное явление в месте, казалось бы, знания, ведь дацан должен быть рассадником знания буддизма.

Ночью головная боль у Е.И. вдруг исчезла, но зато появились сильные боли в нижней челюсти, которые в свою очередь вскоре прошли, но вдруг болезненно опухли околоушные железы. Часа через два опухоль желез прошла, но опять возобновилась головная боль. Невольно припоминаются необъяснимые симптомы различных заболеваний, описанных в литературе о Е.П. Блаватской.

Н.К. обдумал серию картин – «Земля Будды». Сегодня Ю.Н. с утра посылает письмо майору, сообщая о нашем намерении послать верблюдов в Нагчу для спасения от голодной смерти, и спрашивает, какому взысканию подвергнут Бухаев за его недопустимое поведение.

Около 1 ч. дня явился майор в сопровождении солдат и арестованного им ламы Бухаева. Длинные, нудные разговоры о наложении взыскания. Майор предложил, принимая во внимание ламское звание Бухаева, обязать его сделать сто растяжных земных поклонов. Н.К. же настаивал на денежном штрафе в пользу местного монастыря в размере 35 янчан. Последствия увидим. Майор также согласился отправить наших верблюдов в Цомра, находящийся в десяти верстах от Нагчу, где будто бы, по его словам, имеется трава, еще не совсем покрытая снегом. Еще раз категорически разъяснили майору, что тибетское правительство, не давая ответа в течение 41 дня, считая с 6 октября с.г., и оставляя нас в тяжелейшем положении, взяло на себя полную как нравственную, так и материальную ответственность за последствия. Правительство ответственно за своих агентов, как за больших, так и за малых.

Е.И. сегодня передавала замечательное изречение из восточного сказания: *«Чернила ученого так же священны, как кровь мученика»*. Так смотрят на Востоке на ценность знания!

16/XI ***Недомогание Е.И. и Н.К.***
Взятка и заступничество майора за преступника.
Тайный совет хора.

Со вчерашнего вечера снежная мягкая погода. Н.К. чувствует, что простудился; температура слегка повышена. Утром небольшой мороз, погода солнечная. В 10 ч. утра верблюды – 19 наших и два, принадлежащие монголам, – отправлены в Цомра, где, как уверяют, немного теплее и меньше снега. Сегодня пали белый мул и верблюд. Трех лучших верблюдов оставили при лагере, надеясь подкармливать горохом. Верблюды эти китайские и потому приучены к зерновому корму.

Сегодня Н.К. – в постели во избежание дальнейшей простуды. Е.И. чувствует себя значительно лучше; небольшой кашель второй день, но из палатки еще не выходит. По слухам, вчера майор вытребовал тантрика, не удержавшего своими действиями выпадения снега, на расправу, как говорят, палками. Восемнадцать диких собак уже с утра терзают павшего мула, не подпуская воронов; грифов давно уже нет; вероятно, при морозах улетают южнее, орлы же иногда появляются. Тантрик, как оказалось, посажен майором в отдельную палатку с приказом манипулировать и молиться, чтобы больше снега не было. Мы, однако, этим не удовлетворились и послали майору письмо с просьбой немедленно, в связи с обилием выпавшего снега, а также отсутствием продовольствия, добиться от губернаторов разрешения нам и майору с солдатами продвигаться в Нагчу. Пришло известие, что майор придет к нам завтра с ответом на сегодняшнее письмо и что Бухаев

грозит жаловаться на нас «в газеты». Но где, в каких газетах и на каком языке – здесь, в Чортен-Карно, – осталось неизвестным.

О том, понес ли Бухаев какое-либо наказание от майора за свою выходку – удар старшего во время похода, которую сам же майор характеризует преступлением, достойным расстрела, – остается также неизвестным. Решено завтра потребовать от майора категорического исполнения обещания оштрафовать Бухаева и деньги переправить в ближайший монастырь, иначе это нападение, оставленное без взыскания, деморализует лагерь.

Сегодня с пастбища исчез еще один белый мул – вероятно, пал где-нибудь и в снегу незаметен.

Н.К. весь день оставался в постели.

Вечером принесли хатаг и письмо от майора с просьбой сложить штраф с Бухаева, и одновременно сообщалось, что, по гаданию ламы, из Лхасы вскоре придет благоприятный ответ. На это майору было отвечено письмом, что если преступник Бухаев не понесет назначенного ему наказания – штрафа в 35 янчан, то его необходимо будет отправить к генералу по письму начальника Миссии, и что завтра майор должен принести окончательный ответ о принятом им решении; при этом добавлено, что майор поставлен здесь генералом для охраны Миссии. Решили задать завтра майору несколько категорических вопросов, в том числе о том, какие причины заставляют его защищать преступника, наказание которому, по-тибетским законам, – розги и расстрел. Можно вообразить, какую бездну лжи и клеветы выливают на нас эти уволенные «благочестивые» ламы, да и лама ли Бухаев вообще?

Странен обычай, что ламы не имеют никакого удостоверения от монастыря о своем звании. Их одеяние и бритая голова являются здесь единственным удостоверением ламского звания. А потому здесь каждый, побривший себе голову, может носить почетное звание учителя (лама, бак-

ша), извлекая из сего янчанную пользу. «Не устанем вопрошать, – говорит Н.К., – где же они, заветы Будды?»

Вероятно, и завтра Н.К. и Е.И. придется пробыть в палатке. Поздно вечером пришел солдат и частным образом сообщил, что к майору приходил дядя Бухаева Малонов с хатагом. Не зазвенели ли при этом янчаны? Характерно отметить, что старшина хоров, приходивший сегодня к нам тайком, без ведома майора, советовал нам продвигаться к Нагчу, не дожидаясь разрешения, и вместе с тем предлагал нам доставить 11 мешков зерна с тем только условием, чтобы оплата производилась не через майора, но непосредственно народу. Очевидно, народ получает за свои продукты лишь малую часть.

17/XI ***Череп верблюда. Монголы – «вино азиатских народов». Монголы помнят о героях. Медицинское заключение.***

Ночью еще нанесло снега; мороз днем не более –10° С. Стоим 43-й день по милости девашунга, то есть «благословенного правительства» Тибета. Сегодня десятник-хор просил разрешения Ю.Н. взять череп павшего верблюда, уже полуобглоданный собаками. Оказывается, в Тибете череп верблюда употребляется для заклинаний против града и снега официальными заклинателями; стоимость черепа в Лхасе доходит до двадцати нарсангов. Сравнивая интеллект тибетцев и монголов, мы отдаем явное предпочтение последним. Все, что приходилось видеть со стороны монголов, имело какую-то свою обоснованность и целесообразность действий с явным различием врагов от друзей. Недаром великая Монголия давала и великих героев. Народ, в думах которого живут герои, доказывает свою жизнеспособность. Вивекананда называл монголоидов «вином азиатских народов». И теперь то, что монголы поют песнь о Шамбале, вводя ее в круг современной жизни, показывает их участие в строительстве жизни.

Восемь раз сегодня посылали за майором, который так и не явился. К вечеру приехали из Нагчу двое хоров, сообщивших неприятную для нас новость, что там снег доходит до спины лошади. Около 4ч. дня поднялся сильный буран. Я, как доктор Миссии, должен был сегодня сделать следующее заявление для передачи его майором тибетскому правительству:

«Настоящим удостоверяю, что все члены Буддийской Миссии в составе девяти человек-европейцев, задерживаемых уже более 43-х дней тибетским правительством на высотах местности Чу-нарген около 15.000 футов, в двух днях пути от Нагчу, страдают в настоящее время сильным упадком сердечной деятельности в результате долговременного учащения пульса от 96 до 125 ударов в минуту, а также простудными заболеваниями, что при слабости сердечной деятельности грозит всем членам Миссии гибелью. Ввиду сего я как доктор Миссии, уполномоченный охранять здоровье ее членов, утверждаю, что дальнейшее пребывание Миссии на высотах Тибета среди зимы гибельно. Миссия нуждается в немедленном восстановлении здоровья в культурных условиях жизни».

Сегодня ожидали возвращения посланных за провиантом в Нагчу, но приехавшие хоры сообщили, что там их не встречали. Н.К. весь день провел в постели. Завтра можно будет выйти на воздух.

18/XI ***Вихрь. Условия нашего путешествия тяжелее зимнего похода. Майор не понимает значения медицинского свидетельства.***

Всю ночь свирепствовал холодный вихрь; к утру нападало много снега. День чрезвычайно морозный, солнечный. Решили, несмотря на все препятствия, продвигаться к югу, так как далее ждать здесь совершенно невозможно. Место стоянки нашего лагеря как находящееся у Чу-на-

рген, то есть Реки Старости, называется по имени этой реки. Думается, что выберемся отсюда еще до декабря.

Е.И. и Н.К. находятся сегодня еще в постели. Те, кто понаслышке знают о путешествиях Н.К., вероятно, думают, что они совершаются в особо комфортабельных условиях. Но вот перед нами участник нескольких зимних походов мировой войны, и он утверждает, что в подобных тяжелых условиях ему никогда бывать не приходилось.

Пришло известие, что едет гонец от генерала, причем на расстоянии пяти дней пути под ним пало пять лошадей. К общему нашему удовольствию Н.К. встал с постели, но еще не выходит из палатки. У Е.И. головная боль в лобной и височной частях.

Пришедшему сегодня майору было категорически указано, что мы не можем далее оставаться на морозе, и кроме того было передано медицинское удостоверение, снимающее с него всякую ответственность перед девашунгом за наше, вызванное тяжелыми условиями стоянки и ухудшением состояния здоровья людей, дальнейшее продвижение, и предложено в двухдневный срок собрать 65 грузовых яков. Штраф в 35 янчан с Бухаева в пользу строящегося монастыря также заставили майора взыскать, несмотря на его неудовольствие и видимую поблажку ламам и преступнику.

19/XI ***Мороз в палатке ниже –20° С.***
Медлительность правительственного гонца. Молока не дают.
Далай-Лама отрезан от внешних сообщений.
Вернули письма к нему и британскому резиденту.

Ночь чрезвычайно холодная. В палатке ниже –20° С, дальше наш комнатный градусник не показывает.

Выйдя из Урги 13 апреля 1927 года на автомобилях, никак не думали, что ноябрьские морозы застанут нас на высотах до Лхасы. Вчера в 7 ч. утра в палатках было

–16° С. У Е.И. головная боль. День ветреный и морозный. Пала еще одна лошадь. Корм весь кончился – ждем к вечеру яков с заказанным продовольствием и кормом из Нагчу, а также обещанного майором гонца с ответом генерала.

Сегодня на обед был приготовлен рисовый суп из ячьего мяса. Обычное же меню – или жареное мясо яка, или лапша. Оставленных трех верблюдов кормим пока соломой из верблюжьих седел и, когда имеется ячмень, даем вдобавок раз в день по полфунта ячменя. А гонцов все нет. Приезжают частные лица, направляющиеся по своим личным делам, а спешный правительственный гонец в три дня не может покрыть пути, который обыкновенный человек проходит за один день. Молока не дают, говоря, что и так из-за нас начали околевать телята яков. В палатках все покрыто инеем – сырость. Е.И. очень больна – голова «как бы лопается от боли». Где же слыхана подобная бессмысленная жестокость? Еще раз вспомним, что еще ни одна экспедиция никогда не была задержана среди холодной зимы в безлюдной местности на высоте 15.000 футов. Теперь уже всем и всюду написано, все слова произнесены.

Нет ли у «благословенного» правительства тайной мысли вообще навсегда оставить нас здесь? Ведь сегодня уже 45-й день, как мы замерзаем в ожидании ответа. Всякая человеческая логика тут умолкает.

Новое возмутительное происшествие – губернаторы Нагчу возвратили в своем письме нам два наших первых письма Далай-Ламе, письмо и телеграмму к Бэйли и вторую телеграмму в Америку. Ссылаются на какую-то нелепую причину: якобы путь от Нагчу до Лхасы отрезан заносами и что даже погибли шестеро паломников с лошадьми. И это на главной-то дороге Тибета! Ясно одно: губернаторы оставляют главу правительства без сообщения с внешним миром. Вместо всего заказанного провианта нам сегодня привезено менее одной трети, чего хватит на

три-четыре дня. Майор уверяет, что от генерала должен приехать гонец не сегодня-завтра. Перед нами еще одна темная, беспросветная ночь. Да и кто знает, ушла ли наша первая телеграмма от 4 ноября в Америку? Е.И. чувствует себя очень плохо. Н.К. вышел из палатки. Майор, по-видимому, ясно усвоил, что мы можем двигаться только вперед – на Нагчу, а никак не обратно на север – в Китай, где идет гражданская война.

20/XI ***Вихрь. Агония лошади.***

К ночи опять холодный вихрь. Сильный мороз. Вспоминаем, как вчера издыхала одна из лучших наших лошадей. Ослабевшая от голода и стужи, она легла на снег на бок, закинув голову; агония еще не началась, как вокруг нее тесным кольцом уже сидели дикие псы и подлетали более хищные и безжалостные вороны, стараясь вырвать еще живые глаза. Вот следствие поступков тибетских «буддистов».

У Е.И. продолжаются приступы головной боли, несколько стихающие после теплого чая. Хоры клятвенно поднимают руки в знак того, что гонец должен сегодня прискакать, они уже видели его будто бы близко, но все правительственное здесь так опаздывает. 2 ч. 30 м. пополудни; мы уже переговорили о многих высоких предметах, а обещанного утром гонца все нет и нет.

21/XI ***Письмо на имя Первого Министра. Сражение с генералами. Ужас положения тибетских подданных-хоров.***

Ночью сильный мороз; видимо, была наиболее морозная ночь. В палатке Е.И. и Н.К. все заиндевело и чрезвычайно сыро. День морозный и солнечный. Н.К. с утра на солнце. Обещанного гонца так и нет. Н.К. чувствует необходимость принятия каких-то экстренных мер. Ведь даже погонщик лама Ринзин, так называемый «Том-Тит-Тот» из

английской сказки, о котором Н.К. говорит, нет ли у него, как у сказочного Тома, хвоста, – и тот с верблюдами продвинулся в Цомра – дальше нас. Сегодня Е.И. чувствует себя лучше – нет головной боли и кашель меньше. Вызвали майора: будем настаивать на том, чтобы все задержанные письма отправили вновь, но теперь на имя Первого Министра, сопровождая посылку следующим английским письмом:

«Уже сорок шестой день мирная буддийская американская экспедиция, насильственно задержанная, погибает на морозных высотах Чантанга. Далее стоять мы не можем, и единственное наше желание – уйти из негостеприимного Тибета, не пожелавшего даже выслушать Грамоту Западных Буддистов.

Пусть исполнится пророчество! Сейчас нам необходим лишь выход через Гиангцзе на Индию, где мы можем поправить наше пошатнувшееся здоровье. Благоволите в самом спешном порядке указать властям содействовать нашему проходу на Гиангцзе, о чем мы уже известили личного нашего знакомого, британского резидента в Сиккиме Бэйли. А также благоволите передать по адресу приложенную корреспонденцию. Ждем Ваших немедленных распоряжений».

Тщетно ожидая майора и гонца, вспоминали о бывших сражениях Н.К. с генералами. Вот, генерал Клейгельс, градоначальник, не разрешил Н.К. открыть выставку картин – за порнографию! Можно себе представить, насколько это соответствует суровому духу картин Н.К.! Когда художник сослался на античные статуи в Летнем саду, генерал заметил, что так далеко его власть не распространяется. Или другое сражение с генералом Вендорфом, замещавшим градоначальника, запретившим открытие обычной отчетной ученической выставки Школы Поощрения Художеств, где Н.К. был тогда директором, за реалистические подробности этюдов натурного класса. Генерал понес жестокое

поражение. Н.К. предложил генералу указать все, что, по мнению последнего, подлежит прикрытию, а затем – в точном соответствии с генеральскими указаниями – картины и скульптуры были изукрашены юбками и панталонами различных цветов. Скандал получился невероятный и градоначальство вынуждено было капитулировать!

Когда я смотрю на Н.К. и беседую с ним, то мне ясно представляется, сколько житейских битв им было выиграно. Вспоминаются две строки из его сюиты *«Цветы Мории»*: «Волшебником буду сегодня и неудачу в удачу я превращу». Думаем, что майор опять сегодня не придет: или нетрезв, или продолжает ждать, видимо, мифического гонца.

Улыбаемся невежеству и некультурности генералов царской России, но что же тогда сказать о беспросветной тьме и хаосе, в которых пребывает тибетское правительство?! Что сделало оно для своего народа? Где просвещение, охрана народного здоровья, пути сообщения, почта и телеграф? Видим хилых, беззубых от цинги хоров, с непокрытыми лохматыми головами и летом, и во время морозов ютящихся на снегу в дырявых прокопченных палатках с открытым широкой щелью верхом для аргального дыма. Сидя на одной цампе, жестоко болеют цингой, теряя зубы и не видя никакого просвета и смысла своего звериного существования. По сравнению с этим убожеством юрты монголов кажутся изысканными хоромами.

22/XI ***Боевое настроение Н.К.***
Пункты обвинения тибетскому правительству.
Лхасское правительство не принимает во внимание болезней.
Майор отрицает пребывание А. Дэви-Неел в Лхасе.

Н.К. в боевом настроении. Пишет пункты обвинения, чтобы сегодня же предъявить их майору. Это уже не абстрактное обвинение, но реальный иск к тибетскому прави-

тельству. Ведь действительно потеря времени – смерти подобна.

Только подумать, что от этого места до Калькутты всего 30 дней недлинными переходами. А морозы все крепчают. Корма для животных осталось всего на один день. Вчера пала еще одна лошадь. Привожу здесь одиннадцать пунктов, выработанных Н.К., для предъявления их майору:

«1. Вчера майор не пришел по моему письменному приглашению и тем оскорбил меня и нанес непоправимый вред делу.

2. Я – старший положением, чином и годами, и потому майор должен оказывать мне почтение и следовать моим указаниям.

3. По состоянию здоровья всего каравана мы здесь больше стоять не можем.

4. Предлагаю майору немедленно собрать 70 яков и 10 лошадей и лично сопровождать нас в Нагчу, ибо мы желаем теперь только пройти через Гиангцзе на Индию.

5. Тем, что письма наши не были доставлены вовремя, тибетское правительство, не давшее за 47 дней ответа, приняло на себя не только правительственную, но и финансовую ответственность.

6. Майор своевременно не извещал свое правительство о бедственном положении Миссии, чем принял на себя тяжелую ответственность.

7. Майор не озаботился спешной посылкой гонцов с нашими извещениями, чем вызвал огромные последствия и убытки в делах с Америкой и в Миссии.

8. Майор пренебрег переданным ему медицинским свидетельством доктора Миссии, категорически утверждавшего о гибельности нашего положения, и не сообщил о нем немедленно своему правительству.

9. В течение 47 дней насильственного ареста Миссия могла пройти до Калькутты, имея достаточно времени,

чтобы передать свои поручения Далай-Ламе. Тем самым нанесен огромный материальный ущерб девяти учреждениям Америки, во главе которых стоит Глава Миссии. Потому за все время нашего насильственного задержания, кроме всех расходов на подготовку и продвижение Миссии и кроме взыскания за расстроенное здоровье членов Миссии и насильственное их задержание, будет взыскано с тибетского правительства международным путем по восьмидесяти тысяч рупий в сутки за непоправимый вред, причиненный девяти учреждениям Америки.

10. В целях уменьшения расходов для лхасского правительства предлагаю немедленно собрать 70 яков и 10 лошадей с людьми и лично сопровождать нас в Нагчу.

11. Если бы с нами на территории Тибета после сказанного случилось какое-либо несчастье или покушение на жизнь, то это обстоятельство только безмерно усилило бы материальную ответственность тибетского правительства перед Америкой».

В 2 ч. дня явился майор, которому Ю.Н. пространно изложил вышеперечисленные пункты. При этом выяснилось следующее. Майор утверждает, что в отношении нас как иностранцев имеется приказ о задержании, а вопрос о болезнях вообще не рассматривается, так как лхасское правительство болезни во внимание не принимает. Пропустить нас в Нагчу до получения разрешения категорически отказывается и говорит, что пусть его считают лжецом, если сегодня или завтра не придет ответа от генерала. Завтра обещают послать гонца с письмами на имя Первого Министра, а через день предоставить нам 70 яков и 20 лошадей с людьми. Все это майор длинно и тягостно говорил целый час. О значении консульских паспортов и виз майор, по-видимому, имеет слабое представление.

Между прочим, без всякого повода майор утверждал, что ранее упоминавшаяся Дэви-Неел в Лхасе вообще не

была. В статьях же ее дается подробное описание Лхасы. Майор признает, что на своих животных мы действительно идти больше никуда не можем. По поводу неполучения адресатами наших писем майор говорит, что были снежные заносы. На самом же деле первое письмо Далай-Ламе было найдено брошенным на дороге, а снег выпал только в последнее время, удерживаемый ранее, по словам того же майора, тантриком. Любопытно еще раз отметить заявление майора о не принятом здесь обычае учитывать болезни. Таким образом, в «стране Будды» больных не признают, а животных морят голодом. Майор все выслушивает, но отмечает, что он тут не при чем, и всю ответственность возлагает на центральное правительство.

23/XI ***Тибетская пытка. Необходимость отделения буддизма от шаманского ламаизма. Неслучайно духовный глава Тибета Таши-Лама покинул страну, преследуемый Далай-Ламой.***

Продолжаем выносить тибетскую пытку, и по нашему исчислению это уже 48-й день. Мороз с резким ветром; холодные бессонные ночи. Знаю, что повторяю то, о чем уже было написано на предыдущих страницах, но таковы наши ежедневные будни. Конечно, настал день отделения буддизма от шаманского ламаизма. То, что уже некоторыми исследователями отражалось в скромных примечаниях, теперь должно быть выражено властно во имя истины Учения Будды. Шаманизм как наиболее рудиментарная форма религиозных воззрений не может входить в текущую эволюцию. И что общего имеет одухотворенное, трудовое, творящее Учение Будды со звериной обрядностью шаманского ламаизма? И те немногие книги высоких подвижников Индии, отразившие заветы Первоучителя, одиноко лежат среди зверино-магических выкриков. Так мыслит Н.К. Таким образом, оплот шаманского лама-

изма – Тибет – дожил до дней естественной и необходимой реформы. Ведь неслучайно духовный глава Тибета Таши-Лама покинул страну, бежав в 1923 году в Китай, обращая свою новую молитву к Шамбале, то есть к светлому будущему. Вспомним, что Далай-Лама свирепо послал пятьсот человек отборной конницы, чтобы схватить его. Только снежные заносы на перевалах у Нагчу спасли Таши-Ламу. Интересно, каким окажется влияние снежных заносов по отношению к нам – дружественным или враждебным? Отсутствие товаров в Нагчу подтверждает интенсивность заносов. С утра сегодня пала еще одна лошадь. Майор оказался лжецом, так как гонец не приехал.

24/XI ***Знаменательный день.***
Избрание в Америке Главы Западных Буддистов.
Письма Хорчичабу и телеграммы в Америку и британскому резиденту. Нападение на овец диких собак.

Сегодня знаменательный день – в Америке происходят глубоко значительные собрания и выборы. Мы же здесь опять мерзли ночью, а утром толковали о возможностях знания, причем Н.К. заметил:

«Люблю науку и знания, которые говорят «можно», и пренебрегаю тем, что трусливо шепчет «нельзя». Человеческие возможности поистине неограничены, и цветок истинного знания – поистине жемчужина лотоса».

Сегодня 50-й день нашей тибетской пытки. Утром возникали какие-то неясные мысли о ближайшем монастыре, но выяснилось, что помещения там без топок и совершенно для нас непригодны, а сам монастырь секты бон-по. Сегодня Е.И. читала из книги *«Знаки Агни-Йоги»* замечательную легенду о Будде и Майтрейе.

Падеж животных каравана продолжается – ночью пала еще одна лошадь. Сегодня генералу подготовили письмо на тибетском наречии следующего содержания:

«Недавно двое прибывших сюда людей сообщили нам, что Вами получен ответ лхасского правительства. С тех пор прошло много дней, но ответ от Вас пока не получен, ввиду чего и посылаем Вам это письмо. Американская Миссия Западных Буддистов около двух месяцев находится в Чу-наргене. Вследствие сильных холодов участники экспедиции опасно заболели и принуждены были несколько дней провести в постели. Мы послали Далай-Ламе два письма, но они были возвращены губернаторами Нагчу, что чрезвычайно оскорбило Начальника Миссии. Из-за сильных морозов большинство наших мулов и лошадей погибло; верблюды, потеряв силы, не в состоянии нести груз, некоторые слегли и издохли. Тем, что Миссия не смогла сначала продать животных, нам нанесен большой ущерб. В настоящее время у Начальника Миссии и всех его сотрудников имеется только одно желание – продвинуться в сторону Индии. От проезжающих монголов мы узнали, что монгольское посольство живет в Лхасе в домах, тогда как мы, представители великой страны Америки, принуждены здесь мерзнуть в летних палатках. Если нам не удастся теперь продвинуться в Индию, то могут возникнуть чрезвычайные осложнения. Сегодня в столице Америки собирается Собор Западных Буддистов, на котором избирается Глава Западных Буддистов. Таким образом, поток Учения беспрепятственно потечет на Запад. Да прославится вовек Учение на Западе! В настоящее время у Начальника Миссии нет иной мысли, как только проехать в Индию. Просим довести это до сведения тибетского правительства и оказать нам свое содействие».

Сегодня местный старшина беседовал с Ю.Н. и сообщил, что он не помнит таких холодов и снега, как в этом году. Это, по мнению хоров, происходит потому, что тибетское правительство препятствует высоким целям таких лю-

дей, как мы, что оно приняло этим грех на себя. Да и вообще при китайцах народу жилось лучше – не душили так налогами. Спрашивал, не придут ли опять китайские войска с Таши-Ламой обратно. В то же время от него узнали, что отсюда, как считают, десять дней пути мулами до Шигацзе, оттуда же сутки езды до Гиангцзе. Перевалов, по его словам, на этом пути нет. Вместе с письмом посылаем генералу две телеграммы: одну – в Америку, другую – британскому резиденту в Сиккиме, Бэйли:

«Американская буддийская Миссия задерживается в течение 50 дней на высотах при сильных морозах. Недостаток пищи и фуража для лошадей. Животные каравана погибли. Пытаемся достичь Сиккима через Шигацзе–Гиангцзе. Телеграфируйте Его Святейшеству Далай-Ламе через британского резидента в Сиккиме полковника Бэйли, спрашивая разрешения пройти через тибетскую территорию в Сикким. Помощь необходима немедленно. Передайте содержание телеграммы Новому Синдикату».

Полковнику Бэйли:

«Надеюсь, получили два наших письма и телеграммы. 50 дней задерживают на высотах при сильных морозах. Недостаток пищи и корма. Животные погибли. Стараемся достичь Сиккима через Шигацзе –Гиангцзе. Просим оказать содействие на получение разрешения прохождения индийской границы».

Вечером принесли в лагерь трех овец, загрызенных дикими псами. Животные еще бились в судорогах с разорванным горлом. К сожалению, стрелять нам здесь нельзя даже в хищных диких псов, которые в конце концов могут забраться и к нам ночью в палатки, так как бродят стаями и потому смелы. На днях с трудом удалось достать у местных жителей немного невыделанной шерсти для утепления ног и вязки варежек.

25/XI ***Однообразие и скудость питания.***
Заявление губернаторам Нагчу.
Необходимость прохода на Индию.
Остальные посольства были приняты в Лхасе.

Стоят сильные морозы. Только к 10 ч. утра, когда погуляем на солнце, несколько согреваемся – утром сильно мерзнут лицо, руки и ноги. Мы здесь в гораздо худшем положении, чем полярные путешественники, имеющие все необходимое: продукты питания, одежду, каюту парохода или избу на берегу. У нас нет круп, нет сахара, мало муки; питаемся только ячьим мясом; молока теперь почти не видим. Утепляемся и укрепляемся духом, как можем, но положение бедственное, и это на большой высоте, при учащенном пульсе, в снегу и на сильном морозе. Каждый день по утрам мысленно «благодарю» Далай-Ламу за такой вид гостеприимства. Потом можно будет спросить, какое именно посольство замерзало по приказу «милостивого» Далай-Ламы? За внешней стороной всего происходящего чувствуется что-то очень многозначительное – во всяком случае небывалое.

Сегодня опять вызывали майора для отправки письма генералу. Письма и телеграммы пойдут завтра. В то же время мы и майор отправляем письма губернаторам Нагчу с просьбой о пропуске через Шигацзе, минуя Лхасу. Мысль сопровождать нас до Шигацзе майору будто бы очень понравилась и оживила его, так как, с одной стороны, это освобождает его от пребывания здесь, а с другой, Шигацзе – его родина. Этими письмами генералу и губернаторам окончательно утверждается факт отделения западного буддизма от восточного ламаизма. Все силы и все меры были приложены, но восточные ламаисты взяли на себя ответственность за разделение восточного ламаизма

от западного буддизма. «Пусть совершится заповеданное пророчествами», – говорит Н.К.

Письмо губернаторам Нагчу:

«Посол Западных Буддистов прибыл в Тибет по поводу Учения Будды, имея необходимость личного совещания с Далай-Ламой по вопросу об избрании Владыки Учения на Западе. Тем временем Посольство было задержано в Чу-наргене по приказу правительства и без пользы провело здесь 50 дней. 24 ноября в Америке Собор Западных Буддистов избрал Владыку Учения на Западе. Потому для Представителя Западных Буддистов в настоящее время прибытие в Лхасу не имеет смысла. Здесь, в Чу-наргене, вследствие холодов мы неоднократно серьезно заболевали, а потому совершенно необходимо продвинуться в сторону Индии. Другого пути в Америку нет, так как в Китай вследствие войны нельзя вернуться. Наши деньги и пищевые продукты подходят к концу. Между тем, деньги можно получить только из банка в Индии. В настоящее время у Посла Западных Буддистов нет иной мысли, как пройти через Шигацзе и Гиангцзе на Индию. Ввиду трудности добывания здесь продовольствия и фуража Миссия направляется в Нагчу для ведения дальнейших переговоров. Губернаторы Нагчу должны оказать нам в этом содействие. Просим содержание настоящего письма довести до сведения тибетского правительства. Мы шли открыто и были задержаны».

Вспоминаем в то же время, что Б. пробыл в Лхасе несколько месяцев; Ч. находится там же с мая и по настоящее время, а Ф. был допущен даже в Нагчу во время духовных торжеств и делал снимки, фото- или кино-, точно не знаем. Неужели только потому, что они не буддисты?

26/XI ***Тантрик-колдун. Новое преступление тибетцев. Губернаторы Нагчу не посылают писем в Лхасу и не распечатывают пакетов, им адресованных.***

Надеемся, что гонец с письмом к губернаторам сегодня выедет, так как крайне необходимо скорее уйти отсюда. Сегодня приходил лама-тантрик, «сдерживающий» снегопад, – прекрасный образчик роли дикаря-колдуна в оперной постановке: в красном колпаке, загнутом вперед, и красной мантии, с черными заплетенными косами по бокам, в руках – самодельная молитвенная мельница, беззубый и переваливающийся с ноги на ногу, все время что-то бормочущий и гадающий на четках. Что общего у этого ламы-колдуна с заветами Будды? В суждениях его полная невежественность, хотя говорит, что двадцать лет тому назад он воспитывался в большом монастыре Сера.

Новое преступление тибетцев – в 5 ч. дня вернулся гонец из Нагчу, возвратив нераспечатанным, но весьма истрепанным пакет с письмами и телеграммами. Никаких продуктов гонец не привез, рассказывая небылицу, что Нагчу отрезан снегом от Лхасы, а губернаторы якобы пригрозили избить его палками. Пришедший от майора солдат сказал, что завтра майор пошлет в Нагчу письмо с солдатом. Наши средства воздействия положительно иссякают, а продовольствие все на исходе. Мука, сахар, свечи, спички – почти все кончилось. Остается только ячье мясо. Животные получают ничтожное количество корма. Небывалое по безвыходности положение, так как не знаем, когда получим ответ, да и будет ли он вообще. Если бы поставить в такие условия арестантов, то через несколько дней они бы подняли бунт или направили жалобу прокурору. Даже прогулки наши ограничиваются небольшой тропинкой, так как по неровной кочковатой почве и глубокому снегу ходить без крайнего утомления невозможно.

Вечером поднялся вихрь, и мы закрылись в своих палатках. Среди прочих воспоминаний Е.И. рассказала, с какой завистью и злобой восприняли некоторые русские художники известие об основании в Нью-Йорке Музея Н.К. Можно было подумать, что это дело, совершенно их не касающееся, лишает их кровного достояния. Н.К. улыбнулся: «В моем архиве имеется ряд любопытнейших писем, выражающих преданнейшие чувства авторов, однако они не соответствуют изречениям за спиной. Впрочем, я бы не хотел, чтобы это приняли на свой счет те художники, к которым я отношусь с искренним расположением, а таких очень много».

Возвращение писем губернаторами мы квалифицируем не только как оскорбление нас, но и оскорбление Далай-Ламы и девашунга в лице Первого Министра, письмо которому также заключалось в этом пакете, а также британскому резиденту и учреждениям Америки. Решили этот пакет все-таки потом отправить по назначению из Гиангцзе по английской почте, дополнительно написав об оскорбительных действиях губернаторов. Почему не только народ, но даже чиновники так пренебрежительно относятся к Далай-Ламе и своему правительству?

27/XI ***«Работа дураков».***

Вихрь стих только к утру. На небе небольшие облака, погода мягче. Печальная картина ожидала нас утром – уже в самом лагере лежала павшая ночью ячья корова, и около нее теснилось двое осиротевших маленьких яков. Это последствия бескормицы от небывалых снегов, морозов и вымерзания трав. Действия тибетского правительства вовлекли нас в такое бедственное положение, грозящее полной нашей гибелью, которое легко можно было бы избежать, если бы правительство, уже оповещенное о нас,

дало нам еще в сентябре хотя бы отрицательный ответ. Тогда было тепло, и у нас был свой, еще не уничтоженный правительством, караван. Не знаем, живы ли еще наши 19 оставшихся верблюдов, отосланных в Цомра? Оставшиеся мулы и лошади заметно худеют. Сегодня П.К. предложил часть животных застрелить, чтобы сохранить корм другим, но Н.К. решил отправить восемь мулов в Нагчу. По сведениям, снег держится только в двух днях пути отсюда до Нагчу и в двух днях пути после Нагчу – дальше снега нет. Таким образом, все разговоры о заносах не соответствуют действительности и не служат тибетскому правительству ни в какой мере оправданием нашего задержания здесь в течение такого долгого срока на морозе и без пищи.

Вместо майора явился сегодня солдат с сообщением, что майор придет позже с ответом от генерала и что майор считает возвращение губернаторами пакета «работой дураков». Вечером действительно прибыл гонец от генерала с письмом майору, подробности которого мы узнаем только завтра. Пока же известно, что ответ из Лхасы должен прийти на днях через Нагчу.

28/XI ***«Государственные дела» майора. Генерал подражает «работе дураков».***

54-й день тибетской пытки – морозный и солнечный. Отмечаем странность поведения тибетского правительства, которое не дает ответа даже лицу такого высокого ранга, как Хорчичаб, генерал Кап-шо-па. Может быть, оно по обычаю советуется в это время с Правительственным Оракулом в Лхасе и медитирующими ламами в монастырях? Ведь это страна лам, и их мнение для правительства далеко не безразлично. Старшина передал сегодня, что майор придет к нам говорить «по большим государственным

делам». Это сопоставление убогого хора и пьяного майора с государственными делами вносит в трагедию даже комический элемент.

Сегодня ночью дикие собаки сделали попытку проникнуть в палатку П.К. и мою. Глядя на все увеличивающуюся стаю диких собак, мы невольно задумываемся, чем все это кончится, тем более, что в ламской стране стрелять в них запрещается.

Пришедший около 12 ч. дня майор не только не сказал нам ничего нового, но и вернул присланные обратно генералом письма и телеграммы, о которых мы думали, что они находятся в верных руках и дойдут по назначению. Повторив прежние свои уверения в том, что дорога между Нагчу и Лхасой занесена снегом, майор сообщил, что в Нагчу не только нет продовольствия и топлива, но люди объединяются, выбирая общее жилище, а освободившиеся дома разбирают на топливо, и что в Нагчу и в Лхасе стоит много караванов в ожидании возможности перехода через перевалы. В результате майор согласился послать сегодня своего солдата в Нагчу с нашими письмами и его письмом. Из сегодняшнего разговора мы поняли только одно, что генерал «умыл руки», и мы переходим в ведение губернаторов, о которых майор выразился, что их деятельность – «работа дураков».

29/XI ***Конец верблюжьего каравана. Ответственность тибетского правительства.***

Вчера поздно вечером возвратился из Цомра лама Ринзин на двух верблюдах и сообщил, что из наших 19 верблюдов осталось всего 13, но и те уже не могут встать и рвут от голода шерсть друг у друга. Снег в Цомра выше колена. Таким образом, наш верблюжий караван погиб из-за жестокости тибетского правительства, которое давно уже

знало о нашем гибельном положении из донесений местных властей, ибо до их ушей дошла даже клевета о якобы съеденных нами трех курах. Остановив нас на высотах среди зимы в безлюдной местности, тибетское правительство должно было бы снабжать нас в достаточном количестве продовольствием и кормом для животных. Однако оно не только не обеспечило наше существование и игнорировало наши заболевания и опасность для жизни из-за пребывания на морозах в летних палатках при недостатке питания, но еще сознательно лишило нас связи с внешним миром. Дикое мышление тибетцев не вмещает никаких последствий для себя от возможности нашей гибели и гибели нашего каравана. Сегодня погибло еще два мула. Осталось всего 10 мулов, 13 лошадей и 16 верблюдов от большого каравана из 95 наших собственных животных. С утра холодный вихрь.

30/XI ***Попытки достать пищевые продукты. Тибетская наглость. Необходимость в переоценке значения Тибета. Темные деяния майора. Отлетел дух Тибета.***

День морозный. Небо в снеговых облаках. Теперь каждый день тайно посылаем Г. за пищевыми продуктами и выделанными бараньими шкурками для утепления. Вчера удалось достать тысячу двести штук грецких орехов по цене один янчан (китайский доллар) за сто штук и 10 кусков порама (ячменного сахара) за три янчана. Сегодня посылаем старшину в аил за сухими абрикосами, привезенными, по слухам, из К'ама. Небо в тучах, и ветер усиливается. Голубин и лама Кедуб, несмотря на странное противодействие старшины, приставленного к нам, все же успели выехать за покупкой сухого сыра, масла и чая, иначе тибетцы непрочь просто заморить нас голодом. Сегодня мы смеялись, предполагая послать нашим друзьям-

американцам образчик пищевых продуктов, на которых нас держит «милостивый» государь Далай-Лама. Чура, порам, грязный китайский сахарный песок и затхлый монгольский чай привели бы в ужас самого неприхотливого человека. Н.К. замечает: «Друзья, месяца через два мы будем есть толченый рог яка и уверять, что это вполне съедобно».

Сегодня Н.К. показывал часть своей коллекции фотографических снимков из его многочисленных путешествий, и странно было видеть в нашем безлюдье и Фивы[68], и Сиену[69], и меч Роланда[70] в стене Рокамадуры, и индейские пуэбло в Нью-Мексико, скульптуры Майя и Тримурти Элефанты[71]. Подбор снимков так же значителен и разнообразен, как и сознание их владельца. Сегодня Н.К. заметил, что его мысль настолько уже занята новыми построениями, что Тибет совершенно отошел в сторону, и ему будет странно проезжать еще какими-то тибетскими землями.

Вернулся Г., с трудом купивший 40 фунтов масла за 20 янчан и чуры. Серебряные китайские деньги принимают с большим разбором. Позволительно спросить тибетцев, почему они так переоценивают медные шо, равные по величине копейке, считая, что пятнадцать таких копеек составляют полноценный мексиканский доллар. Не наглость ли это? К тому же Ю.Н. вспоминает, как невежественные тибетские торговцы высказывали в Урге претензии, что, по их мнению, правительства разных стран встречают их недостаточно почтительно. Откуда происходит это их заблуждение, что все страны должны раскланиваться перед невежественными тибетцами, тогда как сами они позволяют себе свысока и бесчеловечно третировать даже самых уважаемых иностранцев? Поистине настало время переоценки ценности Тибета! А что, если Тибет окажется предоставленным самому себе?

Немного добавим к характеристике тибетского майора (рупэн). Ездивший по аилам за продовольствием Г. сообщил, что хоры боятся что-либо продавать, обнаруживая свои продовольственные запасы, поэтому приходится их долго уговаривать. Они прямо говорят, что если майор узнает о запасах, все отберет. Около 7 ч. вечера тайно явился в лагерь молодой солдат 19 лет и робко просил позволить переночевать, ибо ему нельзя вернуться на ночь в ставку майора. Из дальнейших расспросов выяснилось, что майор принуждал его с помощью двух других солдат к сожительству. Таковы нравы тибетской армии и офицерского состава. Этим происшествием и закончился сегодня наш вечер. Старшина хоров, говоря о майоре, показывает мизинец, желая тем пояснить его низкие свойства характера. «Да, – говорит Н.К., – с отъездом из Тибета духовного главы его, Таши-Ламы, отлетел дух страны».

1/XII ***Киносъемка. Недомогание Е.И. Майор варит «самогон».***

Утро морозное. Около 11ч. утра производили киносъемку нашим небольшим аппаратом, присланным из Америки. Одна съемка – Н.К. и я шли от моей палатки по тропинке для прогулок длиною в 97 шагов, как бы всматриваясь вдаль в ожидании гонцов из Нагчу; на наш призыв к нам подошли двое цайдамских монголов – Кончок и его брат Таши. Другая съемка – наша походная кухня, рядом Людмила, Рая и торгоут Манчжи; мимо них проходит Г. с мулом, а затем со своей лошадью, тут же и десятник-хор. В 2 ч. дня температура на солнце +21° С. Е.И. опять чувствует усталость и недомогание. Снова принимает бобровую струю и адонис. Сегодня Г. ходил за провиантом к майору и там слышал, что ответ из Лхасы ожидается через пять дней, увы, лишь по гаданию ламы. В палатке майора варится «самогон». Г. с трудом мог вынести насыщенную спиртовыми парами атмосферу. Такова домашняя обстановка высокого тибетского офицера.

2/XII ***Н.К. читает мысли в глубоком сне. Преступная задержка телеграмм в Америку и британскому резиденту. Население и чиновники стараются выудить у нас китайское серебро.***

Сегодня среди глубокого сна Н.К. сказал Е.И.: «Они хуже разбойников». Действительно, он прав, ибо разбойники свои намерения выражают прямо, а здешние – лицемерят! При этом вспоминаем, как во время ожидания нами нападения панагов Е.И. думала ночью, как предотвратить панику в лагере в случае ночного нападения, и в это время услышала голос глубоко спавшего Н.К.: «Здесь тихо, как на кладбище, – все спят, как мертвые».

Пока воздерживаемся посылать за майором, ожидая возвращения солдата, посланного в Нагчу. Мы не удивляемся, что письма Далай-Ламе или бросали на дороге, или возвращали нам обратно, так как это свидетельствует об отношении правительства к Далай-Ламе. Что же касается возращения нам обратно телеграмм в Америку и британскому резиденту, то это является уже преступлением, предусмотренным международными законами, несущим за собой определенные последствия. Очевидно, и генералу в желтом китайском халате гораздо легче принять в подарок золотые часы с жемчугами прекрасной французской работы стоимостью не менее пятисот рублей, чем отправить письма на почту. По-прежнему мы наблюдаем, с какой жадностью местное население и майор стараются выудить у нас китайское серебро. Невольно создается впечатление, не является ли задержание путешественников и караванов системой этой скаредно-нищенской страны с целью завладеть лишним куском ценного металла, подсунув взамен свои ничтожные медные шо, которые само население усиленно старается сбыть с рук. По полученным вчера точным сведениям, между Нагчу и Лхасой уже ходят карава-

ны и ездят гонцы. Таким образом, версия о снежных заносах совершенно отпадает.

Е.И. сегодня говорила, что Учения Веданты и Будды не противоречат одно другому, имеется лишь кажущаяся на первый взгляд разница в способах изложения, определяемая особенностями каждой конкретной эпохи.

Ю.Н. послал записку майору с требованием доставить нам яка, цампу и зерно. Записка заканчивалась словами, что Посол далее здесь находиться не может, так как его ждут большие дела в Америке. Неужели эта нищенская страна привыкла иметь дело лишь с какими-то маленькими торговцами, которых можно третировать со всей невежественностью?

3/XII ***Жалкое убожество сознания Тибета.***
Китайская подделка рупии времен королевы Виктории.
Виктория в виде китайского мандарина. Восемь прощальных пунктов заявления генералу и нагчуским губернаторам.

С утра солнечный безветренный день. Думаем, откуда проистекают чудовищное самомнение и наглость тибетского правительства, преступно бездеятельного в отношении своего народа, получающего средства или от подаяний буддийского мира, или в результате ограбления собственных подданных. Единственное объяснение – крайняя степень невежества, несмотря на громкие титулы – «Океан Знания», «Святейшество», «Драгоценность» и тому подобные, а в действительности – жалкое убожество сознания и всей окружающей жизни, хуже, чем нищенской.

Вчера принесли нам якобы серебряный тибетский нарсанг, оказавшийся китайской подделкой рупии, выпущенной в Сычуане времен королевы Виктории, которая изображена в китайской шапочке и на манер восточных владычиц. Еще раз любопытно отметить, что королева Вик-

тория пользовалась в восточных странах особой популярностью, и именно с ней могло говорить то высокое посольство, о котором упоминалось раньше. «Значит, – замечает Н.К., – в ней были скрыты какие-то возможности».

Сегодня посылаем майору изложенное в нескольких пунктах сообщение для уведомления нагчуских губернаторов, почему мы не можем дольше стоять в Чортен-Карно и должны немедленно идти в Индию через Гиангцзе:

«1. Кончились жизненно необходимые для нас лекарства, достать которые мы можем лишь в Индии. Нас задерживают в течение двух месяцев на морозных высотах и мы опасно болеем сердечными заболеваниями.

2. Кончились наши деньги и осталось лишь небольшое количество серебра, являющееся жалованьем наших служащих, которое мы не можем расходовать.

3. Кончились многие припасы, необходимые для нашего питания.

4. Без насильственного задержания мы могли вернуться домой уже в конце месяца.

5. Из-за задержки терпим огромные убытки, исчисляемые многими тысячами нарсангов, ибо Посол руководит девятью великими делами (большими учреждениями) в Америке, а наши срочные телеграммы в Америку не были посланы вопреки нашим настояниям.

6. Присланный вами в Шингди доньер, а затем и вы сами могли убедиться, что мы не разбойники, а почтенные и мирные люди, к которым нельзя применять грубых способов воздействия.

7. Мы шли исключительно ради священных целей Учения Благословенного, и правительство Лхасы было много раз осведомлено о нас своими должностными лицами. Таким образом, оно и должностные лица приняли на себя всю ответственность за происшедшее.

8. Лхасское правительство недавно допустило в Лхасу бурятских паломников и посольство Монголии и не допустило Буддийское Посольство из Америки. С 6 октября по 24 ноября – пятьдесят дней – лхасское правительство отказывалось выслушать Грамоту и принять приношения буддистов, приехавших из Америки. Между тем, в свое время оно обращалось к Америке за помощью. Таким отношением Великая Страна Америка будет чрезвычайно оскорблена. Ввиду всего вышесказанного мы мирно двигаемся в Нагчу для следования на Гиангцзе –Индию. Мы простояли уже 60 дней в гибельных условиях при сильнейших морозах, окончательно подорвав свое здоровье».

4/XII ***Юбилейный 60-й день. Недомогания в лагере. Плен у дикарей.***

Юбилейный 60-й день тибетской жестокости и невежества. Опять у Е.И. сильно учащенный пульс, и Ю.Н. чувствует недомогание. Вчера на Ю.Н. произвел впечатление тот факт, что приставленный к нам якобы для оказания услуг десятник хор воспрепятствовал разговору Ю.Н. с пришедшим в лагерь посторонним хором. Это уже является грубым полицейским вмешательством. Сегодня у Н.В. нервное расстройство. Ю.Н. говорил о своем отношении к Тибету, который после кратковременной и малой вспышки гоосударственного сознания в VII и VIII веках потом опять погрузился во тьму невежества и занялся извращением Великого Учения Будды. Санскрит, китайский, японский и арабский языки представляют благородную группу языков, имеющих богатую литературу, которая даст вернейшее представление о прошлом Азии, Тибет же превращается в курьез паноптикума.

Н.К. говорит, что «в свое время много нападали на англичан за их вооруженную экспедицию в Тибет, но мож-

но себе представить ту степень раздражения, до которой может довести мыслящих людей преступное и невежественное правительство Тибета».

Е.И. замечает, что наше положение напоминает плен у дикарей. Хотели написать генералу, что наше задержание в данных условиях – средневековая пытка, но вспомнили, что этот период в Тибете только что начинается.

5/XII ***Монгольский караван верблюдов. Вынуждены прибегать к тайным уловкам для получения пищи и сведений. Мучения животных. Слухи о двух гонцах. «Ролянг» – «воскресение мертвых». Совет майора не отказываться от приглашения идти в Лхасу.***

Вдали у гор ближе к Нагчу заметили ниточку тянущегося каравана и тайком посылаем двоих наших монголов узнать, кто, откуда идет и есть ли проезд на Лхасу. Опять отмечаем для себя, что мы, будучи насильственно удерживаемы на одном месте, вынуждены казалось бы самые естественные в нашем положении вопросы выяснять втайне от стерегущих нас десятников-хоров. Невольно вспоминаются факты недавнего прошлого. Не имеют ли они решительного значения для судеб Тибета?

В 1925 году маленькая группа должностных лиц, желавших обновления своей страны, была смещена, и на смену ей опять выдвинулось темное ламство. Итак, даже немногие, имевшие какое-то образование, получили отставку. Не забудем также прибавить к характеристике тибетцев, что в 1911 году три тысячи лам монастыря Сера не могли осилить пятнадцать китайских солдат. Зная ничтожество потенциала боеспособности китайцев, можно себе представить значение этой массы в три тысячи человек. Среди многих рассказов об ограблении тибетцами Н.К. вспоминает рассказ уже упомянутого полковника Бэйли, как мирные

тибетцы разграбили его военную амуницию и съестные припасы.

Н.В. сегодня опять лежит в постели при нормальной температуре. Боясь холода, он почти не выходит из своей палатки. Покупаем грязный сухой тибетский сыр и посылаем наших людей за скудным продовольствием – все это в строжайшем секрете, ибо хоры боятся майора, точно он имеет приказание заморить нас голодом, сам ничего нам не поставляя. Собираем для Америки образцы здешней ужасной пищи, которая, надо отметить, обходится чрезвычайно дорого. Нам приходится кормить ячменем наших животных, давая по фунту в день мулам и по два фунта в день верховым лошадям. Пятьдесят пять фунтов плохого ячменя стоят здесь семь с половиной китайских долларов или одиннадцать нарсангов. Кусок отвратительного перебродившего порама (ячменного сахара) стоит четыре доллара, то есть более доллара за фунт. Покрытый грязью тибетский сыр в кусках стоит около одиннадцати долларов. Таким образом, здесь мы, получая скудную и грязную пищу, тратим ежедневно большие деньги.

Мулы наши настолько голодны, что едят даже аргал, тряпки, веревки, пробуют жевать холстину обеденной палатки. Прошедший сегодня мимо нас верблюжий караван из Нагчу подтвердил, что между Нагчу и Лхасой глубокий снег, но что гонцы ходят и за перевалами приготовлено уже восемьдесят яков для «ургинского представителя». Не монгольское ли это посольство? Кедуб принес сведения от майора, что сегодня будто бы ожидаются гонцы и из Нагчу, и от генерала. Н.К. сомневается, не слишком ли много для одного дня?

Сегодня мы имели повод вспомнить рассказы тибетцев, бытующие в различных областях страны, о так называемом «воскресении мертвых» или «ролянге». Существует твердое поверье, что в трупы умерших людей могут все-

ляться «вампирические сущности» и тогда «труп» внезапно вскакивает и представляет, благодаря появляющейся необычайной силе, страшную опасность для окружающих. Так, около Лхасы в одном из покинутых теперь монастырей такой оживший «мертвец» убил двадцать человек монахов, пока кто-то не ударил его ножом.

Около 3 ч. дня пришел майор, из разговоров с которым выяснилось, что теперь уже дня через три он ожидает ответа из Лхасы, советуя нам не отказываться от приглашения посетить Лхасу, так как, по слухам, для нас сделают в этом плане исключение. Спасибо и на этом, но мы теперь туда не собираемся. Теперь все задержки с ответом майор объясняет бестолковым отзывом о нас, данным с самого начала девашунгу губернаторами. Потом, когда было получено письмо генерала, все для лхасского правительства якобы стало ясно, и губернаторы получили нагоняй.

Думается, что корыстное правительство Тибета, пропустив все сроки, не хочет, однако, отказаться от привезенных подарков, стоимость которых составляет, между прочим, более 18 тысяч нарсангов. Передали вышеупомянутое послание, состоящее из нескольких пунктов, в которых доказывается необходимость нашего дальнейшего продвижения, для пересылки генералу и заявили, что даем майору пятидневный срок, после которого просим препроводить нас в Нагчу. Майор ласкает себя мыслью, что будет сопровождать нас до Лхасы, где лично доложит девашунгу о поведении губернаторов.

Вчера по случаю какого-то праздника майор и его окружение были совершенно пьяны. Кедуб сообщил, что праздновали 10-е число месяца по тибетскому счислению. Сегодня майор появился тоже в нетрезвом виде. Ожидаем гонца, посланного в Нагчу за продовольствием. На наше сообщение о том, что все деньги израсходованы, майор

заявил, что мы не должны об этом беспокоиться. Но что означает такой ответ в этой стране?

Вчера дежурный старшина приносил для продажи рога мускусного барана и мускусный мешочек вместе с кожей. За все просил 40 янчан, цифру совершенно несообразную, судя по тому, что в Дарджилинге это стоит 7–8 рупий.

Мы настолько теперь привыкли к большим морозам, что вечером не замечали холода, и когда Г. сообщил нам, что спиртовой термометр показывает –24° С, мы были все искренне удивлены и сначала не поверили ему, предполагая температуру воздуха не ниже –4° С, так как погода была безветренная.

6/XII ***Алашанский гун передает слухи из Лхасы о нас и монгольском посольстве. Нагромождается целая легенда. Завывания тантрика. Майор признает правильность нашего обвинения тибетского правительства. Магические зеркала и магнит.***

С утра леденящий ветер, и мы сидим по палаткам. Сегодня дошли слухи, что в Лхасе очень боятся, во-первых, англичан, затем «красных русских» и наконец нас, то есть американского посольства. Рассказывают также, что где-то к северу от Нагчу стоят крупные русские силы и что тибетцы требуют от монгольского посольства удостоверений о подданстве СССР, обещая тогда выпустить обратно. В случае же неимения таких документов грозят задержать в Тибете. Гонца все еще нет, хотя прошло уже восемь дней. Из вышеприведенных слухов можно представить себе, какая легенда создается о нас в Лхасе. Все эти известия были получены вчера нашими монголами от проезжавшего мимо с караваном алашанского гуна (князя).

Сегодня ночью тантрик особенно старался – несмотря на расстояние до лагеря майора (около версты), ночью

слышались его дикие завывания и бой небольшого ручного барабана.

Справлялись о существующих транспортных ценах на яков. Стоимость одного караванного яка отсюда до Нагчу два янчана, а до Лхасы – шесть янчан.

Н.К. высказывается против медалей и премий, выдаваемых художникам на выставках, считая этот способ поощрения недостойным. «Если произведение прекрасно, – говорит он, – приобретите его для музея и сохраняйте его со всей бережностью и заботливостью как народную гордость». При этом Н.К. вспоминает, как ему однажды трижды пришлось спасаться от присужденной ему и присланной золотой медали с Брюссельской выставки. Единственно, что принял Н.К., так это был почетный диплом как высший знак признания Миланской международной выставкой его художественных произведений, и то по настоянию комиссара выставки Тимирязева, который убедил Н.К., что своим отказом он обидел бы Италию.

Вчера, о чем мы уже упоминали, майор советовал нам посетить Лхасу, ибо правительство сделает для нас исключение, но ведь срок 24 ноября прошел и представление Далай-Ламе для западных буддистов уже потеряло значение. Теперь мы только проходим Тибет, не утеснив и не нарушив его строя, оставляя лишь по пути пуды серебра за продовольствие. Да исполнятся пророчества о Тибете!

Прошло девять дней, а гонца из Нагчу, посланного за продовольствием, все нет. Каждый день задержки наносит громадный вред нашему здоровью и причиняет материальный ущерб. Когда Ю.Н. объяснял майору, что насильственное задержание нас здесь обойдется впоследствии весьма дорого тибетскому правительству, то майор был полностью согласен с нашим заявлением и считал взыскание вполне справедливым: «Правильно, нет возражений», – словно это был наш лучший адвокат. Не забудем, что в 1904 году

Тибет уже поплатился материально за запрещение на въезд и задержание английской миссии.

Сегодня пришлось услышать любопытное сведение, почерпнутое из литературы Востока, что в одном из тибетских монастырей для развития ясновидения употребляют большие металлические зеркала из сплава различных металлов, причем над головой ученика помещается огромный магнит. Дело, конечно, не ограничивается только зеркалом и магнитом, применяются также некоторые гипнотические приемы.

7/XII ***Отказ майора прийти. Наше заявление ему.***

Сегодня майор отказался прийти. Таким образом, мы вынуждены послать ему следующее заявление:

«Оскорблены тем, что Вы отказываетесь прийти на наш зов. Сообщаем Вам, что через тридцать дней кончаются сроки паспортов наших служащих, исправить эту неприятность можно только в Индии. Вы как военный человек понимаете, какую ответственность Вы принимаете на себя, препятствуя исправности паспортов. Мы Вам сообщили, что у нас кончились деньги и что получить их мы можем только в Индии. На это Вы ответили, чтобы о деньгах мы не беспокоились. Поэтому будьте добры прислать нам на ближайшие расходы десять тысяч нарсангов, ибо Вы не озаботились своевременно известить Ваше правительство о нашем тяжелом положении. Мы не разбойники, и Вы не имеете права обращаться с нами, как с преступниками. Девять организаций Америки встанут на нашу защиту. Через три дня кончается срок, данный нами Вам для перевозки нас в Нагчу. Озаботьтесь 70-ю яками и 20-ю лошадьми. Послано ли Вами письмо генералу и когда ждете ответа?»

Полагаем, что наше положение теперь хуже, чем плен у разбойников. С последними можно было бы по крайней мере договориться и откупиться, и они же помогли бы двинуться далее, а с этими обезьянами ни назад, ни вперед.

В тибетском изложении сегодняшнее письмо майору пришлось передать в таких выражениях:

«Господин майор, не явившись сегодня, Вы не только лишили нас возможности вести важные переговоры, но и причинили большой вред. Паспорта сотрудников Посольства будут через тридцать дней недействительны, и, если от американского консула в Индии не взять новых удостоверений, могут возникнуть необычайные осложнения. Потому господин майор должен выдать Послу документ, в котором должно быть указано, что мы были задержаны девашунгом в Чу-наргене в течение 64-х дней. Послом этот документ будет препровожден американскому консулу в Калькутте. Отправленный в Нагчу солдат еще не вернулся, между тем наши съестные припасы и деньги кончились. Будучи принуждены платить здесь за зерно, цампу и аргал огромные цены, мы видим, что никаких средств нам не хватит. Посол нуждается в десяти тысячах нарсангов. Сообщите об этом генералу и губернаторам Нагчу. Если сегодня не приедет гонец, необходимо послать нового гонца в Нагчу. Между прочим, прошу Вас собрать безотлагательно сто грузовых яков и тридцать верховых лошадей, так как через три дня мы собираемся выехать в Нагчу. Вчера был прислан слишком маленький мешок зерна, просим прислать сегодня больше. Посол – человек, известный во всем мире, не разбойник, и все же принужден оставаться здесь в холодном и скверном месте. Учреждения в Америке, узнав об этом, почувствуют себя весьма оскорбленными».

Второй день жестоко мучает нас длящийся с утра и до вечера ледяной ветер. Сердце слабеет, несмотря на дигиталис, руки и ноги зябнут, и нельзя выйти из палатки.

8/XII ***Губернаторы Нагчу даже не распечатали наши письма. Вопросы майору и его ответы. Письмо Хорчичабу. Этика лам.***

Ночью опять мороз. В 12 ч. дня пришел майор с нераспечатанными письмами, возвращенными губернаторами Нагчу. Предложили ему ответить на ряд нижеследующих вопросов, получив на каждый из них ответ.

1. Вопрос: «На каком основании губернаторы не доставляют телеграмм и писем в Америку и британскому резиденту?»

Ответ: «Согласен, что имеется договор с Англией и губернаторы ответственны за неотправку и подлежат строгому взысканию».

2. Вопрос: «Чтобы избегнуть будущих чрезмерных расходов со стороны Тибета и уменьшить их, нельзя ли послать телеграммы и письма непосредственно на почту в Лхасу с солдатом?»

Ответ: «Можно послать сегодня же генералу письмо с приложением телеграмм и писем, так как от генерала другая дорога на Лхасу открыта. Ответ, по слухам, ожидается в скором времени, и в Нагчу даже приготовлен дом для остановки».

3. Вопрос: «На каком основании небуддист Фильхнер посещал монастыри, мы же лишены этой возможности?»

Ответ: «Ранее уже губернаторам в связи с этим был послан запрос, но только по получении ответа они могут все разрешить». Можно ли поверить тому, чтобы губернаторы специально запрашивали Далай-Ламу о посещении монастырей?

4. Вопрос: «На каком основании цены на продукты и аргал все увеличиваются? Например, за мешок аргала берут уже 6 шо, а два уступают за 1 нарсанг, то есть 10 шо?»

Ответ: «За маленький мешок в Нагчу берут один нарсанг, разобрали уже крыши, и одна полка стоит один янчан. Сделано распоряжение об увеличении веса ячменя в мешке». В последнем мешке вместо 60 фунтов было только 49 за плату 7 янчан и 5 шо.

5. Вопрос: «Мы хотим услышать конкретный ответ о паспортах и 10.000 нарсангов».

Ответ: «О паспортах можно телеграфировать американскому консулу из Лхасы. Генерал даст удостоверение о задержке в Чу-наргене правительством. О деньгах будет написано генералу».

6. Вопрос: «Я не верю, чтобы правительство 64 дня не давало ответа, ибо знаю правительства всего мира».

Ответ: «До получения ответа из Лхасы губернаторы не хотят что-либо предпринимать. Они враждуют с генералом, так как дали предварительно неудовлетворительное сообщение в Лхасу, за что получили выговор. Ответ из Лхасы вышел, но задержался из-за выпавшего снега».

7. Вопрос: «Нас держат здесь, как преступников, и потому обязаны сказать нам: в чем заключается наше преступление?»

Ответ: «Сообщу об этом генералу».

8. Вопрос: «Мы болеем, дольше стоять здесь не можем. Очевидно, тибетцы не привыкли принимать больших людей, а только маленьких торговцев?»

Ответ: «Совершенно согласен. Срочно посылаю гонца. Все передам».

9. «Просим отвечать на наши вопросы обдуманно, так как ответы будут сообщены правительствам Англии и Америки».

Ответ: «Согласен».

Записываю этот тибетский письмовник, так как впоследствии кому-то он будет небезынтересен. Ю.Н. пишет письмо генералу, а также и майору, чтоб сегодня же все отослать с гонцом генералу. Возвращенные пакеты вновь посылаем с припиской губернаторам Нагчу.

Тибетское письмо генералу:

«Великому Комиссару Области Хор, Князю, вращающему колесо правления. Американская Буддийская Миссия потеряла без всякого смысла 65 дней в Чу-наргене и в настоящее время стремится пройти в сторону Индии. Средства Миссии исчерпаны. Принужденные платить чрезмерные цены за фураж и продовольствие, мы не в состоянии выдержать этих расходов. Сообщите об этом тибетскому правительству. Срок действия паспорта у одного из членов Миссии истекает через 30 дней. Если не будет получен новый паспорт от американского консула в Индии, могут произойти большие осложнения. При настоящем письме посылаю Вам одно письмо на имя британского резидента в Сиккиме и другое – на имя почтмейстера в Лхасе. Прошу незамедлительно переслать оба эти письма в Лхасу. В случае, если эти письма не достигнут Гиангцзе, делу Америки будет причинен необычайный вред. Просим Верховного Комиссара озаботиться отправкой этих писем. 24 ноября в столице Америки избран Собором Владыка Учения на Западе. Таким образом, поток Учения беспрепятственно устремляется на Запад. Да прославится вовек Учение на Западе! В настоящее время для нас не имеет смысла посещение Лхасы – Миссия не имеет другого желания, кроме как пройти через Гиангцзе на Индию. По получении Вашего ответа мы немедленно выступаем на Гиангцзе. Вследствие холодов и суровых условий жизни начальник Миссии, его супруга, доктор и начальник охраны тяжело болеют. Потому просим спешно при-

слать ответ, иначе положение грозит большими осложнениями. Ввиду скудости продовольствия просим прислать три мешка китайской муки, десять мешков зерна и десять мешков сена. Большинство наших животных погибло. Из 41 верблюда осталось всего десять. Вместе с письмом посылаем сто мекдолларов для оплаты телеграмм».

Сегодня выяснилась истинная причина ухода от нас лам. По их словам, они думали, что им разрешено будет в этом случае двинуться далее самостоятельно. Но, увы, они жестоко ошиблись – и теперь, лишившись получаемого жалованья, должны к тому же тратить большие для них деньги на проживание в лагере майора, где – пьянство, завывает тантрик и царит полное безделье. Один из них – Ламаджан – уже просил принять его обратно, но получил отказ.

9/XII ***Сведения от амдосцев. Справедливое волнение монголов. Н.К. характеризует современное положение Тибета.***

Вчера вечером при полной луне и –20° С мороза в лагере необычно долго шли возбужденные разговоры. Поздно вечером вернулись наши монголы от остановившегося невдалеке амдоского каравана, идущего из Нагчу. Несчастные амдосцы, хотя и побывали в Лхасе, но на обратном пути их все-таки задержали более чем на месяц в Нагчу, уморили их верблюдов, чем вынудили идти медленно на полуголодных яках.

Новости, принесенные ими, чудовищны! Фильхнер пропущен в Ладакх лишь благодаря его знакомству с одним из нагчуских губернаторов по Синину, а слуги Фильхнера – монголы – были брошены в тюрьму! Про нас губернаторы говорят, что не допустят американцев даже в Нагчу. Наши монголы волнуются и восклицают: «Му бена!

(то есть скверно). Не следует больше ходить в Тибет». Сегодня морозный день. Г. едет по аилам разузнать о существующих путях, минуя Нагчу и Лхасу.

Н.К. так резюмирует настоящее положение Тибета:

«Как мы слышали от окружающих и как убедились сами, Тибет ненавидит и боится англичан, также боится русских и американцев, ненавидит китайцев, подозревает непальцев, пренебрегает ладакхцами, отталкивает бирманскую Хинаяну, презирает сиккимцев, и за последнее время начал преследовать и мучить монголов, бурят и калмыков.

Таким образом, Тибет занял решительно первенствующее место по человеконенавистничеству. И мы еще раз понимаем глубокое значение пророчеств о необходимости очищения Лхасы как средоточия недопустимого невежества Тибета. Наверное, найдутся люди, которые лишь с трудом поверят всему тому, что мы здесь видели и ощутили».

Вчера во время своего ночного визита майор много говорил о болезнях своей жены, называя ее «намо», то есть «сладкая». По словам наших монголов, это, оказывается, общая жена всего лагеря майора. Наши монголы, возмущенные отношением Тибета к их сородичам, а может быть, и опасаясь за себя, опять стремятся уйти, но по здешним обычаям попавший в тибетскую западню не может двинуться ни назад, ни вперед.

Н.К., привыкший к напряженной деятельности и постоянной бодрой и энергичной работе, особенно тяготится насильственным бездействием, ибо каждое наше проявление деятельности было бы истолковано в дурную сторону и использовано против нас. Даже отправление деловых телеграмм и писем после 65-дневного насильственного задержания истолковывается губернаторами и майором как «детская нетерпеливость» европейцев. У Е.И. опять головная боль.

10/XII ***Задержка писем. Заявление майору. Может быть, англичане введены в заблуждение. Опасность потопа и болезней.***

Ночью сильный мороз. День солнечный. Письмо генералу послано майором, как оказалось, только вчера. Сведений об отправке письма в Нагчу добиться не можем.

Много говорили в последние дни о создании в одном из центров Индии «Города Знания», куда могли бы быть привлечены выдающиеся ученые для разработки эволюционных вопросов знания различных дисциплин Востока и Запада. Ю.Н. особенно интересуется, между прочим, вопросами биохимии, физики, психологии и физиологии. Программа такого Центра Знания была намечена из Высоких Источников еще в 1920 году. Так, наше вынужденное сидение заполняется самыми насущными для ближайшего будущего решениями.

Сегодня составляем майору новое заявление:

«Вам давно уже известно, что все наши лекарства, деньги и припасы закончились. Если мы здесь останемся еще несколько дней, то по слабости здоровья вряд ли будем в состоянии сесть на коней и выехать – жестокие действия тибетского правительства довели нас до такого состояния. Теперь мы требуем, чтоб Вы немедленно передали нас в ведение ближайших британских властей, находящихся в Гиангцзе. Такое требование иностранцев, не обвиненных ни в каком преступлении, должно быть немедленно исполнено. Вы, один из старших офицеров, оставлены здесь генералом для оказания нам помощи. Вы имеете солдат для эскорта и должны немедленно препроводить нас к британским властям в Гиангцзе. Повторяю, что наше здоровье не может выдержать условий жизни в этом гиблом и морозном месте. Иностранцы вправе требовать, чтобы их доставили европейским властям».

От проходящих караванов мы слышали, что о всех приезжающих в Тибет Лхаса запрашивает англичан. По словам же майора, губернаторы Нагчу получили выговор за их бестолковое о нас донесение. Воображаем, что они могли написать в Лхасу и что подумали англичане! Тут был, вероятно, и «буддийский король», и тибетское имя Н.К., изобретенное ургинским доньером Тибета, «Рета-Ригден», и «главнокомандующий какими-то большими силами», и прочий вздор, в котором трудно серьезно разобраться.

Как упоминалось выше, наш лагерь расположен на болотистом месте у речки Чу-нарген. Теперь, благодаря дневному нагреванию солнцем склонов окружающих холмов, происходит постоянное таяние снега, и речка разливается, подступая к нашим палаткам. В то же время, по сведениям, в аилах за холмами начинаются какие-то заболевания. Хоры сами не пускают ни нас, ни сородичей в свои палатки, боясь распространения болезни. Все это вынуждает нас еще более стремиться скорее уйти отсюда. Сегодня у Н.К. пульс 112. У многих из нас большая сердечная слабость. Боремся как можем и с холодом, и с потерей сил. Болеем, но твердость духа и мужество превозмогают – жалоб среди нас не слышно. Пишем тибетскому правительству, ибо мы должны действовать, чтобы отсюда уйти, иначе никто бы не услышал ни единого стона. После узнали бы о жестокости Тибета! Вчера до нас дошли слухи, что имеется еще дорога на Таши-Люмпо, минуя Нагчу и Лхасу. По картам нельзя разобраться – везде горы и снега.

Завтра посылаем майору по-тибетски, в качестве документа, следующее письмо:

«Ввиду того, что в Тибете не имеется американского представителя, нам необходимо встретиться с британскими властями на Гиангцзе. Майору предлагается передать американское посольство британским властям в Гиангцзе.

Просим обдумать это требование и ответ сообщить нам письменно».

11/XII ***Пульс Н.К. и слабость Е.И. внушают опасения. Народная характеристика Далай-Ламы. Настроение каравана.***

Сегодня с утра у Н.К. особенно учащенный пульс – 128, то есть при его норме 62 более чем в два раза. У Е.И. к утру была сердечная слабость. Сегодня с утра отправили к майору Г. и торгоута Кедуба с письмом и словесными разъяснениями и требованиями препровождения нас в расположение британских властей в Гиангцзе. Наше категорическое желание ввиду истекшего срока полномочий Посольства миновать Лхасу, не повидав Далай-Ламу, должно показаться тибетцам совершенно невероятным. Ведь поклониться Далай-Ламе и побывать в «священном городе» Лхасе – мечта каждого ламаиста. Но настанет время и тибетцы поймут, что наше нежелание видеть Далай-Ламу после 24 ноября имело свое глубокое значение. Не забудем вышеприведенного совета майора не отказываться все-таки идти через Лхасу. Не есть ли это опасение, что такое пренебрежение к ламаистскому кумиру со стороны западных буддистов, известных своими щедрыми пожертвованиями монастырям, построениями чортенов и храмов, вызовет брожение умов среди ламаистов и может навести их на дальнейшие невыгодные для Далай-Ламы мысли, о котором и без того уже ходят многочисленные недоброжелательные толки? В народе называют его «рябым монахом», не забывают и слухов о какой-то монахине. Один же почтенный лама, встретив в Сиккиме Его Святейшество в желтом шелковом спортивном европейском костюме, воспользовался этим странным нарядом Далай-Ламы, вероятно, не желавшего быть узнанным, и сильно толкнул его.

Сегодня Г. предлагал послать письмо тайком с каким-либо проходящим мимо караваном через Синин американскому посланнику в Пекине. При этом Г. прибавил, что, хотя письмо может дойти лишь через 3–4 месяца, но не надо забывать, что здесь мы имеем дело с дикарями. Из этой фразы можно заключить о настроении каравана. Торгоут лама Кедуб, родом из Астраханской губернии, отозвался сегодня о жизни тибетцев, сказав, что это жизнь «яка», то есть их жизнь скотоподобная, ничем не отличающаяся от жизни животных.

В 2 ч. дня пульс Е.И. слабого наполнения и 140 ударов в минуту. Майор, получив наше письмо, по-прежнему продолжает уверять, что скоро придет ответ, а до его получения он никуда не может препроводить нас отсюда. В то же время Кончок намекнул, что майора можно было бы уговорить доставить нас к генералу, так как до весны едва ли удастся продвинуться за Нагчу из-за больших снегов. Снова послано с Г. майору письмо с требованием немедленной отправки нас к генералу в Биру-Гомпа в К'аме, чтобы обойти затем Лхасу с юга. Видимо, не только нам, но и солдатам майора очень хочется отсюда уйти, тем более, что через пять дней мы сможем выйти из района снегов, а за ними – трава, сено, зерно и леса ...

12/XII ***План переезда к генералу.***
Возмутительная характеристика Тибета, данная майором.
«Где же тут Учение Будды?». Еще одно письмо генералу.
Падение торговли Тибета.

С утра ожидаем майора для решительных переговоров о продвижении в К'ам к генералу. Этот новый путь хотя и длиннее чем до Гиангцзе в общей сложности на двенадцать дней, но устраивает нас, так как разрешения по-прежнему нет, а здесь мы смогли бы сдвинуться с места уже

15 декабря; через пять дней, освободившись от снегов и морозов – пройти новыми для европейцев – интересными для нас – местами вдоль южного Тибета вблизи Брахмапутры (Тцанг-по) через Самье –Гиангцзе на Индию. Н.К. настаивает на этом плане. Его пульс сегодня 132.

Много говорили об ископаемых Тибета. На западе в области озер по верховьям Инда – богатейшие золотоносные поля древней Дартики. Еще Геродот упоминал о копошащихся здесь золотоносных «муравьях». Золото лежит здесь на поверхности земли. Разрабатывать его всесильное ламство Тибета не позволяет из религиозных соображений, что нельзя разрывать землю для добывания минералов. Это же соображение господствует и в Монголии, где даже предпочитают гибель животных во время зимы, но не косят травы и не запасают на зиму сена. Горы Тибета, особенно на юго-востоке, чрезвычайно богаты каменным углем, железом и серебром. У англичан имеются кое-какие геологические исследования минеральных богатств Тибета, но это держится в секрете.

После 2 ч. пополудни пришел майор и на наше заявление о необходимости идти к генералу, разрешившему свободно передвигаться по области, им управляемой, ответил, что до получения разрешения из Лхасы он не может нас никуда пропустить. Тогда мы спросили майора: «Значит генерал лгал, когда давал нам разрешение свободно передвигаться по его земле?» Майор не ответил на вопрос, а заявил, что генерал и без того уже имеет и еще будет иметь большие неприятности за данное нам ранее разрешение продвинуться сюда из Шингди. На последовавший вопрос, принято ли в Тибете менять данное обещание, майор нагло, все время улыбаясь, отвечал: «Это тибетский обычай». На заявление Н.К. и Ю.Н., что Е.И. здесь тяжело болеет и почти при смерти, майор захохотал и ответил, что тибетцам до этого нет дела, «так как они безжалостны».

В то же время выяснилась любопытная подробность, тибетцами скрываемая. Чиновники в Тибете не имеют права вновь писать о чем-либо правительству до получения ответа на первое донесение. А писем и заявлений от иностранцев вообще здесь не пропускают, чтоб не беспокоить правительство и Далай-Ламу. На наше замечание, что таким пренебрежительным и бесчеловечным отношением к иностранцам они позорят имя Тибета в глазах всего мира, майор заявил, что «тибетцы – религиозные люди, а их правительство – благочестивое». Вникнем в этот ответ и осознаем всю бездну человеконенавистничества Тибета и всю глубину его презрения к иностранцам. Только крайнее невежество и суеверие Тибета могло породить такое самомнение. Сами тибетцы везде ездят и живут беспрепятственно, нагло требуя к себе величайшего почтения! Не пора ли правительствам всего мира обратить особенное внимание на этих наглых торгашей-тибетцев и водворить их в «благочестивую страну»? Кстати, точное имя майора – Цонам Тобжель Цодуб. Единственно, на что согласился майор, – это дать нам возможность перейти в ближайший монастырь и подумать о нашем предложении продвинуться по направлению к генералу за пять дней пути отсюда в К'ам, где кончается снег. Решили завтра же послать П.К., Г. и Кедуба в монастырь для осмотра его и выяснения пригодности для временного пребывания.

Таким образом, сами обстоятельства выявляют перед нами жестокое и невежественное лицо Тибета, до сего времени тщательно скрывавшееся за снежными хребтами высоких гор! Н.К. в сотый раз восклицает: «Где же тут Учение Будды?!» Еще одна подробность о тибетском «благочестивом» правительстве, выяснившаяся из разговора с майором. Он заявил, что девашунг «не знает и не интересуется обычаями других стран».

Сегодня послали новое письмо генералу:

«Американская Миссия западных буддистов собирается уходить отсюда. Денежные средства и лекарства истощились. Не имея лекарств, мы не в состоянии оставаться на высоких нагорьях. Супруга начальника Миссии снова болеет – опасность велика. Необходимо незамедлительно направиться в Индию. Из-за выпавшего в Нагчу снега правительственный ответ задерживается. Губернаторы Нагчу постоянно возвращают посылаемые нами письма обратно. Если мы не в состоянии будем пройти через Нагчу, мы сможем пройти на Гиангцзе через Биру-гомпа. Пришлите по этому поводу распоряжение майору. Наши животные продолжают погибать. За один мешок зерна принуждены платить 11 нарсангов. Наше единственное желание – пройти в Индию».

При одном из свиданий с генералом, последний высказал мнение, что Н.К., как «большому человеку», возможно, «перевоплощенцу», не грозит на высотах никакая опасность, так как большие люди, например, в Тибете, умеют ее избегать. Вспоминается еще резюмирующий наше положение вопрос майору: «Значит Вы задерживаете нас здесь, как задерживают разбойников?» Майор усмехнулся, но не отрицал этого. Мы вероломно, предательски задержаны здесь, несмотря на паспорта и уверения тибетского доньера в Урге. Монголы наши ходят, как в воду опущенные, браня Тибет и показывая мизинец руки в знак ничтожества Тибета.

Сегодня пал еще один мул. Куда ни глянь все та же безрадостная картина – безжизненная местность, ни гонца, ни каравана. За два с половиной месяца мы видели здесь на главной артерии всех путей всего лишь один монгольский караван из Цайдама и до десяти местных яковых с чаем, шерстью и маслом из К'ама. Можно ли к этому ничтожному движению применять понятие «торговля»?

13/XII ***Поиск новой стоянки. Монастырь секты бон-по. Что такое бон-по?***

Сильный мороз. С утра поднялся леденящий ветер. Нездоровится, сидим по палаткам. Послали трех человек на разведку местности в ближайший монастырь секты бон-по. В 4 ч. 30 м. дня посланные уже вернулись с сообщением, что около монастыря имеются пади и ущелье, защищенное высокими отвесными скалами от ветров. В самом же монастыре имеются всего лишь две «комнаты», подходящие для жилья, с китайскими окнами без стекол, которые можно заклеить бумагой. Хотя монастырь и принадлежит секте бон-по, но имеются изображения Будды и Калачакры Шамбалы.

Н.К. замечает, что интересно было бы понаблюдать за обрядами секты бон-по, попытавшись вникнуть в их сущность – не есть ли это более откровенная форма шаманского ламаизма, лишь лицемерно прикрытая во многих других ламаистских сектах? Чем может отличаться виденный нами тантрик-колдун из Сера от «колдунов» бон-по? Кстати, секта бон-по обрисована чрезвычайно слабо в европейской литературе. Гонцов по-прежнему нет.

14/XII ***Подготовка новой стоянки. Приговор старого монгольского ламы Тибету. Еще одно высказывание Н.К. о Тибете. Получены новые важные сведения. Лучшие из лам бегут из Тибета.***

С утра Ю.Н., П.К. и Г. едут для обследования предполагаемой стоянки у монастыря. Наши бедные монголы опять волнуются и трогательно тоскуют об оставленных ими в Цайдаме близких. Старый проводник Санген-лама подходит к нам с поднятыми большими пальцами рук, а

потом показывает мизинцы – это значит, что мы «хорошие и великие люди, а тибетцы дурные и ничтожные». Он говорит, что мы и монголы – буддисты, а тибетцы – черные души. Так старый монгольский лама проводит грань между Монголией и Тибетом, определяя положение в буддийском мире отныне развенчанной тибетской святыни.

Сегодня Н.К. говорит о том, что он хотел бы полностью высказать тибетскому правительству:

«Если бы к американскому правительству прибыло Посольство Восточных Буддистов со священными целями единения, с дружественной Грамотой и дарами, то, следуя заветам Благословенного, западные буддисты в случае холода и непогоды нашли бы лучшие способы выслать им самые теплые вещи и поместить их в прекрасных отопляемых помещениях, предоставив им хорошее пропитание, не допустив гибели яков и баранов, ибо убийство животных разрешено Буддой лишь в исключительных случаях. Тибетские же буддисты в обращении с Посольством западных буддистов показали, что они отвергают три великих завета Учителя – сострадание, бесстрашие и знание. Они отвергают сострадание, ибо уже семьдесят дней не вникают в наше тяжкое положение, оставляя нас даже без ответа. Они отвергают бесстрашие, ибо боятся шести мужчин, двух женщин и одного ребенка. Они признают невежество, осужденное прежде всего Благословенным, ибо даже не хотят выслушать великие сообщения, принесенные Посольством.

Тибет отвратился от заветов Будды. Да исполнятся пророчества!»

Такими словами между Тибетом и другими странами проводится грань, которая принесет свои плоды в самом ближайшем времени. Сегодня у нас возникли пока смут-

ные соображения о необходимости послать доверенное лицо в Гиангцзе, чтобы дать весть в Америку и британскому представителю о нашем безысходном положении. Конечно, все это трудно. Мне же сегодня почему-то особенно остро вспоминается, что на одной из ближайших остановок один из местных хоров усиленно и взволнованно старался обратить на что-то мое внимание, явно недоброжелательно указывая на чиновников. Он дважды увлекал меня в мою палатку, что-то говорил, показывая на чиновников, и замолкал, когда приходили другие. К сожалению, Ю.Н. в этот момент был чрезвычайно занят с чиновниками и не мог мне перевести его слова. О чем же пытался предупредить нас этот благожелательный хор? И что же может значить этот беспримерный случай молчания правительства уже на семидесятый день? Такое задержание при полном лишении свободы передвижения и связи с внешним миром, без предъявления обвинения в течение семидесяти дней есть беспримерное преступление против человеческих прав, сопряженное с нанесением непоправимого ущерба материального и для здоровья.

Сейчас вернулся из Цомра лама Ринзин на последних двух верблюдах. Таким образом, из 41 бывших у нас верблюдов осталось, вместе с пришедшим на днях самостоятельно из Цомра верблюдом, всего шесть. Караван погиб, уничтоженный «благочестивым» правительством.

В 5 ч. дня вернулся Ю.Н. из монастыря, который сам по себе беден, с убогими постройками. Две указанные для нашего помещения комнаты сыры и непригодны для проживания в зимнее время. В монастыре имеется библиотека из 140 книг учения бон-по, небольшое количество священных изображений грубоватого исполнения, а также маски для священных танцев, преимущественно животного облика.

Гораздо значительнее полученные Ю.Н. по дороге сведения от сопровождавшего его солдата. Оказывается, майор в числе других гнался в 1923 году за бежавшим из Тибета Таши-Ламой. Высокий беглец ночевал в этом монастыре. Почтенный настоятель монастыря Чумби, отзыв которого об Н.К. и Е.И. был приведен выше, а также наиболее уважаемый лама из Таши-Люмпо уже год, как бежали через Калькутту в Маньчжурию к Таши-Ламе. Из четырех тысяч лам в Таши-Люмпо осталось всего около ста – остальные бежали из Тибета через Индию. Солдат замечает, что теперь наступили плохие времена в Тибете. Таким образом, каждое поступающее сведение только еще раз подтверждает, как верны прогнозы Н.К. о Тибете. Назревают какие-то события, ибо солдат сообщил, что в Гиангцзе много английских войск, а в Нагчу-цзонге задерживают все монгольские караваны, идущие и со стороны Лхасы, и в Нагчу; верблюды гибнут. В общем, по словам Ю.Н., местность около монастыря лучше защищена от ветров и потому теплее. Завтра будем говорить с майором о передвижении и по вопросу снабжения нас продовольствием. Говоривший с Ю.Н. солдат сообщил также, что из Тибета бежал один из больших лам – Цза-римпоче, и прибавил, что бежали «все хорошие ламы».

15/XII ***Неожиданное решение майора лично ехать в Нагчу.***
Наш переезд к монастырю назначен на 17 декабря.
Еще одна телеграмма в Америку и британскому резиденту.
Лама из Харчина тоже против Тибета.

Н.К. говорит: «Если хочешь двигаться, начинай двигаться». Не успели мы укрепиться в мысли о нашем передвижении в монастырь, как в ставке майора созрела мысль поехать в Нагчу майору лично для переговоров с

губернаторами и самому отправить о нас донесение дева-шунгу. Посылаем с ним шестую телеграмму в Америку и еще телеграмму Бэйли. Майор обещал доставить нам для переезда пятьдесят яков на послезавтра, а также увеличить доставку корма для животных на полмешка в день.

Много разговоров и советов вызвал вопрос о рационе лошадей. Майор и хоры доказывали, что сухое зерно без сена плохо переваривается, в доказательство чего показывали помет наших животных с непереваренным зерном. Они советовали давать всем нашим животным на два дня один мешок чуры (сухой творог), мешок ячменя и мешок гороха. Сено обещали выписывать от генерала. Таким образом, утром 17 декабря мы собираемся переменить место нашей стоянки. Характерно, что и сопровождающий нас в караване лама из Харчина также отмечает, что теперь «в Тибете очень худо». Начинаем понемногу собирать наши вещи для переезда. Сегодня произвели подсчет оставшихся у нас животных из бывших 95. Сегодня пало два мула. Имеется шесть верблюдов, шесть мулов и тринадцать лошадей, а всего 25 животных, состояние которых очень плачевное.

Только что получено сведение, что все люди, способствовавшие нашему сюда переезду из Шингди, вызваны в Нагчу. Не вынужденная ли поездка в Нагчу и майора? Трудно предположить, чтоб он сам добровольно и по собственной инициативе обнаружил вдруг такую подвижность, тем более, что это совпадает с ожидаемым возвращением последнего гонца, посланного нами в Нагчу. Сегодня Г. натолкнулся на любопытный факт, что майор запрещал местному торговцу продавать нам продукты, в то же время сам ничего, кроме недостаточного количества зерна, нам не поставлял.

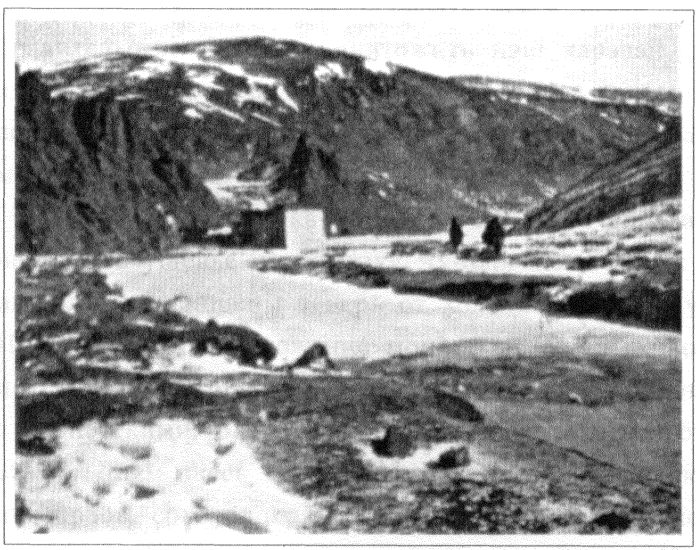
16/XII ***Трудности при свертывании замерзшего лагеря. Отъезд майора в Нагчу.***

С утра заняты сбором вещей. Освободить палаточные железные колья из мерзлой земли удалось лишь с трудом. Майор выехал в сопровождении семи человек около 12 ч. дня. Пал еще одни черный мул. День ветреный. О поездке майора в лагере существуют различные мнения. Одни думают, что майор и хоры вызваны в Нагчу. По мнению других, местные хоры сами просили майора ввиду недостатка продовольствия и падежа скота хлопотать о скорейшем нашем выступлении. Наконец, по мнению меньшинства, майор проявляет собственную инициативу в вопросе нашего продвижения.

Сегодня произошел эпизод, о котором мы не должны забыть, но он не подлежит оглашению.

Часть VIII

ТИБЕТСКАЯ КАЗНЬ. МОНАСТЫРЬ ШАРУГОН



Монастырь на Шаругоне.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

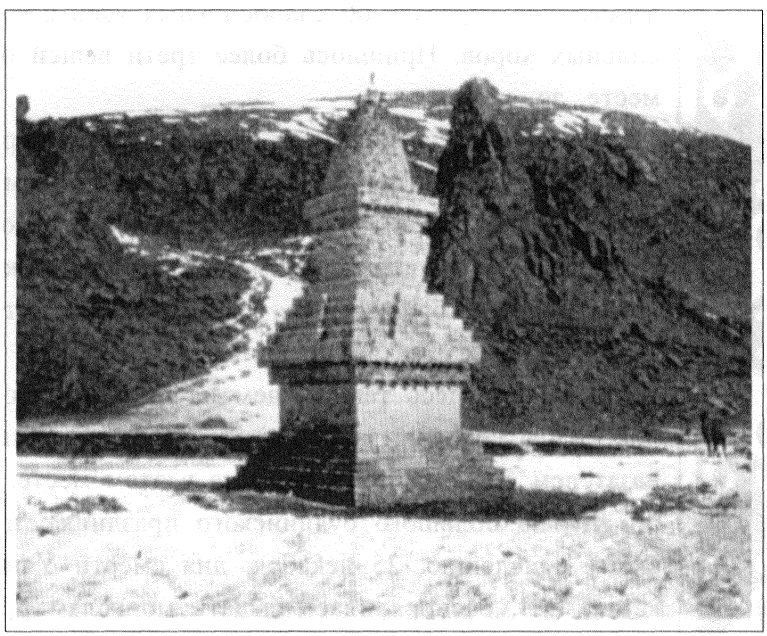
17/XII ***Смена стоянки. 73-й день тибетской казни. День переезда.***

Встали в обычное время, в 8 ч. утра. Яков для погрузки начали пригонять с утра. Но с этим транспортом чрезвычайно хлопотно – животные вертятся, их держат и за рога, и за хвост, к тому же от бескормицы они слабы. Дорога шла в ущелье по Чу-наргену мимо гранитных скал с левой стороны, совершенно свободных от снега. Прошли мимо трех аилов; видели три трупа маленьких яков. Монастырь прилепился к гранитным скалам и расположен по правой стороне реки. Впереди него – большой субурган. Сегодня 73-й день тибетской казни, ибо пытка своей длительностью давно уже превратилась в казнь. Тибетское правительство решило уничтожить наш караван, дав нам взамен для переезда 60 слабосильных яков с горстью бессильных хоров. Пришлось более трети вещей оставить на месте до завтра.

Новая наша стоянка при дороге в К'ам справа от монастыря в ущелье по притоку Чу-наргена у самых гранитных скал. Защищены теперь от холодных ветров утесами. Н.К. находит расположение монастыря очень живописным и указывает на бросающееся в глаза сходство его построек с египетскими. Завтра предполагаем посетить этот монастырь. Днем здесь теплее, чем на прежней стоянке. Обилие орлов, соколов, зайцев и сусликов также является показателем более теплого климата в этом месте. На завтра, по случаю большого буддийского праздника, по монгольскому счислению, 25 декабря, дня смерти Учителя Цзонка-па, Е.И. распорядилась выдать монголам праздничную пищу и денежный подарок. В палатке ее сегодня повешена танка Майтрейи, что искренне порадовало монголов.

18/XII ***Монастырь Шаругон. Обратная свастика. Пещерные скиты. Празднование дня памяти смерти Цзон-ка-па в нашем лагере.***

Утро очень холодное. Солнце осветило наши палатки из-за гор лишь в 9 ч. 10 м. утра и несколько согрело нас. С утра сильно мерзнут лицо и ноги. Оставшиеся на прежней стоянке вещи не были доставлены до 12 ч. Вчера во время погрузки произошла ссора между солдатом Давой Дондубом и местными хорами и старшинами. Солдат за что-то ударил одного из старшин. Другие тотчас же схватили Даву и чуть было с ним жестоко не расправились. Дело принимало угрожающий характер и потому пришлось вмешаться, чтобы прекратить побоище.



Ступа на Шаругоне.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

С утра посетили монастырь Шаругон. Строения обнесены высокой каменной стеной, частью побеленной, частью выкрашенной красной глиной. Двор мощеный, загажен аргалом, клоками шерсти и разным мусором. Высокие четырехугольные строения напоминают египетские. Слева во дворе – новые постройки с новым храмом, стены которого изнутри расписаны – впереди и слева – изображениями Будды, Авалокитешвары и Тар, а справа – изображениями различных идамов. Для такого уединенного в ущелье на Чантанге монастыря роспись, по замечанию Н.К., недурна. Внутри все отделано лакированным деревом, поддерживаемым деревянными четырехгранными колоннами, выкрашенными красной лаковой краской.

Всюду формула «Аум» заменена формулой «А». Не забудем древнейшую формулу первичного «А-естества». Много изображений свастики, но в обратном направлении. Таким образом, некоторые символы изображены наоборот; однако чего-либо намеренно извращенного, колдовского мы не заметили. Справа во дворе помещается старинный дуканг. Как известно, у буддистов нет храмов, а имеются или дома собраний, или дома знания. Этим монастырским постройкам не более двадцати лет. Дуканг представляет собой низкое каменное двухэтажное здание, в потолке которого пробито отверстие, куда ведет приставная лестница с семью крутящимися круглыми перекладинами. Само помещение темное и низкое. Справа по стене развешено до тридцати больших обрядовых масок, изображающих различных животных и идамов. Впереди – нечто вроде алтаря со священными изображениями и медными буддийскими лампадами. В потолке – отверстие, ведущее в какое-то верхнее помещение, куда можно попасть по приставному бревну толщиной в три вершка, с нарезками. Обитателей в монастыре не более 5–6 человек. Говорят, что в ближайших горах имеются еще пещеры, в которых уединяют-

ся некоторые ламы, вероятно, занимающиеся тантрой или медитацией.

Яки с вещами пришли около 3 ч. дня. По словам Г., вчера и сегодня там, то есть на прежней стоянке, было чрезвычайно холодно и ветрено. Сегодня переезжает в монастырь и часть лагеря майора. В лагере говорили о какой-то второй жене майора, но обычно в Тибете существовала полиандрия.

В одной из палаток наши ламы-монголы повесили танку Майтрейи, долго служили и разошлись только после семи часов вечера с торжественно-просветленными лицами.

19/XII ***Мои представления о преступности тибетского правительства. Посещение больной. Рукописные Канчжур и Танчжур. Аум и А.***

С 6 октября, времени задержания нас тибетскими властями в Шингди, когда приезжали представители духовного и гражданского губернаторов из Нагчу и от Верховного Комиссара области Хор генерала Кап-шо-па, прошло уже семьдесят пять дней. Вспоминая теперь всю свою обширную административную практику за долгую трудовую жизнь, когда приходилось участвовать в следственных и ревизионных комиссиях в крупных учреждениях и по поводу крупных злоупотреблений и в связи с правонарушениями, я не могу припомнить ни одного более вопиющего к правосудию акта насилия и ряда преступных действий, чем совершенных по отношению к нам тибетским правительством, за что оно должно понести заслуженную им кару.

Прежде всего на нем лежит вина за обман, выразившийся в том, что нас вовлекли в невыгодную, дорогостоящую экспедицию в Тибет, снабдив через своего полномочного представителя в Урге паспортами и письмом к Далай-Ламе, уверив не только в беспрепятственности проезда в Лхасу, но и в полном к нам благорасположении ти-

бетского правительства. В том, что доньер тибетского правительства в Урге имел все соответствующие этому высокому посту полномочия, нельзя было сомневаться, так как для правительственных закупок он закладывал монгольскому правительству имущество Далай-Ламы. Далее: тибетское правительство не имело права арестовывать нас и лишать свободы передвижения, окружив милицией из числа хоров и военным караулом, задержав среди суровой зимы в безлюдной местности у реки Чу-нарген в окрестностях Чортен-Карно, на высотах Чантанга около 15.000 футов, в двух днях перехода (около 65 верст) от города-крепости Нагчу. Мы остались в летних палатках без запасов теплой одежды, продовольствия и фуража. Многие необходимые на высотах медикаменты к началу седьмого месяца нашего путешествия иссякли. Вышли мы из Урги 13 апреля 1927 года. Все наши обращения к тибетскому правительству о гибельности положения, болезнях и голоде были бесплодны – ответа до сего времени из Лхасы получено не было, а письма и телеграммы нам возвращали обратно. В результате всего этого – огромный вред, нанесенный нам тибетским правительством.

Попробуем теперь разобраться и подсчитать всю сумму нанесенного нам материального ущерба, не считая пока нравственного, сопряженного с насильственным задержанием нас в течение такого долгого времени. Стоимость подготовки трудной экспедиции из Монголии в Тибет на сегодняшний день уже обошлась нам не менее чем в сто тысяч американских долларов. Глава Миссии Н.К. Рерих является первым лицом в девяти крупных американских учреждениях, без ведома и совета которого не принимается ни одно серьезное решение. Как раз в это время должно начаться строительство многомиллионного здания для ряда упомянутых американских учреждений. Во что выльется убыток этих учреждений за время насильственного задержания Н.К., не могущего даже связаться по телеграфу,

мне неизвестно, но можно себе представить, как велика должна быть сумма реальных убытков, проистекших вследствие противозаконных действий тибетского правительства. Кроме того Н.К. – гениальный художник с мировым именем и славой – зарабатывает, как мне известно, не менее пятнадцати тысяч американских долларов в месяц только своими художественными творениями. Здоровье его за это время, как и у всех нас, сильно пострадало, главным образом за счет полного истощения сердца и нервной системы. В целом же общее состояние здоровья всех членов Миссии чрезвычайно подорвано. Все это требует упорного и длительного лечения на курортах и в санаториях с затратой значительных средств.

Супруга Н.К. – Е.И. Рерих – и сын Ю.Н. являются директорами нескольких американских учреждений и потому сами несут большие материальные убытки, а также и учреждения, ими возглавляемые, по причине полной невозможности руководства последними, из-за насильственного лишения связи с ними. Кроме того, Е.И. и Ю.Н. Рерих все время тяжело болеют, с трудом перенося высоты, мороз и леденящий ветер Чантанга. Особенно страдает Е.И., постоянно поддерживаемая исключительно сердечными и укрепляющими средствами. Восстановление их здоровья требует особых условий жизни и больших материальных затрат.

Из-за общей и в особенности сильной сердечной слабости я в настоящее время едва передвигаюсь, наступило полное истощение сердца, пульс слабого наполнения, плохо прощупывается; частота его теперь всегда более 100 ударов в минуту. В возрасте 51-го года я продолжаю жить исключительно своим служебным и литературным трудом, оценивая его, благодаря большому служебному и врачебному опыту и стажу, в среднем не менее пяти тысяч долларов в год. Принимая во внимание почти полную на сегодняшний день потерю трудоспособности по вине тибетского

правительства, даже после дорогостоящего лечения и восстановления части сил, и около пятнадцати остающихся лет жизни, убыток, нанесенный мне, выражается в сумме не менее семидесяти пяти тысяч долларов. Начальник охраны Н.В., начальник транспорта П.К., заведующий хозяйством Г. и его помощники Л. и Р. как сильно подорвавшие свое здоровье за время насильственного задержания должны получить от тибетского правительства средства не только на восстановление своего здоровья, но и денежную компенсацию за несколько лет их годового содержания, в качестве компенсации за нанесенный им вред. Этот иск, лишь приблизительно здесь мною намеченный, американские учреждения должны представить со всей присущей Америке твердостью, дабы показать тибетскому правительству, что не все его вопиющие насилия и не со всеми остаются безнаказанными.

А за материальным возмездием, надеюсь, вскоре придет и другая заслуженная Тибетом суровая кара. Мы должны по совести сказать, что, не будь мы задержаны 6 октября сего года в Шингди, имея целым и сохранным караван, мы вполне могли бы задолго до морозов и снега прибыть в Лхасу, выполнить буддийские поручения и проследовать без вреда для здоровья и материального ущерба в районы с теплым климатом. Следует при этом не забыть, что тибетское правительство не менее двух раз заблаговременно получало извещения о нашей Миссии как от доньера дипломатической почтой с караваном людей Чимпы, так от доньера же и через тибетского представителя в Синине, а потому, в случае нежелания видеть Миссию в Тибете, оно могло задолго до нашего выступления предупредить нас об этом. Если б тот же представитель тибетского правительства не ввел нас в заблуждение своими паспортами и письмом Далай-Ламе, мы могли бы легко прибегнуть к более удобному и дешевому пути сообщения через Индию на Гиангцзе, пользуясь любезным при-

глашением, сделанным Н.К. английскими властями еще в 1924 г. Оттуда же легко можно было бы связаться по почте и телеграфу и с самой Лхасой, от которой Гиангцзе находится всего лишь в пяти днях караванного пути. Даже посредственному юристу ясна вся бесспорность нашего права иска к тибетскому правительству, столь грубо нарушившему основные положения общечеловеческого кодекса и заслужившего уголовное наказание за совершенное преступление. Сказанное усугубляется еще и тем, что почти одновременно с нами проходившая экспедиция Фильхнера была не только допущена в Нагчу, но и получила отказ пройти в Лхасу в срок не более двух недель с разрешением пройти в желательном для экспедиции направлении на Ладакх. Как мы слышали, экспедиция Фильхнера была снабжена тибетским правительством палатками, продовольствием и животными.

По поводу испытываемых нами бедствий в народе растут смутные слухи, что и морозы, и глубокий несвоевременный снег, и падеж скота, и болезни животных и людей – все это наказание за задержание людей, пришедших с высокими священными целями, с какими еще никто не приходил в страну. «Будут после и другие, еще большие бедствия в Тибете».

Сегодня навестили больную жену майора, переехавшую в отсутствие мужа в монастырь. Уже две недели она болеет гриппозным воспалением легких. Незабываемы как ее чрезвычайно грязные одежда и тело, так и тот эпизод, который произошел во время осмотра. На предложение показать язык больная слегка высунула его изо рта. Тогда присутствовавший тут же солдат майора схватил кончик языка «намо» пальцами и вытащил его наружу. В помещении, где лежит больная, по тибетскому обычаю, открыты все окна и дверь, несмотря на мороз. Мелкий переплет китайских окон когда-то был заклеен бумагой, теперь совершенно разорванной.

Н.В. все время лежит в постели. Простудились двое людей из каравана – лама Ринзин и торгоут Очир. Ю.Н. начал разбирать рукописные списки Канчжура и Танчжура, доставляемые ему из монастыря. Н.К. отмечает готическую полихромную видимость этих списков. Он заказал два камня с надписями «Аум» и «А» местному резчику священных надписей в ближайшем аиле. Понятие «Аум» соединяется с изображением сосуда, в который низливаются красные струи благодати – первичной энергии.

20/XII ***Приезд чиновника от губернаторов. Предложение приехать части Миссии в Нагчу для переговоров. Наш отказ и требование пропуска шести человек.***

Морозы продолжаются, дни солнечные. Оставшиеся в живых животные каравана чувствуют здесь себя лучше благодаря сохранившейся мелкой мерзлой траве на склонах гор. Г. советует завязать «особые» отношения с живущим в ближнем аиле ламой, который в самом скором времени собирается в Лхасу. Видимо, Г. и многие другие не очень-то верят искренности миссии майора в Нагчу.

Около 2 ч. дня неожиданно для нас явились прибывшие из Нагчу чиновник от губернаторов и тибетец Кончок вместе со старшинами хоров. По словам прибывшего представителя, все донесения должностных лиц были получены в Лхасе, но застряли где-то в учреждениях, и Далай-Ламе будто бы еще о нас не доложено. Ранее посланные доньером из Урги сведения о нас в Лхасе получены. Теперь предлагают Н.К. и Ю.Н. приехать в Нагчу для переговоров, обещая тогда снова написать в Лхасу. Имея многие основания не доверять тибетцам и предполагая в этом предложении желание заманить в ловушку или разъединить нас, Н.К. решительно воспротивился поездке только с Ю.Н., настаивая на присоединении Е.И. с состоящими при ней Л. и Р., а также и меня как доктора Миссии.

Пропустить пять человек в Нагчу представитель соглашался, но шестого – меня или Раю, девочку тринадцати лет, выпустить категорически отказался, предлагая связаться по этому вопросу с Нагчу. Состоялось даже отдельное совещание чиновника со старшинами хоров, не приведшее к желаемым для нас результатам.

Около 3 ч. дня представитель губернаторов попрощался с нами, предложив написать заявление с просьбой о пропуске шестерых европейцев, что и было исполнено. Дело наше было и будет, по словам приехавших, представлено на разрешение тибетского «парламента». Вечером мы узнали, что все-таки решено еще раз запросить губернаторов Нагчу о пропуске всех шестерых.

Оказывается, монгольское посольство уже выехало из Лхасы и стоит около снежного перевала у Нагчу.

21/XII ***Лживость тибетских чиновников.***
Разделение каравана недопустимо.
Девашунг не считается с Далай-Ламой.
Наглое самомнение тибетцев.
Губернаторы обвиняют генерала.

Всю ночь дул сильный ветер, выпал небольшой снег. Еще вечером много говорили о предложении из Нагчу. Взвешивали лживость показаний тибетских чиновников, утверждавших ранее, что более одного раза они не могут обращаться к высшему начальству до получения ответа; теперь же доньер утверждал, что было послано пять писем в Лхасу.

Ввиду различных соображений, ухудшения состояния здоровья Н.В. и вынужденного с нашей стороны недоверия решили, что всякое разделение каравана недопустимо, а потому посылаем к майору гонца с извещением о нашей готовности выступить в Нагчу в полном составе и о том, что никаких переговоров с нашей стороны не предполага-

ется, а имеется лишь необходимость немедленно пройти через Гиангцзе на Индию. Приехавший из Нагчу Кончок сообщил в разговоре с Ю.Н., что губернаторами разрешено пропустить в Нагчу только троих человек из состава Миссии, и при этом добавил, что «таковы уж мерзкие обычаи Тибета». Тот же Кончок сообщил ламе Кедубу, что девашунг действительно ничего не сообщает Далай-Ламе. Таким образом, Далай-Лама находится как бы под домашним арестом в пригородном дворце Норбулинге, и тибетское правительство по тем или другим причинам совершенно с ним не считается. Не забудем, что все эти сведения поступают к нам от тибетцев, а не от случайных прохожих. На семьдесят седьмой день мы вспоминаем, что в Шингди еще 6 октября было сделано Ю.Н. то же предложение поехать в Нагчу, иначе говоря, за все это время вопрос не сдвинулся с места. Наши ламы, предательски отделившиеся от нас, ничего этим не выиграли, получив ответ из Нагчу, что их дело вообще не рассматривалось. Предлагая Н.К. и Ю.Н. предстать перед губернаторами по их первому требованию для переговоров, без провожатых и почти без багажа, они в то же время отлично знают, что их генералы, министры и всякие «ринпоче» (драгоценность) ездят с большой и разнообразной свитой. Когда вчера Ю.Н. поставил это на вид доньеру, тот ответил утвердительно и с глупой улыбкой. Считая себя лучше и выше прочих народов, тибетцы нагло пытаются унизить других. Откуда же проистекает это мнение о собственном превосходстве, как не из глубочайшего невежества?

Новое сведение – Кончок будто бы забыл вчера сообщить, что в настоящее время в Нагчу находится доверенный сининского представителя Данжа, которому Н.К. и Ю.Н. много помогли в свое время в Монголии. Будто бы Данжа предполагал о чем-то говорить с Ю.Н. и даже хотел ехать в Чу-нарген. Данжа – человек смышленый и ловкий, а потому контакты с ним могут быть полезны. Кроме того,

кто знает, быть может, он, как исключение из тибетцев, помнит хотя бы часть сделанного ему добра? Кончок отрицает полученные нами сведения о смерти представителя монгольского посольства – умер же какой-то чахарский князь.

Губернаторы объясняют длительность нашего задержания тем, что за это дело взялся генерал Кап-шо-па и не довел его до конца. Ему вменяют в вину также и то, что он оставил при нас глупого и полуграмотного майора вместо одного из состоящих при нем молодых полковников. О доньере, выдавшем нам паспорта, говорят, что он еще в Урге и на нем лежит большая ответственность. Писем с предварительным извещением о нашей Миссии через Синин не проходило. О Фильхнере в Нагчу слышно, что он где-то по дороге из Тибета в Ладакх застрял из-за снега и недостатка транспорта. Только теперь мы узнали от Кончока, что китайские тунг-се не присвоили себе винтовки, которые вез Чимпа, только благодаря американскому флагу и принятию Чимпы в наш караван. «Вероятно, все происходящее с нами является своеобразной «благодарностью» Тибета за услугу. У каждой страны свои обычаи», – говорит Н.К.

22/XII ***Ночной мороз. Гонцу припечатан кушак. «Америка — чичаб над всеми странами». Приготовления к отъезду.***

Ночь чрезвычайно морозная; в 8 ч. 30 м. утра в палатке Е.И. –19° С. Если б даже и было у нас разрешение идти далее, все равно нельзя было бы рисковать жизнью на перевалах. Во время последней поездки чиновника из Нагчу пало, по его словам, пять верховых лошадей. Гонцу, уехавшему вчера с нашим заявлением, был припечатан начальством кушак в знак того, что он должен вернуться в трехдневный срок обратно, не снимая одежды. Этот не-

лепый обычай дает повод Н.К. заметить, что «человечество, существующее на нашей планете миллионы лет, уже проявляло в далеком каменном веке, судя по найденным фактическим остаткам, бо́льшие зачатки культурности, нежели наблюдаемые нами сейчас человекообразные».

Губернаторы, по слухам, начинают какую-то лицемерную игру, которая сводится к тому, что они якобы не получили нашего тибетского паспорта, затребованного у нас для препровождения в Нагчу еще первым милицейским постом у озер Олун-нор. Хорошо, что не только мы все об этом знаем, но и тибетец Кончок утверждает то же самое.

Здешние хоры говорят, что Америка является верховным комиссаром (чичаб) над всеми странами и все страны ее должники. Приводили больных хоров. Оказываем помощь. Сегодня являлся настоятель монастыря, почтенный старик, с подношением в виде молока и сыра. Вчера же приходил один из лам в одеянии из красной пуру (шерстяная ткань).

Е.И. чувствует себя здесь значительно лучше. Понемногу готовимся к дальнейшему продвижению – перекладываем вещи в яхтанах, уплотняя их; деревянные ящики, ранее при переездах помещавшиеся на верблюдах, пришлось распилить надвое, так как для яков они тяжелы. Дорогие краски фирмы «Lefranc» замерзли и едва ли будут пригодны, когда оттают; стоимость их более пяти тысяч франков. Сегодня в аиле отказались продать нам корм для животных, опасаясь, что это дойдет до сведения властей, которые могут отобрать у хоров зерно.

Губернаторы запрашивали, какое количество животных у нас осталось от бывшего каравана. Всего в составе каравана было 102 животных, из них сорок три верблюда, остальные мулы и лошади. По бессердечию правительства теперь у нас остается шесть верблюдов, из коих однако пригодны только четверо, пять мулов (из них пригодны

только два) и тринадцать лошадей, из коих годных менее половины, и то лишь на однодневный путь. Мы не знаем, какие выводы сделают губернаторы из этого печального подсчета животных нашего каравана, но не решаемся даже предположить, чтобы у них могли появиться какие-либо соображения о справедливом возмещении убытков.

23/XII ***О предметах вывоза из Тибета. От Хорчичаба нет ответа. Демаркационная линия хоров. Культ «богов свастики».***

День с утра морозный и солнечный. Вчера Г. было поручено закупить несколько небольших шкурок мерлушек, но предлагались лишь очень плохого качества и стоили по семьдесят пять центов. В Тяньцзине шкурки несравненно лучшего качества стоят двадцать центов. Из этого можно заключить, что в Тибете то же невежество царит и в торговле. Кроме некоторого количества шерсти, трудно сказать, что может быть предметом вывоза из Тибета, так как все отрасли земледелия, скотоводства и промышленности находятся здесь в зачаточном состоянии.

Вспоминаем о сроках всех посланных Хорчичабу писем и телеграмм и начинаем сомневаться в добросовестности этого «высокого сановника». 24 ноября ему было послано письмо с приложением телеграмм в Америку и резиденту Сиккима. 3 декабря послано пространное заявление генералу о необходимости прохода на Индию и с просьбой о высылке нам провианта. 8 декабря вновь послано письмо о необходимых нам десяти тысячах нарсангов и продовольствии с приложением письма резиденту Сиккима и телеграммы в Америку; на расходы было приложено сто янчан. Ответа на письма можно смело ожидать через две недели; между тем до сего времени ни на одно из писем ответа не было получено, несмотря на их крайне серьезное и требующее спешного ответа содержание.

По слухам, наши ламы, ушедшие в Чу-наргене, уже поссорились там и меж собой и с хорами. Один вернулся вчера к нам с просьбой принять обратно на каких угодно условиях, утверждая, что лама Малонов «не человек». Двое оставшихся – Малонов и Бухаев – задумали без получения на то разрешения отправиться в Нагчу, но местные власти, разумеется, этому воспротивились. Своим неуживчивым характером и глупым поведением они, безусловно, крайне осложняют свое положение.

Сегодня хоры из аилов, у которых мы приобретаем кое-какие продукты, отметили перед лагерем демаркационную линию, за которую они с продуктами не заходят, боясь оставленного при нас солдата Давы Дондуба, состоящего у нас, правда, негласно на службе: оплата – по янчану в день.

Н.К. замечает, что «верованием секты бон-по указываются «боги свастики». К какому же древнему огню или к какому же культу, более сложному, чем шаманство, ведет этот теперь забытый знак?»

24/XII ***Гонцы от генерала.***
Опять все письма и телеграммы возвращены нам.
Монгольское посольство в Нагчу.
Рассказы о каких-то арестах.
Бон-по считают буддистов своими врагами.

Вчера в 4 ч. вечера прибыли два гонца от генерала. Все письма и телеграммы в Америку и резиденту Сиккима нам опять возвращены вместе с письмом генерала, в котором указывается, что ответа из Лхасы еще не получено. На себя же ответственность за пересылку по назначению нашей корреспонденции «всесильный» генерал, облеченный «важными полномочиями», взять не решился. Таким образом, еще раз фактически устанавливается, что, кроме нашего насильственного задержания в условиях, со-

ответствующих понятию применяемой пытки, мы также лишены возможности всякого сообщения с внешним миром. Более грубого и наглого насилия над человеческой личностью нельзя себе и представить! Ни английским властям, ни учреждениям Америки, ни родственникам – никому нельзя дать знать о нашем бедственном положении! В то же время от генерала прислано несколько скудных пищевых посылок в виде небольшого количества дешевого чая, двух небольших мешков местной грубой муки и нескольких пудовых мешков зерна, стоящего по нормальной расценке около шестидесяти копеек за мешок.

Возвратившийся вчера вечером с кое-какими продовольственными покупками принятый обратно на службу Ламаджан, беседовавший в Чу-наргене с таможенными чиновниками, сообщил о предполагаемом намерении нагчуских губернаторов пропустить нас недели через две на Гиангцзе.

Приехавший из Нагчу старшина хоров сообщил по секрету, что монгольское посольство уже возвратилось в Нагчу и что получен из Лхасы приказ арестовать из состава посольства троих человек и препроводить обратно в Лхасу – сведение, если оно верное, весьма многозначительное. Тот же старшина сообщил, что генерал, оказывается, солгал, ссылаясь на снежные заносы, из-за которых он не мог послать наши письма. Генералу будто бы был выговор из Лхасы за то, что он вмешался в компетенцию нагчуских губернаторов. Все письма, посылавшиеся им в Лхасу, возвращались к нему обратно нераспечатанными. Дорога же от генерала до Лхасы совершенно свободна от заносов.

Ю.Н. получал из хранилища монастыря, как мы упоминали, рукописные книги Канчжура для прочтения. Теперь настоятель монастыря отказался присылать книги, ссылаясь на то, то Ю.Н. буддист, а буддисты враждебны секте бон-по. Значит из правоверных подданных Далай-

Ламы следует исключить всех немалочисленных последователей бон-по.

Н.К. сегодня немного нездоровится. Погода солнечная, но морозная.

25/XII ***Морозы ниже –24° С в палатке. Губернаторы пытаются взвалить ответственность на генерала.***

Ночь исключительно морозная. В палатке утром было, несмотря на горящую свечу и после проведенной ночи, ниже –24° С – последнего деления шкалы нашего комнатного термометра.

Н.К. замечает: «Не забудем, что от поста у Олун-нора нас завлекли далеко вглубь страны через пять милицейских и военных постов, чтобы задержать в самом гиблом месте. Теперь губернаторы пытаются все свалить на генерала, но вспомним, что со стороны последнего мы лично ничего оскорбительного не видели, тогда как губернаторы дошли до того, что возвратили даже лично им адресованные письма, не распечатывая их».

Сегодня ждем гонца из Нагчу – вот уже пятый день со дня его отъезда, хотя нам и сказали, что его запечатанный кушак означает необходимость возвращения через три дня. Все эти запечатанные пояса, как и новое распоряжение тантрику «растопить снег», проистекают из того же источника – невежества и наглого самомнения тибетцев, и будет непристойностью хотя бы на мгновение сопоставить их с понятием буддизма.

26/XII ***Н.К. о значении Таши-Ламы.***
Неожиданное возвращение майора.
Тибетцы считают всех иностранцев «дикими».
Тибет – музейная редкость невежества.

Мороз усиливается. Как я замечаю, Н.К. неоднократно возвращается в разговоре к Таши-Ламе. Сегодня запомни-

лось следующее: уже с 1923 г. Н.К. знал, что «бегство Таши-Ламы из Тибета имело не только огромное политическое значение, но и явилось гранью в судьбах духовного Тибета. Действительно, Таши-Лама, в отличие от Далай-Ламы, являлся источником духовных знаний. И лицо его гораздо более вдумчиво и духовно, нежели извилистое выражение лица гражданского правителя Тибета. Мы можем убедиться, что лучшая часть Тибета следует за Таши-Ламой. Даже простые солдаты твердят, что лучшие ламы покинули Тибет. Уже одно то обстоятельство, что Таши-Лама почувствовал крайний момент для своего действия, показывает, что он и знающий, и зоркий человек. Пусть свершится сужденное!»

Сегодня опять много говорили о «Городе Знания». В 5 ч. вечера неожиданно приехал майор, но к нам не пришел и только оповестил, что придет для переговоров завтра. Вновь проявление наглости, ибо он хорошо знает, что на восемьдесят второй день задержания мы все с нетерпением ждем каждую новость.

Уже ранее упоминавшийся профессор Кюнер сообщает в том же своем труде о Тибете, что тибетцы называют все прочие народы «дикими». Вспомним две неожиданных к этому параллели. Когда в 1904 г. английская военная экспедиция уже находилась в Лхасе, то тибетское правительство предлагало ей выйти вон под угрозой, что оно не может сдержать порыв сорока тысяч отборных к'амских воинов, подступающих к Лхасе. Британцы, однако, этой лжи не поверили, остались на месте и, конечно, ни одного обещанного воина вообще не появилось. Даже в 1911 г., когда китайцы открыли пулеметный огонь по тибетцам, те приняли это за новогоднюю хлопушку, и только вид убитых вернул «просвещенных» тибетцев к действительности, и они, конечно, поспешили обратиться к тому средству, которое им так привычно, то есть к бегству. В Африке

некогда было одно племя, которое всех, не имеющих зоба, считало уродами. По подобного же рода невежественному рецепту и тибетцы считают всех дикими. Поистине, Тибет – музейная редкость невежества! Н.К. замечает: «Обратите внимание, насколько монгольские ламы лучше, выше тибетских, не говоря уже о просвещенных буддистах Японии и Бирмы».

27/XII ***Жестокий мороз. Вредная чура. Приход майора. Дороговизна продуктов. Едут губернаторы.***

С утра жестокий мороз; сильно зябнут ноги и руки. Все время ходим на солнце, чтобы согреться, – бараньи шубы греют плохо, мал подшерсток у этого меха, для европейцев здесь они малопригодны. Ждем майора, но он не торопится, хотя уже 12 ч. дня, а монастырь, где он живет, всего в двух минутах ходьбы от наших палаток у скал. Животных кормим теперь распаренным ячменем – даем около пятишести фунтов – и прибавляем фунт чуры, то есть местного сушеного порошкообразного творога. Последний грязен, содержит много бактерий и бродильных грибков, а потому животные страдают метеоризмом – пучит живот.

3 ч. дня, но майора все еще нет, несмотря на посланного за ним человека, но зато мы узнали, что вчера первым делом он вынес строгий выговор оставленному солдату за разрешение населению продавать нам даже то небольшое количество пищи, которое мы доставали в аилах. Как видно, тибетские власти ревниво оберегают интересы своего кармана. Значит, и та возможность добывания небольшого количества продуктов, которая была у нас во время отсутствия майора, теперь утрачена. Солдаты уверяют, что майор им ничего не говорит о результатах своей поездки, – более чем странно!

В 4 ч. дня пришел, наконец, майор и сделал ряд сообщений. По его словам, губернаторы, обидевшись на Хорчичаба, ничего вообще в Лхасу не сообщали и наших писем не посылали. Переданные майору для отправления телеграммы возвращены обратно; губернаторы будто бы обещают посылать наши телеграммы и письма лишь после того, как лично увидятся с посольством.

Через два дня губернаторы предполагают приехать к нам для переговоров и послать тогда письмо в Лхасу правительству. Заказанные нами продукты майор привез, но приобрел их от второго губернатора, так как в Нагчу в продаже будто бы ничего нет. Между прочим, пуд третьесортной муки, стоивший даже при дороговизне в Урге не более четырех янчан, здесь стоит более 16 янчан, то есть более сорока копеек за фунт, а пуд скверного риса стоит тоже 16 янчан. Жизнь в Нагчу, по словам майора, труднее, чем здесь, – ни топлива, ни цампы, ни масла в городе нет. От бескормицы из-за снега в стадах осталась лишь десятая часть животных. В падях лежит до 10-15 трупов животных. Погода в Нагчу очень холодная и ветреная. Будто только семь дней тому назад губернаторы сообщили в Лхасу о нас предварительные сведения. Пала одна из лучших лошадей с признаками какого-то отравления травой или чурой. Даже монголы отказываются от употребления тибетской чуры.

28/XII ***Невежественная больная. Попытка доставать продукты. Население отказывается поставлять продовольствие. Даже тибетцы советуют угрожать губернаторам.***

Погода теплее, небо облачное. Приходил солдат от майора просить врача и Ю.Н. к «намо», жене майора; говорит, что появились отеки лица. Сильно пьет водку и все время спит. Советов не спать днем, вставать и гулять

на солнце и меньше пить «чан» не слушает. С приездом майора пьянство, конечно, усилилось. В «благочестивый» колдовской монастырь темной секты бон-по вселился развращающий элемент пьяниц – Кончок и майор. Последствия скажутся после.

Ю.Н. сегодня занят географической картой, Е.И. с переменой погоды чувствует некоторое недомогание и головную боль. Н.В. по-прежнему проводит время в постели, спасаясь от холода. Г. с Кедубом поехали в очередную разведку по аилам за продовольствием. Теперь у нас есть небольшой запас муки, масла и порама, недостает сушеных осенних баранов. Н.К. почти совершенно выздоровел после бывшего от чуры расстройства желудка. В общем, несмотря на холод и все невзгоды, чувствуем себя бодро и надеемся вскоре преодолеть все насилия тибетцев, которым не удалось смирить или погубить нас холодом и изморoм. Выносливость и сила духа европейцев преодолели их коварство, и теперь они идут нам навстречу, устрашенные нашим упорством и обещанием предъявления им иска.

Сегодня старшины хоров заявили через солдата, что население не может более поставлять нам по полтора мешка (пудовых, конечно) зерна в день. При этом выяснилась любопытная подробность, что около недели тому назад сами же старшины на совещании с приехавшим из Нагчу чиновником воспротивились его согласию переправить нас в Нагчу, мотивируя это тем, что до разрешения из Лхасы они боятся нас выпускать. Сегодня Кончок посоветовал сказать губернаторам из Нагчу, когда они к нам явятся, что все страны прекратят торговлю с Тибетом, если нас еще будут продолжать здесь задерживать. Опасались среди дня снега, но хор Циринг уверенно отрицал это, говоря, что запертый майором в одном из чуланов монастыря тантрик очень стучит, то есть проявляет свою деятельность, препятствуя выпадению снега.

29/XII ***Лживость ламы. Список предварительных извещений, посланных в Лхасу до отъезда из Урги.***

Сегодня утром в палатках –21° С. Выяснилось, что ленивый лама Ринзин, бывший в Цомра с нашими верблюдами, дал нам фальшивые сведения об оставшихся там и якобы не способных идти верблюдах. По словам приехавшего хора, там оставались в момент отъезда Ринзина еще шесть верблюдов, и они могли идти.

Перед приездом губернаторов заготовлен список извещений о Миссии, посланных в Лхасу из Урги, а также имена лиц, с которыми они были отправлены:

1. Тибетским представителем в Урге Лабзанг Чолденом в прошлом 1926 г. в девятом тибетском месяце 19-го числа послано было первое письмо с ламой Тенчжинского монастыря в Лхасе и Чимпой;

2. Тем же представителем в Урге второго месяца 10-го числа текущего 1927 г. послано второе письмо с приказчиком тибетского представительства в Синине по имени Тончже;

3. Тем же представителем в Урге послан во втором месяце 15-го числа текущего года в Пекин для отправки телеграфного запроса в Лхасу уроженец области Цанг по имени Лабзанг. По возвращении из Пекина последний привез представителю в Урге удовлетворительный ответ из Лхасы.

4. Тот же представитель в Урге прикомандировал к Миссии Кончока Циринга.

Кроме того, вспомним при этом еще раз, что тот же представитель в Урге выдал тибетский паспорт и письмо Далай-Ламе, из коих паспорт был взят у нас первым пограничным постом при свидетелях в Олун-норе, а письмо передано присланному из Нагчу доньеру в Шингди.

30/XII ***Трудность добывания продовольствия. Тибетцы считают свою страну самой большой. Запрет майора под угрозой казни продавать нам припасы.***

Морозы продолжаются. По какому-то странному тибетскому поверью вчера и сегодня должны быть ветреные дни.

С приездом майора под влиянием его запрещения прекратилась поставка молока и без того весьма ничтожная, не более чашки в день. Сегодня утром категорически потребовали поставлять нам молоко ежедневно по небольшой жестянке, причем вызванный солдат жаловался на то, что местные старшины не оказывают содействия.

Любопытно отметить, что тибетцы считают свою страну самой большой и тому, что численность населения Америки сто десять миллионов, вообще не верят, так как, хотя в рудиментарном тибетском языке и имеется выражение для обозначения такой цифры, но существование такого количества населения кажется им невозможным.

Возвратившийся из сегодняшней поездки по аилам за продовольствием лама Ламаджан сообщил, что везде у аилов по распоряжению майора и старшин поставлен сторожевой хор. Продавать что-либо отказываются, ссылаясь на запрет майора и его угрозу отрубить головы; близко к аилам не подпускают, издали крича: «Уходи, уходи скорее!» Действительно, Тибет дик и негостеприимен!

Вспоминаем, что уже после войны 1904 года, приблизительно в 1906–1907 гг., власти Гиангцзе, желая прекратить велосипедную езду английского торгового агента в этом городе капитана О'Коннара, затопили водой улицы города, чтобы «пелинг не мог ездить на мерзкой машинке».

Выяснилось, что старшины окончательно отказались продавать нам какие-либо продукты, а ячменя у них осталось якобы всего девять мешков. Завтра должен прийти

майор со старшинами для выяснения положения. Сейчас послали письмо генералу, в котором сообщаем ему об отказе старшин снабжать нас продовольствием и еще раз предупреждаем его, что задержка нас здесь будет грозить Тибету серьезными осложнениями. Так с каждым днем все явственней выясняется истинный лик Тибета, если только слово «лик» к нему применимо!

Погиб еще один лучший верблюд из шести оставшихся. Вчера уволен лама Ринзин за проделку с верблюдами, которые поручены майором наблюдению милицейского поста в Цомра. Оставлены они нами пока там ввиду полученных сведений об имеющемся в Цомра небольшом запасе травы, у нас же корма для них не хватило бы.

31/XII ***Разрешение на продажу продуктов получено.***

Получено указание говорить осторожно. П.К. и Голубин едут в аилы с целью установить, откуда пошел запрет на продажу нам продуктов. П.К. хотел взять с собой оружие, но Н.К. не позволил. Восстановить против себя местных хоров было бы чрезвычайно опасно, ибо пять солдат майора не смогли бы контролировать эту беспорядочную, но значительную по количеству массу населения. Вскоре после отъезда П.К. и Г. явился один из старшин и сообщил, что распоряжение не продавать нам продукты отменено, что наше долговременное здесь задержание – небывалое. Этот же старшина пытался расспросить Ю.Н., не имеем ли мы контактов с Таши-Ламой. Объяснение длительности задержания старшина находил только в неладах губернаторов с генералом, у которых в Лхасе имеются свои сторонники.

Около 1 ч. дня возвратились П.К. и Г. из поездки с покупками и сообщили, что, по выяснении, запрет продавать нам пищу исходил непосредственно от майора, кото-

рый послал по аилам солдата, а потом уже старшины принуждены были подтвердить населению это распоряжение. Где правда, – трудно сказать, здесь ее не добьешься. Майор ссылается на старшин, старшины – на майора. Пользуясь солнечным днем, Н.К. сегодня делал зарисовки монастыря Шаругон в окружении скал.

1928 год

1/I ***«Страна дураков».***
Понятие деловой срочности тибетцам неизвестно.
Новый год на Чантанге. Голоки идут в Лхасу.

Сегодня утром спросили ламу К., может ли быть еще другая страна, кроме Тибета, где бы посольству, пришедшему с дарами и приветом к Владыке страны, в продолжение многих месяцев не давали никакого ответа, держа его в самых гибельных условиях, и потом заявление о желании уйти из страны после нескольких месяцев тщетного ожидания точно так же оставляли бы без ответа? Лама, подумав, ответил: «Это страна дураков». Сама истина говорит устами ламы!

Н.К. возмущался ложью губернаторов Нагчу, назначивших срок приезда и не исполнивших своего обещания. К этому Ю.Н. припомнил из книги сэра Чарльза Бэлла[72], что сами тибетцы считают высшим оскорблением, если их связывают каким-либо сроком, точно назначая время. У Е.И. в последние два дня появились нервные боли в левой подлопаточной области и в двух пальцах стопы. Ю.Н. поставил на вид тибетцам, что мы вынуждены были встретить наш Новый год в таких отвратительных условиях. Солдаты отнеслись к этому очень сочувственно, ибо Но-

вый год празднуется здесь особо торжественно и праздничные обряды и гульба продолжаются более месяца. Это соображение о праздновании Нового года особенно неожиданно для Е.И. и Н.К., которые никогда его не праздновали. Сегодня опять появились слухи о приезде губернаторов. Помещение для них приготовлено в Чу-наргене. В крайнем случае, по сообщению майора, приедут послезавтра, так как обещали быть здесь не позднее 11-го числа по тибетскому счислению, а сегодня 10-е. Кончока в Нагчу решили пока не посылать. Сегодня восемьдесят восьмой день тибетской пытки. К счастью для нас, солнце начинает днем пригревать до +20° С.

Майор опять предложил назвать его лжецом, если губернаторы не приедут послезавтра, но такое «почетное» название он уже заслужил, неоднократно сообщая нам лживые сведения. Около Чу-наргена замечены большие караваны мулов и яков, идущие в Лхасу. Оказывается, это те самые пресловутые голоки, о которых мы так много слышали. Не доставало только того, чтобы в Нагчу мы встретились с этим любопытным, но опасным элементом. В то же время имеются сведения о движении даже верблюжьих караванов из Лхасы в Нагчу.

2/I ***Сильный вихрь. Известие о выезде губернаторов. Ссора в лагере. Положение больных в Тибете.***

Начавшийся вчера около 10 ч. вечера ветер ночью перешел в сильный вихрь, продолжавшийся и сегодня после полудня. Температура воздуха в палатке в полдень –7° С; на солнце, благодаря холодному ветру, –6° С. Вероятно, этот вихрь именно такого рода, которыми славится Чантанг. Тибетцы зимой во время холодных ветров защищают лица масками. Такой сильный вихрь здесь на стоянке у монастыря Шаругон, защищенной горами, впервые; можно

представить себе, какой холод и порывистый ветер в котловине у Чу-наргена.

Вчера дежурный хор Цiринг рассказывал, что в монастыре бон-по есть монах, обладающий якобы чудодейственной силой создавать на камне отпечатки своих ног. Около 2 ч. пополудни прибыл гонец с извещением, что губернаторы выехали к нам из Нагчу и завтра будут в монастыре, где им готовят большую комнату. Монгольское посольство, по слухам, уже выехало из Нагчу по направлению к хребту Тан-ла, то есть далее в обратный путь. Приходил монгол Цiринг, рассказывал, что он поссорился из-за чая с ламой Кедубом и тот грозит его убить. Совсем расстроился, даже расплел свою косу и распустил волосы по плечам. Жена майора продолжает болеть гриппозной пневмонией в тяжелой форме при явлениях сильной сердечной слабости, пьет чан, лекарств европейских не принимает и советам не следует. Сидит перед пламенем огня в переносном очаге на сквозняке при открытом сзади окне. Дверь никогда не закрывается, и небольшое помещение наполнено угаром и дымом аргала. Вот обстановка тяжело больной жены офицера, находящейся в неизмеримо лучших условиях в сравнении с простой тибетской женщиной, живущей иногда в дырявой ячьей палатке с полуоткрытым для прохождения дыма очага верхом.

3/I ***Кенанг-ни — близнецы.***
Проделки голоков и далай-ламская гвардия.
Лицемерие и невежество лам.

Морозный день. Опять в палатке ниже – 20° С. Долгая стоянка начинает разлагать людей. Не успели еще забыть вчерашнюю ссору Кедуба с Цирингом, как сегодня торгоут Очир ударил десятника хора за то, что тот по незнанию начал седлать не ту лошадь. Г. опять выехал на продо-

вольственную разведку. Выясняется, что губернаторы могут приехать уже сегодня вечером в монастырь, а завтра быть у нас. Само их тибетское название «Нагчу кенанг-ни» означает «два нагчуских губернатора», как будто они, как сиамские близнецы, неделимы. Можно представить себе всю нелепость происходящего, судя по тому факту, что губернаторы потеряли по крайней мере восемь дней во время перехода буйных голоков, тогда как мы сами изъявляли желание и могли приехать к ним в Нагчу. К характеристике голоков можно вспомнить, как в главном лхасском храме один из голоков ударил палкой по шубе почтенного ламу, казначея храма. Произведенный ударом звук так понравился остальным голокам, что они принялись избивать несчастного «дигнитория» храма.

Недурен также и рассказ о личной гвардии Далай-Ламы, ограбившей настоятеля главнейшего монастыря Ганден под самой Лхасой. Настоятель этот является, в отсутствие Далай-Ламы, наместником Тибета. Еще не так давно те же голоки ухитрились ограбить лхасский базар. Но отличаются не только личная гвардия Далай-Ламы и голоки. Можно привести примеры лицемерия и невежества лам. Вопреки завету Будды не убивать животных, ламы, за исключением лишь немногих, принявших высшие обеты, употребляют в пищу мясо. Мясники же сведены ими на самую низшую ступень парий. Если же поблизости нет мясников, то ламы придумали на этот случай необычайно лицемерный обычай – они подгоняют животных к краю скалы, чтобы те при падении убились, или же заставляют их погибать от удушья. Аббат Крик упоминает, что в монастыре, в котором он долго жил, из пятисот лам лишь четверо могли писать правильно и очень немногие понимали тексты, которые они механически распевали. Конечно, эти примеры не исключают существования духовно

развитых и образованных лам, но ведь такие явления оказываются более чем редким исключением.

4/I ***Обвинительный документ Н.К. из пятнадцати пунктов. Смерть жены майора. Злорадство населения.***

Морозное утро. О губернаторах слышно, что едут медленно, вчера были еще только в Цомра, то есть отъехали от Нагчу всего десять верст. В первый раз сегодня увидели над нами на гранитной скале двух снежных грифов с белым оперением; лишь крылья по краям черные.

Подготовили для разговора с губернаторами заявление из пятнадцати обвинительных пунктов, характеризующих цель нашей Миссии в Тибете и оказанную нам здесь встречу. Привожу здесь эти положения:

«1. Мы пришли в Тибет из великой Америки с самыми священными целями установления очищения истинного Учения Благословенного Будды под главенством тибетского Далай-Ламы, но мы были приняты, как разбойники.

2. Мы принесли Далай-Ламе Грамоту, которую должны были прочесть до 24 ноября минувшего года. Мы принесли Далай-Ламе дары и имели поручение от Америки, в случае достойного приема, внести на дела веры и монастырей пятьсот тысяч нарсангов, но мы были встречены, как разбойники, и брошены на высотах при лютых морозах на три месяца в холодных палатках.

3. Мы давно уже через Цайдам, Синин и Пекин трижды извещали тибетское правительство через доньера в Урге о нашем прибытии, но мы были встречены, как разбойники.

4. Мы имели паспорт от доньера из Урги и его письмо к Далай-Ламе, переданные нам доньером в присутствии особых представителей Америки, отобранные у нас погранич-

ными постами и доньером из Нагчу, и все-таки были встречены, как разбойники.

5. Мы много раз извещали все власти, что у нас кончились необходимые нам лекарства и деньги, которые можно получить только в Индии. Мы сообщали о наших болезнях в силу тяжелых условий жизни на морозных высотах, но над нами смеялись в лицо и поступали, как с разбойниками.

6. Мы всеми мерами пытались выяснить серьезные последствия такого к нам отношения и предупреждали о всей возникающей из этого для тибетского правительства ответственности, но эти речи называли «детскими» и лишали нас свободы передвижения, как разбойников.

7. Мы указывали, что не только западные буддисты, но и девять учреждений Америки будут возмущены и встанут на нашу защиту, но над нами смеялись и поступали с нами, как с разбойниками.

8. Мы пытались посылать письма и телеграммы в Америку и английским властям, стремясь выйти из нашего тяжелого положения, но письма и телеграммы возвращали нам обратно, а пакеты, адресованные губернаторам Нагчу, даже не распечатывались ими, – так поступают только с разбойниками.

9. Письменно мы трижды обращались к Далай-Ламе и к правительству Тибета, но и эти обращения были возвращены нам – именно так поступают с отъявленными преступниками, хотя в таких гибельных условиях, в каких содержали нас, в нашей стране не содержат даже самых опасных нарушителей государственных законов.

10. Я проехал двадцать четыре страны и всюду встречал достойное моему мировому положению отношение. Можете ли вы, губернаторы Нагчу, указать страну, где бы с

дружественным посольством обращались так бесчеловечно, как обращаются с нами здесь?

11. Как мы вам сообщали, после 24 ноября все наши полномочия кончились, и сейчас мы имеем необходимость безотлагательно пройти через Гиангцзе к индийской границе, и вы не имеете никакого права, хотя бы на кратчайший срок, задерживать далее нас здесь. И состояние нашего здоровья, и необходимость получения в Индии денег, и все то преступное отношение, которому мы подвергались здесь, заставляют нас немедленно покинуть пределы этой человеконенавистнической страны.

12. На флаге великой Америки сорок восемь звезд; из них каждая обозначает государство равное, а иногда и превосходящее по размеру и числу жителей Тибет. На фотографиях вы видите наши многоэтажные дома, в которых мы живем со всеми удобствами лучшей жизни, и никто не допускает возможности жизни в черных яковых палатках. В таком прекрасном высоком доме будет помещаться в Америке храм в честь Благословенного Будды и Шамбалы, а Посольство, сообщающее эту радостную весть Тибету, принимают здесь, как разбойников. Где же справедливость и где же заветы Благословенного Будды?

13. В Дарджилинге мы жили в потанге, где пребывал Далай-Лама. В Сиккиме, когда мы посещали монастыри, нас встречали торжественными процессиями с трубами. Махараджа Сиккима лично выразил нам привет и благодарность за денежную помощь монастырям его страны. В Ладакхе предоставили в наше пользование свой дворец в Ле. В Урге будет строиться особый храм для изображения Владыки Шамбалы, подаренного мною Монголии. Нами выстроены и храмы буддийские, и чортены. Все эти факты известны многим тибетцам, и тем не менее, Тибет встретил нас, как разбойников, лишив свободы.

14. Теперь взвесьте принятую на себя Тибетом ответственность за все наши расходы, за погубленный наш караван, за подорванное наше здоровье. Мы же должны всемерно спешить на Гиангцзе в Индию. Таким образом, первое дружественное буддийское Посольство было встречено Тибетом так, как встречают разбойников. Скажите, губернаторы, какое посольство, даже в Тибете, встретило такой оскорбительный прием? Этим самым Тибет отмежевал себя от дружественных связей с прочими буддийскими странами. Да исполнятся пророчества!

15. Когда будут предоставлены животные для транспорта? Мы должны, уже завтра выступить в дальнейший путь!»

Как мы и ожидали, вечером сегодня умерла жена майора. Боги монастыря бон-по оказались, по словам хоров, к ней немилостивы. При переезде майора в монастырь ламы и хоры старались угадать, как примут этот переезд боги, покровители монастыря, так как у населения майор не в почете и все против него что-либо имеют. Вспомним, что он смеялся в ответ на сообщение о болезни Е.И. и говорил, что Тибет жесток и с болезнями не считается.

5/I ***Ожидание приезда губернаторов.***
Население пытается сбыть тибетские деньги.
Новые слухи о монгольском посольстве.
Клятва «тремя жемчужинами». Цена винтовки.
Дополнительные пункты декларации. Яки едят падаль.
Сказание о Гэсэр-хане.

Сегодня в монастыре ждут близнецов-губернаторов, которые въедут при таком, по тибетским понятиям, недобром знаке, как покойница. Г. уехал за продовольствием по аилам, откуда вчера приходили два хора с сообщением об имеющихся двух мешках зерна, причем просили обменять

им тибетские медные шо на китайское серебро, говоря, что с серебром они могут всюду поехать, тибетских же денег никто не берет. Кончок, приходивший из монастыря за курениями, сообщил невероятную новость, что губернаторы повернули из Цомра обратно в Нагчу. Официально это сведение не сообщается, но через местных старшин доходит слух, что причиной тому послужили какие-то особые выступления монгольского посольства, которое будто бы еще не вышло из Нагчу. Н.К. подчеркивает: «Если губернаторы, вопреки их собственному извещению, к нам не приедут, мы должны будем рассматривать эту лживость как особо тяжкое оскорбление нашего достоинства».

Пришедший среди дня старшина на наш вопрос о губернаторах утверждал, что они едут, что подтвердил и явившийся затем солдат, который клялся «тремя жемчужинами», то есть Буддой, Учением и Общиной. После такой самой высшей клятвы мы, конечно, должны официально ему верить, тем не менее версия Кончока очень правдоподобна. Старшина хотел купить у нас две винтовки, предлагая по двести нарсангов за винтовку со ста патронами. Платить предполагал медными шо, которые, как мы убедились, они сами не берут. Никаких других денег, кроме медяков, у местных жителей не имеется.

Н.К. вспомнил еще о двух пунктах, которые следует включить в декларацию губернаторам:

«Мы из любезности везли на пяти наших верблюдах специальный груз, принадлежащий Далай-Ламе, но Тибет не только не оценил доброжелательный жест, но принял нас, как разбойников».

И далее:

«Мы имели намерение пригласить для буддийского храма в Нью-Йорке ученого геше из Тибета, но это дружеское

намерение должно отпасть, ибо нас встретили, как разбойников».

Со всей справедливостью мы включаем эти пункты, которые, как неоспоримый документ, разойдутся впоследствии по всему буддийскому миру. Н.К. опять повторяет: «Да исполнятся пророчества!» Конечно, он имеет в виду не идеологическую сторону их, а, по обыкновению, что-то вполне реальное.

На днях Н.В. всерьез предложил и даже начертил проект памятника нашей Миссии для установки в Нью-Йорке перед зданием Музея, но все лишь улыбались этой идее как несвоевременной, ибо никто еще из участников не собирался умирать. Сегодня Н.В. указывал на сходство хорских мечей с древнеготскими. Отмечаю это, но вывода не делаю. П.К. окончательно утвердился в мысли ехать в Австралию. В 4 ч. дня прибыл гонец с бубенцом, признаком казенной надобности, и сообщил, что завтра губернаторы приедут в монастырь. Конечно, я понимаю, что получается «слоеный пирог» из сведений, но ведь ими-то мы и живем.

Много раз мы наблюдали, что отдельные яки зачем-то останавливаются у трупа нашей павшей лошади Красавчика, причем глодающие труп собаки особенно яростно, как бы негодующе, лают. Сегодня с несомненностью установили, что большой черный як обгладывал труп лошади. Мулы очень неразборчивы в пище; на наших глазах съедали куски веревок, тряпки, кошмы, но мяса ни сырого, ни вареного не ели. Только один тибетский серый мул с большим аппетитом ест вареное и жареное мясо в любом количестве.

Вечером коллекция наших сведений пополнилась известием, что едет только один гражданский губернатор, а духовный был вызван в Нагчу. При почти полной луне хоры плясали около наших палаток, причем их движения

как нельзя более напоминали известную картину Н.К. «Каменный век», находящуюся теперь в Музее в Нью-Йорке. Один из хоров исполнил довольно музыкально намтар[73] (сказание) о Гэсэр-хане, в котором описывал его походы, вооружение героя и его войско. Н.К. задумчиво заметил: «И здесь имя Гэсэр-хана сопутствует нам». Певец пояснил, что он исполнил эту песнь как добрый знак для нас по случаю приезда губернатора. Характерно, что хоры и жители К'ама отличают себя от тибетцев – опасливо поглядывая на монастырь, где были майор и солдаты, шептали: «Только бы тибетцы не услыхали».

6/I ***Ночные приготовления. Приезд губернатора.***
Знамя Майтрейи и американский флаг.
Приход губернаторов и неприятное их поведение.
«Надо вообще выкинуть из ума Тибет».
Изыскание приемлемого пути.

В половине двенадцатого ночи были разбужены громким лаем собак и криками хоров, продолжавшимися почти до утра. Оказывается, у хоров взяли палатки и перенесли их к монастырю, чтобы приготовить все к приему губернатора.

В 12 ч. дня прибыли сначала два повара губернатора, а вслед за ними около 1 ч. дня духовный губернатор в красном ламском одеянии. Палатка Н.К. украшена знаменем с изображением Майтрейи и американским флагом. Внутри палатки танка, изображающая Майтрейю. Внутренняя стена обеденной палатки убрана большим шерстяным американским флагом. Спешно приходил Кончок и особенно просил в разговоре с губернаторами подчеркнуть, что у нас были не только паспорт из Урги, но и заблаговременно переданное нам разрешение из Лхасы на въезд, полученное через доньера в Пекине путем срочных телеграфных

сообщений. Конечно, без этих документов и фактических заверений Н.К., всегда осторожный в своих действиях, не пустился бы в столь дальний и опасный путь. В начале второго прибыл и гражданский губернатор. Итак, произошло совершенно необычное для экспедиций и миссий событие – сами губернаторы выехали в конце концов нам навстречу.

В 2 ч. дня со стороны монастыря появились идущие пешком оба губернатора в сопровождении нескольких солдат, офицера и хоров, несших мешки с зерном, мукой, чаем, горохом и цампой. Оба были в китайских одеяниях и, конечно, в больших круглых очках. Духовный губернатор – бойкий, в темно-малиновой одежде, в тибетской лисьей желтой ламской шапке, черных очках. Другой, видимо, старше годами, с большим лицом, изрытым морщинами, в китайской мандаринской шапке и желтом халате. Разговор сразу принял довольно неприятный оттенок из-за их усмешек, наглой развязности и категоричного заявления, что можно идти или на Синин, или через Джекунда, или через Ладакх на Симлу, но ни в коем случае ни на Шигацзе, ни на Гиангцзе. Основанием для запрета маршрута через два последних пункта выставлялось отсутствие договора между Тибетом и Америкой. В случае пропуска нас на Гиангцзе или Шигацзе в Тибет, по их словам, могли бы проникнуть англичане, китайцы и русские, которые воспользовались бы этим прецедентом.

Про Тибет сановники сказали: «Надо вообще выкинуть из ума эту маленькую страну. Тибет – это бедная страна религиозных людей». Ургинский доньер не имел, по их заявлению, полномочий выдавать паспорта и хлопотать о согласии на въезд. Несомненные факты прохождения Тибета через южные границы генералом Перейрой[74] и француженкой Дэви-Неел губернаторами нагло отрицались. Разговоры прервались до завтра. Мы же начали искать какой-

либо приемлемый для нас выход. Так как путь на Китай для нас исключается, а путь в Симлу через высоты Рудоки и Ладакха необычайно длинен и труден, нам придется найти какой-то путь в обход Лхасской области на Сикким или к границам Непала.

Из разговоров выяснилось, что в Тибете произошли какие-то события, крайне враждебные по отношению ко всем иностранцам; что англичане покинули Гиангцзе и генерал Ладенла убит. Вместе с тем узнали также, что благожелательный нам Доринг-Кушо теперь в фаворе у Далай-Ламы. Между прочим, губернаторы сказали: «Поверьте, мы знаем настоящее положение Тибета и советуем вам, хотя и иностранцам, но одной с нами веры, лучший исход». О монгольском посольстве они выразились так: «Сначала мы думали, что это религиозные люди, но потом они начали другие разговоры, и мы решили их выслать». Видно по всему, что Тибет теперь в радужном, боевом настроении и упивается какими-то призрачными «лаврами», торжествует, что разделался со всеми иностранцами. Но поживем – увидим результаты этих действий, обратную сторону медали.

7/I ***Путь на Сикким через Непал.***
Губернатор знает лишь девять стран.
Губернаторы о британцах. Уверения губернатора.
Наши телеграммы опять не приняты.
«Тибету телеграф не нужен».
Телеграмма консулу Соединенных Штатов.

Ночью сильный ветер и снег, погода мягкая. Вчера при разговоре с губернаторами выяснилось, что письмо ургинского доньера Далай-Ламе, отобранное у нас на одном из милицейских постов, так и не было доставлено губернаторами по назначению. Сегодня с утра ведем переговоры

через Кончока о маршруте. В ходе длинных, мучительных переговоров и обмена записками выясняется, что губернаторы будто бы согласны на наше желание пройти на Сикким, но для этого нам предлагается сделать нелепый крюк через Тенгри-нор к границам Непала, чтобы повернуть через Кампа-цзонг и Лачен на Гангток. Это угроза лишних по крайней мере двух недель пути, но компенсируется близостью Эвереста[75] и Канченджанги[76]. Смеемся рассказу Кончока о рассуждениях духовного губернатора, который сегодня проснулся с таким государственным заявлением: «Так как Америка – Верховный Комиссар (чичаб) над всеми странами, то, пропустив американцев обычным путем, Тибет должен будет пропустить этим же путем все остальные страны (губернатор знает лишь девять стран). С другой стороны, нельзя обидеть и Америку, а потому вместо длинного пути на Ладакх надо дать другой, обходной путь». Губернаторы заявляют, что англичан удалили из Гиангцзе, Пари и Чумби, поэтому в эти места и нельзя заходить. Англичане, по их выражению, плохой народ, так как поставили им скверные ружья, а инструктора их плохо обучали солдат.

Около 1 ч. дня явились губернаторы в сопровождении майора, офицера, Кончока и старшины. Духовный губернатор как старший из двух по положению начал свою речь с заявления, что правительство Тибета пропустило бы нас через Лхасу, зная, что мы единоверцы и много помогали Тибету, но за нами пойдут тогда и другие. А потому нам разрешается обходной путь в Сикким, минуя Шигацзе и Гиангцзе, на Сага-цзонг, откуда несколько дорог ведут в Сикким и Непал. По их предположению, дней через десять мы сможем двинуться в путь. Обещают дать троих провожатых, животных, выписать продовольствие из Лхасы и снабдить письмами к губернаторам цзонгов. Заготовленные нами телеграммы в Америку, резиденту Сиккима

и американскому консулу в Калькутте не взяли, говоря, что телеграф теперь в Лхасе разрушен, так как в нем нет уже надобности. Раньше, по их словам, он был необходим для контактов с англичанами, когда на Тибет оказывали давление китайцы. Теперь же китайцы Тибет не трогают, а с англичанами тибетцы в дурных отношениях. По дошедшим до нас сведениям, теперь в Тибете одержала верх партия старого ламства, то есть наиболее реакционная и косная из всех. Конечно, телеграф разрушен, и все нововведения отменены, а такие лица, как молодой генерал Кап-шо-па, не пользуются в Лхасе никаким влиянием. Губернаторы выпросили фотографию Н.К. для отправки Далай-Ламе и, как истые дикари, вероятно, думали, что сегодня они наговорили нам столько приятных вещей, что вполне ублаготворили нас. Можно вообразить себе их искреннее изумление, когда Америка предъявит им иск за наше насильственное и такое преступно-продолжительное, со всеми губительными последствиями, задержание. Губернаторы предлагали продать им наши винтовки со ста патронами по триста нарсангов за каждую и немецкие карабины по двести нарсангов. Конечно, такие губернаторы представляют уже отживший тип китайских властей и для строительства страны, кроме вреда, ничего принести не могут. Самый облик их напоминает героев фарса доброго старого времени. Ю.Н. несколько сожалеет, что мы отказались идти на Лхасу, так как из происходящих разговоров нам ясна возможность оборота дела и в эту сторону. Н.К., напротив, радуется, что не придется вдыхать затхлый воздух этого города, утерявшего основы буддизма.

Так как губернаторы вручили нам вчера свои продовольственные подарки, сегодня мы, не желая оставаться в долгу, вынуждены со своей стороны также послать им: духовному – серебряный монгольский прибор, а гражданскому – большой бинокль. Возвращенные нам сегодня те-

леграммы в Америку и Бэйли были приблизительно уже известного, повторного содержания, седьмые по счету, о содействии нашему проходу в Индию. Телеграмма же генеральному консулу Соединенных Штатов в Калькутте была следующего содержания:

«Американская экспедиция Рериха задержана тибетскими властями три месяца в двух днях пути севернее Нагчу. Чрезвычайно критические условия. Телеграфируйте полковнику Бэйли, британскому резиденту в Сиккиме, помочь экспедиции перейти границу Сиккима. Детали об экспедиции можно получить у Луиса Хорша, Юнитар, Нью-Йорк. Привет».

8/I ***Уловка губернаторов.***
Кончок оправдывает доньера в выдаче нам паспорта.
«Англичане распространяли большевизм в Тибете».

Утром уехали губернаторы. В момент их отъезда Ю.Н. в разговоре с Кончоком выяснил, что мы должны идти вовсе не на Тенгри-нор или Намсо, как говорилось, а много севернее Чантангом на Намру-цзонг. Теперь нам остается только скорее прибыть в Нагчу и продолжать разговоры с губернаторами. Мы не должны забывать, что губернаторы исчислили наш путь в двадцать восемь дней до сиккимской границы. Послали вслед за губернаторами срочным гонцом письмо, в котором указываем на неудобство для нас намеченного ими маршрута, сильно уклоняющегося на север. При расстроенном нашем здоровье мы можем идти лишь в направлении Тенгри-нора. Кончок утверждает, что доньер в Урге был вправе выдать нам паспорт, так как до этого времени он всегда выдавал паспорта всем паломникам в Тибет.

Из ряда совершенно неповторимых изречений губернаторов нельзя не упомянуть об их утверждении, что англичане в Тибете распространяли большевизм. После всего

этого невежественного высокомерия тибетцев настало время спросить Тибет, на каком основании тибетцы и ламы приходят без паспортов в другие страны? Не пора ли им подвергнуться тому же отношению, какому тибетцы подвергают у себя чужеземцев, даже имеющих все документы? С губернаторами послали письмо Кунг Кушо Дорингу, напоминая о его словах, сказанных им Н.К. в Дарджилинге и приглашавшего приехать в Тибет. Повидав многих тибетцев, мы сомневаемся, останется ли и Доринг Кушо при своем прежнем мнении. Даже в самых простых переговорах, как показали контакты с губернаторами, можно предполагать какую-либо злостную западню. Обсуждая вопрос, почему губернаторы не хотят исполнить наше желание пройти через Гиангцзе обычной для многих иностранцев дорогой, Кончок почему-то предположил, что не обиделось ли лхасское правительство за отказ пойти в Лхасу после 24 ноября.

9/I ***Губернаторы о британцах и монголах – политика самоубийства. В Тибете нет буддизма. Предосторожности и приготовление к отъезду в Нагчу, фигура Минервы на китайских долларах и Янь Дуту. Н.К. задумывает новую картину. Кто Глава Западных Буддистов?***

Ночью опять был ветер и снег. Утром Н.К. сказал следующее:

– Решительно отказываюсь понимать, каким образом такие крупные чиновники Тибета, как губернаторы, решаются так плохо отзываться об англичанах в присутствии иностранцев, ведущих с ними официальный разговор при свидетелях. Ведь с Великобританией у Тибета имеются мирные договоры. В том же разговоре губернаторы поносят и монгольское посольство – это уже какая-то политика самоубийства.

– Не думаете ли Вы, – спрашивает Н.К., – что, помимо политического безумия, именно в Тибете остался наименьший потенциал истинного буддизма сравнительно со всеми странами, где почитается имя Учителя Будды? Как прискорбна механизация религии – механические, приводимые в действие ветром или водой молитвенные колеса, черное колдовство низших степеней извращенного тантризма, священные четки, на которых производятся коммерческие расчеты, потерявшее смысл бормотанье непонятных для невежественных лам слов, языческие гадания, ложь, пороки и лицемерие, и все те же отвратительные особенности, свидетелями которых мы сделались, вопиют о том, что высокое имя Учителя Будды не может быть далее унижаемо низкими суевериями и невежественным кощунством, явленными перед нашими глазами. Учение Благословенного Будды должно быть восстановлено и вознесено во всей его красоте и мудрости. К счастью, изучение первоисточников дает возможность снять всю пыль веков и лицемерия.

В то же время я вспоминаю многое хорошее, что я знаю о Таши-Ламе, вспоминаю умный, проницательный облик настоятеля из Чумби, вспоминаю прекрасное лицо настоятеля Спитуга в Ладакхе и трогательную фигуру старика-настоятеля в Ташидинге в Сиккиме. Не забываю и хороших монахов-живописцев из Таши-Люмпо, писавших у нас в доме картину Шамбалы, Будду Всепобеждающего и прочие священные изображения. В моей памяти всплывают еще несколько прекрасных обликов гелонгов и монахов. Знаю просвещенных ученых-буддистов Японии, Китая и Бирмы, встречал чутких лам в Монголии и Бурятии. Знаю прекрасных образованнейших буддистов Англии, Германии и Франции, преданнейших буддистов Америки. Но ведь Япония, Китай, Бирма, Монголия, Бурятия, Англия, Германия, Франция и Америка – не Тибет, а Таши-

Лама, настоятель из Чумби и монахи из Таши-Люмпо – это теперь политические эмигранты, дух которых возмутился против вспышки невежества Тибета последнего времени. Сами тибетцы шепчут, что лучшие ламы уехали. По собственным тибетским пророчествам, близится время Шамбалы и Майтрейи – время обновления духа. Перед восстановлением истинного Учения Будды показывается уродливая гримаса особого безумия и невежества.

– Под камнем Гума, – задумался Н.К., – лежит пророчество Великой Шамбалы...

А теперь нам нужно спешить в Нагчу на новый бой с губернаторами. Состояние здоровья участников Миссии не позволяет мне согласиться на предлагаемый губернаторами глупый обходной путь по высотам Чантанга и опасным перевалам. Если бы не вопрос здоровья, то можно было бы с большим интересом пройти по всем указанным нам пограничным цзонгам. Опять политическое безумие – вести иностранцев по длинному малоизвестному пути, касаясь северной границы Непала, через все убогие укрепления, вместо того, чтобы провести их общеизвестной всей европейской литературе кратчайшей дорогой через Гиангцзе–Чумби. Без всяких преувеличений – наши лекарства кончились, и мы должны выйти из тибетского плена.

Сегодня Н.К. отдал распоряжение о том, чтобы Кончок и Г. закупали в эти дни возможно большее количество всякого продовольствия – не исключено, что губернаторы в Нагчу станут стеснять нас в доставке продуктов. Кроме двух уже проданных губернаторам карабинов-маузеров, Н.К. воспротивился продавать тибетцам что бы то ни было из оружия. Он говорит: «Вокруг дома, приготовленного нам в Нагчу, как говорят, есть стена, а стена без винтовки за нею немного стоит». Как видите, мы готовы ко всяким выпадам со стороны тибетцев. Сегодня размещали по четырем ящикам остатки китайского серебра, причем обра-

щали на себя внимание синьцзянские доллары с античной фигурой Минервы, окруженной классическим греческим орнаментом и с английской надписью – «один доллар».

Н.К. вспоминает губернатора Синьцзяна, пресловутого Янь Дуту, и говорит, что «не могло произойти большего несоответствия, чем сочетание классической Минервы с пресловутым мздоимцем-утеснителем Янем. Такова ирония жизни!» Н.К. соприкасался со столькими деятелями Азии, что для него они сошли со страниц литературы в явь жизни.

Вспоминая о настоятеле монастыря Ташидинг, Н.К. рассказывает о своей задуманной картине:

– Старик-настоятель описывал нам недавно происшедшее с ним замечательное событие. Старик всегда спал в большом дуканге (храме) монастыря. Здание было уже ветхое. Однажды среди глубокой ночи две женщины в тибетских одеяниях вошли в храм, несмотря на запертые двери. Они разбудили глубоко спавшего настоятеля и вывели его из храма. Вслед за ними рухнула боковая стена, и ложе настоятеля оказалось раздавленным тяжелыми обломками. Старик поясняет: «Две Тары пришли спасти меня». Это было в 1924 году. Разве это не дает прекрасный сюжет картины, как две благие Тары спасают достойного настоятеля от гибели? И разве этот сюжет не характерен для современного Тибета, когда ветхие, потерявшие устои стены рушатся, и лишь немногие, действительно достойные люди могут быть спасены от гибели. В моих заметках о Сиккиме я упоминал об этом настоятеле, который и сейчас стоит передо мной как характерное изваяние XV века. Он обладает частичным ясновидением и яснослышанием. Я очень благодарен подобным немногим положительным типам людей, встреченным около Тибета, – они дают мне возможность высказать осуждение современному Тибету по справедливости.

Итак, даже здесь, среди повседневных забот и гибельных условий жизни, Н.К. мыслит о реальных делах будущего. Кто же избран в Америке 24 ноября минувшего 1927 года Главой Западных Буддистов? Не есть ли это Н.К.? Задуманная Н.К. картина, выражающая судьбу Тибета, вызывает в памяти другую картину – «Вестник», находящуюся в Мадрасе, так близко связанную с судьбами Индии.

10/I ***Места, упоминаемые Великими Махатмами. Идеал Карма-йоги.***

В последние дни становится теплее, на гранитной скале воркуют голуби, бегают суслики и зайцы, где-то по утрам кричит горная курочка и на вершинах противоположных гор появились антилопы.

Н.К., вспоминая предложенный нам путь по северу Непала, говорит:

– Ведь по этим самым местам проезжали Великие Махатмы. Важно вспомнить, что в их собственных рукописях встречаются упоминания окрестных мест. Упоминаются места к северу от Шигацзе. Говорится об их остановках в Кампа-цзонге. Упоминаются ашрамы в Сиккиме. Упоминается пребывание в Дарджилинге, Ладакхе и в Кашмире, не говоря уже о разных местах собственно Индии. Но нигде, решительно нигде не упоминается Лхаса и даже нет намека, чтобы кто-либо из Махатм когда-либо бывал там. Если там и были, как говорят, какие-то подземные ходы, то они давно уже засыпаны. И не только Великие Махатмы, но даже и наиболее развитые монахи не остаются в Лхасе, но идут туда, где чистая прана способствует развитию сиддхи.

– Как замечательно, – вспоминает Н.К., – описание ашрама, временно бывшего в Сиккиме, – какая простота и какая неожиданность среди зарослей старинных лесов.

Я спросил Н.К.:

– Как вы думаете, когда мы с вами расстанемся?

– Теперь уже осталось недолго, и для каждого начнется новый период его работы...

Из этих рассказов Н.К. становится совершенно ясно, что Лхаса остается совершенно вне тех ценностей, которые составили истинное сокровище, известное лишь очень немногим. Е.И. опять читает *«Идеал Карма-Йоги»*, и опять в словах Веданты звучит призыв к новому и близкому, все к тому же, что готовится прийти в мир.

11/I ***Цинга в лагере. Сильный ветер после полудня. Проекты домов будущего «Города Знания». Новое медицинское удостоверение. «Бабушки-начальники».***

Опять морозы. Состояние здоровья людей лагеря ухудшается. Серьезно болеют торгоуты Очир и Манчжи. Не спит ночами от цинготной зубной боли П.К. По-прежнему не выходит из палатки Н.В. Сегодня получено известие, что ушедший от нас два месяца назад лама Малонов очень плох – ослабело сердце, появились сильные отеки, – едва ли выживет. Продолжать пребывание в этой отвратительной стране значило бы подвергать всех неминуемой смерти.

После двух часов дня поднимается сильный холодный ветер, засыпающий глаза пылью и снегом, рвущий палатки до позднего вечера. Сегодня опять будем ускорять сбор яков для каравана, которых потребуется не менее сотни. При нищенском положении страны старшины уже чешут себе затылки от такой цифры. Н.К. говорит, что особенно нелепо видеть, когда нищий имеет замашки богача. А в Тибете, как мы убедились, ни материального, ни духовного богатства нет. Обнаружили еще одного цинготного больного – тибетца Кончока, который сказал, что места эти во-

обще плохие и в окружности хоры болеют цингой. У Е.И. и Н.К. замечаются, кроме исхудания тела, еще и признаки истощения. Ю.Н. очень нервен.

Вчера и сегодня Н.К., Е.И. и Ю.Н. чертили проекты домов будущего «Города Знания». Заготовлено новое медицинское удостоверение для нагчуских губернаторов следующего содержания:

«Настоящим вновь подтверждаю, в дополнение к удостоверению моему от 18 ноября минувшего года, что вследствие долгой стоянки на морозных высотах около ста дней в состоянии здоровья членов Миссии и людей каравана произошло за последние дни резкое ухудшение. Кроме сильного упадка сердечной деятельности, простудных заболеваний и общего истощения, появились заболевания цингой. Все это указывает на необходимость немедленного продвижения кратчайшим путем на юг в Сикким для восстановления здоровья в культурных условиях жизни. Дальнейшее задержание Миссии на высотах в таких гибельных условиях может рассматриваться как покушение на жизнь ее членов».

Наши торгоуты, казалось бы не принимающие участия во всех событиях нашей жизни, проявили наблюдательность, юмористически охарактеризовав приезжавших губернаторов – «бабушки-начальники».

.12/I

Н.К. о методах Востока.
Тайное сообщение о подкупности губернаторов.
Болезни в лагере. Губернаторы скрыли письмо доньера, адресованное Далай-Ламе.

Утро очень морозное, с порывами ветра. К середине дня ветер обычно усиливается. Н.К. вспоминает о восточных методах, с помощью которых могут быть видимы прежние воплощения: «Садятся в спокойную позу, с прямым положением позвоночника, и выбирают определен-

ный угол зрения. Лицо, на которое смотрят, находится также в неподвижном положении на расстоянии 5–6 шагов. Если прочие условия удачны – нет шума или других поражающих случайностей, то явление может начаться через 10–15 минут. Рассматриваемое лицо окружается как бы светящимся туманом, цвет его бывает разнообразен, затем замечается как бы изламывание черт лица. Некоторое время оно пребывает в хаосе новых линий и комбинаций, а затем, если ничто внешнее не помешает, неожиданно начинают устанавливаться новые формы иногда одного лишь лица, а иногда и всей фигуры. Часто это изображение бывает настолько непохоже на сидящего, что никакие аналогии не могли бы объяснить происходящее превращение. Если силы не истощены и по-прежнему ничто не мешает, то через некоторое время опять появляется туман иного цвета, заволакивает фигуру, и начинается опять тот же процесс новой перестройки. При удаче можно наблюдать до 3–5 преобразований. Свет для этого явления, по-видимому, лучше искусственный, довольно спокойный, рассеянный».

Для объяснения чисто внешней стороны всех вышеприведенных Н.К. явлений достаточно, конечно, знать оптические физические законы, и все станет внешне объяснимо, но, чтобы привести в действие эти законы, надо учесть самое краеугольное понятие, а именно: участие психической энергии. «История и археология помогают потом научно установить детали и поражающе точное историческое основание появляющихся образов», – замечает Н.К.

А через минуту Н.К. уже целиком поглощен решением самого насущного вопроса – как нам скорее достать караван яков. Получено тайное сообщение, что за кусок парчи лама-губернатор согласен устроить желательный нам краткий проход вместо нелепого обходного пути. Таковы нравы – увидим по приезде в Нагчу! Майор говорит, что

действительно все вышло для тибетцев так нехорошо – тут были и болезни, и смерть, и всякие неприятности. Мы же добавляем, что всякое вопиющее несправедливое отношение и вызывает такие последствия. О характере отношений между начальством и населением можно судить из того факта, что на требование майора дать нам за плату одного яка население ответило отказом. Ю.Н., приоткрыв палатку, показал солдату спящего П.К. с распухшим и повязанным лицом. Солдат ужаснулся, а когда Ю.Н. сказал, что вследствие поступков тибетского правительства нам придется потребовать несколько носилок (дэнди) по двенадцати человек на каждые, то по лицу солдата прошла даже судорога.

Сегодня все больны. Н.В. лежит с острым расстройством кишечника, у Н.К. пульс слабого наполнения, 120 ударов, у меня сильная сердечная слабость и головная боль. Пришлось и нам с Н.К. принять дигиталис и прилечь. П.К. лежит с цингой и периоститом верхней челюсти. Среди людей каравана простуда. Ожидаем каравана яков не ранее 16-го числа, так как послали старшин за более сильными животными за Тан-Ла и в К'ам. Кончок говорит, что гораздо большее значение имеет для нас не паспорт, выданный доньером в Урге, а его письмо, которое было адресовано Далай-Ламе и самовольно задержано нагчускими губернаторами. Этот грубый акт произвола не должен быть забыт. Не в нем ли кроется одна из главных причин всего происшедшего?

Любопытно отметить, что губернаторы не скрывали и при свидетелях, что это письмо было ими получено, но не отправлено Далай-Ламе. Для всех конфиденциальных разговоров с нами губернаторы избрали Кончока, бывшего ранее ламой в одном из тибетских монастырей вместе с духовным губернатором. Однокашники! Поучительно испы-

тать степень подкупности сановников Тибета, к тому же духовных.

13/I ***Путь, предложенный нам губернаторами, невозможен. «Вышивка по золототканой парче».***

Менее холодный и до полудня почти безветренный день. С вечера и сегодня утром у Н.К. замечаются боли в области сердца. Один из возвратившихся старшин сообщил, что яки прибудут к 16 января, но животные настолько слабы, что путь до Нагчу могут пройти лишь в четыре дня. Тот же старшина сказал, что от Нагчу до Сага-цзонга не менее сорока дней пути и что около Тенгри-нора цзонгов нет и много снега. Значит, и обстоятельства, и состояние здоровья толкают нас на тот же кратчайший путь через перевал Дам-ла на Гиангцзе. «Можно себе представить, что нам будет стоить докончить в этом направлении переговоры, но, может быть, их придется "вышить на золототканой парче"», – говорит Н.К. По полученным нами уже в Тибете сведениям, в 1924 г. доньером в Урге был выдан паспорт некоему Б., который благополучно доехал до Лхасы и прожил там несколько месяцев. С тех пор полномочия ургинского доньера не изменились, и никаких инструкций, как нам известно, за это время относительно порядка выдачи паспортов он не получал. Это дает право еще раз утверждать, что задержание наше основано лишь на полном произволе и не имеет под собой законной почвы.

14/I ***Донесение о нас губернаторов Далай-Ламе. Отвратительные похоронные обряды, поощряемые Далай-Ламой.***

Тибет, видимо, желает показаться перед нами во всей своей канцелярской процедуре. Опять тайным образом мы узнали содержание бумаги, написанной о нас губернатора-

ми Далай-Ламе. В бумаге значится, что «девять больших людей из великой страны Америки были на три месяца без всякого смысла задержаны генералом. Эти люди потеряли весь караван, больны, без лекарств, и деньги у них кончились. Они не знают пути и выбрали дорогу через Намру и Сага-цзонг в Сикким. Ввиду длительности и неудобства этого пути просим Ваше Святейшество указать им более короткий путь. Эти люди – буддисты и много помогали тибетцам. Длительный путь тем труднее, что при снежной зиме и падеже животных было бы невозможно составить новый караван». Разве это не лицемерие и не клевета на генерала! А сообщение о том, что европейцы не знают пути и сами выбрали путь, по которому Сикким недостижим! Предполагаем выступить в Нагчу 17 января, если яков пригонят накануне. Понемногу начинаем собираться в путь, укладывая вещи.

Во время обеда приходил наш солдат Дава Дондуб, от одежды которого шел отвратительный трупный запах. На днях он разрезал по обычаю труп покойной «намо» – жены майора – и очищал кости от мышц; потом все было унесено на гору против монастыря на съедение собакам и птицам. В Лхасе на кладбище трупы рассекаются на больших каменных плитах, причем грифы и вороны, живущие на кладбище, слетаются большими стаями и хватают из рук лам куски мяса. Существует обычай валяться на этих плитах для здоровья. Цыбиков в своей книге о Тибете сообщает, между прочим, что ныне живущий Далай-Лама также исполнил этот обычай. Если уж тибетцы считают такое соприкосновение с местом рассечения трупов полезным для здоровья или даже целебным, то нечего удивляться на собак, которые трутся о падаль и тоже валяются на ней. Кто у кого перенял этот обычай – собаки у тибетцев или тибетцы у собак? Вечером приходил молодой хор и, притопывая ногами, пел песню, в которой говорилось о

нашем счастливом выступление отсюда, пожелании в пути всякого успеха и благополучного прибытия в Индию.

15/I ***Письмо губернаторов. Тантрик и вихрь. Ночью сильный ветер. Утром –6° С.***

Наши ламы решили по прибытии в Нагчу хлопотать о допущении в Лхасу, где предполагают пробыть не более месяца, чтобы этой же весной двинуться в Кумбули. Очевидно, и на них Тибет произвел отталкивающее впечатление. От губернаторов из Нагчу пришло письмо, в котором «бабушки-начальники» в весьма витиеватой форме, с припаданием к стопам Великого Посла Америки, извещают о получении ими нашего письма с дополнительными указаниями желаемого маршрута на Сикким и о том, что оно препровождено ими в Лхасу. Переговоры же они продолжат в Нагчу. Вероятно, замечает Н.К., это будет происходить за парчовой завесой, кусок которой они сами же ценят не менее тысячи янчан. От солдата мы узнали, что майор желал бы тоже получить подарок. Это тот самый майор, который ничего для нас не сделал, пьянствовал и глумился над болезненным состоянием Е.И. Это уже не лицемерная наглость.

Под вечер элемент комического – тантрик сделал на нас карьеру. Он взят губернаторами Нагчу, чтобы там сделать приятную для нас погоду. Это мы ощущаем здесь в виде неприятнейшего, но обычного в это время года в Тибете вихря, который местными людьми всецело приписывается действиям тантрика, разгоняющего снеговые тучи. Можно себе представить, как он свирепствует сейчас в угоду губернаторам на всех своих свистульках из человеческих бедренных костей. Говорят, яки завтра не придут; значит 17-го мы не выедем.

16/I ***День сборов. Основная цель Миссии. Н.К. о Бульвер-Литтоне.***

Сегодня день сборов, мелких расчетов между тибетцами и нашими монголами за аргал и разных хозяйственных путевых соображений и заготовок.

Основная цель нашей Миссии – изучение буддизма и собирание художественных и археологических материалов – привела к нынешним наблюдениям и выводам о ламаизме в Тибете. Насколько мне стало ясно из заключений Н.К., понятие буддизма в мире укрепляется, ламаизм же более не входит в эволюцию. Где же те человеческие, трогательные проявления внимания и уважения, которые мы ожидали встретить на тибетской территории в течение четырех месяцев? Даже из монастыря перестали приносить нам книги не потому, что мы иностранцы, а потому, что признали в нас буддистов. И потом эта явная рознь между народами, старшинами и властями, и эти бесстыдные наговоры нам, иностранцам, друг на друга! С утра ветер. Ночью было тихо, лишь под утро кричал пугач: «Пугу, пугу», да взвизгивали собаки.

На днях получено известие, что Кунг Кушо Доринг умер, а при Далай-Ламе находится сын его, к которому и попадет наше письмо. По поводу существующей молвы о смерти Доринга, знакомого Н.К. еще по Дарджилингу, Н.К. вспоминает о посещении его участниками экспедиции на Эверест, а также семьей лорда Литтона, бенгальского губернатора, замещавшего потом вице-короля Индии. Об этой семье Н.К. отзывается с большой симпатией, вспоминая знаменитого предка – Бульвер-Литтона, оставившего столько глубоко значительных произведений. «Положительно, – добавляет Н.К., – Бульвер-Литтон обладал рядом несомненных сведений из Высоких Источников. Какие интересные лица соприкасались с периодом королевы Виктории!»

17/I

Животных все еще нет.
«Пора спешить в Нагчу, чтобы поразить дракона».
Приход хоров и последние покупки. «Да живет все живущее!»

Утром в палатке –8° С. Пал еще одни мул от желудочной боли. Должны были сегодня выходить в Нагчу, но животные еще не пришли – по слухам, были вчера уже в Чу-наргене. Н.К. говорит: «Пора, пора спешить в Нагчу к губернаторам. Чтобы поразить дракона, надо подойти к нему на длину меча». Потом Н.К. улыбается: «За эти три месяца мы очень многое узнали – от величайших до низших источников. А что если кто-либо догадается, что за эти три месяца мы вовсе не стояли, а ездили по самым неожиданным местам? Ведь люди бывают так догадливы и часто знают о вас больше, нежели вы сами о себе».

Толпами приходили хоры – мужчины и женщины – продавать сушеных баранов и молоко. Приезжал даже молодой лама в красном колпаке, у которого мы перестали что-либо покупать за его особую несговорчивость в ценах и скаредность.

На этот раз он привез небольшую медную статуэтку Тары, долго торговался и продал ее наконец за четыре янчана и несколько шо, обещая сегодня же доставить намтар, то есть сказание об основателе секты бон-по, и его изображение. Характерно навязывание покупки священных предметов со стороны ламы. Хоры клали перед ламой земные поклоны, он же возлагал на их головы руку.

До половины дня пришла только небольшая часть яков. В 3 ч. дня вместе с поднявшимся холодным ветром пошел снег, продолжавший идти до 4 ч. 30 м. дня. По поводу сушеных баранов, заготовляемых в больших тибетских монастырях на зиму в количестве нескольких сотен штук, мне вспоминается вегетарианская столовая, которую приходилось посещать. На стене в столовой красовалось

изречение: «Да живет все живущее!», и все многочисленные посетители столовой искренне были уверены, что этот прекрасный принцип руководит буддистами-ламаистами Востока, а уж в больших монастырях завет этот соблюдается с особой строгостью. Тибетская действительность разочаровывает каждого, ищущего священной тайны, особенно в Лхасе.

18/I ***Новая задержка выступления.***
Вымогательство старшин. Болезнь майора.
Приобретение ценного намтара секты бон-по.

Погода благоприятствует нашему выступлению – в палатках -7 ° С. Но, как видно, торжественное шествие Тибета мимо нас не кончилось. Прошли генералы, офицеры, губернаторы, доньеры, чиновники и писари, солдаты и купцы, и каждый оставил после себя обличительную карточку. Теперь пришла очередь старшин. Мало того, что яков нам не показали, но с утра старшины заявили, что они идти не желают. Через час, однако, нам было объявлено, что они пойдут только после приезда какого-то «старшего старшины». Не прошло и часа, как получили сведения, что они вообще сегодня не пойдут, каравана не дадут, а будут рядиться о цене, хотя цена до Нагчу всем известна – в зимнее время два нарсанга за яка. Словом, получив от нас за стодневную стоянку более четырех тысяч янчан серебра, которого они раньше вообще здесь не видели, уморив на стоянке наш караван, они теперь собираются угрожать, шантажировать и вымогать. Таким образом, оказывается, что власти Тибета – это «по Сеньке и шапка». Можно представить себе наше настроение, когда после долгой стоянки мы уложили все наши вещи, встали в 7 ч. утра, чтобы грузиться, а вместо этого столкнулись с отвратительным вымогательством. Н.К. говорит, что пребывание в

этой стране лицемеров, вымогателей и мздоимцев превышает всякие человеческие силы. На наш зов майор сегодня не пришел, не появляется также и солдат. Очевидно, нас ожидает еще какой-нибудь сюрприз в смысле вымогательства. Только что узнали, что за лошадей просят по 25 нарсангов до Нагчу; о цене же на яков пока молчат.

Майор якобы наказал палочными ударами четверых старшин и поставил их под ружье во дворе монастыря. Удивительно, что он может наказывать старшин палками, распоряжаться же ими не может, так как приказания они получают через своего старшего.

В 4 ч. дня явился наконец майор со всеми старшинами. Начались утомительные разговоры о том, что будто бы обещано было везти нас через 14 дней, а не через 10 после отъезда губернаторов и что путь до Нагчу может быть пройден только в пять дней. В конце концов решено выступить завтра и идти четыре дня. Деньги за сто яков по два нарсанга потребовали вперед. От наемных лошадей мы отказались, так как запрошена была непомерная цифра – по 25 нарсангов, то есть стоимость лошади. Поехали на своих верховых лошадях. Большая часть яков уже доставлена в лагерь. Для погрузки их дают в дорогу по четыре хора на двадцать пять яков. Майор, не дождавшись конца переговоров, ушел, не прощаясь. Выглядит очень плохо – от пьянства на лице появились отеки и, видимо, простужен – насморк и кашель.

Сегодня сильный и холодный ветер, несколько раз поднималась метель. Майор объяснил сегодняшний ветер скоплением большого числа людей. К вечеру в лагере сумятица от людей и яков. Явился лама, предложивший за один янчан остановить снегопад. На отъезде сделано ценное приобретение – куплен старый рукописный намтар, жизнеописание основателя секты бон-по. Все мы теперь живем надеждой, что завтра двинемся в путь и перестанем

видеть хорских старшин. Разговор принимал иногда такой тягостный характер, что Ю.Н. пришлось дважды заявлять о нашей готовности отказаться временно от выезда отсюда и остаться на иждивении населения. Старшины пробовали указывать на тяжесть некоторых грузов, но оказалось, что даже Людмила поднимала их одной рукой.

19/I ***Выступление в Нагчу. Соседство голоков и панагов. Н.К. о Рае – путешественнице по Азии.***

Начали вставать с 6 ч. утра, до рассвета. В 8 ч. хоры принялись разбирать грузы по якам. Вышли в 10 ч. утра по ущелью вдоль реки Чу-нарген. Н.В. после трехмесячного добровольного лежанья в постели и небольшой простуды очень слаб. Шло всего 130 яков под грузом и хорами до 1 ч. дня. Прошли не более 12 верст. Остановились в неожиданном соседстве с лагерем голоков и неподалеку – панагов, идущих в Лхасу. Хоры уверяют, что в этой местности ни голоки, ни панаги никаких агрессивных действий не проявят.

Н.К. смотрит на меньшего члена каравана, Раю, храбро воспринимающую окружающую действительность, и вспоминает, что тринадцатилетняя путешественница, пройдя через всю Азию плакала во время пути только два раза – один раз в Шарагольчжи во время потока и второй раз во время бурного вечера после Нейчжи, когда внезапно умер лама и ожидалось нападение панагов. «Но, – добавляет Н.К., – сущность этих двух эпизодов является вполне достаточным оправданием для слез тринадцатилетней путешественницы».

По обыкновению после 1 ч. дня начался ветер со снегом. П.К., проведший по болезни в палатке безвыходно восемь дней, сегодня неосторожно слез с лошади и шел

некоторое время пешком, за что и поплатился общей слабостью. Сегодня хор, ведший лошадь Е.И., несмотря на вьюгу, все время шел, сбросив шубу, с обнаженным правым плечом и, как обычно, без шапки. Снега по дороге больше, чем в Шаругоне.

20/I ***Снежный вихрь. Глубокий снег в пути. Век Матери Мира.***

С половины вчерашнего дня и в особенности ночью свирепствовал снежный вихрь, гудевший и сотрясавший палатки. Вышли в 9 ч. 30 м. утра, так как предстоит перейти перевал нагчуских гор – Тасанг-ла. Трудная дорога по кочкам, покрытым сплошной снежной пеленой. Даже сильные, рослые яки шли иногда по брюхо в снегу и, устав, останавливались или ложились. Лошади также вязли в снегу, оступаясь и скользя по кочкам. Н.К. по поводу удручающего однообразия плоскогорья заметил, что оно может напоминать разве только зимний Такламакан.

Тибетское правительство, на стоянке державшее нас под надзором солдат, в дорогу не дало никакой охраны, и потому мы сегодня прошли бок о бок с настоящими голоками, головы которых были украшены характерными высокими шапками и с лицами, не внушавшими доверия. Стан панагов остался слева. Панаги везут с собой большое количество товаров, преимущественно чай. Наши хоры смотрели на них очень подозрительно. В 2 ч. дня остановились на снежном холме – ни травы, ни аргала, старшина хоров куда-то уехал.

Сегодня Людмила встала в 5 ч. утра и спрашивала, не будить ли монголов? По этому случаю Н.К. замечает: «Истинно, настал век Матери Мира».

21/I ***Скользкий путь. Опасное падение лошади Н.К. Тяжелые условия пути. Этика тибетцев. Страна нибелунгов. Хоры едят мороженое мясо и снег.***

Настоящий зимний поход в Тибете – те же глубокие снега, то же однообразие и безотрадность. Бесконечная нагорная тундра. Под свежевыпавшим снегом чувствуется лед. Сегодня, проходя по льду двух озер в долине Цомра, лошадь Н.К. поскользнулась и опасно для Н.К. упала на правый бок; вовремя вынутая из стремени нога предотвратила последствия падения лошади.

За сегодняшний день выяснилось, что никакой длительный путь на тибетских уртонах невозможен. Самая большая тибетская караванная дорога представляет кочковатую снеговую целину. Ни аргала, ни стоянок, ни охранительных постов не имеется. Приходится останавливаться по колено в снегу, расчищая по возможности снег, – без воды и без аргала. По счастью, воду с успехом заменяет снег. Если такие условия пути существуют вблизи двух губернаторов и Хорчичаба на самой большой проезжей дороге Тибета, то что же дальше?

Кончок не догнал нас, как обещал, при нашем выезде из Шаругона; майор тоже остался там и не дал никакой охраны. Старшины указывали нам, что на каждой остановке будет аргал, почему мы и взяли его только шесть мешков. Этим старшины подтвердили наше убеждение, что тибетцам верить невозможно. Ту же лживость они проявили, уверив нас, что для перевозки нашего багажа потребуется сто тридцать яков. На самом же деле в пути оказалось всего сто четыре яка, из которых четверо были нагружены тибетским грузом, а пятеро были запасными и шли без груза. Такова этика страны, дожившей до необходимости пересмотра своих устоев. Сейчас у палатки стоят

двое лам из Амдо. Неужели их лица выражают начитанность и знание? Лишь бы уходя не наплевали на пол. Отсутствие какого бы то ни было топлива совершенно не беспокоит хоров, так как они при нас едят в пути сырое мясо и снег. Все время в пути на высотах хоры идут пешком за яками и нашими лошадьми по глубокому снегу. Н.К. говорил об императорской китайской дороге, теперь местами превратившейся в узкую тропу. Что же тогда сказать про тибетское бездорожье в двухстах восьмидесяти верстах от Лхасы?

Эти картины бесконечных равнин и холмов нагорья, покрытых белой пушистой пеленой снега, когда в воздухе порхают на ветру снежинки и небо затянуто белыми снеговыми тучами, не пропускающими лучей солнца, напоминают мне сказочную страну нибелунгов. Сами хоры, шагающие на тонких ногах по глубокому снегу, в шубах, с овальными, благодаря особому покрою, паучьими спинами, представляются маленькими сказочными существами в этой стране снегов.

Сейчас наблюдали мирную картину едящих хоров. Шесть человек – четверо мужчин и две женщины – сидели вокруг очага, где в медном котелке был чай; каждый из них держал в руках кусок мороженого мяса – ребро, сердце и другие части туши, отрезал ножом куски сала и мышц и с аппетитом поедал их так, как мы едим ветчину, полендвицу и другие копчености. К вечеру лагерь принял красочный вид благодаря появлению из двух соседних лагерей амдосцев и голоков; среди них несколько лам в разноцветных одеяниях с преобладанием желтого и красного цветов.

При прохождении местности Цомра мы положительно убедились, что совет послать наших животных в Цомра, где якобы большая трава, был коварен. Очевидно, хотели

разлучить нас с караваном и потом погубить животных, правильно рассчитав, что они должны пасть здесь от бескормицы.

22/I ***Н.К. о сознании тибетцев. Смерть ламы Малонова. Боевой клич голоков и ответный – хоров. Указ тибетского правительства о запрещении убивать мускусных баранов.***

Встали в 6 ч. утра при сильном морозе – в палатке было –23° С. Вышли на восходе солнца в 8 ч. 20 м. Вскоре значительно потеплело, и ехали уже при жарком блеске яркого южного солнца на нежно-голубом небе. Опять глубокий рыхлый снег и кочки, нагорья и холмы. Мохнатые яки с пушистыми хвостами шли по брюхо в снегу, часто останавливаясь; один пристал и брошен в дороге. Местность более населенная – часто попадаются аилы, где покупали аргал по 7 шо за мешок.

В пути нас нагнал солдат майора, а потом сам майор, которые сегодня же вечером будут в Нагчу, чтобы предупредить о нашем приезде и приготовить обещанное помещение.

По поводу тибетской тропы Н.К. замечает: «Прямота поступи является одним из признаков развитого сознания, но бессмысленные зигзаги тропинок Тибета – не характерны ли они для состояния сознания тибетцев?»

В 5 ч. дня появился Кончок, сообщивший, что из Шаругона он выехал вместе с майором третьего дня. Первая их остановка была в Чу-наргене, где в дороге скончался лама Малонов. Смерть Малонова является примером того, как люди губят сами себя. Много раз, когда еще он был на службе Миссии, мы убеждали его не сидеть целые дни неподвижно в палатке и не пить бурятских «задачек», состав которых был ему неизвестен, но губительный резуль-

тат которых мы видели на ламе Ринзине, который обращался по секрету к Малонову, ни разу не обратившись ко мне. Он весь отек, и если б не был отослан в Цомра для пастьбы верблюдов, то разделил бы участь Малонова.

Прошлой ночью из лагеря голоков слышался их боевой клич: «Ки-ку-хо!», на что наши хоры отвечали вагнеровским возгласом: «Хей-я-ха!» Сегодня выяснилось, что оба стана демонстрировали свою бдительность на всякий случай.

Кончок привез нам свежий препарат тибетского мускуса, причем сообщил, что приезжавший летом в Чу-нарген Хорчичаб объявил населению указ правительства о запрещении стрелять мускусных баранов. Мускусный мешок, доставленный нам, Кончок получил от одного из старшин, убившего барана в К'аме, недалеко от Шаругона. Кончок очень резко отзывался о майоре, который ничего не сделал для удобства нашего переезда. Сегодня в 1 ч. 40 м. пополудни пришли на стоянку – кругом опять глубокий снег. Яки запоздали и пришли не ранее 3 ч. дня. Вечер холодный – до заката солнца уже –10° С в палатке.

Часть IX

НАГЧУ

Штаб экспедиции в Нагчу.
Американский флаг, впервые поднятый во время экспедиции.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

23/I ***Резкий мороз более –40° С. Отроги Трансгималаев на горизонте. Нагчу-цзонг. Дом, отведенный нам в Нагчу. Лама-торговец. Любознательность духовного губернатора.***

Настоящее арктическое бедствие – мороз более –40° С, даже замерз коньяк «Мартель», все аппараты и винтовочные затворы. Ничего подобного этому холоду никто из нас не переживал. В палатках все небывало заиндевело и замерзло – подушки, одеяла и вещи обледенели. Вылезли из спальных мешков лишь с восходом солнца, но и то в палатках было ниже –20° С. Это еще раз нам доказало, что предложенный губернаторами путь в направлении Ладакха по Чантангу на цзонги севернее Тенгри-нора надо рассматривать как очередное проявление тибетской бесчеловечности! Оказалось, что сведения, данные нам тибетцами о расстоянии до Нагчу, по обыкновению неверны. Оставшийся путь мы прошли менее чем за час. На горизонте заметили первые отроги Трансгималаев. Вдали показался Нагчу-цзонг – груды незамысловатых серых глинобитных квадратов, увешанных грязными изодранными тряпочками, растянутыми в виде паутины. Направо на горе отдельно стоит женский монастырь. По склонности тибетцев ко лжи, хвастовству и преувеличению, название Нагчу «цзонгом» оказалось не только неверным, но и невероятно преувеличенным. Никакой крепости в Нагчу, конечно, не оказалось – духовный губернатор живет в мужском монастыре, другой – где-то в китайской фанзе. Строения, разбросанные в полном беспорядке, оказались обычными китайскими фанзами, окруженными глинобитными стенами, – вот и вся «крепость» Нагчу. Дом амдоских купцов, отведенный для нас, по-видимому, лучший здесь, имеет четыре прескверных помещения, которые нельзя назвать даже комнатами. Печей, разумеется, нет. Окна китайские, заклеенные бумагой или затянутые частью далембой (бумаж-

ной материей); двери не затворяются. И это в такой ужасающий мороз! Ю.Н. и П.К. предпочли поселиться на дворе в летних палатках.

Пол в помещениях глинобитный, стены из глины и камня – сырость и холод. Ходили в две здешних лавчонки. Хозяин первой – лама; лавочка – небольшая комнатка в фанзе во дворе с застекленным окном, имеется чугунная печка, тепло. Хозяин сидит на низенькой постели у окна, пьет тибетский чай, не обращая внимания на покупателей. Продают товар его сын (или родственник) и женщина. Направо от входа у стены автоматический молитвенный барабан, в шкафике за стеклом статуэтки Тар, на стене танки Шамбалы, которые он наотрез отказался продать. (Н.К. считает эту версию Шамбалы необычной. Изображен Владыка Шамбалы – Ригден-Джапо, окруженный своими соратниками). Товар мелкого торговца – бусы, четки, пудра, вазелин в баночках, монпасье, изюм, китайские макароны и тибетские или китайские хлопчатобумажные ткани резких, кричащих тонов. В другой лавке – толстая старая женщина-тибетка, но танок здесь нет, они заменены современными этикетками от конфетных коробок. Товар такой же, но значительно дешевле, приблизительно на треть. Лама оценивает свой труд дороже.

Жить в Нагчу можно, несмотря на холод помещения, лишь в зимнее время, когда все нечистоты вокруг стен фанз скованы морозом. Великое счастье, что мы не стояли здесь, а идем теперь только проходом, рассчитываем пробыть здесь не более трех недель. Ю.Н. был сегодня у духовного губернатора, ответ из Лхасы ожидается через десять дней. Н.К. сравнивает наш дом лишь с худшими китайскими фанзами, говоря, что сартские дома, а тем более ладакхских крестьян ни в коем случае не могут даже сравниваться с отведенным нам помещением. Сегодня приходил тибетец справляться, нет ли среди нас тантрика, который мог бы уничтожить снег; а губернатор справлялся,

нет ли у нас с собой такого аппарата, которым «можно было бы видеть все города». Интересно бы узнать, какова была при этом затаенная мысль этого губернатора. Здесь говорят, что такого снега, как в эту зиму, не было уже сто лет. Народ опять-таки приписывает это отношению Тибета к Миссии.

24/I ***Приспособление дома для жилья. Государственные вопросы, разрешаемые губернаторами. Американский флаг в Нагчу. Ламы разочарованы Тибетом. «Тибетский дворянин, живущий не хуже американцев».***

Занимаемся устройством и утеплением помещений. Несмотря на поставленную в одном из них железную печь, в помещении утром было при затопленной печке –11° С. Опять ходили утром по местным лавчонкам, закупая рисовые китайские макароны, китайскую бумагу для заклейки окон, урюк, гвозди и подобные мелочи.

Сегодня у губернаторов судебное разбирательство между женским и мужским монастырями. В то же время будет решен вопрос «большой государственной важности» о сдаче нам в наем двух железных переносных печек. Впервые взвился в Нагчу над нашим фортом в 12 ч. дня американский флаг! Наши ламы, видимо, разочарованы Тибетом – Кедубу не понравился здешний мужской монастырь. Он и Ламаджан думают уходить из Тибета в кумбумский монастырь, а харчинский лама заявил, что он идет в Индию. Прощание ламы из Харчина с Н.К. было трогательно. Н.К. напутствовал его изображением Будды Всепобеждающего, а лама просил портрет Н.К. для ношения на груди и заявил о своем твердом желании встретиться еще раз. Правительственные винтовки снова привезли к нам на двор – тибетцы не могут все еще удосужиться принять их.

Мы знаем Н.К. как гениального художника, деятеля просвещения и основателя многих крупных учреждений,

но мы не знаем, в каких странах носят на груди портрет его, где созидаются буддийские храмы по его проектам и где мыслит он создать великое культурное учреждение будущего – Город Знания.

По всему цзонгу восемнадцать человек, посланных губернаторами, искали для нас железные печи. У одного тибетца нашли индийскую чугунную печь. Он заявил, что он «тибетский дворянин и живет не хуже американцев».

25/I ***У губернатора.***
Сведения о военных действиях между Китаем и Тибетом.
Духовный губернатор о дикости лам в Тибете.
Пророчество Азары о судьбах Тибета.

С утра были у губернатора в монастыре – обстановка чрезвычайно грязная и бедная. В разговоре о кратчайшем пути через Гиангцзе на Индию выяснилось, что разрешается идти лишь со стороны Индии до Гиангцзе, и то лишь англичанам. Пройти на юго-восток через К'ам на Чашдо сейчас невозможно. Губернатор неожиданно поделился с нами известием о военных действиях между Тибетом и Сычуанем, причем выяснилось, что еще недавно принадлежавшие Тибету города Литанг и Батанг отошли Китаю. Принимая во внимание низкий военный уровень китайцев, можно себе представить, каковы были тибетские защитники. Одно осталось невыясненным, находится ли Сычуань в союзе с Чжан Цзолингом или Фенгом.

Ответа из Лхасы губернатор ждет не ранее чем через семь или десять дней, причем указывает, что по причине глубокого снега сейчас идти на Лхасу все равно было бы невозможно. По его словам, снег лежит еще за четыре дня пути после Нагчу до Роденга, чего еще не бывало. После всяких подробностей о печах, о здоровье и о том, что «Сага-цзонг лежит на границах Сиккима», разговор закончился характерным эпизодом.

Н.К. выразил желание посетить местный монастырь. Губернатор задумался и сказал, что переговорит сначала с настоятелем, так как часть монахов может встретить буддистов-иностранцев благожелательно, другая же часть – диких и непокорных монахов – может побить камнями. Ю.Н. в ответ рассказал, с каким почетом были встречены Е.И. и Н.К. в Сиккиме, Ладакхе и Монголии. На это губернатор лишь подтвердил, что в названных странах монахи более осведомлены, но в самом Тибете они дики. Предоставили духовному губернатору, бывшему настоятелю

Монастырь Шаб-ден в Нагчу.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

монастыря, лучше нас знать тибетских монахов. Мысленно спросили его, где же в этой «священной буддийской» стране, столь кичащейся какой-то своей религиозностью, заветы Будды, где же знание и просвещение, заповеданные этим Великим Учителем? Высоко! Азара сказал: «Будет

время бедствий Тибета, когда не признают голос Шамбалы, когда опустеют монастыри и Учение обрастет шерстью невежества, белый покров горя покроет землю. Где же наставники народа? Знаю преданного старого ламу в Роденге, трех полезных в Морулинге и около пятнадцати в Рудоке и К'аме в отшельничестве. Кончается учение лам, чтобы открыть свет Будды. Можно признать наступление времени обещанного Майтрейи. Наступает год Шамбалы».

Сегодня днем в помещение наших монголов забрался тибетец-вор со скованными ногами и с кистенем в руках. Взять он ничего не успел и был отпущен, но кистень, конечно, отобран.

Н.В., несмотря на все наши предупреждения, что проводить целые дни в постели на высотах губительно, не переменил и в Нагчу своего образа жизни, ввиду чего мы опасаемся, что он чрезвычайно ослабеет ко времени нашего отъезда и не в состоянии будет продолжать дальнейший путь. Губительные последствия неподвижности на высотах мы уже видели на примере ламы Малонова, а сегодня на примере его молодого племянника Бухаева. Вечером Н.К. и я достаточно энергично и в последний раз предупредили Н.В. о всех губительных последствиях его неподвижности.

Неожиданно губернатор вызвал к себе Ю.Н. Оказалось, что предполагается написать новое письмо в Лхасу о кратчайшем маршруте. В то же время и нам предлагается снестись с военным тибетским министром Царонг-Шапэ, который посетил Н.К. в Талай-Потанге в Дарджилинге. При этом разговоре губернатор сообщил, что монахи очень удивлены известием о существовании западных буддистов и не знают, можно ли допустить нас внутрь монастыря. На это Ю.Н. заметил, что мы не стремимся особенно увидеть их монастырь, но у нас существует обычай при посещении монастырей всегда делать вклады. Услышав это, губернатор сказал, что он должен вновь переговорить с настоятелем.

26/I

Письмо военному министру Царонг-Шапэ.
Подарок губернатора.
Верховный комиссар над всеми «тибетцами Азии».
Посещение монастыря в Нагчу.

Ю.Н. послал сегодня письмо тибетскому военному министру Царонг-Шапэ о кратчайшем пути. До этого времени Царонг был также главнокомандующим тибетской армии, но его отстранили от второй должности по настоянию монастырей за введение «большевистских, пролетарских обычаев» среди солдат, что выражалось, среди прочего, в запрещении высовывать ради почтения по тибетскому обычаю язык и в приказе об отдании обычной воинской чести, а, может быть, и в европеизации обмундировки. Отрешенный от должности главнокомандующего, он был оставлен в более почетной здесь должности военного министра.

Сегодня мы получили от губернатора подарок – три луковицы и блюдце сахара. Это масштабы страны, но за лук мы чрезвычайно ему благодарны, так как никаких овощей здесь сейчас нет. Письмо военному министру послано духовным губернатором тайно и не с гонцом, а с торговцем, спешащим в Лхасу. Это объясняется желанием губернатора избежать военного министерства, которое, по его убеждению, не доставило бы письма по назначению. Таковы нравы административного Тибета.

Между прочим, губернатор попросил сегодня фотографическую карточку Н.К. в европейском костюме, чтобы повесить ее в своем помещении. При этом губернатор выразил желание иметь такую же карточку в военном костюме. Очевидно, он принимает Н.К. за военного. После полудня Ю.Н. был вызван к губернаторам, где ему были показаны заготовленные письма о нас в Лхасу, причем Н.К. был назван в них «верховным комиссаром над всеми тибетцами, проживающими в Азии». Разрешение на посещение

монастырей получено, ввиду чего мы неотлагательно и посетили храмы мужского монастыря. Предварительно все мы были приглашены к губернаторам, где нам показали все внушительные пакеты писем о нас в Лхасу.

Большой храм отличается старинной, более двухсот лет, живописью, причем обращает на себя внимание по исполнению изображение Авалокитешвары. Архитектура храма гораздо скромнее, чем в Ладакхе и даже в Монголии. Затем нам был предложен монастырский чай и показан небольшой храм, посвященный Майтрейе и бодхисаттвам. Изображение Майтрейи, созданное около тридцати лет тому назад, сделано наподобие изображения в Бодхгайя в Индии. Впечатление от этого храма гораздо лучше, и мы провели там несколько приятных минут. Губернаторы сообщили нам, что они знают, что мы «два дня сражались с панагами и неделю стояли в боевой позиции против китайского тунг-се».

27/I ***Наша прогулка с Н.К. по городу.***

Привыкли к чистому горному воздуху, содержащему полезную прану. Теперь в доме не хватает воздуха. Особенно остро почувствовали разницу в свойствах воздуха, когда вышли сегодня утром с Н.К. на прогулку и отошли от дома в незагрязненную местность, где и дышалось легко, и не было усталости.

Улиц в Нагчу нет, жилища построены вразброс, и между ними груды, тысячи возов золы от сожженного в очагах аргала; валяются костяки павших яков, баранов и собак; отхожих мест во дворах не имеется – воздух даже зимой насыщен зловонными испарениями. Тут не приходится говорить даже об обычной чистоте воздуха, не только уже о полезной пране воздуха высот после 11 тысяч футов, как о виде первичной энергии, с которой не знакомы жители равнин.

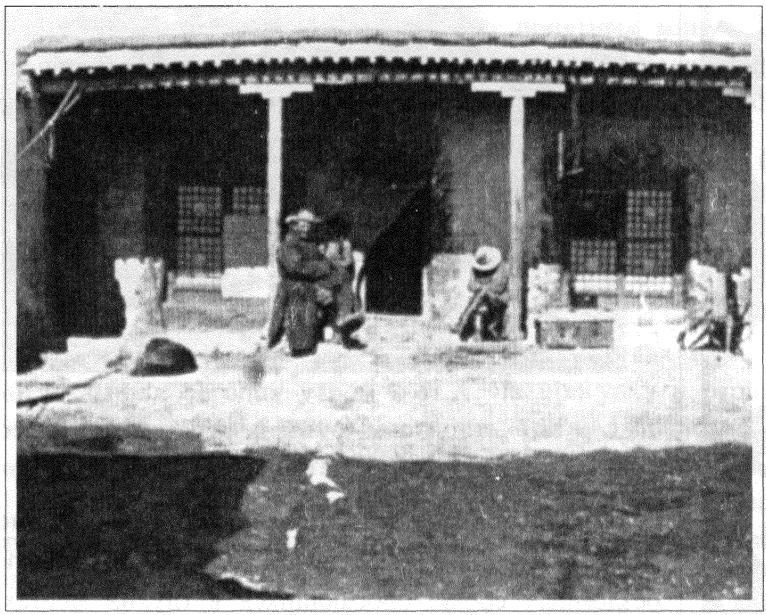
Во время прогулки встретили купца, отправляющегося сегодня на мулах в Лхасу. По его сообщению, летом от Лхасы до Нагчу считается семь-восемь дней пути, в зимнее же время при снежных заносах до двадцати дней. По-видимому, это тот торговец, с которым губернаторы отправляют сегодня письма. Сколько же времени нам придется ждать ответа и пробыть в этом Нагчу?

Улица в Нагчу.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

Из дворов выбегали совершенно голые, несмотря на мороз и снег, дети. На кучах золы и отбросов ютятся стаи бездомных собак, бросающихся в глухих местах на проходящих. Но не только голодны собаки, вообще в стране сейчас голод благодаря небывалым морозам и снегам, погубившим стада. Мы видели, как населению, толпящемуся у одного из казенных помещений, выдавали пайки чуры и цампы. Письма о нас везет секретарь губернатора.

28/I ***Погода становится теплее. Мечты губернаторов о подарках.***

Н.К. настолько не любит мыслить категориями прошедшего, что даже не ходит на прогулку в том направлении, откуда мы приехали. Снега начинают таять, и в помещениях при нетопленной печи уже 3° С. Санген-лама принес с губернаторского двора какие-то неясные сведения, что нам придется все-таки идти на Лхасу. С другой стороны пришло сведение, что духовный губернатор уже спрашивал о парче, а жена его желает получить дамскую сумочку; гражданский же губернатор загляделся на чернобурую



Штаб экспедиции в Нагчу.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

лисью шапку Ю.Н. Действительно, Тибет – страна исключительная, где все готовы брать самым грубым образом.

Что же касается возмещения или сотрудничества, то об этом говорить не приходится. Гнилые нравы, такие же, как кучи лежащих вокруг домов отбросов, которые под лучами солнца начинают уже заражать воздух. Большинство из нас последние дни чувствует головную боль, плохо перенося после чистого воздуха высот ядовитый аргальный дым.

Мы хотели побелить дом, но пришедшие «мастера» вместо побелки брызжут известью с ячьих хвостов на стены. Еще раз прошу не думать, что в дневник заносятся одни только отрицательные факты; каждое положительное явление было бы отмечено с полным вниманием. Мы каждый день тщетно ожидаем этих светлых проявлений жизни, а храм Майтрейи в темных затворах стоит совершенно одинокий.

29/I ***Голодный и холодный Тибет. Посещение Ю.Н. гражданского губернатора. Секреты сановников. Похвала гражданского губернатора знанию Ю.Н. тибетского языка.***

«Как прекрасна наша страна!» – пел по утрам в Чунаргене молодой хор. И как ужасна она, голодная, холодная и невежественная, в действительности! Люди рады чуре и цампе, едят сырое мороженое мясо; яки не брезгают падалью, а собаки, кроме того, и экскрементами; козы с жадностью едят замерзший ячий аргал; мулы же едят здесь решительно все, что им удастся разжевать. Вчера и третьего дня с утра была оттепель, и это тотчас же дало повод монахам сказать, что «с неба получено письмо, что через три дня снега не будет». Вчера вечером подул резкий холодный ветер; с утра сегодня морозно. Нет, до тепла еще, видимо, далеко, будут еще февральские морозы или только утренние и ночные заморозки.

Сегодня Ю.Н. посетил второго губернатора по совету духовного губернатора. Прежде всего выяснилось, что оба

«сановника» имеют друг от друга секреты, и таким образом Ю.Н. был законспирирован с двух сторон. Из намеков губернатора выяснилось, что ценой ружей и еще каких-то предметов делается возможным «выпрямить» дорогу еще до получения ответа из Лхасы. Так, например, направление на Харцзе-цзонг, раньше отрицавшееся, сегодня уже делается возможным. Во время разговоров была приведена собака, которую губернатор не прочь продать. О всех материальных переговорах гражданский губернатор просил не говорить духовному. Такая тактика, напоминающая Древний Китай или древнюю мусульманскую политику, кажется особенно странной в наши дни. О путешественнике Трейчмане губернатор сообщил, что у него в отдельных сумках находились «скорострельные пушки большой силы».

При вчерашнем визите к духовному губернатору последний показал Ю.Н. несколько карточек тибетских деятелей, желая узнать, знакомы ли эти лица Ю.Н., называвшему ранее их имена. Сегодня приблизительно та же процедура была проделана гражданским губернатором относительно английских деятелей. В конце разговора губернатор поздравил Ю.Н. с умением говорить с тибетскими чиновниками, а по знанию языка ставил его вторым после лучшего из европейцев знатока тибетского языка сэра Чарльза Бэлла, прожившего 18 лет в Тибете. О Бэйли он сказал, что это третий из европейцев по знанию языка, с которым он встречался.

30/I ***Рацион животных в Тибете. «Философия буддизма» Кейта.***

Утро морозное; в помещениях –5° С. К полудню на солнце +29° С. Вчера Ю.Н., будучи у гражданского губернатора, осматривал его мулов и лошадей, причем заметил, что к зерну прибавляют аргал и спитой чай. Животные выглядят хорошо упитанными. Сегодня решили подбавлять нашим верблюдам к зерну и чуре аргал. Е.И. читает сейчас *«Фи-*

лософию буддизма» Кейта и искренне возмущается, до чего можно извратить основные положения этого Учения.

Оказывается, гражданский губернатор ждет также и визита Н.К. Поступило сведение, что за Нагчу через перевалы дорога улучшается ввиду быстрого таяния снега. После полудня максимальная температура на солнце была +31° С, в тени от +10 до +13° С. Около 1 ч. дня поднялся обычный холодный ветер. После заката солнца +2° С.

31/I

Наступление весны в Тибете. Киносъемка. Мнение духовного губернатора о ламах Тибета. Преступный балаган и наглое вымогательство губернаторов. Религиозный диспут. Пилюли и талисман неуязвимости.

Последний день января, весна вступает в свои права. Ночью в помещениях было –2° С. Утро солнечное, снег тает. Даже на пиках Трансгималаев, хорошо видных отсюда, появляются темные полосы. В 10 ч. утра сделали киносъемку – перед монастырем гарцевал на своем коне Н.В. Около 1 ч. дня на солнце +32,5° С. Сегодня утром Н.К. и Ю.Н. посетили гражданского губернатора, причем разговор носил лишь формально вежливый характер.

После полудня Ю.Н. был вызван к губернаторам, где присутствовал и майор, получивший ответ из Лхасы на свое донесение, когда он еще первый раз был по нашему делу в Нагчу. В нем нам предлагается путь или на Ладакх, или в Китай, то есть та версия, с которой приезжали к нам губернаторы в Шарагол.

Губернаторы, между прочим, сказали, что мы напрасно сделали пожертвование в монастырь, так как ламы все равно присвоят эти деньги, а лампад не зажгут. По их убеждению, эти деньги надо было дать губернаторам, чтобы они купили масла и передали его в монастырь. Мнение это было высказано духовным губернатором, причем гражданский выражал полное свое согласие с ним. Хоро-

шо же мнение ламы-губернатора, распространяемое о ламах иностранцам!

Ю.Н. заметил, что в Сиккиме и Ладакхе ламы так не поступали, на что губернатор ответил, что он говорит только о ламах Тибета. Губернаторы без всяких объяснений нагло заявили, что они относятся к нам как «большой палец», а мы к ним как «мизинец», при этом с еще большей наглостью объявили, что ни они, ни девашунг нас нисколько не задерживали, а что это было частное дело генерала Хорчичаба. На это Ю.Н. заметил, что Хорчичаб является крупным должностным лицом Тибета. Губернаторы ответили, что, хотя два гонца от Хорчичаба и проехали через Нагчу, но донесения, которые они везли, в Лхасе не получены. Какова преступная наглость губернаторов!

Затем губернаторы сообщили, что в первом донесении о нас с поста якобы была ошибка – вместо Великого Посла западных буддистов было сообщено о приезде великого посла от мишими – дикого народа на юго-востоке Тибета. Такой преступный балаган! Опять были недвусмысленные намеки на подарки, на парчу и на винтовки.

Касаясь религиозных вопросов, губернатор спросил, зачем нам нужны священные изображения, ведь важно носить эти символы в сердце. Затем губернатор спросил, употребляются ли западными буддистами механические молитвенные колеса, и был удивлен, услышав от Ю.Н., что подобная механическая молитва на Западе не практикуется. На это Ю.Н. ответил его собственными словами, что молитва должна возноситься в уме и сердце. Было много и других балаганно-трагических замечаний губернатора, свидетельствующих о низком уровне сознания тибетских чиновников. Таковы были разговоры с тибетскими властями на сто семнадцатый день нашего задержания, причем об ургинском доньере было упомянуто, что он «нищий», а посему вообще на него обращать внимания не стоит.

Выходили с Н.К. на прогулку и сделали несколько фотографических снимков. Снег сильно тает, везде лужи и такое зловоние, что страшно подумать, во что обратится в реке вода, которой мы принуждены здесь пользоваться. В параллель ко всем разговорам губернаторов, характеризующим сущность Тибета, не забудем, что командующий гарнизоном в Гиангцзе во время наступления англичан в 1904 г. в страхе от выстрелов сидел, забившись в угол маленькой комнаты с глиняным горшком на голове, в каком виде его с трудом и вывезли из крепости, о чем свидетельствовал очевидец, служащий Н.К., человек, вполне достойный доверия. Тогда же восемьсот тибетцев с мечами противостояли, заверенные ламами, давшими им пилюли, что они неуязвимы; если же кто-либо погибнет из них, то тотчас же перевоплотится в тех же местах. После первого же пулеметного огня все они были скошены, но перевоплощения в данной местности так и не произошло, а потому другие уже не приняли боя.

В Дарджилинге к Н.К. являлся старший служащий Доринга-Кушо с предложением приобрести у него за триста рупий талисман неуязвимости, уверяя в его полной испытанности, в доказательство чего предлагал повесить его на козла и выстрелить. Тогда Ю.Н. предложил провести испытание на самом продавце, который при этом страшно возмутился и ушел. Какая странная смесь суеверия и мошенничества!

1/II ***«День проявления тайных снимков».***
Гражданский губернатор «съел» кусок шелка.
Кощунство Далай-Ламы.
Нашим ламам разрешено идти в Лхасу.
Духовный губернатор получил парчу.

Вчера к вечеру до нас дошли таинственные слухи, что генерал якобы «съел» шесть кусков нашей парчи. Тут уже

трудно разобрать, вымогательское это измышление губернаторов или какое-то лживое объяснение пропажи парчи, отобранной тибетскими чиновниками у ламы Малонова. Сегодняшний день Н.К. называет днем проявления тайных снимков, так как Ю.Н. и Кончок пойдут рано утром к гражданскому губернатору, а в сумерках – к духовному с шелком и парчой. Гражданский губернатор, имеющий несколько жен, определенно упоминал, что у нас имеются куски шелка. Кончок напоминает, что, если мы не выйдем дней за пять до тибетского Нового года (22 февраля), то возможно, что нас в праздники никто не повезет. Решили «смазать» переговоры с губернаторами.

С утра, как всегда, морозно, а затем опять будет снеготаяние. Утром Ю.Н. посетил гражданского губернатора, и кусок шелка был «съеден» благополучно, причем ублаготворенный «сановник» сообщил, что вместо дикого Намру можно идти по южному берегу Тенгри-нора.

Заслуживает внимания, что истопник, растапливая печь, заметил Ю.Н., что, конечно, все внутренние переговоры с губернатором далее не пойдут. В книге Ч.Бэлла о Тибете передается, что в разговоре с ним Далай-Лама сказал, что Шамбала населена каннибалами. Каковы бы ни были мотивы этого нелепого утверждения, степень кощунства остается величайшей, в особенности в устах «первосвященника». Недурно и вчерашнее утверждение духовного губернатора, вступившего в религиозный диспут с Ю.Н. Когда последний предложил губернатору поговорить о метафизике, то бывший лама и настоятель монастыря ответил, что человек не может прочесть все книги и поэтому об этом говорить не может. Между тем, Абхидхарма-Коша является, казалось бы, одной из основных дисциплин буддизма. Слухи о происшедшем между Ю.Н. и губернатором духовном споре уже циркулируют по местечку. Н.К. советует

Ю.Н. возобновить при первой возможности духовный спор, ибо таким путем лучше всего выясняется невежество лам.

Сообщают, что нашим ламам уже разрешили идти в Лхасу, но нет животных. Вечером пришел с хатагом лама Бухаев просить прощения у Е.И. и Н.К. за свое поведение, указывая, что он действовал только по наущению злобного Малонова. Бухаев, боясь тех же последствий, постигших Малонова, спешил перед уходом в Лхасу загладить свою вину.

В глубоких сумерках пришел доньер от духовного губернатора, и во тьме Ю.Н. и Кончок понесли парчу. Лицемерие являло себя во всей красе – губернатор заявил, что он не может принимать подарков, но, в случае назначения самой минимальной цены, он примет парчу. Второй кусок (худший) губернатор намерен приобрести для правительства совместно с другим губернатором за тысячу нарсангов; при этом он жал руку Ю.Н. и уверял, что направит нас кратчайшей дорогой. Мы имеем основание ни одной копейкой не одалживаться Тибету и потому намерены оценить два куска старинной парчи в одну самую мелкую золотую тибетскую монету. По обыкновению у Н.К. на сей счет есть какой-то определенный план.

2/II ***Опасения за своевременный выход из Нагчу.***
Намтар Гэсэр-хана. Мошенничество майора.
Вивекананда о королеве Виктории.
Губернатор эксплуатирует и тайно допрашивает наших лам.

Сейчас наша главная забота и тревога, где и каким образом достать транспортных животных и как они обойдутся без травы, если весь путь до перевала Дам-ла в области Трансгималаев занесен снегом. Другое опасение – не задержат ли нас до наступления тибетского Нового года, то есть до 22 февраля, так как этот праздник продолжается в Китае и Тибете иногда не менее месяца, и таким

образом мы попали бы в южные долины во время апрельской жары.

Вчера губернатор лицемерно сказал Ю.Н., что правительство «не получило писем Хорчичаба и очень обеспокоено гибелью нашего каравана». Опять губернатор говорил об отношениях тибетцев и англичан: «Прежде у нас были хорошие отношения, а теперь стали много хуже». Интересно, с какой целью губернатор неоднократно возвращается именно к этой теме?

Вчера Ю.Н. принесли показать книгу *«Намтар о Гэсэр-хане»*; книгу эту не продали, но Ю.Н. заказал ее переписать. При этом мы узнали, что в К'аме имеется Гэсэр-цзонг – старый замок, связанный с именем Гэсэр-хана, где перекладины потолка сделаны из мечей.

Сейчас мы слушали чтение Е.И. отрывков из книги *«Знаки Агни-Йоги»*. Теперь от самого высокого к самому низкому. Пришел лама Бухаев и просил принять его обратно, описывая ужасное житье на кухне губернатора в аргальном дыму за плату один янчан в сутки без еды. Принесших полное раскаяние Н.К. принимает обратно. Из дальнейших их рассказов выяснилась характерная для тибетских чиновников проделка майора. Оказывается, майор, взяв с Бухаева тридцать пять янчан в виде штрафа для передачи их по нашему желанию монастырю, придержал их у себя, представив подложную расписку из монастыря в Нагчу. Теперь майор предлагает Бухаеву возвратить последнему эти 35 янчан в случае, если Бухаев отдаст ему какие-то очки Малонова.

Сегодня нам принесли полушо и четверть шо, причем полушо было менее шо, а четверть – такого же размера и качества меди, как и шо. Вероятно, это первая страна, где четверть величины равняется полной и где четверть более половины. Интересно для математиков.

Е.И. читает письма Вивекананды. Н.К. подчеркивает три пункта письма из Альморы от 14 июня 1897 г., которые

Вивекананда предлагает особенно отметить в адресе королеве Виктории: 1) во время ее правления все религии были покровительствуемы и учение Веданты свободно проповедовалось как в Индии, так и в Англии; 2) ее милосердие по отношению к бедным в Индии, выразившееся в ее личном примере по объединению английской благотворительности во время голода; и 3) молитву за ее долгую жизнь, а также благополучие и рост благосостояния народов ее владений. Такой отзыв Вивекананды заставляет вспомнить о многом из прошлого.

Бухаеву разрешили поселиться у нас на дворе в майханэ вместе с нашими ламами Кейдубом и Ламаджаном, но оказывается, что нерва губернатора его не отпускает. Узнав о такой беззастенчивой эксплуатации, лама Кейдуб воскликнул: «Губернатор – самый главный жулик!» Доньер губернатора продал-таки нам собаку по имени Каду из породы лаек. Пришло еще сведение, что духовный губернатор келейно допрашивал Бухаева и Кейдуба, что́ мы за люди, и высказал свое мнение, что мы «русское посольство» и что названные ламы ему правды не говорят.

3/II ***Предположения о сроке выступления. Караваны голоков. Губернатор намерен выпустить нас не ранее чем через два месяца.***

Ждем завтра обещанного ответа и каравана с продовольствием из Лхасы. Однако Ю.Н. относится к этому сроку скептически и полагает, что выйдем не ранее марта, а в Сиккиме будем в середине апреля. Сегодня вспоминали те слухи о внутреннем росте Тибета, которые мы так благожелательно выслушивали в пути и которые исходили от тибетцев. Но и тогда уже мы делали оговорку о степени их достоверности, еще в достаточной мере не зная тибетского самомнения и невежества. «Смотрим на все добрым глазом, но как бы ни была далека действительность от

слухов, все же да будет благословенна действительность, ибо только ею созидаются ступени эволюции», – замечает Н.К.

Для сохранения скудной нормы выдачи корма нашим животным, который мы здесь можем купить по высокой цене, пришлось продать одну лошадь за 30 янчан, а другую отдать даром. Пришло несколько голокских караванов, и закоулки и лавки местечка наполнились этими дикарями. Улыбнемся: сегодня мыли вновь купленную собаку за воротами; ее привели вчера к нам во всей тибетской грязи. На кучах отбросов и аргала собрались группы любопытных, смотревших на это ранее невиданное зрелище. Не удивимся теперь, если губернатор как-то намекнет, что приезжие мучают животных и не есть ли это «красный обычай». Но сама собака, очевидно, не считала это плохим обычаем, ибо не протестовала против мытья и побелела.

Голокам разрешено завтра же идти в Лхасу. Видимо, разбойники пользуются здесь почетом. Их караваны проходят беспрерывно, и снега, которые нам все время выставляются препятствием, им нимало не мешают. Это обстоятельство не должно быть забыто, тем более, что сегодня духовный губернатор говорил Бухаеву, что намерен выпустить нас отсюда месяца через два после получения ответа. Не сделан ли у него какой-нибудь точный расчет о дне, когда он высосет у нас последний янчан?

4/II ***Рассказ губернатора о русской революции. Полномочный представитель Далай-Ламы в Урге был трижды посажен в тюрьму за организацию контрабанды.***

Получены сведения от губернаторского доньера, что приехал человек, уведомивший о продвижении в Нагчу за Сан-Шунгом четырех лошадей и пятидесяти яков с продовольствием для нас. В помещении Кончока появились за-

пасы водки, и к нему зачастили доньеры; опасаемся, как бы это не кончилось каким-либо «пьяным действом».

На днях при свидании с Ю.Н. духовный губернатор рассказывал в своем «достоверном понимании» русской революции: «Был человек “Ненин”», который застрелил из пистолета Цаган-Хана и его жену. После этого он влез на самое высокое дерево и объявил, что Цаган-Хана больше нет и что учение Иссы и Будды отменяется, а вместо белых обычаев будут красные обычаи. Но оставалась еще одна женщина, которая знала белый и красный обычаи и сильно мешала этому человеку. Тогда человек этот взял пистолет и застрелил сначала женщину, а потом себя». На этом весь нехитрый рассказ губернатора кончается.

После полудня Нагчу взволновался слухами, что на яках везут нам подарки от Его Святейшества и что по цзонгам приказано держать для нас яков и лучших лошадей.

Новое к характеристике тибетцев: когда часть проживающих в Урге тибетцев была привлечена монголами к уголовной ответственности за контрабанду, то все они единогласно показали, что это «предприятие» было организовано тибетским доньером в Урге. За последнее время своей деятельности в Урге полномочного представителя Далай-Ламы трижды заключали в монгольскую тюрьму. Ранее нам это происшествие казалось несовместимым с достоинством представителя Далай-Ламы, но теперь мы ничему не удивляемся.

5/II ***Таяние снегов. Жители Нагчу едят падаль. Фильхнеру не разрешено посетить Лхасу.***

Снег быстро тает, окружающие нас груды почернели. В нетопленном помещении утром +1° С; в то же время в 8 ч. утра на воздухе –2° С. В 10-м часу утра на солнце +10° С.

Приходил с приношениями нерва цзонга и просил пожертвования на Шамбалинский дацан в Депунге. Н.К. поставил это пожертвование в зависимость от нашего краткого и доброго пути. Принесенное им в дар ячье мясо имеет все признаки падали. Вообще для нас не тайна, что местные жители используют трупы павших животных.

Вечером пришел солдат Дондуб и принес четыре шиферных плиты со стократно выгравированной священной формулой для возложения их на менданг[77], ввиду 15-го числа месяца. От губернаторов мы узнали, что Фильхнеру не разрешено было посетить Лхасу и его направили на запад по Чантангу на Ладакх по обычной, хорошо известной уртонной дороге, по которой высылают обычно иностранцев из Тибета. В Нагчу Фильхнер приехал тоже по большой караванной дороге из Синина.

6/II ***Этика майора. «Кален» из Лхасы. Кончок собирается бежать из Тибета.***

Несмотря на вредные для здоровья условия жизни в Нагчу, все мы целый день заняты делами. Е.И. и здесь продолжает весьма успешно заниматься психическими исследованиями, пользуясь особыми географическими и атмосферными условиями местности.

Сегодня выяснилось, что майор не только не внес ранее упоминавшегося штрафа с Бухаева в размере 35 янчан в монастырь в Нагчу, как он заявлял нам и предъявлял об этом расписку монастыря, но и вообще заявил, что этих денег у него нет. Такова этика тибетского майора, признавшегося в этом мошенничестве в присутствии духовного губернатора.

По-видимому, по предписанию из Лхасы губернаторы срочно собирают караван, но вопрос в том, куда нас направят. В 9-м часу вечера явился к Кончоку нерва цзонга

и сообщил, конечно, под строжайшим секретом, что только что прибыл ответ («кален») из Лхасы. Содержание «калена» нерве будто бы пока неизвестно. Он обещал, в случае если узнает, сообщить все утром. Со стороны Кончока были какие-то странные замечания, что на Ладакх мы не идем, но что не пришлось бы ему ехать в Лхасу. Если такой разговор возникает, то в Лхасе ему не миновать тюрьмы «за содействие иностранцам». В последние дни у Кончока одна мысль – эмигрировать из Тибета. Даже ему, многое повидавшему в Китае и Монголии, тибетская жизнь не под силу. Будем ждать событий.

7/II ***Ответ получен. Совещание у губернаторов. Мы идем на Сикким никем еще не пройденным путем, с севера на юг. Разрешение послать телеграммы и письма. Губернатор оправдывает тибетское правительство в нашем задержании. Мотивы задержания.***

Утро морозное – в помещении –3° С. В 9 ч. утра к Кончоку пришел доньер (чиновник). Ю.Н. встретил его вопросом: «Что нового?» На это доньер определенно ответил, что ничего нового нет, и завел пустяковый разговор о собаке. В начале 11-го часа утра Кончок сообщил по поручению духовного губернатора, что ответ действительно получен и пакет сейчас будет распечатан в присутствии гражданского губернатора и доньеров, а потом произойдет обсуждение ответа. После этого будут приглашены Н.К. и Ю.Н., которые, по тайному совету губернатора, должны говорить в этом собрании настойчиво. Действительно, в 11 ч. пришел доньер с приглашением на совещание. Происшедшее там представляется мне так: от девашунга получен ответ, что обычно указывается дорога обратно на Цайдам или на Ладакх, но, принимая во внимание, что Посол – великий человек и мы люди великой страны и буддисты,

правительство не имеет ничего против, если мы изберем путь на Сикким. Ни одного дня нас губернаторы не задержат, как только получат сведения от населения о проходимости путей.

Переговоры отличались характерными эпизодами. Так, например, духовный губернатор заговорил с Ю.Н. по-монгольски о каких-то деталях пути, а затем, обращаясь к гражданскому губернатору и майору, не знающим монгольского языка, сказал по-тибетски: «Если мы не пропустим их на Сикким, то двое из них (Ю.Н. и Н.В.) немедленно поедут на Лхасу и как мы сможем их остановить?» Гражданский губернатор и майор согласились с духовным губернатором. Затем духовный губернатор неоднократно прерывал Ю.Н. по-монгольски, говоря, что он уже понял, в чем дело. Так или иначе, но сегодня обстоятельства повернулись таким образом, что впервые в истории Миссия сможет пройти весь Тибет с севера на юг никем еще не пройденным путем.

Еще не так давно нам было разъяснено, что мы не можем писать писем ни Далай-Ламе, ни девашунгу, но теперь сам губернатор предложил нам написать письмо девашунгу о том, чтобы при нас оставили слугу-тибетца Кончока, которого в противном случае майор и гражданский губернатор грозились, как упомянуто выше, отослать в Лхасу. Он же хочет отправиться в Индию. Получается, что по вопросам буддизма Н.К. не мог сноситься с Далай-Ламой, а по совершенно частному делу служителя Кончока разрешено это сделать!

В течение уже долгого времени мне приходится наблюдать, как вокруг Н.К. начинают собираться и наслаиваться обстоятельства, запутываясь наконец в какой-то гордиев узел, и в конце концов все дело разрешается благополучно – находится какая-то совершенно новая, неиспользованная комбинация.

Сегодня было предложено послать телеграммы на английском языке с точным тибетским переводом и письма в Америку о том лишь, что мы здоровы. И это после того, как почти в течение четырех месяцев мы тщетно посылали о себе телеграммы и письма и в Америку, и английским властям в Сиккиме, и американскому консулу, но все это возвращали нам обратно. У нас имеется расписка губернаторов о приеме нашей первой телеграммы в Америку и резиденту Сиккима в ноябре, но ввиду отсутствия последствий, очевидно, эта телеграмма не послана. Можем ли мы верить в искренность намерений губернатора теперь, тем более что губернатор упоминал о разрушении телеграфа? Не забудем, что именно в течение четырех месяцев нам воспрещалась всякая связь с внешним миром.

Вечером Ю.Н. был снова приглашен к духовному губернатору. Главной темой разговора была попытка оправдания губернатором тибетского правительства в нашем задержании. Основной причиной, по словам губернатора, было поведение недавно высланного монгольского посольства, которое ложно назвалось верующими буддистами, приехавшими просить нового Богдо-Гегена для Монголии. Как выяснилось потом в Лхасе, все это оказалось ложью. Вторым обстоятельством, смущавшим правительство, были какие-то слухи, что Фенг, теснимый Чжан Цзолином, будет отступать на Тибет. Характерно также сообщение губернаторов о том, что официальный союзник Фенга сининский амбань известил Тибет, что он ничего общего с Фенгом не имеет и лишь под давлением вооруженной силы оказывал ему некоторое содействие. Дорога нам указывается по северному берегу Тенгри-нора на Санджа-цзонг и затем на юг через Трансгималаи, вероятно, через перевал, пройденный Свеном Гедином[78], задержанным около Шигацзе.

8/II ***Губернаторы обманывали нас, обещая краткий путь. «Великие держатели» – Махатмы. Ламы-тунеядцы.***

Вчера окончательно наметили наш путь вместе с губернаторами. Что же в сущности сделали для нас губернаторы, так много обещавшие? Где же то «выпрямление» пути, о котором они говорили, «съедая», по местному выражению, подарки? Нам говорили, что пусть только правительство разрешит идти на юг, на Сикким, а губернаторы позволят идти кратчайшей дорогой. Когда же пришел «кален» – разрешение, то, конечно, губернаторы ничего не сделали.

Обычно во время обеда, когда мы собираемся все вместе, возникает какой-либо интересный общий разговор. Вчера, например, Н.К. говорил об одном удивительном факте в освещении индусских и северомонгольских источников. Из индусских источников известно, что несколько лет тому назад один из Махатм спешно совершил путешествие с юга вглубь Монголии. Указывалось, какие огромные переходы ему приходилось делать, спеша по неотложному делу, – один раз пришлось пробыть в седле 60 часов без отдыха. Каково же было приятное изумление Н.К., когда в Монголии ему был передан тот же эпизод в монгольской версии, что показывает, насколько деятельность Махатм широко известна среди народов Востока.

В Монголии Махатм называют Держателями. Не забудем, что Махатмы – это члены Гималайского Братства. Монголы рассказывают, что один из высоких лам, живших в Монголии, должен был перед смертью передать одну тайну высокого значения избранному им доверенному лицу. Но лама впал в продолжительное беспамятство, и положенное не могло совершиться. Тогда с юга приехал к нему Великий Держатель и своей силой помог ламе очнуться и совершить предначертанное.

За ночь выпал глубокий снег. Губернаторы послали гонца в Лхасу, чтобы оттуда было дано распоряжение по цзонгам о нашем точном маршруте и о готовности транспорта. Будем верить, что все эти распоряжения будут сделаны. Утром был слышен какой-то вой. Оказалось, тунеядцы-ламы, которых в монастыре двести человек, созывали жителей цзонга сгребать снег у них с крыш. Один из этих лам нагадал Цирингу, который хотел идти сначала на юг, что все, кто пойдет в направлении Джягара, то есть Индии, умрет. С ближайшим караваном наши ламы идут в Лхасу.

9/II ***Точный маршрут нам так и не указан.***
Н.К. об области Шамбалы и Большом Каньоне в Аризоне.

Сегодня уже 126-й день нашего «сидения». Уже треть года, как мы задержаны, и все никак не получим ясный ответ о дальнейшем маршруте. До такой наглости тибетское правительство до сих пор еще не доходило. Но все же по некоторым намекам губернаторов нам ясно, что какое-то соображение об ответственности за все происшедшее у них возникло.

Ночью опять вихрь и снег. Опять завывали дармоеды из монастыря, созывая народ расчищать крыши. Мучаемся все время с неточностями карт и полным несоответствием названий: так, например, называемый губернаторами Намру-цзонг на картах обозначен Лангма-цзонг; также невозможно точно установить место Сага-цзонга и других.

У Е.И. сегодня болит горло, требуется молоко, которого здесь достать нельзя. Н.К. говорит, что до сих пор не может привыкнуть к тому, что тибетцы с такой наглой беззастенчивостью выказывают свое невежество и дикость. У некоторых малокультурных народов сохранился по крайней мере инстинкт оговориться о своей темноте и невеже-

стве, но здесь это самодовольно выставляется на вид и подчеркивается в полной уверенности своего превосходства.

Сегодня говорили о том, насколько несообразным может показаться, что Гималайское Братство – Община Мудрых, Шамбала, местопребывание Махатм, находится в такой неприглядной стране, как Тибет. К этому Н.К. за обедом вспомнил о посещении им Большого Каньона в Аризоне, когда после живописной пустыни поезд устремляется по безжизненной плоскости, поросшей мелким кустарником и чахлыми деревьями. Ничто не предвещает приближения к чуду природы, и только подойдя к самой балюстраде обрыва, вы неожиданно переноситесь в другой мир. Эта аналогия очень поучительна.

Губернатор обещает нашим троим ламам – торгоуту из Астрахани, Кейдубу, и двум бурятам, Бухаеву из Иркутска и Ламаджану, что они на днях пойдут в Лхасу с обратным караваном, который по приходе сюда простоит лишь сутки. Что касается других лам из Цайдама, китайских подданных, то им говорят, что они пойдут только после нашего выступления. Почему бурятам предоставляется такое преимущество перед монголами? Не под парчовым ли покровом оно совершается, так как лама Кейдуб передал губернатору три аршина новой парчи, купленной торгоутом по 25 рублей аршин, то есть около 40 нарсангов за аршин; губернатору парча уступлена почти по себестоимости – по 45 нарсангов.

10/II ***Макговерн о буддизме в Тибете. Ложь тибетцев.***

Ночью и утром мороз; в помещениях –5° С. О нашем продовольственном караване из Лхасы нет никаких сведений, хотя прошло уже более двух недель со дня его предполагаемого выхода. У Е.И. продолжает болеть горло. Ю.Н. читает труды английского ученого Макговерна[79], серь-

езно изучавшего буддизм. О ламаизме Тибета он замечает, что «немногого стоит тибетский буддизм, учение его заключается в дьявольских танцах и составлениях ненужных заклинаний».

А между тем лик Тибета, представший нашему взору, все более искажается, и гримаса его становится все уродливей. На 127-й день мы все еще находимся на положении пленников, не можем продолжать путь и даже понятия не имеем, когда нас отпустят. Кругом какая-то бесконечная паутина лжи. Все сведения разноречивы, и все сводится к вымогательству от нас взяток, подарков и последнего серебра. Что было бы здесь с путешественником, отправься он в путь с точным и строго ограниченным количеством денег, соответствующим теоретическим расчетам пространства и времени? Ведь никто здесь даром или в долг ничего не дает. Когда мы писали генералу о деньгах, он вообще на этот вопрос не ответил; майор же и губернаторы уверяли, что о деньгах нечего беспокоиться и рассказывали какие-то сказки о готовности принять американские чеки. Все это оказалось сплошной ложью, и у нас из тридцати пудов китайского серебра и бумажных монгольских тугриков осталось менее двух тысяч янчан, которых далеко не хватит до конца пути. Откуда эта повсеместная тибетская лживость и как уродлива личина одичавшей страны!

Сегодня солнце ярче, начало опять таять, но над горами уже появились тучи. Мулы наши съели свои попоны из кошмы, а сегодня один из них съел хвост лошади Маруськи. Удивительно прожорливые и всеядные животные! Другое отрицательное качество мулов: они вообще не привыкают к своим хозяевам. Об этом единогласно свидетельствуют все, знающие мулью породу.

11/II ***Мучительное нездоровье Е.И.***
Светлые воспоминания Н.К. о Сиккиме.
Грядущий Майтрейя был заповедан Буддой в Непале.
Параллель между Сиккимом, Непалом, Монголией,
Ладакхом и невежественным Тибетом.
Далай-Лама — неудачливый правитель.

С утра стало теплее; будем надеяться, что снеготаяние продолжится. Н.К. обеспокоен нездоровьем Е.И. Он говорит, что «воспламенение открытых центров может легко угрожать различными опасностями, и обычные жаропонижающие и прочие средства здесь мало чем могут помочь». Н.К. вспоминает, что в 1924 году, как раз в это время, он и Е.И. выезжали из Талай-Потанга в Сикким. Было чудесное светлое утро, и сиккимские монастыри, расположенные на вершинах гор, манили своей красотой. Сикким не обманул их ожиданий, укрепив незабываемые ценные впечатления, а его набожные жители оставили о себе самое приятное воспоминание.

В феврале 1925 года Н.К. и Е.И. направлялись в к границам Непала; по горам стлался туман, и вновь их путь сопровождался самыми лучшими и полезными впечатлениями. Запомнилось несколько типов гуркхов, отличающихся сознанием воинского духа и преданностью; примечательно, что первое изображение Будды пришло в Тибет именно из Непала, который может гордиться тем, что в его краях трудился сам Благословенный. Там же был заповедан и Грядущий Майтрейя. И сколько Махатм и буддийских подвижников следовало путями Сиккима и Непала! Все это так значительно и так привлекает к этим местностям! Здесь же, в Тибете, мы видим одно бесчеловечие и дикость, не совместимые ни с каким учением. Вот уже 128-й день, а мы по-прежнему в полном неведении о сроке своего освобождения из тибетского плена. В то же время Н.К. с большой симпатией вспоминает о Монголии

с ее большими возможностями, берущих начало в ее славном прошлом. Вспоминает и о Ладакхе, с его героическими развалинами и монастырями, хранящими ценные реликвии; с этим городом связано имя Великого Гэсэр-хана, его камни помнят и Христа, и Будду. Этот Ладакх является для Н.К. источником многих вдохновений. Какая разница между всеми этими странами и невежественно-кичливым Тибетом!

Сегодня Кончок сообщил Н.К., что к нему просит разрешения явиться с приношением какой-то тибетский лама, направляющийся в Ургу. Н.К. ответил, что, во-первых, он незнакомым людям писем не дает, а во-вторых, в Урге тюрьма очень холодная, и еще неизвестно, в каких настроениях отсюда уехало монгольское посольство. Отличный пример тибетского самомнения и наглости.

В соседнюю лавку только что прибыл караван из Лхасы, который за два дня пути отсюда обогнал наш продовольственный караван, брошенный в пути из-за гибели правительственных яков. Спрашивается, если из бесснежной Лхасы, где вдоволь сена, соломы и гороха, нельзя получить 50 годных для пути яков, то откуда же губернаторы соберут 140 необходимых нам выносливых животных? Ясно одно, что там, где беспрепятственно проходят частные караваны, яки Его Святейшества Далай-Ламы дохнут. Какой незадачливый правитель! Отличный пример негодности тибетского правительственного аппарата.

Час от часу сведения о Тибете становятся уродливее. Ю.Н. говорил доньеру губернатора о болезни Е.И., указывая на вредность зараженного нечистотами воздуха Нагчу. На это доньер – тибетский чиновник – ответил:

– Если здесь вам кажется грязно, то что бы вы стали делать в Лхасе, где потоки питьевой воды часто сливаются с потоками нечистот?

Остается только благодарить небо, что мы не в Лхасе и туда не собираемся, иначе нам пришлось бы пить эти

благорастворенные воды. Даже сам Далай-Лама не может перенести лхасского «благоустройства» и живет в Норбулинге. Цыбиков в своей книге о Тибете говорит о спертом и чрезвычайно трудном для дыхания воздухе Поталы. Тот же тибетский чиновник дал нам совершенно противоположные сведения о намеченной для нас дороге. Где же конец этому издевательству и лжи?!

12/II ***Губернатор назначил срок нашего отъезда на 24 февраля. Сын губернатора незаметно вытащил у Н.К. перчатки из кармана. Некоторые ламы повернули обратно, не заходя в Лхасу.***

Вчера вечером Ю.Н. и Н.К. посетили губернатора для переговоров о сроке нашего выступления. Срок назначен губернатором на третий день тибетского Нового года, то есть на 24 февраля. Опять поносил Хорчичаба, очевидно, желая продемонстрировать перед иностранцами «единение тибетских властей». Собиравшегося уехать отсюда восвояси майора губернатор задержал, поручив ему собрать для нас 80 яков. Долго распространялся о болезни Е.И., приписывая ее плохой воде. Губернатор уверяет, что цзонг около Тенгри-нора, местоположение которого мы не можем определить на картах, находится не далее часа пути от северо-западной части озера (Намру-цзонг или Лангма-цзонг). Впрочем, тут же прибавляет, что цзонга там никакого нет, а имеется несколько домов; и бруствера этих укреплений, вероятно, сделаны, как и здесь, из куч нечистот. Вчера губернатор пояснил, что разрешение на приезд для переговоров из Шаругона в Нагчу только четверым (без сопровождения доктора) членам Миссии, было продиктовано его исключительной заботой об остальных членах экспедиции, находящихся в болезненном состоянии. Разве это не издевательство, если ему известно о том, что уже пять чело-

век из сопровождавших Миссию случайных и посторонних лиц, в том числе и жена майора, умерли!

Е.И. чувствует себя сегодня немного лучше, режим – только охлажденное кипяченое молоко. Среди дня Н.К. и Ю.Н. опять были на совещании у губернатора по поводу срока нашего отправления из Нагчу. Конечно, число, назначенное губернатором накануне, сегодня оказалось уже неверным. Теперь называется 27–28 февраля. Точный маршрут по-прежнему не определен.

Присутствовавший во время разговоров мальчик, сын губернатора, попытался незаметно вытащить из кармана у Н.К. перчатки ... Итак, нам, видимо, предстоит бессмысленно терять свое время, наблюдая за жизнью Тибета, желающего продемонстрировать нам присущие ему черты. Некоторые из наших лам решили не заходить в Лхасу, а прямо направиться из Нагчу обратно в Цайдам, считая, что в Лхасе только отберут их деньги и домой им возвращаться будет не с чем.

13/II ***Нехватка молока. Аргальный дым.***

Молоко, запасенное нами в бидонах в Шаругоне, кончается. Здесь достать его вообще нельзя, между тем Е.И. при воспалении горла оно крайне необходимо. Точно так же трудно достать какие-либо древесные материалы для печи в ее помещении, так как Е.И. не переносит аргального дыма, выделяющегося при сжигании плотного ячьего помета. При этом не забудем, что яки, как и большинство тибетских животных, не брезгуют от голода и падалью. В то же время известно, что дым, получающийся от сжигания органических остатков, содержит наибольшее количество синильной кислоты. К вечеру выяснилось, что молоко можно достать только в том самом Шаругоне, где мы стояли. Значит, на большой дороге в Тибете кружку молока можно получить за 60 верст. Губернатор сообщил, что яки будут нам даны 25 февраля, чему верится с трудом.

14/II ***Административное и военное бессилие Тибета. «Губернаторы» хотели бы «купить» у нас часы. Лама варит «чан». Гипноз Тибета как «священной области» должен быть развеян.***

Вчера просили послать верхового за молоком, но оказалось, что в Нагчу «губернаторы» не имеют в своем распоряжении ни одной лошади, точно так же, как они не имеют власти приказать старшинам выделить хотя бы за плату кого-либо для этого поручения. Когда к наглости и самомнительной невежественности прилагается еще полное административное и военное бессилие, картина получается потрясающая.

Сегодня утром истек самый крайний срок, назначенный «губернаторами» для прибытия нашего продовольственного каравана. Конечно, никакого каравана мы не дождались. Вместо этого стало известно, что наши продукты по-прежнему находятся за перевалом Санг-шунгом и вместо необходимых правительству 50 яков местные старшины дали всего 18. Застряли в пути также и праздничные продовольственные продукты, выписанные «губернаторами». Еще один пример полного их бессилия. Надо прибавить, что эти таможенные «губернаторы» не имеют в своем «цзонге» в распоряжении ни одного солдата и никто их не слушается. Не являемся ли мы единственными людьми, принявшими их по какому-то недоразумению всерьез? На днях они просили Ю.Н. обучить кого-либо в Нагчу, как обращаться с винтовкой. Конечно, Ю.Н. от такой чести уклонился.

Хотя «губернаторы» абсолютно непригодны для решения каких бы то ни было практических вопросов, продемонстрировав перед нами совершеннейшее административное бессилие, но подаренные Хорчичабу часы не дают им, видимо, спать, и потому, дождавшись темноты, они прислали своего доверенного сказать, что хотели бы «купить»

у нас часы. Сумерки являются необходимым для них условием проявления «особых пожеланий». Да, Н.К. прав – сроки пророчеств о Тибете исполнились!

Перед празднованием Нового года, который наступает 22 февраля и особо чтится в праздном Тибете, где так много тунеядцев в монастырях, Нагчу старается навести в своих домах относительную приглядность. Не забывают в то же время о заготовке большого количества ячменного тибетского пива «чан». В одной из лавчонок мы видели много корчаг праздничного зелья. При лавочке же оказался целый самогонный завод. Конечно, ее владелец – «почтенный» лама; в ней имеется алтарь со священными изображениями, по стенам – танки, и механическое молитвенное колесо, движимое часовым механизмом, неустанно «замаливает» грехи ламы. А когда-то мы слышали, что в Тибете якобы вырезают за курение губы, а пьянство карается высшей мерой. Гипноз Тибета объяснялся фактом проживания в одной из его областей высоких Махатм и Учителей Знания, по этой причине он считался священной областью. Народ же в своих представлениях облекал его святостью благодаря обилию монастырей и пребыванию здесь Далай-Ламы. Теперь наступила пора раз и навсегда отделить невежественный Тибет со всеми его ламаистскими суевериями от высокого понятия Шамбалы как местопребывания высоких Учителей, ничего общего с современным Тибетом не имеющих. В это время Н.К. смотрит на приобретенное им изображение Манчжушри – символа справедливости – и говорит: «Посмотрите, как он взмахивает мечом мудрости!»

Не будем удивляться многим рабьим привычкам Тибета, зная, что еще в 1911 году так называемый вице-король Тибета не смел садиться в присутствии китайского амбаня в Лхасе, как о том рассказывал очевидец, бывший китайский офицер С., служивший у Н.К.

Е.И. все еще болеет.

15/II ***От Тибета отнято даже имя Таши-Ламы.***
Им спекулируют китайцы.
Духовный губернатор «заушил» сининского амбаня.
Пьяный «губернатор».

За ночь пришло три каравана: из них один – с запада, два других – из Лхасы. Яки очень малорослы и слабосильны, даже в этих животных чувствуется какое-то вырождение. Нашего каравана все нет; по словам прибывших, он шел следом за ними. Еще одно доказательство того, что здесь всякая частная инициатива успешна, а правительственная бессильна. Продаваемый нам по дорогой цене ячмень не доставляется вовремя, и о каждом мешке его и аргала приходится затевать длинные разговоры. Рассчитываем, когда соберется наш караван, обещанный к 25 февраля, но приходим к решению, что в Тибете лучше оставить всякое планирование.

«Кроме этнографичности, – замечает Н.К., – страна эта не дает никакого духовного материала, в противовес окружающим областям – Ладакху, Сиккиму, которые полны самых глубоких настроений. Видимо, сам народ когда-то подметил эти особенности, ибо с Ладакхом связывается высокое имя Гэсэр-хана, а в Сиккиме жил и учил Падма Самбхава[80]; в здешние же места большие буддийские личности не заходили. Теперь от Тибета отнято даже имя Таши-Ламы». Им мудро спекулируют китайцы – в дневнике Н.К. *«Алтай–Гималаи»* имеется указание, что наместник Синьцзяна Янь Дуту через своих чиновников в 1926 году уведомил калмыцкое население, что Таши-Лама избран китайским императором, принял уже тамгу, но по некоторым соображениям официально на престол еще не вступил. Успокоив этим буддистов-калмыков, Янь Дуту поставил калмыцкую заставу для прекращения движения паломников в Тибет.

Для пестроты предлагаемой картины приведем следующий факт. Недавно губернаторы спрашивали Ю.Н., может ли американец приказать Фенгу не занимать Тибет? Не забудем, что духовный губернатор, уже бывший на покое, вновь был призван к управлению как лицо, особенно просвещенное, знающее политическое положение и опытное в дипломатическом отношении в силу своей бывшей службы доньером в Пекине и Синине. Это тот самый, который в свое время при ведении тонких дипломатических переговоров «заушил» сининского амбаня.

Зная теперь, что из себя представляет *опытный* тибетский «губернатор», сделайте свои выводы и представьте себе *неопытных* администраторов этой жалкой страны. Генерал также спрашивал нас сначала, много ли за нами идет наших людей, очевидно, предполагая в нас какую-то военную экспедицию. Очевидно, правящая верхушка Тибета, сознавая факт полного социально-экономического развала страны, опасается, что Тибет может быть завоеван китайцами или кем-либо еще. Простые люди, как мы убедились, думают так же, спрашивая нас по пути, скоро ли придут китайцы. Это их заветное желание, ибо они полагают, что при китайцах им было бы лучше.

С утра сегодня холодный ветер; небо обложено тяжелыми снеговыми тучами. Все сидим в фанзе в своих помещениях, однако прохладно и в шубе, мерзнут ноги. Для Е.И. так и не удается достать молока. Сегодня посылали к лавочнице-торговке с просьбой приобрести где-либо молока по какой угодно цене. Она сообщила, что достать его нельзя, у нее самой осталось из 160 яковых коров всего три, да и те не доятся от бескормицы. Поступило странное распоряжение «губернатора»: не давать нашим ламам из Бурятии, идущим в Лхасу, аргала. Это можно расценить как наказание за их желание идти в Лхасу. Приехали из Лхасы трое человек: один – майора, двое других – «губер-

натора», сопровождавших из Лхасы наш продовольственный караван. Последний ожидается сегодня вечером или завтра утром.

Возвратились от духовного «губернатора» ламы, ходившие к нему за аргалом, и сообщили, что «губернатор» и его жена пьяны. Точно так же и Кончок наш пьет целыми днями. Тибет – пьяная страна, что бы об этом ни говорили и как бы это ни скрывали!

16/II ***Приход каравана с продовольствием. Наглое вымогательство духовного «губернатора». Аттестация английских властей Индии, данная майором.***

К 12 ч. дня пришел наш караван, но разгрузился почему-то на дворе «губернатора». Новый возмутительный поступок духовного «губернатора» с нашими ламами из Бурятии. Он заявил им сегодня, по словам ламы К., что вообще неизвестно, когда они пойдут на Лхасу, что без подарка ему они вообще не пойдут, а теперь они должны заплатить за аргал за 26 дней по янчану за мешок. Лучшей пропаганды против Тибета, которую ведет духовный «губернатор» всеми своими действиями, трудно себе и представить. Даже ламы, которые еще недавно считали Далай-Ламу святым человеком, теперь на все лады поносят его.

Сегодня пришло для нас очень неутешительное известие, что удастся, по-видимому, собрать только 80 яков, остальное количество будет заменено людьми. Но как же можно пуститься в путь с малорослыми и слабосильными людьми, которые не могут поднять полуторапудового мешка зерна? Характерная особенность Тибета: когда вам говорят, что дают от правительства подводы, транспорт и снабжение, не подумайте, что это бесплатно; само собой

разумеется, как дело второстепенное, что вы должны заплатить за все по самой высокой цене.

Около 2ч. дня доставили наконец во двор продовольственные товары. Пришли и оба «губернатора», майор, солдаты, доньеры и возчики. «Губернаторы» принимали деятельное участие в подсчете и разборке продуктов. Позднее явились ламы-буряты с просьбой к «губернаторам» о скорейшем пропуске их в Лхасу, вернее, о предоставлении им верховых яков. При этом майор сказал, что они могли бы идти с нами в Индию. На замечание Ю.Н., что англичане их не пропустят, майор возразил, что из Тибета в Индию пропускают любого, будь он даже убийцей. Прекрасная аттестация Индии и английских властей из уст тибетского майора, данная в присутствии «губернаторов», иностранцев и многих свидетелей! Посмотрим, что на это скажут англичане. «Губернаторы», не имея, конечно, своих яков, направили лам к местным жителям, а те наотрез отказались исполнять приказ. Здесь администрация часто попадает в такой заколдованный круг.

17/II ***Ламы-буряты дали взятку «губернаторам». Донос Малонова и Бухаева. Буряты-доносчики. «Губернаторы» вымогают новые подарки.***

Вчера трое лам-бурят признались, что они дали гражданскому «губернатору» 15 янчан, и тот посоветовал им дать взятку также и духовному. Сообща они поднесли последнему серебряные часы, но, к их изумлению, положение нисколько не улучшилось. Тайна эта тоже раскрылась. Вчера вечером Кончок сообщил нам, что умерший Малонов сделал в Чу-наргене на нас донос о том, что мы «красное посольство из Москвы». Эту же версию поддерживал в Нагчу и его племянник Бухаев, а остальные двое на допросах – К. и Л. – «умывали руки» и говорили, что

они вообще не знают, что мы за люди. Таким образом, нам стало ясно, почему вчера гражданский губернатор сказал им при нас по-тибетски: «Убирайтесь вон, вы слишком много врете!» Ламы теперь боятся ехать на яках в Лхасу, опасаясь той же участи, какая постигла доносчика Малонова: последний, усаживаясь на яка, неожиданно для всех умер.

Так мы каждый день являемся свидетелями проявления людьми их истинных качеств. Оглядываясь назад, припомним, что взятые нами в дорогу буряты старались нанести нам наибольший вред. Первый из них, Ц., пытался предать нас монголам из Юм-бейсе; другие сделали чрезвычайно опасный лживый донос китайским чиновникам, а третьи – ламы, будучи довезенными сюда с полным удобством, – пытались предать нас тибетцам! Все эти доносы, видимо, были тщательно обдуманы и направлены против нас с предвкушением особо тяжких и убийственных для нас последствий. Один из них грозил нам даже китайской тюрьмой.

Е.И. встала с постели, почти поправившись. Сегодня Ю.Н. предстоит ряд неприятных визитов; по намекам «губернаторов», нам надлежит сделать им целую серию подарков, иначе наш отъезд опять затянется: гражданский «губернатор» получает шапку Ю.Н. чернобурой крестовой лисицы и еще кусок шелка, жена духовного «губернатора» – серебряный сервиз, дамский несессер и шелковый халат. Вместо несессера предполагались духи, но она заявила, что эту «индусскую воду» уже имеет и вместо этого настойчиво требовала несессер, который, к счастью, нашелся у Е.И. Даже майор должен получить испанский наган с патронами. К нашему возмущению, мы только таким образом можем получить право выезда из этой «страны». Вот уже скоро пять месяцев, как мы находимся в плену у

тибетцев и практически изучаем на себе «благородные» методы тибетской администрации.

Первый же визит Ю.Н. к гражданскому «губернатору» возымел желаемые результаты – обещано дать бумагу о нашем маршруте, еще раз обещаны яки на 25 февраля и предложено со второго же цзонга идти на юг. Днем ветер и холодная погода.

18/II ***Служебная карьера духовного «губернатора». Подарок майору.***

Вчера вечером Ю.Н. до 9 ч. был у духовного «губернатора». Подарки супругой его благополучно «съедены» и обещано содействие. Новые любопытные подробности о духовном «губернаторе». Он был уже четыре года в Лхасе на покое, на пенсии, и, нарушив обет монашества, женился. В прошлом году летом ему были предложены Далай-Ламой два назначения. Одно – посланником при Таши-Ламе в Китай (обратите внимание на необычность этого назначения). Другое – губернатором в Нагчу, что считается самым важным здесь назначением на севере страны, причем Далай-Лама дал ему статус духовного, несмотря на нарушение ламского обета. Очевидно, подобные нарушения обетов при извращении Учения не так уж редки. Подтверждается, что духовный «губернатор» выдвинут на этот пост в Нагчу как выдающийся в Тибете образованный дипломат и политик, знающий «люксо» (обычаи) всех народов. Из этого ясно, что все поступки «губернатора» в отношении нас надо считать верхом административного опыта, политики и дипломатии Тибета!

Кончок утверждает, что в назначенный «губернаторами» срок мы все-таки не выйдем. Сегодня за обедом, собравшись вместе, мы все чувствовали себя очень польщенными, считая, что в лице духовного «губернатора» мы имели

дело с одним из самых выдающихся дипломатов Тибета, особо уважаемым самим Далай-Ламой. Даже в трагических ситуациях иногда допустима шутка, ведь Нагчу-цзонг – это краса и гордость укреплений Тибета, готовый противостоять армии Фенга, всей Монголии и даже «московитам», презрительно взирающий на «пелингов». Правда, воины Нагчу незримы, но кому же неизвестно, что одно заклинание Далай-Ламы – «Океана Знания» и «Держателя Молнии» – немедленно выявит бесчисленное непобедимое воинство! Мы уже упоминали, как британцы, занявшие Лхасу, были устрашаемы сорока тысячами воинов, которые навеки остались незримыми и неощутимыми.

Вместо испанского револьвера, которого мы не нашли, подарили майору кожаные теплые американские перчатки, пообещав в случае своевременной доставки яков сделать ему еще подарок.

19/II ***Снова сильный мороз. Административная «слойка» Тибета. Ламы-буряты идут в Лхасу пешком.***

Ночью сильный мороз. Утром столбик спирта комнатного термометра полностью ушел вниз. Можно считать не менее –35° С. Северо-восточный ветер. Лошади сильно дрожат от холода. Днем на солнце в Нагчу бывало до +40° С. Таким образом, разница иногда превышала 70° С. Недаром Свен Гедин считал свое третье путешествие из Ладакха в Тибет наиболее тяжелым. Со слов «губернаторов» выясняется, что пограничные области Тибета представляют собой какой-то «слоеный пирог». Например, Нагчу находится в ведении «губернаторов», полоса Чу-наргена под властью генерала, ближайшая за Чу-наргеном местность Шингди опять в ведении «губернаторов», а кому принадлежат дальнейшие местности, понять вообще невозможно. Таким же образом местность Джекундо находится под властью си-

нинского амбаня, а область севернее ее опять входит в состав Тибета. Сегодня совершенно не удается писать чернилами – замерзают на кончике пера.

Н.К. и Ю.Н. возвратились с совещания у «губернаторов», где был назначен «точный» срок нашего выступления – 27 февраля – и обещаны тибетские паспорта и все путевые бумаги до Сиккима. Пользуясь отсутствием на совещании майора, «губернаторы» усиленно сваливали вину за нашу задержку на Хорчичаба. Видимо, они боятся ответственности и потому заранее желают наметить ответчика. Но нам совершенно безразлично, кто виноват из чиновников. Отвечать будет перед американскими организациями тибетское правительство, а не Хорчичаб или нагчуские «губернаторы».

Уходят пешком в Лхасу трое лам-бурят, о которых «губернаторы» на днях еще отзывались как о «скверных» людях. Ясно, что в Тибете скверным людям всегда предпочтение.

20/II ***Нищий Тибет. Торжественная церемония изгнания злых сущностей перед Новым годом.***

Ночью и утром опять сильный мороз. Утром в 10 ч. –21° С. Перед тибетским Новым годом, который наступает 22 февраля под именем Года Земного Дракона, духовный «губернатор» прислал нам в подарок четыре мешка молотого горошка для животных.

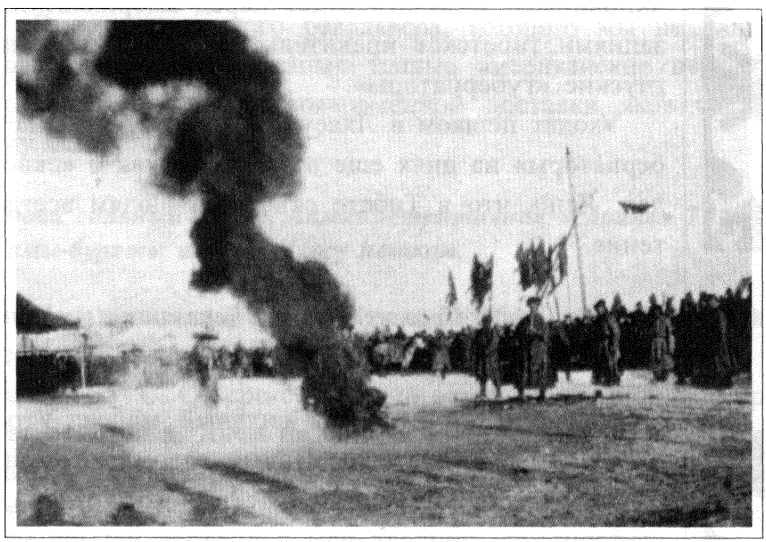
У Е.И. сегодня с утра болит голова. Лучше всех переносят путь, в смысле заболеваний, Людмила и Рая – ни разу серьезно не болели; оно и понятно, принимая во внимание их общее здоровье и молодость.

Вчера и сегодня появилось много нищих, группами заходящих во двор. Тибет нищий, но это нищие из нищих!

Тут нищенство уже непритворно. Все эти группы являются, громогласно и жалобно причитая нараспев.

Сегодня Е.И. и Н.К. рассматривали издание Брентано произведений Н.К.

В 2 ч. дня возвратились с торжественной духовной церемонии, на которую были приглашены властями. Сегодня как бы «сочельник» перед праздником, когда здесь изгоняют «злых сущностей», предварительно принеся им жертву. Около 1 ч. дня торжественная процессия лам в красных мантиях и шляпах, со священными изображениями, сопровождаемая двумя чиновниками в парадных одеяниях



Сжигание *Торма* или новогодние подношения.
Courtesy: N.K. Roerich Museum, New York, N.Y., USA.

и красных с кистями шляпах, несших курения, а также вооруженной «рогатыми» ружьями и мечами стражи из граждан, выступила со двора духовного «губернатора». Мы в это время были приглашены к нему на чай. Служение происходило на одном из холмов, где был сложен из ар-

гала большой треугольник, внутри которого развели огонь. Служил лама, державший в руке черный платок и колокольчик, остальные стояли полукругом, ударяя в барабаны и литавры, один трубил в рожок. Мы поспели от «губернатора» уже к концу этого служения, когда вскоре в огонь костра были брошены приношения злым духам. Последние, по верованиям тибетцев, должны из огня набрасываться на эти приношения; в то же время стража подходит и стреляет в огонь из ружей. Толпа «благочестивых» зрителей тотчас же, как только были застрелены «злые сущности», бросилась к костру хватать остатки приношений, предохраняющих якобы от ружейной пули. Стража, обнажив мечи и взмахивая ими, бросилась вверх по холму за уходившей духовной процессией. На этом «духовное» торжество и закончилось.

К вечеру ожидается более грандиозная процессия из монастыря. В 4ч. дня отправились в монастырь, где с крыши уже ревели две гигантские трубы, усердно надуваемые двумя ламами. Служение совершалось с еще большей торжественностью, чем утром, и в большем составе лам и духовых инструментов. В заключение все двинулись за ворота монастыря, где произошло сожжение жертвы и избиение набросившейся якобы на нее «нечисти». Все эти тибетские религиозные процессии в шляпах в виде петушиных гребней, в пышных красных рубищах-мантиях настолько сказочны и театральны, что, думается, присутствуешь на каком-то представлении, а не в далеком, диком Тибете. Все это так необычно и чуждо сознанию европейца!

Духовный «губернатор» предложил Н.К. послать Далай-Ламе в Лхасу большую монографию *«Гималаи»* издания Брентано, которую мы сегодня же и направили «губернатору». Все это будто бы в целях «выпрямления» нашего маршрута!

21/II ***О йогах. Агни-Йога. Из книги «Знаки Агни-Йоги».***

Беседовали с Н.К. о йогах. Каждая из существующих Йог является как бы специальным дополнением одна к другой и служит развитию целей и методов. Одна из старейших – *Раджа-Йога* – получила потом ответвления в виде *Джнана-Йоги* (Знание), *Бхакти-Йоги* (Преданность Богу) и низшей формы йоги – *Хатха-Йоги* (Йога физических достижений). Сравнительно недавно определилась так называемая *Карма-Йога* (Йога земного трудового достижения). Но для применения к широким задачам будущей эволюции потребовалась более синтезирующая Йога, объединяющая духовные достижения с полным участием в земной жизни. Таковой является данная лишь в последнее время *Агни-Йога*, собственно «Огненная Йога», основанная на применении достижений, возможных при «открытых центрах» в напряженной эволюционной деятельности на земле.

Позволю себе привести здесь несколько подлинных выражений из книги «*Знаки Агни-Йоги*»:

«Хотящий плавать должен бесстрашно броситься в воду. Решивший познать Агни-Йогу должен преобразить ею всю свою жизнь. Почему люди думают, что можно Йоге уделять часть ленивого досуга, пребывая в нечистых помыслах все остальное время? Именно, все действия должны быть проникнуты очищающим огненным устремлением.

Помните, как начинал с вами познание Агни-Йоги, так же и вы вводите ваших учеников в пределы Огненной Йоги. Как ваятели, начинайте касаться разных сторон сырой материи. Неожиданно, неустанно высекайте искры огня жизни из поверхности хаоса. Как игра Великой Матери достигает мощи в извивах спирали энергии Фохата, так мужественно дайте людям все неожиданное понимание обобще-

ния жизни при познании Беспредельности. Не обращайте внимания на ныряния и взлеты духа, ибо это могут быть лишь кольца спирали движения. Хуже ровная невнимательность и самомнение.

Агни-Йога пусть ведет путем построения пламени, являя подобность вечному зарождению космических образований. Самая обобщающая Йога накладывает обязательства построения всей жизни, соответствующей внешне незаметной дисциплине. Если эта незаменимая дисциплина может не быть цепями, но претворится в радость ответственности, то можно считать первые Врата открытыми. Когда будет осознано сотрудничество с дальними мирами, тогда откроются Врата вторые.

Когда же будут поняты основы эволюции, тогда упадет затвор третьих Врат.

Наконец, когда будет понято преимущество уплотненного астрала, тогда затвор четвертых Врат упадет. Наряду с этим продвижением зажигаются огни центров познания и приходит чувствознание среди молний тончайших энергий. Так берегите Огонь Познания и берегите растущую мощь».

Говорили о том, как трудно ученым-исследователям ознакомиться с этой мало исследованной областью возможностей *открытых центров*, обычно пребывающих в состоянии покоя. С одной стороны, условия европейской жизни, с другой – отсутствие людей, знакомых с этой областью знания *открытых центров* или владеющих ею, не дают возможности правильного наблюдения явлений. Раз уже наука обратила свое плодотворное внимание на деятельность и особое значение желез внутренней секреции, придется вскоре обратить внимание и на изучение деятельности узлов или скоплений нервного вещества симпатиче-

ской нервной системы и связанных с нею особых центров восприятия. Таинственные до сих пор «огненные чакры» войдут в область обычных научных исследований. Ничто этим не умалится, но человечество приобретет новые возможности.

Долго и оживленно говорили сегодня вечером с Е.И. о деятельности Е.П. Блаватской и многих отдельных эпизодах ее жизни.

22/II ***Новый год Земного Дракона. 140-й день нашего плена. Цены на корм растут. Жалоба старшин. «Пусть Земной Дракон осудит Тибет». Новогодний визит и прием у духовного «губернатора». Художественный критик Риттер о творчестве Н.К.***

Первый день тибетского Нового года Земного Дракона. С раннего утра на дворе духовного «губернатора» толпы народа: раздают праздничное угощение – куски мяса и прочее.

Ночь на Новый год справляли, очевидно, не столько люди, сколько бродячие собаки: всю ночь стоял оглушительный лай и вой. Если б не гибель нашего каравана, мы, конечно, не встречали бы в Тибете этот «оглушительный» Новый год в конце февраля на 140-й день нашего пленения. По этому случаю вспоминаем, как майор по приказу генерала запретил нам продавать во время стоянки в Чу-наргене наших верблюдов, мулов и лошадей. Именно тогда были покупатели – проходившие монгольские караваны.

В это же время, после отъезда генерала, майор и старшины настаивали, прикрываясь доброжелательностью, чтобы мы немедленно отправили наших животных за 50 верст в Цомра, то есть именно в то место, где, как мы

сами убедились впоследствии, вымерли от голода даже местные, привычные яки. Исполнив коварный совет майора, мы окончательно лишились каравана. Цены на лошадиный корм для нас все растут – здесь мы уже платим за полуторапудовый мешок 13 нарсангов, то есть около 9 мексиканских долларов, что более чем в девять раз превышает обычную цену в европейских странах.

Выяснилось еще одно любопытное обстоятельство, характеризующее не только действия правительственных властей, но и нравственный облик народных избранников – старшин, подавших правительству жалобу на то, что «американы» якобы не заплатили им за какие-то продукты. Поэтому они ходатайствуют перед правительством об отмене для них налогов на будущий год. Это бессовестная и очевидная ложь, так как, если бы мы не заплатили, они не выпустили бы нас из Шаругона, ибо даже плату за яков до Нагчу по два нарсанга они нам не поверили в долг и очень шумно потребовали немедленно уплатить вперед, иначе, как мы упоминали ранее, грозили не дать животных.

Вспоминаю предложение Н.К. вскоре же по приходе в Чу-нарген, где обнаружился недостаток корма, послать часть животных на продажу в Нагчу, чему майор резко воспротивился, говоря, что в Нагчу покупателей нет. Между тем в это время в Нагчу было много караванов, нуждавшихся в животных, и даже теперь, здесь, мы немедленно были встречены вопросом, нет ли у нас животных на продажу. Все это наглядно показывает, какие коварные давались нам советы и какие принимались меры, чтобы лишить нас средств передвижения, так как теперь мы убедились, что они были совершенно бессильны воспрепятствовать нашему продвижению.

Н.К. добавляет: «Пусть Земной Дракон в этот день и осудит Тибет!» Жалоба, поданная на нас правительству, тем более возмутительна, что мы никакого дела непосредственно со старшинами в Чу-наргене не имели – все поставляло нам правительство через майора и по его распоряжению, и расчеты были произведены через него же: все деньги выдавались майору на руки или командированным майором лицам. Как рассчитывался и рассчитывался ли вообще майор со старшинами и хорами, – нас это совершенно не касается, так как мы обязаны были доверять должностному лицу, приставленному к нам Хорчичабом.

Н.К. очень озабочен тем обстоятельством, что «губернаторы» скрывают стоимость следующего нашего каравана, несмотря на наши повторные вопросы, так как мы никаких одолжений или подачек со стороны тибетского правительства принимать не намерены. Какое же новое коварство может быть скрыто в этом умалчивании?! До сего времени мы не остались должны ни одного медного шо; наоборот, от нас получили все, что только могли: и драгоценные подарки, и серебряные янчаны за непомерно оцениваемые ими продукты.

После двукратного приглашения от духовного «губернатора» мы были вынуждены нанести ему новогодний визит. Вместе с нами пришел к нему и гражданский «губернатор». В назначенное для нашего приема время никого из посторонних поздравителей не было. Оба «губернатора» и семья духовного были парадно одеты, даже с украшениями из драгоценных камней. На пальце духовного был большой тибетский золотой перстень с крупным индийским изумрудом безукоризненного цвета и блеска. Визит длился не более 20 минут, во время которого мы обменивались незначительными любезными вопросами и ответами; предложен был чай и сладости. В течение предыду-

щих визитов духовный «губернатор» неоднократно обращался в шутливой форме к Н.В., прося продать или подарить ему часы, хотя бы неисправные. Сегодня он также не удержался и обратился с той же просьбой, как бы продолжая шутку. Нам, однако, думается, что ему действительно хочется иметь часы, так как, несомненно, он слышал от майора о подаренных Хорчичабу золотых с жемчугом карманных часах.

Ставили сегодня граммофонные пластинки вагнеровских опер «Валькирии» и «Парсифаль». По этому поводу Н.К. вспоминает, как один петербургский художник говорил Н.К. о вагнеровских абонементах в опере, что, по его мнению, они чрезвычайно скучны, и Н.К., вероятно, только по положению своему должен посещать их. Один из лучших немецких художественных критиков, Риттер, сравнивал творчество Н.К. с творчеством Вагнера, подчеркивая, что, как Вагнер в своих композициях восходил до «Парсифаля», так и Н.К. в своем творчестве восходил до высоких образов.

23/II ***Праздничное творчество. «Винайя». Антисанитарное состояние Нагчу. Богатство правящего класса Тибета.***

Вчера в ближайшем от нас строении были какие-то танцы, но в общем праздник не внес каких-либо изменений в повседневную жизнь, разве только, как говорят, практически все перепились. Мы это ощутили на нашем тибетце Кончоке, который напился тибетским ячменным пивом «чан» до бесчувствия. Это мутная кислая жидкость со слабым привкусом пива.

Вспоминали, насколько основы старой буддийской «Винайи» не соответствуют современному ламаистскому мона-

стырскому укладу. Н.К. замечает: «Поучительно было бы заглянуть в сознание ламаиста, которому предложили бы действовать по истинным заветам Великого Будды».

Насколько естественна и привычна в здешней жизни антигигиена, показывает сегодняшний случай, когда на соседнюю с нашей фанзой мусорную кучу выбросили павшую лошадь. Никто не дает здесь себе труда вывезти павшее животное хотя бы немного подальше от жилищ. Как мы уже упоминали, между домами в Нагчу (улиц здесь нет) валяется много костяков и трупов крупных и мелких животных. Никак не укладываются в сознании пышные наряды правительственных властей, украшенные драгоценными камнями, с омерзительными грудами нечистот и нищетой народа. Бедность удерживаемого в невежестве народа, для которого правительство ничего не делает, очевидна и не подлежит никакому сомнению. Не подлежит сомнению и факт естественных богатств страны, лежащих мертвым капиталом, как невозможно усомниться в наличии богатств, накопленных правящими классами.

Мы уже упоминали при описании тибетских властей, что одежды их и весь облик напоминают дореформенный Китай. Каким образом могло случиться, что тибетцы заимствовали только отрицательные стороны старого Китая? Неужели их потенциал самобытности был настолько слаб? Правда, китайские писатели всегда называли тибетцев диким народом.

24/II ***В Тибете нет радости и песен. «Губернатор» едет с процессией на гору. Предания об «Иссе». Подлинность существования Христа.***

Несмотря на праздники, никакого оживления не видно, а главное, в Тибете совершенно нет радости и песен. Н.К. говорит, что народ, который перестал петь, уже несет в

себе разложение. При этом Н.К. вспоминает звонкие песни Ладакха и Сиккима, которые поются не по обязанности, не для заработка, а выражают душевное настроение.

Около 11ч. духовный «губернатор» отправился с процессией на гору к субурганам. Лошади своей он не имеет и потому принужден был просить у нас, случайных прохожих, одолжить ему лошадей, причем лошадь для него требовалась с необрезанными хвостом и гривой. Таковая у нас нашлась в образе Серого. Четверо наших лам сегодня отправляются в Лхасу на восьми мулах за плату 135 янчан. Все-таки те люди, о которых «губернатор» говорил, что это «худые люди», отправляются первыми.

Сегодня говорили, насколько распространены по всей Азии среди буддистов и мусульман предания об «Иссе», в особенности в Ладакхе как месте Его пребывания и проповеди, согласно местным преданиям. Указывают на Ле (Лех) и пруд около базарной площади, где, возвратившись из Братства, Он проповедовал под деревом, перед отправлением в Палестину. Та рукопись, о которой впервые упоминал Нотович, и теперь хранится в монастыре Хеми, в 50 милях от Ле в Ладакхе. Рукопись эта на тибетском языке и основана на существующих местных преданиях. Конечно, известная часть миссионеров приходит в ярость при упоминании об этих преданиях, хотя в них не содержится ничего умаляющего Христа или кощунственного, однако им противна сама мысль о какой-то связи Иисуса с Учением Будды и буддийскими странами. Определенная часть миссионеров легче мирится с никому неизвестным периодом жизни Христа, возвращая Его после диспута во Храме Иерусалимском обратно в Египет и совершенно не допускает мысли о Его пребывании в Индии и Гималаях, куда, по существующим преданиям, Он в юности отправился с караваном купцов через Аравию. Между тем те же

миссионеры охотно мирятся с пребыванием апостола Фомы[81] в Индии и с путешествием в Индию Аполлония Тианского[82], описанным его учеником Дамисом.

Вспоминаю, сколько клерикальной злобы было обрушено на Н.К., после упоминания им тех же фактов в своих записках. Тем же, кто утверждает мифичность самого существования Христа, можно, кроме ссылки на Иосифа Флавия[83], напомнить о найденной в Сирии плите с эдиктом римского правительства о преследовании последователей Иисуса.

25/II ***Питаемся недоброкачественными продуктами. Недоброкачественность пронизывает Тибет сверху донизу. Мнение «губернатора» о тибетских сановниках. «Каменный век».***

Неожиданно опять заболела Е.И. Ужас нашего положения заключается в том, что мы вынуждены питаться абсолютно недоброкачественной пищей. Молоко, которое мы смогли запасти в мерзлом виде в Шаругоне, теперь совершенно разложилось. Масло ячье, изначально грязное и недоброкачественное, теперь тоже испортилось. О качестве и происхождении мороженого ячьего и бараньего мяса лучше не говорить, так как здесь был падеж животных. Привезенные из Лхасы в небольшом количестве мороженые танджерины (мандарины) сгнили. Наш пресловутый продовольственный караван доставил, главным образом, корм для верблюдов и лошадей, а для нас, кроме нескольких банок «искусственного» сгущенного молока, – несколько полусъедобных китайских консервов бамбука и корнишонов в имбире, скорее врагов пищеварения, чем приправы к пище. Даже в самой неразвитой стране можно было бы все-таки ожидать доброкачественности по крайней мере

примитивных продуктов первой необходимости. Здесь же недоброкачественность пронизывает страну, видимо, сверху донизу, во всем ее быте и во всех ее проявлениях.

Посылаем «губернаторам» подлинник заготовленного еще в Шаругоне медицинского свидетельства о необходимости безотлагательного и кратчайшего прохода на Сикким. Удивляемся, что до сих пор не получили никакого ответа ни от герцога Доринга, ни от военного министра Царонга. В ответ на заданный в связи с этим вопрос духовный «губернатор» ответил: «Надо иметь большое сердце, чтобы говорить о Вашем деле в девашунге, а оба эти человека имеют маленькие сердца». Предоставляем искушенному дипломату лучше знать и вернее судить о своих сановниках. Жена духовного «губернатора», мучимая, очевидно, тщеславием, прислала просить сделать ее фотографию.

С утра семь полунагих женщин и трое детей, помогающих им, мелют тремя ручными мельницами горох для животных. Мельница состоит из двух круглых мельничных камней около полуаршина в диаметре, наложенных один на другой; верхний вращается деревянной ручкой. Горох в Тибете снаружи имеет темно-синий цвет, несколько напоминая ягоду чернику или гонобоб (голубику). Н.К., наблюдая за этой примитивной работой, вспомнил свою картину «Каменный век» и добавил: «Стоило ли земле существовать миллионы лет, стоило ли истекать двум тысячам нашей эры для того, чтобы мы видели эту абсолютную примитивность существования? Ведь то же самое и решительно теми же самыми способами производилось десятки тысяч лет тому назад. Конечно, эти люди в лучшем случае выше шаманства подняться не могут».

Опять идет снег. Ровно в полночь на 10 сентября 1927 года мы вступили на территорию Тибета, и вот идет уже шестой месяц нашего пребывания в этой сумеречной стра-

не нибелунгов. Но коварному владыке страны Альбериху все-таки, несмотря на «шапки-невидимки», поймать Зигфрида не удалось, и мы все же на днях уходим в страну тепла и света.

26/II ***Болезненные симптомы и опыты Е.И.***
Пьяная откровенность майора.
Безобразная сцена у «губернаторов».

Здоровье Е.И. сегодня лучше: встала с постели и выходила на прогулку. Ее внезапные недомогания, характеризующиеся быстро изменяющимися и переходящими симптомами, а также отеком рук, носят, несомненно, все признаки нервных заболеваний, напоминая подобные же у Е.П. Блаватской. Разумеется, опыт Е.И., предпринятый под руководством высоких Учителей Востока, является более сложным и значительным по своим последствиям, чем у Блаватской, и пока единственным в своем роде.

Сегодня ожидаются яки для нашего каравана из Чу-наргена. Сообщить об этом и попрощаться перед своим завтрашним отъездом пришел пьяный майор. Из разговора с ним, благодаря его нетрезвому состоянию, выяснился ряд характерных и ценных сведений по поводу нашего задержания. Оказывается, перед нашим приездом в Шингди у Хорчичаба был гражданский «губернатор», с которым состоялось соглашение о нашем передвижении в Чу-нарген и далее. Таким образом, наше задержание всецело отнесено майором за счет духовного «губернатора», так как по возвращении гражданского «губернатора» в Нагчу и докладе его о состоявшемся соглашении с Хорчичабом духовный «губернатор» якобы воспротивился пропуску. Гонец-солдат, посланный генералом через Нагчу в Лхасу, бесследно пропал с письмами. Так донесений генерала в

Лхасе получено и не было. Майор заявляет, что он служил нам хорошо, а все письма и первое медицинское свидетельство отправил генералу. На вопрос Н.К., понимает ли майор все значение случившегося, он ответил, что об этих гражданских вопросах он говорить не может, так как его дело – убивать людей, но понимает, что все вышло очень плохо. Мы все с изумлением слушали, как тибетское должностное лицо, прикладываясь к «чану», который принес и подносил ему Кончок, разоблачало «губернаторов», говоря о «гражданском», что тот имеет «три души» (редкое явление природы).

Обещанные сегодня яки не пришли, ввиду чего Н.К. и Ю.Н. отправились в 4 ч. дня к духовному «губернатору», где был уже и «гражданский». Вызвали майора, который оказался совершенно пьян и уже собирался уезжать. «Губернаторы» обратились к Ю.Н. и Н.К., прося их сказать майору, что если он уедет, то Миссия немедленно отправится в Лхасу. Произошла безобразная сцена: пьяный майор махал руками перед лицом гражданского «губернатора» и кричал, что он уже собрался в дорогу, а «губернатор» ехидно извивался, смеясь над ним. Духовный «губернатор» тоже громко хохотал. Майор, видимо, хотел сбежать, не дождавшись яков, затребованных им от старшин-хоров именем Хорчичаба и по приказу Далай-Ламы. Между прочим, сегодня было получено из Лхасы какое-то письмо, о котором Кончок говорит, что в нем лхасское правительство извещает «губернаторов» о назначенном следствии по поводу нашего задержания и гибели каравана. По словам Н.К., у «губернаторов» замечалось какое-то смятение; «гражданский» держал в руках письмо, перечитывая его, и почему-то иногда рассматривал его на свет. Весьма характерно замечание майора о том, что первый человек, приехавший к нам в Шингди, не был унтер-офи-

цером генерала и что этот посланец больше к генералу не вернулся. Более чем странно, что это уже второй бесследно пропавший гонец. Предполагаем, что во всем происходящем кроется какая-то очередная тибетская западня, направленная на то, чтобы еще дольше задержать нас здесь.

27/II ***Мороз. Болезнь Е.И.***
Следствие о нашем задержании и гибели каравана.
Решительный ультиматум майору.

Сильный мороз, ниже –25° С. У Е.И. опять перебои в сердце. Вспоминая вчерашнюю безобразную сцену, которую даже Кончок назвал «зрелищем», Н.К. говорит: «Меня утомила эта пятимесячная ложь со стороны тибетцев. Первый раз в жизни я вижу людей, которые бы лгали не в свою пользу». Вчера «губернаторы» отказались принять медицинское свидетельство, говоря, что его надо передать Хорчичабу, который уже давно письмом уведомил нас, что мы должны сноситься исключительно с «губернаторами». По-видимому, «губернаторы» забыли и о письмах генерала, и о своих письмах нам, и о своей расписке об отправке нашей первой телеграммы, иначе, конечно, они пытались бы заполучить обратно все эти неприятные для них документы.

Так или иначе, даже с приезда «губернаторов» в Шаругон прошло уже два месяца. Неужели и эту задержку они приписывают Хорчичабу? Вечером у нас даже возникла мысль послать телеграмму в Америку и резиденту Сиккима, но мы вспомнили, что могли бы послать только письмо о здоровье, а не телеграмму, иначе говоря, необходимо важный элемент срочности пропал бы, а между тем Н.К. чувствует всю необходимость неотложного сообщения с Америкой по разным делам, чтобы избежать непоправи-

мых последствий. Н.К. вспоминает, что доньер в Урге собирал целое совещание тибетской колонии, прежде чем выдать бумаги на проезд в Тибет нашей Миссии. Бумаги были выданы после настояния всей колонии.

Сегодня Н.К. и Ю.Н. опять были у «губернаторов», где выяснилось, что действительно ими получен запрос по приказу Далай-Ламы, кем мы были задержаны, почему и каким образом была допущена гибель нашего каравана. «Губернаторы» со своей стороны признали, что этот поступок Тибета нарушает добрые отношения с Америкой. При этом стало известно о странных показаниях, данных, по всей видимости, майором, о том, что к нам в Шингди унтер-офицер приезжал самовольно, поскольку такого распоряжения генерал не отдавал. По этому поводу «губернаторы» предложили написать правительству письмо с изложением обстоятельств задержания. Присутствовавшему здесь же майору «губернаторы» заявили, что, если к 9-му числу первого тибетского месяца, то есть к 1-му числу нашего марта, с его стороны не будет предоставлено 70 яков, то Миссия в тот же день выступит не на Нам-ру, а в Лхасу для принесения личной жалобы, а майора «губернаторы» арестуют и отправят в Лхасу под суд. Предоставляем читателям возможность оценить слова майора, ибо как это мог подчиненный генералу чин «самовольно» прибыть к нам для задержания и осмотра вещей.

28/II ***«Губернаторы» хотят, чтобы мы шли в Лхасу. Мучительные заседания и неизвестность положения.***

Вчера вечером привели всего лишь 32 яка. «Губернаторы» известили лхасское правительство, что если до 1-го марта майор не доставит яков, то мы идем на Лхасу. Конечно, этот путь ближе, и «губернаторы», видимо, очень

хотят этого, так как думают, что все случившееся будет улажено самим лхасским правительством, и они останутся в стороне. Но мы опасаемся по прибытии в Лхасу еще какой-нибудь очередной задержки и потери времени. «Губернаторы» почему-то уже давно поторопились оповестить всех, что мы едем теперь на Лхасу. Гражданский «губернатор» спрашивал, почему мы не перенесли лагерь к генералу в К'аме, в Биру-гомпа, чтобы сохранить наших животных? Мы ответили, что хотели идти к генералу, писали ему об этом, но ответа не получили; просили об этом и майора, но он нас не пустил и вместе с тем не разрешил продать животных.

Среди дня зашел пьяный майор, опять ругал «губернаторов» и на вопрос о животных категорически заявил, что он «не может их достать из своего желудка», при этом майор отказался идти с нами к «губернаторам».

Вечером состоялось мучительное заседание у «духовного», который вновь бесстыдно увиливал от своих прежних заявлений, сваливая всю вину на генерала и майора. Попрежнему не имеем ни разрешения на выход, ни точного маршрута. При этом было назначено заседание на завтра утром для окончательного решения, причем нам было предложено послать специального человека к «гражданскому», чтобы он, по обыкновению, утром не опоздал. В довершение всего «духовный» неожиданно, скороговоркой, спросил: «А Вы будете еще ружья продавать?» Уничтожив наши транспортные средства, они хотят, видимо, уничтожить и все наши средства защиты. Разумеется, они «покупают» все по своей особо дешевой цене, как бы берут взятку. Например, они купили кусок драгоценной старинной парчи, ими же самими оцененной в тысячу нарсангов, за предложенную Н.К. цену в одну маленькую золотую тибетскую монету, на что они тут же с радостью согласи-

лись, забрали парчу, но более о монете даже и не упоминают.

Н.К. безмерно огорчен наглой и постоянной ложью тибетских чиновников. Ничему здесь нельзя верить.

29/II ***Мошенничество тибетцев. Угодливость «губернаторов». Совещание у «духовного». «Величественный снежный дворец». «Духовный» залез к Ю.Н. в карман. Америка не должна забыть, как с нами поступили тибетцы. Религиозный спор. Орден Будды Всепобеждающего.***

Снежное утро. День начался с нового мошенничества тибетцев: доставили ячмень в мешках, и хорошо, что мы успели проверить содержимое – зерно оказалось смешанным с измельченным аргалом. Мяса уже почти не достать. Обещанного количества зерна даже по дорогой цене не дают. Ни о каком приближения наших яков не слышно, хотя проходят большие караваны до сотни голов.

Характерно отметить, что вчера духовный «губернатор» предлагал Ю.Н. выехать на Лхасу. Какая новая западня скрыта в этом предложении? Сегодня «губернаторам» будет еще раз указано на огромный убыток, который тибетцы наносят организациям Америки, пославшим Миссию в Тибет. Одна только порча непроявленной фотографической пленки стоит огромных денег. Когда выйдем из Нагчу, – до сих пор точно неизвестно, хотя «духовный» вновь подтвердил вчера, что в Лхасу отправлено письмо, в котором была указана дата нашего выхода – 9-ое число первого тибетского месяца, то есть 1 марта нового стиля. То ли испугавшись расследования, предпринятого Лхасой, то ли испытывая все же чувство неловкости от собственного бессилия, но «губернаторы» ведут себя весьма угодливо. Посылают нам каждый день тибетские кушанья в сосудах,

напоминающих самовары, только без крана, а также печенье. Кушанья эти состоят из смеси фын-тяо-цзы (рисовая вермишель), кусочков мяса и ломтиков печени, древесных грибов, морской капусты, креветок, свиного сала, моркови и тому подобного. А вчера угодливость (или провокация?) дошла до того, что «духовный» просил Н.К. наказать майора за неаккуратность, так как Н.К. «чином выше майора».

После 10 ч. утра отправились вчетвером к духовному «губернатору», где уже был майор. Тотчас же предложили тибетский чай. О деле не говорили, ожидая «гражданского». «Духовный» сидел босой, поджав ноги под себя. Минут через двадцать вошел «гражданский» и сел в угол на тахту на ячью шкуру, рядом с «духовным», поджав ноги, в китайской одежде, в серьгах и шиньоне на темени, переплетенном красной шелковой лентой. Он старше «духовного», которому 63 года, и напоминает своим видом старую с крупным лицом нянюшку-старушку, морщинистую и в очках. Часто смеется, извиваясь всем телом и наклоняя голову. Глаза светло-коричневые и смотрят старчески-злобно, когда он говорит и не смеется. Майор по обыкновению кричал и ругался, говоря, что мы самовольно пришли в Чу-нарген и что «отношения Тибета с Америкой были хорошие, а теперь вы приехали и испортили их, а мы теперь все разрушены»! «Гражданский» тоже говорил озлобленно. Один «духовный» сохранил приличный и добродушный вид, как хозяин и «председатель» собрания. Майор на протяжении всего разговора вел себя совершенно неприлично, ругался и кричал, а «гражданский» извивался от смеха, показывая всем своим видом, что здесь «он не при чем». Майор старается оправдаться, говоря, что мы не могли ехать в Чу-нарген, что якобы генерал нам не разрешал, что нижний чин будто бы сбежал от генера-

ла с какой-то женщиной, а к нам заезжал что-то покупать для себя. Все это, конечно, наглая и совершенно очевидная ложь, так как этого нижнего чина, посланного генералом, видел у нас при исполнении им данного ему поручения доньер «губернатора», бывший в то время у нас в Шингди, а потом и наш тибетец Кончок. В присутствии «губернаторов» майор обвинял во всем генерала, а когда один из них, «гражданский», вышел, обвинил и его, сказав, что именно он, прибыв в Нагчу, развалил все, что было предпринято генералом. А в сущности какое нам дело, кто из них будет отвечать перед Лхасой, ибо само лхасское правительство должно будет держать ответ перед американскими организациями. Принеся свои извинения перед читателями за скрупулезную запись грязного быта тибетских чиновников, мы, тем не менее, должны все это отметить, ибо их ложь и беспредельная наглость возмутительны сверх всякой меры и вместе с тем так характерны для Тибета. «Духовный» отозвался о генерале: «Если он говорил, что может лично писать Далай-Ламе, то он величайший лжец». И пояснил, приведя в пример самого себя, что когда он был простым монахом, он мог писать Далай-Ламе, а теперь как должностное лицо не может. Все эти разговоры сопровождались звоном янчан, которые за нашей спиной считала «губернаторша».

Выдавая паспорт для продвижения на Сикким через Намру-цзонг, «духовный» самодовольно заявил: «Это вам не паспорт, выданный доньером в Урге». Кстати, в этом документе грязный дом «губернатора» в Нагчу именуется «величественным снежным дворцом». Здесь вообще все на словах невероятно приукрашивается и преувеличивается.

Животных, конечно, нет. Теперь их обещают только через пять дней. Ожидают еще какого-то ответа из Лхасы, говоря, что, по слухам, нам определен кратчайший путь.

Оттягивание сроков нашего отправления вызывает у меня подозрение, что с нами хитрят – боятся выпустить, не получив для нас от лхасского правительства дополнительного разрешения миновать Лхасу, ибо мы сообщали им о крупной сумме предполагавшегося пожертвования на монастыри.

Во время разговора «духовный» попытался вытащить из кармана Ю.Н. пачку записок, которые Ю.Н. забрал у него обратно. Теперь мы знаем, у кого научился его маленький сын воровать вещи из кармана. Интересовались, что я записываю. Подошел доньер, перелистал записи и сосчитал количество листов бумаги. «Духовный» выдал расписку в том, что нам дадут животных к 6 марту. Пробыли мы в самой утомительной атмосфере около трех часов. Тут же были домочадцы и слуги, ожидая под конец прихода старшин. «Духовный» просил нас подождать их, говоря, что иначе они не поверят «губернаторам», что зерно и яки требуются для нас. Хороши взаимоотношения тибетских чинов с народом!

Все, происходившее сегодня, было хотя и поучительно, но в высшей степени безобразно и обидно для человечества! Ни по одному описанию путешествий нельзя было предположить о степени невежества и разложения Тибета. Неужели этот очевидный процесс усилился за последние годы?

Ю.Н. предупредил сегодня, что время Н.К. очень дорого, в Америке он зарабатывает в день по тысяче нарсангов, на что майор что-то начал кричать и замахал руками. Если не верят и не считаются с нашим временем и здоровьем теперь, убедятся потом, когда им будет предъявлен иск на крупную для Тибета сумму. Они и так уже стараются уверить нас, что в Нагчу мы поправились, тогда как в Чу-наргене выглядели хуже. Остается прибавить еще от-

вет «губернаторов» по поводу нашего нездоровья и недостатка медикаментов. «Губернаторы» сказали, что они писали в Лхасу, но никакого ответа не получили. Тем хуже для Лхасы, которой придется впоследствии дать ответ и на этот вопрос. Обещали старшинам денежное вознаграждение, если они поскорее соберут яков. Принимаем все меры, чтобы выбраться из Тибета, который всем нам опротивел – даже ламы-монголы не идут в Лхасу к Далай-Ламе и говорят про Тибет, что он «му бейна», то есть скверен, а про Лхасу прямо заявляют, что они не хотят лишиться там заработанных денег, а потому из Нагчу возвращаются домой. Тибет жаден до денег, живет подаяниями и поборами с народа и обирает доверчивых паломников. Каждый тибетец в душе торгаш и корыстолюбивый спекулянт. Америка не должна забыть, как с нами обошлись тибетцы, и всех наших бедствий в этой негостеприимной стране! Наглости тибетцев раз и навсегда должен быть положен конец, тем более, что на Западе уже избран свой Глава Западных Буддистов, куда может примкнуть и Восток. Пусть Тибет сохранит для себя Далай-Ламу Тринадцатого и последнего.

В заключение упомянем, что в этот же день среди прочих безобразных переговоров произошел спор между Ю.Н. и «духовным» на типичную духовную тему. «Духовный» заявил, что мы ненастоящие буддисты, потому что не празднуем буддийский Новый год. На это Ю.Н. возразил, что тибетцы не имеют буддийского Нового года, а празднуют китайский Новый год. Затем «духовный» поставил на вид, что мы не пользуемся четками. На это Ю.Н. ответил, что четки мы используем как священный предмет, а не для коммерческого счета, как тибетцы. «Духовный» обвинил нас в том, что у нас нет молитвенных колес. Ю.Н. возразил, что западные буддисты молятся сами, а не за-

ставляют за себя молиться неодушевленный предмет и что Буддой нигде нет заповедано, чтобы вместо человека молился неодушевленный предмет.

Подлинная бездуховность ничтожества сквозит во всей этой обрядовой шелухе нарочито избранного Далай-Ламой опытного «духовного» дипломата, поставленного в качестве крупного сановника на ответственном посту настоятеля (кемпо) «величественного снежного» цзонга Нагчу, передового и грозного оплота всего Тибета со стороны севера и северо-востока. Пусть все северные народы и государства учтут это обстоятельство. Жаль только, что «духовный» уклоняется от метафизических споров с Ю.Н., считая свои знания несравненными.

Наверное, Н.К. опять бы сказал: «Пришли сроки». С монголами, возвращающимися обратно в Цайдам, передаем князю Курлык-бейсе Орден II-й степени Будды Всепобеждающего для ношения на груди.

1/III ***Опять мошенничество с ячменем.***
Календарь с указанием счастливых дней.
Прогрессирующий паралич Тибета.

Е.И. опять чувствовала с вечера и ночью перебои сердца и видела «внутри себя огни возгорания центров». К утру ей стало немного лучше.

Новое мошенничество Тибета – все время из цзонга нам поставляли «по правительственной льготной цене» ячмень по тринадцати с половиной нарсангов за полуторапудовый мешок. Каково же было наше удивление, когда в соседней лавке нам без торга предложили такой же мешок ячменя по 13 нарсангов. Вот вам и «льготные» правительством цены!

Состоявшийся вчера духовный спор начался с того, что майор и «губернаторы», сняв со стенки у окошка тибет-

ский календарь, начали по нему отыскивать «счастливый» день для нашей отправки, и тут были предложены вышеупомянутые вопросы. День этот они наметили на 15 марта, ожидая к этому сроку получить новый ответ из Лхасы. Создается впечатление, что им необходимо задержать нас до получения ответа и, вероятно, направить через Лхасу, чтобы там вымогать подарки и деньги и вообще как-нибудь уладить все происшедшее. Но, разумеется, надеждам их не сбыться, ибо вычеркнуть из памяти пережитое так же невозможно, как невозможно и далее совершенно бесполезно терять время в Тибете.

Положительно, у тибетцев какая-то mania grandiosa[84] – так они любят все преувеличивать. Вчера «духовный» заявил, что Тибет не только не был никогда под властью Китая, но якобы являлся покровителем последнего. Как бы там ни было, но эта mania grandiosa Тибета является несомненным симптомом его прогрессирующего паралича. Н.К. говорит, что, «если бы мы имели дело с какими-нибудь папуасами, украшенными перьями, мы предъявляли бы им минимум человеческих требований и ничему не удивлялись бы в их поведении, но люди, именующие себя опытными дипломатами, участвовавшие в конференциях в Симле и Пекине, соприкасавшиеся с иностранным дипломатическим корпусом, должны носить в себе черты хотя бы примитивной цивилизации».

Что же тогда представляют собой другие чины тибетского управления, менее отмеченные доверием Далай-Ламы? Вспоминая заявление майора, что мы пришли и теперь они «разрушены», Н.К. сопоставляет это с вагнеровским текстом песни нибелунга о том, как «до прихода богов нибелунги жили мирно, ковали из драгоценных металлов головные уборы и украшения, наряжали себя, а теперь их прежнее существование безвозвратно нарушено».

2/III ***Яки подходят. Торг о стоимости транспорта. Тибетский счет. Выявляются новые характерные черты Тибета.***

Утро начинается с обычных хлопот об аргале и ячмене, доставляемых нам неаккуратно и после бесконечных препирательств. Вчера, получив полностью все деньги, тибетцы сегодня уверяют, что оплата не производилась, но стоит вам энергично им возразить, как отрицаемая истина восстанавливается. Сейчас пришло известие, что часть яков подошла, а остальные идут следом, причем три солдата, посланные сюда, ничего нам об этом не сообщили, и мы узнали эту новость от приехавшей «жены» Кончока, приездом которой он был чрезвычайно огорчен.

Около 2ч. дня возвратился от «губернаторов» Н.К. Майору по-прежнему не подали руки при встрече и прощании. «Губернаторы» объявили, что можно выйти завтра, на что Н.К. немедленно дал согласие. Дают до Намру 140 яков по три нарсанга и 10 лошадей по семь нарсангов. Конечно, о цене животных шел торг. Пользуясь тем, что майор вышел из комнаты, «духовный» стал просить начать торг с ним с 1,5 нарсангов за яка, а за лошадь – по три нарсанга. Когда возвратился майор и ему была сообщена первоначальная цена, он начал было возражать, но «духовный» сказал, что прибавят. После этого по тибетскому обычаю о торге между «духовным» и «гражданским» произошел таинственный обмен на пальцах «из рукава в рукав», а затем – «гражданского» с майором. Пришли к соглашению о трех и семи нарсангах. Сейчас на дворе идет деятельная укладка вещей. Таким образом, ознакомление с внутренней жизнью тибетцев потребовало не менее пяти месяцев, ибо мы выступаем на 150-й день нашего задержания. Тибет предстал перед нами без всяких при-

крас, в своей повседневной жизни – таким, какой он есть на самом деле.

Около 3 ч. дня пришли проститься оба «губернатора» и майор. Оказалось, что мы якобы недоплатили еще за 10 мешков ячменя, хотя расчет был произведен полностью и точно по записи. Для проверки счетов один из доньеров «гражданского» принес кожаный мешок, на земле была разостлана наша клеенка и на нее высыпали содержимое мешка. Там были косточки от абрикосов, бобы, палочки, дощечки, черепки от фарфоровых чашек, половинки абрикосовых косточек, финиковые косточки и две черные игральные кости. «Гражданский» присел на корточки и нараспев начался пересчет отпущенного ячменя. О долге Н.К. маленькой золотой тибетской монетки за кусок старинной парчи – ни звука. Расчеты, очевидно, не дали желаемых результатов для тибетцев, так как количество отпущенных мешков ячменя и их вес оказались правильными. Тогда они с пронырливой изворотливостью заявили, что при одном расчете мы будто дали им вместо 400 нарсангов 300. При этом наш служащий тибетец Кончок, принимающий во всех этих проделках явное участие, отозвал Г. за ворота, сказав ему: «Пойдем поговорим». В конце концов выяснилось, что мы заплатили правильно, но «губернаторы» «ошиблись» в счете и предъявили якобы меньшую сумму – пришлось заплатить еще несколько янчан.

Думали, что на этом дело и кончится, но тибетцы, видимо, решили до последней минуты демонстрировать нам все стороны своего характера. Вечером Ю.Н. и Н.К. отправились к духовному «губернатору» предложить ему ряд вопросов, необходимых для отчета перед американскими организациями. «Губернатор» начал с выяснения, сколько мы дали патронов его доньерам к подаренному «губернатору» нагану. Оказалось, что доньеры передали

только 45 патронов вместо полученных 68, а остальные утаили. «Губернатор» признался, что его люди осрамились и что он знает, с кого взыскивать. На предложенные вопросы «губернатор», не смущаясь, ответил, что, конечно, с нами вышло нехорошо, так как Далай-Лама должен был выслать нам навстречу по крайней мере своего министра для переговоров, а во всем он считает виновником Хорчичаба.

Но и все, нами слышанное, не исчерпывает еще разнообразия тибетского характера. Сегодня вечером майор во второй раз отказался принять для передачи Хорчичабу медицинское свидетельство.

В присутствии обоих «губернаторов», доньеров и старшин майору было уплачено за животных до Намру 490 нарсангов, или 306 янчан и 4 шо, с условием получения от него расписки; он обещал прислать ее позже. Когда же к нему явился наш человек за обещанной распиской, майор выдать ее отказался. Тогда мы потребовали вернуть наши деньги обратно. Только после этого расписка была получена. Добрый совет всем, кто пожелает посетить Тибет и использовать наш опыт, – не верьте тибетцам на слово, особенно в денежных расчетах, а всегда берите с них расписку во избежание «забывчивости» с их стороны.

Во время сегодняшнего вечернего визита Н.К. «губернаторша» опять звенела китайскими янчанами, пересчитывая их, и бранила доньеров, утаивших патроны, а «духовный» даже бросил в их сторону револьвер и угрожал им расправой. Важный вопрос о построении храма, о необыкновенном пожертвовании в полмиллиона нарсангов на монастыри, переговоры о признании Далай-Ламы главой всех буддистов ведутся «губернаторами» в крайне вялом, безразличном тоне, зато кража двадцати трех револьверных патронов выявляет необычайно холерический темперамент «властителя» Нагчу.

3/III

Мелочность «губернаторов».
Попытка старшин совершить кражу.
Бесстыдство майора. Хоры приступили к разборке вещей.
Назойливость тибетского ламы.

Прекрасное утро вполне соответствует тому, чтобы отправиться в путь. Однако вместо 140 оплаченных уже яков у наших ворот стоит всего 26. Неужели нам придется услышать еще одну ложь из уст «губернаторов», применяющих ее в «педагогических» целях? Они предложили нам послать письмо в Америку, но как мы можем это сделать, если до сего часа не знаем ни даты выхода, ни точного маршрута! Кроме того, не забудем, что нам предлагалось послать письмо только с извещением о здоровье и непременно с тибетским переводом, то есть на условиях концентрационного лагеря. Насколько мелочны «губернаторы», можно судить по нижеследующим фактам.

Во время пребывания у нас они увидели, как во дворе чистят мазью «Dobbin» седла, и тотчас же попросили вычистить им сапоги, что и было сделано монголом. «Гражданский» увидел в вещах иголку с красной ниткой и тотчас же взял ее и нацепил на рукав. Получаемые янчаны они сами тщательно рассматривали и один – с царапиной на носу Юан Шикая – забраковали. Старшины в это время пытались украсть три уже проданных нам мешка, но на них бросилась наша собака.

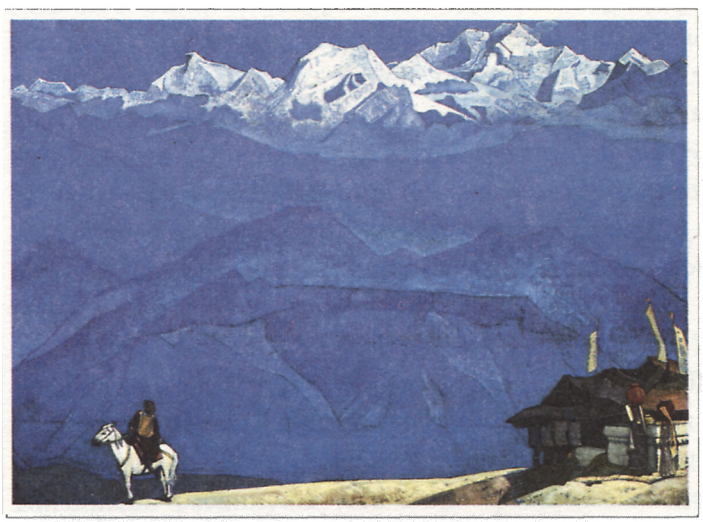
«Духовный» был в красном ламском колпаке и напоминал Мефистофеля и Корсара одновременно. За редкими, вероятно, исключениями тибетцы – публика дикая и несимпатичная. Как можно иметь дело с людьми, когда ни одному их слову, как мы в том убедились, верить невозможно? Ламаизм не занимается воспитанием и развитием нравственных принципов, а темнота, невежество и эгоизм выявляют все отрицательные качества, которые заложены

в человеке. Тибетцы спешат выказать еще одно свое «качество» – полное бесстыдство. Ввиду непристойного поведения майора мы не подаем ему руки и не замечаем его. Однако это не мешает ему являться к нам во двор с самыми наглыми запросами: то по дешевой цене продать винтовку, то обменять ему шо на полноценное серебро в количестве 100 янчан. Через Кончока Ю.Н. передает ему, что после его неприличного поведения мы не хотим иметь с ним ничего общего, но это не мешает ему приходить к нам как ни в чем не бывало. Сегодня явилась толпа хоров и тибетцев со старшинами, солдатами и доньерами; долго галдела и разбирала наши тюки, прикидывая, сколько же понадобится для их перевозки животных, но выйти сегодня мы так и не смогли. Ну хоть бы одно тибетское обещание оказалось выполненным – ни одного! Впрочем, «губернаторы», вопреки очевидности, считают нас выбывшими уже со вчерашнего дня. Передали сегодня медицинское свидетельство майору, но дойдет ли оно до Хорчичаба, а потом до девашунга – более чем сомнительно.

Снова приходил неприятного вида тибетский лама с настоятельной просьбой о том, чтобы Н.К. дал ему рекомендательное письмо к монгольскому правительству. Конечно, в этом ему опять было отказано, ибо, во-первых, о нем мы совершенно ничего не знаем, а во-вторых, неизвестно, как отнесется к нему монгольское народное правительство после изгнания его посольства из Тибета.

Часть X

ОТ НАГЧУ ДО БРАХМАПУТРЫ



«Помни».
Courtesy: Michael Breen (Australia).

4/III ***Отъезд. Опять «тундры» Чантанга. Доньеры не знают дороги. Ученый лама.***

Встали в 6 ч. утра, спешно грузимся. Яки, лошади и мулы доставлены в необходимом количестве. Мне достался караковый тибетский мул. В самую последнюю минуту перед отъездом от майора пришел солдат Дава и заявил, что мы якобы не доплатили за привезенное из Чу-наргена молоко. Это, конечно, новое вымогательство, так как вчера об этом ни слова не было сказано. За молоко было дано 15 янчан, более чем достаточно, сравнительно с тем небольшим количеством, которое нам доставили. Тем не менее, деньги без лишних разговоров были уплачены. Несколько минут спустя майор прислал нам обратно запечатанное письмо, которое мы вручили ему накануне для передачи Хорчичабу, вложив туда второе медицинское свидетельство. Очевидно, майор предполагал, что мы сообщим Хорчичабу о его поступках, а потому и возвратил нам письмо. В 8 ч. 30 м. наконец выехали из Нагчу. Ни один из «губернаторов» не провожал нас; только у ворот «духовного» стояла его жена с сыном. Прошли мы большим караваном с развернутым американским флагом на пике.

Идут с грузом 140 яков, с ними 10 запасных, 5 верблюдов, наши мулы и лошади, а также мы верхом. Пришлось переходить по льду реки, причем мой мул упал и зашиб мне колено. Опять поднялись на Чантанг и слева увидели живописно раскинувшуюся цепь Трансгималайских гор со снежными пиками, частью обнаженными, утопающими в фиолетовой дымке. А вокруг нас та же «высочайшая тундра» Чантанга и голые холмы некогда бывших гор, источенные сусликовыми норами. Ни птиц, ни зверей, ни других животных. Снега здесь, в северо-западном направлении, вероятно, было очень много, так как и теперь в

лощинах лошади по колено утопают в снегу. Иногда черными пятнами на снегу вырисовывались следы от палаток аилов и яков.

Как оказалось, данные нам для сопровождения два доньера дороги не знают, в результате чего мы значительно отдалились от правильного пути. Пришлось возвращаться обратно на стоянку по глубокому промерзлому снегу. Остановились около 4 ч. дня, а последние яки пришли в 7 ч. вечера, проплутав, таким образом, одиннадцать часов, ведь большая дорога Нагчу–Намру никаких внешних признаков дороги не имеет. В аиле живет ученый красный лама, который сказал нам, что до Намру можно дойти за семь дней, до следующего Санджа-цзонга (Шенцза) – за один месяц, а до Индии за пять месяцев. Мы ему не возражали, ибо он лама, то есть учитель и ученый. Очевидно, Тибет так велик в его представлении или же в его словах проявляется все та же, общая для всех тибетцев склонность к преувеличениям. Кончок оштрафован за пьянство, игру в карты и неявку на службу.

5/III ***Население не дает доньерам лошадей. Хоры не верят тибетцам. Вихрь на Чантанге. Падение лошади Е.И.***

Ясное утро, в палатке –6° С. Выходим в 8 ч. утра. В самую последнюю минуту доньеры заявили, что население не дает им лошадей, и потому мы пускаемся в путь без наших «охранителей». Характерно, что население не доверяет местным чиновникам и презирает их. Вчера при выходе из Нагчу хоры просили Ю.Н. сообщить им потом письмом об участи их животных, говоря, что они не верят тибетцам. Ранее мы уже упоминали, что хоры отделяют себя от тибетцев. Дорога опять шла на фоне Трансгималаев – тот же лед, галька и тундра. Встречались в лощи-

нах трупы разных домашних животных. Шли до двух часов пополудни. Верблюды и яки пришли довольно быстро.

Во втором часу дня поднялся сильный ураганный ветер. Расставляя палатки, мы смело могли воображать себя моряками парусного судна, работающими с парусами во время шторма. На одном из скользких мест упала на передние ноги лошадь Е.И. К счастью, падение обошлось без повреждений. Во время пути мой мул провалился по грудь в снег; пришлось слезть и вытаскивать его на пригорок. Характерно, что с выездом Е.И. из Нагчу на чистый горный воздух все ее болезни прекратились.

В 4 ч. дня приехали доньеры и заявили, что мы должны простоять здесь один день, так как, по их мнению, яки устали. «Губернаторы» же уверяли, что нигде, даже в цзонгах, нас более задерживать не будут. Оказалось, что сегодня наш груз несут всего 115 яков.

6/III ***Шатровая вершина Чжунг отрогов Трансгималаев. Озеро Намар-пюнцог. Урочище Порта. Доньер «гражданского» самовольно остановился с яками в пути.***

Начавшийся вчера с половины дня сильный ветер прекратился только в третьем часу ночи. Встали в 6 ч. утра; снова ветер, который опять вскоре усилился и бил в лицо, даже пронизывал овчинный полушубок, хотя утром в палатке было не более –3° С. Е.И. чувствовала перебои сердца и ночью почти не спала.

Шли от 8 ч. 20 м. до 2 ч. пополудни. Та же безотрадная тундра, местами солончак. Опять невозможно представить, что находишься не в тундре на уровне моря, а на высоте свыше 15.000 футов. Несколько скользких переправ через реки и озера. По пути видели гейзер с текущей от него речкой.

Отроги Трансгималаев с вершиной Чжунг имеют вид огромного шатра, напоминающего «обиталище горного ле-

дяного духа», откуда веет холодным ветром. У цепи гор обогнули большое озеро Намар-пюнцог и, перейдя скользкий, замерзший приток его, остановились у аила в урочище Парта. Здешние жители – северные тибетцы – почти ничем не отличаются от хоров. Они так же, как и хоры, игнорируют своих чиновников, почему опять и не соглашались дать лошадей доньерам. Ю.Н. вынужден был по просьбе чиновников уговаривать жителей аила. Весь день местность пустынная, если не считать редких аилов. Испытывая на себе все неблагоприятные условия Чантанга, вплоть до леденящего ветра, – в то время, когда совсем недалеко, в Лхасе, цветут персики, – еще раз думаешь о том, какой это надежный барьер для тех мест, куда не должен проникать нежеланный взор.

8 ч. вечера, а пришло всего две партии яков из восьми, в результате чего Ю.Н. остался без палатки, Г. – без постели и все мы без еды. Один приехавший доньер сообщил, что яки сегодня не придут, так как устали. Сегодня уже пробовали нас задержать, но неудачно, а теперь остановились самовольно. За день мы прошли около 20 верст; яки гружены легко, корма вполне достаточно. Они могли проходить хотя бы по две версты в час и, выйдя в 8 ч. утра, пришли бы, не утомившись, к 6 ч. вечера. Первая партия с нашими палатками пришла около 5 ч. вечера; в пути, по свидетельству П.К., часто останавливались, чтобы покормить яков, которые шли вразброд и неспеша. Это опять какая-то новая уловка, так как «губернаторы» нам обещали путь без всяких задержек. Теперь же доньеры захотели принудить нас к остановке уже через два перехода, а на третий день якобы «забастовали» яки. Не ждут ли «губернаторы» ответа из Лхасы, о чем мы уже упоминали, и не думают ли еще успеть изменить направления нашего пути на Лхасу? Во всяком случае, мы заявили доньерам, что пойдем из Намру на Шигацзе, если нам не будут доставлены на завтра местные яки или те, что отстали в

пути. Дальнейшей задержки в неблагоприятных условиях на Чантанге больше не допустим. В крайнем случае купим новых яков и возьмем отсюда людей до Намру. Все это произошло именно в тот день, когда мы оставили замыкающим при караване доньера гражданского «губернатора», принявшего, очевидно, на себя всю ответственность за наше задержание. Так в этой стране исполняют указ Далай-Ламы и распоряжения девашунга и высших властей на местах. Впрочем, как мы заметили, население, услышав об указе Далай-Ламы или девашунга, сразу же убегает или в горы, или за границу.

7/III ***Вынужденная остановка.***
Недоверчивость тибетцев и жадность к деньгам.

День солнечный, с небольшим ветром. 10-й час утра, но о яках ничего не слышно. Сколько сейчас идет яков, пока установить невозможно, но третьего дня шло под нашим грузом, как упоминалось, всего 115 яков вместо 140 оплаченных. При этом объяснения, почему они держат в резерве 25 яков, мы получить не смогли. Опять Н.К. удивляется, что все здесь пропитано ложью: «Откуда это море лжи?» Другая черта – это крайняя недоверчивость и жадность к «гормо», то есть к серебряным монетам. Вчера мы просили в аиле молока, нам сказали, что его нет; пообещали «гормо» – и тотчас появилось молоко в небольшом глиняном чайнике, за что и был дан один янчан. Через несколько минут появился другой чайник с молоком, за что был обещан другой янчан посде доставки наших вещей. Но вещей до сих пор нет, и тибетец, не доверяя нам, приходил вчера и сегодня через каждые полчаса просить этот янчан. Точно так же, как вчера вечером, из-за отсутствия свободной посуды, мы долго не могли придумать куда перелить молоко из второго чайника.

По своему развитию, умственным и нравственным качествам кочевые монголы значительно выше кочевников-тибетцев. Даже наш тибетец Кончок, человек бывалый, уступает в смысле простой сообразительности и деловитости бурятам, монголам и торгоутам. Впрочем, он не лишен некоторой грубой спекулятивно-торгашеской смекалки, как и все тибетцы.

8/III

Остановка у подножья горы Чжунг.
Жена Кончока не имеет имени.
Дикость и невежество кочевников-тибетцев.

Вчера целый день простояли. Сегодня встали в 6 ч. утра, но вышли только в 8 ч., так как долго не могли собрать верховых лошадей. Сегодня идет 139 яков, в том числе 15 вновь взятых в урочище Парта. Из 139 яков шестнадцать идут негруженными. Сегодня шли в направлении горы-шатра Чжунг, через три с половиной часа остановились в аиле у ее подножья. Местные северные тибетцы говорят, что до Намру от трех до восьми дней пути, мы же полагаем, что на дорогу уйдет пять дней.

Пришли сегодня на стоянку в 11 ч. 40 м. утра. Последняя группа яков подошла в начале второго часа пополудни. Странно, что некоторые тибетцы не имеют имен – с нами едет жена Кончока без тибетского имени. Сам он называет ее «Муся», но ей это не нравится. Людмила и Рая зовут ее «Шурой», на что она отзывается.

По-прежнему на Чантанге безлюдье и ни одного каравана. Даже в Нагчу на большой проезжей дороге на Лхасу за 45 дней стоянки мы не видели ни одного торгового каравана, кроме нескольких групп местных паломников и местных торговцев. А без торгового оборота не может существовать ни одна страна. Единственное, что может вывозить Тибет – минеральные богатства, – но они не разрабатываются по суеверным соображениям. Итак, идем, со-

вершенно не зная места стоянок и продолжительности пути. Словам тибетцев не верим, ибо уже привыкли к скрытой в них лжи.

Во время пути Е.И. обронила небольшое боа из куницы. Тибетец долго боялся поднять его, пока не убедился, что оно не двигается. Карманное зеркальце, наведенное на толпу женщин и детей, вызвало испуг и обратило их в бегство. Взрослые хоры и тибетцы-кочевники также испуганно поглядывали на зеркало, и только двое из них, уже привыкшие к нам, одному из которых я уже показывал зеркало, протянули за ним руки и улыбались при этом, тем самым демонстрируя знание и бесстрашие. В испуг привел женщин и детей не только, по-видимому, незнакомый им предмет в руках чужеземца, но и световой «зайчик», который они увидели на своих одеждах и почувствовали на лицах. Кончок сообщает, что здешние кочевники нигде далее трех дней пути отсюда не бывали, а потому вообще не знают, где находится Намру. «Может ли соответствовать хоть какой-либо степени буддизма подобная дикость?» – замечает Н.К. Благодаря хорошему знанию Ю.Н. тибетского языка нам удается выяснить многое такое, что для других путешественников оставалось в пределах необъяснимой этнографической загадки.

9/III ***Перевал у горы Чжунг. Большое соленое озеро. Холодный ветер и простудные заболевания. Насилие доньера.***

Ночь была холодная. Почти до двух часов ночи о чем-то громко разговаривали, кричали и бродили вокруг палаток хоры и тибетцы, причем собаки громко ворчали и лаяли. В 6 ч. утра стало ветрено. Вышли в 8 ч., путь лежал через снега по трудной кочковатой дороге, мимо горы Чжунг. Перевал не особенно высок, около 16.000 футов. По дороге и на перевале видели два менданга из красных точильных камней, а также отдельные куски красного кам-

ня с высеченными на них священными надписями. Остановились после перевала, у аила на болотистом нагорье, оставив позади гору-шатер Чжунг. Справа у гор раскинулось большое соленое озеро с довольно чистой поваренной солью.

Сегодня сведения о нашем пути до Намру стали еще неопределеннее, однако нам обещали, что завтра мы доедем до какого-то аила, где один человек знает путь в Намру. Из-за порывистого холодного ветра несколько человек заболело простудными заболеваниями. Говорят, что здесь растут ядовитые травы. Заболела одна из наших лошадей.

Вчера местная тибетка приходила жаловаться на едущего с нами доньера гражданского «губернатора», который якобы сорвал с ее руки браслет. Чем кончился этот случай, нам неизвестно. Мечтаем поскорей выйти из этой полосы холода, льда и пронизывающих вихрей. Сегодня утром в палатке было –11° С.

10/III ***Резкий ледяной ветер. Озеро Бум-цо или Нья-шинг. Трупы павших животных. Аил в урочище Чо-кор. Палочная расправа доньера. Крепостные крестьяне монастыря Сера.***

Вышли в 7 ч. 30 м., снег лишь местами, дорога гладкая. В 10 ч. утра поднялся холодный резкий ветер, сразу сделавший переход чрезвычайно тяжелым из-за одышки и опасности тяжелой простуды. Справа от дороги тянется соленое озеро Бум-цо или Нья-шинг. Встречаются трупы павших зимой от голода яков, иногда сразу несколько; некоторые из них объедены собаками из аилов. Ни птиц, ни диких животных за эти дни пути по Чантангу мы не встречали.

Остановились в 12 ч. дня у аила в урочище Чо-кор. Вначале тибетцы ни аргал, ни воду не несли, палатки для доньеров приготовлены не были, за что один из них, донь-

ер духовного «губернатора», и побил палкой, очевидно, виновного в том тибетца. Сам этот доньер – простой слуга у «духовного», который обычно топит печь и подает чай, – теперь облечен «властью».

Оказалось, что известие о прибытии нашего «правительственного, организованного именем Далай-Ламы» каравана пришло сюда только сегодня, и жители убогого аила, кроме трех-четырех палаток, ничего не успели приготовить. Этот район уже не подведомствен Нагчу, и потому посланец «губернаторов» доехал, видимо, только до предыдущей нашей остановки. Удивляет неорганизованность власти и ее бессилие! О Фильхнере и миссионере Плеймире, которым разрешили удалиться из Нагчу только через Ладакх, говорят, что до Намру они шли девятнадцать дней.

Сегодня пристала и оставлена в пути карашарская лошадь Н.К. – Единорог. От Нагчу шла свободной, получая ежедневно десять фунтов зернового корма. Продолжает дуть сильный ветер, вырывая из земли железные колья палаток. После выяснения причины избиения тибетца оказалось, что он обязан был отвезти в следующий аил полученное им письмо-известие о нашем приезде.

Крестьяне этого аила принадлежат монастырю Сера, находящемуся в трех верстах от Лхасы, и потому не считают для себя обязательным подчиняться распоряжению других властей. В оправдание своего поступка доньер сказал, что в подобных случаях палка в Тибете – лучший начальник: избитый немедленно повинуется. Ветер был настолько силен, что при повороте к аилу – в ущелье у реки – в лицо метнулся вихрь песка и мелких камней. Пока мы так и не можем точно узнать, сколько дней пути осталось еще до Намру.

11/III ***Бунт населения.***
До Намру будто бы осталось четыре перехода.
Перебои сердца Е.И. Буран.

С вечера сильный вихрь, срывающий палатки. Около 10 ч. вечера началось волнение среди тибетцев, которые отказывались выполнять распоряжения доньеров. По приказанию последних двух человек связали.

Вышли в 8 ч. утра при солнечной безветренной погоде. Впереди доньеры вели двух связанных тибетцев, чтобы на следующей стоянке передать их старшинам. Здесь царит еще крепостное право; и это крепостные крестьяне «благочестивых» лам монастыря Сера.

Переход легкий, по хорошей бесснежной дороге песчаного нагорья. Остановились в 11 ч. утра, когда уже поднялся ветер. Миновали соленое озеро Нья-шинг, где, по словам местных тибетцев, в большом количестве водятся какие-то животные, покрытые шерстью и ревущие по вечерам. Они называют это животное «водяной коровой», – вероятно, это выдра. До Намру осталось будто бы четыре перехода. Характерно, что нас хотели остановить уже через два часа хода, хотя верблюды и яки шли вместе с нами, не отставая. Нас уверяли, что далее на пять часов пути нет ни воды, ни аргала, но мы настояли на дальнейшем продвижении, и, конечно, сказанное оказалось ложью. Через час хода мы остановились невдалеке от аила. Были и вода, и аргал.

От самого Нагчу Е.И. после болезни чувствует перебои сердца, особенно в то время, когда ложится; днем меньше, чем с вечера. Вчера перебои сердца были особенно часты – через каждые десять ударов. Сегодня закончился восьмой день нашего пути, а впереди еще четыре дня. Значит все уверения «губернаторов» о семи-восьми днях пути оказались очередной ложью. К вечеру буран не прекратился, и все затянуто серой пылью. Если наши палатки

выдержат вихри и бураны Чантанга, то качество их изготовления следует признать наивысшим.

12/III ***Тяжелый переход под ледяным ветром. Ламаисты Тибета лишь прикрываются именем Будды и эксплуатируют близость Шамбалы. Озеро Чаг-цо. Неглубокий «Океан Знания». Настоятель Сакья и ведьмы.***

Утром в палатке –8° С. Встали, как обычно теперь, в 6 ч. утра. Вышли в 7 ч. 45 м. Дорога навевает уныние своим однообразием и безжизненностью. Аилы здесь редки. Говорят, что до Намру еще три перехода, то есть придем на двенадцатый день. Условия перехода тяжелые. Сегодня опять дул холодный, пронизывающий, резкий встречный ветер. Нужны хорошее здоровье или привычка, чтобы на высоте выносить эти ледяные вихри и не простудиться. Такой тяжелый и опасный путь выбрали для нас Далай-Лама и его правительство, и это для людей, которые шли к нему с открытым сердцем и с богатыми приношениями. В какой еще стране, кроме дикого и темного Тибета, это возможно?

Тьма невежества и суеверий запорошила глаза Тибету, называющему себя «священной страной», где народ и правительство якобы «религиозные» люди. Если тибетцы-ламаисты и слышали об Учителе Будде, то это еще не дает им права называть свою страну «священной», а себя именовать «религиозными» людьми. Будда и Учение его в Тибете непопулярны. Гораздо более ламаисты чтят здесь «идамов», олицетворяющих силы природы. Чем рогатее, страшнее и безобразнее «идам», тем большее благоговение и почет он вызывает у ламаистов-суеверов. Надо категорически – раз и навсегда – усвоить, что *ламаизм Тибета лишь прикрывается именем Будды, нагло обманывая народ обрядностью, ничего общего с Учением Будды не имеющей.*

В то же время Тибет с давних времен уже эксплуатирует священное для буддистов понятие Шамбалы, пользуясь близостью ее территории. Но опять-таки надо твердо сказать и усвоить, что *Мудрецы Шамбалы, или Гималайское Братство, ничего общего ни с Далай-Ламой, ни с ламами или ламаизмом, ни с Тибетом как таковым не имеют.* Здесь существует всего лишь формальная территориальная близость. В этом и заключалась тайна Тибета. Но ни Далай-Лама, ни чиновники его и вообще никто без зова и разрешения в Шамбалу показаться не могут и точного пути туда и ее месторасположения не знают. Это – прежде всего самой природой – хорошо скрытое и защищенное место, к тому же искусно охраняемое.

Местные северные тибетцы ничем от хоров по внешнему виду не отличаются – носят такую же обувь, шубы на голом теле с паукообразными спинами, мечи за поясом; на голове – коса и косички. Изредка в мороз или при резком холодном ветре на голову надевают меховой капюшон. Очень любят темные очки, защищающие их глаза от пыли, ветра и света. За неимением стеклянных очков часто плетут их в виде сетки на глаза из черного ячьего волоса. Доньер «духовного» надевает маску с отверстиями для глаз и рта и пришитым носом. Маска эта из двойной плотной материи, чуть ли не на шерсти (ваты здесь нет), и закрывает все лицо, лоб, шею и затылок. Хоры и северные тибетцы низкорослы и слабосильны – двое несут трехпудовый мешок зерна. Трав в этом районе значительно меньше, почва солончаковая, сильно минерализованная.

Во время пути – слева у гор – виднелось озеро Чаг-цо с белыми над ним испарениями. В этой местности пасут преимущественно стада баранов, как менее прихотливых и более выносливых даже по сравнению с яками. Но все это в пастушеской жизни хоров и северных тибетцев так при-

митивно и ничтожно по размерам, что не может быть названо скотоводством. Горные пастухи влачат настолько жалкое существование, что в сранении с ним даже жизнь цайдамских монголов является завидным уделом.

К характеристике тибетцев высшего круга вносит дополнение следующий случай. Однажды представитель Великобритании сэр Чарльз Бэлл хотел показать тибетским министрам зоологический сад в Калькутте, но это предложение было ими отклонено по той причине, что тогда министры будут знать большее количество животных, чем сам Далай-Лама, называемый, как и всегда здесь чрезмерно преувеличенно, «Океаном Знания». Но, видимо, этот «Океан Знания» очень неглубок и ограничен, если не вмещает даже названий видов животных калькуттского зоологического сада.

Ветер объясняют здесь наваждением ведьм, а настоятелю монастыря Сакья приписывают даже какую-то родственную связь с ними, ибо по существующему поверью каждый раз, как он приезжает в Лхасу, там поднимается сильный ветер и «появляется много ведьм». Справа от нашей стоянки, верстах в десяти, заметили в бинокль скалу с широкой вертикальной трещиной посередине.

13/III ***Мертвые горы Тибета. Избиение доньером населения. Световые явления у Н.К. и Е.И.***

В 7 ч. в палатке мороз –7° С. Вышли в 8 ч. утра и шли до 12 ч. 10 м. пополудни при резком встречном ветре, поднимаясь и спускаясь по оголенным желтоватым холмам. Надо отметить, что все тибетские хребты и горы, которые мы прошли, совершенно оголены – никакой заметной растительности, лишь изредка мелкая мшистая трава.

Подъезжая к аилу, еще издали увидели сцену избиения доньером «духовного» двух местных тибетцев, но нам по-

казалось это инсценировкой со стороны доньера, желающего показать свою власть и своеобразную распорядительность и деятельность. Доньер сообщил, что завтра мы придем в район Намру и там можно будет узнать, далеко ли до цзонга, а здешние жители не имеют об этом никакого понятия – предел крайней дикости.

Около 3 ч. ночи у Н.К. было замечательное световое явление. До какого бы предмета он ни дотрагивался, вспыхивало голубоватое пламя. Ни треска, ни искр, ни жжения не ощущалось, причем пламя было одинаково при дотрагивании до шерстяных, деревянных, бумажных вещей или брезента. То же самое наблюдалось у Е.И. два года тому назад в Ладакхе, когда на постели вспыхнуло ярко-голубое пламя, осветившее палатку и державшееся несколько минут без треска или жжения. Она пробовала тушить его руками и потóм разбудила Н.К. криком: «Огонь, огонь!» Местность в Ладакхе была значительно ниже – зона пашен, травы и деревьев. До сих пор мне приходилось лишь однажды слышать о явлении истечения огня из концов пальцев одной девушки. Чудес, конечно, в природе нет, а потому не особый ли это вид электричества, до сих пор мало объяснимый, как огни св. Эльма[85] или огоньки, появляющиеся в так называемых «электрических странах», в Америке? Получены дальнейшие указания о медицине Агни-Йоги.

14/III ***Озеро Тенгри-нор. Бесплодная местность. Утомление пешеходов-хоров.***

Ночь спокойная, без ветра. Утром в палатке –6° С, ветра нет. Вышли в 7 ч. 20 м. Идем вдоль Тенгри-нора, изредка показывающегося между холмами слева. День солнечный, безветренный, путь ровный. Говорят, что до цзонга еще два дня пути. Таким образом, придем 16-го числа, то есть

на 13-й день вместо восьмого дня, как было рассчитано «губернаторами», – «гражданский» даже поздравлял нас с тем, что пойдем кратчайшим путем. До Шенцза-цзонга (Санджа) тоже не менее двух недель пути. Лишь после этого мы сможем свернуть прямо на юг через Трансгималаи. Идем все время однообразным нагорьем Чантанга, минуя такие же бесплодные, мертвые горы. Местами встречаются болотистые кочковатые равнины, теперь промерзшие, но в другое время и в особенности во время муссонов, думается, с трудом проходимые. Двигаемся большим караваном с яками, верблюдами, мулами, лошадьми; с нами идут погонщики-хоры и северные тибетцы, которые становятся все более дикими.

У Е.И. вчера с вечера опять были перебои сердца.

Сопровождающие нас хоры все время идут пешком, у них начинают уже болеть ноги. В день проходим от 16 до 20 верст. Видимо, к ходьбе на дальние расстояния они совсем непривычны. Н.К. вспоминает, как бодро шли ладакхцы 26 дней без остановки, одолев таким образом около 600 миль, то есть не менее 30 верст в сутки по самой трудной дороге с опасными горными перевалами. Такая же слабость замечается и у здешних животных. Доньер «духовного» уже уехал в Намру для подготовки яков, вероятно, не надеясь на своевременное получение письма из Лхасы и от «губернаторов».

15/III ***Район Намру. Племя гебра-шета. Снег. Цзонг Чанг-Линг-Кар в районе Намру.***

С утра туман, небольшой ветер. Встали в 5 ч., вышли в 7 ч. Третий день идем районом Намру от аила к аилу северотибетского племени гебра-шета. Странно, что некоторые из этих гебра напоминают евреев. У женщин на головах высокие шапки. Путь и сегодня однообразный, через

усеянные галькой равнины нагорья и болотистые кочки. Поворачиваем влево к горам ущелья, где и останавливаемся в 11 ч. 45 м. утра. Небо покрыто снеговыми тучами. Около 12 ч. дня пошел снег.

Насколько затеряны гебра в этих горах, видно по тому, что они не знают даже о лежащем в нескольких верстах от них через горы таком большом озере, как Нам-цзо (Тенгри-нор), в котором водится рыба и интересные виды моллюсков, раковины которых мы видели у жителей по дороге в район Намру. У здешних их нет. Носят их как амулеты. О Намру-цзонге здесь не знают, говорят, что придем туда завтра через три часа. Цзонг невелик и ограничивается, по слухам, всего тремя строениями. Никаких пока распоряжений о сборе для нас каравана яков старшины не получали, а между тем и «губернаторы» Нагчу, и из Лхасы должны были уже сделать все распоряжения. «Губернатор» цзонга – брат жены духовного «губернатора» Нагчу.

Цзонг района Намру существует всего три года и носит название Чанг-Линг-кар. В то же время никто не знает существующего на картах вблизи Тенгри-нора Лангма-цзонга. Как видно, все рассказы об организованности и быстроте тибетских караванов существуют лишь за пределами Тибета. Здесь же нам приходится каждые полчаса пути с величайшими усилиями продвигать караван вперед. При этом мы ясно видим, какими совершенно нелепыми зигзагами нас ведут «опытные» проводники правительственного каравана. Невдалеке от нас, наподобие угольных ям, чернеют несколько шатров тибетцев гебра, и мы поражаемся дикостью этого обиженного судьбой племени, о котором, как и о хорах, правительство совсем не заботится. Хоры, находясь дальше от Лхасы, но живя в тех же условиях, производили все-таки впечатление более зажиточных. А ведь отсюда до Лхасы всего четыре небольших перегона.

16/III ***Прибытие в цзонг. Глубины тибетской лжи неизмеримы. Визит к начальнику цзонга. Торг о цене яков.***

Встали в обычное время, около 6 ч. утра. Оказалось, что пять конюхов-тибетцев бросили ночью лошадей на произвол, и наш погонщик Дорджи вынужден был с опозданием собирать их по холмам. Вышли в 7 ч. 40 м. Три часа и три четверти кружили по песчано-холмистой и местами кочковатой местности. Наконец среди кочковатого болота увидели «грозный» цзонг, состоящий из одного четырехугольного одноэтажного каменно-глиняного строения с красными, в виде башенок, маленькими возвышениями по углам, обнесенного полуразрушенной дерновой оградой и кучами отбросов. Несколько черных палаток дополняли убогую картину цзонга. Было бы более мудро для Тибета не показываться иностранцам в таком убожестве с громкими названиями. Ведь каждый, не знакомый с Тибетом, может подумать, что цзонг – это или пограничная крепость, или по крайней мере укрепленный замок. Но, видно, чем ближе к Лхасе, тем более убогим и жалким становится все вокруг.

Выезжая из Нагчу, мы думали, что постигли пределы тибетской лжи. Однако, приехав сюда, поняли, что глубины этой лжи неизмеримы. Все сведения, данные нам «губернаторами» Нагчу, оказались ложными. Никакого официального извещения (даик) от них сюда не пришло. Никаких писем из Лхасы здесь не получали, и перед нами оказался новый мздоимец, сразу намекнувший о подарке. Теперь идет торг о времени сбора яков и удобстве пути. Чрезвычайно важно было узнать от него, что здесь, за четыре перегона от Лхасы, крестьяне не только не слушают чиновников, но и грозятся убить их. Это уже полное разложение правительственной власти. При этом «кемпо» «замка» наотрез воспротивился нашей просьбе послать за

наш счет гонца с телеграммами на Лхасу или даже на Гнангцзе, как предлагал Н.К. Пусть не удивляются британские власти, если мы, как снег на голову, свалимся к ним с гималайских перевалов.

По приезде, наскоро подкрепив силы, мы направились впятером к здешнему «кемпо» замка. Маленький двор загроможден ячьими шкурами, шерстью и веревками от черных палаток. Каким-то закоулком мы попали через грязные дверные занавески в узенькую, в одно окно, комнатку с висящими на стене справа шестью винтовками, шестью мечами и столькими же револьверами – это все вооружение крепости. Рядом с винтовками помещался алтарь, над которым висели две танки с идамом и Тарой. На маленьком помосте, покрытом ковром, сидел плотный круглолицый человек лет тридцати с черными тибетскими усиками и эспаньолкой, в шелковом на меху темно-лиловом халате. Перед ним – два китайских низких табурета; на одном – неизменная фарфоровая чашка с серебряной крышкой на такой же подставке. На другом – обычная для здешних мест латунная плевательница, письменный тибетский прибор и будильник, отстающий на 2 ч. 45 м.

В течение всего по-восточному длинного разговора выяснилось, что ничего изменять в нашем пути он не предполагает, так как, по его словам, отсюда только два пути – или через Лхасу, или через Шенцза-цзонг, куда мы идем. Это явная ложь, так как есть еще несколько других путей. Итак, путь наш отнюдь не короткий и Тибет берет на себя новую ответственность за наше бессмысленное задержание, так как вместо определенных в Нагчу восьми дней мы шли тринадцать. Здесь же нас вновь задерживают для сбора яков, которых обязаны были собрать заранее. Здешние жители еще более дикие и за тибетские медные шо ничего не продают, требуя китайского серебра, – опять признаки разложения. Итак, еще одна великая ложь о Тибете разру-

шена – он выступает в своем истинном облике полного невежества, убогости и разложения власти. Еще раз повторяем: не может великое имя Учителя Будды оставаться у этих темных и лживых тибетцев.

Здесь, вблизи Лхасы, выяснилось, что в Нагчу хоры нас обманывали и на размене китайского серебра. Мы получали по 16 шо, а здесь охотно предлагают по 20 шо. Таким образом, при размене янчан на шо мы теряли на каждые три тысячи около одной тысячи янчан.

17/III ***Переговоры о «подарке». Цзонги – «разбойничьи гнезда».***

Обещают сегодня доставить яков, с тем чтобы выйти завтра утром. Никаких правительственных обещанных нам распоряжений по-прежнему нет. А между тем правительство, зная о недостатке у нас денег, уверило нас, что платить за животных нам нигде не придется. Знало оно и о нехватке лекарств, и тем не менее, нисколько не укоротило путь, заставив нас делать бессмысленные зигзаги по изменяющемуся геологически и разлагающемуся нравственно Тибету. Идут переговоры о «подарке» «губернатору», чтобы тот сделал все обычные служебные распоряжения, дабы нам без задержек дойти до следующей «крепости».

После полудня были у «губернатора», рассчитывались за 112 яков и 10 лошадей. Опять погрузились в маклерско-разбойничью атмосферу цзонга. Вместо 20 шо за янчан, как нам уже меняли здесь, очевидно, не без выгоды для себя, нам предложили за китайское серебро по 16 шо. После мучительного торга, причем браковалось все старое серебро, сошлись на 18 шо за янчан. Уплачено было за яков и лошадей 358 янчан, причем на каждом янчане «губернатор» нажил против сегодняшней цены янчана по два шо, то есть 76 нарсангов, которые он прибавил к своему дорогому подарку от нас – прекрасному биноклю Цей-

са. В общем, виденные пока нами два цзонга можно назвать по совести «разбойничьими гнездами». Таков пресловутый Тибет.

Посылаем с доньерами письмо нагчуским «губернаторам», сообщая, что все их сведения, данные нам, оказались ложными. Насколько спутаны у местных людей географические сведения, можно судить по тому, что нас уверяют, будто озеро Тенгри-нор находится отсюда в 8 днях пути, между тем как Лхаса – в четырех днях, а указанный на картах Лангма-цзонг вовсе не существует.

18/III ***Тяжелый путь. Обморок Ю.Н. «Спасайте заветы Будды».***

Утром яков не оказалось, несмотря на обещание «губернатора», что к утру они будут готовы, иначе мы должны будем назвать его «лжецом». Только в 8 ч. прибыла первая партия яков. Вышли в 11 ч. 10 м. утра. Шли невероятной дорогой дантевского ада через камни и кочки, поднимаясь все выше и выше.

Ю.Н. вдруг почувствовал слабость, ноги «одеревенели», руки задрожали, и только после двадцати капель дигиталиса все явления расстройства кровообращения прошли.

Доньеры попробовали было перед самым уходом, по почину доньера «гражданского», выжать из нас деньги за якобы перемененных по дороге в аиле четырех яков, но это была плохая и неверная игра, и она не удалась.

День теплый, безветренный, но на высотах нас поджидали туман и снег. Дошли до стоянки у аила в 2 ч. 30 м. пополудни. Здесь меняют яков – идем «уртонами», и завтра у нас будут свежие яки и лошади. Данный нам в путь доньер оказался услужливым, смышленым и расторопным – уверяет, что пути до Шен-цза-цзонга десять дней. Возможно, что, идя уртонами, мы и уложимся в этот срок. Пастбища здесь очень плохи – редкая щетинистая

болотная трава на высотах до 16.000 футов. Н.К. замечает: каково было бы удивление тибетцев, если бы они увидели травы на Алтае, скрывающие всадника, или травы альпийских лугов. Он радуется, что мы вышли из второго «разбойничьего гнезда», и теперь нам осталось пройти еще четыре-пять «гнезд». Он часто повторяет: «Спасайте заветы великого Учителя Жизни – Будды – из темных и лживых рук». «Как хорошо, – говорит Н.К., – сознавать, что в Бирме, Непале, Индии, Китае и на Западе есть целый ряд ученых буддистов, к которым это великое понятие применимо в истинном его значении».

19/III ***«Дикие псы» Чантанга. Малые переходы – лень тибетцев. Перевал Пангонг-цзо-ча.***

Встали до 6 ч. утра. Ночь и утро холодные – в палатке –10° С. Долго ожидали сбора яков и лошадей. Доньер и старшина, по-видимому, бессильны, хотя первому и дано право подвергать население телесным наказаниям в виде порки. Уртонная система путешествий оказалась хуже найма сквозного каравана от места до места. Назначенный нам старшиной проводник отказался идти, несмотря на угрозы старшины. Послали с нами другого. Народ здесь более дикий, чем хоры, и благообразные человеческие лица встречаются редко. Это «дикие псы» Чантанга на путях района Шамбалы. Единственная их связь с человечеством и буддийским миром – это ожидание «Грядущего» – Майтрейи, но какими качествами наделяют они Его, бог весть.

Опять шли крутыми каменистыми дорогами через горы и большой перевал. В первый раз после Чу-наргена и горы, и небо были необычайно красочны и вызывали радость у Н.К. Переходы так малы, что, выйдя в 8 ч. 45 м. утра, пришли на стоянку уже в 11 ч. 35 м.; и, конечно, тут играет роль не утомление яков, а обычная леность тибетцев, которые мечтают посидеть подольше за чаем в кругу

у горящего аргала. Ночью обычно они долго не ложатся, проводя время за разговорами и чаепитием.

«Гималаи».
Courtesy: Michael Breen (Australia).

По дороге видели священные надписи на камнях скал и менданг в виде изгороди, который обходят здесь со стороны левой руки, то есть справа, что не соответствует буддийским обычаям. На стоянке видели три больших менданга, сложенных из гранита, с множеством священных надписей на каменных досках (плитах), камнях, рогах и лобных костях яков и баранов.

20/III ***Основные черты характера тибетцев. Вопрос о Тибете должен быть пересмотрен. Каменные хижины.***

Вышли в 8 ч. утра при сильном и холодном ветре. Шли зигзагами по нагорью, избегая болотных кочек и переходя по льду небольшие речки, причем трое всадников

провалились вместе с лошадьми. В 10 ч. утра остановились у аила на стоянку, пройдя, если идти по прямому маршруту не более пяти верст. Такие переходы по два-три часа в день – явное издевательство и задержка в пути. Едут с нами два доньера и старшины, которые и отдают все распоряжения. «Губернаторы» Нагчу уверяли нас, что путь до Сиккима займет всего 28 дней, что мы пойдем быстро и кратчайшим путем, но по нашему самому скромному расчету нам предстоит идти еще не менее сорока дней.

Основные черты характера тибетцев – ложь и безответственность, подчеркиваемые крайним невежеством. Если же прибавить к этому корыстолюбие и склонность к спекуляции, то нравственное безобразие тибетцев выявляется в полной мере. «Губернатор» Намру, обличая ложь нагчуских «губернаторов» по поводу продолжительности пути, сам солгал нам, заявив, что до Шен-цза 12 дней пути. Он назвал самый большой срок, и теперь старшины растягивают путь, идя зигзагами и делая остановки через два-три часа. Нет, вопрос о Тибете должен быть пересмотрен. Нельзя, чтобы несчастный темный народ продолжал влачить свое рабское, звериное существование, в то время как правительство и ламство кичатся своим мнимым «благочестием», выставляя темную и ничтожную страну как «священную» перед всем буддийским миром и «таинственную» для всей Европы. Маска благочестия должна быть сорвана с лживого облика Тибета. Пусть весь мир увидит, что «священная и таинственная» страна Тибет – полное ничтожество, отвратительное в своем физическом и духовном разложении.

Оказывается, Намру-цзонг был построен вскоре после бегства Таши-Ламы, который прошел этим путем незамеченным. С каждым днем мы все более понимаем, что

должен был пережить Таши-Лама, чтобы покинуть Тибет. Действительно, бегство Таши-Ламы является поворотным моментом в судьбе страны.

Сегодня достали танку Майтрейи, и было роздано тибетцам, собравшимся вокруг палатки Н.К., большое количество изображений Будды Всепобеждающего. При этом лица собравшихся выражали живейший интерес, и мы еще раз пожалели, что этим людям не дают никаких знаний. Здесь царят нищета и невообразимая грязь, а каменные хижины, находящиеся недалеко от нас, напоминают жилища доисторических первобытных индейцев Новой Мексики и Аризоны.

21/III ***Природа становится живописнее.***
На реках начинается таяние льда. Появились турпаны.
Шуб не снимаем.

Вышли в 8 ч. утра при слабом холодном ветре, вскоре усилившемся. Чем далее подвигаемся на запад Тибета, тем разнообразнее и красивее становится природа. Высокие вершины гор сменяются нагорьями, холмами и долинами, пересекаемыми горными потоками. Шли до 12 ч. дня, после чего остановились в долине у аила. Обещают, что через шесть переходов будем в Шен-цза. Днем у берегов речек начинает таять лед. Прилетели турпаны. Вчера на стоянке насчитали их восемь штук. В течение всего дня холодный ветер. Снег лежит лишь местами в ложбинах. Шуб, конечно, еще не снимаем – на ветру холодно даже в них.

Сегодня Н.К. не понравилась лошадь, и он предпочел пройти весь путь через горы пешком, не ощутив даже одышки. Бережем своих лошадей и едем на наемных, ко-

торые от Намру меняются через каждые два дня во встречных аилах, точно так же, как и яки.

22/III ***Проходим путем Таши-Ламы. «Оленьи камни» в урочище Доринг.***

Утром мороз –15° С, ветер. Дорога становится все разнообразнее: через небольшие перевалы, нагорья и замерзшие речки. От местных жителей узнали, что здесь проходил Таши-Лама. Видимо, опасаясь коварства и жестокости своего светского соправителя, он и избрал поэтому этот редко используемый путь. Шли около четырех часов до урочища Доринг («Длинный камень»), где находится памятник глубокой древности – шесть «оленьих камней», из коих одному ваятели придали грубые черты лица.

Установлены они по краям выложенной камнем площадки, от которой отходят двенадцать длинных парал-

«Гималаи».
Courtesy: Michael Breen (Australia).

лельных рядов острых камней, а перед ними из плоских камней ребрами вверх выложена сложная фигура в виде усеченного конуса, двух параллельных линий, исходящих от него, и квадрата.

Камни эти местное население до сих пор почитает как священные и поливает их жиром на «доброе здоровье» больным и «на добрый путь» тем, кто отправляется в дорогу. Конечно, здесь мы имеем дело не с тибетским и даже не с монгольским, а каким-то еще более древним остатком культа. Во всяком случае этот памятник является единственным пока, насколько нам известно, археологиче-

Тенгиры в местности Доринг.
Рис. Ю.Н. Рериха из путевого альбома.

ским памятником, отмеченным нами на территории собственно Тибета. Ю.Н. сфотографировал и зарисовал детали этой находки, о чем он впоследствии и сообщит в своей

книге о Тибете. По дороге видели двух серн – мы уже говорили, что на Чантанге дикие животные редки.

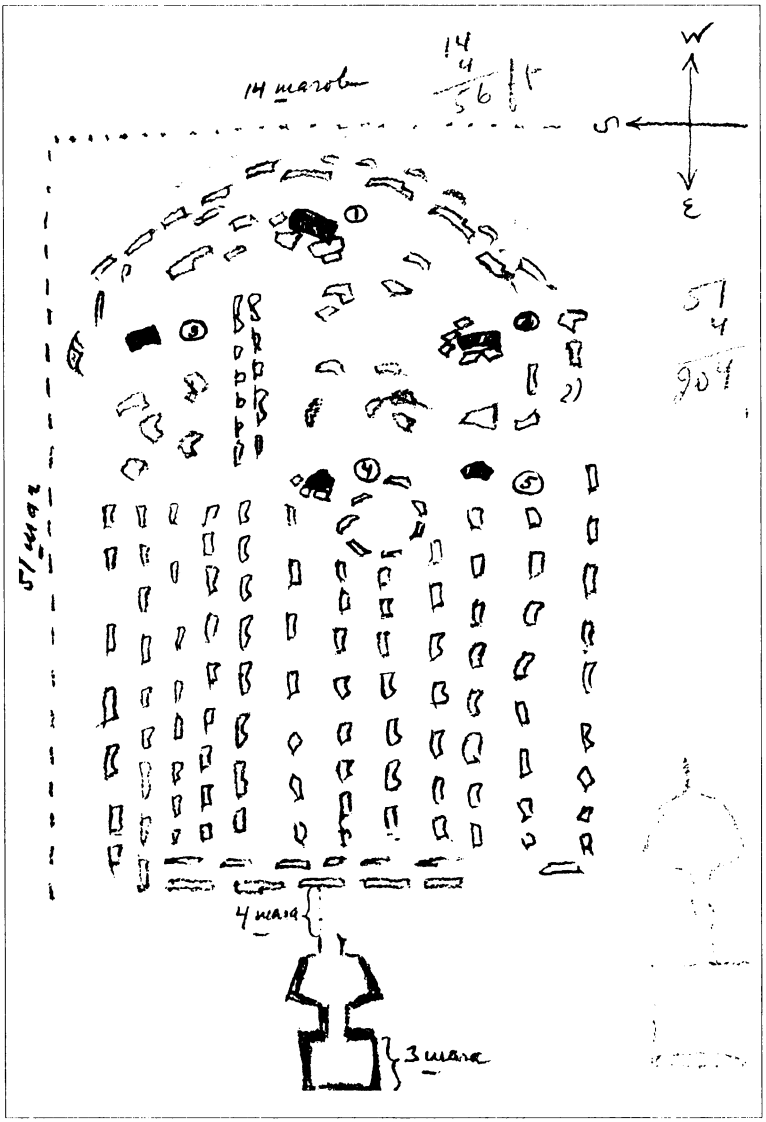
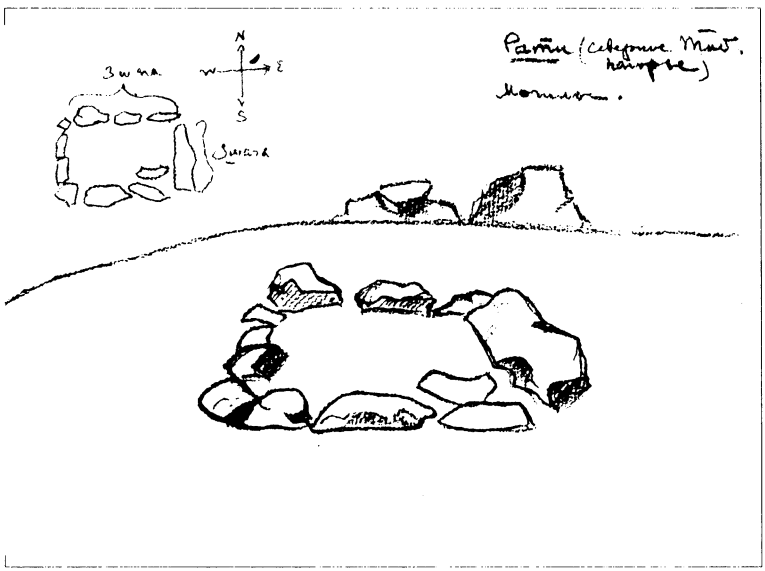


Рис. Ю.Н. Рериха из путевого альбома.

23/III ***Красивая и разнообразная местность.***
Еще один древний памятник.
Древние могилы. Нерадивый правитель.

Сегодня продолжили свой путь в горы с новым проводником, новыми яками и лошадьми. Местность по-преж-

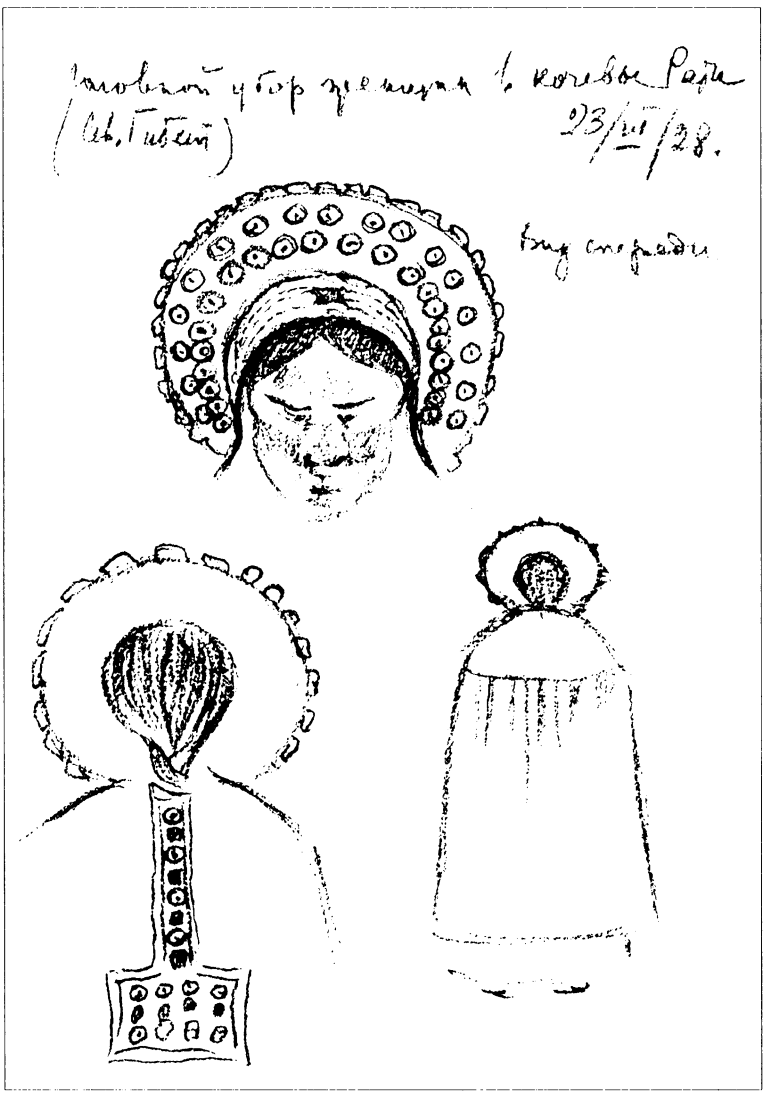


Рати. Могилы.
Рис. Ю.Н. Рериха из путевого альбома.

нему красивая и разнообразная, с древними разрушенными, истлевающими горами. С утра нас уверяли, что сегодня предстоит короткий переход, а по поводу «оленьих камней» говорили, что это единственный здесь памятник. Но без лжи тибетцы не скажут ни одного слова, как будто бы лгать – это дело религиозной необходимости.

Наоборот, переход оказался длинным, более четырех часов, и по пути мы видели древний памятник из четырех «оленьих камней». На месте стоянки у большого аила – с

разбросанными черными шерстяными палатками и ульеобразными каменными юртами – обнаружили множество



Головной убор женщины в кочевье Рати.
Рис. Ю.Н. Рериха из путевого альбома.

мендангов и какие-то древние могилы, по обеим сторонам которых выложены квадраты из кусков гранита, причем самый крупный из них – с восточной стороны.

Здесь обитает какое-то другое тибетское племя; женщины в «кокошниках» наподобие древнерусских. Жизнь дикая и жалкая, затерянная среди гор. Что если бы «Океан Знания» – Далай-Лама – вместо сидения на цампе в Норбулинге и сбора подаяний, когда-либо дал себе труд лично поинтересоваться и посмотреть, как живут его несчастные подданные, мечтающие о любой иноземной власти, но более заботливой, хотя бы даже власти китайцев. Ведь их «благочестивый» девашунг не делает для них ничего. А разбойничьи цзонги существуют с целью поборов, сбора налогов и различных вымогательств у населения. Если вы думаете, что сотни нарсангов, уплаченные нами за караван, попадут в руки тех, кому принадлежат эти яки, то вы глубоко заблуждаетесь – таинственный «океан» поглотит их.

24/III ***Бронзовые наконечники стрел. Народы «готл» и «атл». Озеро Гоманг-цо. Далай-Лама дарит наконечник стрелы как амулет для охраны здоровья.***

Шли сегодня четыре часа ровным широким нагорьем при сильном встречном ветре. Начинают встречаться дикие животные – вчера видели два стада серн и куланов, сегодня попадались и те, и другие. Кое-где редкая болотная трава в виде сухой, жесткой щетины; горы голы и находятся в стадии разрушения. Нагорье Чантанга, то есть северную часть Тибета, никак нельзя назвать скотоводческим районом. Водятся яки и бараны, но травы так мало, что при больших снежных заносах стада чуть не поголовно вымирают. Як дает чрезвычайно мало молока, и потому купить его здесь невозможно, масло – тоже.

Утром опять любовались фигурами людей, напоминающих своей дикостью и растрепанным видом доисторического человека каменного века. Некоторые из них носят как украшения древнейшие бронзовые наконечники стрел, найденные ими в земле или в древних могилах. Происхождение этих наконечников жители объясняют действием «молнии, ударяющей в землю», так сказать, ее следом, причем сами стрелы находят якобы на месте ее удара лишь спустя десять лет. Не забудем, что в доисторические времена область, занимаемая теперь Тибетом, называлась страной *Готл* и была населена народами *готл* и *атл*.

По пути встретили гонца, возвращающегося из Шенцза-цзонга обратно в Намру, сообщившего нам, что в цзонге нас ждут и транспорт уже готов. По нагорью прошли с левой стороны соленого озера Гоманг-цо. Предыдущая стоянка была сделана в Ретри. Ее жители красят лицо, как и хоры, кровью. Странно было видеть женщин в русских кокошниках с дикими лицами, вымазанными кровью. Одну из таких особ жители отдали на ночь доньеру в знак особого к нему уважения. Проснулись суслики и выбегают из нор. Появились клушницы. Днем в палатке +3° С.

У одного из наших торгоутов, Манчжи, имеется древний монгольский наконечник стрелы, но, в отличие от трехгранного бронзового, приобретенного здесь Н.К., он плоский и из красной меди; тот и другой с желобками по краям. Оказывается, это подарок Далай-Ламы матери Манчжи, преподнесенный в качестве амулета для охраны здоровья.

25/III ***Крест и орел. Зоркость Е.И.***
Воспоминания Н.К. об археологических раскопках.

День креста и орла. На недоуздке местной лошади, на нижней перекладине, оказалось цветное изображение кре-

ста. Во время утренних сборов Е.И. усмотрела на кокошнике одной из женщин необычную старинную бронзовую бляшку. Ее купили, и она оказалась примитивным изображением двуглавого орла в круге. По обработке и стилизации она характерна для времен готских переселений. Н.К., любящий прогнозы, говорит: «А что если *готл* и *атл* – готы и аланы, вытесненные первоначально из этих мест ледниками, последствия которых мы только что видели на скалах?» При этом Н.К. обратил внимание на ту зоркость, с которой Е.И. усмотрела эту ценную для археологии бляшку, и вспомнил, как усердно Е.И. трудилась на раскопках в поисках предметов каменного века, когда приходилось иногда работать, согнувшись, чуть ли не по двенадцать часов в сутки. Рабочие говорили: «Теперь мы скажем нашим женам, что господа умеют работать лучше нас».

Хотя ночь была морозная (–10° С) и утром поднялся холодный ветер, днем на ветру термометр показывал до +10° С. Вышли в 8 ч. 30 м. и шли почти пять часов по нагорью, окруженному зубчатыми горами. На юго-западе показался снеговой хребет. Думаем, может быть, это Трансгималаи?

26/III ***Видны Трансгималаи. До Шен-цза-цзонга два дня.***

Утром +8° С, ветер нехолодный. Продвигаемся на юго-запад к Шен-цза-цзонгу, куда, по указанию доньеров, предполагаем прийти завтра. Это движение от Намру уртонами оказалось лучше организованным, чем от Нагчу сквозным караваном. Население оповещалось о нашем продвижении специальным гонцом, и поэтому к нашему приходу яки и лошади были готовы. Идея о специальном гонце, который был нами оплачен, конечно, принадлежала не тибетцам.

Местность, по которой идет наш караван, гористая, с горными проходами, небольшими речками, уже освободив-

шимися в некоторых местах ото льда, и нагорьями. Слева видны Трансгималаи. Сегодня наши торгоуты по дороге охотились и, к общему нашему неудовольствию, убили кианга. Очевидно, чтобы не нарушить принципа повседневной лжи, доньеры к вечеру неожиданно сообщили, что до цзонга осталось еще два перехода. Только в тех случаях заявления тибетцев не вызовут у вас разочарования, если вы им сразу не поверите.

27/III ***Свирепый вихрь. Жестокость Далай-Ламы. Буран. Причудливые очертания и меняющийся цвет гор.***

Уже третий день теплая погода – утром в палатке –1° С. Вышли в 8 ч. 30 м. утра при слабом западном ветре. Во время пути ветер настолько усилился, что от одного из его порывов покачнулись даже лошади. Наши заявления Далай-Ламе о болезнях, слабости сердца и истощении запасов медикаментов и денег были отвергнуты. Даже два медицинских свидетельства не были приняты во внимание. Наоборот, в начале марта, когда еще стояли морозы, нам определили маршрут по суровому Чантангу с его холодом и пронизывающими ветрами. Мы писали, что с нами находятся три женщины и среди них девочка 13 лет. Ничто не изменило бесчеловечного к нам отношения.

Отныне позор за перенесенные нами страдания падет на голову бесчеловечно-жестокого Далай-Ламы, «рябого монаха», – как презрительно назвал его тибетский народ. Члены его правительства обо всем ему доносили, и он должен будет дать ответ за свои действия и действия своего правительства. Как мы в том убедились, о всех событиях нашей жизни, до мельчайших подробностей, сообщалось властям. Нагчуские «губернаторы», например, знали даже, что у Н.В. сломались карманные часы, и это в то

время, когда мы были еще в Шаругоне. Знали даже о том, что в Чу-наргене у нас было три курицы.

Шли около пяти часов. Вскоре после того, как мы пришли на стоянку, поднялся холодный северо-восточный

«Гималаи».
Courtesy: Michael Breen (Australia).

ветер, перешедший в буран, застилавший горы тучами песка. В первый раз за все путешествие дует северо-восточный ветер. Как ни странно, но почти целый год мы шли при юго-западном ветре различной силы. Сегодняшний буран по своей силе равнялся тому, что случился в Юм-бейсе. Нас всех занимает, прочтем ли мы завтра в цзонге ответ из Лхасы, ибо, как бы это правительство ни было лениво, оно могло – с января месяца – уже многократно сделать необходимые распоряжения.

Во время пути собака, купленная у гражданского «губернатора», задавила годовалого домашнего козла, за кото-

рого пришлось заплатить, собаку же подвергли позорному наказанию – привязали за веревку к ее жертве.

С утра мы восхищались причудливыми очертаниями и разнообразием меняющегося цвета гор. При этом Н.К. неоднократно замечал: «Подумайте, мы едем как будто по нескончаемой картинной галерее!» Можно себе представить, насколько Н.К. жалел, что из-за условий путешествия и запрещения тибетцев он сейчас лишен возможности запечатлеть эти красоты.

28/III ***Озеро Чжаринг-цо. Шен-цза или Наг-занг. Бедность населения. Судьба Тумбала и Амбала. Гоби и Каду.***

Шли три с половиной часа в юго-западном направлении среди разнообразных и красиво расцвеченных гор, перейдя перевал около 17.000 футов с долгим каменистым и крутым спуском. Пришлось сойти с лошадей и вести их на поводу. Впереди виднелись высокие снежные отроги Трансгималаев, а справа – большое темно-синее озеро Чжаринг-цо.

Остановились в 11 ч. 30 м. у Шен-цза-цзонга, называемого также по имени округа Наг-занг-цзонгом. Сюда уже дошло распоряжение Далай-Ламы о том, чтобы мы следовали на Сикким через Сага- и Шекар-цзонги, а также о предоставлении нам транспортных животных, плата за которых должна быть прислана из Сиккима через британского резидента Бэйли.

Цзонг здесь выглядит хуже, чем в Нагчу и Намру, и, конечно, никоим образом не может служить стратегическим целям. Все эти цзонги расположены в долинах (нагорьях) у гор и представляют собой административно-разбойничьи далай-ламские гнезда для выжимания пота и крови из несчастного народа.

Сокращения пути не произошло. В нашем путевом паспорте, полученном здесь от Далай-Ламы, Н.К. почему-то назван «великим послом американского парламента», а путь указан через Сага, Шекар и какой-то не значащийся на картах пограничный пункт.

Бедность местного населения еще более удручающая, чем в предыдущем округе Намру. После величайших поисков удалось найти грязный кусок масла около двух-трех фунтов весом, за который пришлось заплатить 10 нарсангов. При этом мексиканский доллар, вопреки очевидности, считается здесь за рупию. Кто же мог предполагать такую степень дикости народа? Даже мечей и пращей, обычного тибетского вооружения, здесь уже не видно. Женские уборы нищенские, и всюду одна черная несмываемая грязь. За тринадцать дней пути до Чогчу с нас берут за 100 яков 225 нарсангов и за 10 лошадей 50 нарсангов. Корма для верблюдов и лошадей в цзонге не оказалось. Пока удалось приобрести один небольшой мешок горошка для лошадей и три мешка ячменя весом каждый менее 60 фунтов по 12 нарсангов за мешок.

Собака Каду опять чуть не задушила двух баранов. Кстати, о судьбе Амбала и Тумбала: первый остался в аиле в Чу-наргене, Тумбал же вновь присоединился к нам по дороге из Чу-наргена в Нагчу и вскоре погиб, проглотив острую кость. Теперь с нами опять идут две собаки – Гоби и Каду, взятые в Нагчу-цзонге.

29/III ***Тибетцы желают показать нам все свои цзонги. Опять ураган. Подкупность тибетцев.***

Всю ночь беспрерывный вихрь трепал палатки. К утру ненадолго стих. Погода нехолодная. В 8 ч. утра в палатке –3° С. Шли мимо озера Чжаринг-цо по карнизам гор более

четырех часов при сильном, пронизывающем ветре. Озеро вблизи чернильно-ализаринового цвета. По рассказам местных жителей, в нем живут «большие круглые животные с четырьмя растопыренными лапами», по-видимому, черепахи.

Судя по определенному для нас маршруту, нам придется ознакомиться со всеми тибетскими цзонгами севера, запада и юга. Весьма «остроумно» со стороны тибетских властей, так как часть этих цзонгов европейцы еще не видели. Что касается Шигацзе и Гиангцзе, то они уже давно и хорошо известны. Попутешествовав по цзонгам, представляющим оплот границ Тибета, можно при некоторой наблюдательности составить для себя полную картину его «мощи». По-видимому, этого-то тибетцы и добиваются. Но вот вопрос: насколько серьезным препятствием окажутся эти крепости в свете современного военного знания и понимания европейцев и защитят ли они в случае нужды «благословенное» правительство Тибета – девашунг – и не менее высокого достоинства владыку его – Далай-Ламу?

К вечеру вихрь перешел в буран, сорвавший три палатки. Железные колья не выдерживают порывов ветра – на них положены мешки, камни, яхтаны. Уверяют, что подобные вихри обычны здесь до июня, когда им на смену приходят сильные дожди, которые в свою очередь опять сменяются ветрами.

Необходимо особо подчеркнуть уже знакомую нам черту тибетцев – их подкупность. Так, в цзонге полагают, что до Чогчу тринадцать дней пути, но не успеваете вы выехать из цзонга, как приставленный к вам доньер говорит, что за подарок он может сократить путь до 10 или даже до 9 дней. Сопровождающему нас доньеру предложено по три доллара за каждый сокращенный день.

30/III ***Ледяной вихрь. Гористая дорога. Озеро Сера-цо. Тибетский музыкант.***

Опять всю ночь вихрь. К утру стало тише. В 8 ч. 30 м., когда мы отправились в путь, снова поднялся небольшой холодный ветер, вскоре перешедший в леденящий вихрь.

Дорога гористая, через перевалы и спуски, по нагорьям и карнизам гор. Справа за грядой гор – озеро Чжаринг-цо, по левую же сторону – небольшое озеро Сера-цо такого же темного зелено-синего цвета, по берегу которого мы шли около получаса. Миновав его, спустились в долину (нагорье) с тем же кочковатым скудным пастбищем, где остановились у аила в 1 ч. 15 м. пополудни.

Идем пока ладакхско-непальской дорогой на запад до Чогчу, где оставим ладакхскую дорогу справа и пойдем на юго-запад по большой непальской дороге в направлении к границам Непала. Уже теперь чувствуется, что для Н.К. грядут какие-то события, и, может быть, нам придется вскоре расстаться... У него для нас бывает все неожиданно...

Вчера, встретив караван, мы обратили внимание на группу людей, шедших около яков. Уже на стоянке мы узнали, что это вели трех разбойников, только что убивших на этой дороге двух торговцев. В Нагчу и в Шен-цза мы видели людей, бродящих на свободе в ножных кандалах. В Нагчу один из них зашел днем к нам во двор с кистенем и пытался что-то похитить из палатки торгоутов. Так что оружие, находящееся до сих пор при нас, оказывается уместным и здесь. Жалеем, что нас ведут через Чогчу, тогда как, по словам местных людей, на Сага-цзонг имеется прямая дорога, но все в Тибете делается как-то «непрямо».

Вечером пришел музыкант со струнным инструментом, женой и маленькой девочкой. Добрые пожелания они со-

провождали музыкой и танцами. В их исполнении это, конечно, был китайский примитив – и музыка, и пение, и танцы, – но гармоничный.

31/III ***Ледяной ураган. Падение П.К. с лошади. «Да исполнятся сроки!» – восклицает Н.К.***

Вышли в 8 ч. 20 м. Ночь была спокойная, без ветра, но уже с утра задул ветер с востока, через полчаса перешедший в южный. Зато во время пути в западном направлении поднялся настолько сильный и холодный ветер ураганного характера, что лошади иногда отказывались идти и беспомощно ржали. Можно себе представить, как трудно в такой ураган ставить палатки. Местные жители встретили нас с развевающимися волосами, наподобие жителей Огненной Земли.

Сегодня упали три лошади. У Е.И. и Н.К. это обошлось благополучно, но лошадь П.К. понесла, свалилась на скаку и потом тащила его по земле. К счастью, подоспели караванщики и смогли остановить ее. Шли и холмами, и перевалами, и замерзшими болотами, удивляясь этому огромному пространству бесплодной земли. Остановились, буквально сбиваемые ветром, через пять часов хода. Н.К. говорил по поводу данного нам паспорта: «В этот широковещательный документ введен даже пункт о запрещении охоты, хотя еще в октябре правительство знало, что мы животных не убиваем. В то же время в паспорте совершенно игнорируются западные буддисты. Этим самым Далай-Лама еще раз подтверждает отделение буддистов от ламаистов Тибета, зная при этом, что, по завету Будды, Учение Его распространяется по всему миру. Будущее покажет, где будут бо́льшие знания и где будут выявлены истинные заветы Благословенного. Да исполнятся сроки!»

1/IV

Мороз. Озеро Пуг-по-цо.

Ночью мороз. Утром в палатке –7° С. Буран прекратился только к 12 ч. ночи. Вышли в 7 ч. 45 м. при безветренной погоде. В 9 ч. утра снова поднялся ветер средней силы. Дорога в западном направлении шла по нагорью. Через 4 ч. 15 м. остановились у большого аила для смены яков и лошадей. После этого опять шли по нагорью, обрамленному невысокими горами, еще около четырех часов и остановились недалеко от озера Пуг-па-цо. За озером виднелась – параллельно Трансгималаям – снежная цепь гор с острыми вершинами.

2/IV

Перевал Понг-чен-ла. Озеро Нанзе-цо.
Мороз и снежная метель. Будда белой расы.

Ночью мороз. Утром –9° С. Встали в 7 ч. 50 м., в пути были восемь часов при сменных яках и лошадях. Шли сначала по равнине, а затем через перевал Понг-чен-ла (высотой 17.470 футов) до озера Нанзе-цо. Дважды была сильная снежная метель с колющим вихрем в лицо. В 4 ч. вечера небо, обложенное тяжелыми снеговыми тучами, прояснилось, и ветер несколько утих. Все соседние горы покрылись снегом, как глубокой зимой. У Е.И., кроме перебоев сердца, начавшихся еще в Нагчу, дважды были значительные отеки рук, последний раз сегодня. Ю.Н. мучали судороги в ногах и руках, а также недомогание; вынужден был принять дигиталис. Н.К. переносил и высоты, и леденящие ветры без видимого утомления.

Н.К. дорогой во время вихря говорил о Будде белой расы, который определенно изображался на старинных танках среди бывших будд. Таким образом, то, против чего восстает официальная церковь, само вошло в обиход

жизни. С одной стороны, на буддийских танках Будда белой расы, с другой, – на христианских иконах царевич Иоасаф[85a], то есть Будда, жизнеописание которого ясно истолковывается в «Четьи-Минеи»[86]. «Как человеческая рука ни старается разрубить на части одно древо, корень его все-таки един», – замечает Н.К.

3/IV

Еще бо́льшая дикость и бедность племен.

Утро холодное, –9° С, но зато безветренное. Шли пять часов по ровной дороге широкого нагорья, огибая озеро Нанзе-цо. Конечно, проводник вел нас какими-то зигзагами, на которые потратили лишний час, но что же делать, на то он и тибетец.

Поражает еще бо́льшая дикость и бедность встречающихся племен и полная их неосведомленность о том, что находится в двух днях пути от них. Мечей уже не видно, одни пращи. Украшений в носах почти не носят, одеты бесцветно и бедно. Фотографического аппарата боятся. Н.К. обратил внимание, что на одних четках было изображение креста. Вообще могла бы быть интересной тема об изображении креста в буддийском обиходе. По дороге, вблизи аила, видели стада серн и куланов.

Как обычно, к 12 ч. поднялся ветер, но все же не достиг вчерашней силы. Нам предложили сделать завтра два перехода, но, щадя наших животных, мы отказались. Между прочим, тибетские яки не в состоянии тащить большие американские сундуки, кои, по словам Н.К., яки в Ладакхе и кашмирские лошадки несли без особого труда. По-прежнему молока и масла нет. Зерно в скудном количестве и по дорогой цене. Прокорм наших тринадцати животных за месяц обходится в 780 нарсангов.

4/IV ***Озеро Данграа-юм-цо. Горы Тарко.***

Второй день теплая погода. Не мучает холодный порывистый ветер. Утром +1,5° С. Вышли в 8 ч. утра опять на новых лошадях и яках. Идем уртонами, то есть от аила до аила, где уже приготовлены свежие животные. Шли 7 ч. 10 м. на юго-юго-запад, оставив с правой стороны озеро Данграа-юм-цо. Впереди, спускаясь с небольшого перевала, увидели высокие отроги Трансгималаев – Тарко (свыше 20.000 футов). Во время пути лошадь, на которой ехал Н.К., трижды падала. До Чогчу, оказывается, остается всего три перехода – наши доньеры где-то сократили третью остановку. Надо отдать им должное – распорядительны и идут быстро. Из оставшихся пяти верблюдов двое плохо едят, видимо, слабеют. Один из них хромает. Верблюды непривычны ни к этому климату, ни к этим высотам, дальше Лхасы они обычно не ходят, да и питаться им в Тибете нечем. Кормим распаренным ячменем, а лошадей – горошком.

5/IV ***Приближение к горам Тарко. Река Тарко.***
Остановка у озера Данграа.
Неповторимая «жемчужность» Азии.
Америка – хорошая страна.

Ночь холодная. Утром в палатке –5° С. Предстоит пройти равнину-нагорье к горам Тарко (местное название северных отрогов Трансгималаев у озера Данграа-юм-цо). Вышли в 8 ч. 12 м. утра при безветренной погоде, шли по песчаной равнине, покрытой отчасти камнями, отчасти мелкой галькой. Благополучно переправились верхом через впадающую в озеро реку Тарко. Ледоход. Быстро несутся льдины. Далее до самых гор тянется песчаная равнина,

покрытая вереском, болотной щеткой и впервые увиденными здесь кустами.

Через четыре часа хода остановились у аила, около озера, почти у самых гор. Шли в юго-западном направлении. Завтра обещают большой переход через ущелье и перевал в горах Тарко. Днем на солнце +19° С, в 3 ч. дня +24° С. После Нагчу это самый теплый, а главное – один из самых красивых дней. Н.К. отмечает неповторимую жемчужность Азии, перед которой многие другие краски природы кажутся искусственными и грубыми. Перед нами озеро, еще покрытое льдом, в окружении разнообразных по цветовой гамме гор. В тылу лагеря – снеговые вершины Тарко и перед ними песчаная равнина, покрытая невысоким кустарником.

Местные люди производят дикое впечатление, но странно, что они, встречавшие многих путешественников угрозами, оказывают нам знаки дружелюбия. Вечером Е.И. показывала целой толпе местных жителей виды Америки, и они сказали, что Америка – хорошая страна, показав при этом большой палец.

6/IV ***Ураган. Обход озера по горному карнизу. Ущелье в горах Тарко.***

С вечера ураган, длившийся до 2 ч. ночи. В одной из американских палаток сильным порывом бокового ветра был поднят край брезентового пола вместе со стоявшей в этом углу кроватью, в результате чего спавший в ней Г. был сброшен на пол. Вышли в 8 ч. утра в северо-западном направлении, чтобы обойти лежащее справа озеро по горному скалистому карнизу, местами узкому и обрывистому. Пришлось сойти с лошадей и вести их на поводу, спускаясь и поднимаясь по скатам. Шли вдоль озера более двух часов, пока не достигли широкого ущелья в горах Тарко.

Переход до стоянки занял 6 ч. 15 м. при поднявшемся после 1 ч. дня порывистом, холодном ветре. Верблюды запоздали на два часа, а яки на четыре часа. Последних пришлось проводить цепью по трое по узкому карнизу над озером.

7/IV ***Нездоровье Е.И. 35-й день пути от Нагчу. Невежество и ложь властей. Стоянка в Чогчу. Ураган.***

Опять похолодало. Небо обложено тяжелыми снеговыми тучами. Е.И. с вечера и ночью нездоровилось – появились отеки и боли в правой руке, а также частые за последнее время после Нагчу перебои сердца.

В 8 ч. утра вышли в Чогчу. Любопытно отметить, что даже на этой последней стоянке перед Чогчу никто из местных жителей не бывал в этом самом Чогчу, за исключением одного старика, потерявшего теперь и память, и разум. «Губернаторы» Нагчу уверяли нас, что до южной границы Тибета мы дойдем за 28 дней. Между тем сегодня 35-й день, как мы все еще идем на запад, а до южной границы остается, по-видимому, еще более месяца. Таковы невежество и ложь тибетских властей.

Сегодня выяснилась еще одна возмутительная подробность. Придя на стоянку в Чогчу, мы узнали, что местный старшина предполагал отправить нас в Нари-цзонг в направлении Ладакха на том основании, что в бумаге от лхасского правительства ему не было указано направление на Сага-цзонг. К счастью, мы послали вперед одного из доньеров, приставленных к нам, и он разъяснил старшине оплошность правительства.

Шли около четырех часов в северо-западном направлении, делая явно бессмысленный крюк, так как завтра должны пойти в южном направлении, пересекая ту же самую равнину. Здесь, в районе, уже подведомственном Са-

га-цзонгу, никто не знает расстояния до него, и все ссылаются на какого-то начальника (гарпона), живущего в двух днях пути отсюда, которому будто бы известна дорога на Сага-цзонг. Местный же старшина представляет собой замечательно красочный тип преступника.

По горизонту тут и там заметны полосы идущего снега. Незадолго до стоянки встречный ветер доносил до нас хлопья снега. В 3 ч. дня поднялся ураган, срывавший палатки. Здесь нанимаем новый караван яков – от Чогчу до Тарко-Ладжаб – по цене 22 нарсанга и пять шо за сто яков и три шо – за десять лошадей, а всего 25 нарсангов и пять шо.

8/IV ***Задержка в пути. Крестьяне сообщили, что правительство послало нас по плохой дороге. До Сага десять дней пути. Озеро Тари-нам-цо.***

День облачный, ночь и утро морозные. Утром в палатке –6° С. Вышли в 8 ч. 30 м. Обещают длинный переход, чтобы сократить один день. Идем в южном направлении на Сага-цзонг. Едва прошли два часа по равнине в направлении горного прохода, до которого нам еще оставалось идти и идти, как вдруг объявили, что дальше мы идти не можем до приезда «гарпона», так как здесь кончается округ, подведомственный девашунгу, и начинаются земли Таши-Люмпо, где в течение двухдневного пути все распоряжения должны поступать от «гарпона». Несмотря на все наши протесты и заявления, что, согласно выданному паспорту, нас задерживать не имеют права, в дальнейшем продвижении до приезда «гарпона» местный старшина нам отказал, а яки, доставившие нам багаж, были тотчас же уведены обратно.

В то же время местные крестьяне сообщили, что правительство послало нас по «плохой дороге», что есть дру-

гая, более короткая и удобная. Пришлось опять расставлять палатки и ожидать «гарпона», который якобы сегодня должен приехать и отдать распоряжения. Точного маршрута на Сага так и не знаем до сих пор.

Совершенно очевидно, что кроме общих указаний, сделанных в паспорте, коварное лхасское правительство дает и другие секретные распоряжения. Во всяком случае видно, что путь наш стараются растянуть. Какие еще сюрпризы ожидают нас, трудно сказать, но опять вспоминаются слова майора: «Тибет жесток». Прибавим к тому, что он еще при этом невежествен, лицемерен, лжив и коварен. Местные жители и их старшина производят неприятное впечатление своими отталкивающими, пьяными, вырожденческими лицами.

В 2 ч. дня наконец приехал «гарпон», сообщивший, что до Сага-цзонга дней десять пути, перевалов больших нет, в общем, дорога гладкая (опять, вопреки имеющимся у нас картам, где показаны снежные перевалы). Считает, что после Сага два дня пути до Брахмапутры, где придется переправляться на лодках. Сегодня впереди справа синело озеро, по-видимому, Тари-нам-цо.

Только здесь выяснилось, что от Шен-цза (Наг-цанг) до Сага есть кратчайшая южная дорога, о которой тибетцы тщательно умалчивали, скорее всего, потому что в паспорте указана северная дорога (Чанг-лам). И тут Далай-Лама не преминул сделать для нас наихудшее как в отношении бессмысленного удлинения пути, так и его неудобств. Можно поэтому себе представить, что терпит несчастное вырождающееся население от притеснителей, засевших в Лхасе, сковавших их цепью невежества и религиозных предрассудков. Один из примеров невежества: завтрашний путь одними определяется в шесть часов, другими же в двенадцать с половиной. И даже «гарпон» далее двух дней пути от своего местопребывания сказать о дороге ничего не может.

9/IV ***Население не доверяет распоряжению своего цзонга. Мы потеряли три дня, сделав ненужную «петлю».***

Утро началось приездом гонца от соседнего старшины, отказавшегося приготовить для нас транспорт. Очевидно, письменному распоряжению за печатью администрации своего цзонга местные старшины не доверяют. Видимо, злоупотребления властью стали слишком часты – и население перестало повиноваться. Послали копию паспорта, выданного Далай-Ламой.

Шли 5 ч. 20 м. через горы и каменистые равнины, перейдя в одном месте небольшую реку, опасную подводным льдом. Остановились у небольшого аила, куда нас направил «гарпон». Здесь выяснилось, что мы должны были идти слева от озера Дангра-юм-цо через горы Тарко сначала в южном направлении по большой непальской дороге. Нас же послали влево, но далее – в западном направлении, заставив, таким образом, сделать ненужную «петлю» и потерять три дня. Виноваты в этом невежественные старшины Шен-цза (Наг-цанга), не знавшие, очевидно, о более короткой дороге или скрывшие южный путь и давшие распоряжение вести нас на Чогчу. Ложь тибетцев и невежество их правительства нас положительно преследуют. Никакие указания и возражения не помогают, никакие расчеты длительности пути невозможны. И это при паспорте за личной красной печатью Далай-Ламы и при исключительных обстоятельствах нашего продвижения по Тибету.

10/IV ***Соленое озеро Тингри-лам-цо. Срочная почта в Тибете.***

Утро морозное. В палатке –16° С. Ни лошади, ни яки не собраны. Кое-как выезжаем в 9 ч. утра в южном направлении через небольшой перевал и идем мимо большого соленого озера Тингри-лам-цо, все время наблюдая его

с правой стороны. Это озеро, не указанное на карте, не меньше Тенгри-нора и Данграа-юм-цо. Погода становится жаркой, однако озеро еще покрыто льдом. У берегов его, где уже лед растаял, много всякой птицы – турпанов, чаек и серых гусей. После полудня на солнце +38° С. Шли 5 ч. 30 м. почти исключительно по песчаному нагорью, покрытому галькой, в окружении местами выступающих наружу базальтовых скелетов гор. И местность бесплодная, и люди здесь дикие, лхасского наречия почти не понимают.

Остановились вдали от аила, перед перевалом. К нашему приходу ничего не было подготовлено по чисто тибетской причине: гонец, выехавший еще вчера утром, найден сегодня нашим человеком, Кончоком, спящим на дороге, а потому и извещение «гарпона» о нашем прибытии пришло вместе с нами. Такова судьба всех тибетских срочных правительственных сообщений.

Сейчас, несмотря на седьмой час вечера, жара еще не спала. Высота здесь более 16.000 футов, а потому ночи бывают морозные, и создается разница температуры между ночной и дневной до 60° С. Выезжая до восхода солнца в шубах, днем мы изнываем от жары.

11/IV ***Н.К. готовит телеграмму президенту США и письмо Буддийскому центру в Нью-Йорке.***

Опять на высотах морозные ночь и утро. В палатке –14° С, а в жаркий солнечный день до +34° С. Переход сегодня небольшой – до ближайшего перевала. Выходим в 9 ч. утра, чтобы через 3 ч. 20 м. остановиться у аила рядом с ручьем. Ручейков и речек в Тибете много, в Монголии совершенно иначе – часто в течение двух-трех дней пути вообще не найдешь никакой воды.

Н.К. уже теперь подводит итог своим впечатлениям о Тибете и заготавливает телеграмму президенту Североаме-

риканских Соединенных Штатов, а также письмо Буддийскому центру в Нью-Йорке. О своих планах на будущее он умалчивает, но чувствуется, что вскоре наше путешествие закончится, и Н.К. и Е.И. пойдут особым путем, каравану же придется вернуться разными дорогами домой. Где это случится, – не знаю, но во всяком случае наши пути могут разойтись не раньше Брахмапутры.

Здешние жители, видимо, никогда не видели иностранцев. Сейчас мы заметили у костра целую группу совершенных дикарей с уродливо-вырожденческими лицами. На этот путь, по которому мы теперь идем, по-видимому, вообще никогда не ступала нога путешественника. Об этом свидетельствуют и карты, где, если и встречаются названия некоторых местностей, то их местоположение не соответствует действительности.

Вчера вечером приходил местный старшина и просил позволения вырвать три волоска из бороды верблюда. По его признанию, эти волоски обладают большой магической силой, и он будет носить их на груди в священной ладанке. Но мы уже так привыкли к суеверию тибетцев, что нас ничто более не удивляет.

12/IV ***Основная снеговая цепь Трансгималаев. Река Сюи-Цзампо. Бум-па. «Система женского образования» в Тибете.***

Утром в палатках –4° С. Вышли в 8 ч. 20 м. Обещают два больших перевала, длинный переход и широкую реку. Шли в южном направлении, поднимаясь вверх по ручью, по карнизам гор вдоль болотистой равнины слева. Перевалы оказались невысокими и нетрудными, после которых спустились в равнину. Впереди ясно видна основная снеговая цепь Трансгималаев, которую мы должны пересечь послезавтра в юго-юго-западном направлении.

Встреченная на пути на песчаной равнине, покрытой галькой, река Сюи-Цзампо (по карте Сома-Цзампо), с чрезвычайно чистой и прозрачной водой, оказалась и неширокой, и неглубокой. Переход же до аила занял всего 3 ч. 35 м. Не верьте тибетцам!

День солнечный и теплый, с небольшим прохладным ветром. Местность, где мы остановились, недалеко от реки, называется Бум-па и принадлежит уже Сагскому округу. Извещение о нашем скором прибытии пришло только вчера, и потому яки не собраны – в наличии всего 30 животных. Песчаные равнины здесь изрыты сусликами. Вчера моя лошадь глубоко провалилась обеими передними ногами в нору, а сегодня – лошади Е.И. и Н.К. Такая дорога чрезвычайно опасна даже при езде шагом.

Всматриваясь в лица туземцев, видя их обычаи и полную невежественность, еще раз убеждаешься в том, что по Тибету легко можно проехать во всех направлениях, прикрывшись каким-нибудь грязным кафтаном, не поленившись измазать себе лицо и тело возможно большим количеством грязи, жира и копоти. Вспоминаем сегодня, как Е.И. во время посещения Кунг-Кушо-Дорингом в Дарджилинге спросила за завтраком его жену о системе женского образования в Тибете. Только теперь мы можем оценить всю неуместность этого вопроса и понять, почему ответа не последовало.

13/IV ***Годовщина выезда из Урги. Старшина неграмотен. Яки не собраны.***

Сегодня годовщина нашего выезда из Урги, и все это время мы живем кочевой жизнью в летних палатках, за исключением месяца пребывания в Нагчу, который мы провели в холодной и сырой китайской фанзе без стекол в окнах и без дверей. Сегодня выехали в 8 ч. утра к под-

ножию цепи Трансгималаев. Дорога опять шла по галечной равнине и через небольшие возвышенности. Но в общем высота здесь не менее 16.000 футов. Опять попадались норы сусликов, и лошади проваливались в них передними ногами. Шли около четырех часов до речки у ближайшего аила, состоящего, как оказалось, из одной палатки. Яки приготовлены не были, хотя старшина и получил уведомление, но отговаривался неграмотностью. Не в почете у населения далай-ламские грамоты! Кое-как удалось убедить старшину собрать яков. Обещал, что завтра будут и яки, и лошади.

14/IV ***Остановка на высоте свыше 18.000 футов. Дорога, по которой «никто не ходил». Деятельность Н.К. и Е.И. в пути.***

Идем сегодня в самый центр Трансгималаев, поднимаясь с высоты на высоту, думаем, не менее 18.000 футов, судя по снегу близлежащих снеговых вершин, высота которых около 20.000 футов, в полной арктической оголенности.

Вопреки общечеловеческим обычаям, тибетцы так распределяют ночевки, что мы, пройдя 5 ч. 45 м., должны были остановиться на высоте свыше 18.000 футов, почти на перевале, без аргала и корма. Н.К. и Е.И. вспоминают, насколько толковее и добросовестнее проводили их по перевалам ладакхцы. Здесь же тибетская ложь и легкомыслие лишают возможности предпринять какие-либо разумные меры. О завтрашнем перевале один из местных жителей, сам не бывавший там, рассказывает, что снег будет выше брюха лошади. Другой же, тоже не бывавший, говорит, что снега может быть не больше одной четверти. Один из живущих у перевала утверждает, что подъем очень крутой, а другой – что он почти незаметен. Но даже местные жители выражают свое удивление по поводу то-

го, что правительство послало нас такой дорогой, которой «никто не ходил». Но мы этому не удивляемся, так как возможно, что правительство сделало это по полному своему невежеству. Ведь это то самое правительство, которое даже на своих ничтожных медных монетках шо выбивает самовосхваляющий титул: «Благословенный дворец, победоносный во всех направлениях», что, однако, не мешало главе Тибета тоже богатеть во всех направлениях.

Идем после Нагчу уже 42-й день, иногда в чрезвычайно тяжелых условиях, тем не менее Н.К. и Е.И. чувствуют себя превосходно, несмотря на то, что другие спутники, более, казалось бы, здоровые и молодые, жалуются на утомление и одышку на высотах. Единственное, чем страдает Е.И., – это временами появляющимися после стоянки в Нагчу перебоями сердца. Эти перебои появились в Нагчу после отравления дымом аргала, выделяющего при сгорании синильную кислоту. В пути они возобновлялись совершенно неожиданно и не прекращались при приеме сердечных средств, а иногда при этом даже усиливались.

По-прежнему Е.И. неустанно пишет, много сообщает нам и беседует по поводу своих записей. Н.К. всегда деятелен в пути и мудро руководит нами во всех затруднительных случаях, разбираясь иногда в почти неуловимой психологии тибетцев. Итак, завтра пересечем высшую точку тибетских гор на нашем пути. Небо затянуто тяжелыми снеговыми тучами, поднялся холодный ветер, идет снег.

15/IV ***Проход Сангмо-Бертик, 19.090 футов. Шатровые горы.***

Местный старшина отказался прибыть на стоянку, и мы уговорили жителей аила и людей, перевозивших на яках наши вещи с предыдущей стоянки, сопровождать нас далее. По мере приближения к внутреннему району Тибета мы все более и более убеждаемся в бессилии власти и

полном игнорировании жителями распоряжений правительства. Даже имя властителя Тибета – Далай-Ламы – не производит никакого впечатления.

Через три часа после выхода достигли перевала через Трансгималаи, вернее, горного прохода Сангмо-Бертик высотой 19.090 футов. Дорога была чрезвычайно неприятная: под ногами то большие острые камни, то скользкие обледенелые кочки. Местами во впадинах лежал глубокий снег, по брюхо лошадям. После перевала открылась долина, окруженная снеговыми горами. На востоке эти снеговые вершины имеют вид шатров. До ближайшего аила шли семь часов. Не надо думать, что аил здесь что-то вроде населенного пункта, местечка или даже деревни. Нет, обычно это одна, две, три или четыре палатки, рассеянные в долине, где живет от двух-трех и до двадцати человек, пасущих стада баранов и яков.

Конечно, и здесь яки вовремя не были собраны, старшина не приехал, и местные люди в количестве четырех человек отказались дать нам своих животных в качестве транспорта. Тотчас же послали людей известить старшину. По пути к перевалу видели куланов и большое стадо диких яков.

16/IV ***Новая задержка в пути. Бараньи караваны. Наши палатки и снаряжение.***

Несмотря на уверения тибетцев о скором приезде старшины, он, конечно, ни вчера вечером, ни сегодня утром не прибыл и когда приедет, неизвестно. Итак, очередная задержка, но мы надеемся, что простоим в ожидании не долее, чем до завтра. Тибетец Кончок говорит, что здесь еще не так плохо, но будет гораздо хуже в центральном районе, где отказываются везти даже далай-ламские грузы.

Мы, со своей стороны, вполне склонны верить этому. К сожалению, не все, указанное в паспорте, выданном Далай-Ламой, приводится в исполнение. Так, у нас нет двух доньеров, предписанных документом. Зато есть желание: как можно скорее завершить этот путь и поменьше иметь контактов с населением, ибо знаем мы его уже предостаточно.

Корма для животных осталось на один день. Сами мы питаемся кое-как: прошлогодней сушеной сваренной бараниной, уже позеленевшей, на костях которой почти нет мяса. Зерно продают нам с трудом и в ничтожном количестве по прежней крайне высокой цене. В последний раз принесли четыре мешочка из «бараньего каравана», всего около пуда. Дело в том, что здесь ходят даже караваны баранов, что вполне соответствует местному масштабу. Конечно, баран может перевозить очень мало груза, и главным образом на них возят соль в маленьких мешочках взамен привозимого в таких же мешочках зерна. Н.К. шутливо замечает, что скоро тибетцы дойдут и до «куриных» караванов.

По поводу этой остановки населению было заявлено, что каждый день нашей насильственной задержки будет стоить тибетскому правительству многие тысячи нарсангов, на что был получен ответ: «Мы это понимаем». Насколько выясняется, положение наше таково, что если не приедут старшины, то местные жители все-таки повезут нас далее, может быть, даже на прежних яках. Около 2 ч. пополудни пригнали 50 яков.

Здесь уже чувствуется тибетская весна. Видели двух небольших бабочек из семейства молей. На солнце сегодня +30° С, однако при прохладном ветре в шубе нежарко. Более года мы пользуемся изо дня в день летними легкими палатками Abercrombie из Нью-Йорка, оказавшимися очень

прочными и практичными в пути. Ни одна не изорвалась, не изломалась и не выцвела. Материал настолько плотный, несмотря на его легкость, и настолько хорошо пропитан непромокаемым составом, что прекрасно держит зимой внутреннее тепло. Моя палатка работы Журавлева из Ленинграда также оказалась очень прочной и после года самых неблагоприятных условий Тибета совершенно цела, несмотря на ее перевозку на верблюдах, мулах и яках и неумелую и небрежную установку караванщиками. Н.К. чрезвычайно хвалит американские сундуки Бельбер, приобретенные в Нью-Йорке. После четырехлетнего караванного путешествия их можно показывать на выставке.

17/IV ***Отбираем на завтра 50 яков у торговцев. Дикие животные.***

Старшина так и не приехал на стоянку. Пришлось взять пока 38 прежних яков и 30 местных. Выехали поздно – в 9 ч. 30 м., и то не все вместе. Часть осталась ожидать конца погрузки. Уже по дороге встретили старшину. Конечно, никаких распоряжений с его стороны о транспорте сделано не было. На наше счастье, накануне на 50 яках прибыли купцы, везшие соль в Сага. С помощью старшины удалось взять этих яков на завтра и часть местных. Сегодняшний пятичасовой путь был нетруден – по песчаной равнине, лишь местами усыпанной камнями. По пути встретили волка, диких яков и оленей. Остановились у подножия снежных гор – разветвления Трансгималаев, у реки. Отсюда указывают два пути: направо, через два снежных перевала, – короткий путь, налево – более длинный, в обход горы, но менее крутой и бесснежный путь. Избираем последний, менее утомительный для лошадей и верблюдов, и берем с собой старшину до Сага.

18/IV ***Трудность продвижения по мере приближения к центральному району. Горячие источники на высотах. Перевал Ге-гонг-ла, свыше 20.000 футов, не значащийся на картах. Необычайно красивый путь. Здесь не считаются с тибетским правительством.***

Чем дальше продвигаемся к центральному району, тем труднее становится и с транспортом, и с людьми, которые ленивы, медлительны и совершенно не подчиняются указаниям правительства. Выходим всегда позднее, так как к погрузке приступают не раньше начала девятого, основательно выспавшись и напившись чая. Так и сегодня вышли в 9 ч. утра, когда еще только начали грузить палатки на первую партию яков.

Пошли длинным путем, где якобы нет перевалов и бесснежно; сразу от стоянки поднялись на нагорье. Открылась перспектива высоких снежных вершин, повергшая одного из спутников – Г. – в недоумение: где же проход? Никакого прохода действительно не оказалось. Поднимались все выше и выше вдоль горной реки по промерзшей тундре. По пути видели на значительной высоте горячие источники, где уже зеленела свежая трава. Дул пронзительный, холодный ветер. Повсюду на горах и равнине лежали снег и лед. Шли все выше и выше через горы, но перед нами вставали новые массивы снеговых вершин. Наконец впереди нас снеговые вершины скрылись за крутой возвышенностью, поднявшись на которую мы увидели эти вершины древних массивных скал, покрытых вечным снегом, вровень с собою. Это был перевал Ге-гонг-ла через южную цепь Трансгималаев, не отмеченный на картах. Он едва ли не самый высокий в мире – свыше 20.000 футов.

Спуск был чрезвычайно крутой и мелкопесчаный. Пришлось сойти с лошадей и буквально тащить их на поводу. Доставшаяся мне на этот переход местная тибетская лошадь не только упрямилась, как бычок, идя на длинном

поводу, но, взятая коротко за узду, пыталась столкнуть меня вниз с обрыва. Сошли в узкое скалистое ущелье с ледяными мостами замерзшей горной реки, вышедшей из русла. К счастью, ледяные мосты оказались покрытыми тонким слоем снега, и мы благополучно прошли по ним вдоль ущелья. Вышли на равнину, по которой протекала вырвавшаяся из ущелья река. Перед нами возвышались новые горы со снеговыми вершинами. Выход оказался справа, в конце равнины, через извилистое скалистое ущелье с красно-бурыми железистыми породами, где бурно, с шумом стремилась река. Е.И. вспомнила при этом суровые и величественные виды Ладакха.

Весь сегодняшний путь был чрезвычайно величествен и дик. Более грандиозных и красивых картин горной природы мне до сих пор не приходилось видеть. Перевал, массивные снеговые вершины, спуск, ледяные мосты и глетчер во втором ущелье дали редкое впечатление красот и величия природы. Только в этом диком уголке Трансгималаев и можно было одновременно встретить все эти редкие особенности высоких гор.

Шли более семи часов до остановки на равнине, недалеко от убогого аила. Любопытно и характерно отметить, что по дороге старшина, сопровождавший нас, в разговоре с Кончоком заметил: «Вот если вы почитаете Далай-Ламу, ему и жалуйтесь. А мы живем в горах и его не признаем». Со стоянки старшину послали за аргалом, палатками и людьми для помощи. Вскоре старшина возвратился со старшим из аила и заявил, что тот его не слушается и отвечает, что здесь уртонной повинности нет и наши требования его не касаются. Несмотря на все убеждения Кончока, Ю.Н. и старшины, приведенный обитатель сих мест стоял на своем и заявил, что девашунга он не знает, а знает только власти Сага. Ввиду этого Ю.Н. заявил непокорному туземцу, что он в случае неподчинения указаниям

дорожного паспорта будет взят в Сага-цзонг в распоряжение властей.

Мы уже упоминали, что народ не считается с тибетским правительством, и это подтверждается каждодневно. Теперь мы находимся на границе Центрального Тибета; до Сага-цзонга, большого административного пункта на границе Непала, всего один день пути, и это непризнание Далай-Ламы и девашунга чрезвычайно показательно и характерно. Вечером опять начались препирательства по поводу яков, и мы благодарим судьбу, что до Сага-цзонга остался всего один день. Надеемся завтра все-таки выйти на местных 30 яках и на нескольких старых. Выслушивать в продолжение двенадцати дней хода от Чогчу все благоглупости старшин, уверяющих о незнании девашунга, пропажах даика Далай-Ламы, чрезвычайно наскучило, а наблюдать побои, которые только и действуют на старшин, омерзительно.

19/IV ***Вооруженный бунт тибетцев. Арест старшины. Ночная стража. Крутой перевал. Смерть верблюда. Гималаи. Ледяные мосты. Сага-цзонг. «Keep smiling!»***

Вчера уже поздно вечером выяснилось, что сопровождавший нас старшина отказался дать яков в добавление к местным и поднял на бунт двенадцать человек из прибывших с ним людей. Пришлось отправить к нему в лагерь троих наших вооруженных людей – Г., П.К. и Кончока – в сопровождении местного старшины для ареста бунтовщика. При приближении наших людей один из тибетцев схватился за меч, тогда Г. вынужден был зарядить винтовку и направить ее на угрожавшего. Все притихли, а старшину, связав, арестовали до отправки в Сага. Картина сразу изменилась: начались униженные поклоны и просьбы отпустить старшину, а также обещания исполнить все требования. Старшина был отпущен, причем с него было взя-

то честное слово рано утром грузить яков, а на ночь в лагере выставили караул из трех человек, вещи сторожили двое тибетцев.

Ночь прошла спокойно. Встали в половине шестого утра, но только около 8 ч. удалось собрать всех тибетцев и начать погрузку. Долго ловили местных лошадей, которые убегали от своих хозяев, а те только махали руками. Наконец в начале девятого удалось выйти в путь. Дорога и сегодня была чрезвычайно красива. Шли долиной по направлению к горам, переходили ледяные мосты над горными потоками, поднимались все выше горной долиной вдоль реки, пока ясно не увидели перед собой высокий и чрезвычайно крутой перевал. Лошади с трудом одолевали крутизну, которую невозможно было обойти, и часто останавливались. Наконец моя лошадь окончательно остановилась, так как седло, несмотря на две подпруги, сползло ей на круп. В это время далеко внизу поднимались верблюды, один из которых закричал, зашатался и упал замертво. Это был молодой верблюд, очевидно, или недостаточно привыкший к высотам, или более истощенный. Спуск оказался длинным и каменистым.

С перевала открылся вид на Гималаи со стороны Непала, куда мы и идем через Сага-цзонг. Вид Гималаев совершенно отличен от Трансгималаев – сплошь белые вершины, покрытые вечным снегом, искрящимся на солнце. Спустившись в долину, опять переходили по ледяным мостам и через бурно текущие потоки. Встретили маленькие, низкорослые, не выше вереска, зеленые кустики туи и уже в часе пути от Сага, справа у аила, в долине, увидели высокую голубовато-зеленого цвета гору. Путь от стоянки до Сага-цзонга занял около шести часов. Кроме верблюда, оставили еще одну приставшую в пути лошадь.

Сага, громко именуемый цзонгом, совершенно не оправдывает своего названия. Это в сущности маленький аил на мусорной куче с двумя постройками в центре, обнесен-

ными стенами из квадратной формы булыжника, скрепленного глиной. Жителей мало. Начальник этого цзонга в Лхасе, а его заместитель отсутствует, приедет завтра. Ни лавок, ни какой-либо торговли нет, пополнить наш провиант нечем. За год, говорят, не приезжал ни один купец из Непала, а между тем Сага находится почти на границе Непала и в 14 днях перехода от его столицы Катманду, где имеются и электрическое освещение, и автомобили. Люди здесь, несомненно, коренные тибетцы, поражают бедностью, неопрятностью и уродством.

Предписание из Лхасы о нашем продвижении было получено месяц назад, но ничего приготовлено не было. Извещение, посланное нами с дороги, не дошло. Завтра простоим здесь для выяснения дальнейшего пути. Зерна для лошадей и четырех верблюдов осталось на полдня. Баранины и сахара нет. Всего этого в Сага («Приятное место» в переводе) не имеется. Жители, ходившие за Брахмапутру, находящуюся в двух днях пути, уверяют, что и там такая же безжизненная местность. Но теперь мы ко всем рассказам относимся равнодушно, так как и о сегодняшнем перевале говорили, что он пустячный и мы его не заметим, а между тем его не вынес один верблюд, тибетцы при подъеме задыхались, а их лошади, тяжело дыша, останавливались через каждый шаг, собаки же ложились, а одна из них – Каду – выла.

На нас высота не действует, может быть, отчасти в силу привычки, а может быть, и потому, что мы строго соблюдаем диету, не курим и не пьем вина. Е.И. утверждает, что нам благоприятствуют и другие обстоятельства. Правда, опасность подстерегает нас на каждом шагу, но мы все живы и здоровы, бодры и улыбаемся. «Keep smiling!» – говорят американцы, и мы не падаем духом, несмотря на тернии и тяжесть пути по Тибету, который мы теперь исколесили почти вдоль и поперек, начиная с сен-

тября прошлого года, и приобрели право говорить о Тибете со знанием дела.

20/IV ***Опять задержка в пути. Почитание «религии» в Сага. Развенчанный Тибет. Мольбище.***

Итак, сегодня опять задержка. Желаем мы того или нет, а простаиваем на месте в Сага, ибо нам заявили, что полученный далай-ламский указ здесь не имеет значения и яки будут только послезавтра. На наши указания, что цзонгу придется заплатить за задержание не менее ста тысяч нарсангов, отвечают, что это им тоже безразлично, так как денег у них нет. В общем, полное безразличие и крайнее убожество власти, которая, тем не менее, находится во всеоружии всей неизмеримой тибетской наглости. Вид при всем этом самый разбойный и дерзкий.

Это уже центральный район, и тибетец здесь самый настоящий, ничем не приукрашенный. В этом пограничном с Непалом цзонге нет даже храма, стоит лишь одно молитвенное колесо. Какое же это почитание «религии», на которое так любят ссылаться тибетцы? Осматривали менданг в цзонге. Здесь это «почитание» выражено еще ярче. Лежит дохлая высохшая черная собака, прикрытая священной плитой, и в двух местах на плитах – священные надписи, а рядом человеческие экскременты многократного происхождения, не говоря уже об изобилии ячьего аргала.

Такова «религиозность» истинных тибетцев, говорящих: «Мы – люди религиозные». Недоступный своими снегами, морозами, голодом, дикими и пустынными местностями, высочайшими горами и перевалами, Тибет, отдельные местности которого не посещаются даже самими тибетцами, не склонными вести подвижный образ жизни, раскрылся перед нами во всем своем невежестве, косности, мерзости запустения и предрассудков, жалком ничтожестве, потрясающей лжи и наглости. Воистину это отныне *развенчан-*

ный Тибет, на который совсем другими глазами должны взглянуть народы Азии, Европы и Америки. Вековой мрак предрассудков и узурпированный ореол «священной страны» должны наконец развеяться. Ложь, до сих пор скрываемая благодаря недоступности страны, должна навсегда исчезнуть.

Странно видеть, что из Монголии в Тибет направляются паломники, не отдающие себе отчет, что потенциал Монголии гораздо выше, чем у современного Тибета. Недаром же монголы трижды победоносно проходили по Тибету, а монгольские ламы в Тибете играют весьма значительную роль. А что если ныне существующая злобная обособленность Тибета приведет к неожиданному для него решению правительств трех соседних стран – Индии, Китая и Монголии – закрыть свои границы для тибетцев, тем более, что вывозимые из Тибета ничтожные количества шерсти и соли не представляют никакого интереса для правительств больших стран, а как потребляющий рынок Тибет ничтожен. Это заметно уже и теперь ввиду полного отсутствия караванов. Тибет или уже умирающая, или еще не родившаяся страна. Впрочем, какое же может быть возрождение страны, народ которой в настоящее время так глубоко духовно и физически деградировал?

А вот и еще одно свидетельство до сих пор существующего в Тибете фетишизма. Вчера при выходе со стоянки мы видели очередное «мольбище», уставленное острыми камнями, с возвышением из крупных камней, обращенным на запад.

Сегодня 48-й день, как мы вышли 4 марта с.г. из Нагчу, и все идем бесплодными, голыми горами и равнинами. Какие-либо припасы мы сможем достать только в Тингри, через семь дней после выхода отсюда. Остались плохого качества рис, масло, соль и на три дня бурого цвета порам, только раздражающий кишечник.

21/IV ***Голод в Сага. Жители едят падаль. Гарнизон не имеет обмундирования. Тингри и Шекар. Тибет может выставить не более 9000 солдат.***

Местные жители считают Сага этапным пунктом, через который проходили правительственные сообщения уртонами. Теперь животные, отпущенные для уртонов, околели, и уртоны возобновятся якобы с июня. Приходивший сегодня к нам начальник гарнизона, имеющий самый невообразимый вид, говорил, что многие здесь не ели цампы уже 7–8 дней, питаются падалью. Гарнизон состоит, по слухам, из 30 солдат – которых мы, впрочем, не видели – не имеющих форменной одежды. Единственное отличие – в ухе большая витая серьга со скверной бирюзой. Яков и лошадей обещают доставить лишь послезавтра, значит, ранее 24 апреля выйти отсюда не удастся.

Тибетец бесцветен, у него нет своего стиля, ясно вырисовываются лишь присущие ему ложь и наглость. В лучшем случае Тибет только пытался заимствовать у Китая его манеры, обычаи и одежду. Самые священные книги, по свидетельству Ю.Н., переведены на тибетский язык лишь текстуально, дословно, без донесения переводом смысла.

Вчера возвратился в «цзонг» заведующий его «хозяйством», то есть нерва. Однако до сих пор не назначил полагающихся нам двух доньеров и не уведомил о времени прибытия яков. Едва удалось достать сегодня один мешок ячменя – 39 фунтов весом – за одиннадцать с половиной нарсангов. И это вблизи земледельческого района, ведь даже на Чантанге в Чу-наргене мы покупали у хоров за ту же цену 60 фунтов ячменя. Нет, справедливо замечание тибетца Кончока, что чем дальше к центру Тибета, тем хуже.

Приставшую лошадь сегодня привели и продали начальнику гарнизона за 16 нарсангов. Продолжают посту-

пать самые несуразные сведения. Говорят, что в Тингри стоит сильный гарнизон в 500 солдат с дэпэном во главе, но Тингри не цзонг, а Шекар – это цзонг, и дэпэн является начальником Шекара, хотя в нем и не живет. Предоставляем другим судить о значении этой чепухи. Сегодня по просьбе начальника нашей охраны мы выразили желание посмотреть на здешних солдат, но «начальник» гарнизона замялся и не сумел нам ничего ответить. Предполагаем, что некоторые из виденных нами оборванцев и есть те солдаты, которые принадлежат к одному из лучших гарнизонов Тибета, а именно Шигацзе.

По слухам, Тибет может выставить всего девять тысяч солдат. Любопытно знать, сколько из них имеют приличное обмундирование, вооружение и какую-либо военную подготовку? Ведь для того, чтобы числиться в списке государств и стран, нужно же иметь какой-либо актив. Только теперь понятно, почему с таким успехом в разное время прошествовали по Тибету и монголы, и непальцы, и китайцы, и кашмирцы, и англичане.

22/IV ***Нищета цзонга и населения. Словарь сэра Чарльза Бэлла. Тибетцы неподвижны и не знают своей страны.***

Стоим в Сага четвертый день. Животные начинают голодать, так как достать ячменя в необходимом для них количестве невозможно. В маленьких 39-фунтовых мешках, о которых мы упоминали, до 5 фунтов примеси гальки (мелких камней). Бедность и оскудение «цзонга» настолько велики, что удалось разменять на обычную здесь медную монету «шо» только лишь три янчана. Бумаги в «цзонге» совсем не оказалось. На чем же пишутся «даики» и донесения? При всем этом тибетец совершенно не стесняется своего убожества, настолько он привык к такому порядку вещей, да и ничего лучшего для сравнения он никогда не

видел. Крайнее невежество населения всегда влечет за собой и крайнюю его бедность. За все это ответственны Далай-Лама и его правительство. Вина их перед несчастным и достойным сожаления народом чрезвычайно велика. Пора народу спросить себя, что дало ему правительство, кроме тьмы невежества, суеверий и насилия?

Отражение присущей характеру тибетцев лживости видим в подборе фраз в словаре сэра Чарльза Бэлла: «Не лгите», «Опять лжете», «Не лгите, иначе вас высекут». Также не без многозначительности приведена фраза: «Сначала принесите продукты, тогда я уплачу вам деньги». Эти фразы писал человек, действительно побывавший в Тибете и знающий его.

Удивительно, что при нашем продвижении по наиболее пустынным местностям Тибета мы всегда более или менее точно имели возможность рассчитать количество дней, потребное для прохождения от одного места до другого. Здесь же, в «цзонге», мы совершенно не можем добиться от населения и властей точного количества дней пути не только до Тингри и Шекара, но даже до ближайшего перевоза через Брахмапутру. А между тем этот путь, ведущий к центру Тибета, казалось бы, должен быть им хорошо известен. Но таков неподвижный образ жизни тибетцев, а отсюда и незнание ими своей страны. Да, впрочем, какой интерес для них в передвижении по этой пустынной, голодной и холодной стране без дорог и путей сообщения? И на чем они поедут, когда лошадь в хозяйстве тибетца встретишь редко, а на яке далеко ли уедешь? Ехать в Лхасу на поклонение Далай-Ламе? Но ведь он никому здесь неинтересен и о нем мало кто и говорит. Сама же Лхаса ничем не отличается от других «цзонгов» и, по свидетельству самих тибетцев, хуже Нагчу, о котором мы уже говорили.

Вечером принесли два мешка ячменя по 39 кружек, из коих в каждом оказалось около 9 кружек мелких камней. На заявление о непригодности такого зерна для корма животным последовал характерный ответ: «Мы сами такое зерно получаем. Не нравится, так не берите». Из большого каравана в 103 животных у нас осталось всего 16: четыре мула, четыре верблюда и восемь лошадей, но и те в самом плачевном состоянии. Ночи все время холодные, у меня в палатке замерзает вода. Дни солнечные, иногда, как вчера и сегодня, с холодным ветром.

23/IV ***Психические опыты Е.И. «Матерь Агни-Йоги». Появилась первая партия яков. Необходимо оздоровление Тибета.***

Сегодня, уже после удовлетворительно проведенной ночи, Е.И. опять вдруг почувствовала без всякой видимой причины перебои сердца через два удара на третий. Пишу об этом здесь потому, что такие явления со стороны сердечной деятельности являются чрезвычайно характерными для того вида совершенно нового опыта развития психической энергии, которыми занята в настоящее время Е.И. под руководством Учителя Востока. Сущность этих, повторяю, совершенно новых даже для Востока опытов я постараюсь изложить в особой монографии *«Агни-Йога и ее медицина»*. Е.И., предоставившая себя на испытание Учителям Востока для особого развития психических центров с целью восприятия токов *пространственного огня*, дающих возможность установления психофизической связи посредством так называемого *пространственного провода*, не стесняемого никаким расстоянием, в отличие от известных до сих пор радиоаппаратов, по справедливости названа Учителями Востока «Матерью Агни-Йоги».

В то время, когда перед нами встают великие проблемы расширения человеческих знаний, мы в повседневности должны бороться с такими мелочами, как приобретение двух мешков зерна для животных, добываемого у населения с необычайным трудом. Между прочим, здесь уже неохотно принимают китайское серебро, а в местностях, только что пройденных, не принимали тибетских шо. Мы жалеем, что с собой у нас нет дешевых венецианских бус, маленьких зеркал, пуговиц, разноцветных стеклышек и всего того, чем запасаются путешественники, отправляясь к совершеннейшим дикарям. Здесь эти ничтожные побрякушки доставили бы большое удовольствие и вполне заменили бы деньги. Ведь здешние тибетцы, так любящие всякие побрякушки и украшения, вплетают в волосы раковинки, косточки и продырявленные камешки.

С утра появились какие-то яки – говорят, будто бы половина ожидаемого нами их числа. К 6 ч. вечера пригнали лошадей и остальную партию яков. По-видимому, выход на завтра обеспечен. Продовольствие для людей и животных надеемся доставать по пути – в аилах. Истощился небольшой запас порама, но даже этот, часто суррогатный, ячменный сахар тибетцы получают из Непала. Однако Тибет, как ни странно, не беден. Мы упоминали уже об этом, но невежество, суеверие и лень держат народ в цепких когтях нищеты. *Для оздоровления страны необходимо прежде всего* ***просвещенное и деятельное*** *правительство и внедрение в сознание народных масс Тибета здоровых идей труда.* Странно представить себе, что население в несколько сот тысяч, как голоки и панаги, промышляют исключительно разбоем на границах Тибета с Внутренней Монголией и Китаем, а здесь начальник гарнизона сообщает о беспомощности местных жителей, которые не могут добыть себе даже дневного пропитания и едят падаль.

Травы здесь нет совершенно, поэтому наши злосчастные животные совсем ослабели на скудной порции ячменя с камнями.

24/IV ***Отправляемся дальше. Мольбище, учрежденное лхасским правительством и посвященное Оракулу. «Властитель Саги». Неожиданная остановка. Тибетцы украли попону. Большие строительные планы Н.К. Замечательное световое явление у Е.И.***

Прекрасный день для перехода, солнечный и со свежим ветерком. Встали рано, однако тибетцы не торопились, и ни одного животного на месте еще не было. Заведующему транспортом, П.К., пришлось пойти к цзонгу и растолкать лентяев. Только после этого мы увидели, что он сам гонит первую партию яков. В самую последнюю минуту явился и доньер. Нерва цзонга так и не показался, ссылаясь на то, что мы «пелинги»; к тибетским же чиновникам он явился бы первый, но к «пелингам» не пойдет.

Не успели выйти из Сага, как получили разгадку, почему дохлые собаки выбрасываются на менданг. Недалеко, на север от дороги, мы увидели еще одно мольбище с высоким камнем посредине, уставленное со всех сторон свежими кучками белых камней. Средний камень носил на себе явные следы недавнего смазывания его жиром. Как оказалось со слов местных жителей, это мольбище учреждено правительством и посвящено правительственному Оракулу. Таким образом, не дикие племена, а само лхасское правительство устанавливает фетишизм, не имеющий ничего общего даже с шаманизмом, не говоря уже о буддизме.

Не успели мы пройти и трех часов по гладкой тропинке нагорья и посмотреть на красивые ледяные вершины

«Властителя Саги», как перед нами выросла белая палатка доньера и нам предложили остановиться. Начались ссылки доньера на крестьян, не желающих везти и не признающих правительственных указов. Доньер заявил, что́ по выходе из своего района он может требовать, но что крестьяне района Сага его не слушаются, – такова цена тибетской власти.

Вместо маленьких мешков зерна в 39 фунтов принесли два мешка по 23 с половиной фунта, пополам с глиной и камнями, за двенадцать нарсангов. Цены с приближением к земледельческому району становятся все выше, и с каждым днем увеличивается число рассказов о сопротивлении местных жителей правительству. Бросается в глаза, что одежда населения становится все грязнее и беднее, а лица все более вызывающими.

По пути мы встречаем уже шестое языческое мольбище. Непонятно, почему в сочинениях о Тибете эти официально существующие места совершения низших языческих обрядов совсем не отмечены. Здесь говорят, что плохие крестьянские лошади, которых нам поставляют, еще хороши и что на правительственных уртонных лошадях вообще никуда уехать нельзя. Да, здесь правительство не пользуется ни доверием населения, ни тем более его любовью. Везде видишь по отношению к власти или полное равнодушие, или неуважение, или явное сопротивление. Приходится пускать в ход и угрозы, и взятки, и подачки, чтобы только двигаться дальше.

Вчера украли в Сага большую серого сукна попону. Этот случай как бы засвидетельствовал, что мы ступили туда, где возможны кражи, о которых нас предупреждали.

Н.К. сохраняет отличное здоровье, и единственное, чего бы он хотел, – это удлинить переходы, потому что всякая потеря времени для него является наибольшей неприятно-

стью. Он уже живет планами на будущее, и ему настолько уже ясна картина Тибета, что хождение по нагорьям, кроме отдельных особо красивых мест, для него уже является бессмысленным. В число ближайших его задач входят большие строительные планы, наряду с которыми рождаются замыслы новых картин. Когда и как мы услышим об осуществлении этих планов? Ведь и о созданном в Америке мы узнали как-то совершенно неожиданно, без подготовительных сведений и сообщений. Откуда эта неисчерпаемая энергия? За все время пути мы не слышали от него ни слова об усталости, ни упоминания о голоде или холоде. А между тем трудности зимнего пути превышали, по словам участников войны, все тяготы зимних военных походов.

Сегодня ночью у Е.И. было замечательное световое явление, продолжавшееся около сорока минут. В направлении от лица к груди и обратно двигалось нежгучее пламя серебристо-золотистого цвета, с необычайным ощущением «кольца» в области шишковидной железы (*glandula pinealis*). Сегодня ночью Н.К. и Е.И. получили замечательное известие.

25/IV ***Перевал Джа-ла. Вид на снеговые вершины Гималаев и долину Брахмапутры. Брахмапутра. Расставание с Н.К. и Е.И. как руководителями. Не вестник ли из Шамбалы будет сопровождать их? «Устремление — ладья Архатов».***

С утра не обошлось без приключения. Двух лучших наемных лошадей не оказалось. Тибетцы угнали их обратно. Предстоит небольшой перевал Джа-ла. Выходим в 8 ч. 30 м. утра. Погода благоприятствует. С вечера дул сильный ветер, и небо было покрыто тяжелыми облаками. Теперь же яркое солнце на безоблачном небе. Слева вершины горной гряды – около «Властителя Саги» – блестят на солнце, как глазурованная сахаром поверхность.

Идем сначала долиной на восток, а затем начинаем подниматься на ближайшую возвышенность – направо к югу. Это начало очень красивого перевала Джа-ла, который в дальнейшем идет по карнизу горы, во многих местах ниже карниза и по склонам, покрытым низкорослыми густыми кустиками туи. Местами соседние горы тоже покрыты этими зарослями туи, издали кажущимися темными пятнами.

С перевала, от обычного на нем обо с развевающимися разноцветными молитвенными лоскутками, открылся чарующий вид на далекие снеговые вершины Гималаев, на темные, покрытые местами снегом отроги Трансгималаев и широкую долину Брахмапутры (Цзанг-по), где она течет обильными водами в многочисленных и широких рукавах и извивах. Спускались опять карнизами; перед нами красивые виды гор и долин.

Долина оказалась песчаной, местами покрытой галькой; в восточной ее части находится полувысохшее теперь озеро с изобилием на нем гусей, турпанов, чаек и других водяных птиц, плавающих, ныряющих и оглашающих воздух своими криками. Впереди показались выветривающиеся желтые песчаниковые горы, покрытые кустиками шелковистой желтой травы, особенно любимой животными. Опять повернули на юг; идем через песчаные холмы в долину с хорошими пастбищами, которая спускается к Цзанг-по. Наконец перед нами блеснули воды Брахмапутры, теперь обмелевшей, но достаточно широкой, чтобы рискнуть переходить ее на лошадях вброд без опасения выкупаться в холодной пока воде в каком-нибудь неожиданном углублении на дне. По всей широкой долине следы разлива большой реки во время снеготаяния и муссонов. Действительно, это мощная река, которую питают и вечные снега высочайших в мире гор, и обильные муссоны в течение нескольких месяцев в году.

Эта величайшая и могучая река – та грань, у которой все мы, европейцы, сопровождающие Н.К. и Е.И., должны с ними расстаться как с руководителями, ибо дальнейшего их пути не должны знать. Оба они полны энергии. Не вестник ли из Шамбалы будет сопровождать их? При расставании я горячо благодарил Н.К. и Е.И. за всю их заботу в пути, руководство, советы и доброе отношение. Не мог удержаться и спросил Н.К.:

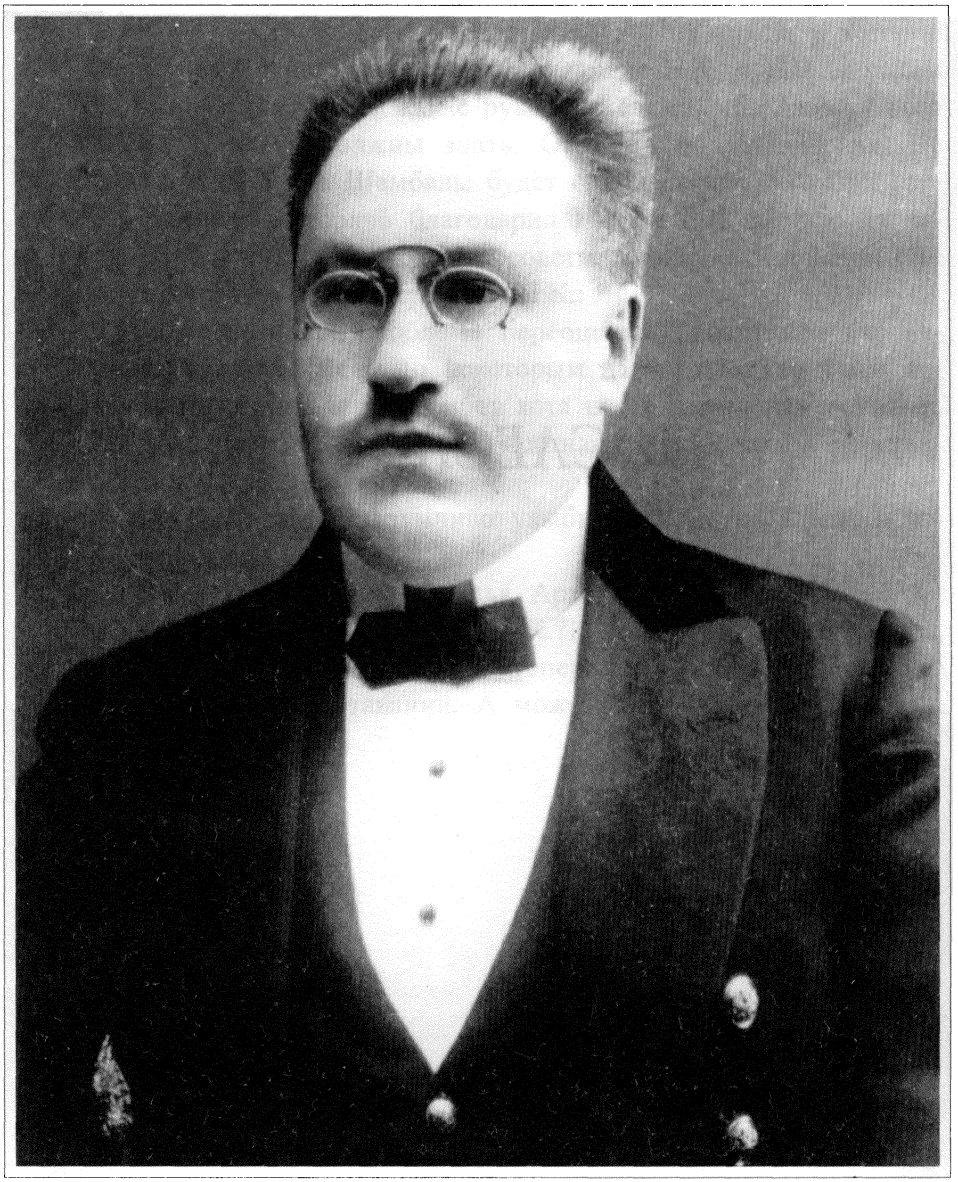
– Была ли проблема переоценки Тибета для вас неожиданной? Ведь по некоторым данным можно было думать, что вы шли в Тибет хотя и с благими намерениями, но с полным внутренним осознанием его тяжкой действительности?

Н.К. как-то задумчиво улыбнулся, смотря вдаль, и ответил:

– Устремление – ладья Архатов.

Встретимся ли мы с Н.К.? Где и когда? Вот вопрос, который я задаю себе и теперь, как и много лет тому назад при расставании. А может быть, увидимся вскоре...

ПОСЛЕСЛОВИЕ



Константин Николаевич Рябинин

ДОКТОР К.Н. РЯБИНИН – УЧАСТНИК ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Н.К. РЕРИХА

Отдавая дань имени и делу Н.К. Рериха, мы все пристальнее всматриваемся в тот сравнительно узкий круг его единомышленников, чья карма испытала мощное энергетическое влияние Учителя, приобщенность к Тонкому Миру, процессам космической эволюции.

Кто были эти люди? Случайно ли их проникновение в сферу энергоинформационного обмена семьи, заложившей духовные, нравственные и этические основы тех позитивных эволюционных изменений, которые являются альтернативой бездуховности современного общества? Не откроем ли мы новые, неведомые ранее грани *Державы Рериха*, исследуя их жизнь и творческое наследие?

Настойчивые архивные поиски последних лет позволили мне по крупицам собрать материалы, раскрывающие жизненные вехи одного из сотрудников Н.К. Рериха по Центрально-Азиатской экспедиции 1927–1928 гг. – Константина Николаевича Рябинина.

К.Н. Рябинин – одна из центральных фигур Миссии. Разносторонне образованный врач с большим практическим опытом; тонкий ценитель и знаток искусства, истории, религии и философии Востока; человек, озаренный непрерывным поиском путей добра и справедливости, воплощенных в деятельности Гималайского Белого Братства; близкий семье Рерихов врач, успешно лечивший еще до революции родителей Н.К. Рериха и его жену – Е.И. Рерих, а позже оказывавший дружескую поддержку и всестороннюю помощь брату Н.К. Рериха – Борису.

К.Н. Рябинину было предложено совмещение ответственных должностей врача и секретаря экспедиции. Кроме того, на него был возложен контроль за расходованием экспедиционной казны и учетом денежных средств. Таким образом, на К.Н. Рябинина была воз-

ложена доля непосредственной ответственности за успех экспедиции, определяемый здоровьем ее участников, объективным документированием событий и ведением финансового учета.

К сожалению, из опубликованных материалов, посвященных этому важнейшему этапу жизни и деятельности Н.К. Рериха, мало что можно узнать о Константине Николаевиче*. Попытаемся, хотя бы частично, восполнить этот пробел.

К.Н. Рябинин родился 15 мая 1877 г. в г. Муроме Владимирской губернии в семье купца второй гильдии Николая Алексеевича Рябинина, женатого на Марии Васильевне Суздальцевой, отец которой являлся почетным гражданином города. Семья Рябининых дает пример любви и постоянной взаимной поддержки на пути просвещения и добра. Путь этот был тернист. В 1883 г. отец разорился, и семья перешла в мещанское сословие, а в 1887 г. Н.А. Рябинин умер. В этот трагический период в семье было четверо несовершеннолетних детей. Реальными стали голод и нищета. Помощь пришла от одного из замечательных людей того времени – М.А. Щербакова, владельца небольшой текстильной фабрики в г. Кохма, талантливого изобретателя и художника-графика, который к тому времени стал мужем старшей сестры Константина Николаевича – Лидии.

Эти годы испытаний их не сломили. Объединившись вокруг Марии Васильевны, руководимые ее христианским подвижничеством в деле воспитания и поддержки семьи, дети всеми силами стремились не только к развитию ума и обогащению знаниями, но прежде всего к духовному и нравственному совершенствованию.

Окончив в 1897 г. шесть классов Муромского реального училища, Константин Николаевич уезжает в Петербург, где заканчивает зубоврачебную школу и отправляется с врачом Д. Бадмаевым в Пятигорск. Ранее, в 1898 г., Рябинин мимолетно встречался с Рерихами в

* Разгадка тайны Центрально-Азиатской экспедиции еще впереди. Многого не знает человечество из того, что происходило вокруг Рерихов и до сих пор происходит вокруг их имен и духовного наследия. Так же не знает *пока* человечество и подлинных имен Четверых, возглавлявшихся Пятым. Но всему свой срок. – *Прим. издателя.*

Петербурге, но именно здесь, в Пятигорске, в 1901 г. состоялось его непосредственное знакомство с семьей Рерихов. Сознавая необходимость дальнейшего систематического образования, К.Н. Рябинин, мобилизовав всю свою волю, совершает, казалось бы, невероятное – за год сдает экстерном в Тифлисе курс классической гимназии, получает аттестат с отличием и, выдержав конкурсные экзамены, поступает в Военно-медицинскую академию. При этом он совершенствует под руководством профессора Д. Бадмаева практические знания в области клинических анализов, методов лечебного гипноза, массажа, психотерапии и зубоврачебной практики. Этот плодотворный период связан и с первыми опытами в области тибетской медицины. В дальнейшем К.Н. Рябинин по совету своих наставников переходит на медицинский факультет Харьковского университета, который заканчивает с отличием в 1909 году, имея в своем арсенале кроме блестящего и разностороннего медицинского образования большой опыт практической работы и знание европейских языков.

Два года К.Н. Рябинин посвящает углубленному изучению психиатрии. Этот период характеризуется переходом К.Н. Рябинина на качественно новый уровень в области теории и практики бесконтактного энергоинформационного обмена, позволившего создать уникальные для того времени и поразительные по эффективности методики лечения не только психиатрических заболеваний. Имя К.Н. Рябинина становится широко известно в высших иерархических кругах России. К этому периоду относится знакомство К.Н. Рябинина с семьей графа Сумарокова-Эльстон и молодого Феликса Юсупова.

В 1911–1915 годах К.Н. Рябинин ступил на стезю государственной деятельности. Он занимает должности Председателя городской губернской земской управы г. Могилева, непременного члена Вологодской управы, работает в Управлении главного врачебного инспектора.

В 1915 году К.Н. Рябинин имеет чин действительного статского советника, награжден орденами Анны и Станислава.

Все эти годы К.Н. Рябинин сохраняет постоянную духовную связь с семьей Рерихов, а после их отъезда в Финляндию поддерживает дружеские отношения с Борисом Рерихом.

Октябрьский переворот, последующие годы разрухи, эпидемий, кровавой братоубийственной войны не оставляют К.Н. Рябинина в стороне. Позже он напишет: «... я всегда находился на высоте своего служебного долга». Борьба с двумя эпидемиями холеры, организация здравоохранения, работа по руководству госпитально-больничным отделением Комиссариата здравоохранения – таковы вехи его деятельности по защите жизни и здоровья сограждан. Позже, после развертывания репрессий против специалистов, занимавших до революции видное административно-политическое положение, К.Н. Рябинин в качестве судового врача на пароходе «Красный Профинтерн» (бывшая «Аргунь») совершает ряд каботажных плаваний с заходом в иностранные европейские порты.

В 1927 году, работая врачом портовой лаборатории и карантинной службы, К.Н. Рябинин неожиданно получает приглашение от Н.К. Рериха участвовать в Транс-Гималайской экспедиции, следующей по беспрецедентному по трудности маршруту. Разрешение на отъезд К.Н. Рябинин получил после неоднократных обращений Н.К. Рериха в правительственные органы.

Здесь необходимо впервые сказать о двух важнейших первоисточниках, к которым следует обратиться для того, чтобы с позиций совершенно новых фактов, объективно и беспристрастно отображенных К.Н. Рябининым, оценить степень напряженности энергетического взаимодействия членов экспедиции с Миром Тонким, понять, что Трансгималайская экспедиция по своему значению из объекта космической эволюции превращается в его субъект, определяя сближение и взаимовлияние миров различных измерений, как это и было предсказано Учением Живой Этики.

Первый из них – монографический труд *«Развенчанный Тибет»*, созданный К.Н. Рябининым в ходе и после возвращения из экспедиции по материалам дневниковых записей. Об этой подвижнической работе К.Н. Рябинина знали наиболее преданные ему люди, а переписанные страницы рукописи и воспоминания о прочитанном хранились близкими родственниками как сокровенные знания, передаваясь из поколения в поколение.

Автор мечтал о том, чтобы этот труд увидел свет на родине, но был поставлен перед нравственным выбором: или трансформировать реальные события и факты в угоду прокрустову ложу партийно-материалистических догматов и создать еще одну «причесанную» в «лучших» традициях развитого социализма книгу или, рискуя свободой, а может быть, и самой жизнью, не уступить ни йоты истины. К.Н. Рябинин выбрал второй путь и тайно отправил драгоценные тетради в Нью-Йорк. После долгих скитаний рукопись попала в архивы гималайского Института «Урусвати», где и хранилась до недавнего времени, ожидая своего часа, и была совершенно случайно найдена ...

Институт «Урусвати» при Музее Рериха в Нагаре, Кулу.
Общий вид и медицинская лаборатория.

В проекте предисловия к Нью-Йоркскому изданию дневников сказано: «По разнообразию содержания и глубине высказанных в нем мыслей дневник этот отвечает интересам и исканиям самых широких слоев современного мыслящего и просвещенного общества»[87].

Нет необходимости доказывать тот неоспоримый факт, что в пору крайней поляризации сил Добра и Зла, роста горизонтальной и вертикальной составляющих энергетического обмена, присущих нашему больному обществу, публикация рукописи была бы подобна живительному глотку свежего благотворного воздуха. Доктор Рябинин и здесь оказался на высоте врачебного долга.

Развенчивая извращения буддизма высшими иерархами тибетской конфессии, названные Н.К. Рерихом в письме Буддийскому Центру в Нью-Йорке «шаманствующим ламаизмом», К.Н. Рябинин показывает всю глубину нравственной, политической и экономической бездны, которая разверзлась перед тибетским этносом; однозначно ставит диагноз тяжкого заболевания общества, ищет пути выхода из кризиса. Анализируя причины и факторы смертоносной деградации Тибета, К.Н. Рябинин с позиций собственного опыта государственной деятельности в дореволюционной России и наблюдения разрушительных процессов в постреволюционное время приходит к выводу о *бездуховности как* ***основной*** *причине* в ряду прочих факторов, порождающих одичание, невежество, коррупцию, распад экономических и хозяйственных связей государства. Миссия Н.К. Рериха, несущая высокие идеалы духовности, нравственности и Живой Этики, являла собой яркий и обличающий контраст лживому и корыстному тибетскому окружению. Монография изобилует фактами попрания светлого Учения Будды, выхолащивания сути Учения, подмены вековых традиций отправления священных обрядов катанием в голом виде на расчлененных трупах для «сохранения здоровья», применения водяных и ветряных мельниц, вращающих молитвенные колеса, гадания на человеческих костях, загаживания ступ и мендангов. «В храмах вонь и грязь, и бормотанье, а за стенами ламские торгашеские сделки и подкупность», – писал Н.К. Рерих[88].

Отчетливо сознавая возможный международный резонанс и угрозу авторитету высших иерархов Тибета, а также тесно связанных с ними представителей английских дипломатических кругов и разведки в лице британского политического агента в Сиккиме Ф.М. Бэйли, ре-

лигиозными правителями Тибета были приняты действенные меры к *физическому* уничтожению экспедиции. И то, что Миссия выстояла, находясь в поднебесье, на высоте более 5.000 метров в летних палатках при жестоких морозах, когда температура опускалась ниже –40° С, является несомненной заслугой и врача экспедиции. Разработанная им методика адаптации неподготовленных к тяжелейшим условиям высокогорья членов экспедиции, среди которых было три женщины, а младшей – Ираиде Богдановой – едва исполнилось 14 лет, получила блестящее подтверждение на практике. Никто из русских участников трагического «стояния» в урочище Нагчу не пострадал. Позже К.Н. Рябинин изложил основные концептуальные положения новой методики в своем труде *«О жизнедателях Востока»*, который был отправлен в конце 1929 г. в Нью-Йорк. Судьба этой научной работы, к сожалению, неизвестна. В нынешнем Музее Н.К. Рериха в Нью-Йорке этой рукописи нет...

Работая над *«Развенчанным Тибетом»*, К.Н. Рябинин со свойственной ему проницательностью предчувствовал надвигающуюся опасность репрессий. Он прервал все отношения с близкими родственниками и переселился из своей холостяцкой квартиры в клинику. Ведя замкнутый, схимнический образ жизни, К.Н. Рябинин отдавал всего себя работе, не ведая, что люди, которым он оставил свою квартиру, уникальную библиотеку, собрание исторических и культурных ценностей, уже строчат на него доносы.

В марте 1930 г. адская карусель ОГПУ пришла в движение. Спешно фабриковалось «Докторское дело» по обвинению К.Н. Рябинина в создании «... контрреволюционной организации, работающей под флагом изучения буддизма и масонства, фактически имеющая шпионские цели»[89]. Материалы этого дела являются как бы параллельным источником сведений, раскрывающих некоторые ранее неизвестные стороны деятельности К.Н. Рябинина в составе экспедиции, дальнейшую судьбу безвинно репрессированного врача, многие обстоятельства, показывающие политическую подоплеку деятельности экспедиции.

Страницы протоколов допросов объективно и однозначно свидетельствуют, что в 30-х годах «... по требованию высшего руководства» перед органами ОГПУ была поставлена задача дать юридическое обоснование «шпионской» деятельности Н.К. Рериха и тем самым скомпрометировать его имя и дело перед мировой общественностью. В качестве орудия этого замысла был выбран К.Н. Рябинин.

Детальное изучение мною двухтомного архивного дела показало, что, несмотря на использование всего арсенала средств «жесткого» ведения допросов, постоянных угроз, шантажа и обмана, К.Н. Рябинин не дрогнул. Он ни одним словом не опорочил своих Учителей и товарищей по экспедиции. Организованная ОГПУ кампания по дискредитации Н.К. Рериха и возглавляемой им Миссии провалилась в самом ее начале.

Протоколы допросов представляют собой удивительные по силе звучания, строгости отображения данных и художественной ценности документы. Скромно и достойно рисует К.Н. Рябинин картину трагических событий суровой зимы в Гималаях, свое участие в них, политическую подоплеку совершившегося, вклад в общее дело спасения участников экспедиции.

«Других же я сохранил, поддерживая сердце сперминoм, дигиталисом, бобровой струей и строфантом, запрещая кофе, алкоголь во всех видах и курение; полезен голод на высотах, полезна валериана. Экспедиция прошла величайшие высоты, например, перевал Гегонгла, неизвестный географам, высотой 20.600 футов в Трансгималаях. Я изучил действие высот и знаю теперь, как уберечь людей», – пишет он в одном из протоколов допроса[90].

Поражает мужество и высокий профессионализм этого уже немолодого человека. В начале экспедиции ему минул 51 год. Он впервые сел на лошадь в Гималаях и, по его словам, был совершенно неподготовлен к трудному путешествию. После ежедневных утомительных переходов К.Н. Рябинин находил в себе силы фиксировать в дневниках события дня, тщательно записывать незнакомые географические названия, конспектировать услышанные за день из уст Николая Константиновича и Елены Ивановны сокровенные мысли

и наблюдения. Эти страницы, отразившие плоды размышлений и провидений Рерихов в моменты концентрации ими духовной энергии, представляют собой документы огромной художественной, эстетической и научной значимости.

Высоко оценивая разносторонне одаренного врача, Н.К. Рерих видел его в числе ведущих сотрудников будущего научного центра «Урусвати», в котором предлагал Рябинину возглавить исследования в области тибетской медицины. Возможно, судьба К.Н. Рябинина в Индии сложилась бы иначе, но представить себя вне родины он не мог.

Дело К.Н. Рябинина было передано в «тройку» при ОГПУ в Ленинградском военном округе для внесудебного разбирательства. «Тройка» приговорила К.Н. Рябинина к пяти годам заключения в Соловецких лагерях с конфискацией оружия и ценностей.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

заседания Тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 17 Сентября 1930 г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
Дело № 1815-30г. по гр. РЯБИНИНА Константина Николаевича по 58/6, 59/9, 58/10 и 11 ч.	РЯБИНИНА Константина Николаевича заключить в концлагерь сроком на ПЯТЬ /5/ лет, считая срок с 1/II-30 г. ЦЕННОСТИ И ОРУЖИЕ КОНФИСКОВАТЬ

Секретарь Коллегии ОГПУ [illegible] за надл. подписями

Верно:

Пом. Уполномоч. РСО СОУ ПП ОГПУ в ЛВО

Зак. 3656 -20 000. Тип. им. Урицкого.

1935 год был ознаменован подписанием государствами Американского континента Пакта Рериха, началось его триумфальное шествие

по странам мира в рамках подготовки к Гаагской конференции. Н.К. Рерих становится признанным лидером в деле охраны культурных ценностей, выдвигается на присуждение Нобелевской премии. В 1935 году он обращается с циклом статей «Чутким сердцем», «Правда нерушима», «Построения» и «Охранения» к мировой общественности, государственным и религиозным деятелям с призывом спасения не только культурно-исторических и архитектурных, но и культовых памятников, народных святынь – Храмов Божьих.

ОГПУ-НКВД вновь получает государственный заказ на поиск компромата против Н.К. Рериха. Для К.Н. Рябинина это неизбежно означало новые пытки, допросы, унижения и в конечном итоге 10 лет Южлага. Вот фрагмент одного из допросов.

Следователь: – Кого Вы использовали в СССР для выполнения шпионских заданий по поручению Н.К. Рериха?

К.Н. Рябинин: – Я никого не привлекал и сам лично это задание не выполнял.

Следователь: – Вы продолжаете скрывать от нас те задания, которые получали от американского разведчика Н.К. Рериха?

К.Н. Рябинин: – Я органам НКВД рассказал все о своей антисоветской преступной деятельности. Других показаний дать не могу.

В 1937 г. так же, как и в 1930 г., К.Н. Рябинин остался верным своим нравственным принципам. Для человека, прошедшего через Соловецкие лагеря, знавшего о концентрации энергии зла, достигшей апогея к 1937 г., такое решение было равносильно принесению в жертву собственной жизни.

Находясь в заключении в районе Улан-Удэ, К.Н. Рябинин выполняет обязанности врача и продолжает исследования в области тибетской медицины, начатые после возвращения из Центрально-Азиатской экспедиции. Результаты его врачебной деятельности чрезвычайно эффективны. Он ставит точный диагноз, слегка касаясь руки и внимательно вглядываясь в зрачки пациента, определяя заболевание

по едва заметным признакам, улавливая тончайшие изменения биополя. В основу новых медикаментозных средств, применяемых для воздействия на нервные центры, управляющие эндокринными железами, К.Н. Рябинин положил, по совету Н.К. Рериха, препараты, включающие смолу гималайского кедра, мускус и валериану. Эти препараты и приготовленные на их основе лекарства, известные в Тибете под названиями «поддержатели», «восстановители» и «жизнедатели», позволили К.Н. Рябинину разработать целую систему методик, неизвестных современной геронтологии, но весьма эффективных. Действие новых лекарственных средств К.Н. Рябинин проверял прежде всего на себе, а уже потом рекомендовал их своим пациентам. Состояние здоровья самого доктора Рябинина служит лучшей рекомендацией разработанных методов. В 1947 г., после пятнадцати лет, проведенных в тяжелейших условиях лагерей, К.Н. Рябинин в возрасте семидесяти лет был еще полон сил и, лишенный всех прав, кроме права бескорыстно творить добро, работал детским врачом в родном Муроме. Там он и скончался в 1953 г., всеми забытый, лишенный гражданских прав и состояния, находясь в ссылке под надзором органов государственной безопасности.

* * *

В книге *«Сердце Азии»*, в очерке «Бывальщина», Н.К. Рерих акцентирует внимание читателя на эпизоде, которому он придавал особое значение, считая его «вехой».

«Под вечер со стороны гор во весь мах прискакал необычайно богато одетый монгол. Его золототканное одеяние, новая желтая шапка с красными кистями были необыкновенны. Он быстро вошел в первую попавшуюся палатку, оказавшуюся палаткой доктора, и начал спешно говорить нам, что он друг, что на перевале Нейджи нас ждут 50 враждебных всадников»[91].

Позже об этом предупреждении, спасшем экспедицию, расскажет Ю.Н. Рерих в монографии *«По тропам Срединной Азии»*[92].

Восстанавливая основные вехи трагической и самоотверженной жизни К.Н. Рябинина, мы можем совершенно обоснованно считать его не случайным участником, приглашенным в экспедицию, а *избранным сотрудником,* с честью подтвердившим заслуженное им ранее право быть *и на этот раз* признанным охранителем жизни, здоровья, имени и дела Учителя в самые напряженные и опасные периоды его деятельности*. Поэтому и предупреждение Учителю об угрозе его жизни и жизням его сотрудников прозвучало в присутствии К.Н. Рябинина, избранного и доверенного охранителя.

Принимая удар за ударом, он шел, сохраняя духовную связь с Н.К. Рерихом, по тропам Азии и по этапам сталинских лагерей, верный своему нравственному долгу и *высшему* предназначению. Он и сегодня каждой строкой своего творческого наследия, каждым эпизодом беспримерной жизни предупреждает нас, расставляя вехи. И да пройдут по ним наши соотечественники!

А.Г. Топчиев,
доктор технических наук, член-корреспондент
Международной академии информатизации[93].

* Состав руководителей Центрально-Азиатской экспедиции совершенно необычен и потому значение и последствия проделанной ими работы по своему масштабу выходят за рамки собственно Земли. Участие в экспедиции именно Рябинина К.Н. **закономерно** и Руководитель знал *кого* приглашал, отстаивая незаменимую кандидатуру того, кто стал Учителем Мудрости еще в Атлантическую эпоху. За обозримый период нашей Пятой расы человеческая история сохранила письменные свидетельства о деяниях этого Высокого Духа, известного под именем Сомат-дин (Сумати пуранических преданий), внука Набхи и сына Хайрат-дина (Бхарата в санскритской транслитерации) – царя и героя, соратника Зертушта. В санскритской традиции он известен также как Бхайшаджьягуру, в европейской – как Асклепий, потом – как Гиппократ из Коса, затем – как Теофраст, ученик Платона и Аристотеля; в последующие времена человечество знает его как Парацельса и как Самуэля Ганеманна, родоначальника гомеопатии. Ключи к имени этого Адепта могут быть обретены в дневниках Н. Рериха и комментариях к ним Ю. Рериха. – *Прим. издателя.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Н.К. – Николай Константинович Рерих.
Е.И. – Елена Ивановна Рерих.
Ю.Н. – Юрий Николаевич Рерих.
П.К. – Портнягин П.К.
Н.В. – Кордашевский Н.В., полковник.
Г. – Голубин, заведующий хозяйством Миссии
Л. – Людмила Богданова.
Р. – Раиса Богданова.

1

ПИСЬМО Н.К. РЕРИХА БУДДИЙСКОМУ ЦЕНТРУ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Для ознакомления с положением Учения Буддизма в продолжение четырех с половиной лет мы посетили целый ряд буддийских стран. Мы прошли Индию, со священными местами личных трудов Благословенного Будды; Цейлон; Сикким, наполненный многими реликвиями; Кашмир, со следами последователей Ашоки; Ладакх, со многими замечательными документами, а также преданиями о Гэсэр-хане, отождествляемом с Владыкой Шамбалы, и с замечательными изображениями Майтрейи; Хотан, с древними ступами, соединенными в предании с веком Майтрейи; Кашгар, с остатками пещер и развалинами древнейшей ступы; Кучары, бывшую столицу уйгуров, с замечательными пещерными монастырями; Карашахр, где после Пешавара временно хранилась чаша Будды; калмыцкие земли, с кочевыми монастырями в юртах в предгорье Небесных гор; Алтай, освященный преданием о посещении самого Будды; Ойротию, где ждут прихода Белого Бурхана; Бурятию, обе Монголии, где очень много замечательного; там были проверены легенды об Эрдени-Дзо на Орхоне и о монастыре Нарабанчи. Легенды оказались правильны. В Улан-Батор-Хото предполагается построение дуканга, посвященного Шамбале, для помещения там моей картины «Владыка Шамбалы», подаренной мной монгольскому правительству; Ганьсу, с пещерными храмами в характере Туи-Хуана; Цайдам, где построен нами субурган Шамбалы, и Тибет.

Кроме того, были получены значительные сведения о состоянии буддизма в Бирме, Бутане, Китае и Японии, где группы просвещенных людей преданно изучают и проводят в жизнь заветы Благословенного. О частностях положения буддизма в перечисленных областях я сообщу вам особо, но теперь, в порядке неотложности, я должен рассказать вам о том, в каком состоянии сейчас находится

«буддизм» в Тибете. В том самом Тибете, который еще недавно связывался с высоким понятием Учения Будды.

В 1923 году, как знаете, из Тибета принужден был уехать Таши-Лама. Этот небывалый отъезд выявил многое, о чем мы могли лишь догадываться. Духовный вождь не мог далее вынести печальной действительности Тибета. С тремя сотнями всадников достойный Таши-Лама бежал через дикий и суровый Чантанг, преследуемый военными отрядами, как преступник. Целый ряд уважаемых настоятелей монастырей и лам последовал за высоким беглецом. Подробности этого исхода достойных не лишены героизма. Знаменитый Таши-Люмпо, монастырь-резиденция Таши-Ламы, опустел неузнаваемо, и, лишенный своего духовного вождя, Тибет подпал под происки ламских партий. Своим отъездом Таши-Лама проявил глубокую проницательность по отношению к текущему моменту Тибета. В разных местах Тибета население с трепетом спрашивает, вернется ли Таши-Лама. Трудно без духовного вождя.

Что же мы видели, проходя области Тибета и знакомясь с людьми различного положения, начиная от высоких чинов, любимцев Далай-Ламы, и кончая темными дикарями-кочевниками?

Тибет был облечен званием страны религиозных заветов, но не будем бояться правды – всмотритесь, где теперь здесь буддизм и где шаманский ламаизм?! Не будем бояться называть вещи их собственными именами.

Вместо прежнего служения духовной Общине, вместо давнишних серьезных изучений литературы Учения и овладения силами природы можно видеть механическое заучивание и первоначальные проявления гипнотизма, иногда ясновидения и материализации, левитации или свечения, но все это не в высоких степенях и проявляется главным образом для устрашения темных, суеверных людей. Конечно, вы понимаете, что *то высокое Учение, о котором вы знаете, проходит совершенно вне лхасских стен и ничего общего с Тибетом не имеет*[94]. Вот вам несколько современных картин тибетской действительности.

Высокие ламы на священных четках ведут коммерческие расчеты, поглощенные своей наживой. Заповедано ли Буддой такое упот-

ребление священных предметов или это лежит в истоках шаманского безверия?

Или – водяные и ветряные мельницы и часовые механизмы крутят молитвенные колеса, освобождая ленивых богомольцев от какой бы то ни было затраты энергии. Может ли быть это кощунство отнесено к заветам Будды?

Или – ламы – «учителя народа» – за плату гадают на бараньих лопатках, на игральных костях и на прочих святотатственных предметах. И по книгам лхасского издания отгадывают будущее и удачу.

Что общего здесь с именем Будды, ибо это есть низшая форма грубого шаманства?

Или – ламы под видом изучения тантры пользуются низшим видом волевых воздействий и пугают невежественный народ своей игрой на человеческих костях и визгливыми вызываниями – то же самое проделывают и шаманы. Разве не из шаманского источника почерпнуты все рогатые обожествленные изображения? Что общего они имеют со светлым Учением Будды?

Ламы ружейными выстрелами отгоняют злых сущностей и сжигают их изображения, конечно, за соответствующую плату, не желая помнить определенных об этом заветов Благословенного. Разве не делает то же самое низший, увешанный костями шаман?

Недалеко от правительственного цзонга стоит новейшее языческое мольбище – высокий камень, обмазанный жиром и обставленный кучками белых камней. Оказывается, не дикие племена, но само лхасское правительство утвердило мольбище в честь правительственного Оракула. Правительство установило языческий культ. Куда же дальше идти?

Ламы лицемерно запрещают убивать животных, тогда как кладовые монастырей набиты тушами баранов и яков, убитых для потребы монахов. Но чтобы внести еще больший элемент лицемерия, это убийство обставляется иногда особо изобретательно – животных загоняют на скалу, чтобы они, бросаясь вниз, убились сами. Так следуют заветам Будды.

Замечено, что часто бóльшую роль во многих монастырях играют ламы-монголы, тибетцы же любят уклоняться от чрезмерного

учения. Если вы предложите ламе-тибетцу духовный спор по какому-либо высокому предмету метафизики, то не будет редкостью, если лама уклонится, сказав: «Не может же человек все прочитать». Странно видеть, что монголы до сих пор совершают паломничество в Тибет, не отдавая себе отчета, что сейчас их духовный потенциал стоит гораздо выше тибетского. И даже число торговых караванов в Тибет становится ничтожным.

Тантрик, с видом средневекового колдуна, предлагает остановить снежные тучи и растопить снег. Такие метеорологические феномены предлагаются за сходную плату – всего за два американских доллара, о чем дается широковещательная расписка, которую мы сохраняем. Нужды нет, что снег продолжает идти, но тантрик над своей палаткой ставит какие-то бумажные мельницы и завывает на дудках из человеческих костей.

В углу лавочки сидит хозяин-лама и крутит молитвенное колесо, на стене висят изображения Шамбалы и Цзон-ка-па, но тут же стоят корчаги с большим количеством местного вина, выделанного тем же самым ламой для спаивания народа. Жестоко пьют и миряне, и ламы, и даже дети требуют деньги «на водку»; можно подумать, что пьянство заповедано «буддизмом».

Ламы, взявшиеся везти груз, бросают его на пути. Такие же недобросовестные ламы утверждают, что Будда запретил земледелие и вскрытие недр земли. Возводится клевета на самого Будду, который посылал своих учеников на полевые работы в помощь поселянам. Как указано, в руках даже Бодхисаттвы должно быть какое-либо мастерство. Так возвеличивался труд Учителями и так труд и знание поносятся заросшими грязью пьяными ламами.

Заслуженный офицер тибетской армии, гнавшийся за Таши-Ламой в 1923 году, уверяет иностранцев, что восточные буддисты и пьют, и курят. Он же принимает для передачи в монастырь 35 долларов, из которых, как после оказывается, он, считая себя истинным ламаистом, передает монастырю всего лишь десять, утаивая для себя остальные 25.

Заслуживший особое доверие Далай-Ламы лама-дипломат приходит в ярость, узнав, что мы пожертвовали монастырю 100 нарсангов

на масло для лампад перед изображениями, и говорит: «Наши монахи присвоят эти деньги и не зажгут лампад. Вы должны были купить это масло у меня».

Лама-настоятель говорит: «У нас монахи дикие, это не то, что в Сиккиме или Ладакхе».

Подходит лама и над ухом колотит в барабан, пока вы не даете ему пригоршню шо. Но через десять минут ему кажется, что вы уже забыли его наружность, и снова с тем же бесстыдством он опять не дает вам покоя, так же, как ваши шо не дают покоя его благочестию.

Откуда эти ламы, требующие «бакшиш» и не стыдящиеся этого торгашеского базарного слова? Кто же заповедал попрошайничество? И откуда эта бездна бездельников и лентяев?

Ламы даже желтой секты женятся, но если их «заслуги» перед Далай-Ламой велики, то Его Святейшество охотно признает состоявшийся брак недействительным и дает высокие назначения.

Народ называет своего правителя «рябым монахом» и прибавляет еще одну легенду о внутренней жизни. Один ученый лама даже воспользовался случаем и толкнул «рябого монаха».

В храмах вонь и грязь, и бормотанье, а за стенами ламские торгашеские сделки и подкупность. Как одиноки достойные фигуры среди этого невежественного базара!

Сколько монастырей лежит в развалинах. Сколько находится в запустении. И насколько каждая развалина старого Тибета внушительнее и красивее и по размерам, и по местоположению, нежели жалкая бутафория новейших построек разлагающегося Тибета! И вы чувствуете, что строили эти древние монастыри и замки люди, не похожие на нынешних тибетцев. Бывшие короли Тибета и великий Далай-Лама V отличались большой энергией, о чем свидетельствует и Потала, единственное здание всего Тибета.

Благочестивый служащий Далай-Ламы заболел в пути и из сострадания был взят в караван. С большими заботами и тратой незаменимых лекарств он был доставлен на территорию Тибета, но здесь немедленно обособился и с тем же «благочестием» занялся предательством. Какой устав ламаизма заповедал предательство?

Тибетский генерал княжеского рода приглашает вас к себе в ставку. Присылает за вами своих офицеров, принимает подарок, прикладывается к священным предметам и ревностно перебирает четки. Но затем сообщает правительству, что вы приехали к нему самовольно, помимо его приглашения. Где же граница лжи?

Старшина просит нашего разрешения выдернуть три волоска из бороды верблюда – они обладают большой магической силой, и он зашьет их в свою «ламайскую» ладанку на груди. За мертвую голову верблюда в Тибете платят до 20 нарсангов, так как этот предмет нужен при гадании лам для отвращения града.

Лама, полный таинственности, предлагает купить чудодейственные пилюли. Когда же вы сомневаетесь в надобности этой покупки, то лама, в виде высшей меры убедительности, сообщает вам, что в состав этих пилюль входят экскременты Его Святейшества или какого-либо высокого ламы.

Или благочестивого вида лхасец, состоящий при высокой особе, приносит вам на продажу амулет-ладанку с полной гарантией неуязвимости от огнестрельного оружия за цену в 300 рупий. Объясняет, что амулет заговорен и благословлен очень высоким ламой. Ввиду полной гарантии неуязвимости вы предлагаете счастливому обладателю амулета произвести испытание на нем самом, но верующий лхасец предлагает ограничиться козлом, продолжая уверять в полной силе амулета. Когда же вы на «козла отпущения» не соглашаетесь, то лхасец уходит весьма возмущенный.

В монастырях даже желтой секты очень часто не имеется изображения Майтрейи, о чем совершенно спокойно рассказывают и власти, и ламы. И нигде, кроме Тибета, мы не встречали таких безобразно угольно-черных от грязи лам. Неужели есть наглость утверждать, что Будда или Цзон-ка-па заповедали эту беспросветную грязь?

Около священного менданга полуприкрытая плитами с надписями валяется дохлая собака, и те же священные надписи покрыты человеческими испражнениями. Ни в Сиккиме, ни в Ладакхе мы не видели осквернения ступ и мендангов. Этим заняты «религиозные»

тибетцы. Камни со священными надписями разбросаны на полях, и распалось много ступ и мендангов.

Около Лхасы существует место, где рассекаются трупы и бросаются на съедение хищным птицам, собакам и свиньям. На этих трупных останках принято кататься в голом виде «для сохранения здоровья». Бурят Цыбиков в своей книге о Тибете уверяет, что Его Святейшество Далай-Лама выполнил этот нелепый ритуал, уподобляясь некоторым животным.

Вспоминаю, как Елена Ивановна спросила знатную тибетку-герцогиню о системе женского образования в Лхасе, но кроме недоумения этот вопрос ничего не вызвал.

Таких картинок из действительности можно было бы привести множество, и все они связаны с так называемой лучшей сектой желтошапочников, последователей Цзон-ка-па. Но не забудем, что *значительная*[95] часть населения Тибета принадлежит к секте бон-по, к черной вере, которая вообще отрицает Будду, измыслив себе совершенно особого покровителя и руководителя[96]. Почитателей Будды они прямо называют своими врагами и не пускают в свои храмы. Они почитают богов свастики. Подобно черной мессе, ламаистские обряды совершают наоборот, не считают себя тибетцами и держатся совершенно обособленно. Среди них чудовищно проявляется низший вид шаманства, колдовства и темных вызываний, против которых не борется власть Лхасы. Кроме этой многочисленной секты, существует целый ряд племен дикарей с особыми наречиями, кочевников и лесных обитателей, которые находятся на низшей степени фетишизма – мажут маслом жертвенные камни, с ведома лхасского правительства, как мы сами видели, верят в громовые стрелы и почитают самые нелепые амулеты. Степень их невежественности поразительна!

Кроме этого, также очень многочисленного элемента, имеется, как вы знаете, целый ряд разновидностей красных сект, занимающих крупные районы Тибета, совершенно исказивших первоначальный вид Учения Падма Самбхавы.

Понятий буддизма здесь тоже не следует искать, так же, как и в средних кадрах ламаистов желтой секты гелуг-па. Не забудем, что все только что приведенные картины лжи и суеверия, к сожалению,

относятся именно к последователям этой секты Цзон-ка-па, почитаемой за лучшую.

Так, постепенно отбрасывая все враждебные, вредные и невежественные наслоения, мы увидим, что сознательное почитание буддизма в Тибете будет принадлежать поражающе ничтожному числу людей, из которых добрая часть будет в далеком отшельничестве, не будучи в состоянии вынести официальное проявление ламаизма Лхасы.

Во имя высокого учения Будды, во имя Цзон-ка-па необходимо очистить Учение в Тибете, необходимо подвергать лам гораздо более серьезному государственному экзамену, извергая из монастырей невежд и лентяев. Только тогда может восстановиться понятие ламы-учителя народа. Делал ли Далай-Лама во время своего необычно долгого правления какие-либо попытки очистить засоренное невежеством Учение, пытался ли восстановить первоначальную строгую монастырскую винайю (устав), возвысить понятие труда и искоренять суеверие? Нет, не пытался. Но и сделать что-либо Далай-Ламе нелегко. Если вы думаете, что указ Далай-Ламы многого стоит, то вы ошибаетесь. У нас был широковещательный паспорт далай-ламского правительства, и на наших глазах народ отказывался исполнять указы своего правителя. «Мы девашунга не знаем», – говорит старшина. А чиновники только измышляют, как можно по-своему истолковать текст бумаги в зависимости от щедрости «подарка», на который намекают без всякого стыда.

Мы слышали, как исчезают на пути гонцы к Далай-Ламе. Мы видим, в каком изорванном виде бросаются на дороге письма на имя Его Святейшества.

Посылаю вам портрет Далай-Ламы, написанный местным художником с натуры.

В самое последнее время лхасское правительство выбросило на рынок священные предметы, принадлежавшие Таши-Ламе. Пошли в руки торговцев редкие древние танки и другие священные изображения. Об этом варварском акте с болью рассказывал мне махараджа Сиккима.

Дела Тибета пришли в упадок. В подобном положении, как сейчас, Тибет существовать не может.

Непостижимо странно представить себе, в какие суеверные условности вылились в Тибете так ясно данные заветы Будды и Его ближайших замечательных последователей. Вспомним замечательные труды Ашвагхоши[97], Нагарджуны[98], гимны отшельника Миларепы, а затем канон Аттиши и великого амдосца Цзон-ка-па. Разве эти ревнители Учения допустили бы хоть одно из только что приведенных оскорбительных религиозно-бытовых явлений? Разве они могли бы примириться с той необычайной ложью, коварством и суеверием, которые пронизали все слои народа и особенно его правящий класс?

После английской экспедиции в Лхасу в 1904 г. Уодделль сообщил в своей книге, что тибетское правительство устрашало англичан тем, что будто бы сорок тысяч воинов из К'ама рвутся в бой и правительство не в силах их удержать, но ни один из этих «воинов» так и не показался. Эта беззастенчиво-хвастливая ложь представляется очень характерной в устах тибетских властей.

Сэр Чарльз Бэлл в своем тибетском словаре указывает фразы: «Не лгите», «Опять ложь», «Не лгите, иначе вас высекут». Это неслучайно. Коренной тибетец, житель берегов Брахмапутры, говорит: «Пелинги (иностранцы) тем лучше, что не лгут, а наши все лгут».

Ложь и ложь! Как прискорбно каждому сообщению власти предпосылать, что это ложь или по коварству, или по глубочайшей невежественности. И при том всегда лицемерно прибавляется: «Мы религиозные люди» и следуют высшие клятвы тремя жемчужинами. А преувеличение доходит до такой степени, что образованный лама утверждает, что Тибет никогда не был под властью Китая, а наоборот, был покровителем его.

Жалкая глинобитка называется в документе тибетскими чиновниками «величественным снежным дворцом». Титул лхасского правительства, выбитый даже на плохих медных монетках шо, с самовосхвалением объявляет: «Благословенный дворец, победоносный во всех направлениях». И в основе этого самохвальства лежит невежественность вследствие отчужденности от всего мира. Буддисты Ладак-

ха, Сиккима и Монголии, соприкоснувшиеся с внешними элементами, проявляют гораздо более совершенный образ мысли. Невежество порождает хвастовство, а самохвальство – непомерную ложь, которая поражает в Тибете. Положительно, тибетский шаман не может более застращивать народы своими страшными масками и самодельными атрибутами. Вблизи таких истинно священных мест, как Капилавасту, Кушинагар, Бодхгайя, Сарнатх, где протекала жизнь самого Благословенного, вблизи Индии с великой Ведантой, не могут жить остатки темного шаманизма. Те почтенные ламы, которые своей просвещенной трудовой жизнью следуют заветам Благословенного, конечно, не примут на себя все сказанное. Оно относится к невежественным и вредным лгунам. Они вместе с нами скажут во имя истинного Учения: «Сгинь, шаман! Ты не вошел в эволюцию! Восстань, светлый ученик заветов Великого Учителя жизни Будды, ибо только ты можешь называться ламой-учителем народа. Ты осознаешь, что такое знание, правда, бесстрашие и сострадание».

Замечайте: среди подавленного сознания, среди поражающей нищеты и грязи народа, нередко питающегося падалью, ясно видна картина разложения Тибета. Послушайте рассказы о чрезмерных поборах. Всему приходят сроки. То, что еще в недавнем прошлом могло под прикрытием таинственности просуществовать, в сегодняшнем восходе уже оказывается неприемлемым.

Райдер, Уодделл, Дезидери, Дегоден и многие другие, посетившие Тибет, отрывочно называли шаманистские атрибуты старым хламом. Теперь это отрывочное заключение должно превратиться в утверждение, от которого зависит справедливое и ясное отграничение буддизма от шаманского ламаизма.

Мы видели отрывки извращенных магических ритуалов, потерявших свой первоначальный смысл; видели магические кинжалы и острия. Узнавали остатки ритуала магических зеркал. Вспоминали бросание зерен демонам стихий, замыкание круга, курения и жертвы – какие-то осколки старой церемониальной магии, противоестественно связанной с именем и изображением Благословенного.

Я не делаю никогда общих выводов и всегда с особенной радостью вспоминаю о тех добрых явлениях, которые встречались на пути.

Знаем многое хорошее о Таши-Ламе, вспоминаю умный лик настоятеля из Чумби, бежавшего вслед за духовным вождем Тибета. Вспоминаются привлекательные облики настоятеля Спитуга в Ладакхе, настоятеля из Ташидинга в Сиккиме, монгольского ламы, занятого переводом алгебры, настоятеля монастыря Гум, гелонгов и прекрасных живописцев из Таши-Люмпо. Но все эти люди находятся далеко от Лхасы или уже оставили пределы Тибета как политические эмигранты. С ними мы по-прежнему встретились бы доверчиво и дружественно и поговорили бы в тиши гор о высоких предметах.

Несение высоких заветов Будды накладывает и высокую ответственность. Предвидение светлого Майтрейи устремляет в сознательную эволюцию. Познание великого понятия Шамбалы обязывает к неустанному пополнению знания. Есть ли при этих высоких понятиях место звериному шаманизму и фетишизму?

Бесстрашный Лев неустанно боролся против суеверия и невежества. Он изгнал бы всех лицемеров, набивающих себе карманы за фальшивые требы. Дэви-Неел, проведшая ряд лет в Тибете, в своих статьях приводит тибетское предсказание о необходимости очищения Лхасы от нечестивых элементов. Мы имели случай убедиться, что подобное верование живет в народных массах, которые отделяют себя от Лхасы. Хоры просят не смешивать их с тибетцами. Амдосцы и жители К'ама всегда подчеркивают свою отделенность от лхассцев, к которым, конечно, себя не причисляют мишими и всякие лесные и дикие народности. Также мы убедились, что по предсказанию, вышедшему из монастыря Тенжелинга, правящий Далай-Лама называется Тринадцатым и последним. Тот же народ тайком спрашивает о судьбе почитаемого им Таши-Ламы и шепчет с надеждой, а не вернется ли он с китайцами? Настолько тяжел беспросветный, давящий шаманский режим, и даже самое подавленное человеческое сознание понимает, что так продолжаться далее не может. Светлое имя Будды должно быть освобождено от корыстных рук, и невежество должно замениться просвещением. Мрачное средневековье не

может более существовать и прикрываться лицемерной маской религиозности.

Знаю, что есть лица, которые мне скажут: «Да ведь нам известно, что никакого буддизма в Тибете нет, что ламаизм и шаманство не могут узурпировать высокое понятие имени Будды». Правильно, но в широких массах до сих пор в связи с Тибетом употребляется наименование «буддизм», и таким порядком даже черный шаман попадает в разряд людей, к которым прислушиваются.

Наваждение Тибета было настолько велико и в европейских кругах, что даже серьезные люди и члены кружков заботливо охраняли это ложное понятие. Потому-то все серьезно преданные изучению буддизма имеют прямую обязанность разъяснять широким массам, что великое понятие высокого Учения не имеет ничего общего с колдовством и суеверием, которое ловко подставлялось и застращивало нетвердые умы.

Подчеркнем: конечно, существуют народы еще более невежественные и ничтожные, нежели тибетцы. Мы не предъявляем к этим уходящим вырожденцам серьезных требований, ведь они о себе ничего особенного не воображают. Иное дело с Тибетом, который, оставаясь на низкой степени дикости, воображает себя наместником Будды и держателем основ великого Учения. В таком случае принятая ответственность велика. Тибетцы ненавидят китайцев, смотрят свысока на ладакхцев, сиккимцев, бутанцев, боятся англичан и русских, не доверяют и не впускают японцев, отворачиваются от мусульман, называют бурят быками, грубо обращаются с калмыками, считают монголов своими данниками, презирают Хинаяну Бирмы и Цейлона. Получается уродливый конгломерат человеконенавистничества, противоречащий Учению Будды. Притом, презирая всех вследствие своего глубокого невежества, тибетцы сами непрочь попользоваться выгодой от каждого из перечисленных народов. Население более не выдерживает. Вспыхивают восстания. Литанг и Батанг – одни из самых плодородных мест Восточного Тибета – снова заняты китайцами. Осенью 1927 года были волнения среди северян Хорпа. Сейчас получены сведения о крупном восстании в К'аме, где убит губернатор и пятьсот солдат. Стрела войны – объявление мо-

билизации в виде стрелы, обернутой красным шелком, следовала несколько дней при нашем караване. Можете себе представить нас в виде носителей стрелы войны. В К'ам двинут даже гарнизон Шигацзе и двести пятьдесят человек с запада от Тингри. Там, где плохо поставлено великое Учение, там плохи и внешние дела. По сути путники говорят о налогах, доходящих до 10 долларов в месяц с крестьян. *Оскорбительное отношение к сосѐдям и грабительские поборы внутри – ведь это политика самоубийства*[99].

Кроме Лхасы и Гиангцзе (благодаря англичанам), где есть кое-какие продукты третьего сорта из Индии или Китая, вы не найдете в других городах ничего. В больших местечках даже нет ни одной лавки. Ни масла, ни молока, ни сахара, никаких овощей. Немного ячменя и сухая баранина. К вам приходят в сумерках какие-то люди, прося продать им что-либо, но начать торговлю они явно не решаются, боясь прожорливого начальства. Страшно подумать, что имя Будды смешано с этой грязью физической и духовной.

Подлинность ознакомления с истинным положением религии в Тибете, конечно, зависела от знания языка. Через постороннего переводчика вы не подойдете к чувствительному, сложному аппарату религиозных наслоений, но нам посчастливилось в этом отношении. Знание тибетского языка Ю.Н. Рерихом, магистром Гарварда, свидетельством самих тибетцев поставлено на второе место после сэра Чарльза Бэлла, которого они считают лучшим практиком языка. Таким путем, не в случайной передаче, но в непосредственном общении мы знакомились с неприкрашенной жизнью Тибета.

Друзья, мы подходим к Гималаям. Спешно пошлю вам эти строки. Знаю, вы ждете узнать действительность буддизма в Тибете. Вы изучаете Учение Будды, и потому никакое шаманское наваждение не отвлечет мышления вашего в ложном направлении. Вы знаете, что Таши-Ламу достойно приветствовали в Китае и он недавно издал новое обращение к Шамбале; что то высокое, которое вы почитаете, не нуждается в защите Тибета.

В прочих перечисленных странах мы имеем много сотрудников просвещенных и ревностных, для которых имя Будды является действительно подлинной святыней. Знаю, как вы ищете правду и дей-

ствительность, потому и спешу сообщить вам то, что мы действительно видели.

По счастью, столько подлинного сохранилось и в санскритской, и в китайской, и в японской литературе. Мною уже заказано собрание священных книг Канчжура и Танчжура, которые прошу принять от меня в дар как первое собрание этих книг для Америки. Вы поместите это собрание в нашем Буддийском центре, конечно, сделав его доступным для всех желающих серьезно изучать этот предмет. Вероятно, придется предпочесть издание лхасской печатни, так как я слышал, что старые доски печатни в Шигацзе значительно стерлись. Вы знаете, как разместить это собрание в 333 тома на полках по боковым стенам дуканга Шамбалы.

Друзья, вы знаете, что в моей привычке смотреть на все явления добрым глазом, как вы видели в заметках о Сиккиме и Ладакхе (Himalaya, Brentanos, N.Y.), и потому все сказанное не может быть нисколько преувеличено, наоборот, многое может быть добавлено. Но бывает, когда великие понятия умаляются, необходимо сказать слово со всей справедливостью. Предвидя будущее, Будда говорил: «Учение подобно пламени факела, зажигающему бесчисленные огни; огни эти могут способствовать варке пищи или рассеивать тьму, но пламя первого факела остается неизменно сияющим» (*Сутра*, 42).

И сейчас в Ладакхе и Сиккиме достойные ламы воздвигают великие изображения Майтрейи как символ наступления новой эры. Они-то, одинокие, понимают, сколько очищений и восстановлений должно быть совершено неотложно. Эти, одинокие, еще могут возносить обращение: «Да будет жизнь тверда, как адамант; победоносна, как знамя Учителя; сильна, как орел, и да вечно длится!»

Николай Рерих

2

ТЕЛЕГРАММА ПРЕЗИДЕНТУ ХОРШУ В НЬЮ-ЙОРК ДЛЯ СООБЩЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Прошу сообщить Президенту Соединенных Штатов. Американская экспедиция Рериха после многих трудностей достигла области Гималаев, заканчивая четырехлетний большой центральноазиатский круг. Много художественных и научных результатов. Много уже послано серий картин в Нью-Йорк. Надеюсь, последняя посылка из Монголии дошла сохранно.

Много наблюдений по буддизму, проблеме переселения народов, единству материка Древней Азии с Америкой и прочим научным данным. Экспедиция в 1924 г. начала работу в Сиккиме, затем следовала через Пенджаб, Кашмир, Ладакх, Каракорум, Хотан, Кашгар, Карашар, Калмыцкую область, Урумчи, Иртыш, Алтайскую область, Ойротскую, Бурятскую и Монгольскую области, Центральную Гоби, Кан-су, Цайдам и Тибет.

Мирный американский флаг завершил необычный круг по Центральной Азии, всюду горячо приветствуемый, кроме Хотана и лхасского правительства. Дальнейшему продвижению из Хотана способствовал британский консул в Кашгаре. На тибетской территории мы были атакованы вооруженными панагами, но превосходство нашего оружия предотвратило кровопролитие.

Несмотря на наличие тибетского паспорта, 6 октября минувшего года экспедиция была задержана тибетскими властями в двух днях севернее Нагчу. С нечеловеческой жестокостью экспедиция была оставлена в течение пяти месяцев на высоте 15.000 футов в летних палатках при жестоких морозах ниже –40° С, испытывая недостаток пищи, топлива, и подвергалась опасным заболеваниям. За все время

умерло пять человек – монголов, бурят и тибетцев – и погибло 85 животных каравана.

По приказу властей все письма и телеграммы экспедиции лхасскому правительству, американскому консулу в Калькутте и британским властям задерживались и возвращались обратно. Было пресечено общение с проходившими караванами и запрещена покупка продовольствия у населения. Деньги и лекарства кончились, но ничто не было принято во внимание, в том числе присутствие трех женщин в экспедиции и медицинское свидетельство о болезнях. С величайшими трудностями лишь 4 марта удалось продолжить свой путь. Весь состав экспедиции благополучно и стойко перенес опасности жестокой зимы и заболеваний. Сообщите то же самое Новому Синдикату и всем нашим учреждениям.

Николай Рерих

3

ПРОЕКТ ПИСЬМА Н.К. РЕРИХА ЛХАССКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Препровождая при этом сумму за караван, а также за четыре винтовки, проданные по настоятельному требованию нагчусских губернаторов, за один револьвер и за два полных церковных одеяния из старинной парчи, я всемерно протестую перед лхасским правительством против неслыханно бесчеловечного обращения с нашей мирной буддийской Миссией.

Миссия была насильно задержана с 6 октября 1927 года по 4 марта сего года, то есть в течение пяти месяцев, среди жестокой зимы на Чантанге при холоде ниже –40° С, на высоте не менее 15.000 футов. При этом все телеграммы и письма как в Америку, так и лхасскому правительству и британским властям возвращались обратно. Все контакты с проезжающими караванами были запрещены. Животные каравана, благодаря распоряжению властей, погибли. Нам было запрещено покупать у населения съестные продукты; власти же доставляли продукты в совершенно недостаточном количестве и за особо дорогую плату. Ни присутствие в караване трех женщин, ни медицинское свидетельство об опасных болезнях, ни недостаток денег и медикаментов – ничто не принято во внимание.

Несмотря на наши неоднократные заявления о болезнях и истощении, нас направили по чрезвычайно тяжелому северо-западному пути по Чантангу, где свирепствуют невыносимо холодные вихри. Всем этим лхасское правительство как бы хотело показать свое презрительное отношение к западным буддистам.

Для донесения в Америку пославшим меня западным буддистам, вместе с распиской о получении вышеозначенных денег, прошу сообщить:

1. На каком основании Его Святейшество Далай-Лама не пожелал ознакомиться через своего полномочного представителя с содержанием Грамоты Западных Буддистов?

2. На каком основании Его Святейшество не принял знака Будды Всепобеждающего и всех прочих подношений, доброжелательно посланных буддистами великой Америки?

3. На каком основании монастыри Ганден, Денунг и Сера не приняли пожертвований от буддистов Америки в размере 500.000 нарсангов?

О содержании этих пунктов мы многократно сообщали и губернаторам Нагчу, и Хорчичабу, и лхасскому правительству, но письма наши самым грубым образом возвратились обратно.

4. На каком основании лхасское правительство продержало Миссию в течение пяти месяцев в самых бесчеловечных условиях в летних палатках среди жестокой зимы при морозе часто ниже –40° С.

Почему по распоряжению чинов правительства был погублен караван Миссии и она была лишена свободы сообщений с внешним миром, без лекарств и денег?

5. На каком основании чиновники Наг-Занга отправили Миссию в Сага по северной дороге через Чогчу, где нет уртонов, через непроходимую пустынную местность, через три высоких перевала, через анлог, где малочисленное и дикое население; вопреки указу Далай-Ламы, отказывало поставлять яков и лошадей? В районе Бум-на-Чанг-ра старшина заявил нам, что он девашунга не знает и насильственно задержал нас на день.

В Сага-цзонге власти сказали нам, что письмо из Лхасы пришло около месяца тому назад, отказались дать яков и насильственно задержали нас на четыре дня, будучи предупреждены, что их области придется платить Америке, в случае задержания, сто тысяч нарсангов. На каком основании население и власти до такой степени презирают приказы лхасского правительства?

При выезде из Нагчу кенанг-ни уверяли нас, что дорога избрана для нас кратчайшая и что до Сиккима по ней всего 28 дней пути. Ввиду этого мы и не брали с собой необходимого количества про-

вианта для втрое большего, как оказалось, пути. Как мы ни спешили, но, выйдя из Нагчу 4 марта сего года, прибыли в Сага-цзонг только на 47-й день, то есть 19 апреля сего года. Большую часть нашего пути мы принуждены были идти по голодным местностям, а в Сага, по словам начальника, люди давно уже не видели цампы и питались падалью. 23 апреля у нас похитили большую серого сукна попону.

В Сага и на ближайшей остановке перед переправой через Цзанг-по у монастыря население заявляло, что мы «пелинги», и потому оно не желает нам служить, не давая нам ни зерна, ни сена, ни продовольственных продуктов, а сопровождавший нас, согласно паспорту, доньер из Сага не принял никаких мер к прекращению этого недоразумения. Этот же доньер сообщил, что лхасское правительство распорядилось, чтобы население ставило палатку только ему, а не нам. Всем этим мы как представители великой страны Америки оскорблены.

Люди из монастыря, отказавшиеся служить «пелингам», не пожелали сообщить свои имена, но заявили, что они платят большие подати и что, если будут исполнять все приказы девашунга, то тогда требования последнего еще усилятся, и им не будет житья. От Сага везли вещи совершенно небрежно, подмачивали их и рвали мешки. Доньеры, сопровождавшие нас, требовали при отправлении ими даиков населению о заготовке яков, лошадей и продовольствия еще и нашу печать, кроме казенной. Очевидно, население не доверяет больше правительству Тибета.

Часть людей из Янжу-Донкара, сопровождавших наш груз, бывший на одиннадцати яках, сбросила этот груз после короткого (1 ч. 20 м.) перехода после переправы через Цзанг-по и ушли обратно. Только другая партия людей и яков подобрала этот груз по дороге.

Должны указать, что доньер, данный нам для сопровождения от Сага до Шекара, ни разу не поставил, согласно паспорту, ста сорока яков и десяти лошадей; неоднократно уверял, что население Тибета не слушает власть. Таким образом, часть груза мы принуждены были возложить на нескольких оставшихся от нашего каравана животных.

Тот же доньер пытался взбунтовать население Шамру против заведующего нашим транспортом за то, что тот хотел взять у доньера неправильно захваченную последним лучшую лошадь. Доньер грозил, что по приезде в Шекар нашему служащему, по его жалобе, будет неприятность.

Население, однако, не поддержало доньера. Этот же доньер, несмотря на запрещение в лагере пьянства и распоряжение, полученное им, не допускать население для продажи чана и ханжи нашим людям, спустя два дня был пьян и допустил продажу вина.

Во время нашего проезда через Тингри старшина, несмотря на полученное им предписание из Лхасы и посланный вперед нас даик о нашем прибытии, отсутствовал, а по приезде на другой день задерживал доставку животных. Неужели даже должностные лица в Тибете до такой степени пренебрегают распоряжениями правительства, так как все время, кроме того, ссылаются на неповиновение населения.

Доньер, данный нам из Сага, при отъезде из Шекара украл у нас седло.

Тибетец Кончок Циринг, данный нам доньером из Урги для сопровождения в качестве слуги при палатках, пьянствовал и буйствовал в пути. Неоднократно был оштрафован за пьянство, драку и невыход на работу. Наконец, по дороге от Тингри до Шекара снова напился, отказался от работы и призывал население к неповиновению, благодаря чему нам отказывали в законной поставке животных, в воде и аргале. Он же в Шекаре призывал наших людей бросить нас в пути.

Ввиду этого пришлось произвести Кончоку Цирингу в Шекаре расчет и передать его в распоряжение властей, так как при уходе он похитил седло, которым пользовался, отказавшись возвратить его. Несмотря на наше заявление властям Шекара об отказе Кончока Циринга возвратить седло и просьбу принять меры к возвращению седла, никаких мер властями принято не было, ввиду чего считаем эти власти виновными вместе с Кончоком Цирингом в присвоении седла, стоящего 20 китайских долларов. При отъезде власти дали нам обещание арестовать Циринга и отправить в Лхасу. Точно так

же эти власти не приняли никаких мер, чтобы прекратить продажу вина нашим людям на территории лагеря, несмотря на нашу просьбу о недопущении со стороны населения Шекара продажи спиртных напитков и данное нам властями обещание.

В Шекаре же, несмотря на своевременное получение предписания из Лхасы, даика из Сага и присланных нами в пути заранее двух доньеров, ничего приготовлено не было, и мы были насильственно задержаны на два дня, несмотря на предупреждение, что каждый наш день стоит очень дорого, и это было принято властями Шекара к сведению. Несмотря на продвижение по земледельческому району, нам устанавливали цены еще более высокие, чем на севере, такие, которых во всем мире вообще не существует: за фунт плохого масла требовали с нас четыре доллара, а маленький мешок ячменя в 29 фунтов стоил 11 нарсангов и тому подобное.

В Шекаре мы столкнулись с полной деградацией власти и дезорганизацией, благодаря чему выехали оттуда лишь с большим трудом.

Данные из Шекара трое доньеров по дороге пьянствовали, напиваясь и останавливаясь в каждом встречном селении, следствием чего было постоянное запаздывание каравана с вещами, и мы оставались без палаток и продовольствия. Население явно оказывало таким доньерам неповиновение. Все это ставило нас в необычайно затруднительное положение, и мы могли продвигаться вперед лишь благодаря собственной настойчивости и знанию языка.

Будучи приставлены к нам для контактов с населением, эти доньеры останавливались отдельно от нас по селениям и неохотно, с опозданием являлись на наш зов. В Таши-ганге местный старшина решительно отказался дать транспортных животных, ссылаясь на имеющуюся у него какую-то особую привилегию, выданную ему Далай-Ламой, освобождающую его от уртонной повинности, в чем и дал письменное удостоверение. Если это и так, то на каком основании Шекар-Цзонг, в ведении коего состоит Таши-ганг, выдал предписание о поставке нам животных в Таши-ганге?

В Тин-кье к нашему приходу животных не оказалось, и мы принуждены были стоять и на другой день, потеряв еще сутки. К сожалению, должны отметить, что при прохождении по Центральному Тибету после Тингри начали замечать пропажу мелких вещей.

Приставленный к нам Хорчичабом Кан-шона в Чу-наргене и Шару-чоне майор Сонам Тобжель установил крайне невыгодный для нас курс размена китайского янчана на шо – лишь по 15 шо за янчан, тогда как в Нагчу нам меняли по 18 шо, а в Намру – по 20. Благодаря такому низкому курсу, установленному майором, мы потеряли около трех тысяч янчанов.

К ста пятидесяти дням нашего задержания до 4 марта прибавилось за время следования еще десять дней задержания в цзонгах Намру, Сага, Шекаре, Тин-кье и Кампа, причем всюду начальники были предупреждены нами, что каждый день задержания стоит нам очень дорого. В Кампа-цзонге, взяв предварительно расписку в поставке 55 яков, нам дали всего 43 яка, почему мы и должны уплатить лишь за фактическое количество отпущенных животных, о чем и уведомили доньеров из Кампа.

6. На каком основании лхасское правительство не придало значения паспорту, выданному Миссии доньером в Урге? Миссии известно, кому доньер выдал подобные паспорта, признанные лхасским правительством, а также известны и те полномочия по выдаче паспортов, которыми пользовался доньер в Урге.

Я был в двадцати пяти странах и везде встречал самое предупредительное отношение со стороны правительств и населения, соответствующее моему общественному положению. Тибет – это единственная страна, где я был встречен враждебно, а между тем я приехал в Тибет с самой высокой религиозной целью и предпринял это трудное путешествие по Тибету, обеспеченный тибетским паспортом, выданным тибетским доньером в Урге, который заверил о значении выданного им документа. Если б я не был таким образом введен в заблуждение, то поехал бы через Китай и Индию, не подвергаясь опасностям и неприятностям в пути.

Прошу дать точные ответы на все, мною изложенное, для доклада в Америке.

Николай Рерих

4

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ЗАРИСОВОК ТИБЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

На нашем пути в долине Брахмапутры население никогда не видело верблюдов и потому везде сбегалось любоваться на невиданных ими «амонг», о которых, однако, они были наслышаны. В одном месте собравшаяся большая толпа народа встретила их возгласами: «Удивительно! Спасибо вам, что привели к нам верблюдов!» Верблюды в Тибете, как говорят, не выживают и доходили только до Лхасы. У Далай-Ламы в зверинце, правда, имелся верблюд, но жив ли теперь, нам неизвестно.

У перевоза на Брахмапутре, в пяти днях пути от Сага, находятся четыре монастыря, и три из них, самых больших, секты бон-по; четвертый, более бедный, секты красношапочников *мар-по*, последователей Падма Самбхавы (VII век), распространенной на юге Тибета, преимущественно же в Сиккиме; встречаются в Ладакхе и Бутане. Что же касается более поздней секты желтошапочников *гелуг-па*, последователей Цзон-ка-па (XIV век, умер в 1419 г.), то в Тибете она главенствующая и распространена повсюду.

Отмечается чрезвычайное попрошайничество лам. Один старик-лама пришел с танкой «Белой Тары», ему было дано два шо. Он просил еще, снова было дано три шо. Тем не менее, он все просил и просил. По курсу одна индийская рупия равняется шести шо.

Другой лама настойчиво ударял в средней величины ручной барабан и назойливо ходил по палаткам, неотступно выпрашивая подаяние.

В долине Брахмапутры начали пахать в этом, 1928 году, 28 апреля. Пашут сохой, запрягая двух сарлыков (помесь яка с коровой). Сеют ячмень и горох. Землю удобряют золой с экскрементами.

28 апреля в долине Цзанг-по (Брахмапутра) появились бабочки из семейства многоцветниц.

На юге Тибета китайское серебро уже не принимают – требуют или шо, или индийские рупии (джягар гармо), но по удивительно низкой расценке – шесть шо за рупию.

На юге Тибета, начиная с долины Брахмапутры, население переходит на отопление стволами и ветвями туи. Запах дыма туи в точности напоминает запах священных курений Монголии и Тибета. Наверное, туя входит в состав этих курений.

Мулы в Тибете ценятся дороже лошадей. На юге нам предлагали мула за двести янчан.

На одной из стоянок вблизи монастыря пришедшие монахи просили, к нашему изумлению, «бакшиш». Последнее слово совершенно несвойственно тибетскому языку и пришло сюда, очевидно, из мусульманских стран. В устах монахов оно является недопустимым.

В долине Цзанг-по мы видели множество развалин всевозможных построек старого Тибета, крепостей, замков, монастырей и так далее; они красивы и величественны до сих пор и резко отличаются от современных, безвкусных и ничтожных.

В тибетской деревне у перевоза через Цзанг-по имеются две очищенные от камня площадки, обнесенные оградой из крупных камней. Эти площадки посвящены какому-то «злому божеству», якобы живущему на вершине соседней горы.

Мы быстро расположились на одной из этих площадок, но пришли старшины и сердито предложили нам убраться, иначе «злое божество причинит или нам, или населению неприятность». Таково суеверие Тибета, почитаемое самими тибетцами за «религиозность».

По мере приближения к Центральному Тибету запах «чана» становится ощутимее, ибо пьют и напиваются до потери сознания, как мы видели, не только крестьяне, но и ламы. При остановке у одного из монастырей монастырские люди споили таргоута Очира, служащего нашего каравана, который пьянствовал два дня подряд и наконец отказался с нами следовать.

По Брахмапутре чрезвычайно много старинных мендангов, ступ (субурганов) и развалин крепостей, башен, замков и монастырей. Видно, что по ее течению издавна существовали поселения. Только здесь можно наблюдать славное героическое прошлое старого буддийского Тибета. Современный Тибет – ничтожество.

Лживость тибетцев уподобляется иногда наивной лживости детей или дикарей других стран.

Один старшина, например, уверял нас утром, что река, через которую мы хотели переправиться, за ночь замерзла и раньше полудня не оттает. Ночь и утро были теплые. Река была в пяти минутах ходьбы. Течение ее быстрое, и проверить его ложь было легко. Тем не менее, он по природной тибетской привычке лгал. Но, конечно, сейчас же согласился, когда ему сказали, что он лжет.

Население Тибета настолько изверилось в честности и правдивости правительственных чиновников и их даиков (предписаний, приказов), что не верит приложенным к бумагам казенным печатям, и потому доньеры везде требуют с нас приложения к даикам еще и нашей печати для убеждения населения в подлинности предписания.

Южные тибетцы признаются, что люди в Ладакхе (Малый Тибет) лучше, чем в Тибете, и яки ходят там лучше. Объясняют это тем, что там «королевская земля». Между тем король этот уже «в отставке», крайне беден и во дворце своем не живет, так как последний рушится и опасен для жизни.

Последователи красной секты Падма Самбхавы на своих каменных домах в Южном Тибете, часто побеленных известью, имеют, как знак секты, красную и черную полосы, проведенные вертикально и параллельно одна другой в верхней части дома. Не говорю о крыше, так как таких крыш, которые мы привыкли видеть у нас, в Тибете дома не имеют.

В апреле 1928 года население Южного Тибета спрашивало нас в пути, когда вернется Таши-Лама, добавляя, что девашунг («благословенное правительство») уверяет их, что Таши-Лама вернется через три месяца. Видно, положение девашунга таково, что ему приходится спекулировать именем Таши-Ламы. Тибету без духовного вождя трудно.

То же население спрашивало, показывая по-китайски большой и малый пальцы руки поочередно: «Такой или такой девашунг?» Конечно, мы уклонились от ответа.

В последних числах апреля на юге Тибета, в долине Цзанг-по, дважды выпадал снег.

Ни рыбы, ни птиц в Тибете не едят. Брахмапутра же изобилует форелью и хариусами, по ее берегам много гусей и уток, а на полях, в долине – куропаток. Ловить рыбу и стрелять птиц, диких животных и собак запрещается, в то время как баранов, яков и сарлыков убивать можно.

Люди из Янжу-Донкара, сопровождавшие одиннадцать груженных нашими вещами яков, сбросили этот груз через 1 ч. 20 м. хода и повернули обратно. Только другая часть их соплеменников, шедшая позади с яками, подобрала груз и доставила его на место. Это было в Центральном Тибете, где живут не хоры, просящие не смешивать их с тибетцами, а коренные и подлинные обитатели внутреннего Тибета.

Это же коренное население внутреннего Тибета оказывалось и самым непокорным распоряжениям своего правительства. Часто от-

казывало нам в поставке лошадей и яков, несмотря на полученное им предписание (даик) местных властей и наш паспорт. Лошадей давало таких, что не шли с места, а одна даже сдохла через час ходьбы. Шли мы, разумеется, караванным шагом.

Дорога в Тибете неровная, больше по горам, кочкам, холмам и карнизам над обрывами или по пространствам, покрытым камнями.

Хоры не так назойливы, как коренные тибетцы, самовольно открывающие палатки и вторгающиеся в них. Надо отметить, что лица и весь внешний облик их еще более дикий, чем у хоров.

Доньер, сопровождавший нас от Сага, пробовал в одной деревне бунтовать народ против заведующего транспортом П.К. за то, что тот хотел забрать у доньера насильственно захваченную последним лучшую лошадь. Население, однако, не поддержало доньера. Доньер же грозил, что по приезде в Шекар П.К. отрубят голову.

Тибетцы одного селения, сопровождавшие наших грузовых яков, жаловались, что девашунг облагает их настолько тяжкими налогами, что им иногда не на что бывает купить цампу. Благодаря такой мере правительства целые селения впадают в нищету. Ранее это селение было в ведении Таши-Ламы, платило очень умеренную подать и процветало.

Данный нам от Сага доньер был пьян в пути, несмотря на наше запрещение пьянства в лагере и обращенную к нему ранее просьбу воспретить населению продавать нашим людям какие бы то ни было спиртные напитки.

Один из погонщиков яков оказался танцором и певцом. Спел целый ряд комических куплетов, где говорилось о приходящих в Тибет англичанах, обращающихся к населению с приветом «good morning». На нашу просьбу сообщить подробнее содержание куплетов тибетец замялся и отказался. Из этого можно было заключить, что содержание этой песни для иностранцев не особенно лестно.

С некоторых перевалов после Сага перед нами неоднократно открывалась величественная гряда снеговых Гималаев, вершины которых (Эверест, Макалу, Гауришанкар) так живо напоминали сказочные хрустальные горы в освещении солнцем и в своих светотенях. Над их вершинами катились вихревые облачка снега, напоминая о том урагане, который часто обвевает эти вершины.

Во время путешествия по Южному Тибету нам сообщили из двух совершенно различных источников, что в районе Шекар-цзонга (земледельческий район) население обложено совершенно непосильным и разорительным налогом в размере 15–20 нарсангов с семьи в месяц.

Тингри, «первоклассная» крепость Тибета, охраняющая подступы к Лхасе со стороны непальской границы, производит жалкое впечатление каменно-глиняной постройки, совершенно не соответствующей современным требованиям военных укреплений. А между тем это второе по тибетским понятиям грозное укрепление после Гиангцзе. Весь гарнизон составляют несколько солдат, одетых в оборванное и грязное платье. В случае нужды, конечно, может быть мобилизовано население города, расположенного по горе ниже «крепости». Никакого военного начальства к нашему приезду в «крепости» не оказалось. «Полковник» был в Лхасе, «майор» – в отлучке в Шекаре. Все начальство тибетских цзонгов, видимо, постоянно в них не живет.

Бывший китайский амбань Тингри теперь превратился в простого торговца. Он же, по-видимому, научил тибетское население города есть рыбу и яйца. Достали здесь и то, и другое: форель и наполовину испортившиеся яйца.

Данный из Урги доньером в качестве слуги при палатках тибетец Кончок в пути многократно пьянствовал, дрался и буйствовал. Кончилось тем, что в пьяном виде он начал агитировать население, чтобы нам ничего не давали и не слушались нас, так как мы «дурные люди». Пришлось рассчитать его и сдать в распоряжение властей ближайшего цзонга. При выезде из Урги этот Кончок был

освобожден от кредиторов путем внесения за него выкупа. Фигура очень типичная для Тибета.

Вблизи крепости и города Шекар по дороге со стороны Сага горы изобилуют железом; далее – мертвенные песчаниковые горы. Сама крепость Шекар, видимо, давней постройки, но не ранее XV века, очень красива и расположена на высокой вершине; ниже по уступам горы, как и в Тингри, город обычной тибетской постройки.

В провинции К'ам восстание. Спешно объявлена мобилизация. Даже из Западного Тибета, из Тингри, мобилизуют двести пятьдесят человек. Далее по деревням на Шекар приказ о мобилизации везли наши грузовые яки – здесь не спешат. Любопытно, что приказ был написан на красной материи, которой обернута черная стрела со сломанным наконечником.

Разумеется, и крепость Шекар не представляет собой серьезного военного укрепления с точки зрения всякой военной техники. Наше впечатление, что весь Тибет можно пройти или переодетым, или с небольшим, вооруженным автоматами отрядом. Конечно, дело в последнем случае идет только о прохождении, но никак не о завоевании. Трудность в последнем случае лишь в доставке продовольствия и снаряжения, так как серьезного вооруженного сопротивления Тибет оказать не может. В лучшем случае он в состоянии в разных местах выставить в общей сложности до девяти тысяч немного обученных солдат.

Мы смотрим на необыкновенно грязные фигуры лам желтой секты, лица, плечи и руки которых покрыты как бы эмалированным, лоснящимся и несмываемым черным слоем грязи, и говорим о необходимости чистоты и умываний, но они при упоминании о воде зло и нагло хохочут, передразнивая наши жесты. Могут ли быть эти монастыри рассадниками просвещения и труда?

Мы видели лам из Таши-люмпо, которые сообщили, что после ухода Таши-Ламы из Тибета на их монастырь налагают самые неожиданные и непомерные налоги. Из бывших там трех тысяч лам осталось две-три сотни. Все остальные или бежали через границу, или скитаются в более глухих местностях Тибета.

Наглость и назойливость лам и населения Внутреннего Тибета невероятны. Целый день толпа осаждает наши палатки, вторгается в них и выпрашивает подаяния. Ламы приходят с барабанами и, когда им не подают, устраивают «кошачьи концерты». Тибет дошел до крайних пределов духовной тьмы и нищеты.

В Тибете настолько распространено пьянство и употребление ячменного пива «чана» как питья, что даже маленькие дети просят дать им шо, чтобы купить «чан» «промочить горло». Просьба сопровождается или протягиванием ладони, или поднятием по-китайски большого пальца и потряхиванием всей руки.

К середине мая на юге Тибета нет еще зеленой травы, вода в ручьях покрывается за ночь тонким слоем льда. Тальник и ивы, культивируемые в редких монастырских садах, еще голы. На редких полях, хотя это «земледельческий» район, посев ячменя еще не всходил. Высота долин наименьшая 12.000 футов. С другой стороны, днем нередок палящий зной солнечных лучей. Спиртовой термометр показывал на солнце более +55° С, и наконец шарик лопнул.

После Шикара земледелие еще встречается в небольших размерах в долине реки Арун, текущей из Непала в Южный Тибет и далее в Сикким. Местами эта песчаная долина покрыта терном и колючими растениями, употребляемыми здесь как топливо.

Говорить о земледелии Тибета, конечно, надо с оговоркой и что оно самое примитивное, и вся посевная площадь его едва ли не меньше самого малого уезда. Сеют преимущественно ячмень. Картофель, редька, репа и лук редки.

Все рассказы о подвижности тибетцев, об их работоспособности, уме и сметливости совершенно не соответствуют действительности. Тибетец ленив и легкомыслен, подвержен пьянству, необычайной лживости, совершенно невежествен и неразвит. О быстроте движения караванов в Тибете не может быть двух мнений. Тибетец не привык вставать рано, долго ест цампу, сырое мясо и пьет чай. Медленно и неумело грузит и потом медленно же и с остановками идет за грузовыми животными, по преимуществу яками, или – на юге – маленькими, но сильными тибетскими осликами вороной или серой масти. Мульи караваны редки, так как мулы дороги и потому на них могут отправлять караваны только купцы как более состоятельные люди.

В Тин-кве, в монастыре Таши-чумбю («место счастливых приношений»), нас встретил «перевоплощенец». На вопрос, что может нам сказать он о Майтрейе и Шамбале, «перевоплощенец» ответил, что ничего не знает, но в запертом помещении имеется танка Шамбалы, а ключ от этого помещения у ламы, который сейчас отсутствует. В храме, который мы посетили, будучи в этом монастыре, грязь и тьма. Изображений в темноте из-за копоти не видно.

К сожалению, должны отметить, что при прохождении по Центральному Тибету после Тингри начали замечать пропажу мелких вещей. Впрочем, старшины предупреждали нас смотреть за вещами, очевидно, зная нравы своих соотечественников.

В Центральном же Тибете было несколько симулятивных обращений к врачу с целью его испытания. Тибетец строил жалобную мину и приходил со скорченной кистью руки. Когда же врач решительно заявлял, что рука здорова, тогда она разжималась, и мнимый больной нагло смеялся. И в этих случаях источником попыток обмана являлось то же невежественное самомнение и лживость, от которых, как и от пьянства, поистине гибнет Тибет.

После Шикара на юге Тибета везде едят рыбу и яйца, даже яйца диких гусей, и заявляли нам о том, что можно стрелять куланов.

Кампа-цзонг – старинная крепость на невысоком скалистом гребне. Очень оригинально построена по его скату. На самом верху, над обрывом скалы в долину; здание в виде прямоугольника казарменного типа. Дом «губернатора» внизу скалы ничем не отличается от других каменных домов местечка. Перед крепостью среди каменно-песчаных гор и холмов – зеленая долина с журчащими канавками воды. И все это на фоне высоких снеговых вершин Гималаев, откуда тянет прохладный ветерок. Отсюда всего семь миль до пограничной с Сиккимом тибетской деревни Ки-ру. Далее перевалы Се-по-ла и Ка-ру-ла ведут в долину реки Лачена к местечку Тангу, до которого от тибетской границы двадцать миль, то есть около 7–8 часов перехода.

Если ночью до пяти часов утра, когда еще темно, смотреть от Кампа-цзонга или еще лучше с границы Тибета от Ки-ру в направлении Дарджилинга, то в этой стороне Сиккима сверкают почти беспрерывно зарницы, освещая снеговые вершины Гималаев. Вот почему Дарджилинг и назван «страной молний» (Дорджи-линг, как называют его тибетцы). Сикким ранее, как и Ладакх, входил в состав территории Тибета.

Такой красоты видов, как в центре Гималаев, начиная с Тангу, через Гангток и до Дарджилинга, мне нигде не приходилось видеть. Тут и высокие снежные вершины, по которым ползут облака, как туманы; низвергающиеся с шумом с высот водопады; молочно-белые, пенистые, скачущие через камни горные реки, с оглушительным шумом клубящиеся и пенящиеся в ущельях; все склоны гор и долины, сплошь заросшие рододендронами, цветущими в середине мая белыми, желтыми, розовыми и пурпуровыми цветами; масса других цветущих кустарниковых и травянистых растений, примулы, земляника и большие кошачьи лапки, балю с водянисто-прозрачными белыми и розовыми цветами; туи, со стволами в два обхвата, и гималайские кедры, деодары, с горизонтальными ветвями верхушек.

Балю – кустарниковое растение с темно-зелеными, снизу бурыми, гладкими по краям, продолговато-яйцевидными листьями. Цветет в середине мая белыми и розовыми, прозрачными, как бы водянистыми, трубчатыми у основания, пятилепестными цветами, имеющими пять тычинок и пестик. Именно этим растением преимущественно питаются мускусные бараны, дающие наилучший мускус, вывозимый из Тибета и Сиккима в Китай. Оттуда он идет в Европу под именем тонкинского по необычайно дорогой цене. Бараны зимой даже спят и согреваются около этих кустов. Все растение издает приятный ароматический запах, в особенности его листья при растирании руками. Вкус их терпкий, смолистый, напоминающий мускус.

Другое замечательное растение Гималаев – это деодар, гималайский кедр, дающий особую кедровую смолу слабого смолянистого запаха, слегка горьковатого вкуса, прозрачно-белую, липкую и нежную, легко растворимую и удобопринимаемую внутрь в миндальном или оливковом маслах. По учению высоких Учителей Востока – Махатм, давших только теперь впервые медицину Агни-Йоги, – кедровая смола деодаров – это один из так называемых «жизнедателей». Другой жизнедатель – это мускус тибетских баранов, но только особо обработанный, именно так, чтобы устранить из него ароматическое возбуждающее вещество, оставив строму, или так называемую *сому*.

Два слова о галках. В Гималаях красивые галки – совершенно черно-вороного цвета со светло-желтым клювом и красными лапками.

В Гангтоке махараджа Сиккима рассказывал нам, что вещи, принадлежавшие Таши-Ламе, распродавались лхасским правительством. В руки торговцев пошли за гроши редкие древние танки и другие священные предметы. Что сказать еще о таком кощунстве и варварстве тибетцев, называющих себя буддистами?!

5

ПРИМЕЧАНИЯ

ВСТУПЛЕНИЕ

[1] *См.* Рерих Ю.Н., *По тропам Срединной Азии,* «Агни», Самара. 1995 — *Прим. ред.*

[2] Унгерн фон Штернберг Р.Ф. (1886—1921) — российский барон, генерал-лейтенант, в 1921 г. — фактический диктатор Монголии. В 1921 г. расстрелян Сибирским ревтрибуналом. — *Прим. ред.*

[3] Дже-лама (Джа-лама) — Тен-пей Джал-дзен (Астрахань, начало 1880-х гг.— 1923) — одна из самых противоречивых фигур монгольской революции 1911—12 гг. против китайского владычества, впоследствии прославившийся крайней жестокостью. Сотрудничал с бароном Унгерном. Подробнее *см.* Рерих Ю.Н., По тропам Срединной Азии, с. 211—220.

[4] *См.* П. Тейяр де Шарден. *Феномен человека.* М., 1987; П. Тейяр де Шарден. *Божественная среда* (Памятники религиозно-философской мысли). М., 1992; Вернадский В.И. *Проблемы биогеохимии.* — Труды Биогеохимической лаборатории. т. 16, М., 1980. — *Прим. авт.*

[5] *См.* Владимир Вернадский. *Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников, суждения потомков.* М., 1993. См. также: Росов В.А. *В.И. Вернадский и русские востоковеды.* С.-П., 1993. — *Прим. авт.*

[6] Рябинин К.Н. *Развенчанный Тибет.* с. 31, 34 — *Прим. авт.*

[7] Русское название г. Улан-Батор до 1924 г. — *Прим. ред.*

[9] Портнягин П.К. *Дневник.* Рукопись. Архив «Урусвати». — *Прим. авт.*

[10] Дже-лама — руководитель бандформирований в Монголии, Тибете. — *Прим. ред.*

[11] Рябинин К.Н. *Развенчанный Тибет,* с. 118. — *Прим. авт.*

[12] Рябинин К.Н. *Развенчанный Тибет.* с. 198—199 — *Прим. авт.*

[13] Рябинин К.Н. *Развенчанный Тибет.* с. 211—212 — *Прим. авт.*

[14] Рерих Н.К., *Избранное.* Сост. Сидоров В.М., М., 1979, с. 137—138. — *Прим. авт.*

[15] Портнягин П.К., *Дневник.* Рукопись. Архив «Урусвати» — *Прим. авт.*

[16] Рерих Ю.Н. *Дневник.* Рукопись. Архив «Урусвати». — *Прим. авт.*

[17] Ф.М. (Эрик) Бэйли (1882—1967) — английский разведчик, полковник и ученый, сотрудник Политического департамента. Активный участник разведопераций в Советской Средней Азии, впоследствии — резидент в Сиккиме, Кашмире и посланник при Непальском королевском дворе. Один из самых талантливых тибетологов. *См.* Bailey, Colonel F.M., No Passport to Tibet, L., 1957. — *Прим. ред.*

[18] Гуру — в индуизме — духовный наставник и учитель. — *Прим. ред.*

[19] «Большая игра» — так в западной исторической литературе называют стратегическое соперничество великих держав, особенно Англии и России, за влияние в малоисследованных районах Центральной Азии в XIX — первой половине XX вв. — *Прим. ред.*

[20] Chetwode P., Kulu. *The End of the Habitable World.*, L., 1972, с. 155. — *Прим. авт.*

[21] Архаты — буддистские святые, достигшие просветления своим трудом и для себя; те, кто достиг полного духовного совершенства при жизни. — *Прим. ред.*

[22] Рябинин К.Н. *Развенчанный Тибет*, с. 672. — *Прим. ред.*

[23] Рерих Н.К. *Избранное*, с. 139—140. — *Прим. авт.*

[24] Также впервые группу сопровождало телевидение во главе с известным тележурналистом и комментатором С.Н. Алексеевым и руководитель отделения ИТАР ТАСС в Дели С.В. Кармалито. Снимал все на пленку оператор К.О. Арцеулов, прямой потомок другого великого русского художника — И.К. Айвазовского.

[25] См. Е. Полякова, *Николай Рерих*, М., «Искусство», 1988, с. 17.

[26] Пишется также: Кам, Кхам. — *Прим. ред.*

[27] «Община», §232, М., МЦР, 1994 г.

[28] «Община», §203, М., МЦР, 1994 г.

[29] «Листы Сада Мории» («Озарение») ч. 3, V, §18, 1925 г.

[30] «Листы Сада Мории» («Озарение») ч. 3, VI, §4, 1925 г.

[31] Джагдиш Чандра Бос (1858—1937) — индийский ученый, лауреат Нобелевской премии, основавший в 1917 г. в Калькутте Институт исследований по ботанике, биологии, биохимии и физики. — *Прим. ред.*

[32] Томас Алва Эдисон (1847—1931) — американский изобретатель в области электротехники и предприниматель. — *Прим. ред.*

[33] Доминик Франсуа Араго (1786—1853) — французский ученый и политический деятель. — *Прим. ред.*

[34] Названия географических пунктов в максимально возможной степени приведены в соответствие с современным их написанием в географических ат-

ласах. В целом издатели не подвергали радикальной правке текст дневников для сохранения их специфической самобытности. — *Прим. ред.*

[35] А.Н. Бенуа (1870—1960) — русский художник, историк искусства и критик, идеолог «Мира искусства». — *Прим. ред.*

[36] Л.Н. Андреев (1871—1919) — известный русский писатель, друг Н.К. Рериха. — *Прим. ред.*

[37] А.И. Куинджи (1841—1910) — русский живописец-передвижник, учитель Н.К. Рериха. — *Прим. ред.*

[38] Игнасио Зулоага (1870—1945) — испанский живописец. — *Прим. ред.*

[39] Д.Д. Бурлюк (1882—1967) — русский поэт и художник, один из основателей русского футуризма, с 1920 г. в эмиграции. — *Прим. ред.*

Часть I. УРГА–ЮМ-БЕЙСЕ

[1] Доньер — курьер, посыльный, вестовой. — *Прим. ред.*

[2] Дольмен — мегалитическое сооружение в виде большого каменного ящика, накрытого плоской плитой. — *Прим. ред.*

[3] Обо — придорожная насыпь для совершения около нее молитв. — *Прим. ред.*

[4] Менгир — мегалитическое сооружение, врытый вертикально в землю камень высотой 4—5 м и более. — *Прим. ред.*

[5] Дунгане — тюркский народ в Китае, Казахстане и Киргизии, мусульмане-сунниты. — *Прим. ред.*

[6] Торгоуты (торгуты) — народность, обитающая в Западной Монголии. — *Прим. ред.*

[7] Танка (тханка) — тибетская живописная икона, изображенная на ткани. — *Прим. ред.*

[8] Свами Вивекананда (1863—1902) — индийский мыслитель-гуманист, религиозный реформатор и общественный деятель. — *Прим. ред.*

[9] Рамакришна (Гададхар Чаттерджи) (1836—1886) — индийский религиозный мыслитель и общественный деятель. — *Прим. ред.*

[10] Анатоль Франс (Анатоль Франсуа Тибо) (1844—1924) — французский писатель, лауреат Нобелевской премии (1921). — *Прим. ред.*•

Часть II. ЮМ-БЕЙСЕ–ШИБОЧЕН

[11] «Ohm Mani Padme Hum» — для востоковедов и непосвященных масс фраза «Ом Мани Падме Хум» означает просто «О, драгоценность в Лотосе». Эзотерически она означает — «О, мой Бог внутри меня». В каждом человеческом существе есть Бог, ибо человек был и снова станет Богом. Эта фраза ука-

зывает на нерасторжимый союз между Человеком и Вселенной. Ибо Лотос есть всемирный символ Космоса как абсолютного всего, а Драгоценность есть Духовный Человек, или Бог. (*См.* Блаватская Е., «*Тайная Доктрина*», т. 3, с. 390).

[12] Томас Майн Рид (1818—1883) — английский писатель, автор авантюрно-приключенческих романов. — *Прим. ред.*

[13] Хунхузы — китайские бандиты. — *Прим. ред.*

[14] Фердинанд Оссендовский — польский ученый-геолог, сопровождавший барона Унгерна в его кровавых походах по Центральной Азии, написавший об этом интересные воспоминания. *См.* «*И звери, и люди, и боги*», М., РИЦ «Пилигрим», 1994. — *Прим. ред.*

[15] Цзонг — укрепленный замок, форт в Тибете и гималайских королевствах — Бутане, Сиккиме и Непале. — *Прим. ред.*

[16] Восстание дунган в Китае (1862—1877 гг.) против национального гнета китайско-манчжурских феодалов и династии Цин. — *Прим. ред.*

Часть III. ШИБОЧЕН–ШАРАГОЛЬЧЖИ

[17] Юан Шикай (1859—1916) — президент Китая с 1912 г., после свержения династии Цин. — *Прим. ред.*

[18] Голоки — тибетское разбойничье племя номадов, промышлявшее грабежами. — *Прим. ред.*

[19] Сэр Марк Аурел Стейн (1862—1943 гг.) — известный британский (венгерского происхождения) ученый-востоковед, путешественник по Индии, Центральной Азии и Тибету. Автор многих научных трудов. Практически всю жизнь провел в Азии. Умер и похоронен в Кабуле. — *Прим. ред.*

[20] Святослав Николаевич Рерих (1904—1993 гг.) — сын Н.К. Рериха, в то время находившийся в США. — *Прим. ред.*

[21] Дуньхуан — древний город в Китае (Ганьсу) с известными Буддистскими пещерными монастырями IV в. — *Прим. ред.*

[22] Поль Пеллио (1878—1945 гг.) — известный французский востоковед-синолог и путешественник. Член Академии надписей и изящной словесности. Участник Движения Сопротивления. — *Прим. ред.*

[23] Калачакра — в эзотерическом буддизме «колесо времени», обеспечивающее достижение нирваны в течение одной жизни. — *Прим. ред.*

[24] Фут — английская мера длины, принятая также в России до введения метрической системы и приблизительно равная длине ступни человека. Фут в разных странах имеет различную величину; русский и английский фут равен 12 дюймам, или 30,479 см. — *Прим. ред.*

[25] Бон-по — исконная религия Тибета, впоследствии принявшая некоторые черты буддизма. Сохранила постулаты шаманизма, считается культом темной магии и колдовства. — *Прим. ред.*

Часть IV. СТОЯНКА В ШАРАГОЛЬЧЖИ

[26] Александра Дэви-Неел (1868—1969) — первая женщина-путешественница, посетившая Тибет и добравшаяся до Лхасы в 1923 г. В 1925 г. вернулась во Францию. Член Теософического Общества. Умерла в возрасте 100 лет. *См.* А. Дэви-Неел. «*Посвящения и посвященные в Тибете*». ОРИС, С.-П., 1994. — *Прим. ред.*

[27] Таши-Лама (Панчен-Лама) — второе по иерархии после Далай-Ламы лицо в Тибете, настоятель монастыря Таши-Люмпо. — *Прим. ред.*

[28] Гэсэр-хан — «Владыка десяти стран света» из эпического цикла устных и письменных сказаний Центральной и Восточной Азии XVI—XVII веков. — *Прим. ред.*

[29] Тибетское летоисчисление. — *Прим. автора.*

[30] Е.П. Блаватская (1831—1891 гг.) — русская писательница и теософ, основатель Теософического Общества, автор «*Тайной Доктрины*» и других теософических трудов. — *Прим. ред.*

[31] Манихейство — религиозное учение, основанное в III в. Мани, который проповедовал в Персии, Средней Азии и Индии. Основано на дуалистическом учении борьбы добра и зла, света и тьмы. Распространилось от Китая до Испании, в VIII в. — господствующая религия в Уйгурском царстве. — *Прим. ред.*

[32] Авалокитешвара (санск.) — «Наблюдающий Господь». В экзотерическом тибетском истолковании он — Падмапани, первый божественный предок тибетцев, полное воплощение или Аватар Авалокитешвары; однако в эзотерической философии Авалоки, «наблюдатель», является Высшим Я, в то время как Падмапани является Высшим Эго или Манасом. Народная фантазия говорит о множестве земных воплощений Авалокитешвары. *См. «Теософский словарь»* Е.П. Блаватской. — *Прим. ред.*

[33] Бамиан — вырубленный в скалах комплекс буддистского монастыря I—VIII вв.; свыше 2 тыс. гротов с лестницами и переходами, статуи Будды, в т. ч. высотой 53 и 35 метров, росписи, резной декор. — *Прим. ред.*

[34] Ауробиндо Гхош (1872—1950) — индийский религиозный философ и поэт, деятель национально-освободительного движения, стремился к синтезу индийской и европейской философских школ. — *Прим. ред.*

[35] Ромен Роллан (1866—1944) — французский писатель, музыковед и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии (1915 г.). — *Прим. ред.*

[36] Филипп Эдуард Антон Ленард (1862—1947) — немецкий физик, исследовавший природу катодных лучей. Лауреат Нобелевской премии (1905 г.). Активный нацист. — *Прим. ред.*

[37] Кордашевский Н.В. — заведующий охраной Миссии. — *Прим. автора.*

[38] Голубин — заведующий хозяйством Миссии. — *Прим. автора.*

[39] Вольфрам фон Эшенбах (1170—1220) — дворянин из Восточной Франконии, стал знаменит благодаря своему роману «Парцифаль» (1200—1210), полному глубоких мыслей и написанному великолепным языком. — *Прим. ред.*

[40] Er heisset Lapis exilis... Solehe Kraft dem Menschen giebt der Stein, Dass ihm Fleisch und Bebein Wieder jung wird gleich Zur Hand Dieser Stein ist Graal genanut (Parzival und Titurel, IX, 469, Stuttgart, 1883, p. 175—176). — *Прим. автора.*

[41] Хэйхатиро Того (1847—1934) — японский адмирал флота, командовал японским флотом под Порт-Артуром, в сражении в Желтом море и в Цусимском сражении в русско-японской войне. — *Прим. ред.*

[42] Веданта — одна из наиболее распространенных индуистских ортодоксальных религиозно-философских систем, признающих авторитет Вед. — *Прим. ред.*

[43] Акаша — Тонкая, сверхчувственная духовная сущность, наполняющая все пространство. Фактически она является Всемирным Пространством. — *Прим. ред.*

[44] Лекции Свами Вивекананды в Лондоне и Нью-Йорке в 1896 году. — *Прим. автора.*

[45] Здесь и далее К.Н. Рябинин часто называет экспедицию «посольством», а Н.К. Рериха — послом Западных буддистов. — *Прим. ред.*

Часть V. УЛАН-ДАБАН–ЦАЙДАМ–НЕЙЧЖИ

[46] Карл Риттер (1779—1859) — немецкий географ, развивший сравнительный метод в географии, идеи которого во многом определили развитие географической мысли в XIX — начале XX веков. По-тибетски перевал называется Дакэн-дабан. — *Прим. ред.*

[47] Фингаловая пещера — пещера в Великобритании на побережье о. Стаффа. Длина около 70 м, высота до 30 м. — *Прим. ред.*

[48] «Мир вам, русские!» (мусульманское приветствие). — *Прим. ред.*

[49] Ли — китайская мера пути (около 4 верст). — *Прим. автора.*

[50] Ригден-Джапо — Владыка Шамбалы и Покровитель Мира, который должен прийти к власти после победы Добра над Злом. — *Прим. ред.*

[51] Вильгельм Фильхнер (1877—1957) — немецкий исследователь Центральной Азии и Антарктики, занимался измерением земного магнетизма. — *Прим. ред.*

[52] Тушеная говядина с кукурузой (англ.). — *Прим. ред.*

[53] Lt.-Col. L. A. Waddell, Lhasa and its Mysteries, L., 1905. — *Прим. ред.*

[54] Панаги — племя кочевников на северо-востоке Тибета. — *Прим. ред.*

[55] Гонбоджаб Цэбекович Цыбиков (1873—1930) — русский и советский этнограф и языковед, автор работ по монгольской и тибетской филологии и этнографии. — *Прим. ред.*

Часть VI. СНЕГОВЫЕ ХРЕБТЫ ТИБЕТА. ЧАНТАНГ

[56] Идам — магический покровитель и защитник человека, дух. В медитации человек отождествляет себя с ним. — *Прим. ред.*

[57] Г.Д. Гребенщиков (1883—1964 гг.), псевдоним — Сибиряк. Русский писатель. Основные произведения связаны с описанием жизни и быта деревни. С 1920 г. — в эмиграции сначала во Франции, затем в США. — *Прим. ред.*

[58] Луис Хорш — доверенное лицо и спонсор Рерихов в США, впоследствии жестоко и вероломно предавший их. — *Прим. ред.*

Часть VII. ЗАДЕРЖАНИЕ В ЧОРТЕН-КАРНО. ЧУ-НАРГЕН

[59] Девашунг — тайный совет при Далай-Ламе, исполнявший роль «благословенного» правительства Тибета. — *Прим. ред.*

[60] Альберт Грюнведель (1856—1935 гг.) — немецкий ученый-востоковед и путешественник. — *Прим. ред.*

[61] Фунт — русская мера веса, равная 409,5 г. — *Прим. ред.*

[62] Через Калькутту (англ.). — *Прим. ред.*

[63] Парацельс (Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм) (1493—1541гг.) — величайший оккультист средневековья, врач и естествоиспытатель, один из основателей астрохимии. — *Прим. ред.*

[64] Через Индию в Лхасу (англ.). — *Прим. ред.*

[65] Сецессион — название объединения художников в Мюнхене (1892), Вене (1897), Берлине (1899), отвергших академические доктрины, выступивших провозвестниками стиля «модерн». — *Прим. ред.*

[66] Аттиша (Атиша) (982—1054 гг.) — проповедник буддизма в Тибете, автор ряда канонических произведений. Возведен в ранг Бодхисаттвы — воплощение Манджушри. — *Прим. ред.*

[67] Миларепа (1040—1123 гг.) — буддистский отшельник, возведенный в ранг святых как великий целитель, поэт и йог. — *Прим. ред.*

[68] Фивы — древнеегипетский город, религиозный и культурный центр фараонов XI династии (22—20 вв. до н.э.). Археологические раскопки в Луксоре, Карнаке и др. — *Прим. ред.*

[69] Сиена — город в Центральной Италии, где зародилась сиенская школа живописи в 13 — начале 14 вв. (Дуччо ди Буонинсенья, С. Мартини, А. и П. Лоренцетти). — *Прим. ред.*

[70] Роланд (?-778) — франкский маркграф, участник похода Карла Великого в Испанию в 778 г., герой эпоса «Песнь о Роланде». — *Прим. ред.*

[71] Элефанта — остров в Бомбейской бухте со скальными храмами. — *Прим. ред.*

Часть VIII. ТИБЕТСКАЯ КАЗНЬ. МОНАСТЫРЬ ШАРУГОН

[72] Сэр Чарльз Бэлл (1870—1945 гг.) — выдающийся английский тибетолог-востоковед. Прожил 18 лет в Тибете. Один из инициаторов экспедиции на Эверест. Личный друг Далай-Ламы XIII. *См.* Charles Bell. *«The Religion of Tibet»*, Oxford, 1968. — *Прим. ред.*

[73] Намтар — жизнеописание буддистских святых. — *Прим. ред.*

[74] Дж. Перейра — британский военный атташе в Пекине, предпринявший путешествие из Китая в Индию через Тибет в 1922 г. Первый из иностранцев увидел Эверест с восточной стороны. — *Прим. ред.*

[75] Эверест (Джомолунгма [*тиб.*], Сагарматха [*неп.*]) — 8.848 м, самая высокая вершина планеты, находится на границе Непала и Китая. — *Прим. ред.*

[76] Канченджанга — вершина в Больших Гималаях (8.585 м), на границе Непала и индийского штата Сиккима. — *Прим. ред.*

Часть IX. НАГЧУ

[77] Менданг — святилище, кумирня в Тибете и Гималаях. — *Прим. ред.*

[78] Свен Андерс Гедин (1865—1952 гг.) — известный шведский ученый-тибетолог, путешественник по «шелковому пути» и археолог. Автор многих монографий. — *Прим. ред.*

[79] *См.* W. MacGovern. «*To Lhasa in Disquise*», L., 1924. — *Прим. ред.*

[80] Падма Самбхава — индийский буддистский проповедник, приглашенный в 747 г. в Тибет для распространения Учения. Почитается святым. — *Прим. ред.*

[81] Св. Фома — один из апостолов Христа, требовавший доказательств Его Воскресения (Иоан. 20:24—29). По легенде, уехал в Индию, где умер и похоронен около Мадраса. — *Прим. ред.*

[82] Аполлоний Тианский — замечательный философ, родившийся в начале I в. в Каппадакии, Посвященный, побывавший в *Обители Мудрецов* в Гималаях. — *Прим. ред.*

[83] Иосиф Флавий — древнееврейский историк, автор книги *«Иудейская война»* и других произведений. — *Прим. ред.*

[84] Мания величия (лат.). — *Прим. ред.*

Часть X. ОТ НАГЧУ ДО БРАХМАПУТРЫ

[85] Электрический разряд в атмосфере в форме светящихся пучков, возникающих на острых концах высоких предметов. Название от башен церкви Св. Эльма, где они часто появлялись. — *Прим. ред.*

[85a] «Варлаам и Иосааф» (в восточных версиях — «Билавхар и Будасаф») — всемирно знаменитая нравоучительная повесть, в основе которой индийская история царевича Будды, изложенная в VI-VII вв. на сасанидском языке. Индийский царевич Иоасаф был канонизирован христианством в 1583 г. Православные празднуют день его памяти 19 ноября. — *Прим. ред.*

[86] Сборники житий святых, составленные по месяцам в соответствии с днями чествования церковью памяти каждого. — *Прим. ред.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

[87] Рябинин К.Н., *Развенчанный Тибет*, с. 3. — *Прим. ред.*

[88] Рябинин К.Н., *Развенчанный Тибет*, с. 693. — *Прим. ред.*

[89] Материалы архивов ФСК России (копии у автора послесловия). — *Прим. ред.*

[90] Там же. — *Прим. ред.*

[91] Рерих Н.К. *«Избранное»*, М., «Советская Россия», 1979. — *Прим. ред.*

[92] Рерих Ю.Н. «*По тропам Срединной Азии*», г. Самара, Издательство «Агни», 1994 г, с. 230. — *Прим. ред.*

[93] А.Г. Топчиев является внучатым племянником К.Н. Рябинина. — *Прим. ред.*

[94] Выделено редактором.

[95] Выделено редактором.

[96] G. Roerich переведет биографию этого мистического лица. — *Прим. автора.*

[97] Ашваґхоша — буддийский поэт, живший в I в. н. э., автор поэмы «Жизнь Будды». — *Прим. ред.*

[98] Нагарджуна — Архат, отшельник, обращенный в буддизм Капилой, теперь считается Бодхисаттвой-Нирманакаей. Он был знаменит своей диалектической утонченностью в метафизических спорах. Считается величайшим философом буддистов. Родился в 233 г. до Р.Х. *См. «Теософский словарь»* Е.П. Блаватской.

[99] Выделено издателем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ВАРИАНТ ПРЕДИСЛОВИЯ ДЛЯ НЬЮ-ЙОРКСКОГО ИЗДАНИЯ . . . 3
ДРАМА В ГОРАХ (ПРЕДИСЛОВИЕ) . . . 5
НАПУТСТВИЕ УЧИТЕЛЯ ВОСТОКА . . . 26
ОТ АВТОРА . . . 27
ВСТУПЛЕНИЕ . . . 31
РАЗВЕНЧАННЫЙ ТИБЕТ . . . 37
Часть I. УРГА–ЮМ-БЕЙСЕ . . . 39
Часть II. ЮМ-БЕЙСЕ–ШИБОЧЕН . . . 63
Часть III. ШИБОЧЕН–ШАРАГОЛЬЧЖИ . . . 89
Часть IV. СТОЯНКА В ШАРАГОЛЬЧЖИ . . . 135
Часть V. УЛАН-ДАБАН–ЦАЙДАМ–НЕЙЧЖИ . . . 217
Часть VI. СНЕГОВЫЕ ХРЕБТЫ ТИБЕТА. ЧАНТАНГ . . . 271
Часть VII. ЗАДЕРЖАНИЕ В ЧОРТЕН-КАРНО. ЧУ-НАРГЕН . . . 325
Часть VIII. ТИБЕТСКАЯ КАЗНЬ. МОНАСТЫРЬ ШАРУГОН . . . 461
Часть IX. НАГЧУ . . . 525
Часть X. ОТ НАГЧУ ДО БРАХМАПУТРЫ . . . 599
ПОСЛЕСЛОВИЕ . . . 673
ПРИЛОЖЕНИЯ . . . 687
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ . . . 688
1. ПИСЬМО Н.К. РЕРИХА БУДДИЙСКОМУ ЦЕНТРУ В НЬЮ-ЙОРКЕ . . . 689
2. ТЕЛЕГРАММА ПРЕЗИДЕНТУ ХОРШУ В НЬЮ-ЙОРК ДЛЯ СООБЩЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ . . . 703
3. ПРОЕКТ ПИСЬМА Н.К. РЕРИХА ЛХАССКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ . . . 705
4. ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ЗАРИСОВОК ТИБЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ . . . 711
5. ПРИМЕЧАНИЯ . . . 722

«АГНИ»

Издательство духовно-этической литературы и литературы по искусству

Осуществляет цветоделение, фотонаборные работы, тиражирует высококачественные видеофильмы с цифро-вого источника записи. Издательство обладает новейшей технологией создания электронных копий картин великих художников.

Адрес: 443056, Самара, Московское шоссе, 16-а
тел. (8462) 35-68-21
факс (8462) 35-86-08

Для получения каталога и условий пересылки необходимо
прислать конверт с обратным адресом.
Адрес для почты: 443086, г. Самара,
а/я 10329, ООО «АГНИ».

«АГНИ»

Издательство духовно-этической литературы и литературы по искусству

Отдел «КНИГА — ПОЧТОЙ»

Высылает:
— книги духовно-этического и философского направлений как нашего, так и многих других издательств;
— видеофильмы, посвященные творчеству Н.К. Рериха и С.Н. Рериха;
— сборники классической музыки на аудиокассетах (TDK-90).
Гарантируем качественное выполнение заказов в кратчайшие сроки.
Приглашаем стать постоянными абонентами картотеки отдела «КНИГА — ПОЧТОЙ».
Для получения каталога и условий пересылки необходимо прислать конверт с обратным адресом.

Наш адрес: 443086, г. Самара, а/я 10329
ООО «АГНИ», Отдел «КНИГА — ПОЧТОЙ»
Телефон для справок: (8462) 35-68-21

Вышли из печати:

РЕРИХ Ю. Н. *ПО ТРОПАМ СРЕДИННОЙ АЗИИ. Пер. с англ., переплет, суперобложка, 500 с., ил., 1994*

Книга ученого-востоковеда с мировым именем Ю. Н. Рериха знакомит с дневниковыми записями, сделанными им во время наиболее грандиозной по своей продолжительности, протяженности маршрута и задачам Центрально-Азиатской экспедиции 1925—1928 гг. Речь идет о посещении экспедицией наиболее недоступных и неисследованных на то время мест в Центральной Монголии, Тибете и Гималаях.

В книге 154 черно-белые фотографии, 54 цветные репродукции полотен Н. К. Рериха, подробные карты с маршрутами экспедиции. Издание подготовлено при содействии Нью-Йоркского музея Н. К. Рериха и мемориального музея-квартиры Ю. Н. Рериха в Москве.

БЕЛИКОВ П. Ф., КНЯЗЕВА В. П. *НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ РЕРИХ. 3-е изд., доп., переплет, 200 с., ил., 1996*

В 1972 году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга «РЕРИХ» (авторы П. Беликов и В. Князева), с интересом принятая читателями и прессой. С тех пор прошло более двадцати лет. За это время появились новые исследования о жизни и творчестве Николая Константиновича, давшие возможность подойти к более углубленной оценке его вклада в русскую и мировую культуру. Эти работы использованы в переиздаваемой монографии. Значительно расширился также иллюстративный материал книги. Введены цветные репродукции произведений художника.

ЯКОВЛЕВА Е. П. *ТЕАТРАЛЬНО-ДЕКОРАЦИОННОЕ ИСКУССТВО Н. К. РЕРИХА. Переплет, 272 с., ил., 1996*

Книга-альбом посвящен одному из наиболее ярких и малоизученных видов творчества художника. Помимо иллюстрированного текста монографии, основанного на большом художественном и документальном материале, издание включает наиболее полный на сегодняшний день каталог театральных эскизов Н. К. Рериха (427 каталожных описаний), сопровождаемых цветными (175) и черно-белыми (84) иллюстрациями. Книга-альбом содержит также разделы «Библиография» и «Указатели». Среди последних особый интерес представляет «Указатель театральных постановок, в оформлении которых принимал участие Н. К. Рерих».

РЕРИХ Н. К. *ГИМАЛАИ — ОБИТЕЛЬ СВЕТА. АДАМАНТ. Пер. с англ., переплет, суперобложка, 248 с., ил., 1996*

В книгу вошли два сборника Н. К. Рериха: «Гималаи — Обитель Света» и «Адамант».

Статьи, вошедшие в сборник «Гималаи — Обитель Света», большей частью публиковались ранее в других книгах. В отличие от точных, авторизованных переводов с русского на английский, к которым обычно прибегал Рерих, в сборнике автор употребляет другой метод, который можно сравнить с методом повторения тем в его живописи последнего периода.

Книга «Адамант» на английском языке составлялась Рерихом почти одновременно с русской книгой «Пути Благословения», и некоторые статьи вошли одновременно в обе книги. На русском языке сборники «Гималаи — Обитель Света» и «Адамант» издаются впервые.

Эти книги обращены к людям нового духовного мышления, тем, кто понял, что надо не твердить о путях красоты и мудрости, но действительно вводить их в повседневную жизнь.

ЧЕЛОВЕК В БЕСПРЕДЕЛЬНОСТИ. 3-е изд., перераб. и доп., переплет, 272 с.

По мере продвижения человечества по пути эволюции совершенствуются и накапливаются знания, повышается общий уровень сознания, становятся доступны те горизонты познания Истины, которые ранее не могли быть достижимы. При подготовке данной работы использовались материалы из книг серии «Агни Йога», писем Е. И. Рерих, статей и книг Н. К. Рериха, «Писем Махатм», «Тайной Доктрины» Е. П. Блаватской, А. И. Клизовского «Основы миропонимания современной эпохи», лекций Рериховского Центра Духовной Культуры (г. Самара).

Готовятся к печати:

МЕТЕРЛИНК М. *СОЧИНЕНИЯ*

Трехтомник известного бельгийского поэта и драматурга, лауреата Нобелевской премии (1911 г.) Мориса Метерлинка печатается по изданию М. В. Пирожкова, увидевшему свет в начале века. Сборник содержит пьесы, стихотворения, песни, избранную философскую прозу. По словам Метерлинка, драматический поэт вводит «в действительную жизнь свое понимание неизвестного. Он должен нам показать, каким образом, в какой форме, для какой цели влияют на наши судьбы те высшие силы, те непонятные воздействия, которыми, как это представляется его поэтическому пониманию, наполнен мир».

РЕРИХ. Переплет, суперобложка, 240 с., ил.

Издательство «Агни» переиздает номерной альбом «РЕРИХ», выпущенный в 1916 г. в количестве 500 экземпляров петербургским издательством «Свободное искусство». В данную работу вошли многочисленные репродукции картин художника, его литературные произведения, а также статьи, посвященные творчеству Н. К. Рериха, написанные такими выдающимися деятелями русской культуры, как Ю. Балтрушайтис, А. Бенуа, А. Гидони, А. Ремизов, С. Яремич. Издательство руководствовалось, с одной стороны, стремлением приблизить новое издание к оригиналу, с другой — улучшить качество иллюстрированного материала, используя все возможности современной полиграфии.

КАРКЛИНЯ И. Н. *КАПЛИ ЖИВОЙ ВОДЫ*

Книга «Капли живой воды» сороковая по счету в жизни Инги-Галины Карклиня, включившая фрагментально очерки, печатавшиеся ранее в периодике Латвии, Украины и России. Сложные духовные вопросы просматриваются сквозь призму трудной судьбы, которая свела автора со многими замечательными людьми нашего века.

Попав в юности в заполярный лагерь заключенных, Инга Карклиня оценила Учение Живой Этики, последователи которого, помогли выжить и духовно окрепнуть автору. Вернувшись в Латвию, она занялась исследовательской работой по родословной Рерихов и тех, благодаря кому состоялось Латвийской Общество им. Н. К. Рериха и кто нес «Негасимый свет духовности», как названа в книге первая глава. Во вторую — «На земле предков Рерихов» вошли искусствоведческие работы о современниках и сподвижниках Н. К. Рериха в области искусств. Автобиографические статьи, ранее известные под названием «Дневник на подкладке бушлата», «Автопортрет со свечой», «Автопортрет без свечи» и др. составили третью главу впервые печатающейся книги. В заключительную часть Инга-Галина Карклиня включила некоторые из очерков, составляющих ее духовное, литературное и художественное наследие.

Книга иллюстрирована фотоматериалами и авторскими работами из серии «Портреты без рам».

ПОДЛИННЫЕ ДНЕВНИКИ
ЭКСПЕДИЦИИ Н.К. РЕРИХА

К.Н.РЯБИНИН

РАЗВЕНЧАННЫЙ ТИБЕТ
1928

Редакция и подготовка к изданию ***А.М. Кадакин***
Верстка и техническая редакция ***Ю.А. Шабалин***
Литературная редакция и корректура ***М.Е. Белякова***
Ответственный за выпуск ***В.В Лизин***

Подписано в печать 10.01.97. Формат 70x100/16. Тираж 5000 экз.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 46.
Заказ № 165.

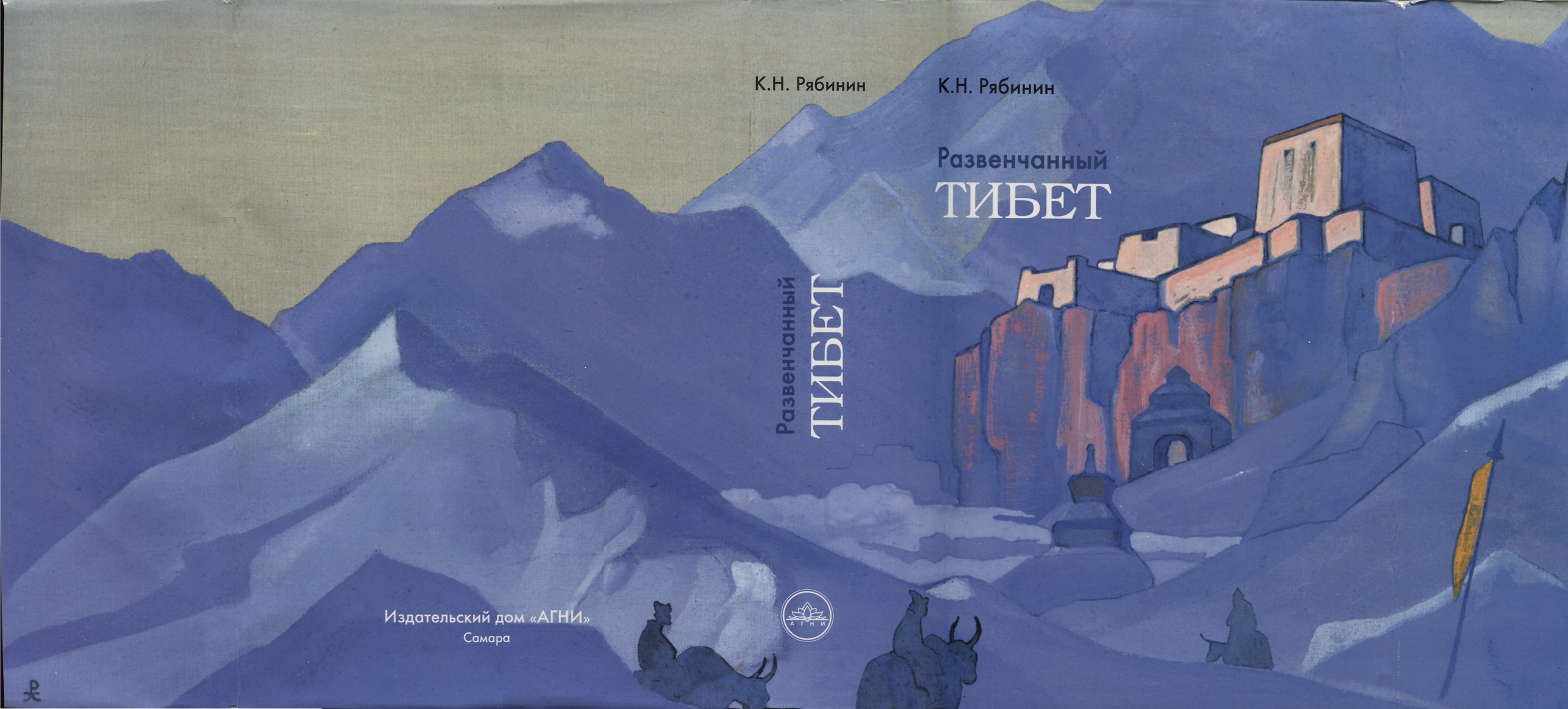
Издательство духовно-этической литературы «Амрита-Урал»,
455001, Россия, г. Магнитогорск – 1, а/я 40.
Отдел «Книга–почтой»
Тел/факс – (351-1) 35-97-33

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
издательства «Самарский Дом печати».
443086, г. Самара, пр. К. Маркса 201

23*

1928

РАЗВЕНЧАННЫЙ ТИБЕТ



К.Н. Рябинин

Развенчанный
ТИБЕТ

К.Н. Рябинин

Развенчанный
ТИБЕТ

Издательский дом «АГНИ»
Самара